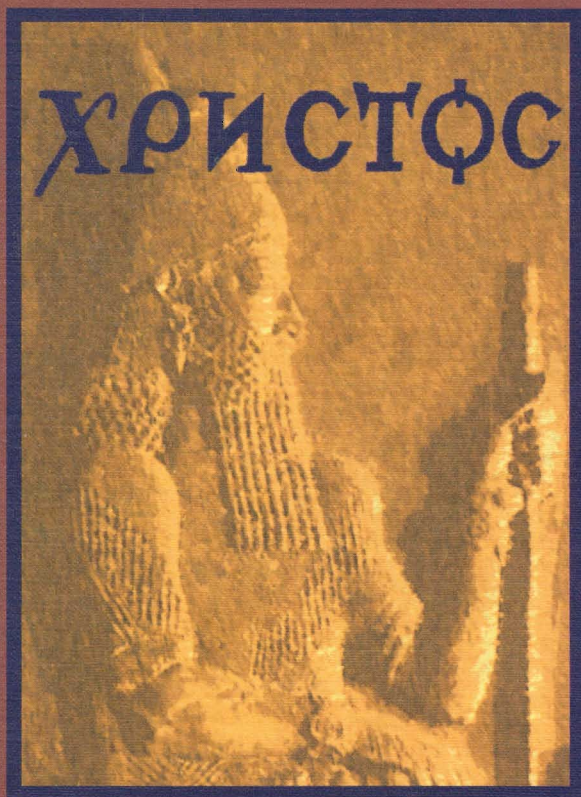
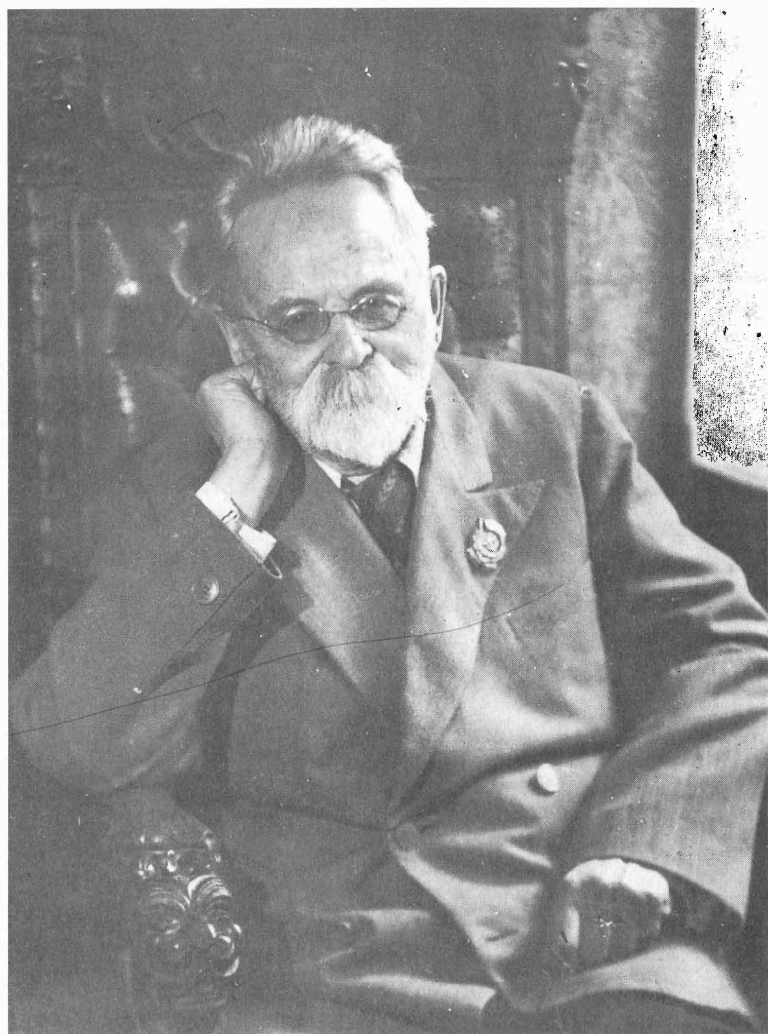

ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ
В ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

Н.А. Морозов

**Миражи исторических пустынь
между Тигром и Ефратом.
Клинопись**

**история человеческой культуры
в естественно научном освещении**

история человеческой культуры
в естественно научном освещении

Н.А.Морозов

**Миражи исторических
пустынь между
Тигром и Ефратом**

Клинописи

МОСКВА

2002

УДК 9(М)03,9М,1,293
ББК 63.3.(0)3,87,86.3,86.33
М80

Sean By Vicautus

«Мироведение–XXI»

Совет по изучению научного наследия

Морозова Николая Александровича

Председатель – В.Б.Бирюков

Члены: С.И.Вальянский, С.В.Виноградов,
М.А.Кононов, А.Г.Макаров, И.С.Недосекина

М80 **Морозов Н.А.**

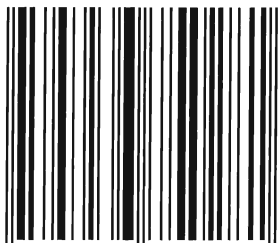
Миражи исторических пустынь между Тигром и Ефратом. Клинописи. –
М.: Издательство «Крафт+», 2002. – 560 с.

ISBN 5-93675-028-0

Настоящий том – самый поздний из всех 10 томов. Работа над ним началась лишь в 1931 году. Пролог в нем не совсем связан с основным содержанием. В его основу положена книга Б. Николаева «Физические начала архитектурных форм». Полагаем, если бы издание продолжалось, эта работа могла бы стать основой самостоятельного тома. Работа в архиве Н.А. Морозова, когда он будет доступен, возможно, позволит найти какие-нибудь указания на подготовку такого тома.

УДК 9(М)03,9М,1,293
ББК 63.3.(0)3,87,86.3,86.33
М80

ISBN 5-93675-028-0

9

785936 750281

©Вступительная статья, С.И.Вальянский, 2002
© Идея, составление, серия, оформление,
Издательство «Крафт+», 2002

Эволюция стилей мышления

...Реальность протекает с генерацией большого количества информации. Но для описания событий летописцы выбирали только ту, которую считали ценной. Они не могли сохранить всю сложную информацию, важную для понимания происходивших процессов. Значит, любая история есть всего лишь проекция событий, и как таковая она слабо отражает реальность. Есть такая шуточная задачка: «Что изображают шесть кружочков, нарисованных на листке?» Оказывается, это проекция слона – четыре ноги, хобот и хвост. Но ведь слона можно проецировать по-разному!

От летописцев былых времен мы теперь имеем набор, причем далеко не полный, проекций реальной истории, и приходится решать обратную задачу: восстанавливать по «образам» исходную информационную систему. И здесь нельзя обойтись только чисто историческими методами, необходимо применение методов естественных наук.

Н.А. Морозов, опираясь на ту же фактическую базу, что и «традиционные историки», показал возможность другого понимания этих материалов. Задача состоит не в абсолютизации той или иной «проекции» действительности, а в получении их в достаточно большом количестве, чтобы уже из их анализа создать объемное «изображение» прошлого.

* * *

В своей замечательной книге «Структура научных революций» американский физик и историк наук Томас Кун в очерке «Роль истории» пишет следующее:

«История, если ее рассматривать не просто как хранилище анекдотов и фактов, расположенных в хронологическом порядке, могла бы стать основой для решительной перестройки тех представлений о науке, которые сложились у нас к настоящему времени. Представления эти возникли (даже у самих ученых) главным образом на основе изучения готовых научных достижений, содержащихся в классических трудах или позднее в учебниках, по которым каждое новое поколение научных работников обучается практике своего дела. Но целью подобных книг по самому их назначению является убедительное и доступное изложение материала. Понятие науки, выведенное из них, вероятно, соответствует действительной практике научного исследования не более чем сведения, почерпнутые из рекламных проспектов

для туристов или из языковых учебников, соответствуют реальному образу национальной культуры»¹.

К сожалению, путь любой науки — вовсе не движение от одного успеха к другому. Это путь, изобилующий массой ошибок, мифов и предрассудков, которые препятствуют скорейшему накоплению составных частей современного научного знания.

Как отмечает Т. Кун, чем глубже изучаешь, например, аристотелевскую физику или химию, тем более отчетливо чувствуешь, что эти некогда общепринятые концепции природы не были в целом ни менее научными, ни более субъективистскими, чем сложившиеся в настоящее время.

Все это в полной мере касается и истории, только если учесть, что она сегодня находится на том же уровне развития, что и аристотелевская физика, и очередной этап научной революции ей еще предстоит.

Сегодня стало ясным, что техногенная культура все больше и больше загоняет нас в тупик. Одна из причин такого положения в разрыве между естественнонаучным знанием и гуманитарным. К сожалению, последнее не может похвастаться большими успехами. Гуманитарные науки не могут пока соответствовать тем задачам решение, которых ждут от них.

Природа достаточно сложна для того, чтобы ее можно было бы изучать всю сразу. Поэтому ее познание осуществляется системой наук, каждая из которых занимается лишь одной стороной единого целого. Но изучается-то единая Природа. А это значит, что наряду с тенденциями дифференциации наук (анализа знания) должен идти процесс и их интеграции (синтез).

В силу взаимодействия и взаимосвязанности различных отраслей науки друг с другом, предмет каждой из них может и должен исследоваться приемами и методами других наук. Это позволяет создавать необходимые условия для более полного и глубокого раскрытия сущности и законов качественно различных явлений. Такая взаимосвязь частей наук определяет некоторые особенности ее исторического развития, в частности последовательность возникновения отдельных ее отраслей.

Предметное и методологическое единство познания природы и общества определяется предметным единством мира. Из этого же следует принципиальное единство логической структуры естественных и общественных наук.

Один из путей интеграции знания лежит через применение общего математического аппарата, «скелета» применяющих его теорий. Дру-

¹ Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975.

той — через некоторые общности стиля мышления и методологических принципов построения нового знания.

Как идет процесс познания? Исключительно в результате практической деятельности, в ходе которой устанавливаются некоторые объективные закономерности и процедуры, на основе которых далее формируются некоторые способы и методы мышления.

Естественно, что в каждую эпоху практическая и познавательная деятельность людей фиксирует присущую только данной эпохе систему основополагающих понятий, принципов, категорий, взглядов, норм и методологических установок мировоззренческого характера. Эта система обладает регулятивной функцией человеческой деятельности и находит свое выражение в стиле мышления данной исторической эпохи.

Обычно, на каждом этапе развития общества существует наука, которая задает общие познавательные «координаты» и «точки отсчета». Господствующий в ней стиль мышления накладывает отпечаток на стиль мышления эпохи. Но не сразу, а по прошествию некоторого времени, после процесса философского анализа истории развития данной науки.

Стиль мышления существует как система архетипических представлений, образов, моделей, норм и образцов, существующих в глубинных слоях сознания человека. Он складывается из определенных правил (чаще всего явно не формулируемых, а просто подразумеваемых), определяющих алгоритм научного исследования.

Но именно он формирует рациональные идеи, понятия, способы мировосприятия и миропонимания.

Определенный стиль мышления необходим для достижения познавательных и практических целей, а также достижения объективной закономерной взаимосвязи и взаимообусловленности явлений материального и духовного мира. Кроме того, стиль мышления формирует и распространяет общепринятый контекст научного познания, обеспечивая некоторую его устойчивость и целостность. И позволяет временно соединить различные смыслы, несовместимые значения посредством метафор, аналогий и другими способами и методами.

Он есть способ сосуществования различных языков науки, средство регуляции их отбора, понимания и взаимоперевода.

При осознании не адекватности системы категорий и понятий с реалиями бытия происходит перестройка стиля мышления.

К счастью, произошло не так много смен различных стилей мышления. Начнем мы с так называемого «детерминизма».

Начиная со 2-й половины XV века в недрах феодального общества стал зарождаться капитализм. Он впервые поставил ряд практических

проблем, которые требовали для своего разрешения развития специальных знаний. Естествознание стало востребованным в силу интересов ремесленного производства, совершившего превращение в производство мануфактурное. Основным техническим вооружением этого времени были различные механические устройства, требовавшие своей научно-технической базы. Кроме того, расширенное производство требовало новых рынков сбыта, в силу чего стала развиваться морская торговля, требующая для решения навигационных проблем развития небесной механики. Эволюция военного дела требовала решения проблем баллистики. Понятно, что прежде всего встала задача изучения механического движения, поиск его законов. Все это способствовало бурному развитию механики.

Это время по праву можно назвать периодом «механического» естествознания. Это был период зарождения так называемой *науки нового времени*, науки, в рамках которой и ведут свои исследования практически все ученые мира сегодня.

Наука нового времени ставила себе целью «подчинение природы». Логика этого подчинения (описанная в работе Э. Канта «Критика практического разума») строилась так:

- сначала нужно было выяснить законы природы;
- затем, понять, что можно использовать для своей пользы;
- и, наконец, пользоваться этими возможностями по своему усмотрению, подчиняя свои действия моральным «необходимостям», не имеющим ничего общего с законами природы.

«...зная силу и действие огня, воды, воздуха, звезд, небес и всех других окружающих нас тел так же отчетливо, как мы знаем различные занятия наших ремесленников, мы могли бы точно таким же способом использовать их для всевозможных применений и тем самым сделаться хозяевами и господами природы»².

С этого времени весь последующий ход истории стал проходить под знаменем превращения науки о природе в непосредственную производительную силу.

Но все успехи механики, да и всего естествознания, не были бы столь впечатляющими, если бы в конце XVII века не была бы создана теория анализа бесконечно малых величин и аналитическая геометрия, опирающиеся на понятие переменной величины. Лишь дифференциальное исчисление дало естествознанию возможность описывать не только состояния, но и процессы; не только покой, но и движение.

² Декарт Р. Избранные произведения. М., 1950. С. 305.

Основной задачей механики является определение траектории движения отдельных макротел. Весьма существенно, что эта траектория определяется в механике единственным образом. Если же траектория движения макротела не определена однозначно или значения некоторых его характеристик строго не определены, то с точки зрения механики задача считается некорректно поставленной. Возникло представление о классе закономерностей жесткой детерминации.

Успехи механики сделали ее лидером не только физики, но и всего естествознания. Ее методология и стиль мышления стали образцом для других наук. Постепенно превратилось в правило представлять природу состоящей из неизменных сущностей, лишенных развития и взаимной связи.

В качестве определяющей черты класса динамических закономерностей обычно рассматривается строго однозначный характер всех без исключения связей и зависимостей, отображаемых в рамках соответствующих представлений и теорий на основе этих законов. В негативной формулировке это означает: там, где нет строгой однозначности в связях, нельзя говорить и о соответствующих закономерностях. Более того, с точки зрения динамических закономерностей, когда имеет место какая-либо неоднозначность или неопределенность в связях, нельзя вообще говорить об истинной закономерности. Считается, что в этих случаях мы не имеем полного знания об исследуемых объектах.

Из однозначного характера связей вытекает их равноценность: *любая рассматриваемая связь в равной мере признается необходимой.*

На основе развития классической физики и ее успехов схема жесткой детерминации была в известной мере абсолютизирована. Философская концепция, выразившая это, получила название *Лапласовского*, или *классического*, *детерминизма* и длительное время выступала как обоснование экспансии механики в новые области исследований.

Триумф ньютоновской механики, самым впечатляющим моментом которого было детерминистическое описание движения небесных тел солнечной системы, позволило Лапласу предположить, что подобное описание может быть распространено на самый широкий круг явлений (или вообще на все явления).

Его приверженность к детерминизму, как это ни звучит парадоксально, позволила ему получить фундаментальные достижения в области теории вероятностей и ее приложений. Именно в работе «Опыт философии теории вероятности» он развил принципы механического детерминизма:

«Ум, которому были бы известны для какого-либо данного момента все силы, одушевляющие природу и относительное положение всех

ее составных частей, если бы он вдобавок оказался достаточно обширным, чтобы подчинить эти данные анализу, обнял бы в одной формуле движения величайших тел вселенной наравне с движениями легчайших атомов: не осталось бы ничего, что было бы для него недостоверно, и будущее, так же как и прошедшее, предстало бы перед его взором».

Появление опытного естествознания не могло не оказать влияния на развитие представлений об обществе. Более того, в период между XVI и XVIII веками появилось стремление к непосредственному выведению социальных законов из законов механики. Это было связано с общим мнением, что должен существовать единый универсальный закон, охватывающий всю совокупность явлений природы и общества, и, соответственно, о возможности создания единой, строго дедуктивной, универсальной науки, в которой слились бы все существовавшие области знания.

В 1839 году вышел третий том работы О. Конта «Курс позитивной философии», где он впервые использовал термин «социология» и выдвинул задачу изучения общества на научной основе. Он считал, что науку о человеке следует перевести из «лишь гадательной науки» в «науку, основанную на наблюдении».

По мнению О. Конта, наука не объясняет, а лишь описывает явления и отвечает на вопрос «как», а не на вопрос «почему».

Развитие общества представлялось позитивистам в виде более или менее прямолинейной эволюции, а структура общества сводилась к механическому соподчинению различных «факторов». В зависимости от того, какой именно стороне общественной жизни придавалось наибольшее значение, в социологи XIX века можно выделить несколько различных направлений:

– географическая школа абсолютизировала влияние географической среды и ее отдельных компонент (климат, ландшафт и т. д.);

– демографическая школа считала главным фактором общественного развития рост народонаселения;

– расово-антропологическая школа интерпретировала общественное развитие в понятиях наследственности, «расового подбора» и борьбы «высших» и «низших» рас;

– органическая школа (органицизм) рассматривал общество как подобие живого организма, а социальное расчленение общества — как аналогичное разделению функций между различными органами;

– социальный дарвинизм видел источник общественного развития в «борьбе за существование».

Однако всякий раз эти попытки приводили к ситуации, в которой явление, используемое в качестве фактора, прежде чем стать причиной, — было следствием.

Схема жесткой детерминации оказалась, однако, несостоятельной при соприкосновении науки с более сложными и развитыми явлениями, прежде всего при анализе биологических и социальных явлений. Эта схема вела к отрицанию какой-либо автономности в поведении элементов в рамках систем. Критика концепции жесткой детерминации в естествознании усиливалась на базе развития вероятностных методов исследования; именно через их посредство естествознание овладело новым классом закономерностей — статистическими закономерностями.

Во второй половине XVIII—XIX веке промышленность достигла стадии крупного машинного производства. Произошел технический переворот, связанный с изобретением и применением тепловых машин. Энергетической базой промышленности становится паровой двигатель. Развитие молекулярной физики ввело в «точное» естествознание вероятностные методы, разработанные в трудах Дж. Максвелла, Дж. Гиббса и Л. Больцмана.

Идея вероятности приобрела огромное значение в физике XX века, прежде всего в физике микропроцессов. Закономерности микропроцессов наиболее полно выражены в квантовой теории, которая является принципиально статистической, т.е. существенным образом включает в себя идею вероятности.

Однако, несмотря на величайшую силу и глубину воздействия вероятностно-статистического образа мышления на развитие современной науки, он не был должным образом ассимилирован современным мировоззрением. Во многом это обусловлено тем, что на трактовку вероятности и статистические закономерности нередко чрезмерное влияние оказывают соображения, навеянные концепцией жесткой детерминации, в частности классической механикой. То есть возобладала идея о том, что вероятностный метод приходится использовать из-за того, что нам неизвестны все связи.

На первых порах сравнение статистических закономерностей с закономерностями жесткой детерминации было не в пользу первых. Им не хватало однозначных предсказаний любых рассматриваемых связей. Так возникли представления о неполноте статистических закономерностей, об их временном характере.

Рассуждали приблизительно так. С помощью динамических законов обычно формулируются каузальные (причинные) связи явлений. Рассматривая одно явление как причину другого, мы вырываем их из

всеобщей связи, изолируем друг от друга и тем самым значительно упрощаем и идеализируем действительность. Подобную идеализацию легче осуществить в механике, астрономии, классической физике, которые имеют дело с точно известными силами и законами движения тел под их воздействием. В более сложных ситуациях приходится учитывать воздействие множества случайных факторов и обращаться к статистическим законам.

Понятие «статистические закономерности» в сфере социальных исследований стало употребляться уже в XVII веке, то есть раньше, чем в естествознании. Но интуитивно, на основе эмпирических наблюдений, люди в своей практической деятельности еще задолго до этого считались с их существованием. Например, для предварительного определения урожайности крестьяне прибегали к массовым выборочным намолотам.

В социальной области статистические закономерности действуют как законы массовых явлений, возникая на базе «закона больших чисел»: при очень большом числе случайных явлений средний их результат практически перестает быть случайным и может быть предсказан с большой степенью определенности.

По мере усложнения производственно-технических процессов, роста взаимодействия множества людей, участвующих в хозяйственной, политической и военной деятельности, вовлечения в нее большого количества материальных средств и энергетических ресурсов все чаще стало давать о себе знать противоречие между потребностями улучшения управления, которое должно было становиться все более оперативным, основанным на достаточной и своевременно поступающей информации, и реальными возможностями такого улучшения. Потребность в новой науке реализовалась в 40-х годах XX века. Именно тогда появилась новая наука кибернетика, которая попыталась применить точный научный анализ к решению проблемы целесообразного использования современных технических средств для повышения качества управления.

Сложность решения этой проблемы не в последнюю очередь была связана с тем, что системы, управлять которыми мы хотели бы, многокомпонентные. То есть не совсем ясно, насколько допустимо применение к их описанию динамических закономерностей. А если использовать статистические закономерности, то, как пользоваться полученными результатами?

Слово кибернетика происходит от греческого *kybernētikē* — искусство управления. Под этим термином понимается наука об общих принципах управления в сложных динамических системах, о средствах уп-

равления и об использовании их в технике, в человеческом обществе и в живых организмах, а так же и наука о способах восприятия, передачи, хранения, переработки и использования информации в машинах, живых организмах и их объединениях.

Основоположителем кибернетики по праву считается американский математик Н. Винер. Ее основные идеи, как особой дисциплины, являющейся синтезом целого ряда направлений научной и технической мысли, были сформулированы им в 1948 в книге «Кибернетика, или управление и связь в животном и машине».

Правомерность существования кибернетики как науки следовала из универсальности процессов управления, создание единой теории которых являлось ее главной целью. Ее задачей считалась выработка рекомендации по наилучшим приемам и метода управления для быстрого достижения поставленной цели.

Появление подобной науки было вызвано требованием времени. Но объект исследования был настолько сложен, что можно говорить лишь о догадках, как их можно решать. Поэтому сейчас мы можем говорить об употреблении этого термина, по крайней мере, в трех смыслах.

Первый, *кибернетика как лозунг*, который кратко выражал некоторую программу объединения знания на основе законов, относящихся к управлению и к переработке информации в качественно различных областях действительности.

Второй, *кибернетика как стиль мышления*, который проник в разные разделы знания. Благодаря кибернетике наряду с наблюдением и экспериментом был разработан новый метод исследования — *моделирование*. Были сформулированы понятия *цели, эффективности действия* при анализе работы сложных систем. Дано представление о мире, основанном на роли *связи, управления, информации, организованности, обратной связи, целесообразности, стохастичности* и т. д.

Идеи кибернетики имели значение для социальных исследований, так как она давала новое представление об обществе как организованном целом.

Третий, *кибернетика как наука*, которая, состоит из ряда самостоятельных направлений: теории систем, информатики, бионики, теории алгоритмов, теорий автоматов, исследования операций, оптимального управления, распознавания образов и т. д.

Особенность возникновения этого направления, в отличие от введения динамических и статистических закономерностей, которые были изучены до того, как сформировались соответствующие стили мышления и лозунги, в том, что развитие кибернетики началось с формирования стиля мышления, лозунга, а до создания науки, по сути, дело и не дошло.

Следующий стиль мышления, после детерминизма и вероятностного, был вовсе не кибернетический. Новый стиль мышления можно назвать *нелинейным*, или *синергетическим* стилем мышления.

В 1978 году вышла книга Германа Хакена «Синергетика», в которой говорилось о подобии процессов самоорганизации, протекающих в физике, химии, биологии. И, так же как «Кибернетика», эта была программная книга, причем опять речь в ней шла о создании некоего единого подхода. И если кибернетику можно было назвать наукой об организации, то синергетику — о самоорганизации.

Название синергетика происходит от греческого *sinergia* — совместный, согласованно действующий. Научное направление, понимаемое под этим термином, изучает связи между элементами разных структур, которые образуются в открытых системах разной природы благодаря интенсивному (потокосовому) обмену веществом и энергией с окружающей средой в неравновесных условиях.

Г. Хакен показал универсальность кооперативных эффектов в процессе самоорганизации и, что немаловажно, дал название этому явлению. Поэтому именно его название было присвоено всему новому направлению, отдельные детали которого появились существенно раньше 1977–1978 годов.

Системы, составляющие предмет изучения синергетики, могут быть самой различной природы и как таковые изучаться различными науками. Например, физикой, химией, биологией, математикой, нейрофизиологией, экономикой, социологией, лингвистикой и т.д. При существующей дифференциации науки достижения одной науки зачастую становятся недоступными вниманию и тем более пониманию представителей других наук.

Синергетика — это не отдельная наука, а скорее термин, говорящий об общности интересов и математических методов исследования родственных нелинейных явлений в разных областях науки. Она на многих примерах показала единство основных понятий теории самоорганизации: *нелинейности, сложности, принципа подчинения, параметров порядка, открытости системы, неравновесности диссипативных структур, неравновесности фазовых переходов, когерентности, бифуркации, аттрактора, странных аттракторов, солитонов, хаоса, порядка и их взаимопревращения, фракталов, становления, холизма, телеологии* и ряда других. Общими оказались и описание эволюционных явлений, путей ведущих к самоорганизации в самых различных областях. Сами же эти области выступают как сферы применения науки. Это и есть главное обоснование правомерности ее существования.

В процессах самоорганизации нет направляющей руки. Самоорганизация рождается самой системой в результате потери устойчивости некоего состояния — как некоторый, обобщенно понимаемый фазовый переход. Но это только часть этой науки. Вторая часть — это процессы перехода устойчивых систем в состояние хаоса.

Синергетика состоит из теории диссипативных структур (И. Пригожин и Г. Хакен); теории автоколебаний и автоволновых процессов (Л.И. Мандельштам, А.А. Андронов, Р.В. Хохлов, А.М. Жаботинский); теории «странных аттракторов» и фракталов (Е.Н. Лоренц, Б. Мандельброт); теории катастроф (Р. Том), базирующейся на теории особенностей гладких отображений Уитни; теории бифуркации динамических систем (А. Пуанкаре, А.А. Андронов); теории солитонов (Дж. Рассел, Н. Зabusки, М. Крускал); теории стохастизации динамических систем (А.Н. Колмогоров), качественной теории дифференциальных уравнений (А. Пуанкаре). Все это можно назвать **топологической теорией нелинейных динамических систем**.

Синергетика — это наука, дающая единый принцип описания процессов самоорганизации и процесса разрушения динамических систем и перехода к хаотическому состоянию под действием детерминированных сил. Иначе говоря, к переходу от структур к хаосу и обратно. То есть она показывает границы применимости динамических законов и методов статистики для описания поведения системы. Таким образом, в рамках синергетики объединились динамические и статистические закономерности. Это обстоятельство и позволяет утверждать, что именно синергетика имеет право претендовать на новый стиль мышления.

Всегда считалось, что чем больше объем применения математики в той или иной науке, тем более она развита. Главным препятствием к ее применению считается неясность, что и как мерить.

Математическое описание всегда ограничено и требует определенного разъяснения после получения решения. Так как то, что мы получаем, мало связанное с реальностью. Описание совпадает с реальностью лишь с определенной точностью, ведь математическая модель есть всегда некоторая идеализация.

И такие сложности возникают при изучении достаточно простых объектов! А что же будет происходить с описанием поведения таких сложных объектов, которые составляют объект изучения общественных наук? При попытке дать их математическое описание возникают дополнительные трудности.

Системы, принадлежащие к предмету изучения общественных наук, *дискретны*.

Объекты общественных наук существуют в *ограниченных временных интервалах*. Это накладывает ограничение на применимость используемых классов простых функций. Так, например, функция синус или косинус существуют в интервалах изменения аргумента от минус бесконечности до плюс бесконечности. А для описания процессов, ограниченных во времени, надо использовать суперпозицию из набора этих функций. Ограниченная точность измерений не позволяет иногда заметить эту особенность. Но при долгосрочных прогнозах это обстоятельство может стать источником неверных результатов.

Устойчивое *стационарное* существование объектов общественных наук требует *постоянного потока вещества и энергии*. Если же этого не будет, то становится невозможным существование самого объекта, что существенно отличает такие объекты, всегда находящиеся в неравновесных условиях, от объектов неживой природы.

Объекты общественных наук всегда эволюционируют в условиях *ограниченных ресурсов*. А это значит, что уравнения, описывающие их поведение, являются принципиально нелинейными. Следовательно, любые попытки восстановления будущих событий, так и моделирование событий прошлого, будут неоднозначными.

Попытки найти первоосновы природы привели к пониманию того, что *мир строится не из неких общих первичных элементов (таковых нет), а строится по единым принципам (единым сценариям)*. То есть единство мира заключается не в том, что он построен из одних и тех же кирпичей, а в том, что он построен по единому плану. А это, в свою очередь, значит, что важны, на самом деле, не конкретные виды уравнений, а типы решений, которые могут в нем содержаться, их определенная типология. То есть важна классификация решений.

При этом точные расчеты оказываются зачастую бессмысленны в силу свойства нелинейных систем переходить в режим странного аттрактора (хаоса). Иначе говоря, из-за возникновения режима стохастизации.

Все это накладывает определенную специфику на применение математики в общественных науках. Они вовсе не должны копировать путь применения математики в естественных науках.

В обществе существует неоднозначное отношение к науке и ее роли в формировании мировоззренческой концепции. Двумя крайностями в оценке обществом науки являются сциентизм и антисциентизм.

Истина, как всегда, лежит посередине. Конечно же, предыдущее развитие науки дает основания надеяться на ее достаточно большие возможности в освоении действительности. Вместе с тем предыдущий опыт подсказывает, что лишь гуманистическая направленность науки,

ее постоянная взаимосвязь и взаимодействие с природной и социальной действительностью, учет интересов человека и его главной задачи — выживания человечества, делают науку наукой.

Не учет последних обстоятельств, вынесение человека за скобку изучения, вот причина формирования отрицательного отношения к возможностям применения естественных наук к гуманитарной области. А результаты такого применения результатов естественных наук к Природе вызывали большие разочарования.

Мы предлагаем вернуться к временам О. Конта и попытаться осмыслить проблемы общественных наук на основе достижений современного естествознания, но с учетом специфики гуманитарного знания, специфики объекта исследования.

Мы предложили назвать эту науку «хронотроника». Хронотроника — это искусственное слово, которое можно перевести как «воссоздание, генерация времени». Этим названием мы хотели подчеркнуть, что при реконструкции процессов эволюции всегда присутствует определенная неоднозначность. (Метод сценариев).

Под этим термином мы понимаем *междисциплинарную науку, изучающую эволюцию общества во времени и пространстве, как систему взаимовлияния человека и природы, с целью нахождения оптимальных путей развития в условиях ограниченных ресурсов, на основе выявления объективных закономерностей в природе и обществе.*

Предмет изучения хронотроники составляет то общее, что имеется в процессах эволюции в самых различных областях, независимо от их природы. Сами же эти области выступают как сферы ее применения.

Это является и причиной правомерности ее существования как науки, обусловленной универсальностью процессов эволюции, создание единой теории которых является ее главной задачей.

Находясь на стыке естественных и гуманитарных наук, хронотроника базируется на их достижениях и, в свою очередь, влияет на их развитие, в то же время используя комплекс теоретических и экспериментальных методов, развитых в этих науках.

Задачей хронотроники помимо изучения эволюции сложных систем является выработка рекомендаций по наилучшим приемам и методам воздействия на развивающиеся системы для быстрейшего достижения ими поставленной цели.

Хронотроника основана на идеях о целостности мира и научного знания о нем, общности закономерностей развития объектов всех уровней организации материи в природе, обществе, духовном мире.

Развитие хронотроники приводит к стиранию границ между естествознанием и обществоведением и построению универсальной эво-

люционной картины мира. Он возвращается к изучению общего в различных науках, в противовес картине мира и науки, расчленённой на отдельные дисциплины. Такой подход превращает макромир и основной его элемент — человека в центральное звено научной картины мира.

Отличие хронотроники от синергетики в том, что если во второй уделяет гораздо больше внимания процессам и механизмам образования сложных структур и переходам к «хаосу», то в первой — на *механизмах активного сохранения сложности*, эволюционных истоках таких процессов как целенаправленное изменение (управление), оптимальность развития и других понятий, которые характеризуют высокоорганизованные системы.

Соответственно, хронотроника ставит на другую основу (прогнозные) футурологические исследований. Прямолинейная экстраполяция тех или иных частичных кратковременных тенденций, на которых по большей части строились прогнозы и проекты социального переустройства, уступает место конструктивистским моделям: будущее видится как пространство возможностей, а настоящее — как процесс выбора.

Среди ученых, чьи идеи способствовали формированию хронотроники: О. Конта, Г.Т. Бокля, Н. Винера, И. Пригожина, Г. Хакена, одно из почетных мест занимает имя Н.А. Морозова. Ниже мы попытаемся это показать на примере тех идей, которые были им заложены при создании Естественного научного института имени П.Ф. Лесгафта.

Между тем, что мы имеем в общественных науках сегодня? Подавляющее большинство ученых работает в рамках детерминистского стиля мышления.

То, что происходит в истории сегодня, очень напоминает борьбу с авторитетом Аристотеля накануне возникновением «науки нового времени».

Прежде чем канонизировать учение Аристотеля, его подвергли осуждению. Проницательные богословы усматривали в начинающемся разделении умственных интересов между церковными и научными вопросами тяжкий урон для церкви. Признавалось всякое стремление к знанию ради знания языческим, а ценилось знание лишь постольку, поскольку оно служило для христианского назидания. На Парижском соборе 1209 году и на Латеранском при Иннокентии III, в 1215 году, физика и математика Аристотеля подверглись формальному запрещению на том основании, что они породили уже ереси и могли впредь породить неведомые лжеучения. Григорий IX приказал в 1231 году, чтобы книги по естествознанию, запрещенные Парижским собором, не были дозволены к обращению ранее тщательного их испытания и очищения от всякой тени превратных толкований.

Но постепенно ситуация изменилась. По мере канонизации учения Аристотеля признается его полезность. Церковь примирилась с греческим мудрецом, убедившись, что для нее страшна не книжная ученость его схоластических последователей, которых можно было всегда контролировать и держать в руках, а независимое естествознание, которое шло вперед своей дорогой, не подчиняясь авторитетам и ускользая от церковного контроля. Уже в 1254 году парижский университет одобрил полное издание сочинений Аристотеля, а двумя столетиями позже никто не мог получить академической степени без удовлетворительного знания всех творений Аристотеля. Это вам ничего не напоминает?

От схоластики никто не ждал независимого образа действия. Труды Аристотеля представлялась им в таком подавляющем величии, что желание освоиться с ним заглушало все другие стремления. Когда же цель эта была до известной степени достигнута, схоластики успели до того свыкнуться с вытверженной книжной мудростью, что для них стало невозможным самостоятельно находить дорогу от книги к природе.

«В естественнонаучных сочинениях Аристотеля они, поэтому изучали не природу, а самого Аристотеля, и так как взоры их с самого начала были устремлены на него, то под конец всякое изречение мудреца приобрело для них непреложность церковного догмата. От объяснения Аристотеля к объяснению природы они сами не подвинулись ни на шаг, и всякий, уклонившийся от этого учения, становился в их глазах еретиком, столь же преступным, как и человек, отрицавший церковные догматы. Схоластика смотрела на физику как на побочное занятие, и уже по этому одному нельзя было ожидать, чтобы она подвинула ее вперед...»

Средневековая философия, не опиравшаяся ни на какое опытное знание, продолжала без устали пережевывать материал, доставленный ей Аристотелем и, наконец, за недостатком новой пищи, начала ставить себе самой те бессодержательные вопросы, которые кажутся нам до такой степени смешными вследствие невозможности решить их в ту или другую сторону. Схоластики желали диспутировать, но не желали наблюдать, и потому им пришлось выбирать такие задачи, на разрешение которых наблюдение не могло влиять ни в каком отношении. С этой точки зрения вполне уместны споры о природе ангелов, их одежде, языке, возрасте, чинах и, даже пищеварении. По несчастью, эти с виду невинные упражнения фантазии имели ту невыгоду, что они позволяли схоластике не ощущать недостатка реальных основ и, внушив ей колоссальное самомнение, дали право отрицать опыт и признавать себя компетентной в научных вопросах.

Еще в начале XVII столетия некий иезуит заявил патеру Шейнеру, желавшему показать ему в зрительную трубку вновь открытые солнечные пятна: «Напрасно, сын мой, я дважды прочел всего Аристотеля и не нашел у него ничего подобного. Пятен нет. Они протекают из недостатков твоих стекол или твоих глаз?»³.

Но не все было таким безобидным. Известный французский математик Петр Рамус (1502–1572) попытался подвергнуть сомнению авторитет Аристотеля. Лично для него это имело печальные последствия — потерю кафедры и необходимость бежать из Парижа. Особые судьбы, избранные для решения дела Рамуса, признали его самонадеянным, дерзким и неразумным человеком; а эдикт короля подтвердил, что Рамус, осмелившись порицать Аристотеля, обнаружил лишь собственное невежество. Подозревают, что его убили при попытке вернуться в Париж и снова занять кафедру, по наущению его научных противников. Благо представился прекрасный случай — Варфоломеевская ночь.

Причем Аристотеля любили не только католики, но и протестанты. Когда Рамус просил преемника Кальвина Безу позволить ему преподавать в Женеве, то получил такой ответ: «Женевцы раз навсегда решили не отступать от взглядов Аристотеля ни в логике, ни в других отраслях знания». Лютер и Меланхтон тоже рекомендовали логику Аристотеля, хотя с меньшей горячностью, чем Беза. По их мнению, естественные причины действуют с естественной необходимостью, пока Бог не нарушит установленного порядка вещей⁴.

Пример Рамуса не единичен. Венецианец Дж.Б. Бенедетти (1530–1590), талантливый ученый, уже в 23 года опубликовал замечательное произведение, в котором показал, как можно решить все задачи Евклида при посредстве одного циркуля. Главный труд, в котором он изложил свои физические взгляды, появился под конец его жизни, но никто не обратил на него внимания. Вот как это объясняет Ф. Розенбергер: «В его время требовалось, чтобы физика излагалась по Аристотелю или, в случае крайности, когда дело шло о статических отношениях, — по Архимеду. В противном случае книга не могла рассчитывать на одобрение присяжных ученых и по возможности замалчивалась. Наш ученый, между тем, был не только отъявленным врагом Аристотеля и перипатетиков, но и отличался необыкновенной ловкостью в полемике, поэтому тем больше было оснований умалчивать о его работах»⁵.

³ Розенбергер Ф. История физики. Часть первая. ОНТИ М.-Л., 1934. С. 98–99.

⁴ Там же. С. 126.

⁵ Там же. С. 133.

Или вот факты из биографии Джордано Бруно (1550–1600). Он был членом ордена доминиканцев. Но сомнения в авторитете Аристотеля сделали для него пребывание в монастыре невыносимым, и он бежал. В Женеве ему не удалось найти долговременного приюта, потому что он отказался принять кальвинизм; но в Париже он пристроился и преподавал с блестящим успехом. Но вражда соперников, негодующих аристотелианцев, заставила его искать убежища в Англии. В Оксфорде, где всякий магистр или бакалавр должен был платить 5 шиллингов штрафа за любую погрешность против Аристотеля, Бруно во время празднества, данного канцлером оксфордским, Лейчестером, участвовал в блистательном словесном состязании против приверженцев Аристотеля и Птолемея. Здесь он, по собственному выражению, целых пятнадцать раз замазывал им рот так удачно, что противники могли отвечать ему только одной бранью. Несмотря на это, и по всей вероятности благодаря покровительству Елизаветы, он получил позволение читать лекции, но на короткий срок.

Затем Бруно снова отправился в Париж и на большом трехдневном диспуте заявил себя по-прежнему красноречивым противником физики Аристотеля и защитником теории вращения земли. Ясно, что после этого Париж пришлось покинуть. Затем он отправился через Марбург и Виттенберг в Гельмштедт. Но здесь, как и в других местах, гонение сделалось мало-помалу нетерпимым. Бруно переселился во Франкфурт, а оттуда, по приглашению одного венецианца — в Венецию. Здесь он вскоре попал в руки инквизиции, и после нескольких лет заточения был присужден к сожжению живым, но остался верным своим убеждениям.

Бруно восстал не только против Аристотеля, но и стал защитником системы Коперника. Сегодня его называют предшественником новейших натурфилософов. В декартовской теории миров, в учении Лейбница о монадах звучат там и сям отголоски мыслей Бруно, и даже Шеллинг признает, что он обязан ему многим. Но это сегодня. А тогда его просто сожгли.

А что мы видим сегодня?

В книге Д.А. Гранин «Эта странная жизнь» даются выдержки из письма А.А. Любищева, в котором он характеризует работы Н.А. Морозова по истории. После выхода книги музей Н.А. Морозова обращался к Гранину с просьбой дать ссылки на это письмо, но ответа не последовало, что, в общем, определенным образом характеризует этого писателя, много пишущего на темы научной этики. Но это так, к слову.

Поэтому мы даем высказывание А.А. Любищева так, как они приведены в книге Гранина.

«...О Чижевском — я не уверен, что вы правы, скорее склонен думать, что вы неправы. Вы пишете: «Сейчас разобрался в двух вещах: 1) чижевщина — т.е. связи эпидемических явлений с солнечной активностью. Это чудовищное очковтирательство, на какое клонуло Общество испытателей природы...» ...Чижевского я читал немного (помню, целый том по-французски), просматривал давно. Называть человека очковтирателем и проходимцем — значит, иметь уверенность в том, что все его данные безграмотны, фальсифицированы и направлены для достижения личных, низменных целей...

Даже если его выводы сплошь ошибочны, его ни очковтирателем, ни проходимцем назвать нельзя. Возьму для примера такого автора, как Н.А. Морозов. Я читал его блестяще написанные «Откровение в грозе и буре» и «Христос» (семь томов). Морозов совершенно прав, когда пишет, что если бы теории, поддерживаемые «солидными» учеными, получали бы такое обоснование, как его, то они считались бы блестяще доказанными... Но его выводы совершенно чудовищны: Царства — египетское, римское, израильское — одно и то же. Христос отождествляется с Василием Великим, Юлий Цезарь — с Констанцием Флором, древний Иерусалим не что иное, как Помпея, евреи — просто потомки итальянцев... и проч. Можно ли принять все это? Я не решаюсь, но отсюда не значит, что Морозов очковтиратель и проходимец. Можно сказать, что Морозов собрал Монблан фактов, но против него можно выставить Гималаи фактов. Но ведь совершенно то же самое можно сказать, по моему глубокому убеждению, и по отношению к дарвинизму. Дарвин и дарвинисты действительно собрали Монблан фактов, гармонирующих с их взглядами, но моя эрудиция позволяет мне сказать с уверенностью, что дисгармонируют с дарвинизмом Гималаи, которые все растут и растут...» И далее: «...Могут сказать, что дарвинизм все-таки приводит к разумным выводам, а Морозов — к глупым... но не все работы Морозова приводят к нелепым выводам. Очень высоко ценят химики работу Морозова «Периодические системы строения вещества», где он предвидел нулевую группу, изотопы и еще что-то. Это, несомненно, был очень талантливый человек, но своеобразие его жизни позволило развиваться лишь одной стороне его дарования — совершенно исключительному воображению — и, по-моему, недостаточно способствовало развитию критического мышления. Как же быть? Принять или отвергнуть Морозова? Ни то и ни другое, а третье: использовать как материал для построения критической гносеологии...»

Прервем на время цитирование и обратим внимание на последние слова: «Принять или отвергнуть Морозова? Ни то и ни другое, а третье: **использовать как материал для построения критической гносеологии**».

Продолжим цитирование: *«Можно критиковать Чижевского, разобрав его доводы и показав, что они ничего не стоят... Это означает ошибочность взглядов Чижевского (как и ошибочность взглядов Морозова), но не дает нам еще права называть его очковтирателем. Но мне кажется, что Вы отвергаете Чижевского из общих «методологических», как у нас говорят, соображений. Тут я решительный Ваш противник. История точных наук в значительной мере является борьбой сторонников «астрологических влияний» (куда относятся Коперник, Кеплер и Ньютон), допускавших действие небесных тел на земные явления, и противников (наиболее выдающийся — Галилей), полностью это отрицавших. Классические астрологи ошибались, допуская возможность простыми методами определять судьбу индивидуальных людей, противники их, со скрежетом зубным приняв астрологический принцип всемирного тяготения, стараются дальше «не пущать». Последние годы «астрологические принципы» как будто наступают: магнитные бури, солнечные сияния, связь с эпидемиями чрезвычайно вероятна. Но ведь эпидемии вызываются бактериями! Верно, но вспомним спор Петтенкофера с Кохом: в опровержение гипотезы Коха Петтенкофер выпил пробирку с холерными бактериями и остался здоров: опроверг ли он Коха?...»*

Из этого текста видно, что А.А. Любищев настоящий ученый-естественник. Ясно, что в вопросах истории он придерживается стандартного взгляда, но он понимает, что наука — это не игра в хоккей, кто больше набросал шайб, тот и выиграл. Ясно, что Монблан меньше Гималаев, но наличие и меньшего количества фактов требует проведения ревизии тех знаний, которые мы знаем, «...построения критической гносеологии».

Кстати, многие приводят цитату о Монблане и Гималаях, считая, что это главное. А главное, в призыве более внимательно со всем этим разобраться, как с теорией Морозова, так и с официальной историей.

Могут сказать, что А.А. Любищев естественник. Но вот высказывания гуманитария Ю.К. Олеши: *«Когда, начитавшись Морозова, я с апломбом заявил критику Дмитрию Мирскому, что древнего мира не было, этот сын князя, изысканно вежливый человек, проживший долгое время в Лондоне, добряк, ударил меня тростью по спине!*

— *Вы говорите это мне, историку? Вы... вы...*

Он побледнел, черная борода его ушла в рот. Все-таки перетянуть человека тростью...

— Да-да, Акрополь построили не греки, а крестоносцы! — кричал я. — Они нашли мрамор и...

Он зашагал от меня, не слушая, ...»а потом, помирившись,»... объяснил мне, в чем мое, а значит, и Морозова, невежество. Я с ним согласился, что древний мир был, хотя многие прозрения шлиссельбуржца до сих пор мне светят. Как бы там ни было, но то, что он создал свою систему отрицания древнего мира, гениально.

Пусть сама система и невежественна, но сам факт ее создания, повторяю, гениален...»⁶

Итак, с одной стороны, конечно же, то, что пишет Н.А. Морозов, чушь потому, что противоречит вековой традиции, но...

Уже одни эти высказывания показывают, что время догм уходит в прошлое.

Но какого же стиля мышления придерживался Н.А. Морозов?

В работе «На границе неведомого», написанной еще в Шлиссельбургской крепости, в рассказах «Неисчислимое как один из распределительных факторов в жизни природы» дан блестящий анализ общего характера физических законов. Он прекрасно понимает ограниченность детерминизма, свойственного ньютоновой механике, утверждает, что основные законы природы носят вероятностный характер. Анализируя различные физические явления и события, изучаемых теорией вероятностей, Н.А. Морозов писал: *«Каждое из этих событий, как и факт нашей собственной жизни, или проявления нашего свободного, сознательного выбора, суть только определенные эпизоды в жизни одного целого — Вселенной. А потому и присутствие... в каждом частном испытании, подчиняющемся теории вероятностей, известной доли произвольного, т. е. не поддающегося ни как ом у подсчету, никакому предвиденью и невыразимого никакой точной формуле и, — является характеристикой всей бесконечной Вселенной, всей бесчисленности действующих в ней влияний»⁷.*

Но особенно ясно его мировоззрение проявилось при формировании Научного института им. П.Ф. Лесгафта.

В девяностых годах П.Ф. Лесгафт, принужденный отказаться от профессуры, открыл небольшие частные курсы анатомии и физиологии и читал их в течение многих лет у себя на дому для всех желающих. В числе его слушателей на этих домашних курсах был очень бо-

⁶ Олеша Ю.К. Ни дня без строчки. М.: Советская Россия, 1965. С. 174.

⁷ Морозов Н. На границе неведомого: Астрономические и физические полупантаназии. М.: Изд. «Звено», 1910. С. 168.

гатый молодой человек И.М. Сибиряков. Ему настолько пришлось по душе идеи П.Ф. Лесгафта, что он осенью 1893 года предложил Лесгафту в полную собственность около 350 тысяч рублей и дом по Басейной № 43, с тем, чтобы он устроил в нем на эти деньги частную научную лабораторию, в которой мог бы свободно и беспрепятственно работать сам и его ученики. Так возникла «Биологическая Лаборатория». Она состояла из научных кабинетов — химического, физического, физиологического, анатомического, ботанического и зоологического.

В это же время он приступил к осуществлению и другой своей заветной мечты, к организации Высших Естественнонаучных Курсов. Вообще-то, Лесгафт мечтал об устройстве Частного Университета, но в то время это было несбыточно. После долгих хлопот ему удалось в 1896 году получить только разрешение на открытие Курсов Воспитательниц и Руководительниц Физического Образования под флагом Общества содействия развитию физического образования.

Программа курсов была насыщенной. Наряду с математикой преподавались все естественные науки, но особенно подробно изучались анатомия и физиология человека и вопросы «физкультурного образования». Под этой формулировкой понималось гармоническое развитие всех сторон организма у человека, в том числе и мозга, их целесообразными упражнениями.

В таком виде Курсы просуществовали до 1905 года, когда, воспользовавшись временной свободой, Лесгафт реорганизовал их в Вольную Высшую Школу с биологическим, педагогическим и социальным факультетами. Однако Вольная Высшая Школа существовала не долго, и летом 1907 года была внезапно закрыта по совместному распоряжению Министра Внутренних Дел и Министра Народного Просвещения.

Но Н.А. Морозов успел попреподавать в ней. И пригласил его туда лично П.Ф. Лесгафт. Жил тогда Морозов достаточно далеко от курсов и однажды опоздал на занятие. Лесгафт, который не терпел опозданий, для избежания их в дальнейшем предложил Морозову для проживания одну из квартир в доме, в котором располагалась Биологическая Лаборатория. Причем эта квартира находилась рядом с квартирой самого Лесгафта. Так завязалась между ними личная дружба. Н.А. Морозов всегда с теплотой отзывался о своем друге.

28 ноября 1909 года П.Ф. Лесгафт умер от воспаления почек в Каире, куда он поехал по настоянию врачей.

После его смерти основателя лаборатории его дело продолжал вести «Совет Биологической Лаборатории», состоявший тогда из девяти пожизненных членов: профессоров Горного Института Е.С. Федорова,

В.И. Баумана, В.В. Никитина, И.П. Долбни, Н.Н. Яковлева, и профессоров бывшей Вольной Высшей Школы С.И. Метальникова и Н.А. Морозова, А.А. Красусской и казначея Школы Ф.И. Чентуковой. С.И. Метальников был избран Директором Лаборатории.

Петроградская Биологическая Лаборатория всегда была, в соответствии со своим уставом, чисто научным учреждением, имеющим целью самостоятельную разработку естественных наук и предоставление лицам, окончившим высшее естественнонаучное образование, работать далее в своей области. Но она всегда стремилась содействовать распространению образования и потому стараюсь создавать в своих зданиях помимо научных лабораторий, также и всевозможные учебные учреждения от Высших Курсов до вечерней школы для рабочих и школа для подростков.

В директорство С.И. Метальникова, незадолго до войны, были надстроены еще два этажа над лицевыми домами по Английскому проезду и Торговой улице, а затем, при огромном материальном и деловом содействии введенного в Совет Н.А. Морозовым его друга, доктора И.Г. Симонова, старый флигель во дворе был сломан и вместо него построен большой шестизэтажный дом, над которым, опять же по инициативе Н.А. Морозова, была начата постройка астрономической обсерватории.

Вследствие всеобщей хозяйственной разрухи, вызванной войною, научная деятельность Петроградской Биологической Лаборатории к концу 1917 года очень ослабела. Не удалось даже достроить обсерваторию вследствие скоропостижной смерти Симонова. Из-за прекращения всяких доходов с имущества Лаборатории и разорения большинства просвещенных богатых лиц, способных оказать материальную помощь, она осталась без всяких денежных ресурсов, так как в течение 23 лет ее существования все расходы по научной и просветительной ее деятельности покрывались частными пожертвованиями и доходами с ее домов, отдававшихся под частные квартиры. Правду говоря, бюджет Лаборатории стал дефицитным уже с 1916 года. И она продолжала функционировать благодаря энтузиазму сотрудников. Так, например, директор С.И. Метальников не только ничего не получал за свой административный труд, но и тратил большие личные суммы на оборудование различных лабораторий и их содержание. Заведующие многими отделениями точно также бесплатно руководили научными работами, ассистенты же получали чисто символическую плату.

К концу 1917 года вследствие всеобщего обеднения частных лиц (например, Н.А. Морозов потерял в результате национализации все свои накопления, около 40 тысяч рублей, которые хранил в банке), сделало

абсолютно невозможным дальнейший бесплатный труд, а полное отсутствие доходов с недвижимого имущества поставило учреждение в совершенно безвыходное положение. Не было денег даже на отопление. Обладая громадным, приспособленным для науки имуществом, ученые не могли целесообразно его использовать. Директор учреждения С.И. Метальников выехал в Крым и там застрял. Не будучи в состоянии возвратиться, он сложил с себя обязанности директора.

Вот в таких условиях Совет Лаборатории 26 апреля 1918 года избрал директором Н.А. Морозова.

Новый директор выступил с предложением преобразовать Биологическую Лабораторию в более разностороннее ученое учреждение — Петроградский Научный Институт имени П.Ф. Лесгафта, что и встретило в Совете почти единодушную поддержку. 10 июня 1918 года был выработан прилагаемый здесь Устава Института.

УСТАВ

Петроградского Научного Института им. П.Ф. Лесгафта

§ 1. Петроградский Научный Институт имени П.Ф. Лесгафта имеет целью предоставление лицам, получившим высшее естественнонаучное или медицинское образование, заниматься по возможности безвозмездно теоретической или практической разработкой естественных наук в широком смысле слова и является самостоятельным научным учреждением, состоящим в ведении Министерства Народного Просвещения, на одинаковых с другими учеными учреждениями основаниях.

§ 2. Институт имеет все права юридического лица, в том числе и право владеть недвижимыми имуществами и капиталами и право распоряжаться ими.

§ 3. Институт имеет право входить в договоры с общественными организациями, с научными и учебными учреждениями для совместной с ними деятельности и предоставлять им с этой целью на специально выработанных условиях часть своих имуществ и научных средств. В особых случаях для управления создаваемыми таким образом новыми учреждениями может быть составляем Особый Комитет из членов Совета Научного Института и представителей данного учреждения.

§ 4. Лица, желающие быть допущенными к занятиям в Институт, подают прошение с приложением своего *curriculum vitae* и с изложением цели занятий. Лицам, допущенным к занятиям в лабораториях или кабинетах Института ведутся специальные списки, которые прилагаются к годичным отчетам.

§ 5. Институт имеет право открывать учебные заведения и отдельные курсы, устраивать публичные лекции и собрания.

§ 6. Отчеты о трудах Института публикуются в издаваемых им «Известиях Петроградского Научного Института имени П.Ф. Лесгафта» (Продолжение «Известий Петроградской Биологической Лаборатории»).

§ 7. Институт имеет отделения: анатомии человека и сравнительной анатомии; экспериментальной биологии и зоологии со специальными музеями; физиологическое, ботаническое, минералогическое, геологическое, химическое, физическое; научной библиотекой, астрономической обсерваторией и обладает помещениями для практических занятий.

Совет Института может по мере надобности открывать и другие отделения.

§ 8. Средства Института состоят: 1) из доходов с недвижимых и движимых его имуществ, его изданий и другого рода предприятий, и 2) из ассигнований государственных, городских и земских и из пожертвований.

§ 9. Общее направление научной деятельности Института и общее наблюдение за его хозяйственной частью возлагается на Совет, состоящий из 9 членов, избираемых Советом на открывшиеся в нем вакантные места.

§ 10. В члены Совета могут быть избираемы: а) ученые, известные своими научными трудами и б) лица, оказавшие Институту особые услуги своим трудом или предоставлением материальных средств.

Примечание. Члены Совета, избранные из лиц, означенных в пункте б., пользуются при рассмотрении научных вопросов лишь правом совещательного голоса.

§ 11. Совет имеет право избирать в почетные члены Института известных ученых и лиц, оказавших крупные услуги Институту. Он имеет высшее наблюдение над научной и хозяйственной жизнью Института, избирает из своей среды директора на каждые три года и ученого секретаря; избирает заведующих отделениями, утверждает лиц, занимающих прочие штатные должности в Институте, сметы доходов и расходов по всему имуществу Института за исключением предусмотренных в § 3. В случае отъезда из Петрограда какого либо из своих членов на продолжительный срок. Совет имеет право выбрать на это время его заместителя. Для действительности заседаний Совета требуется присутствие по крайней мере трех членов, кроме директора, а при его отсутствии его заместителя.

§ 12. Дела в Совете решаются простым большинством голосов присутствующих членов, при чем при равенстве голосов перевес дает голос председателя за исключением вопроса, указанного в § 20 и выбора новых членов для действительности которых необходимо тоже самое число голосов, как и в § 20.

§ 13. По каждому заседанию Совета ученым секретарем составляется журнал, к которому приобщаются и особые мнения членов.

§ 14. Член Совета, не посещавший заседаний в течение года без уважительных причин, считается выбывшим из Совета.

§ 15. Непосредственное наблюдение за научной и хозяйственной деятельностью Института вручается директору. Директор созывает Совет на очередные заседания, не менее шести раз в год и на экстренные по мере надобности.

§ 16. В случае болезни или отсутствия директора его обязанности исполняет один из членов Совета, а при невозможности этого одно из штатных лиц Института по выбору Совета.

§ 17. Непосредственное ведение хозяйственной части возлагается на заведующего хозяйством Петроградского Научного Института имени Лесгафта, утверждаемого Советом по представлению директора,

§ 18. Институт имеет печать с надписью: Петроградский Научный Институт имени Лесгафта.

§ 19. В случае ликвидации отношений предусмотренных в § 3 все переданные такому договорному учреждению имущества Научного Института возвращаются ему обратно, с вознаграждением могущих произойти ущербов. Относительно имуществ второй договорившейся стороны должно быть указано в самом договоре. В противном случае и они остаются за Научным Институтом.

§ 20. Изменения пунктов устава Института допускаются при согласии на это не менее 5-ти членов его Совета.

Директор *Николай Морозов*.

Члены совета: *Л. Орбели, Ф. Чентукова, В. Бауман, Е. Федоров*.

В следующие же месяцы 1918 года к зоологическому, ботаническому, физиологическому, анатомическому, физическому, химическому отделениям и астрономической обсерватории, на основании § 7 Устава, были прибавлены еще отделения астрономическое, микробиологическое, зоопсихологическое, физической химии, и началась достройка обсерватории. Чуть позже было открыто и отделение астрофизики. С целью финансирования деятельности всех этих отделений и их расширения было решено сделать Институт государственным учреждением. Для этого велись долгие и трудные переговоры с Народным Комиссариатом по Просвещению. Вся основная работа лежала на плечах директора Н.А. Морозова. В результате вопрос был решен положительно и получены достаточные субсидии для начала научных работ. Достаточные с учетом почти невыносимых условий жизни в Петрограде в

1918 году. Многие сотрудники не пережили это время и просто умерли от голода. Были привлечены и много новых сотрудников.

Вообще, несмотря на хозяйственную разруху, в это время один за другим начали создаваться специализированные научно-исследовательские институты. И среди них Петроградский научный институт им. П.Ф. Лесгафта занимал достойное место. Уже одно это дело оставило бы имя Н.А. Морозова в истории.

Директорство научным учреждением в это время было делом сложным и хлопотным. В ноябре 1917 года для руководства наукой и культурой был создан Народный комиссариат по просвещению (Наркомпрос), который возглавил А.В. Луначарский. Организацией научных институтов и руководством их деятельностью в системе Наркомпроса занимался Научный отдел. А в 1922 году произошла реорганизация, и делами института стало заниматься Главное управление научными и музейными учреждениями (Главнаука). Количество бюрократов, занимавшихся наукой, увеличивалось. Увеличивалось и количество требований к Институту.

Главной задачей Н.А. Морозова было не только восстановление, но и расширение деятельности Лаборатории. Идея о превращении Биологической лаборатории в комплексное научное учреждение возникла еще в дореволюционные годы. Но только теперь представилась возможность воплотить в жизнь его замыслы.

В июне 1918 года Морозов вместе с членами Совета Лаборатории — Л.А. Орбели, И.Д. Стрельниковым — подготовили и представили в Наркомпрос Записку о создании на базе Биологической лаборатории нового научного центра исследований, где бы изучались вопросы естествознания — от астрономии до ботаники и физиологии человека. В основу деятельности института они выдвинули принцип, которому в своей работе следовал и П.Ф. Лесгафт, — принцип науки, единой в своем многообразии. Понимая трудности, которые переживала Советская республика, ученые просили *«поддержать это одно из больших и заслуженных учреждений России, ассигновав средства на содержание даже не всего наличного, а только необходимого для поддержания средних размеров деятельности ученого и служебного персонала»*⁸.

Главную особенность нового института Н.А. Морозов видел в организации таких отделений, которые не получили официального выражения и признания в виде кафедр в университетах и в Академии наук. Это были по большей части новые или мало разработанные направле-

⁸ Организация науки в первые годы советской власти (1917—1925): Сб. док. Л.: Наука, 1968. С. 255.

ния в естественных науках, такие, как генетика, зоопсихология, физическая химия, микробиология и др.

Вот, например, отделение зоопсихологии. К его организации приступили в конце 1918 года. В его задачи входило изучение сравнительной психофизиологии животных. Его заведование первоначально находилось в ведении Л.А. Орбели. Предполагалось, что это отделение будет находиться в самой тесной связи с Зоосадам, над животными которого можно будет производить психофизиологические опыты.

Но из-за экономических трудностей летом 1919 года сотрудники отделения были командированы в Курскую губернию для зоопсихологических наблюдений и исследований в естественных условиях над жизнью главным образом перепончатокрылых насекомых.

Сегодня этология, наука, занимающаяся изучением поведением животных, достигла достаточно высокого уровня развития.

Вообще вопросами биологии занимались так же зоологическое, ботаническое, анатомическое, микробиологическое и физиологическое отделения.

К работе в Институте Н. А. Морозов привлек многих видных биологов. В разные годы там работали Л.А. Орбели, В.Л. Омелянский, К.Н. Давыдов, И.Д. Стрельников, П.П. Сушкин, В.Н. Любименко. Благодаря деятельности этих ученых, направляемых энергией Морозова, в нашей стране уже в первые годы после Великого Октября образовался и функционировал крупный исследовательский центр с широким кругом изучаемых биологических проблем, способный объединять, координировать и планировать работу, выполняемую се коллективом.

Биологические лаборатории Научного института им. П.Ф. Лесгафта начиная с 20-х годов приступили к экспериментальному изучению разнообразных влияний внешней среды на строение и функциональную деятельность растений, животных и микроорганизмов в связи с корреляцией их органов и функций. Результаты этих работ имели значение для познания путей приспособления организмов к различным условиям внешней среды. Они создали теоретические и фактические предпосылки для развития уже в наши дни исследований в области космической биологии.

Материалы, полученные в процессе многих исследований послужили научной базой для законодательства по охране труда.

Анализируя работы фитофизиологического характера, выполненные в Институте в период с 1918 по 1937 год под руководством В.Н. Любименко, можно ощутить влияние на них идей Морозова. Это относится к серии исследований в направлении изучения приспособительной деятельности растения и его фотосинтетического аппарата к изменению

интенсивности света и температуры, спектральному составу, света и периодичности освещения.

Он имел и свой собственный взгляд на биологию. В 1936 году была опубликована написанная еще в Шлиссельбургской крепости статья Н.А. Морозова «Факторы биологической эволюции».

В ней он рассматривал вопросы наследственности и изменчивости. Останавливается на характеристике бесполого и полового способов размножения. Оценивая значение первого способа, он во многом оказался прав, высказав суждения, близкие к большинству из современных взглядов на этот вопрос. Им, например, правильно подмечено, что при бесполом размножении происходит утеря широких эволюционных возможностей. Этот способ не дает видам прочности и устойчивости, дробит породу на новые частные вариации. Половое же размножение, подчеркивал он, напротив, дает виду эволюционную перспективность, совершенствует его как одно целое.

Далее Н.А. Морозов перешел к статистическому рассмотрению законов наследственности. Первый закон в его формулировке гласит: «Общее действие всей суммы наследственности, которое побуждает всякое вновь нарождающееся существо быть математически похожим на среднюю норму его исторических предков». Второй закон касался отклонений от средней нормы. Морозов отмечал, что любой материал, взятый для исследования и поддающийся измерению (например, окружность грудной клетки, скорость бега различных людей и др.), красноречиво говорит нам, что любое качество при передаче его потомству варьирует всегда по одному и тому же строгому закону, который теория вероятности уже давно выработала и математически сформулировала для всех случайных событий неорганического мира.

Рассмотрев законы наследственности, Н.А. Морозов перешел к обоснованию приложимости математического подхода к процессу эволюции. То есть возможности вычисления хода эволюции всякого определенного численно качества на определенный промежуток времени.

В работе «Факторы биологической эволюции» он не только высказал и обосновал идею о возможности математического подхода к анализу действия естественного отбора, но и сам дал первый опыт такого анализа.

«Динамическая сущность биологической эволюции, — писал он, — действительно, отражается в статическом состоянии подвергающихся ей видов, и по этому состоянию можно определить и ее направление, и даже скорость.»

Я дал здесь только основу метода ее вычислений, но придет время, когда всякую эволюцию органов и качеств будут определять этим спо-

собою по достаточному ряду статистических наблюдений с такой же точностью, как в настоящее время астрономы вычисляют пути комет по трем одновременным определениям их местонахождения на небесной сфере»⁹.

Морозов оказался прав в своем предвидении. С помощью биометрических исследований удалось получить первые убедительные данные об эффективности действия естественного отбора в природе.

Институт, возглавляемый Н.А. Морозовым, представлял собой весьма разнообразный комплекс специализированных подразделений. Его обширная тематика позволяла найти практическое применение в различных областях народного хозяйства страны. Сотрудниками Института исследовались вопросы, связанные с физиологией движения, рассматривалось, как различного рода деятельность отражается на строении организма, разрабатывались проблемы физиологии трудовых процессов. Исследования сотрудников Микробиологического отделения сочетали теоретическое и практическое значение. Так, работы, имевшие целью изучение разложения жиров микробами и влияние состава среды на бродильную способность дрожжей, представляя теоретический интерес, имели и большой практический выход. Здесь же велись работы, связанные с улучшением пищевых качеств различных видов хлеба путем увеличения содержания витаминов. Ученые Зоопсихологического отделения, изучая проявление инстинктов в жизни животных и использование этих проявлений на практике, нашли более совершенные методы рационального пчеловодства. Он проводил исследования в контакте с такими учреждениями страны, как Комитет по химизации сельского хозяйства СССР, Центральный исследовательский институт сахарной промышленности, Соевый институт, Отделение промышленных животных Сельскохозяйственной Академии им. В.И. Ленина, Высший совет физической культуры и т. д.

Неутомимый пропагандист научных знаний Н.А. Морозов придавал большое значение развитию просветительской работы Института. Многие подразделения Института — Астрономическая обсерватория, Музей сравнительной анатомии и зоологии, Анатомический музей, филиалы Зоопсихологической станции в Борисовке были открыты для экскурсионного посещения. Сотрудниками Института широко велась пропаганда идей охраны природы.

В течение многих лет (с 1919 до 1946 года, т.е. до своей кончины) Н.А. Морозов был ответственным редактором научного журнала «Из-

⁹ Морозов Н.А. Факторы биологической эволюции. — Изв. Науч. ин-та им. П.Ф. Лесгафта, 1936. Т. 19. Вып. 2. С. 26.

вестия Научного института им. П.Ф. Лесгафта». Журнал начал выходить с 1919 года и был одним из немногих научных изданий, которые регулярно печатались в то трудное для страны время. Николай Александрович придавал огромное значение печатанию этого журнала. Институт считал издание «Известий» одной из существенных сторон своей научной деятельности, так как опубликование результатов научных работ является как бы завершением процесса научного творчества, который оканчивается только тогда, когда его результаты делаются всеобщим достоянием. На страницах «Известий» печатались статьи ведущих сотрудников Института и известных ученых-естествоиспытателей, освещались важные даты в жизни Института и видных его ученых, помещались отчеты о деятельности отделений. Журнал пользовался широкой известностью не только в нашей стране, но и за рубежом.

При активном участии Н.А. Морозова Научный институт им. П.Ф. Лесгафта стал центром подготовки научных кадров. Согласно «Положения об Институте», которое было утверждено в июле 1923 года, разрешалось допускать к занятиям в Институте лиц, не принадлежащих к его составу, в качестве практикантов. Еще до создания аспирантуры здесь проходили практику многие выпускники и студенты высших школ РСФСР, а позднее и союзных республик — Среднеазиатского, Томского, Грузинского и Армянского университетов.

Ученых Института, таких разных по своим специальностям и интересам, объединяла редкое умение Н.А. Морозова входить в интересы всех отделений института, что было возможно лишь при его энциклопедичности.

Н.А. Морозов не замыкался в тесные рамки своих специальных заданий, а интересовался и общей жизнью учреждения, в котором он работал. В основу деятельности Института был положен принцип науки, единой в своем многообразии. Он сумел создать в Институте такую интеллектуальную атмосферу, которая благоприятствовала развитию исследований, решению сложных научно-организационных вопросов.

В заключение два слова о тексте 9-го тома. Он самый поздний из всех 10 томов. Работа над ним началась лишь в 1931 году. Пролог в нем не совсем связан с основным содержанием. В его основу положена книга Б. Николаева «Физические начала архитектурных форм». Полагаем, если бы издание продолжалось, эта работа могла бы стать основой самостоятельного тома. Работа в архиве Н.А. Морозова, когда он будет доступен, возможно, позволит найти какие-нибудь указания на подготовку такого тома.

С.И. Валянский

ПРОЛОГ

О ПОГРУЖЕНИИ СТАРИННЫХ ПОСТРОЕК И ИХ РАЗВАЛИН В ЗЕМЛЮ, О ИХ ХРОНИЧЕСКОЙ ДЕФОРМАЦИИ КАК СРЕДСТВЕ УДОСТОВЕРЕНИЯ ИХ ВОЗРАСТА

Однажды, когда мне было еще лет десять или около того, я, пробуя свою силу или просто из любопытства выдвинул из его места большой камень – валун, лежавший на плотном дерне, недалеко от нашей конюшни. Под ним в твердой суглинистой почве оказалось углубление почти в четвертую часть его величины.

Я спросил свою мать, откуда этот камень и она сказала мне, что его еще до моего рождения привезли с берега Волги вместе с другими такими же камнями для закладки фундамента этой самой конюшни, но он оказался лишним и лежал все время на том же самом месте.

И вот, у меня тогда же явилась мысль:

– Значит, камни врастают в землю, и если бы прошло со времени привоза сюда этого камня не десять лет, а сто, то он должен бы был совсем уже погрузиться в почву. А почему же не вдавливаются в землю наши дома?

Я задавал всем окружающим этот вопрос, и никто не мог мне на него ответить, так как общее мнение окружающих было то, что со зданиями этого не происходит, хотя они и стоят на той же наносной земле.

[...] (разрыв текста в рукописи Н. А. Морозова)

Но задать такой вопрос значит и разрешить его. Именно потому-то и приходится раскапывать эти развалины, что они от времени уже потонули в рыхлой земле. Для того, чтобы признать, что они занесены, как это думают, землю, надо прежде всего указать то место, откуда снесена эта земля. Да и почему ветер снес бы землю не с самих построек в окрестности, обнажив еще более их фундаменты, а наоборот, с окрестностей сюда, как бы специально с целью сохранить остатки древних городов для будущих археологов? Лишь для египетских сооружений на границе с Сахарой приемлема теория занесения, но тут мы находим уже исключительный случай.

Читатель сам видит, что существующее теперь объяснение «археологических раскопок», за исключением некоторых египетских, не выдерживает ни малейшей критики с геологической точки зрения. Ведь никто же не засыпает теперь землю ни Саратов, ни Берлина, ни Пари-

жа? Медленно засыпать землю целые поселки или их развалины, или отдельные здания могли бы только неводнения, но в таком случае кто же, кроме Египтян, стал бы строить себе поселки в ежегодно наводняемых местностях? А быстро их засыпать могла бы только катастрофа, при которой огромный хлынувший поток воды принес бы сюда чудовищное количество грязи. Конечно, такие случаи и были в вулканических местностях – Помпеи и Геркуланум живые примеры этого, – но ведь в большинстве других раскопок мы не видим никаких признаков чудовищной катастрофы. Развалины старинных ископаемых поселков – особенно в Месопотамии – имеют скорее всего вид брошенных своими жителями вследствие чумы, или тому подобной страшной повальной болезни, истребившей большинство обитателей и зоставившей уцелевших в ужасе бежать куда глаза глядят от поселившихся тут страшных невидимых демонов. Объяснить это «нашествием иноплеменных» много труднее, так как тогда пришлось бы объяснять, почему сами иноплеменные не пожелали жить в захваченных зданиях, обратив в рабство прежних обитателей их?

Отсюда мы видим, что даже и в долине Нила, кроме покрытия развалин ежегодными наносами нильского ила, мы должны принять во внимание и их собственное постепенное погружение в почву, а потому и вычислять время их постройки по одной средней толщине ежегодных отложений реки, значит получить преувеличенные результаты относительно их древности, тем более, что разжижение почвы при разливах Нила должно очень сильно ускорять погружение в нее всего, что тяжелее ее по удельному весу, или сильно поднимается вверх.

Panta heiz – все течет, – сказал один из греческих классиков, и мы должны наконец принять это к сведению в наших археологических исследованиях. Современные физики давно это знают.

Как типический пример текучести твердых тел уже давно приводится вар. По консистенции своей его куски даже хрупки. Ударьте по ним молотком и они моментально растеснутся как стекло на более мелкие осколки с раковистым изломом и заостренными ребрами. Но оставьте такой кусок лежать несколько недель и вы увидите, что он незаметно расплылся по своей подставке в виде тонкой округлой лепешки, хотя и теперь сохранил свою хрупкость.

Как уживаются в нем оба эти свойства по внешности своей совершенно противоположные друг другу?

Объяснение заключается в том, что предметов абсолютно сохраняющих раз данную им форму в природе не существует.

Можно, например, с уверенностью сказать следующее.

Если вы в продолжение 100 лет будете снимать каменную колонну какого-нибудь высокого здания два раза в год с того же места и тем же объективом на кинематографическую ленту и, получив таким образом 200 снимков, пустите их все в одну минуту¹, то без малейшего сомнения вы увидите очень отчетливо, как она деформируется перед вашими глазами, потому что этим способом вы ускорите для нее течение времени с лишком в 26 миллионов раз².

Точно также увидели бы вы этим способом, как здания, построенные на наносной почве, постепенно погружаются в нее. В этом отношении очень интересна книга проф. Б.Н. Николаева «Физические Начала Архитектурных форм, опыт исследования хронологических деформаций зданий» (1905 года). В ней мы находим кроме математического анализа этого явления, также и массу примеров, подтверждающих такой деформационный процесс, на изучение которого археологи, к сожалению, еще не обращали должного внимания.

Не вполне разделяя его математическую аргументировку, я здесь приведу взамен ее свою, воспользовавшись лишь его примерами и опытом.

I. Хронический переход первоначально цилиндрических колонн в бочкообразные и кувшинообразные формы

Представим себе цилиндр из тугопластического вещества, вроде вара, являющегося последним остатком от сухой перегонки смолы. Он обладает всеми свойствами твердого тела и даже хрупок как стекло при ударе по нему, но при очень медленном давлении он деформируется без трещин.

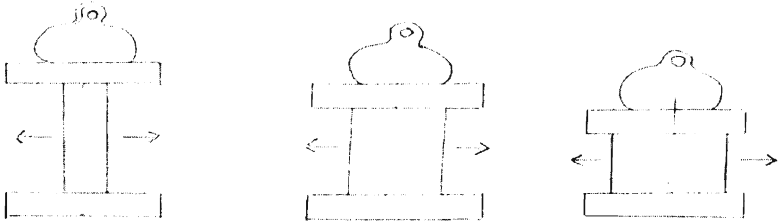
Как будет изменяться этот цилиндр, когда мы поставим его как колонну для поддержания груза? Ответ на это ясен сам по себе. Если плоское основание S_1 , на котором он стоит, и давящая на него плоская плита S_2 , на которой лежит груз, абсолютно скользки, и если его собственный вес уничтожен тем, что он стоит в не растворяющей его жидкости того же удельного веса, то выйдет следующее.

На основании того, что действие какой-либо силы на не ускоряющееся от нее тело равно противодействию с противоположной стороны, мы можем сказать, что давление F_1 подставки S_1 снизу на нашу колонну, лишенную собственного веса, равно, но противоположно давлению на нее груза S_2 сверху, и что это же давление повторяется в давл-

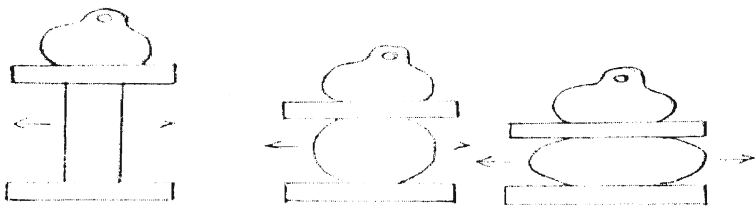
¹ Причем будет около 3 снимков в секунду.

² В году около 262,980 минут.

нии каждого воображаемого поперечного слоя самой колонны на оба соседние с ним слоя. Значит, при абсолютной скользкости плоской его подставки и плоской его прикрышки, каждый такой слой будет расширяться одинаково насчет своей толщины, и колонна постепенно будет понижаться, утолщаясь равномерно во всех своих слоях и сохраняя свой цилиндрический вид (рис. 1, 2, 3).

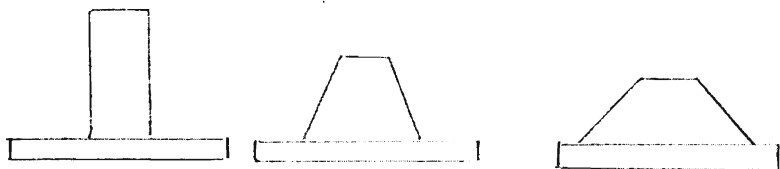

Но это будет только в том случае, как я уже сказал, поверхности основания S_1 и прикрышки S_2 будут ничем не связаны с колонной и абсолютно скользки для ее вещества. Если же вещество колонны прилипло к своему основанию и к прикрышке и не может ни скользнуть по ним, ни расширить их вследствие, например, большой их естественной ширины, то оба концевые слоя колонны, прилипшие к ним, не будут в состоянии свободно расширяться, и толщина колонны тут не будет увеличиваться. А эти два крайние слоя будут задерживать, хотя уже дифференциально медленнее, расширение соседних с ними слоев, и так далее вплоть до середины, где хроническое расширение будет всего более, и потому наша колонна, укорачиваясь, будет принимать все более и более бочковидную форму (рис. 4, 5, 6).

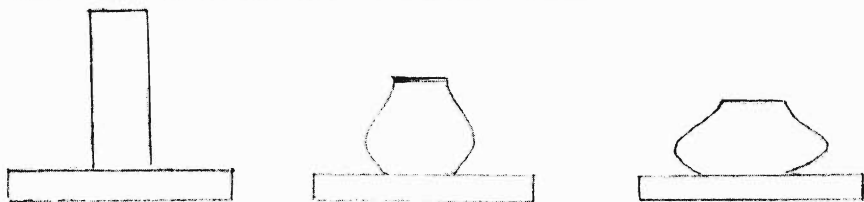

Отсюда ясно, что такая симметричная с обоих концов деформация колонны пропорционально течению времени будет лишь при отсутствии у колонны собственного веса. А для того, чтобы видеть, какое осложнение произведет ее собственный вес, допустим, что она ничего

не поддерживает. Тогда расширение ее верхней части будет совершенно отсутствовать, и при абсолютно скользком основании она будет укорачиваться в высоту, принимая вид усеченного конуса (рис. 7, 8, 9).

Это потому, что каждый более нижний ее слой будет подвергаться суммарному давлению всех верхних, возрастающему пропорционально понижению этого слоя, так же как бывает в сосудах с водой. Но и здесь конусообразная форма будет сохраняться лишь при абсолютной скользкости основания, а если колонна прилипла к нему, то она будет принимать форму срезанной сверху луковицы.

Соединяя этот вывод с предшествовавшим, мы можем определить деформационную фигуру колонны, имеющей в одно и то же время и собственный вес, и одновременно с этим подвергающуюся давлению находящегося над нею карниза. Очевидно, что пояс ее наибольшего утолщения будет тем ниже, чем меньше отношение давления ее карниза к ее собственному весу, и что в случае не скользкого основания наибольшая толщина колонны тут никогда не опустится до степени усеченного конуса.

И опыт вполне подтвердил такой вывод.

Вот, например, посмотрите, как изменилась через несколько недель цилиндрическая колонна (рис. 69 со стр. 92), которую проф. Николаев приготовил из смеси канифоли и мела, с небольшой прибавкой вареного масла, причем мел увеличивал вязкость, а масло увеличивало текучесть канифоли. Форма получилась как срединная между бочкой и луковицей. И как раз такую же форму мы наблюдаем и на древних колоннах.

«Ствол колонны, – говорит проф. Николаев, – чем древнее, тем представляет более приниженные пропорции. Обыкновенно он имеет утолщение приблизительно в нижней трети, но встречаются примеры и почти конических форм. Иногда срединное утолщение чрезвычайно велико и неприятно для глаз».

И он приводит по Шипису (Chipies) колонну храма на острове Ассосе (рис. 18 со стр. 35), а потом дает рисунки и колонн Карнакского храма в Египте по Масперо (Maspero) (рис. 19 на стр. 36).

Мы видим, что здесь обнаружена в точности та самая форма, которую проф. Николаев получил на своих моделях из канифоли. Является лишь вопрос: были ли эти колонны первоначально сделаны цилиндрическими и изменились потом в эти веретенообразные формы, или их сделали не так уж давно, придавши им такой вздутый по середине вид в подражание другим, более древним колоннам, уже деформированным ко времени постройки Ассосского и Карнакского храмов?

«Подобная форма, – размышляет он, – была уже известна Витрувию. Он говорит, что следует утонять ствол колонны по мере высоты; но чем выше ствол, тем менее его следует утонять, рассчитывая на перспективу».

Рисунок, который Витрувий обещает дать в конце своей книги, для показания утолщения по середине, к сожалению утерян. Но даже если бы этот рисунок и не был «утерян» (уж не автором ли?), то дело шло бы конечно лишь о том, что к времени Витрувия, который, как я показывал в IV книге «Христос», писал уже после Коперника (потому что знает времена обращения планет точнее последнего), старинные колонны уже деформировались и он, считая это за первичную форму, хотел показать, как ее сделать.

И мы действительно видим, что большинство колонн современных зданий делается слегка веретенообразными, в подражание деформированным от времени.

Перейдем теперь и к деформации подставок, на которых стоят колонны и к деформации лежащих на них карнизов от давления на них колонн по закону: «действие равно противодействию», характеризующему все тела, находящиеся в статическом состоянии по отношению друг к другу.

Ясно, что колонна должна хронически вдавливаться и в свой пьедестал, и в карниз, под ним, причем вдавливание в пьедестал будет больше, чем в карниз на весь вес колонны.

А вдавливание постороннего тела в какой-либо предмет без образования в нет трещин тоже должно производить его деформацию, и потому между колонной и карнизом устраивается обыкновенно рюмко-

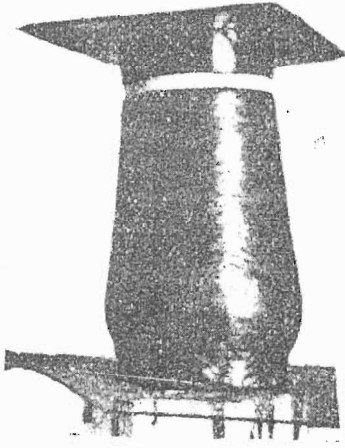

Рис. 69

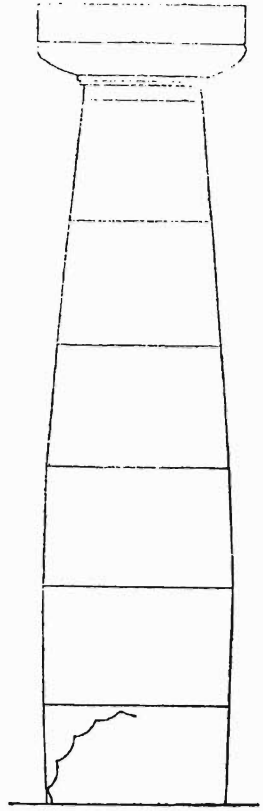

Рис. 18.
Остров Ассос (Chiriez)

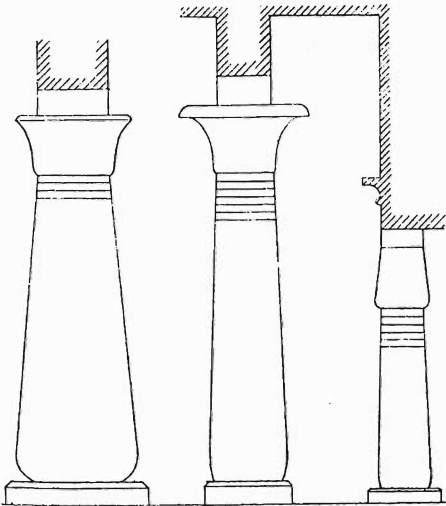

Рис. 19.
Карнак (Масрого)

Рис. 2.
Кашитса, найденная в Альбано близ Рима (Мз)

Рис. 40. Биржа в С.-Петербурѣ 1810 г.

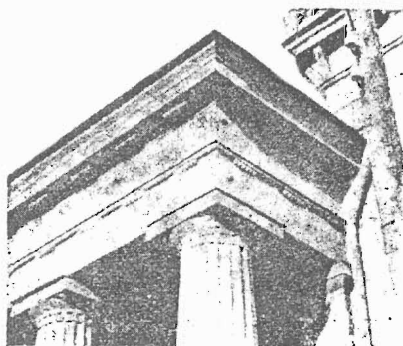

Рис. 41.
Школа десятниковъ въ С.-Петербурѣ

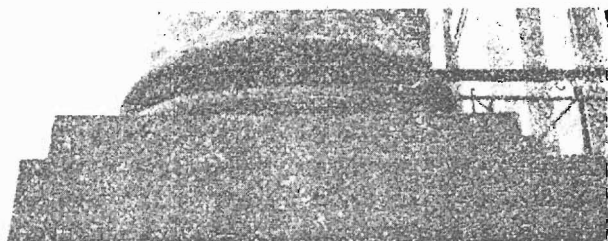

Рис. 48. Академія наукъ въ С.-Петербурѣ

образная капитель (такова, например, капитель, описанная Manch'ом в Альбано близ Рима) (рис. 2, стр. 23). И интересно, что в древних колоннах в той части их капители, где она сходится с самой колонною, постоянно находят 3–4 обручеобразные выемки, которые объясняются тем, что это «шейка» опоясывалась бронзовыми обручами, вероятно для предотвращения ее растрескивания. В настоящее время все такие обручи давно разворованы, но в одном или двух случаях они остались. Пользы в них было конечно мало, так как расширение колонны произвело бы растяжение и металлического кольца и едва ли предупредило бы растрескивание. Как наглядный пример деформации капителей проф. Николаев приводит здание Ленинградской Биржи, построенной в 1810 году и переданной теперь под Музей Академии Наук.

От 1810 до 1905 г., когда вышла его книга «Физические начала архитектурных форм», прошло почти столетие, и автор не без основания указывает, что капители колонн этого здания (рис. 40, стр. 57) слишком плоски для того, чтобы допустить, что они были такими и первоначально. Точно также признаки развороченья капителей нашел он и в двух зданиях около Московской заставы, в одном из которых помещалась в 1905 году «Школа Десятников» (рис. 41, стр. 58). А как пример разворачиванья базисов у колонн автор приводит гранитную базу портика Академии Наук (рис. 48, стр. 61), где случайно, благодаря неравномерной осадке находящейся под нею каменной плиты базы у колонны оказалась явно вдавленной.

II. Хроническое искривление других построек и их частей от собственного давления

Как хороший пример такого рода искривлений автор приводит три арки Кремля в Нижнем Новгороде, построенных на косогоре и сильно искривившиеся без нарушения связности кирпичей, благодаря сползанию под ним почвы (рис. 54, стр. 64). Не менее интересен и Прачечный Мост, как он был в Петербурге 1905 года, где первоначальная дугообразная кривизна благодаря оседанию середины моста перешла на оба конца, сделав середину почти плоской, а края (благодаря расширению хорды, происшедшему от выпрямления дуги) более крутыми, чем были (рис. 42, стр. 58). Такие же явления проф. Николаев заметил и в других старинных каменных мостах. В большинстве их нет никаких разрывов между отдельными камнями, но бывают случаи и наоборот, и как пример их он приводит трещину в Арке Церкви Иоанна Предтечи в Ярославле (рис. 56 стр. 66, где пунктиром показано состояние ее до деформации, а сплошными линиями современное состояние).

Особенно же интересен его опыт с переходом конических крыш в луковичеобразные, из подражания которым и строились так называемые «главы» русских церквей.

Из своего медленно текучего сплава он сделал модель, представленную на рис. 82 (стр. 117) и через несколько недель она обратилась у него в фигуру, изображенную на рис. 83 (стр. 118). А сделав модель, представленную на рис. 88 (стр. 123), он через некоторое время получил для нее очень типическое искривление (рис. 89), и в конце концов она и все изображения спустились на подставку.

Мы видим здесь тот же путь искривления, который приводит и первичный конус к луковичеобразной форме. И совершенно такие же типы мы имеем во множестве русских церквей. Вот например хотя бы храм Богородицы в Елецком монастыре, каким он был в 1905 году (рис. 84, стр. 118). Ведь это совершенно тот же тип, как и деформировавшаяся модель проф. Николаева. Само собой, понятно, что Елецкий храм и был первоначально построен приблизительно таким же, каким он существовал в 1905 году. Но, почему? Ответ совершенно ясен. Архитектор уже видел деформировавшиеся конические крыши, но, ничего не подозревая о деформациях, думал, что они и были построены такими. А благодаря тому, что эта форма оказалась красивее первоначальных усеченных конусов, он и воспроизвел ее, хотя и с несравненно большим трудом на своем сооружении.

Рассмотрим теперь хроническое изгибание горизонтально лежащих каменных прикрышек уже приведенных мною не раз зданий бывшей биржи, а теперь Музея Академии Наук, как это сфотографировал проф. Николаев в 1905 году (рис. 37 и 39, стр. 56). Никакой архитектор, конечно, не воспроизводил этого при своих постройках вследствие уродливости такой деформации. Значит, и в приведенном проф. Николаевым примере она сама возникла за 95 лет существования теперешнего Музея Академии Наук. Но для нас она особенно поучительна. Из фотографии видно, что изгиб произошел без образования расхождений между отдельными гранитными камнями, — значит, путем хронической деформации самих камней от их давления друг на друга. Отсюда ясно, что деформироваться как одно целое могут не одни монолитные сооружения, вроде цельных мраморных или гранитных колонн, а и сцементированные из отдельных камней, хотя бы например из кирпичей, путем той же хронической деформации последних. Как пример этого проф. Николаев приводит один из минаретов Бухары, обнаруживающий признаки такого же бочкообразного расширения по середине,

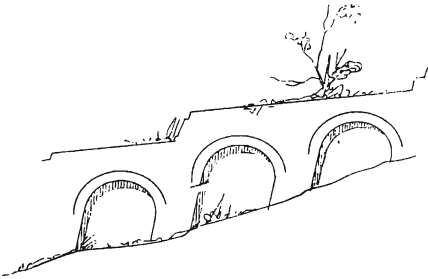

Рис. 54.
Кремль въ Новгородѣ (Схематическій чертежъ)

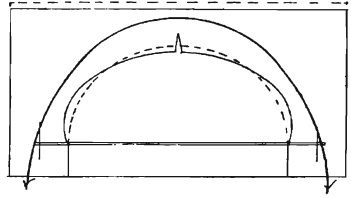

Рис. 56.
Церковь Иоанна Предтечи (Схематическій чертежъ)

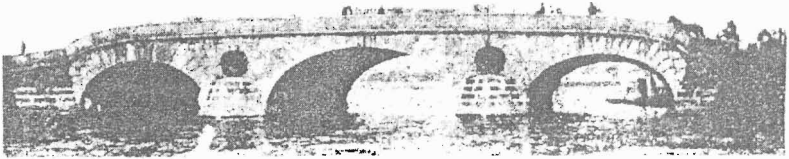

Рис. 42. Прачешный мостъ въ С.-Петербурѣ

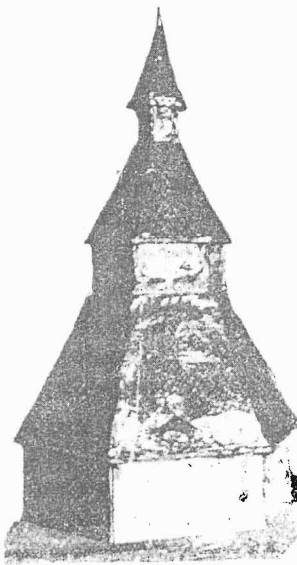

Рис. 82

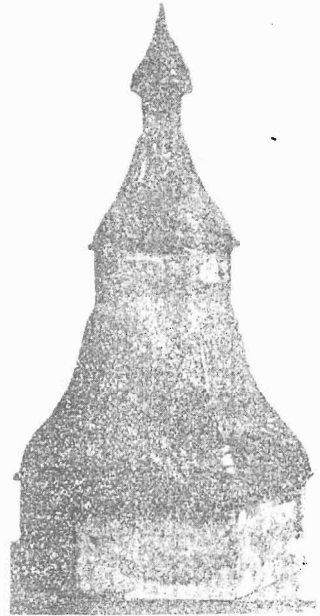

Рис. 83

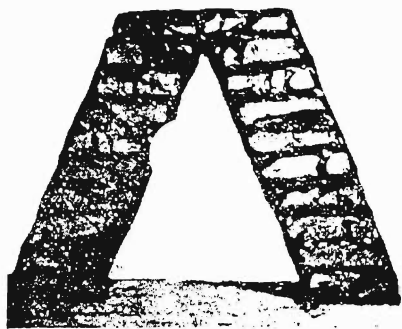

Рис. 88

Рис. 89

Рис. 84. Храм Пресвятой Богородицы въ Елецкомъ монастырѣ

Рис. 39. С.-Петербургъ 1810 годѣ

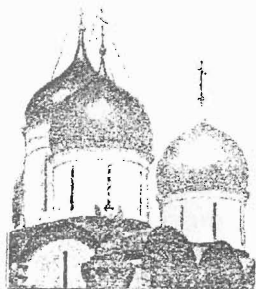

Рис. 31
Успенскій соборъ въ Москвѣ

как и колонны старинных зданий (рис. 100, стр. 136). Он думает, что она сначала имела форму усеченного конуса.

Во всех этих случаях не только не образуется промежуточных щелей между отдельными камнями, но наоборот уничтожаются все первичные щели, оказавшиеся между ними благодаря неточности первоначального прилаживания. При общей деформации постройки камни ее соответственно самоскашиваются, переходя, например, из прямоугольников в косоугольники. Из правильных усеченных треугольников в арках они переходят в косые усеченные треугольники, а в колоннах отдельные камни должны сплющиваться (рис. 30, стр. 45). Если их утолщение по середине колонны произошло от деформации, то оно должно сопровождаться соответственным уменьшением вертикального размера ее кирпичей сравнительно с не расширившимися частями, а если этого нет, то, значит, утолщение сделано искусственно из подражания деформировавшимся таким образом старинным колоннам.

С этой точки зрения чрезвычайно интересно, что деформационная луковичеобразная прикрытие храмов (вместо правильных куполов, естественно изображавших небесный свод) существует в самых отдаленных друг от друга странах совершенно разной культуры. Так проф. Николаев приводит Успенский собор в Москве (рис. 31, стр. 46), Мечеть в Дэли в Индии (рис. 32), мечеть Азреил в Туркестане (рис. 36), Собор Св. Марка в Венеции (рис. 38) и входную Башню кладбища в Галле (рис. 34).

Произошли ли они от одного древнего образца или возникли независимо, от одинаковых деформаций первоначально более легких для постройки конических крыш?

Почти с уверенностью можно сказать, что в данном случае возможно и независимое происхождение этого типа в самых отдаленных местах, вызванное одним и тем же явлением и имеющим место повсюду.

А вот и причина луковичеобразных деформаций. Существуют записи, что на Черниговском соборе, — говорит проф. Николаев, — в «Московское Правление» была сделана деревянная крыша вместо прежней свинцовой, и что Елецкая церковь при Батые была, наоборот, прикрыта ОЛОВЯННЫМИ (вероятно, тоже свинцовыми) таблицами. Но несомненно, что кровли, сделанные из такого текучего материала, как свинец (или даже олово) не могли сохранить долго своей первоначальной формы и скоро превратились сами в луковичеобразные... упомянутый тут способ покрытия свинцом и оловом не был тут, конечно, изобретен. Очень возможно, что он пришел к нам также из Византии,

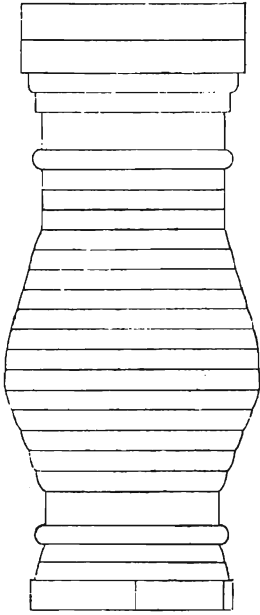

Рис. 30.
Колонна Набатной башни. (По объ-
рамъ С. Б—ва и Б. Н—ва)

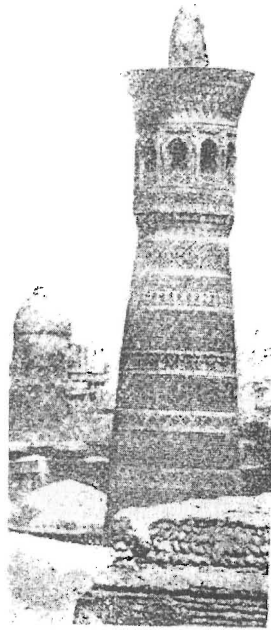

Рис. 100. Бухара

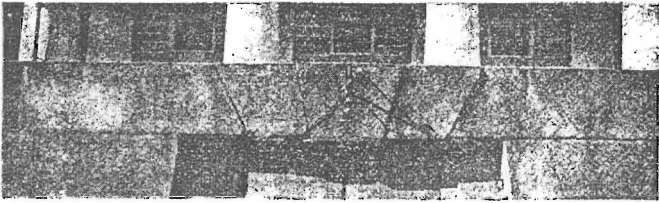

Рис. 37. Биржа въ С.-Петербурѣ 1810 г.

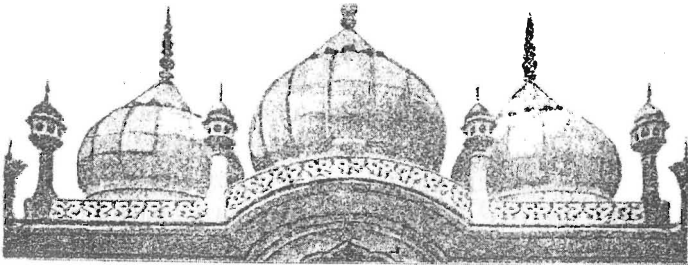

Рис. 32
Мечеть въ Дели

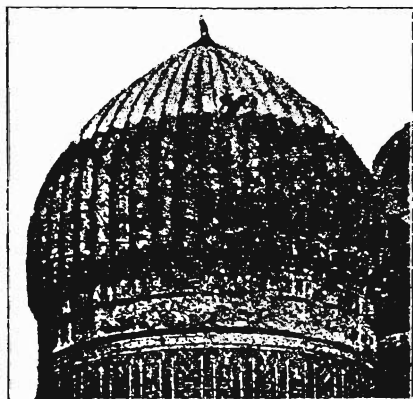

Рис. 36.
Мечеть Азретъ въ Туркестанѣ

Рис. 34.
Входная башня кладбища въ Галле.
1592 (Architectonische Rundschau.
1905)

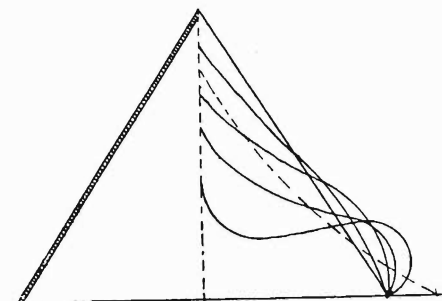

Рис. 79

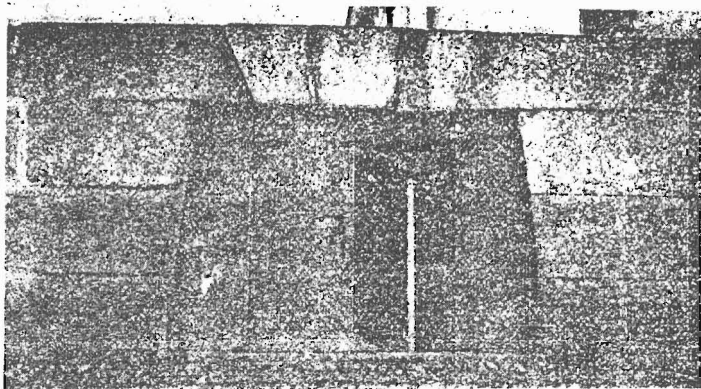

Рис. 38. Биржа въ С.-Петербурѣ 1810 г.

где тоже из первоначального свинцового конуса самообразовалась быстро луковица, которой и стали подражать.

Для подтверждения этого проф. Николаев сделал небольшой конус из своего тугоплавкого состава, и, припаяв его основанием к доске, предоставил действию собственного веса. Постепенно он начал правильно деформироваться и пройдя через форму восточных церковных куполов (рис. 79, стр. 115) опустился, наконец, совсем на доску.

Само собой понятно, что при медленности этой деформации купол обновлялся задолго до своего окончательного опускания, и память населения запечатлевала долго длившуюся луковицеобразную форму старинных церквей, которую, не зная причины, и воспроизводили архитекторы на новых церквях повсеместно. Но это обстоятельство не только не опровергает луковицеобразной деформации старинных первоначально конических крыш, а лишь, наоборот, значит, что эта деформация была замечена уже давно и даже послужила к возникновению нового типа сводов, появившихся независимо друг от друга в отдаленных и различных по культуре странах.

* * *

Соединив все эти деформационные явления с уже упомянутым мною вращением зданий, построенных на наносной почве, в землю, получим надежный метод определения времени их постройки, проверки существующих теперь представлений о их возрасте.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

ОСНОВНЫЕ ЗАКОНЫ УМСТВЕННОЙ ЭВОЛЮЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Наблюдая историческую жизнь человечества от самых ранних стадий развития его общественности и вплоть до настоящего времени, мы не можем не отметить того факта, – первостепенной идеологической важности, – что всякое открытие и всякое усовершенствование, назревшее в любом человеческом коллективе, осуществлялось не иначе, как через какого-нибудь из самых одаренных его индивидуумов. Само общество, как коллектив, помимо своих выдающихся индивидуумов не может ни открыть, ни выдумать ничего нового ни путного, ни беспутного, оно может только коллективно применять в своих практических делах выдуманное или открытое лично кем-нибудь из его выдающихся членов инициаторов.

Как пример этого я уже приводил где-то закон тяготения Ньютона. Нам рассказывают, что Ньютон, одиноко сидя под яблоней, пришел к этому великому выводу, легшему в основу всей современной небесной механики, при простом виде падающего яблока. И этот процесс одинокого мышления нам вполне понятен, хотя сам рассказ может быть и простым анекдотом.

Но что ответили бы вы мне, если б я вместо такого анекдота придумал вам другой о коллективном открытии того же самого закона:

Семь человек, – сказал бы я вам, – лежали под яблоней и увидели падающее яблоко, все в унисон пришли к одной и той же идее и сказали бы разом так, что слова их слились в одну общую коллективную хоровую фразу:

«Сила тяготения физических тел прямо пропорциональна массам физических тел и обратно пропорциональна квадратам их расстояния».

Вы ответили бы мне, что так могли отвечать разве что школьники в классе, после того, как их заставил заучить это выражение тоже индивидуум – их учитель.

Да и в чисто материальной области не может быть никогда коллективного изобретения. Возьмем, например, изготовление иголки при первоначальном разделении труда, когда еще не была изобретена (тоже каким-то индивидуумом) иглоделательная машина, и иголка приго-

товлялась коллективно: один нарезал стальную проволоку, другой ее заострял, третий пробивал ушко...

Что ответили бы вы, если бы я вам сказал, что игла и была изобретена тремя человеками: один увидал проволоку и ему пришло в голову ее нарезать на разные кусочки, другому, сидевшему напротив, пришла в голову мысль заострить все эти кусочки, третьему – пробить в них по ушку, а сидевшей напротив женщине – вставить в нее нитку и зашить таким способом прореху на своем платье.

Вы, конечно, ответили бы, что такой рассказ об изобретении втроем иглы годен только для малолетних детей, что игла могла быть изобретена только вся индивидуально, да и ее коллективное производство могло быть придумано тоже лишь каким-нибудь отдельным мыслителем.

Мы видим отсюда, что всякое подавление или затруднение личной инициативы и изобретательности, произведенное каким-либо прямым или косвенным путем, является бессознательной попыткой приостановить движение человечества к лучшему будущему, а потому губительно и для самого общества.

Во всякой уже давно практикующейся области человеческой деятельности количество работающих над тем же самым предметом всегда само стремится быть пропорциональным общественной потребности в данном роде труда и потому регулируется само собою, подобно тому, как воды в море приходят к тому же самому уровню, несмотря на неровности дна и на действие приливов и отливов. Излишество работающих в одной области само собою сопровождается отливом из нее людей в другую область, где чувствуется недочет, а общее излишество, приводящее к накоплению безработных, устраняется только общим сокращением годового времени труда, которое может совершенствоваться двумя способами: 1) сокращением часов рабочего дня и 2) сокращением рабочей недели.

Первый способ применялся уже давно в рабочем законодательстве промышленных стран, а второй был разработан впервые мною еще в 1874 году перед моей первой эмиграцией¹ и сообщен в 1928 г. Н.И. Бухарину, а потом и М.А. Лурье (Ларину), который и провел его в наше законодательство со своими дополнениями. Сначала я думал, что западноевропейские государства сейчас же подхватят нашу «шестидневку», выбросив из числа дней недели понедельник (как я предлагал

¹ См. «Повести моей жизни», написанные в Двинской крепости в 1912 г., напечатанные впервые в журн. «Русская Мысль» (№№ 10–12) в 1915 г. Последнее их издание вышло в 1933 г. в изд-ве О-ва Политкаторжан (том II, стр. 224).

М.А. Лурье), но теократическая косность оказалась в западной Европе так велика, что этот способ облегчения жизни и до сих пор практикуется лишь у нас.

Выработанная мною общая формула этого сокращения, которую я показал М.А. Лурье, такова:

$$x = \frac{a - v}{365 - v} \quad x = \frac{v - a + (П' - П'')}{365 - a + (П' - П'')}$$

Где x есть понижение общего годового производства в государстве от перехода к более сокращенной неделе; a — годовое число очередных свободных дней (в данном случае «воскресений») при прежней неделе; v — годовое число их при новой неделе; $П'$ — число одиночных праздников при употреблении прежней недели, и $П''$ — число их после перехода к новой неделе.

В данном случае число «воскресений» было 52 в году; при переходе к шестидневке $365 : 6 = 61$, т.е. на 9 дней больше. Исключим и... из счета, как числа произвольные (и при незначительном числе мало влияющие на общий результат) и разделив избыточные 9 дней на $365 - 52$ дня, т.е. на 313 дней, мы получаем по нашей формуле $x = 0,029$, т.е. при переходе от семидневной недели к шестидневке общая годовичная продукция государства уменьшается лишь на 3%, что соответствует сокращению 8 часового рабочего дня только на 14S минут и может быть уравновешено их прибавкою (а при 7-часовом рабочем дне уравновешивающая ежедневная прибавка = 12S минут).

А если от семидневной недели перейти к пятидневке, то число очередных свободных дней в году будет $365 : 5 = 73$, т.е. уже на 21 день больше, и разделив это число как и в предшествовавшем случае на 313, получим $x = 0,066$, т.е. недочет годового общего производства почти на 7%, что соответствует сокращению 8-часового рабочего дня уже на 33 минуты. Каникулярное время я в обоих случаях не брал в расчет, так как и новая и старая неделя пропорционально налегают на него.

В беседе с М.А. Лурье я доказывал непрактичность непосредственного перехода от семидневной недели к пятидневке и стоял за шестидневку, а Лурье думал пополнить недочеты пятидневки непрерывкою, что мне казалось неубедительным и социально неудобным.

Но если в области регулярного физического или преподавательского труда время занятий может быть заранее расчислено и государственно планировано, то в исследовательской деятельности, где, как я только что сказал, человеческое общество может идти вперед только через посредство индивидуумов, и притом стоящих перед неизвестным, парал-

лелизм многих в той же моей работе является выгодным, потому что чем больше достаточно подготовленных умов направлено на поиски еще неведомых сил природы и технических средств, тем скорее эти силы и средства будут открыты, подобно тому, как всякая потерянная в лесу вещь тем скорее будет найдена, чем больше народу пойдут ее искать.

Параллелизм работы отдельных личностей и материально обеспеченная свобода их действий являются в умственной творческой области не только обузой, а великим благом для всякого человеческого общества, рассматриваемого не в одном его моментальном, однодневном состоянии, а в общеисторической перспективе. И в этой перспективе мы даже видим, как почти все первостепенные открытия и изобретения человеческого гения не только не схватывались сразу обычными умами толпы и не пускались ею в дело, а, наоборот, встречали противодействие уже укрепившейся рутины и лишь после того, как она была сломлена, дальнейшее развитие новых идей шло плавно на новом фундаменте.

Переходы от быстрой и резкой революции к длительной и плавной эволюции и от длительной и плавной эволюции к новой быстрой и резкой революции — являются основною чертою роста и умственной и материальной культуры всех народов и государств. Периоды революции характеризуются борьбою обособившихся под различными знаменами и лозунгами общественных групп и профессий, а периоды эволюции — объединением всех людей для дальнейшей деятельности на новых началах.

И мы можем отметить, что всякая серьезная революция начиналась сверху и первыми ее глашатаями и вожаками являлись лица из образованных классов, а не из безграмотной части населения. В последнем случае выходил только бунт, как это было, например, в России при Пугачеве. И лишь тогда, когда среди самых образованных классов начинается непримиримая вражда новаторов и рутинеров, революция принимает осмысленный характер и инициатива затем стихийно переходит от отдельных лиц и групп к массам, характеризуясь диалектической триадой: от тезиса к антитезису и от антитезиса к синтезу, как к новому тезису. Примерами революций, происшедших сверху с быстрой победой новаторов над реакционерами мы можем привести церковную революцию Григория Гильдебранда в католицизме, или английскую революцию при Кромвелле. Типическим примером революции, тоже начавшейся сверху, но принявшей стихийный характер вследствие непримиримой борьбы новаторов не только с рутинерами, но и между собою, мы видим в великой французской революции, где диктатура клерикалов и

феодалов сменилась диктатурой санкюлотов и закончилась, как своим синтезом, гегемонией буржуазии XIX века, как новым тезисом.

Смена длительных тезисов быстрыми революционными антитезисами объясняется тем, что консерватизм и рутинерство есть, по-видимому, отличительные черты средне-человеческого характера. Вот, например, случай, прямо относящийся к предмету нашей главы — развитие человеческих алфавитов. Взгляните только на французское и английское правописание. Недаром говорится, что по-английски пишется *лошадь*, а читается *корова*. Нет почти ни одного слова, которое произносилось бы так, как оно написано, и это составляет предмет огромного, совсем не нужного труда для миллионов ежегодно учащихся детей, а сравнительную филологию прямо парализует недостаточность латинской азбуки. Раз в мое второе пребывание за границей в 1881 г. мне пришлось быть в редакции бланкистского журнала <...> в то время, когда туда прибежали репортеры с какими-то спешными известиями, которых они не успели записать, а потому диктовали редактору. При произнесении ими почти всякой новой французской же фамилии следовал вопрос: *coment vous l'ecrivez?* (как вы ее пишете).

Да и у других западноевропейских народов не многим лучше. Латинская однобокая азбука совершенно негодна для научной филологической литературы, неизбежно принявшей теперь всенародный характер. В ней нет даже мягкого знака для согласных звуков и одни и те же буквы вроде С читаются там совершенно различно перед различными гласными, не говоря уже о множестве других прелестей. Да и у нас рутина еще торжествует, благодаря отсутствию <...> и обозначений для итальянских звуков <...> и твердого Се, присутствующих и во множестве других языков, и полного отсутствия значков для мягкого произношения гласных, характерного для французского и немецкого языков, и жесткого для восточного Э, и ни в одной из европейских азбук нет значка для придумного обозначения всех согласных звуков, типичного для языков восточных.

Для всякого филологически образованного человека ясна фактическая невозможность научной филологии при существовании таких однобоких азбук и их непригодности даже для родной литературы, в которую ежегодно входят иностранные слова, как не пригоден для музыки рояль, у которого не достает половины клавишей и кажется, что хоть в этом случае не трудно было бы сделать революцию сверху и выработать на общем съезде филологов новый легко читаемый и изучающийся быстро международный алфавит. Но ничего подобного не происходит, и этот факт упорной косности всех народов в деле, не

требующем даже больших материальных затрат, но необходимом для науки и до чрезвычайности облегчающем обучение подрастающей молодежи, является наилучшим подтверждением уже высказанной мною истины, что всякое усовершенствование жизни производится никак не коллективом, а только выделившимися из него отдельными личностями, и это можно видеть даже на митингах, обязательно избирающих себе лишь одного председателя, чтобы давал говорить только отдельным участникам, потому что когда все заговорят коллективно, то ничего не выйдет кроме шума.

Однако для того, чтобы индивидуальные изобретатели и открыватели технических средств или новых идей, создающих эпоху в какой-либо отрасли общественной жизни и деятельности могли заставить массы выйти из их первобытной инертности, всегда было необходимо одно условие. Было нужно, чтобы инициаторы их так или иначе получили силу принудить инертное человеческое общество принять назревшую и сформулированную ими общую перемену, или чтобы они случайно могли действовать через личность, имеющую власть над массой или по привилегии рождения, или почти всегда, благодаря каким-нибудь исключительным обстоятельствам выдвинувшей их общественной жизни, например, победы над врагами внутри расколовшегося на враждебные части государства, поставившими их в положение исключительных вождей своей страны.

Без этой помощи всякое идейное и техническое изобретение, требующее преобразования старой рутины, охватившей целые массы, будет похоже на зерно, брошенное в сухой песок. Оно замрет вместе с изобретателем, и мы запанее можем сказать, что проекты так важного для дальнейшего умственного развития человечества фонетического рационализирования и общего объединения существующих теперь однобоких и уродливых алфавитов (вроде проекта, разработанного мною в III томе «Христа») будут (и неизбежно будут) введены не прямо коллективно по одновременному общему согласию всех народов, а лишь революционным путем, через какую-либо культурную личность, понявшего пользу такого преобразования и получившую так или иначе силу это сделать, и скорее всего в *отдельном* крупном государстве, с которого возьмут через некоторое время пример и другие народы.

Все эти свои размышления общего характера я привел здесь главным образом для того, чтобы выяснить читателю не будущую, а прошлую историю человеческих алфавитов на простом рассмотрении их типических особенностей.

Вот, например, (табл. <...>) сравнение латинских алфавитов (итальянского, французского, английского и готического немецкого). При первом взгляде мы можем видеть, что это один и тот же алфавит, слегка изменившийся эволюционным путем соответственно удобству транскрипции букв и благодаря дополнительным вариантам их произношения.

Мы можем видеть, что и коптская и греческая и славянская азбуки идут из того же самого корня. Они были просто приспособлены к различным языкам тоже по единоличной инициативе, например по инициативе Кирилла с привлечением Мефодия, или по инициативе Мефодия с привлечением Кирилла, а никак не обоими сразу!

Но даже и при переносе старых алфавитов на другие, совершенно чуждые им языки, мы не видим перехода к совершенно новым графическим обозначениям тех же самых звуков речи. Да и зачем было это делать в тех случаях, когда звуки были совершенно те же или различались незначительно? Мы видим, что изобретатели славянских азбук сохранили в своем фундаменте почти целиком коптскую азбуку, которая по видимому была и старогреческой, , так как иначе при отсутствии авиации в средние века трудно понять, как она перелетела с берегов Нила на берега Дуная, не приостановившись в Ромее – Византии?

Изобретатели славянской азбуки (в отличие от латинян) догадались даже, что отсутствовавшие в коптской мягкие вариации согласных звуков можно представить и не особо изобретенными для каждого отдельного случая фигурками, а прямо приставлением к отдельно стоящим коптским буквам одного и того же мягкого знака. Но и они были настолько туги на ухо, что для выражения мягкости согласной в данном слоге отмечали не ее саму, а придумали вариант для следующей за ней гласной, чего избег польский алфавит, где мягкость произношения отмечена кавычкой над каждой согласной, кроме звука <...> в котором, наоборот, отмечено чертой жесткое произношение.

Итак мы видим, что даже при переходе с одного языка на совершенно чуждые ему другие, и несмотря на вековые изменения транскрипции с целью удобств для скорописи, развившейся от частого чтения и литературной практики, мы видим в большинстве букв общее начало, а случайные их резкие замены, вроде, например, того, что изобретение Р для соответствующего греко-русского звука стали писать в западноевропейских алфавитах через R, а само R оставили для изображения звука П, мы можем объяснить случайными ляпсусами тоже какого-то индивидуума, имевшего влияние в окружавшей его и немногочисленной тогда среде грамотеев. Они покорно приняли его ошибочную транскрипцию, вроде того, как старинные придворные стара-

лись принять внешние особенности своих властелинов: делали себе бороды и усы по их образцу, или надевали парики, хотя и не были плешивыми, и пудрились, чтобы придать себе вид седых, как те.

Но такую мимикрией ляпсусам отдельных влиятельных грамотеев никак нельзя объяснить себе тех случаев, когда первичный алфавит изменялся до неузнаваемости целиком, хотя и носил явные следы одного и того же происхождения с только что упомянутыми алфавитами, и даже употреблялся лишь на разных жаргонах того же языка.

Таковы три алфавита, принадлежащие трем на речиям одного и того же семитического языка, отличающимся друг от друга не более, чем русский от украинского. Взгляните только на прилагаемую таблицу. Их общее происхождение с греческим и коптским сразу обнаруживается одинаковостью названий всех общих букв: альфа, бета и т.д. Но зачем же какие-то три властные индивидуума (потому что такие штуки не придумать коллективно, как не открыть коммунально и закон тяготения) переделали до полной неузнаваемости прежние изображения букв и начали писать так сами, заставили и других оставить прежний, уже вошедший во всеобщее употребление, алфавит и следовать за ним?

Ответ на это один: они хотели замкнуть свою собственную письменность исключительно в среде посвященных ими в нее. Это были не общераспространенные азбуки, а шифры, придуманные их изобретателями или последующими властными вожаками трех различных культов, так как и само слово культ первоначально значило таинство, свидетельством чего является итальянское слово <...> французское <...> и английское <...> (все одного и того же значения: нечто сокровенное). От того же корня и русское слово колдовство, употребляющееся в смысле тайнодействия.

Значит и раввинское квадратное и предквадратное письмо, и мусульманские завитушки и изображения букв своеобразными сочетаниями клинников в Месопотамии никак не древние азбуки, а оккультные шифры, сравнительно позднего происхождения, когда знакомство с греко-коптской азбукой вышло уже из пределов узкого круга служителей культа, и чтение по ней перестало считаться колдовством, возбуждающим суеверный страх у остальной, понемногу культивировавшейся публики.

Когда же произошло все это? Когда и кто перевел раввинов от их прежней, не иначе как коптской азбуки к современной квадратной? Когда и кто изобрел и навязал своим однокультурникам клинопись?

Глава II

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О СЕМИТИЧЕСКИХ ЯЗЫКАХ И О ИХ ПИСЬМЕННОСТИ

В шестом томе «Христа» мне пришлось разъяснять возникновение важнейших из исторических книг в агарянской литературе – Коране, – и указывать на сравнительную недавность ее происхождения, но я еще ничего не говорил о происхождении и свойствах языка, на котором написана эта книга и вся современная агарянская литература, а также и клинописи, которые мне приходится здесь специально разбирать.

Язык Корана филологи считают «умершим прародителем существующих теперь семитских (т.е. в переводе словесных) языков», так как ни один народ на нем не говорит. Но точно ли он действительно умерший древний народный язык, а не международный жаргон средних веков вроде латыни, возникший по необходимости, когда незначительность числа читающих и пишущих людей не позволяла еще развиться национальным литературам? Тогда невольно возникали своеобразные «эсперанто» и «воляпюки», из иностранных упрощений звукового и грамматического состава тех из живущих может быть и до сих пор языков, на которых появились первичные письменности.

Нам не было ни времени, ни места задаваться в предшествовавших томах такими вопросами, но теперь, переходя к разработке клинописей, язык которых принадлежит к тому же типу, как и язык Корана, нам приходится невольно уделить некоторое внимание и этому предмету.

Вот передо мною книга Н.В. Юшманова «Грамматика литературного арабского языка», под редакцией и с предисловием И.Ю. Крачковского (1928 г.). Арабский язык, говорит он, – принадлежит к числу семитских, строение которых отличается от строения других языков преимущественно тем, что корень их слов состоит только из согласных, чаще всего из трех. Гласные же, без которых подобный корень не производим, выражают лишь грамматические отношения данного слова. Так:

к т л имеет общее значение «убиения»,

к а т а л а значит «он убил»,

к у т и л а - «он был убит»,

к а т и л - «убивающий»,

к а т л - «убитый»,
 к а т л - «убийство» и т.д.

Мы видим, что здесь введено в правило то, что в европейских языках случается как исключение. Так, в английском man значит человек, а перемените здесь a на e, и выйдет men – люди; в немецком Bruder значит брат, а перемените u на ü, и выйдет Brü der, братья. А у нас флексия слова получается даже и простым ударением: так, из *города* выходят *города* и проч. В семитических же языках и совсем нет другого рода флексий, кроме таких внутренних. К ним принадлежат восемь языков:

А. Северные семитские	1. Клинописный (Ассиро-вавилонский)	
	2. Еврейско-финикийский	
	3. Арамейские	Западный (библейский) Восточный (сирийский)
Б. Южные семитские	4. Арабские	Северный Южный
	5. Абиссинский	Эфиопский Амхарский

Каждый из них делится еще на наречия и говоры, в словообразовании их всех наблюдается очень много сходства. Вот, например, на таблице 1 несколько примеров, откуда видно, что корни слов у них в большинстве те же и что северо-семитскому звуку Ш соответствует южно-семитское С.

Таблица 1

Вариации тех же слов на разных семитских языках

По-русски:		«мир»	«имя»	«язык»	«дять»	«душа»
А. Северо-семитские	Клинописный	Шаламу	Шуму	Лишану	Хамшу	Напишту
	Евр.-финик.	Шалом	Шем	Лашон	Хамеш	Нефеш
	Арамейский	Шелам	Шем	Лишан	Хамеш	Нафша
Б. Южно-семитские	Арабский	Селам	Ис(э)м	Лисан	Хамс	Нефс
	Эфиопский	Салам	См	Л сан	Хам с	Неф с

Письмо же у семитов крайне различно, хотя все виды его, кроме клинописи, происходят от так называемого «финикийского» алфавита, который, как и в Библии, обходится без обозначения гласных. Эта же черта присуща в значительной степени и остальным семитским письменностям, кроме клинописной и абиссинской, пользующихся слоговыми письменами. Кроме того, семиты избегают писать дважды подряд одну и ту же букву.

Очень близки к семитским языкам хамитские: египетский с коптским и все берберские и кушитские наречия в Африке. Поэтому нередко употребляется в науке название «семито-хамитские языки», объединяющее оба эти семейства.

Нам интересны здесь особенно так называемые «арабские» языки, как ключи к клинописному. Из них южно-арабские представлены только старинными «минийскими» и «савейскими» надписями, и современными бесписьменными наречиями мехри, сокотри и эхкили, на которых говорят лишь немногочисленные племена Южной Аравии.

А северо-арабские языки, называемые обычно просто «арабскими», представлены:

1. Старинными надписями – лихйанскими, семудскими, сафскими, ан-немарскою, неубедительно относимую к 328 году нашей эры; зебедскою, неубедительно относимую к 512 году, и хауранскою, неубедительно относимую к 568 году.

2. Агарянскою письменностью, продолжающейся от средневековой поэзии до газет наших дней почти на одном и том же международном литературном языке.

3. Почти бесписьменными народными наречиями, обслуживающими до 50 миллионов арабов и арабизированных иноплеменников.

Откуда же произошел литературно-арабский язык?

«В древней Аравии, – говорит Н.В. Юшманов, – была распространена поэзия, слагавшаяся на едином языке, несмотря на то, что арабы уже давно говорили по-разному».

Все это так, но первый значительный памятник арабской письменности все же был Коран, закрепивший свой язык в качестве обще-арабского литературного. И сила этого закрепления оказалась такова, что современные образованные магометане хотя и пользующиеся в домашнем быту своими родными наречиями, но объясняются в общественной жизни на языке Корана, лишь с упрощением его грамматики и с обновлением словаря, совершенно как в средние века итальянцы, французы, испанцы и немцы писали свои книги и сносились друг с другом по-латыни, хотя и говорили дома на своих языках. Наряду с Кораном образцами хорошего, классического языка служит также доисламская поэзия, а современная, близкая к Корану речь бедуинов, вероятно, сложилась под влиянием миллионов проходивших по стране пилигримов, объяснявшихся с ними из года в год на языке Корана.

Народный арабский язык распадается, по Н.В. Юшманову, на пять наречий:

Азиатские	1. Аравийские 2. Месопотамские 3. Сиро-палестинские
Африканские	4. Египетское 5. Магрибское ¹

И все они довольно близки друг другу.

Иноязычные влияния на литературно-арабский язык не идут дальше словаря, а его звуковой состав и грамматический строй речи настолько же беднее наполняющих область его распространения народных языков, как и латинский беднее окружавших его итальянского, испанского, французского и немецкого.

В словаре современного нам литературно-арабского языка встречаются заимствования из персидского, индийского, греческого, латинского, турецкого, из берберских наречий и новых европейских языков, употребляемых в данной местности наряду с арабским.

Распространяясь вслед за исламом, литературно-арабский язык сильно повлиял на многие другие языки. Персы, Турки и принявшие магометанство индусы, негры, малайцы, всего до 250 миллионов человек, пишут на своих языках арабскими буквами и употребляют громадное количество арабских слов, передавая их своим немусульманским соседям. Так кораническое слово джейб – карман – попало почти во все языки мусульманских областей, а через испанских агарян и мессианцев внедрилось множество еврейско-арабских слов не только в испанский, но даже во всемирный обиход, например, алгебра, алкали, алкоголь.

Наименьшими и может быть единственными исследователями литературно-арабского языка, являющегося лишь одним из наречий библейского, были в эпоху крестовых походов и вслед за нею лишь испанские евреи. Они разделили исламитскую грамматику на *С а р ф* «учение о формах» (морфологию) и *Н а х в* – «учение о связи речи» (синтаксис). Благодаря вариантности всех гласных звуков в арабских словах они располагались в словарях «по корням» (например: ислам и селам соединяли под корнем с л м), причем иногда порядок был даже не по началам, а по окончаниям корней. Все это сохранилось и теперь.

Позднее происхождение коранической транскрипции (а других не существует) сказывается в том, что она уже скорописная, связанная и 28 ее букв получили уже по четыре начертания: 1) отдельное, не связанное с другими буквами; 2) конечное, связанное с предшествовав-

¹ Под названием Магриб («Запад») арабы понимают северо-западную Африку (Марокко, Алжир, Тунис, Триполи, Ливия).

шей буквой; 3) срединное, связанное по обе стороны, и 4) начальное, связанное с последующей буквой. Только шесть букв из 28 имеют теперь по два начертания, не связываясь с последующей буквой. А всех начертаний вышло 104.

Уже простой взгляд на названия в нашей таблице (табл. 1), что 28 арабских букв переделаны из 28 еврейских и не эволюционно, а единолично, так как при тех же названиях не узнаваемы начертания.

Самый распространенный почерк этой литературы, который и дан на нашей таблице, называется несх. Другие почерки (куфи, магриби, дивани, та'лик, рока или рыка и сулси) очень близки к нему и между печатным и рукописным почерком никакой существенной разницы нет. Пишут сначала основные части букв, не требующие отрыва пера от бумаги, а потом добавляют те части, которые требуют отрыва от пера. Переход от одной буквы к другой значительно ускоряется с помощью вязей, главные виды которых – подъем и подписывание последующей буквы под предшествовавшей. В изящных же почерках нередко встречаются самые затейливые сплетения и пересечения букв друг с другом.

Это безусловно указывает на очень позднее время выработки такой искусственной системы письма.

Насколько точно произносятся теперь арабские звуки речи, представляемые 28 буквами их азбуки?

Призрачно старинная звуковая передача их дана нам евреями, и она применяется в странах арабского языка. Сирийская передача применяется христианами в Сирии, Месопотамии, Индии и т.д. Латинская передача имеет много разновидностей, так например: слово «личность» пишется западноевропейцами на их однобокой азбуке то sahs или saks, то shakhs или chakhş и т.д. русская и более точная из современного турецкого произношения применена только академиком И.Ю. Крачковским.

Буквы этой азбуки, как и у евреев, имеют также и числовые значения, основанные на северо-семитском порядке алфавита. Но эти «истинно-арабские» цифры не имеют – увы! – ничего общего с нашими псевдо-арабскими. Вот они на рис.

Только в последние столетия появились у исламитов настоящие десятичные цифры, которые они называют «индийскими», но и они мало похожи на наши

1 2 3 4 5 6 7 8 9 0

хотя и применяются как у нас, например:

<...> = 1927; <...> = S

В кораническом письме имеются особенные значки только для трех основных гласных: фетха (-) для а, кесра (-) для ы и дамма (' -) для

о, но они переходят соответственно в ä, в î и в русское у (или ю) между шопотными согласными. В торжественном чтении стараются всюду удержать чистые а, и, у, но для Корана и поэзии допускают их обращение в э, о, и, если это нужно для рифмы, смыслового выделения и т.д.

Знаки препинания в старой письменности не употреблялись, кроме знака раздела (вроде *) в Коране и в поэзии, да знака, помещаемого в конце отдела книги <...>. В рукописях применялись как выделительное средство цветные чернила (так называемая «красная строка»), а современная письменность усваивает уже европейские знаки, хотя иногда и своеобразно, например скобки вместо кавычек.

Ударение в словах бывает на предпоследнем слоге и на третьем от конца, например, Осм'ану, Мох'аммедун, Фат'ымету.

Арабский корень слова, как и еврейский, бывает чаще всего трехбуквенный, много реже двухбуквенный или четырехбуквенный и всего реже пятибуквенным, но уже для четырехбуквенного корня выставляется требование, чтобы он содержал хоть один из плавных согласных звуков. А обычный трехбуквенный корень обычно состоит из двухбуквенной ячейки, поддерживающей основное, общее значение корня, и однобуквенного придатка, сообщающего корню какое-либо частное значение.

Особенной же оригинальностью всего этого отдела языков является то, что семитский глагол не имеет никаких времен в европейском смысле слова. То, что в начале нашей речи бывает изредка, там постоянно. Вот например, встречают вас на дороге и спрашивают: куда вы едете? – «Еду домой!» – отвечаете вы. Тут настоящее время. Вот, вы рассказываете случай с вами: «Еду я, и вижу, лежит человек на дороге». Тут время прошлое. Вот, вас спрашивают: когда вы едете в Москву? – Еду в пятницу, – отвечаете вы. Здесь то же слово «еду» обозначает будущее. В литературно-арабском, в библейском и других мифических языках это употребление того же самого глагола для всех времен является нормальным случаем.

Вместо деления действия или состояния на прошедшее, настоящее и будущее семит довольствуется простым делением на совершенное и несовершенное. Если рассматривать совершенную форму глагола, как обозначающую прошедшее по преимуществу, а несовершенную как обозначающую «будущее», то на долю «настоящего» времени выпадает разве что причастие действительного залога. Все это делает семитические языки особенно удобными для пророческой литературы. В них часто не разберешь: рассказывает ли автор об уже совершившемся событии, или пророчествует о будущем.

Отправной глагольной формой считается третье лицо мужского рода единственного числа совершенного времени действительного залога,

причем одно и то же сочетание звуков обозначает, например, и «он сделал» и «он делает» и «он сделает». Это в европейских словарях обычно переводится неправильно неопределенным наклоением – «делать».

Арабский стих делится на два совсем или приблизительно равных полустишия. Последний слог его всегда долог, и поэты допускают немало вольностей, чтобы подогнать свои слова к принятому ими размеру.

Рифма у них одна и та же на целое стихотворение, причем достаточно, чтобы совпадал один последний слог. Кроме того, вследствие переднего (ю-образного) оттенка семитского У, допускается свободная рифмовка гласных У и И, вроде немецкого <...>.

Наряду с поэзией существует и рифмованная проза, т.е. вид речи, где соблюдается рифма, но нет определенного размера. Такою рифмованною прозою пользуются преимущественно для предисловий и заглавий в сочинениях, ею же написан Коран и ряд произведений изящной литературы.

Мусульманские месяца – лунные, и только египетские арабы употребляют для них европейские названия: йианаир, фебраир, марс, абрил, майо, йунийо, йулийо, агостос, себтембер, октобер, новембер, десембер.

Мусульманское летоисчисление начинается с хиджры – 15 июля 622 г., их лунный год содержит 354 дня, распределяемые на 12 месяцев, из которых попеременно один по 29 дней, другие по 30, а последний месяц 2, 5, 6, 10, 13, 15, 18, 21, 24, 26, и 29-го года из тридцатилетнего цикла добавляется високосным днем. Таким образом на 32 солнечных года приходится у них 33 лунных, и весна, лето, осень и зима кочуют у них по всем их месяцам. Благодаря такому неудобству, современные агаряне всех толков постепенно переходят на европейский солнечный календарь (грегорианский), но начало года местами еще византийское (с 1 сентября 509 г. до начала нашей эры) или иудейское (с сентября 3761 до нашей эры) или армянское (с 551 года).

И вот мы здесь сразу же впадаем в недоумение. В клинописях события датируются всегда по употребляющемуся в настоящее время европейскому солнечному календарю, основанному на 19-летнем лунном цикле (с его Нисанами, Ийярами, Сиванами, Таммузами и так далее), т.е. по много более сложному и лучшему, чем блуждающий по всем временам года агарянский календарь магометан. Мы видели уже (в Прологе), что этот календарь употребляют знаменитые в Ассириологии клинописные эфемериды Эппинга Штрассмайера, а далее мы увидим, что по нему же считают свое время и другие клинописи.

Перейти от такого лунно-солнечного еврейского календаря к блуждающему по всем временам года лунному едва ли кто-либо захотел бы. Ведь

это все равно, как если бы вместо 12 месяцев в году стали считать только 11, выбросив, например, февраль, и тогда весна стала бы у нас приходиться в этом году в марте, в следующем в апреле и наконец, через девять лет в декабре, а через десять в январе. Кто этого захотел бы? Значит, агарянский календарь, ведущий свое летоисчисление с 622 года после начала нашей эры и характеризующийся таким передвижением месяцев, древне современного нам еврейского, употребляемого также в клинописях.

И этот наш вывод вполне сходится с выводом известного гебраиста-астронома XIX века Хаима Слонимского², что творцом лунно-солнечного циклического еврейского календаря был Хассан га-Даян из Кордовы, введший его первоначально в мавританской Испании в 953 году, откуда он и распространился на восток.

Но из этого следует, что и клинописи, употребляющие такой календарь, возникли не ранее кануна крестовых походов.

А как же считают их окончившими свое существование более чем за тысячу лет до Хассана Ха-Даяна, впервые выдумавшего солнечно-лунный календарь как соединение и усовершенствование лунного — агарянского и солнечного ромейского? Ведь для этого нужно было предварительное хорошее знание и того и другого календаря.

Тут есть над чем призадуматься, а потому пусть не посетует читатель, что прежде чем перейти к дальнейшему исследованию клинописей, я посвящу этому предмету еще несколько страниц.

² Хаим Слонимский: «Основы високосности». Написана по-еврейски и имеется также в немецком и английском переводах.

Глава III

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОТ ОТКРЫТИЯ КЛИНОПИСНОЙ АЗБУКИ

Нет ничего выше и чище того восторга, какое доставляет человеку научное открытие. На нашей собственной памяти были первые дни авиации, когда население целых городов в энтузиазме спешило на аэродром смотреть на летающих смельчаков. А в более узком кругу ученых не меньший энтузиазм вызывали многие и чисто специальные открытия, значение которых мало известно обычной публике.

В моей погоне за различными документами, относящимися к истории наук, мне удалось найти одну интересную статью энциклопедиста первой половины XIX века Осипа Сенковского в издаваемом им и давно забытом журнале. Она находится в 86-м томе «Библиотеки для чтения» за 1847 год, и я почти на половину воспроизвожу здесь, чтобы читатель ясно видел в каком преувеличенно волшебном свете рисовался почти недоступный для наших дедов и бабушек мир даже и в первой половине XIX века.

Тогда, может быть, читатель поймет, почему вслед за энтузиастами науки туда хлынули, под ее флагом и простые авантюристы, которые не найдя там прославляемых и в статье Сенковского и во всех западно-европейских журналах якобы бесчисленных надписей «на множестве памятников и утесов» и не желая возвратиться ни с чем, заменяли их собственными подделками.

Вот часть этой статейки, в которой я сохраняю и самый тогдашний язык.

МАНИФЕСТ ДАРИЯ, Сына Истаспова и прочие каменописные памятники древних царей Персии

Статья первая

«Важное и неожиданное открытие прогремело в ученном мире филологов, археологов и ориенталистов. Шум, удивление, восторг, недоверчивость еще не прекратились от него. Майор английской службы Генри Раулинсон разобрал, прочел и перевел многочисленные и длинные надписи древней Персии времен Киров, Дприев и Ксерксов, сочиненные на неизвестном до него языке и начертанные на памятниках и утесах неизвестной грамотой».

«С тех пор, как путешествия европейцев начали мало-помалу раскрывать “ТАЙНЫ ВОЛШЕБНОГО ВОСТОКА”, странные эти фигуры, которыми покрыты древние уцелевшие стены, входы в гробницы, высеченные в скалах, и даже кирпичи, находимые в развалинах, возбуждали любопытство и упражняли догадливость западных ученых. Одни видели в них таинственные письмена, другие принимали их просто за архитектурные украшения, за арабески и вавилоны в особенном роде и вкусе. Первые образцы этих загадочных рисунков, привезенные в Европу, находились на кирпичках древней Ассирии, взятых преимущественно из груд щебня, которые почитались развалинами Вавилона. Кирпичи эти представляют в середине квадратный оттиск, явственно род штемпеля, наполненный фигурами».

«Многие путешественники старались копировать целые надписи этого рода, сохранившиеся на стенах зданий и кладбищных гор в разных местах Востока, особенно в Пасаргадах, нынешнем Мургабе, где предполагалась гробница Кира, или на городище древнего Персеполя, и поблизости его, в окрестностях Гилле, где такие надписи слывут нынче под названием накши Рустем, «изваяний Рустема», баснословного героя персидской старины, или на городищах Экбатаны (ныне Гамадана) и Сузы (нынешнем Хузистане), или на берегах озера Вана, где был Семирамидград и где целые утесы покрыты ими, или даже в некоторых местах Египта и Сирии. Нибур, Кер-Портер и Рич доставили нам много этих копий».

«Те, которые были уверены, что это не арабески, а настоящие письма, часто пытались найти к ним ключ, соображая между собою формы и расположения фигур, но первые усилия ученого любопытства давали результаты совершенно отчаянные. Найдено было сперва более тысячи, потом более пятисот различных фигур. Это значило бы нечто в роде китайской грамоты, в которой каждая фигура – отдельное слово. Таких письмен, без руководства опытного учителя, нет возможности разгадать. Но между тем, при ближайшем сравнении их между собою, некоторые получили убеждение, что большею частью они изображены на трех языках, подобно тому, как надпись знаменитого Розетского камня, где одно и то же всенародное объявление вырезано на священном языке жрецов Изиды, иероглифами, на языке египетского общества, простонародною грамотою и на языке тогдашнего правительства, языке Птоломея, то есть греческом. Этот-то греческий перевод, который можно было читать и понимать без затруднения и послужил основанием ко всем открытиям в области иероглифической мудрости. Но здесь такого пособия не было ни греческого, ни другого какого-нибудь по-

нятного европейцам перевода не оказывалось, лишь присутствие трех различных языков в одной и той же надписи, выводилось само собою. Надписи древнего Востока нередко представляют вид трех столбцов, в которых иные фигуры повторяются в соответственных местах в одном и том же порядке, а остальные следуют другим системам расположения. Значит группы фигур, совершенно схожие между собою, не изменяющиеся нисколько во всех трех столбцах, должны быть имена собственные, а прочее – текст, состоящий из слов трех разнородных языков. Это заключение подтверждалось отчасти и формой самих письмен, которая являла как бы три почерка одной и той же грамоты. Два, по крайней мере, почерка, были явственны. В одном острые палочки, из различной укладки которых состояли фигуры, в тупом конце представляют как бы головки гвоздей; в другом конец этот раздвоен как в стреле. Отсюда первый почерк назван грамотою гвоздеобразною, *cuseiformis*, а другой стрельчатую, *sagittiformis*, *arrow-headed* у английских ориенталистов. В надписях вавилонских почерк гвоздеобразный господствует исключительно, тогда как стрельчатый, более изящный и чище отделанный, принадлежит памятникам других областей, особенно южной Персии, Парфии и Армении. В стрельчатом почерке есть еще два различия, происходящие от некоторых оттенков в укладке стрелок и разница эта по-видимому происходит от разницы в языках, на которых изложено содержание. В образце, здесь напечатанном, три левые строчки могут дать понятие о форме палочек и гвоздеобразных, а три правые о форме стрельчатых.

Три языка в надписях азиатской старины, по числу трех почерков, легко могли быть допущены с достаточным правдоподобием. Один из этих языков по-видимому должен быть то, на котором говорили в Ниневии, язык халдейский или ассирийский. Другой язык жителей Персеполя, столицы Персии: следовательно – древне-персидский. Третьему языку оставалось быть только языком народа Мидов (правильнее Мадов или Мазов)¹, которых слава и образованность считается старше персидской, или древне-армянским или языками парсов).

«Язык древней столицы Персии, Персеполиса, был единственный из трех каменописных языков азиатской древности, на столбцы которого можно было устремить усилия дешифрерского искусства с надеждою на какой-нибудь результат. Но этот язык совершенно неизвестен. Мы знаем несколько персидских языков, – новоперсидский, по-мест-

¹Нельзя не отметить созвучия имени мадов с мадырами (венгерцами) и с мазурами (южными поляками), откуда и танец полька-мазурка. — *Н. Морозов.*

ному арийский, повсеместный в современной Персии, — язык курдский, — язык афганский, — исчезнувший теперь язык зендский, как исключительно наречие священных книг парсов, огнепоклонников, — язык пеглеви, т.е. “Богатырский”, и язык санскритский, тоже одно из исчезнувших наречий, занесенное в Индию извне. Заметим, что и ново-персидский язык занесен в северную Индию в позднейшее время завоевателями, пришедшими из стран нынешней Персии, так что туда, среди коренных индоостанских языков, попали с северо-запада два наречия, одно старинное, известное под именем языка санскритского и оставшееся только в книгах, и одно новое, пользующееся донныне употреблением у образованного класса. Все эти пять или шесть наречий до того различны формами, что, понимая одно из них, вы еще не понимаете другого. Они состоят между собою в тех же отношениях, какие замечаются и между славянскими, разделяющимися на русский, польский, богемский, словацкий, галицкий, болгарский, иллирийский; и между новолатинскими, разделяющимися на итальянский, французский, испанский, португальский, романский (в южной Франции, Пьемонте и части Швейцарии) и романьяский (в Молдавии и Валахии); и между германскими, разделяющимися на немецкий, шведский, голландский, английский, англо-саксонский, готский и старо-исландский. Которое из шести известных персидских наречий могло быть языком Киров и Дариев? По всей вероятности, ни одно, а особенно, того же корня, но нынче совсем потерянное наречие».

«Положим, — рассуждает далее Сенковский, — что при помощи шести известных персидских языков можно было бы понять более или менее верно каменописный рассказ на этом потерянном языке одного корня с ними. Но прежде всего надо было увидеть этот язык, приподнять занавес его неведомой грамоты, разоблачить ее таинственные звуки. Повторение одних и тех же фигур в одном и том же порядке в соответственных местах столбцов, писанных на трех языках, указывая прямо на собственные имена и значительное число этих фигур в собственных именах, заставили предположить, что они изображены настоящими буквами, что каждая фигура — буква стрельчатого алфавита, что грамота эта — звуковая, а не силлабическая, как еврейская или словорисующая, подобно китайской. Гипотеза эта подкреплялась еще и тем, что после каждой группы таких букв повторяется постоянно один знак, — стрельчатая черточка, — как бы род препинания, предназначенный разделять слова одно от другого. Более точное сличение формы фигур в столбцах, писанных предположительно, на древне-персидском языке, представляло в последнем результате только около сорока положитель-

ных различий – значит, около сорока букв в алфавите, но с которой стороны читать эти буквы, от правой ли руки к левой, как у Евреев, Аравитян и нынешних Персиян, или от левой к правой, как у Греков, Этрусков, Римлян, Финикийцев и как теперь у нас? Мнения были разногласны: некоторые утверждали даже, что читать надо перпендикулярно сверху вниз, как читают Китайцы, Манджуры, Монголы, и как однажды писали Сирийцы, которые впрочем, и теперь пишут, повернув перед собой листок перпендикулярно, хотя и читают от правой руки к левой. Каждый следовал своему убеждению, но все единодушно искали в группах стрелчатых букв, изображающих собственные имена, что-нибудь похожее на Дариуш Гуштасп (Дарий Гистасп), на Ксаркса (Ксеркс), на Кореш (Кир), на Кабуш (Камбиз). На Артахаста (Пртаксеркс), считая. Что слова эти написаны тут по их библейскому, пеглевийскому и ново-персидскому произношению».

«Основания для дешифровки в таком случае казались ясными и до Раулинсона. Возьмем, – говорили, – хоть имя ДАРИУШ ГУШТАСПА (Дарий Гистасп). Здесь слово Дариуш может находиться только там, где в отдельной группе оказывается шесть стрелчатых букв, т.е. шесть фигурок совершенно разных. Если вслед за нею имеется группа из семи различных букв, из которых три сходны с буквами первой группы и при том третья с шестой (ш), пятая со второю (а), и вторая с пятою (у), так это – Гуштаспа (Гистасп), отец Дария. Открыв такие две группы, можно уже знать девять стрелчатых букв, четверть всего алфавита, – а, г, д, и, р, с, т, у, в.

Группы Кабуш и Кореш должны также следовать одна за другой, как отчество за именем, и обе, имея по пяти фигур, начинаться одинаковою фигурою (к). Из них можно извлечь четыре новые буквы к, б, о, е. Остальные найдутся сами собою.

И вот мало помалу составилась довольно полный алфавит букв, казавшихся более или менее достоверными. Одна пеглевийская надпись, объясненная удачно покойным Сильвестром де Саси, а потом зендское и санскритское правописание, казалось, закончили дело. Полные слова родились от этих мучительных исследований, но слова такие, которые, будучи написаны латинскою азбукою, ужаснули самих их родителей. Вместо ожидаемого Дариуш вышел Дарайауахауш, вместо Ксаркса – Кхасшайрасшаоуа, вместо слова шах – Кхасшайсауашийа и так далее. Вот они все три латинскими буквами, как в подлиннике:

Дарий – Darayauhauoush
Ксеркс – Khaschayaraschaoua
шах – Khaschaeayachiya.

Покойный де Саси извинял этот неблагозвучный состав новооткрытых, древнеперсидских языков тем, что русский язык также предоставляет сажженные слова и нередко ужаснейшие скопления гласных, например, в самых обыкновенных русских словах svoyoieia и moieia (т.е. по нашей азбуке: своя и моя), которые, однако, – говорил он, – русские произносят без большого повреждения своих ртов. Как прибавлю я и русское слово лиоу-блиоу (liou bliou), написанное однобокой латинской азбукой, в котором лишь привычный узнает наше слово люблю. Но и мы не должны гордиться нашей азбукой, пока не исправим в ней недочетов, приводящим к таким курьезам и не усвоим общей научной фонематики человеческой речи, о которой я говорил в IV томе «ХРИСТА».

«Усилия новейших исследователей, особенно Бернуфа, Боппа, Вестергаарда, Лассена, – продолжает далее Сенковский, – несколько смягчили в последнее время эти невозможные формы более удачным определением звучания некоторых стрелчатых букв, но все же отдавая должную справедливость усердию и проницательности этих знаменитых ученых, нельзя не согласиться, что язык, добытый ими не только коренным образом не сходен ни с зендским, ни с санскритским, но даже не человеческий. Такие слова невозможны, не говоря уже о том, что в их звуковых составах, основанных на зендских аналогиях и на санскритском корнесловии, вместо толковых надписей рассудительному читателю предлагаются одни только противоречия и бессмыслицы»².

«Но вот счастливый случай дал ориенталистам, прикосновенным к “Делу Стрелкочтения”, средство заглазить прошедшие грехи против здравого смысла довольно достоверным чтением того, что прежде составляло предмет слишком самонадеянного гадания. Часть счастливого вдохновения, которым решалась задача, принадлежит – увы! – постороннему человеку, не ориенталисту, а остиндскому майору, которого скука бросила в Персии в гвоздесловие и который одержал над ним блистательную, хоть еще далеко не полную победу.

Майор Ролинсон (Rawlinson), будучи причислен к великобританскому посольству в Тегеране, посещал по делам службы и по собственному любопытству разные места, озаменованные гвоздеобразно-стрелчатыми надписями, и почувствовал к этим таинственным письменам страстное влечение. Лишенный, положением своим в глуши в южной Персии, всех пособий европейской учености и зная почти по одному слуху об усилиях разных ориенталистов открыть ключ к стрель-

² Все эти нелепые произношения, повторяю, неизбежны при однобокой латинской азбуке, где нет даже мягкого знака. См.: Н. Морозов. Христос. Кн. IV.

чатой грамоте, он постарался познакомиться с zendским, санскритским и пеглевийским наречиями в добавок к своим практическим сведениям в нынешнем персидском языке, и приступил к делу на точном основании правил дешифрерского искусства³. Но если победа его и не безусловно полна, если он получил язык, которого смысл ясен для всякого, знакомого с языками персидского корня, то за это он хочет смело упрекнуть своих ученых соперников, приведших его в заблуждение неясностью своих понятий о коренных свойствах всех алфавитов. Странно, что ориенталисты думали читать древне-персидские слова так точно, как будто они были написаны немецкими или итальянскими буквами! Ролинсон, увлеченный их примером, читал, как все они, буквенно, и произвел по необходимости дикие слова и невероятные формы. Он не заметил, потому что никто из ориенталистов гвоздеслов не объяснял этого ни себе, ни ему, — что языка с тремя только гласными (а, и, у) быть не может, что такой язык противен человеческой природе и законам человеческого голоса, что как чкоро в письменах встречаются только три знака, уподобляющиеся нам буквенным гласным а, и, у, так это не гласные, а простые мелодические, или диатонические знаки равновесия, понижения и повышения голоса, соответствующие в точности арабским знакам наеб, хафд и раф. У Аравитян такие знаки пишутся вне строчек, над буквами и под буквами; в стрельчатой и гвоздеобразной грамоте они писались между буквами: но положение не переменяет нимало их сущности. Следовало, поэтому, прежде всего устранить из состава слов все подобные знаки, и тогда Ролинсон, с удивлением и радостью увидал бы перед собой обыкновенные, знакомые слова, язык простой и гладкий, очень похожий на нынешний персидский, и имена собственные во всей своей точности такие же, какие нам дают Геродот, Ктесиас и Библия. Язык, рождающийся из этой филологически столь естественной транскрипции в высшей степени знаменателен и для русского читателя: кроме разительного сходства своего с нынешним персидским, мы видим в нем множество слов и форм славянских, греческих и немецких».

«Звук ш, например, в древне-персидском языке, как и в греческом, заменяют звуком кс (латинским х), как и в некоторых новейших, где ш заменяется начертанием sch. Голландцы, например, произносят это sch как сх, шведы и датчане как ск, греки, римляне и древние персы наоборот, как кс. Заметим еще, что кс в тех языках, которые звука этого

³ Самый лучший способ дешифрирования — это по процентному содержанию данного знака в данном документе. — *Н. Морозов.*

не имеют у себя, превращается обыкновенно в кн. Греческое же жесткое придыхание в древне-персидском произносится как ж. Слово шах (Шехи = <...>) придется поэтому произнести ксежи. Но ведь это просто старинное <xīē> великополян, польское <xīaže> (ксендз), славянское князь, русское князь, германское Knig и König. Отсюда ясно, что клинописное Дариус ксежи вюзерк значит – Дариус, князь великий. Интересно, что в древне-персидском не найдено начертания и для Л. Слова Бабилус, Арбела писали на нем Бабирус, Арбера: следовательно, картавили звук R подобно китайцам. Примеры такого картавого выговора R не редки и в Европе, особенно между детьми; на восточной половине Азии и на островах Тихого океана это почти повсеместно».

«Из числа народов, которых коренной выговор известен мне практически, – говорит далее Сенковский, – Аравитяне и Турки произносят букву Θ чище всех – как t'hh, отчего она и названа эмфатическою «напыщенной»⁴. В звуке И иногда образуется tss, иногда тсь, что равно ць. Таким образом и у нас в русинских наречиях слово дают переходит в даюць. Греки букву Θ произносили почти как тф совершенно несходно с греческим ф, которое у них собственно есть пф, как Латины и передавали его через рh, отличая его от своего f. Звука hh⁵ нет ни у нас, ни в интонациях других европейских народов, исключая одних Тосканцев. Чистый звук hh нынче известен одним только Аравитянам и Евреям. В персидских языках также его нет. Народы, не умеющие интонировать чистое hh, разлагают его, превращая в другие сродные звуки. У народов, которые картавят в звуке hh прежде всего слышится Rh. В Европе, кроме Евреев, одни только Испанцы так произносят свое гортанное j (хота). Придыхание h при различных интонациях легко переходит то в к, то в g, то в s, z, ж или в звук hr (картавленное hh), сам собою становится то гр, то кр, то ср, то зр, то жр. А звук Rh (картавленное R у поляков Rz), добровольно делается то Pз, то Pж. Племена персидского и арамитического происхождения, которые чисто интонируют кь, не могут выговорить греческого х: вместо х им слышится русское Сх и они всегда превращают его в тонкое шипящее Ш, очень близкое к Съ и к португальскому Z, например в слове Warvaëz. Народы, у которых нет чистого h естественно превращают его в К и тогда Sh становится SK, а в выворотном выговоре Кс (т.е. в ИКС)».

⁴ Я называю это придумным произношением и считаю И тождественною с английским шопотным th (например в словах Thalamus – цветочное ложе, thrombus — тромб, thirsus — шире, throne — трон. — Н. Морозов.

⁵ По моей терминологии придумного h. См.: Н. Морозов. Христос. Кн. 3. С. 83 и др.

«Ясное понятие обо всех этих тонкостях и подробностях необходимо при разборе стрелчатого правописания».

Я нарочно привел буквально эти лингвистические потуги из Сенковского, чтобы читатель наглядно видел, как трудно выразить на письме звуки, для которых нет самостоятельных начертаний. Все приведенные им попытки похожи на то, как если бы вместо «зачем и почему» писали «затшем и потшему», «кричите и защищайтесь» отождествили бы с «критшитие и застшистшайтиеси». Это было бы не многим лучше того, как писал своей французской азбукой знаменитый французский филолог де-Саси, сам удивляясь, каким образом русские не попортив рта, выговаривают такие слова как *Sovoieia* и *moieia* (т.е. своя и моя).

И я опять повторяю, что у нас не будет научной фонематики, пока мы не выработаем рациональной, систематической, международной азбуки вроде той, какую я показал в 3 томе «Христа». А пока я приведу дальнейшие соображения Сенковского, довольствуясь тем грубым приближением, какое дает наша русская транскрипция.

«Мы можем тотчас же, – говорит он, – испытать достоинство этой теории на деле, посредством приложения. Возьмем самое затруднительное место в стрелчатом письме, – говорит он, – и приводит:

Вот знаменитая надпись Дария, буквы которой Сенковский изображает вместо клинописных фигурок лишь русскими буквами, а пониже дает подстрочный перевод смысла по-русски. И что же выходит? Выходит, что она составлена коверканным старо-славянским языком.

Вот прочтите сами, смешанным с французским и латинским.

Надпись Дария. Взять из Сенковского

Но здесь в оригинале клинописи ведь более половины слов славянские.

При переходе звука Г в Ж, созвучно с галдел (говорил) или гадал (соображал); ксежи – польское ксенз, славянское князь; ачунюм – учиняем; уостаем – возставляем; ижа – иже; нитеарим – натворил; меньем – именья; итьяина – отьял; эние – иные; ожа – тоже; педьи – понятно; еда – егда; э-мойем – моем и моей; ни перабере – не прибирал; и только одно слово греческое: этакси – устраивал, да одно латинское – прома-ти – primo-te – т.е. прежде же.

«Бесспорно, – говорит Сенковский, – что с помощью славянских языков можно лучше почувствовать дух этого языка (клинописей), чем посредством английского или немецкого. Какое здесь множество слов греческих, латинских, но преимущественно славянских. Сходные слова, конечно, существуют в ново-персидском, но там они изменены, что уже не представляют славянской наружности. Ижа, например, не что иное, как славяно-русское “иже”, а в ново-персидском инче: но кто бы

мог догадаться, что иначе новоперсидское и иже славянское – одно и то же слово? Адем слово сложное, составленное из Adh (Аз), и ем – мой. В ново-персидском Adh исчезло; осталось только Ем и Мен (меня), которое есть и в древне-персидском. И не любопытно ли узнать в “прома” стрелчатой грамоты латинское grimo? Конечно, – продолжает автор, – нет ничего опаснее как переводить с неизвестного наречия, опираясь на одни только наружные сходства слов его со словами других наречий.

Но в данном случае совпадение оказывается не по одному звуку, но и по смыслу. Вот в более связном виде сущность приведенного манифеста:

“Сказал Дарий царь: царство, которое у дома моего похищено было, я обратно приобрел. Я его восстановил, как оно было прежде. То, что Гомад Маг наградил, я щедро роздал обратно. Милуя войско, я возвратил богатства и почести покорным (по родам), тем у кого Гомад Маг отнял Персию, Мидию и прочие области, по-прежнему я, после похищений обратно возвратил. Чрез Ормудау я это сделал. Я распоряжался, пока вотчины моей вполне не восстановил, как прежде было, я во всем распорядился через Ормудау так, как будто он Гомад Маг вотчины нашей и не похищал”».

«Эта форма царского объявления может показаться нынче странною, но она совершенно подлинная. В начале книг Езры мы имеем еврейский перевод одного указа или объявления царя Кира, Дарьева предместника. Там автор говорит о милосердии к евреям, которое сердцу Кира, в самый первый год его царствования внушил бог. Кир тотчас повелел обнародовать через глашатаев, – по всему царству своему, а также и письменами следующие слова: «Сказал Кореш Кир, царь Персии: все царство земли этой дала мне Самосушая Сила (Jhwa Alohaу, Йевис-Элоим). Почему Евреи так переводили эти слова? Ответ очень прост: Ормузда, собственно Uer-Mözd, значит буквально то же самое. Uer есть причастие настоящего времени от глагола Ué – был, и значит – сущий, Mözd, выворотное mödz есть во всех славянских языках и во всех германских. Это – mögen, наше – можешь».

«Мы должны, следовательно, так переводить эту грамоту с еврейского на клинописную терминологию: «Сказал Кореш, царь Персии: «Все царство земли этой дал мне Ормузд. Он потребовал от меня сооружения храма ему в Иерусалиме, что в иудее. Кто между вами – из его народа, с теми да будет ваш бог, пусть идут в Иерусалим и строят храм Богу Израиля».

Первая фраза этого указа, от слова до слова, повторяется и в надписях Дария: все царство этой земли дал мне Ормузда. Мы встретим ее не однажды и в тексте главной ее надписи.

Труды и исследования Ролинсона в Персии продолжались около восьми лет. Он начал заниматься стрелъчатыми надписями еще в 1836 году. Плодом этих усилий было его небольшое сочинение под заглавием: *The Persian cuneiforms inscription at Behistan, deciphered and translated by major H.C. Rawlinson.*

Оно было представлено «Лондонскому Азиатскому обществу» и напечатано в его журнале, с приложением восьми таблиц снимка надписи. Сочинение это заключает в себе общее обозрение стрелъчатых и гвоздеобразных надписей, но главный предмет его — огромная надпись Дария сына Гистаспа, находящаяся в Багистане, нынешнем Бисутуне, городище, соседнем с Кирманшахом. Надпись эта, состоящая с лишком из тысячи строк, вырезана на скале тремя почерками, на трех языках — персидском, ассирийском и, полагают, мидийском. Но это не совсем вероятно. Едва ли этот третий язык не армянский⁶. Как бы то ни было, надпись, кроме удовольствия проникнуть в таинственное, представляет особенный интерес исследователям. Она чрезвычайно важна для истории. Во-первых, это подлинная страница истории древних Персов, а во-вторых одна уже она решает многие спорные вопросы. Среди басней Геродота, противоречий Ктесиаса и Ксенофонта, и нелепостей Фирдуси, критика была не в состоянии сличить не только факты, но даже собственные имена, так, что можно было сомневаться во всех деяниях Дариев и Ксерксов. Но вот теперь перед нами один из официальных документов их правительства, манифест Камбизова преемника, Дария Истаспова, об очищении империи от самозванцев и восстановлении прежнего порядка. Сказание Геродота согласуется с этим памятником в некоторых подробностях, но не подтверждается в главном: по его рассказу Дарий был родоначальником новой династии, между тем как в манифесте, представляя свою родословную и исчисляя предков, Дарий говорит, что он — девятый царь Персии из рода Ахеменидов и что Персия его — корень, вотчина. Между тем одно место манифеста, к сожалению, весьма истертное, заставляет думать, что отец Дария, Истасп не был царем, что он еще командовал войском Дария после его воцарения.

Вся история об избрании Дария на престол, об его лошади и его конюшем, оказывается баснею. Дарий положительно говорит, что он царь Персии по праву наследства, одному Ормузду обязан престолом. Ормузд сделал его царем, и он никого не благодарит за свое избрание. Он не показывает в своей родословной ни Кира, ни Камбиза, называя

⁶ Я справлялся у наших арабистов о современном состоянии этой надписи. Но — увы! — никто ее не видал, хотя и был в тех местах. — *Н. Морозов.*

их просто царями из нашего дому. Все это ужасно темно. Самозванца, воцарившегося по смерти Камбиза, зовет он в манифесте постоянно Гомадом. Самозванец был маг: это согласно с Геродотом. Он принял имя убитого брата Камбизова и назвался Берди. У Геродота он — Смердис. Это различие в именах приводит в большие хлопоты тех, которые долго верили Геродоту, желали бы теперь спасти честь отца истории и как-нибудь согласить его народные сказки с положительными фактами. Но испуг их напрасен. В этот раз Геродот прав. Берди, Мерзи и Смердис одно и то же имя, три различные интонации одного и того же начального звука б: Старая Смирна (собственно Смирна) или то место, где были ее дачи, и доньше у местных жителей называется Вюрна, Вюрн-абад. Вот положительное доказательство превращения б в см в той же стороне, из которой Геродот вышел. Превращение Берди в Смерди доказывает лишь то, что он сведения свои об истории Персов почерпнул не из их показаний, а из простонародных рассказов, бывших в ходу в Малой Азии, где так выговаривали это имя. Впрочем и в самом манифесте Дария, один из самозванцев, которых было девять, кроме Гомада Мага, чуть-чуть не назван Смерди: его уже зовут Мерди вместо Берди. Вспомним еще что у Юстина Smerdis называется Merdis. Вот уже начальное S и исчезло, в третьем выговоре. Слог gis совершенно равносителен слогу dis, как в венгерском: M'adyar и Magyar.

Бисутун или Бистун есть название места, где некогда находился Багистан, пышная столица Дария, любимый его город в Южной Индии. Так как «Бог» и по древне-персидски Бог (bogh, begh, beh), то Бенфей под словом Багистан разумеет «божие место», Богоград.

Но оно также легко может означать и «виноградный сад». Такой и доньше, в ново-персидском языке Ю смысл слова Багистан, а предание заимствованное Диодором Сицилийским из Ктесиана гласило, что Семирамида, пришедши в Южную Индию с сильным войском, остановилась здесь, в долине, у подножия горы, из которой вытекал прекрасный источник, и так была восхищена местоположением, что развела тут огромный рай, парадиса по древне-персидски, фердоус по-нынешнему, что значит именно — сад, виноградник, то же, что багистан. Диодорово описание места вполне согласуется с окрестностями Бисутуна. По словам Ктесиаса, который сам был в Багистане, у Артаксеркса Мнемона, и поэтому сам принят Диодором в руководители, Семирамида на одном утесе этой горы велела изваять свое изображение, окруженное фигурами ста ее телохранителей, и возле этой картины вырезать надпись сирийскою грамотою. Картина в описанном месте (по Раулинсону. — Н.М.) сохранилась. Вот она:

Рисунок???

На ней десять самозванцев перед Дарием. Вверху их созерцает бог. Дарий в венце давит богов ногою опрокинутого на спину пленника и читает нравоучение девяти с оячим пленникам. Ктесиас принял ее за Семирамиду. Но промах Ктесиаса понятен. Картина так высоко на скале, что снизу с земли едва заметна. Этим и объясняли мне путешественники по Персии из нашей Академии наук, проезжавшие мимо, говоря, что не могли ее рассмотреть с дороги поднею. Но в таком случае для кого же эта надпись сделана так высоко? Ктесиас поверил толкам жителей столицы о содержании недоступной глазу картины, и этим ясно доказывается, что Персы не писали своей истории, когда уже при Артаксерксе Мнемоне произведение Дария приписывали они баснословной Семирамиде. В середине картины, над пленниками, виден в воздухе бог Ормузда. Вокруг Ормузды расположены доски или столбцы, покрытые гвоздеобразными и стрелчатыми письменами. Они-то и есть манифест царя Дария, разобранный Ролинсом. Письмена эти Ктесиас называл сирийскою грамотою. Главная фигура картины – сам царь Дарий лично. И положение тела, избранное им для своего портрета, и содержание всех его надписей доказывают, что у него была страсть говорить речи.

А надпись над его головой (рис.) такова. В связанном виде это выйдет:

«Я, Дариус кнезь великий, кнезь кнезей, кнезь Персии (хотя Персы себя так никогда не зовут, а называются в Азии Ирани, как их страна), кнезь областей Гистаспа, сын Ахамениса (откуда Ахамениды), – сказал Дариус кнезь.

Мне батько Гистасп, Гистаспу батько Арсам, Арсаму батько Арьерамп, Арьерампу батько Циспис, Циспису батько Ахоменис, – сказал Дариус кнезь.

Того ради мы Ахаменидами рекомы, из первых явились мы, из первого моего дома (рода) кнезья были, – сказал Дариус кнезь.

Восемь из моего дома, т.е. прежде кнезья были, я девятый, и более долго мы кнезья есм (будем)».

Я оставляю здесь без внимания, что Дарий здесь называет себя девятым Ахеменидом, когда по его собственной родословной, приведенной тут же, он выходит только шестым, но опять спрашиваю читателя: на каком же языке эта надпись? Выходит, как будто она на церковнославянском жаргоне, какого-то малограмотного перса. А вот и ее характеристика Сенковским:

«Чрезвычайно замечательно, – говорит он, – что здесь употреблены определительные члены, столь сходие с греческими; родительный падеж множественного числа (ам, произнести ом) здесь совершенно греческий (ὄν), с превращением только носового звука н в менее глу-

боконосый м, по свойству древне-персидского языка, который все носовые звуки отвергает; присутствуют здесь и греческие формы глагола быть. Кстати о мягком дь, которое часто переходит в ть, например в слове мадьяр (Madyar), перешедшем...» *Нет страницы!*

Частии с окончанием емые уже было сказано. Несколько слов являются также и формы латинские. Но самое любопытное здесь слово довьдяттернем или довьгяттернем, где первая половина есть славянскон слово долго, иначе довго; середина его тер есть частица, означающая сравнительную степень и в персидском и в греческом языках, но потерянная в латинском, а окончание нем, признак наречия в латинском языке, так что все слово довьдяттернем становится латинским – <...>.

Надписи под или над фигурами десяти самозванцев несравненно короче, но не менее занимательны.

Вот они: *Рисунок?*

Здесь обращает на себя внимание особенно слово государева дома (уоссадареи домои совсем как позднее русское слово).

Я не приведу подлинного начертания над другими связанными пленниками, так как в них различны только имена, а приведу прямо перевод:

Над пятою фигурую написано: «Это – Мерди. Одурачивал так: говорил: Я Уменис, Уозьи (Сузии) кнезь».

Над шестою: «Это – Цитвадаки, одурачивал так: говорил: “Я кнезь Асгарди есмь, Уоссадарева (государева) дому”».

Над седьмою: «Это Юсдад, одурачивал так: говорил: “Я Берди (Смердис) есмь, Кюроса сын, я кнезь есмь”».

Над восьмою: «Это – Арака, одурачивал так: говорил: “Я Небукоднецарь, Набонтея сын, я кнезь в Вавилоне”».

Над девятою: «Это – Фрад, одурачивал так: говорил: “Аз есмь кнезь в Марге (Мургабе)”».

Над десятою фигурую (в остроконечном калмыцком колпаке) написано: «Это – Марук, Сак».

Вот как толкует это Сенковский:

«Сак или сек по-персидски – нохай или ногай, Ногаец, Монгол, а по-монгольски значит и собака. Имя Собачьего народа, или Гогайцев создало сказку о среднеазиатском народе с собачьими головами (Купокерхали). Соответственно этому Saki или Sagi (Малые Ногайцы) и Mahasagi или Масагеты (то есть Великие Саки, Великие Ногайцы) являются в другой надписи Дария под соединенным названием Саки – маки. Это Гог и Магог библейских преданий (Мака Gog, Masa Gog, Великие Гоги, Масагеты), Джюджь и Маджюджь арабских писателей, Малые и Великие Жоуженцы китайских летописей, соплеменники Бабера и его предтечи, завоевавшие Бактриану, Кабуль и Индию за пол-

торы тысячи лет до него. При Дарии Истасповым они уже владели частью нынешней Бухарии и Хорасана.

Эти простые надписи, в которых запутаться невозможно, да и самые фигуры барельефа служат уже хорошою указкою содержанию длинного манифеста, вырезанного над ними. Смысл надписей нередко может быть угадан и решен с одной помощью картины. И если чтение неизвестных слов представляет язык правдоподобный с соблюдением всех грамматических условий и филологических данных, если перевод этих слов согласен с сюжетом барельефа и простыми подписями под фигурами, так это уже весьма достаточное основание к доверию просвещенных любителей истории».

Так оканчивает О. Сенковский свою статью «Манифест Дария сына Гистаспова», помещенную в «Библиотеке для чтения» в 1847 году. И я привел здесь почти половину ее содержания лишь с немногими пояснительными перерывами от себя, чтоб показать, какое впечатление произвело... *Текст обрывается!*

Если история народов или государств хочет быть действительной, а не только по имени наукой, то предметом ее изучения должны быть документы, как единственные исторические факты, считая содержимое этих документов лишь представителями тех людей, которые нам их оставили. А представления могут считаться историческими фактами лишь в связи с данным документом, как образчиком представлений, существовавших во время составления данного документа. И в этом смысле ценность документа почти одинакова, являются ли его сообщения правдоподобными или представляют чистую фантазию, так как и фантазия мыслящего человечества эволюционирует с течением поколений, и тоже имеет свою историю.

А что касается до правдоподобных сообщений, то их правдоподобность не есть еще доказательство их правдивости, так как чем менее умственно развит человек, и следовательно чем слабее его фантазия, тем субъективнее, уже и одностороннее его представления об окружающей жизни, и тем менее причин доверять ему. В юриспруденции уже давно принято за правило принимать во внимание лишь показания очевидцев, а неизвестно откуда пошедшие слухи, если даже они и правдоподобны, не считать за доказательство, а лишь за характеристику существующих мнений.

Так должно быть и при изучении исторических сообщений: необходимо строго различать рассказы участников данного события в их собственной ручной передаче, от рассказов в копиях, которые могут быть простыми подделками. Да и в собственноручных описаниях участни-

ков надо строго отличать такие, которые происходили в обычной обстановке, подлежащей проверке окружающих, от описания путешествий в далекие страны, проверить которые окружающие не могли. Один уже факт такого путешествия показывает склонность автора к необыкновенным приключениям, а это вызывает у него по возвращении непреодолимую потребность сочинительства, и даже прямо стыд возвратиться ни с чем после преодоления больших трудностей или даже опасностей. В результате неизбежен привоз на родину всяких подделок под существующие на родине представления о том, что должен был найти там посетитель.

В результате и вышло то, что все западноевропейские музеи завалены сенсационными произведениями бывших дальних стран, и никто не возвращался из них без диковинок, а теперь, когда, благодаря распространению общечеловеческой культуры и особенно пароходства, железных дорог и воздушных путей сообщения пополнение такими редкостями европейских музеев вместо того, чтобы утысячекратиться, четь ли не прекратилось, а на их родине они оказались даже совсем отсутствующими.

Вот, например, посмотрим на глиняные плитки ассиро-вавилонской культуры не в европейских музеях, а в самом Иране или Ираке. Я справлялся у наших востоковедов в Академии Наук, живших в Иране, видели ли они там что-нибудь подобное таким плиткам в музеях Моссула, Багдада, Тегерана, Испагани, - этих центрах древней культуры, которым удивлялась и восхищалась вся культурная Европа в то время, когда они были фактически недоступны по причине трудностей и опасности путешествия.

Поговорим с этой точки зрения и о вывезенной в Европу из Месопотамии в XIX веке «старинной литературе». Они исключительно клинописная и а глиняных пластинках.

Отмечу прежде всего в ней несколько очень странных особенностей. Вот первое из них.

В то время, как о иероглифах в Египте мы имеем многочисленные упоминания у классиков и у средневековых писателей, мы не находим ни у первых, ни у последних ни слова о существовании клинописных надписей на скалах и целой клинописной литературы на глиняных пластинках. Я нарочно посвятил здесь целую главу о первых впечатлениях открытия клинописей в <...> году Раулинсоном. А между тем о «Вавилоне» и его культуре многочисленны рассказы и в Библии и во времена средневековья. Как могло это случиться? Ведь литература, как свет, имеет свойство светить во все стороны.

А вот и второе странное обстоятельство. Литература, как и всякий продукт производства, не может вырабатываться без спроса потребителей. А без большого числа потребителей и распространителей она не может вырасти до больших размеров и завянет сама собою, не успевши расцвести, как семя дуба, которое попало в трещину скалы. Она не будет в состоянии выработать даже и самостоятельной фонетической азбуки, так как звуки речи для безграмотного человека представляются бесконечно разнообразными и различными у мужчин, и женщин, и детей, так, что ему и в голову не могло придти, что в этой бесчисленности интонаций только какис-то три десятка тонов служат своими комбинациями для определения смысла всей кажущейся бесчисленности смыслов, доступных его речи. Достигнуть фонетической азбуки люди могли в постепенной преемственности, сначала чисто рисуночных, а потом и ребусических надписей на стенах крупных зданий, разлагая длинные слова на короткие, а потом беря лишь первый звук от поддающихся рисунку названий, вроде А от Арки, Б от быка, как на это и указывают собственные имена всех еврейских букв.

И писались эти буквы для мнемоники сначала полным рисунком данного предмета, а потом, после усвоенной практикою привычки к фонетическому чтению, упрощенно, лишь частью данного предмета, от которой в конце концов и остались одни не имеющие первичного предметного вида буквенные начертания всех наших европейских алфавитов, которые можно свести к коптскому и еврейскому, как прародителям.

Но скажите сами, к каким осмысленным предметам и к какому эволюционно развивающемуся алфавиту сведете вы такие клинописные знаки, как изображенные на таблетке?

Ведь совершенно ясно, что это не эволюционно развившийся алфавит, и не видоизменение какого-нибудь другого, а то, что мы называем шифром. Но всякий шифр есть выдумка какого-нибудь отдельного человека, который уже прекрасно владеет фонетической азбукой, но по каким-то причинам захотел писать непонятно для других. Обычная причина таких шифров была только необходимость таинственной переписки для дипломатов или заговорщиков, чтобы ее не понял никто другой. Но какая же причина могла заставить, например, Дария сделать описание своего суда над бунтовщиками на Бизутанской скале, не общепонятной для всех грамотных людей его страны эволюционно развившейся азбукой, а никому не понятным, кроме его дипломатов (если такие у него были) шифром? Ведь это же нелепость!

Какой же смысл этой надписи шифром? Да и какой смысл и всей вообще клинописной или гвоздеобразной азбуки, когда мы видим, что ею написаны совсем не дипломатические секреты, а самые обычные

сообщения, и при том назначенные часто именно для опубликования, а не для сокрытия рассказанного!

Мне может быть скажут, что клинописная азбука была придумана неким забытым учителем вроде Зороастра для удобства писания на глиняных плитках, но и это будет пустая отговорка, годная только для успокоения детей. Ведь на глиняных плитках тем же резцом можно было не труднее писать и буквами, и доказательством этого служит то, что рядом с клинописью, мы находим, как и в надписи Дария, даже целые картины, которые было много труднее выцарапать, чем буквы.

Кроме того, вплоть до конца XIX века, когда открыта была цинкография, все самые художественные штриховые рисунки и иллюстрации книг делались на каменных плитках, да и не только на каменных, но и на медных, и даже алмазом на стальных пластинках.

Никакой трудности писать буквами на месопотамских плитках не было, а придумывать для публикации особый шифр было бессмысленно...

И в добавок ко всему, ни у классических писателей, ни у арабских или персидских авторов средних веков, писавших много об этих самых местах, нет (как я ни старался найти!) ни единого слова о валяющихся там осколках какой-то странной литературы и о надписях ею на скалах.

Затем и третье соображение. Надпись на скале, какова Дариева, назначенная для опубликования, сделана не в людных местах, вроде Мосула и Багдада, а в глухом местечке около Бизутуна. И вот вопрос: сохранившаяся не подверженною дождям и непогодам в продолжение 4000 лет до Раулинсона, насколько сохранилась она через 100 лет после него, в настоящее время?

Все это, казалось бы, приводило к заключению, что вся клинописная литература чудовищная мистификация авантюристов, отправляемых на государственные или клерикальные средства в Месопотамию, с заранее предполагавшимся обязательством оправдать свою командировку привозом заранее намеченных в воображении зарытых там остатков Вавилонского Талмуда и Библии, и ничего там не нашедших. Но, к счастью, есть и лучшее решение вопроса. Это – наличность религиозной революции во время иконоборства. Отвергнув изображения богов, азиатские иконоборцы могли отвергнуть и азбуку Ромейской идолопоклоннической церкви, и с целью сделать для нее недоступным свое учение и дела, выдумать для себя и этот шифр, который лишь потом вошел в обычное употребление. Мне кажется, что кроме первого, слишком мизантропического решения, это второе является последним возможным решением, а потому и клинописные сказания не могли появиться ранее воцарения в Византии Льва III Иконокласта (717–743).

Глава IV

ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО СЛОВ О СОЛНЕЧНОМ – ЮЛИАНСКОМ, О ЛУННОМ – АГАРЯНСКОМ, И О СОЛНЕЧНО-ЛУННОМ – МЕССИАНСКОМ КАЛЕНДАРЯХ

Читатель не должен творить даже и средневекового, а не только старинного астронома по образу и подобию современных астрономов, а его вычислительные средства и измерительные приборы по образцу современных. Подумайте сами! Если б у вас не было возможности целый день взглянуть на часы, а день был облачный, то как бы вы определили час дня? Если вы вдруг просыпаетесь в темноте ночи, способны ли вы тотчас же сказать, сколько времени остается до рассвета? Вы могли бы днем ошибиться даже и на несколько часов, судя по тому, было ли вам в это время весело или скучно, а ночью еще хуже: припомните, как скоро она проходит при крепком здоровом сне и как длинна при бессоннице!

Нет ничего более субъективного и переменчивого, чем наше представление о времени.

В таком же положении находился средневековый или древний наблюдатель неба до изобретения маятниковых часов Галилея около 1590 года нашей эры. И только с этой точки зрения нам и становится понятно, почему даже и в средние века в Египте и на юге Европы не заметили того, что летом день длиннее ночи, а зимой – наоборот. День считался там всегда равным ночи, хотя равенство их имеет место только около земного экватора. Как ночь, так и день делились тогда на 12 часов, хотя на побережьях Средиземного моря неравенство их может доходить до четырех часов и более.

«Каким долгим кажется день летом и каким коротким кажется он зимой», – сказал бы самый уравновешенный житель того времени, за исключением разве что самых северных широт умеренных поясов Земного шара, где неравномерность достигает уж слишком большой величины. И если бы древний египтянин или месопотамец даже и имел в своем распоряжении песочные часы, то, заметив, что в летний день у него от восхода солнца до заката высыпалось более песка, чем за ночь, то он наверное сказал бы, что песок из маленького отверстия сыплется сильнее летним днем, чем зимним. То же самое сказал бы он и о водя-

ных часах, ведь даже и солнечные часы долго не выбили из средневековых египетских голов предвзятую идею о том, что справедливый творец миров не стал бы обижать ни ту, ни другую половину суток.

Нужны были предварительный перенос солнечных часов в более северные местности и открытие синхронности колебаний маятника, чтоб окончательно изгнать субъективизм в представлениях о неравномерном течении времени.

Еще более относится все это к определению месяцев года. Если бы вы заснули летаргическим сном на несколько лет и потом вдруг проснулись, то вы могли бы различить, взглянув в окно своей комнаты, только четыре времени года по состоянию растительности, а никак не месяц и тем более день этого месяца. Первое представление о том, что в году двенадцать месяцев произошло из наблюдения фаз луны, причем обнаружилось, что от одного новолуния до другого проходит по очереди по 29 и по 30 дней, и это был первый человеческий счет времени, которым и стараются теперь объяснить некоторые библейские сказания, вроде, например, того, что самый долговечный «допотопный патриарх Мафусаил» жил 969 лет. При допущении, что здесь смешан первичный счет времени по лунным месяцам с позднейшим счетом по годам, действительно получается для его жизни 82 года, вполне человеческий возраст, но только – увы! – выходит, что у него родился сын, когда ему не было и 15 лет.

Все эти попытки примирить миф с реальностью, конечно, фантазия. Юлианский год в 365 дней был первым приближением к звездному году, т.е. к возвращению солнца к той же самой звезде, и этот же год, вплоть до введения григорианского календаря, считается также и вечным климатологическим годом. А двенадцатилунный год короче его на $1\frac{1}{4}$ дней. Значит, с каждым таким годом весна и все остальные времена года при нем запаздывают на $1\frac{1}{4}$ дней и это в три года составляет $3\frac{3}{4}$ дней. Приставка к каждому году лишнего лунного месяца в 30 дней может тут удовлетворить климатометрии лишь на несколько лет вперед, так как будут оставаться не заполненными $3\frac{3}{4}$ дня. В результате этого несоответствия Луны и Солнца средневековой календарь, как средство предсказания основных астрономических и климатических явлений, пошел тремя путями.

Первый путь. Правоверные («мусульмане» – на языке Корана) совсем выбросили из своего календаря задачу предсказывать климатические явления и приспособили его только к новолуниям, хотя почему-то не удержали за своими двенадцатью (29 или 30-дневными) месяцами название года, хотя этот их год не имеет ничего общего ни с астрологическим, ни с климатическим. Почти каждые три года сезоны их запаздыва-

ют несколько более, чем на месяц и солнце в начале их третьего года всегда оказывается в новом созвездии Зодиака, гуляя таким образом по всем его фигурам и по всем правоверным месяцам их 254-дневных простых и 255-дневных високосных лет, вставляемых в простые годы, чтоб удовлетворить хотя бы приблизительно среднему движению луны.

Читатель видит сам, что благодаря этому слово год в правоверном календаре потеряло всякий смысл. Этот наиболее элементарный календарь сохранился и до сих пор у персов, аравийцев и турок.

Второй путь. Православные (католики по-гречески и по латыни), наоборот, совсем выбросили из своего календаря задачу предсказывать новолуния, а только климатические явления, первопричиной которых считали переходы солнца в то или другое из 12 созвездий Зодиака, хотя латыни почему-то и удержали за своими почти поочередно 30 и 31-дневными промежутками (кроме февраля, с его 28 и 29 днями) название месяцев или лун (*lunae* — по латыни), хотя эти их «луны» и не имеют ничего общего с появлениями луны по вечерам из-за солнца.

Третий путь. Богославные (по библейски иудеи¹) не удовольствовались ни первым календарем, оставшихся у всех вообще правоверных, ни католическим так называемым юлианским календарем. Они задумали соединить вместе тот и другой годы, т.е. найти такой календарь, который одновременно предсказывал бы и новолуния и сезоны года, в связи с прохождением солнца по разным созвездиям Зодиака, как это требовала астрология.

И вот Хассан-ха-Даян в испанской Кордове в 953 году обнаружил современный еврейский календарь, основанный на 19-летнем «дарованном» (по библейски метонном²) цикле, и этот календарь, употребляемый раввинами до сих пор, чрезвычайно остроумно сочетал между собой и приблизительное соответствие движением солнца между звезд (а с ними и климатическим переменам), и соответствие лунным движениям. Я его объяснил уже в четвертой книге «Христа», но напомним и здесь.

¹ От Иеу-уде (дже-едй) — богохваление, господоухваление.

² От МТН <...> — дар. Из этого «дарованного» по-корейшитски «метонного» цикла, греческие апокрифисты сделали «метонов» цикл сочтя слово «дарованный» за имя афинянина, жившего еще будто бы в V веке до Р.Х., который в 432 году, при Сатурне в Весах и Юпитере напротив него в Овне, взял да и обнаружил (вероятно, на афинской площади) этот замечательный цикл, требующий предварительного знания юлианского календаря. Здесь не знаешь, чему более удивляться: наивности такого рода хроникеров, или легкомыслию тех, кто может им верить.

Обычные двенадцать месяцев этого цикла:

1. Нисан (ок. марта – апреля) – 30 дней
2. Ияр (ок. апреля – мая) – 29 дней
3. Сиван (ок. мая – июня) – 30 дней
4. Таммуз (ок. июня – июля) – 29 дней
5. Аб (ок. июля – августа) – 30 дней
6. Элул (ок. августа – сентября) – 29 дней
7. Тишры (ок. сентября – октября) – 30 дней
8. Хешвон (ок. октября – ноября) – 30 дней
9. Хислев (ок. ноября – декабря) – 30 дней
10. Тебет (ок. декабря – января) – 29 дней
11. Шабат (ок. января – февраля) – 30 дней
12. Адар (ок. февраля – марта) – 29 дней.

Всего здесь 355 дней, и чтобы пополнить год до 365 дней, в каждый летний промежуток времени его годы 1, 3, 6, 9, 12 и 17 считаются високосными, т.е. включают в себя лишний 13-й месяц (Адар II, соответствующий февралю-марту, как это показано на диаграмме, которую я беру из IV книги «Христа»)

При этой системе выходит 125 месяцев по 30 суток и 411 месяцев по 29, причем средняя длина «дарованного» месяца оказывается по нашим расчетам 29,532 суток (вместо 29, 5306, которые считаются теперь астрономами), а длина сидерического года 365,263 (между тем, как по современному нам счету она близка к 365, 2563 суткам), т.е. звездный год в «дарованном» цикле показан точнее, чем даже и в Юлианском календаре, еще смешивавшем климатический год со звездным, астрологическим.

Читатель, понимающий, как трудно было определить все это человеку еще не знакомому не только с десятичными дробями, но даже и с десятичной системой счисления, считавшему по буквам алфавита, не многим лучше, чем по пальцам и не имевшему для своих градусных определений даже повторительного круга (почти ничего, кроме шеста, воткнутого в землю, на которой отмечены прохождения тени), сам может видеть, что такой «дарованный» цикл есть уже заключительная стадия эволюции календаря. Сначала был самый простой, чисто лунный, сохранившийся до сих пор у правоверных. Затем появился, как его анти-тезис, чисто солнечный – юлианский календарь, где климатология еще не отделилась от астрологии и он сохранился до последнего времени на православном Востоке, а на Западе слегка исправился и обратился в чисто климатический григорианский, отбросивший совсем астрологию. А только что приведенный еврейский календарь есть уже синтез обоих

предшествовавших, который не мог появиться ранее того времени, когда уже перестали удовлетворяться даже и юлианским календарем.

И этому вполне соответствует открытие еврейского астронома Хаима Слонимского, что он впервые был выдуман и обнародован только в X веке нашей эры, в одном из центров тогдашней культуры Кордове в Испании мавританским астрономом Хассаном Ха-Даяном в 953 году.

Отсюда ясно, что всякий документ, в котором употребляется этот цикл, не может быть отнесен ко времени до половины X века нашей эры. Скажу даже более. Мы не имеем никакой возможности предполагать, что календарь Хассана Ха-Даяна был тотчас же сообщен по радиотелеграфу во все места, где обитали богославные ученые (иудеи) вплоть до Багдада в Месопотамии. Никакого радиотелеграфа тогда еще не было, и ученые отдаленных стран были совершенно разъединены друг от друга. Если вставочный месяц Адар II и существовал вместе с другими только что поименованными, до X века, то он мог вставляться не по какой-либо системе, а лишь чисто наблюдательным путем. Значит и Гилель II, о котором говорят талмудисты, как об обнародовавшем в 359 году «лунный календарь», мог установить тогда не современный нам еврейский календарь, а только предсказание новолуний поочередно через 29 и 30 дней после наблюденного новолуния, или в крайнем случае современный правоверный календарь мусульман, т.е. современный нам «арабский» календарь. Астрология требовала, чтобы пасхальный месяц Нисан (имя которого происходит от корня НЭС <...> – знамя и значит «Знаменосец») обозначался на небе прохождением солнца по первому из созвездий Зодиака, предводителю остальных – Овну, а за ним дали по созвездию Зодиака и на каждый из остальных 12 лунных месяцев. Но что же оказалось на третий год? Новолуния еще правильно налегают на начала своих месяцев, а солнце в конце Адара не дошло уже до Овна на целое созвездие, оно только что вступило в созвездие Рыб. Значит, чтобы сохранить соответствие между названиями месяцев и соответствующими созвездиями Зодиака, надо было через каждые два года удвоить последний месяц Адар, назвав его Адаром-Вторым, високосным. А дальнейшая практика показала, что это надо сделать не через каждые два года на третий, а семь раз в 19 лет. Такой распорядок и дал раз навсегда Хассан Ха-Даян в Кордове, но и после его открытия удвоение Адара могло долго делаться лишь чисто наблюдательно, по глазомерному расчету на небе в глухих или отдаленных местах.

Мы так привыкли к нашему однородному счету времени во всех культурных странах, что даже и в мыслях себе не задаем вопроса о том, каким способом и когда достигнуто это.

А достигнуто оно лишь тремя способами:

1) посредством типографского станка, оттискивающего в совершенно одинаковом виде тысячи экземпляров, предварительно проверенных специальными корректорами, тщательно исправившими все искаженные наборщиками места и слова;

2) посредством государственного или церковного контроля, не допускающего к распространению в своих учреждениях неправильно составленных календарей;

3) посредством правильно организованной почты, дающей возможность для их повсеместного распространения в культурных местностях.

А что же было в средние века?

1) Типографского станка не было, а относительно еще не напечатанных рукописей, скажет вам следующее всякий современный писатель: «пока книга не напечатана – все равно, что ее совсем нет». Так не было книги вплоть до изобретения Гуттенберга, вплоть до 1455 года.

2) Государственного и церковного контроля не могло быть над индивидуальными переписчиками, как и теперь над частными письмами и рукописями, а следовательно не могло быть обеспечено и однородности всех отдельно написанных копий, не говоря уже об однородности орфографии и однородности литературного языка. Рассказы о том, будто существовали в древности и в средние века общепринятые грамматики (Доната и других), распространявшиеся повсюду индивидуальными бесконтрольными переписчиками. Это наивнейшая из всех волшебных сказок. Всякая рукопись, где орфография слов та же самая, какой должна быть по грамматике напечатанной от имени Элия Доната, есть (вместе с нею самою) принадлежность уже печатного периода латинской литературы. То же самое и относительно греческих и других рукописей.

3) Государственно организованных почтовых сообщений не существовало вплоть до XVI века и основана почта была впервые только династией Габсбургов для объединения их обширных владений от Бургундии до Испании, от Венгрии до Богемии. Она ранее всего упорядочилась в Германии, Франции и Нидерландах, а в доисторические почты, кроме посылок с отправляющимся куда-нибудь знакомым, имею право верить только дети, да и то не позже десятилетнего возраста.

И вот я спрашиваю снова читателя, как же мог в такие непечатные времена среди разрозненных грамотеев быть какой-нибудь общепризнанный календарь и общепризнанное исчисление времени, основанное притом же на таких сложных принципах, как лунно-солнечный метонный (т.е. дарованный, а не Метонов) 19-летний цикл?

Само собой понятно, что никакого сложного повсюду употреблявшегося календаря не могло быть. Распространиться на Востоке мог только чисто лунный календарь, проверяемый фактическим наблюдением новолуний, а на западе — юлианский календарь, как основанный на очень простом принципе: три года по 365 дней, а четвертый в 366.

Вот почему и при изучении клинописных астрономических таблесток, найденных в Месопотамии, где названия месяцев те же самые, как и у современных евреев, мы никак не можем без особенных доказательств отнести их в глубь веков, далеко за время Хассана Ха-Даяна, т.е. X века нашей эры, тем более, что и клинописные изображения букв имеют, как я уже показал выше, характер специального шифра, а не естественно возникшего письма.

С этим предупреждением мы и перейдем к астрономическому определению времени клинописей, содержащих достаточные астрономические указания и прежде всего некоторых эфемерид по тому же методу, какой я дал при разборе египетских таблесток Бругша-Стоборта.

Приписка Н.А. Морозова:

Пятой (V) главы нет, да кажется и не было. Счет тут прямо переходит к шестой главе.

Книгой (V) главы нет
за Конференс и не было.
Счет тут, видимо, пере-
ходит к VI главе

не пере-
писаны
Христиан
Книга / Хамова VI
Миражи исторической
цифры
Сасиб I
Лисова VI
V глава нет
Бругш
Трасмифено
Конас Асадо
перенесен

Глава VI

ДВА МЕСОПОТАМСКИЕ ГОРОСКОПИЧЕСКИЕ КАМНЯ, ИЗОБРАЖЕННЫЕ В КНИГЕ ИЕРЕМИАСА

Прежде всего рассмотрим два гороскопа на так называемых «пограничных камнях», описанных в книге Иеремииаса¹.

Первый из этих гороскопов (рис. 1) не представляет никаких затруднений для человека, знакомого со средневековой астрологической символистикой.

Прежде всего припомним, что созвездия Зодиака назывались также и домами небесных светил. Созвездие Льва называлось домом Солнца (рис.) и около него воображались еще две пристройки вроде собачников для помещения утренней и вечерней зари, которые в псалмах названы Ланями рассвета.

Благодаря тому, что солнце никогда не является ночью, у него был только один «дневной дом» – в созвездии Льва. А созвездие Рака, направо от него, называлось «ночным» домом Луны, и у нее, наоборот, не было дневного дома.

У остальных же планет, которые ходили независимо от движений солнца и луны, были по два дома – дневной со стороны солнц и слева. Налево от Меркурия – Марс в виде головы боевого коня, а направо – Венера, прикрытая лазурью неба, как куполом и около нее Сова – признак вечернего местонахождения. Этажом ниже мы видим могучего

Рис. Так называется
«пограничный ка-
мень» (по Иеремииасу)

Селевк Победитель

¹ Jeremias: Das alte Testament im Lichte der alten Orients. S. 10.

царя в венце и Стрельца, натягивающего лук, это явно Юпитер в созвездии Стрельца, а в самом нижнем этаже мы видим Скорпиона, Погребальную урну, Черепаху и Коня с вилами на спине. Значение вил неясно (они сопровождают сенокосца с его косой при уборке сена), а Погребальная урна выражает смертоносность, и Черепаха – по-видимому – особенную медленность движения Сатурна среди звезд. Значит, конь с развилиной на спине, несомненно Сатурн. А это обязательство подтверждает и остальные наши отождествления, так как для менее ярко выраженных Марса и Венеры не остается другого места, как под домиками вечерней и утренней зари, т.е. около Солнца.

Все это, особенно в связи с солнечным затмением во Льве и его видимостью в сильной фазе в Месопотамии, дает нам безусловно надежный материал для астрономического определения времени данной находки, сделанной в XIX веке в Персии.

Начнем разведку нашим обычным способом:

Юпитер в Стрельце и Сатурн в Скорпионе

Это то же самое сочетание, которое мы уже видели в Апокалипсисе, а потому и первая ступень нашей историко-астрономической разведки та же самая.

Из пролога к этому тому мы уже знаем, что для всякого заданного нам зодиакального сочетания Юпитера и Сатурна мы получаем на промежутке 950 лет только 7 или 8 удовлетворительных решений, расположенных одной серией через 59 лет друг от друга, на протяжении 472 лет, а остальные 478 лет останутся совсем без подходящих сочетаний, так что и исследовать их по остальным планетам не нужно.

А для данного случая между 1000-м годом до начала нашей эры и нашим собственным временем одновременные положения Сатурна в Скорпионе и Юпитера в Стрельце дали мне только 22 подходящих решения, расположившиеся в трех сериях.

Первая серия состоит из 7 дат между минус 637 и минус 281 годом.

Вторая серия тоже из 7 дат между 395 и 751 годом нашей эры. Третья серия из 8 дат между 1189 и 1605 годами нашей эры.

Все это и дано в таблице III в первых двух колонках. А направо от них я обозначил все солнечные затмения не только в эти годы, но и в соединении с ними, и мы видим, что из всех них подходящим оказалось только затмение 6 августа минус 281 года. За весь трехтысячелетний промежуток до нашего времени оно одно было, при указанном сочетании Сатурна и Юпитера видимо из Месопотамии в созвездии Льва и притом не с полным потемнением Солнца, а лишь с вырезанием его

Таблица III
Историко-астрономическая разведка «Пограничного камня Селевка-Победителя»

	Сатурн в Скорпион е	Юпитер в Стрельце	Солнечные затмения около лет, указываемых Сатурном и Юпитером
I-я серия			
Первая серия подходящих сочетаний Сатурна и Юпитера	-635:02	-637:21	{ B-637 мартовские и сентябрьские приполярные { B-636 –VIII-29 из Аляски через Францию в Египет
	-577:94	-578:52	{ -579-II-4 и 579-III-5 и 579-VIII приполярные { -578 VII-20 из Гудзонова залива через Сибирь в Индию { -577-I-14 окончилось под Аравийским заливом
	-518:85	-518:83	{ -520-VI-10 началось в Аравийском заливе { -519-XI-23 началось в Тибете { -518-X-14 приполярное
	-459:77	-459:13	{ -460-X-2 приполярное { -459-VIII-23 по южному полушарию { -458-VIII-12 по западному полушарию
	-400:68	-400:44	-401-I-18 предполуденное в Месопотамии -400-VII-2 от Мадагаскара в Тихий океан -399-XII-16 приполярное
	-341:59	-341:75	-342-XI-16 по западному полушарию -341-V-12 приполярное -340-IX-26 приполярное
-282:51	-281:06	-282-VIII-16 приполярное -281-VIII-6 по Южной Европе в Закавказье перед полуднем -280-VII-25 по южному полушарию	

диска сверху, причем в наибольшей фазе Солнце оставалось еще видимым из Месопотамии в форме лодочки, как и показано на камне. Ничего подобного больше не было вплоть до нашего времени, как увидит сам читатель, пересмотрев таблицу III.

2-я серия			
Вторая серия подходящих сочетаний Юпитера и Сатурна	+395;99	+395;20	{ 394-X-11 приполярное 395-XI-30 по Атлантическому океану 396-IX-18 по Западному полушарию
	+454;95	+454;51	{ 453-VIII-11 по Западному полушарию 454-VII-10 из Индии в Атлантический океан 455-VII-30 приполярное
	+513;85	+513;81	{ 512-XII-24 полуденное в Закавказье 513-VIII-22 из Скандинавии севером в Корею 514-XI-2 по Западному полушарию
	+572;77	+573;12	{ 572-IX-23 очень северное 573-III-19 из Южной Америки в Индию 574-IX-1 по Южному полушарию
	+631;68	+632;43	{ 631-VIII-3 по Атлантическому океану 632-VII-22 по Западному полушарию 633-VI-12 приполярное
	+690;59	+691;74	{ 690-VI-12 по Западному полушарию 691-X-27 по Южному полушарию 692-X-15 по Западному полушарию
	+749;51	+751;05	{ 750-IX-5 по Западному полушарию 751-VIII-25 по Атлантическому океану 752-VIII-14 приполярное

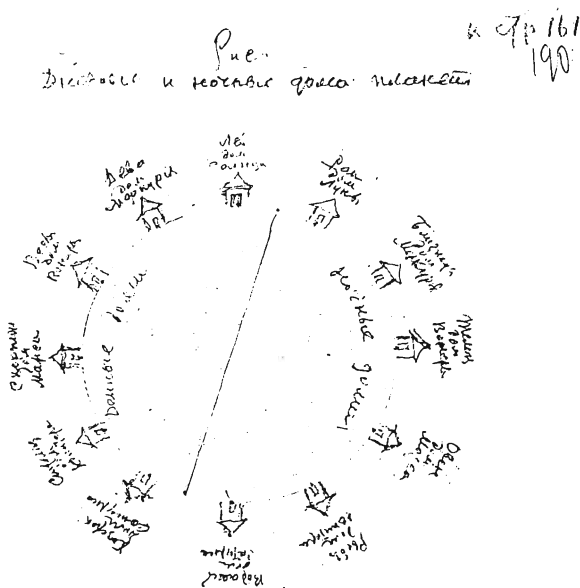
3-я серия			
Третья серия подходящих сочетаний Юпитера и Сатурна	+1191;36	+1189;95	{ 1189-V III-13 по Южному полушарию 1190-V III-4 приполярное
	+1250;28	+1249;26	{ 1248-X I-16 по Южному полушарию 1249-V -19 из Индии в Японию 1250-X -26 по Западному полушарию
	+1309;19	+1308;57	{ 1307-IX -27 по Западному полушарию 1308-IX -15 по Атлантическому океану 1309-V III-6 приполярное
	+1368;10	+1367;83	{ 1366-V III-7 из Швейцарии в Японию 1367 приполярное 1368-V I-15 по Западному полушарию
	+1427;02	+1427;19	{ 1426-X -30 по Западному полушарию 1427-IV -26 кончилось в Испании 1428-X -9 околополярное
	+1485;94	+1486;50	{ 1485-IX -9 начало в Индо-Китае 1486-V III-29 приполярное 1487-V II-20 приполярное
	+1544;84	+1545;81	{ 1544-V III-19 околополярное 1545-X II-4 по Тихому океану 1546-X I-23 поперек Африки
	+1603;76	+1605;12	{ 1604-X -22 на Западном полушарии 1605-X -12 закатное в Месопотамии (Солнце в Весах) 1606-IX -2 приполярное
Тут кончается 3-я серия одновременных положений Сатурна в Скорпионе и Юпитера в Стрельце. Следующая 4-я серия начнется только с XXI века			

Я уточнил затем специальным вычислением геоцентрическое положение Юпитера в Стрельце и Сатурна в Скорпионе, и они оказались во второй половине назначенных для них созвездий (рис., где приведены и их эклиптикальные долготы в пределах принятых теперь по Дюреру границ). Я рассчитал потом и место солнечного затмения, оно оказалось, как и обозначено в самой середине созвездия Льва, между его главными звездами Регулум и Денеболою, что вероятно и показано двумя звездообразными фигурами по обоим сторонам выпрыгаемого драконом Солнца, хотя может быть это обозначает и то, что Солнце возвратилось после затмения к прежнему сияющему виду.

Я вычислил затем геоцентрические положения Марса, Меркурия и Венеры, и все они оказались в том же порядке, как и на рисунке: Марс в виде боевого коня слева, двулицый Янус-Меркурий – посредине и Венера налево от него, причем шатер над нею показывает, что она уже терялась в огне вечерней зари, а Сова около нее, что она была тогда вечернею звездой.

Все оказалось в полном согласии с минус 281 годом до начала нашей эры, и даже в полном согласии со Скалигеровой хронологией древнего мира! Другого решения нет

Но значит ли из этого, что мы должны считать существование гомоскопов и астрономических записей, а с ними и высокой умственной культуры в Месопотамии, подтвержденными астрономически?

к главе VI
Книжки
Курьеру

С первого взгляда выходит как будто бы да, и что открытие это называется прямо сенсационное.

Действительно, обращаясь к обычной истории, мы сразу вспоминаем, что, как раз «в 281 году до Рождества Христова» был, – говорят нам, – убит Селевк, легендарный полководец легендарного Александра Великого, принявший в 312 году до Рождества Христова царский титул, потомки которого правили Сирией под именем Селевкидов до завоевания ее римлянами в 64 году до Рождества Христова.

Но ведь такое совпадение принятой классиками даты убийства Селевка в 281 году и даты только что исследованного нами и открытого в XIX веке камня-гороскопа не оставляет никакого сомнения, что он и нарисован с целью увековечить 281 год как начало династии Селевкидов!

Это был гороскоп убийства Селевка Победителя и начала эры Селевкидов. Какое поразительное подтверждение общепринятой исторической хронологии древнего Востока!

Но только вот здесь и маленькое недоразумение, которое компрометирует всю эту сенсационную находку какого-то миссионера, специально командированного в Азию для сбора будто бы валяющихся там памятников глубокой древности и для подтверждения истинности установившихся верований.

Дело в том, что почти никто из историков не знает, что астрономам пришлось во избежание разрыва сплоченности при вычислениях движения небесных светил при их переходе за начало нашей эры, где года отсчитываются в обратном порядке, назвать первый год до начала нашей эры нулевым годом, так что второй год «до Р.Х.», употребляемый историками, называется у астрономов минус первым, третий год «до Р.Х.» называется у астрономов минус вторым и, наконец, 281 год «до Р.Х.», когда, – говорят нам, – был убит Селевк, называется у астрономов минус 280 годом, а минус 281 астрономический год, для которого и сделано только что приведенное вычисление, соответствует 282 году «до Р.Х.» историков, когда Селевк был еще жив, и ничего особенного с ним не случилось...

Сам он не мог поставить себе этого памятника, потому что не мог предусмотреть, что через год его убьют. А его преемникам незачем было напоминать об этом затмении, как окончившемся благополучно, без каких-либо последствий... Да и вообще, зачем было напоминать на камнях на память отдаленному потомству о не оправдавшихся зловещих затмениях?

А между тем, исследуемый нами камень несомненно сделан, чтоб установить начало династии Селевкидов... Так в чем же дело? Здесь объяснение может быть только одно.

Авантюрист, привезший в Европу этот камень в XIX ве-ке нашей эры, когда вычислительная астрономия в Западной Европе стояла уже на высоком уровне, не найдя в Азии никаких сенсационных находок, решил сделать их при возвращении и попросил кого-то из астрономов вычислить ему положения планет на августовское новолуние 281 года «до Рождества Христова», считая это без нулевого года, а астроном, позабыв, что историки называют 281-м годом 280-й астрономический, сделал ему под именем 281 года вычисления на 282 исторический год...

Рис. Так называется
«Камень Меродаха-
Валаама» (под цифрой
IVR'43) по пере-
писи.

Результат его вычисления и был рисуночно изображен на исследованном нами камне, по всем правилам средневековой астрологической символистики и исполнен настолько искусно, что в первое время я был совершенно убежден, что имею дело с подлинным средневековым произведением и обнаружение скрытой цели автора доставило мне большое огорчение.

И второй «месопотамский» камень в том же роде, приведенный в книге Иеремиаса «Старый Завет в свете “Старого Востока”»², показывает все признаки изготовления тем же «мастером». Он носит название «Камень Меродаха-Валаама (под цифрой IVR'43)» и на нем изображено созвездие Гидры (рис.), тянущееся от Рака до Весов под созвездиями Льва³. Сам Лев изображен, как и полагается, над серединой Гидры (рис., верхний этаж), направо от него, как и следует, Рак, а на-

² Jeremias: Das alte Testament im Lichte der alten Orients (1906).

³ Меродах или Мардук от еврейского МРД (гль) — мятеж, крамола, считается за название планеты Марса; Валаам от еврейского БЛ-ЭМ (нх-мб), полное БУЛ-ЭМ (нх-мхб), т.е. Господь народа, считается за специальное прозвище Юпитера.

лево Колос Девы. Над головою Льва и Колосом Девы сначала ясное, потом померкшее и затем лодкообразное Солнце. В срединном этаже мы видим птицу – Венеру, затем Сатурна в той же своеобразной символике (с вилами на спине), затем Марса с выросшим из его спины копьем, и наконец, какой-то дворец с сидящим в нем зверьком.

А в нижнем этаже снова видим Гидру с идущим по ней крылатым Львом, изображающим, по-видимому, Юпитера.

Здесь ясно стремление автора представить солнечное затмение при схождении всех планет над созвездием Гидры, тянущимся от 120° по 255° эклиптикальной долготы под созвездиями Рака, Льва и Девы при солнечном затмении во Льве.

Чтоб определить это время, я взял (табл. колонка I) все солнечные затмения от минус 830 по плюс 1868 год, видимые в значительной фазе в Месопотамии. Во второй колонке я привел ближайшие к этим датам прохождения Сатурна через созвездие Льва, считая, что животное, ползущее во втором этаже с вилами на спине – Сатурн. Все годы до начала нашей эры тут не совпали, т.е. в те даты, когда было солнечное затмение во Льве, в нем не было Сатурна, и когда Сатурн был во Льве, в нем не было затмения.

А в продолжении нашей эры были три случая совпадений.

1) В 212 году 14 августа было полное солнечное затмение, полоса которого, начавшись у Гибралтарского пролива на восходящем солнце, шла через Кавказские горы в Тибет, где затмение было полуденным, и окончилось в Тихом океане, пройдя через Китай около острова Формозы. Это затмение в неполном виде можно было наблюдать и в Месопотамии. Сатурн в то время еще не успел уйти из созвездия Льва и находился у границы созвездия Девы.

2) В 388 году 18 августа было кольцеобразное солнечное затмение, полоса видимости которого шла из Лапландии мимо Риги в Тибет и Индо-Китай и окончилась у острова Борнео. В несильной фазе оно было видно в Месопотамии. Сатурн в это время был тоже во Льве, близко от затмившегося Солнца.

3) В 1448 году 29 августа было солнечное затмение около 171° современной эклиптикальной долготы, т.е. во Льве на границе с Девой. Начавшись в северной Америке, около Нью-Фаундленда, оно прошло через Испанию в Тунис и в Бабельмандебский пролив в окончилось вечером в Индийском океане. Сатурн был тогда во Льве, над Гидрою, направо от затмившегося Солнца.

Вот и все три случая, даваемые первой ступенью нашей разведки.

Считая, что на Гидре в нижнем этаже есть Юпитер, я проверил все эти случаи по нему. Оказалось, что только для 212 года получился удов-

летворительный результат. В 388 году Юпитер был между Тельцом и Близнецами, а в 1448 между Девой и Весами.

Таблица

Историко-астрономическая разведка второго «месопотамского камня», изображенного у Иеремиаса под именем камня Меродаха Валаама

Солнечные затмения во Льве, видимые в Месопотамии	Сатурн в середине Льва	Отметки Юпитера
-838-VIII-15	-849;03	
-802-VIII-6	-791;98	
-635-VIII-19	-643;23	
-552-VIII-31	-555;60	
-457-VIII-2	-437;43	
-393-VIII-14	-379;35	
-309-VIII-15	-319;26	
-281-VIII-6	-290;72	
-177-VIII-17	-172;54	
-49-VIII-21	-54;37	
-21-VIII-11	-25;83	
+45-VIII-1	+34;75	
+175-VIII-4	+182;03	
* +212-VIII-14	+211;49	В 212 г. Юпитер во Льве
+220-VIII-5	+240;95	
+360-VIII-28	+358;79	
* +388-VIII-18	+388;23	В 388 г. Юпитер между Тельцом и Близнецами
+472-VIII-20	+477;15	
+519-VIII-11	+506;06	
+566-VIII-1	+564;98	
+773-VIII-14	+771;18	
+863-VIII-18	+859;54	
+891-VIII-8	+889;00	
+933-VIII-20	+947;91	
+1087-VIII-1	+1095;20	
+1112-VIII-29	+1124;66	
+1133-VIII-2	+1154;12	
+1188-VIII-24	+1183;57	
+1263-VIII-5	+1271;95	
+1282-VIII-5	+1301;40	
+1384-VIII-17	+1389;77	
* +1448-VIII-29	+1448;78	В 1448 г. Юпитер между Девой и Весами
+1514-VIII-20	+1507;00	
+1542-VIII-11	+1537;06	
+1720-VIII-4	+1713;80	
+1843-VIII-17	+1831;63	
+1868-VIII-18	+1861;00	

Итак историко-астрономическая разведка дала нам на этих основаниях только одно решение – 14 августа 212 года нашей эры.

Я уточнил положение всех планет на этот момент и получил результаты, представленные на табличке.

Венера оказалась в созвездии Рака, который на гороскопе изображен в верхнем этаже справа. Во втором этаже под ним дан домик, в комнате которого сидит зверушка, как бы в венце. Это и должна быть Венера, но только почему она спряталась в подземелье? Над нею тут растет даже дерево, а между тем там во время затмения 212 года она была видна на небе на всем протяжении полосы затмения вплоть до Тихого океана за Китаем, где она действительно была уже «под землей», т.е. скорее «под водою», так как зашла ранее заходящего затменного солнца.

Если же мне скажут, что эта зверушка Меркурий, скрывшийся за дворцом Солнца (т.е. созвездием Льва), а Венера символизирована Птицей на левой стороне среднего этажа, то дело от этого не становится лучше: Венера вместо Рака, в котором она действительно была, окажется под Колосом Девы, и налево от Солнца, тогда как на деле она была направо от него.

Считая затем зверушку с копьем на спине за Марса, как полагается по астрологической символистике (его значок и до сих пор >), мы видим его под Львом и правее Сатурна, а по нашему вычислению он был во время затмения 14 августа 212 года уже в Деве ближе к Весам, и много левее Сатурна. Такая ошибка недопустима для астронома-наблюдателя того времени.

Итак мы видим, что это свиданье всех планет над Гидрою является очень неискusной подделкой какого-то неопытного вычислителя XIX века. Наблюдатель-очевидец не мог бы так неправильно расставить планеты над Гидрою, а вычислитель того времени не мог бы вычислить до такой степени приблизительно, считая (как это делал даже Коперник) геоцентрическое обращение Марса равным в 2 года вместо 1,88.

Сравнив этот рисунок с предшествовавшим, мы уже видели, что оба они работа того же мастера. Значит, даже и в том случае, если бы положение всех планет здесь вышло хорошо для 212 года, то мы с уверенностью могли бы сказать, что и они изделие авантюриста XIX века, привезшего их из Месопотамии, чтоб чем-нибудь оправдать свою командировку туда с целью разыскания «ассиро-вавилонских реликвий». И стиль и символика обоих – та же самая.

Таблица

Гороскопный Камень Меродаха-Валаама (т.с. Марса-Юпитера), дающий положение планет во время солнечного затмения 18 августа 212 юлианского года нашей эры во Льве над созвездием Причастной Чаши при всех планетах над Гидроу

Весы		Дева			Лев			Рак			Близнецы	
220°	210°	200°	190°	180°	170°	160°	150°	140°	130°	120°	110°	100°
		Марс 211°*—			Меркурий 179°*			Юпитер 152°*—			Венера 128°*—	
		Ворон			Чаша			Гидра				

Таблица

Гороскоп на подложном пограничном «Камне Селевка победителя», дающий расположение планет во время солнечного затмения в августе минус 282 астрономического года (у историков 281 год)

Стрелец		Скорпион				Весы				Дева				Лев				Рак																
295°	290°	285°	280°	275°	270°	265°	260°	255°	250°	245°	240°	235°	230°	225°	220°	215°	210°	205°	200°	195°	190°	185°	180°	175°	170°	165°	160°	155°	150°	145°	140°	135°	130°	125°
Юпитер 293°*		Сатурн 254°*								Марс 182°*				Меркурий 176°*				Венера 170°*				Солнце 158°*												
Гидра:												Ворон																Чаша						

Глава VII

СОЛНЕЧНЫЕ И ЛУННЫЕ ЗАТМЕНИЯ В МЕСОПОТАМСКИХ КЛИНОПИСЯХ

Я привожу здесь все те, которые мне известны. Возможно, что имеются, или будут найдены и другие, но они едва ли изменят выводы, которые мы делаем по этим.

I

Полное солнечное затмение в Месопотамии в месяце Сиване (прежнее определение – 762 г., новое – +1061 г. Ginzler, стр. 243, № 1)

У Равлинсона, в «Клинообразных надписях Западной Азии»¹, а также и у Делитша в «ассирийских отрывках для чтения»² написано:

«В Эпонимат (т.е. в архонство) пура Ансагала было восстание в городе Азур, в месяце Сиване затмилось солнце».

Значение символического выражения *pur Ansagal* и даже точное произношение этого начертания неизвестно. А Сиван по раввинскому «Дарованному (метонному) календарю» приходится между 1-м мая и 28-м июня юлианского счета.

Стремясь, подобно всем археологам, найти как можно более древнюю дату, Раулинсон, Шрёдер, Хинке, Хайнд и другие остановились тут на затмении 15 июня минус 762 года, шедшем в полной фазе перед полуднем в Малой Азии из Атлантического океана в Тихий, хотя в Месопотамии оно не было полным.

А мы, исходя из уже установленного нами положения, что раввинский Метонный календарь был установлен лишь Хассаном Ха-Даяном в Кордове в 953 году, и что выражение «затмилось» солнце (а не урезалось) надо понимать в точном смысле слова, т.е. что оно действительно затмилось, находим, что нашей задаче удовлетворяет лишь полное солнечное затмение 20 июня 1061 года нашей эры, шедшее в утреннюю половину дня прямо поперек Месопотамии. Других нет. А об этом затмении я более подробно говорю в следующих строках.

¹ Raulinson: The cuneiform Inscriptions of Western Asia [R] II p.52.

² Delitsch; Assirische Lesestücke, 2Auflage, S.43. А также Ginzler, S.243.

Полное солнечное затмение в Египте в месяце Таммузе (прежнее определение – 699 г., новое – +1061 г. . Ginzell, стр. 245, № 2)

Фокс Тальбот, в своей статье «Об одном затмении в древности»³ описал очень интересную клинопись. Обозначенная им цифрой К 131, а потом К 154, она упоминается также Оппертом и Тиле и представляет собою хорошо сохранившуюся глиняную таблетку в 3½ дюйма длины и 1½ дюйма ширины. На ее передней стороне 20, а на задней – 17 строк, не считая пробелов. Почти все они хорошо сохранились и отчетливо написаны (См. Бекольд: Каталог гвоздеобразных табличек Куянджукской коллекции Британского музея)⁴.

Текст первых 14 строк, от которых зависит определение времени и места затмения, был опубликован Тальботом по снимку Георга Смита и перепечатан Гинцелем в Известиях Венской Академии Наук (том 88, II отдел, стр. 643). Текст всей таблички в «ново-вавилонском» подлиннике опубликован был затем еще С.А. Смитом в 1888 г. в его статье «Ассирийские письма» и затем снова у Харпера в «Ассирийских письмах, часть III, 1896 г., №276, стр. 278».

Перевод Тальбота таков:

«Повелителю народов, моему господину твой слуга Кукур.

Ашур, Солнце и Мардук да будут милостивы к моему повелителю. Войско, посланное господином моим повелителем в страну Египет, прибыло. В месяце Су (Тамузе) случилось затмение. Мои воины, не храня в сердце благополучия Ассирии, разбежались направо и налево, видя небесное знамение.

Пусть повелитель спросит подателя этих писем об обстоятельствах затмения месяца Су (Тамуза) – крайне преступно враждебно повелителю он объяснил это затмение».

В 1885 году Опперт в своей статье «Астрономические пояснения клинописей» в Известиях Венской Академии Наук (том 91, стр. 905) дал следующий перевод, во всем существенном согласный с первым:

«Повелителю стран моему господину твой слуга Кудурр. Ассур, Самас и Мердах да будут близки покровителю моему господину. Мы были посланы моим повелителем господином на дорогу в Египет (Мизир). В месяце Таммузе произошло солнечное затмение. Среди моих людей не было никого, кому бы на сердце лежало благополучие Ассирии,

³ Proceedings of the Society of Biblic Archaeologi. Vol. I. 1582, page 13ff.

⁴ C. Bezold. Catague of the Cuneiform Tablets in the Couyunjik Collection of the British Museum. Vol I, p. 40.

каждый бежал направо или налево. Повелитель мой господин, спроси посла об их гадости и о правде затмения Таммуза. Если осмелюсь, прибегну пред лицо своего повелителя и господина».

Тальбот в своем «Приложении» показал вероятность идентичности этого затмения с тем, о котором упоминает Асурбанипал (он же Сарданапал) в своих Анналах и которое приписывали затмению 27 июня минус 660 года, хотя оно и шло по Месопотамии, а не по Египту, да и то в кольцеобразном, а не в полном виде, при каком только и наступает такой панический страх, как тут описано. Опперт тоже счел возможным, что оба показания относятся к этому кольцеобразному солнечному затмению, но он все же прибавил: «возможно, что и к затмению 16-го (т.е. 17-го) июня 678 года, на который приходится (по традиционной исторической хронологии) походы Ассархадона в Египет». Однако ж и это затмение было кольцеобразным и шло утром в таком виде поперек Красного моря в Тибет. Йенсен⁵ тоже в конце концов, за неимением ничего вполне подходящего, склонился к выводу, что это произошло во время египетских походов Асурбанипала и потому «может (!) служить к установлению их хронологической даты».

«Но вряд ли кто из них прав в этих определительных попытках, — говорит Гинцель в своем «Каноне солнечных и лунных затмений для области классической древности» (стр. 246). — Во всех более ранних попытках, включительно до Опперта, филологический смысл текста был искажен ошибкой в решающем месте, на котором основывается Тальбот. Вот каков текст по Смиуте и Харперу в связанной кругописи»:

«Повелителю стран, моему господину твой слуга Кудурр. Азур, Самас и Мардук да благословят моего господина. После того, как повелитель и господин отправился в Египет, произошло в месяце Таммузе затмение. Мои войска — между нами не было никого заботящегося об жизни (благополучии) Ассирии... Направо и налево... Пусть повелитель опросит посла об их лицах... затмения месяца Таммуз. Когда я их представлю пред лицо повелителя, то я погиб... (или же «когда я их изложу, я предстану пред лицо повелителя»)... в месяце Нисан... Сума, сын моего... моего повелителя... известия мне не послал. Вследствие многочисленных колдований посылаю я донесение повелителю моему господину. Повелитель да решит Набу-Сум-Мезир (египетский) сын брата Цаккара, жрец очиститель «Храма Окропления» в Дворце Страны применял против (всего этого), в Бел-Етира, как заклинания, так и отлучения».

⁵ Йенсен, Keilinschrift Biblioth. II, 158.

И вот, по мнению Гинцеля, это повествование, связывающее с ужасом полного затмения также и другие донесения из области суеверия, принадлежит никому иному, как «Ниневийскому архику» и отправлено им его ассирийскому владыке, ушедшему в Египет...

Здесь хронологическая беда как будто поправляется тем, что, мол, в Египет, где не было тогда подходящего затмения, отправился не сам полководец Кудур (если правильно читается его имя), а его царь, и затмение произошло в его отсутствие в Месопотамии, около «Ниневии».

И вот Гинцель приходит к выводу, что тут говорится о солнечном затмении 6 августа минус 699 года, шедшем в полном виде из Аляски, через Гренландию, Швецию и Крым, прямо в Северную Персию, где солнце и закатилось в затмении. Однако же и тут обнаруживается несоответствие: это затмение не дошло до Месопотамии в полном виде, да и было 8 августа по юлианскому счету, тогда как конец Таммуза не заходит за конец юлианского июля.

Кроме того и самый перевод Смита и Харпера, будто не Кудур, а сам царь отправился в Египет, не выдерживает внимательной критики. Ведь войска Кудура были бы тогда на мирном положении дома, и если бы среди них в казармах и наступила временная паника, разделяемая и всем населением Ниневии, то какое же отношение это имело бы к их заботам о благосостоянии родины, которую они были обязаны защищать только от иноземного врага?

Совершенно ясно, что первые переводы Тальбота и Опперта были правильными, и паника войск произошла не дома на покое, а во вражеской стране, т.е. в данном случае в Египте, и переделывать локализацию на обратную пришлось Смицу и Харперу главным образом потому, что астрономического подтверждения его предвзятой хронологии не получалось. Да не получилось его, как мы только что видели, и при «исправленном» им переводе текста, хотя он и исправлял его именно для астрономического подтверждения предвзятой даты.

Посмотрим теперь, что выйдет, если мы будем руководствоваться чистой астрономией без всяких «предварительных внушений».

Вот все полные солнечные затмения в Египте, т.е. около Синайского полуострова, Дельты Нила и Каирской области во время месяца Таммуза (т.е. около юлианского июня-июля), начиная с минус 700 года нашей эры.

1. В минус 335 году 4 июля было в Месопотамии солнечное затмение, близко полудня, но не полное, оно не годится, потому что неполные затмения в древности и в средние века даже и не назывались затмениями, а «преображениями солнца и луны». Как мы видим во всех их описаниях: «солнце изменило свой вид», «произошло знамение на

солнце», «солнце потерпело ущерб и стало похоже на луну» и т.д., а никак не затмилось.

2. В +334 году 17 июля было там солнечное затмение (да и то лишь «кольцеобразное преобразование»). Оно проходило по морю у Суэцкого канала после полудня, а туда пришло почти от Флориды, через Испанию, по Средиземному морю, и ушло через Аравию в Индийский океан. Тоже не подходит к описанию, так как было только преобразование, а не затмение.

3. В +718 году, 3 июня, полное затмение пришло из Тихого океана через Кубу, Испанию и Крит к северу от Синая в Аравию, в середине которой и окончилось. Оно было первое, на котором можно остановиться, да и то лишь, если войска Кудура были тогда еще в Палестине.

4. В 1061 году, 20 июня было первое во всех отношениях подходящее солнечное затмение. Оно шло в полном виде из Сахары через Каир, Суэцкий перешеек в среднюю Месопотамию, было полуденным в Тибете и окончилось в Тихом океане. Оно первое вполне подходит и к толкованию данной клинописи Тальботом, и к толкованию ее Смитом.

Далее не стоило бы и искать, но для полноты исследования, привожу и позднейшие сведения:

5. В 1293 году, 5 июля солнечное затмение в полном виде шло из Атлантического океана по Сахаре и по Египту, в полдень южнее Каира, а затем по Аравии и южной части Индустана в Индийский океан.

6. В 1478 году, 29 июля солнечное полное затмение шло из южной части Северной Америки в Испанию, где было полуденным, и затем через Дельту Нила в Аравию и индийский океан. И оно подходит, но исторически поздновато.

7. В 1488 году, 9 июля полное солнечное затмение. Шло из Сахары через Синайский полуостров и устье Евфрата в Индокитай и окончилось на северном берегу Гвинеи.

А затем не удовлетворительного затмения вплоть до настоящего времени и еще долго не будет.

Что же мы видим?

Единственное во всех отношениях подходящее исследуемой таблице полное солнечное затмение было только 20 июня 1061 года нашей эры. И оно замечательно еще и тем, что удовлетворяет и тому и другому из двух ее толкований.

— А как же, — спросит меня малоопытный в астрономии читатель, — согласовать это затмение, помеченное Таммузом с только что описанным перед ним солнечным затмением в месяце Сиване, которое мы определили тоже на 20 июня 1061 года? Выходит, что одно и то же затмение помечено в одной клинописи Сиваном, а в другой Таммузом.

– В высшей степени просто, – отвечу я. – Солнечные затмения бывают всегда как раз в промежутке между двумя месяцами раввинов. Так и это затмение как раз отделяло Сиван от Таммуза, а следовательно могло быть помечено и тем и другим месяцем, судя по тому, откуда считали начало первого дня: с утра или с вечера. А с чисто астрономической точки зрения первая половина каждого солнечного затмения всегда бывает в последние часы предшествовавшего лунного месяца, а вторая в первые часы следующего за ним.

Таким образом запись, приведенная нами в начале этой главы (§ 1) от имени Раулинсона и только что описанная от имени Тальбота лишь подтверждают, во 1-х, что обе не подложны, и во 2-х, что обе относятся к затмению 20 июня 1061 года нашей эры. Значит, клинопись была в употреблении в Месопотамии в XI веке нашей эры накануне Крестовых походов и к этому же времени приходится причислить и Дариев и Ксерксов.

III

Месопотамское солнечное затмение в месяце Ара-самме,
опубликованное Штрассмайером
(Ginzel, стр. 259, № 7)

Оно описано в тексте Rm IV 397 «Вавилонского Отдела в Британском Музее». Открыл его, по обыкновению, патер Штрассмайер и астрономически исследовал его вечный сотрудник Эппинг. Оно помечено 79 годом нашей эры и опубликовано в *Zeitschrift fur Assyriologie* (VI 236 ff). А в VII томе (236 ff) оно переведено и помечено месяцем Маргешваном (еврейским Хешвоном, т.е. Ара-Саммой). Там в строке 22 написано:

«29-го солнечное затмение. Место соединения (луны и солнца на небе) не было видимо».

Здесь прежде всего мы отмечаем, что автору клинописи уже известна причина затмений солнца: соединение его с луной.

Исследуя время этого «соединения» в пределах, даваемых обычной исторической традицией, Эппинг пришел к заключению, что дело тут идет о частном солнечном затмении 30 ноября минус 232 года, причем линия полного затмения прошла не по Месопотамии и даже не по земному шару, а в небесном пространстве, мимо южного полярного круга, и «соединение» там солнца и луны было в 6 часов 3 минуты от Гринвичской полуночи.

Но совершенно понятно, что таким способом можно подтвердить любое описание. Ведь двенадцатая часть всех, даже и не идущих мимо земли затмений солнца, приходится на 29 число Ара-Саммы. Только в тех

случаях, когда, кроме этого указания, дана в данной местности и максимальная величина, в особенности полная, можно найти твердую опору для определения времени.

А здесь, исходя из того положения, что частичные затмения назывались в старину не затмениями (вследствие отсутствия темноты), а преобразованиями Солнца, и что современный дарованный (метонный) календарь раввинов, который употребляется в клинописях, введен только Хассаном Ха-Даяном из Кордовы в 953 году (откуда к XI веку и распространился на восток) и что Аора-Самма соответствует раввинскому месяцу Тишри, начинающемуся не ранее 27 августа и кончающемуся не позднее 24 октября, — мы приходим к заключению, что здесь дело скорее всего идет об одном из следующих больших солнечных затмений в Месопотамии в промежуток от XI до XVII веков нашей эры.

Год 1084 -X-2; на закате — почти полное.

Год 1093-IX-23; после полудня, очень сильное.

Год 1147-X-26; после полудня, очень сильное.

Год 1178-IX-13; часа три после полудня, очень сильное.

Год 1187-X-6; тоже довольно сильное.

Год 1296-X-23; на восходе, почти полное.

Год 1344-X-7; утром, очень сильное.

Год 1354-IX-17; после полудня, среднее.

Год 1502-X-1; перед полуднем, очень сильное.

Год 1568-IX-1; на восходе в Аравийском заливе, очень сильное.

Год 1605-X-1; вечером, сильное.

Год 1644-IX-1; утром в Аравийском заливе, очень сильное.

Год 1699-IX-23; среднее после полудня.

Далее не стоит считать.

Читатель видит сам, что при таком множестве решений, нельзя установить для данного, мало детализированного случая, определенной даты, а только подтвердить или опровергнуть (или уточнить) уже найденное другими способами решение.

Значит все, что можно сказать тут заключается в следующем:

Обычная хронология здесь не подтвердилась, иначе Эппингу не пришлось бы, за неимением нужного затмения на Земле, искать его в небесном пространстве около земли.

По-видимому это просто подлог патера Штрассмайера, вроде его знаменитых таблет, разобранных мною в прологе к этому тому. Вся неудача этой подделки заключалась в том, что никогда не бывшее на земле затмение 30 ноября 233 года кто-то вычислил ему неправильно, как будто бы видимое из Месопотамии.

Дело в том, что тогда еще не было ни канона затмений Гинцеля, опубликованного лишь в 1899 году, ни канона Оппольцера, вышедшего в 1887 году, а были только *Sysigientafeln* Оппольцера, потребовавшие при дальнейших усовершенствованиях значительных поправок по определению точного места пути солнечных затмений по земной поверхности. И вот клинописи, подделанные под них и оказались вместе с ними ошибочными.

А кроме того мы видим тут наглядный пример того, какие натяжки принуждены были применять астрономы для того, чтобы во что бы то ни стало «подтвердить» неправильно установленную хронологию древней истории.

IV

Солнечное и лунное затмение при Ассурбанапале в месяце Таммузе (Ginzel, стр. 252, № 4)

В «Анналах царя Ассур-Банапала» написано (по Георгу Смиту «История Ассурбанапала»)⁶:

«В моем седьмом военном походе двинулся я против Теумана царя Елама, из-за Умманигаса, Умманапы и Гаммарита, сыновей Уртака царя Елама и из-за кудура и Пара, сыновей Умманалдаса, брата Уртака царя Елама, ибо Теуман послал своих знатных (ко мне) для их выдачи ему. А эти люди прибежали ко мне и обхватили мои колена. На выдачу их ему я не согласился».

«Вследствие дерзких слов, которые он через (своих послов) Умбадара и Небудамика посылал мне каждый месяц и насмешливо хвастался в кругу своих войск я положился на Истар, охранявшую меня».

«Желанию его уст не внимал мой слух и я не выдал ему беглецов».

«Теуман задумал злое, но Син (бог месяца) приготовил ему дурное знамение, а именно затмение. Поутру, до света отдыхал он, и когда он отдыхал, заходящее (?) Солнце... (затмилось) в знак окончания царствования владыки Елама и гибели его страны».

(За этим следует донесение о заболевании Теумана, который не испугался этих знаменений и предпринял поход в Ассирию. Ассурбанапал узнает об его приближении к Арбеде «в месяце Аб»).

И далее говорится снова: «Как луна успокоилась (т.е. затмилась), так и солнце»⁷.

⁶ George Smith: History of Assurbanapal (p. 116, выписки из Lemann'a). Также в Cuneiform Juscriptions of Western Asia (III.31 [Kol W Z 84 = Z 27] на цилиндрах А, F.

⁷ Ginzel, стр. 256, строка 10-я сверху.

Значит, тут выходит редкий случай, когда в один и тот же месяц было видимо в Месопотамии и солнечное и лунное затмения.

И вот единственные солнечные затмения в месяце Таммузе, бывшие на закат в Месопотамии.

1. В минус 584 году, 28 мая солнечное затмение, шедшее из Тихого океана через остров Кубу, Францию, Босфор, чтоб окончиться в Месопотамии. Но оно было еще между Ийяром и Сиваном, а не в Таммузе.

2. В плюс 185 году, 14 июля, шедшее из Аляски через Гренландию и Швецию и окончившееся в середине Месопотамии не закате. Это первое подходящее.

3. В 718 году, 3 июня, шедшее из Тихого океана через Кубу и Испанию, но оно окончилось в середине Аравии.

4. В 1330 году, 16 июня, шедшее через Канаду, Гренландию, Данию в северную половину Месопотамии, где и кончилось на закате солнца. Это второе вполне подходящее.

5. В 1433 году, 17 июня, шедшее тоже через Канаду, Гренландию, Данию, Босфор, прямо к Шат-эль-Арабу у Персидского залива. Это третье и последнее подходящее.

Больше не было до настоящего времени.

Вот все, что дает астрономия для закатных солнечных затмений, видимых в Месопотамии.

Посмотрим же, каким из них предшествовали лунные:

1. Для минус солнечного затмения 28 мая 584 года мы не находим соседнего лунного – ни раньше, ни позже.

2. Для солнечного затмения 14 июля +185 года, в 2 часа 25 минут Гринвичского времени, т.е. в пятом часу утра для Месопотамии, с максимальной фазой 8''6, зенитное над минус 34° южной широты. Оно очень подходит, за исключением того, что было не раньше солнечного, а после него.

3. Для солнечного затмения 3 июня 718 года не находим соседнего лунного затмения.

4. Для солнечного затмения 16 июня 1330 года находим соседнее лунное – 1 июля 1330 года, в 2 часа 34 минуты Гринвичского и около 5 часов утра Месопотамского времени с максимальной фазой 7''8, зенитное над –37° долготы от Гринвича и –23° южной широты.

5. Для солнечного затмения 17 июня 1438 года не находим соседнего лунного затмения – ни раньше, ни позже.

Из менее подходящих находим только кольцеобразное солнечное затмение 11 августа минус 21 года. Луна действительно затмилась тоже после него, 26 августа, в 2 часа 56 минут Гринвичского времени, т.е. под утرو в Месопотамии, с максимальной фазой 8''0 и в зените над –

44° долготы от Гринвича и -12° южной широты, но оно было уже в месяце Абе, а не в Таммузе.

Что же из этого выходит.

Астрономия и здесь опровергает установившуюся хронологию древней истории. Таких затмений не было в VII веке до начала нашей эры. И если выражение: «как луна успокоилась, успокоилось и солнце» не обозначает вместе с тем, что солнце затмилось после затмения луны в том же месяце, то мы имеем только два решения: +185 и +1330 годы нашей эры. А если мы будем искать обратный случай, т.е. утреннее затмение луны, предшествовавшее затмению солнца в месяце Таммузе, то не найдем ничего подходящего и должны будем признать этот документ за подложный.

* * *

Мы только что видели, как плохо поддаются историко-астрономическому анализу солнечные затмения, датированные по лунным календарям: они ложатся всегда на большой промежуток между двумя соседними юлианскими месяцами. Но еще хуже дело обстоит в этом отношении с лунными затмениями, датирующимися всегда половиною лунных месяцев, их 14-15 днем.

Когда мы имеем юлианскую или григорианскую датировку, то по ней лунное затмение может приходиться на любой день месяца (а, следовательно, и года). И раз нам указаны день и месяц, то пригодною для этой даты оказывается в среднем только одна триста шестьдесят пятая часть всего хронологического ряда затмений. А так как с каждого земного пункта в год видно в среднем одно лунное затмение, то средний интервал между решениями выходит в 365 лет, промежуток, достаточный для выбора нами того или другого случая. А по лунному календарю средний интервал равен числу лунных месяцев в году, т.е. через каждые 12 лет мы в среднем находим лунное затмение, удовлетворяющее такой дате. При возможности ошибки в хронологии, превышающей ± 6 лет, подобный счет затмений по лунным месяцам годен только для уточнения уже иначе определенной даты.

Вот несколько примеров тому из клинописной литературы.

V

Лунное затмение в месяце Шабате (Ginzel, стр. 250, № 3)

Буассье в Семитическом Обозрении (*Révue Sémitique*) 1896 года (стр. 1618) приводит клинопись времени Шамаш-Шумукина (*Šamaššumukin*), в которой говорится о лунном затмении. Эта глиняная дощечка нахо-

дится в Константинопольском музее под № 6, и строки 8–13, по сообщению Буассье, означают следующее:

8. «Я, Шамаш-Шумукин, повелитель, сын своего бога,
9. у которого бог Мардук и у которого богиня (Истар) Сарпани
10. вследствие зловещего лунного затмения, случившегося на пятнадцатом дне месяца Сабат,
11. вследствие дурных знамений, злых, ничего хорошего не предвещающих явлений,
12. которые появились в моем дворце и в моей стране,
13. я боюсь, я в страхе, я в ужасе».

А в Британском Музее тоже находится текст, в котором вместо Шамаш-Шумукина упоминается Ассурбанапал и приводится почти теми же словами ссылка на лунное затмение в месяце Сабат. Там, строки 1–3, по Буассье, гласят:

1. Вследствие зловещего лунного затмения в месяце Сабат... дня
2. Вследствие дурных знамений, злых ничего хорошего не предвещающих явлений,
3. которые случились в моем дворце и в моей стране...

Мы видим, что обе надписи одного и того же происхождения, иначе в них не оказалось бы той же самой фразировки. Когда оно могло быть?

Месяц Шабат по раввинскому «Дарованному календарю» может приходиться в разные годы 19-летнего цикла, на весь промежуток от 22 декабря по 20 февраля юлианского счета, и вот Лема, руководясь традиционной хронологией и не находя для ее оправдания полного лунного затмения (единственно внушавшего страх, так как частные затмения луны только напоминают ее фазы), воспользовался частным затмением луны 17 февраля минус 663 года с максимальной фазой потемнения в три четверти лунного диска. В Месопотамии оно было около 6 часов вечера, т.е. тотчас после захода солнца, на восходящей луне, которая уже возвращалась к полному своему виду, что тоже не очень соответствует такой зловещей записи. Но другого выбора не было, и потому и сочли его решение за подтверждение.

А между тем таких «подтверждений» всегда найдется без конца, какое лунное затмение ни взяли бы наудачу.

Посмотрите только на мои лунные таблицы в пятой книге «Христа», и вы увидите, что весь промежуток от 22 декабря по 20 февраля наполнен там еще более «подходящими» лунными затмениями. Вот хотя бы только сверх-полные и только для одного января, – между концом X и концом XII века:

976-I-19; 995-I-19; 1078-I-30; 1154-I-1; 1172-I-13; и т.д. и т.д.

Что из этого можно вывести? Ровно ничего.

*Два (вероятно подложные) лунные затмения «при Камбизе»
14 Таммуза и 14 Тебета вслед за ним
(Ginzel, стр. 258, № 5 и 6)*

В тексте Штрассмайера к надписям Камбиза (№ 400, стр. 45) говорится по Опперту⁸:

«На 7-м году Камбиза, четырнадцатого Таммуза, при наступлении 1? двойных часа ночи, полное лунное затмение, посредине которого луна затмилась на полдиаметра с северной части».

И в том же тексте еще говорится:

«В ночь 14-го Тебета в 2½ двойных часов ночи полное лунное затмение, распространившееся на северную и южную часть. Это те самые затмения, которые приведены у нас в главе V этого отдела и отнесенные к началу царствования мифического ассиро-вавилонского Кира. Но они там даны не как записи о бывшем, а как предвычисления.

Считая по обычной хронологии, что Камбиз (Камбуджий), сын Кира (по-гречески: государя), наследовал своему отцу в минус 528 году, Опперт пришел к заключению, что в первом тексте дело идет о лунном затмении 17 июля минус 522 года, в 21 час 0 минут от Гринвичской полуночи.

А второй текст тот же Опперт отнес к полному затмению 10 января минус 521 года в 1 час 45 минут от Гринвичской полуночи.

Легенда о Камбизе говорит нам, будто он в минус 524 году завоевал Египет, пограничную с ним часть Киреники и Ливию, и пошел затем на Эфиопию, но возвратился из-за недостатка провианта и умер в минус 521 году на обратном пути в Персию.

С этой точки зрения оба затмения оправдываются, но такое совпадение еще не значит, чтоб они не были вычислены в наше время, или не были предсказаны на другие годы.

По нашей хронологии, относящей весь период до начала нашей эры в область мифов, дело переносится не ранее, как в IX век, когда был основан Египетский халифат (с 973 года), а возможно, и позднее. Да и внешняя точность датировки вплоть до третьей доли часа немислима для шестого века перед началом нашей эры.

А кроме всего другого это тот самый Штрассмайер, который подделал и разработанные нами выше эфемериды на время воображаемой жизни «отца астрономов Гиппарха». Не трудно даже видеть, откуда он взял первое из этих затмений: из «Алмагеста» Птолемея!

⁸ Comptes rendus de l'Académie des Sciences, V.III (17-XI-1890), а также в Leitschift für Assiriologie VI, 103 ff.

В Алмагесте написано:

«В 7 году Камбиза в 225 году по Набо-назаре в ночь с 17 на 18 Паменора египтян за час до полуночи наступило затмение луны в Вавилоне на полдиаметра северной части».

А в клинописи, как мы видели, только египетское название месяца заменено еврейским Таммузом, да местное египетское время с грехом пополам переведено на месопотамское, а остальное переписано буквально.

Если мы примем во внимание, что лунные затмения видимы в любой стране в среднем по одному в год, и что в обоих первоисточниках приведено их только с десятков, то вероятность случайного совпадения в них того же затмения на протяжении 200 лет дает 200 шансов против одного, что один из авторов переписал у другого. А когда мы к этому еще прибавили, что у обоих указана одна и та же деталь: «затемнилось на полдиаметра с северной части», то переписка Штрайсмайером из предшествовавшего ему Алмагеста переходит на уровень достоверности.

К этому же печальному заключению приводят и вся эфемериды, которая получает удовлетворительное решение лишь в том случае, если мы отнесем ее ко времени разгара Крестовых походов (к 1246 году нашей эры), и если допустим, что из этих затмений первое, вычисленное автором на 30 июня 1246 года не удалось (хотя и предусматривалось по драконическим месяцам), а второе осуществилось с затемнением половины лунного диска.

Глава VIII

МАССИВНЫЕ ПАМЯТНИКИ «СТАРИННОГО» ВРЕМЕНИ. О ЛЮБВИ И ВЛЮБЛЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ. ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОТ НАХОДКИ «КОДЕКСА АМОА» – УЧИТЕЛЯ (АМУ-РАБИ) СОВРЕМЕН- НИКА АВРААМОВА В МЕСОПОТАМИИ

Изучая историю культуры в Месопотамии, главным образом в ее узкой полосе, орошаемой рекою Тигром, на которой открыты своеобразные памятники старинной культуры, мы должны сделать особое исследование ее массивных предметов человеческого искусства, отделив его совершенно от исследования ее литературных памятников на портативных глиняных пластинах, потому что между ними нет никаких связей, которые не порвались бы при беспристрастном рассмотрении.

Массивные памятники старины, к каким относятся например, так называемая «Гробница Кира» недалеко от Мургаба в персидском Фарсистоне, или так называемые Пропилеи Ксеркса в Персеполисе в Закавказье около Аракса, являются, конечно, историческим фактом. Здесь остается только решить кто и когда стал называть их этим именем и на каких основаниях?

Вот например у нас на берегу Невы стоит Петропавловская крепость и в ней даже есть церковь Петра и Павла... Можно ли из этого сделать вывод, что она и построена этими апостолами, а не русским императором Петром I? Вот в тех же краях Исаакиевский собор, теперь музей... Подумаете ли вы, что он и построен неким Исааком, а не русским царем Николаем I?

Так и гробница Кира и Пропилеи Ксеркса могли быть построены много позднее тех лиц, имена которых они носят. Да точно ли они носили эти имена со времени своего построения, а не навязаны ли догадками новейших европейских археологов из непреодолимого желания приписать найденное ими сооружение излюбленному ими имени? А ведь это так часто в археологии. Вот, например, прекрасное по своей искренности описание Х. Мугуевым находки «Древней Нессы» на границе Закаспийского края с Персией.

Открытие Нессы

Автомобиль сделал крутой поворот и свернув с шоссе, минул зеленые сады, промчался через Багир. Отсюда поднимались зеленые большие холмы, на вершине которых стоял древний город Несса, первая столица парфян, занесенная песком и прахом времени, — конечная цель нашего пути.

Уже давно археологи, занимающиеся изучением древнего Востока, пришли к мысли о том, что где-то около персидской границы должна находиться знаменитая Несса, столица могущественного парфянского государства. К этому их привели документы, записи и предположения. Но где именно, — это терялось в туманных догадках. Несколько раз мир оповещался о том, что наконец-то найдена Несса, но дальнейшие раскопки ясно говорили, что найденные города не могли быть Нессой, так как и по характеру культуры и по материальным памятникам, открытым при раскопках, они оказывались городами иных эпох и культур. Но упорная жажда открытия истинной Нессы не оставляла ученых и в 1931 году археологом Туркменского научно-исследовательского института тов. Ершовым было обращено внимание на огромные, странной формы холмы, лежащие под самым хребтом Копет-Дага у селения Багир. Приехавшим специально по этому поводу из Москвы археологом проф. Башкировым были произведены первые раскопки. Были заложены шурфы, и успех открытия сразу превзошел все, даже самые смелые ожидания участников экспедиции. Шурфы, заложенные под один из самых высоких холмов мертвого города, обнаружили древний парфянский храм. Уже открыты мощные колонны и портики храма, обнаружен вход в него, добыты редкая ценная утварь и жезл Геркулеса, необходимый атрибут для каждого жреца той эпохи. Вскрыта часть внутренних покоев храма, обнаружен ход, ведущий в царский дворец, — самое огромное здание города. Частично вскрыты дома, разведаны городской водоем, центральная площадь, обнаружены линии улиц. Все полученные и уже изученные трофеи раскопок с несомненной ясностью говорят, что ускользавший от археологов древний город Несса наконец найден.

Мы обходим высокие восьмисаженные стены, ясно выступившие из-под слоев нанесенной эпохами земли. Белый, слабо обожженный кирпич, плотно уложенный один на другой. Сколько веков, поколений и дел прошло мимо этих безгласных свидетелей старины! Вокруг стен — могильные холмы с ясно обозначившимися каменными выступами. Мы взбираемся по холмам на стены. Они широки. Отсюда, с этих стен, нам видны лежащие под ними дома, храмы, улицы и дворцы.

К самой середине Нессы с четырех сторон спускаются широкие рукава — это улицы, соединяющиеся в самом центре глубокой, резко

очерченной впадиной. Здесь городская площадь и центральный водоем, в котором хранилась драгоценная вода. Из-под стен видны сохранившиеся черные впадины глубоких подземных арыков, отведенных к горным ключам Копет-Дага.

Над выпуклостями города высятся два холма – это царский дворец, и несколько в стороне от него, главный храм. Работы, начатые по раскопкам храма, уже обнаружили его мощные колонны, мозаичные толчки, цветную керамику стен.

Я смотрю на огромную площадь мертвого города – она велика. Боевые башни, украшающие стены, расположены друг от друга на расстоянии ста саженей, а этих башен – 48. Значит, в диаметре город имеет не менее 4 с половиной километров.

Много, еще очень много работ предстоит для того, чтобы целиком отрыть этот когда-то мировой город. Эти раскопки для истории культуры будут иметь огромное значение. Зарубежные археологи проявляют живейший интерес к открытию Нессы, а Турецкое археологическое общество специальным письмом запросило Туркменский научно-исследовательский институт о ходе работ и о возможности совместных раскопок.

Я сижу на зеленых холмах заброшенного, затерянного города. Жизнь когда-то ключом была в нем. Ведь могущественная Парфия во времена Римской империи занимала второе место в мире и этот самый город Несса был главным военным, административным и религиозным центром государства. С этих самых холмов, с которых я сейчас гляжу на бесконечную, раскинувшуюся передо мной Туркменскую равнину, с этих стен и боевых башен тысячу лет назад глядели на эту долину парфянские воины, и ни один караван не мог безданно и беспошлинно пройти по этим путям, соединявшим в те дни Китай, Персию, Грецию и Кавказ. Река времен унесла с собой все деяния, страсти и мощь этого грозного государства, оставив погребенным под землей мертвый город Нессу, на куполах которого сидим мы.

Ашхабад, июнь 1934 г. (Известия 26/VI-1934 г.)

Статья эта прекрасна по своей характеричности. Таковы естественные чувства всякого археолога, ожидающего найти в древности чудеса искусства и культуры.

При чтении этого описания в вашем воображении рисуются, как ив моем, под горами песка (почему-то всегда заносающего только оставленные человеком города, не трогая жилых) величественные колонны и порталы сказочных храмов и царских дворцов, и что всего удивительнее редкая цветная утварь и священные жезлы Геркулеса, почему-

то не взятые для дальнейшего употребления уходящими постепенно жителями (ведь не моментально же был засыпан песком этот город, никаких скелетов в нем не найдено, значит и оставлены они были такими высококультурными жителями специально для будущих археологов).

Но вот, к сожалению, сам автор прилагает к своему описанию фотографический снимок важнейшей раскопки (рис.), и у вас сразу падает настроенис. Скажите сами: разве такое первобытное грубое сооружение похоже на только что приведенное описание? А таковы, повторяю, все археологические сообщения о далеких странах и мы всегда должны иметь это в виду.

Любовь к предмету своих избранных исследований есть величайший стимул и вернейшее средство достигнуть в них новых и серьезных результатов.

Но эту любовь нельзя доводить до ослепляющей влюбленности, при которой начинает казаться, что всякий найденный вами под песком предмет есть верх совершенства, и в душе остается только одно страстное желание возвеличить его как можно более.

Над любовью к предмету своего исследования всегда должна вышаться и доминировать любовь к истине.

И вот исследуя беспристрастным естественно-научным методом наши современные представления о древней истории народов, мы сейчас же замечаем, что такое же как в данном описании, страстное желание возвеличить свой предмет доводило специалистов до того, что иногда они начинали говорить о нем сами не понимая своих собственных слов, а иногда прямо начинали лгать в его пользу, хотя последнее делалось обыкновенно не из действительной любви к предмету, а из собственного себялюбия, с целью прославления себя дешевым способом.

Как пример первого искреннего рода любви до ослепления, я не могу не привести здесь замечательного вывода одного известного египтолога, что пирамида Хеопса построена 5000 лет назад, потому что канал, который был первоначально проведен к ней от гробницы императора наружу и «очевидно к полюсу мира», теперь оказывается отклоненным от этого полюса на соответствующее число градусов.

Значит, пяти тысячелетняя древность пирамиды Хеопса доказана астрономически... приведенный автором точный математический расчет по вековым изменениям широт не оставил в этом никакого сомнения».

Когда я впервые прочел это египтологическое вычисление, у меня сначала сделалось что-то вроде головокружения при попытке представить себе: как мог автор прийти к таким результатам! Это показалось мне похожим на то, как если бы кто-нибудь, найдя учебник арифмети-

ки, в котором начертано $2 \times 2 = 5$, сделал бы по этому поводу такой вывод: во все человеческие времена дважды два было четыре. Значит этот учебник составлен во времена дочеловеческие, когда на земле жили одни ангелы, две пары которых при их сверхъестественности могли действительно составлять пять ангелов. Какое чисто математическое доказательство существования ангелов мы имеем теперь!»

Как могли подобные же соображения о египетских пирамидах прийти в голову образованному человеку, если он не был совершенно ослеплен страстным желанием подтвердить, чем угодно, свое убеждение в древности любимой им египетской культуры?

Подумаем только сами:

Вот (рис.) земной шар. Вот ось его вращения O , показывающая всегда на так называемый полюс мира, как бы он ни перемещался на кажущемся небесном своде. Вот пирамида N . И очевидно, что канал в ней для того, чтобы он показывал «на полюс мира», необходимо построить так, чтоб направление его O было параллельно земной оси. Тогда на огромных расстояниях, отделяющих нас от звезд, при которых они кажутся нам точками, хотя и больше земли, обе линии покажут только на два пункта поверхности той же самой звездочки, т.е. перспективно для нас как бы сольются в одну линию.

Но отсюда совершенно ясно, что если канал пирамиды O теперь идет параллельно земной оси O , никаких значительных, а тем более систематических и вычислимых передвижений которой по земной поверхности пока неизвестно, то он и всегда показывал на полюс мира. А если теперь это канал оказывается отклонен от земной оси на определенное число градусов и потому не показывает на полюс мира, то он и никогда не показывал на него. Так по какой же головокружительной абстракции мысли, известный египтолог сделал свои «астрономические» вычисления 5000-летней древности этой пирамиды? Каким образом курьезное вычисление под именем «астрономического» попало даже в некоторые небезынтересные популярные книги по истории астрономии, не говоря уже о курсах египетской культуры и каким образом распространилось среди общеобразованной публики, так что один даже очень образованный человек просил меня ответить на него, как на что-то серьезное?

Но ответ здесь прост. Известный египтолог почему-то смешал реальный северный полюс земного шара с фиктивным «полюсом неба», и приняв фикцию за реальность, вообразил, что и канал в пирамиде, раз он был направлен на передвижной «небесный полюс», должен был поворачиваться по его направлению вместе со всей пирамидой, как ружье охотника, нацеленное на перелетающую птицу.

А как же это, поистине смешное недоразумение не было отмечено вплоть до меня никем, хотя с тех пор прошли уже несколько десятков лет и этот ляпсус бессознательно засел во многих сотнях, если не тысячах любознательных европейских голов?

И каким образом уже два историка специалиста, один из Берлина, другой с берегов Невы (об именах которых я умолчу из уважения к ним) серьезно приводили мне это, по их мнению «астрономически неопровержимое доказательство» глубокой древности египетской культуры?

Только потому, — отвечу я, что все повторявшие эти слова, произносили их как ряд звуков речи, только воображая, что они имеют астрономический смысл, но не представляя реальной картины колебаний земной оси, а с нею и всего земного шара, и пирамиды на нем как одного и того же комплекса в небесном пространстве.

И вот, почти из таких же псевдо-астрономических подтверждений древности человеческой культуры состоит и весь арсенал ее защитников, и этот арсенал, к стыду человечества, пополнялся еще и в XIX веке большим количеством предумышленных подлогов при палеологических исследованиях таких отдаленных стран, которые в то время были еще недоступны для проверки. Характеристическая особенность этих подлогов, как я уже указывал не раз, заключается в том, что рукописи их, — чаще всего целые книги, — всегда оказывались открытыми лишь в одном экземпляре, т.е. не имевшими распространения. И из этого выводится важное проверочное правило: во всех случаях, когда манускрипт является общеинтересным хотя бы для одного класса людей, вроде беллетристических исторических, поэтических, философских, религиозных книг, или биографий известных деятелей, единичность якобы найденной рукописи служит абсолютным доказательством ее подложности, как я уже не раз предупреждал читателя. И лишь в тех случаях, когда документ относится к какой-либо узкой специальности (например, рецепт, математическая или астрономическая запись), критерий его одиночества не является еще доказательством подложности, и его приходится исследовать по существу.

Этот последний случай мы и имеем в деле о кодексе Амму-Раби, а потому посвятим ему и еще несколько страниц, отделяя любовь к предмету своего исследования от влюбленности в него.

Посмотрим прежде всего, что говорит нам влюбленность:

«С каждым годом древний Восток привлекает к себе все больше внимания, — пишет в 1904 году А.П. Лопухин, — и он вполне заслу-

живает этого, потому что, представляя собою колыбель человека, он доселе заключает в своих недрах тайны, которые могут служить к выяснению первобытной жизни и исторических судеб человечества. Туда, где находится рай земной, в настоящее время обращены взоры политиков и всего новейшего общества. В край, недавно еще представлявший собою пустыню, в которой только гарцевали разбойничьи шайки бедуинов, как бы от скуки то и дело производивших между собою стычки и целые сражения, правительства новейших государств одно перед другим направляют ученые экспедиции для исследования его древностей. А для облегчения сношений строятся железные дороги, на которые тратятся многие миллионы.

По-видимому, этот давно похороненный под развалинами мир, вновь воскресает к жизни, и может быть, недалеко уже то время, когда там опять закипит новая жизнь после столь многих тысячелетий мертвого могильного покоя. Но эта новая жизнь едва ли будет равняться той древней жизни, которая кипела там тысячелетия тому назад. До сих пор, судя лишь по кратким отрывочным сведениям о жизни этих стран, находимым у греческих и римских писателей, мы не могли и представить себе, какая процветала там жизнь. Но теперь новейшие открытия, сделанные экспедициями разных ученых обществ дают нам возможность проникнуть в глубину этой жизни во всех ее подробностях и нельзя не изумляться, как в столь отдаленное время, приблизительно за 3000¹ лет до Р.Х. Там кипела жизнь, которая едва ли уступает кипучести жизни в настоящее время с его прославленной новейшей культурой».

Так писал в 1904 году А.П. Лопухин в своей книжке «Вавилонский царь правды Аммурапи и его новооткрытое законодательство в сопоставлении с законом Моисеевым», и мы не можем не разделить его изумления. Но только мы не придем от этого в столбняк, а войдем и в положение отправляемых туда экспедиций, если вдруг они ничего там не

¹ Считая по греческой Библии, что праотец Аб-рам (что значит Отец-Рима) жил от минус 2114 по минус 1989 год, выходит, что дело тут было еще за 1000 лет до него, т.е. при первом семите Симе сыне Ноя, сухим вышедшего из воды всемирного потопа. Но далее сам автор уменьшает древность и делает свод законов Аму-Раби, т.е. Амона-Раввина современником нашего праотца Аб-Рама. А если мы будем считать, что этот Отец-Рима или Ромул списан с действительного основателя Ромейской империи Диоклетиана, от которого (с +284 года и велась «Эра Диоклетиана»), то легко можем прийти к выводу, что Амон-учитель был его теократический сподвижник Арий, с которого списан и библейский Арон, как это я доказывал в прежних томах «Христа». — Н. Морозов.

нашли. . . Какой невыносимый позор возвратиться ни с чем! Надо найти хоть один какой-нибудь документ, во что бы это ни обошлось. Надо предлагать туземным знатокам древности, муллам и местным лицам, уже вкусившим от европейской науки, какие угодно суммы за каждое полезное указание.

И вот, на быстро распространившийся слух о возможности разом получить огромные по тамошнему курсу деньги, неизбежно прежде всех реагируют туземцы, которые вместо своровать говорят спроворить. И они начинают подыскивать среди себя людей, получивших в каком-нибудь европейском университете достаточное знакомство со старинным языком своих предков, не многим более трудным для них, чем для русских церковно-славянский.

Документ изготавливается, относится в какое-нибудь обязательно пустынное место, зарывается в щель каких-нибудь развалин, в которые затем и приглашаются члены гяурской экспедиции. Местный руководитель показывает пальцем: «Ройте тут!». И тут действительно отрывают что-нибудь подходящее. А если у кого либо из членов экспедиции и зарождается подозрение, то и его личный интерес заключается в том, чтобы оправдать свою командировку хоть чем-нибудь. И я не говорю уже о возможности для него после многих месяцев пребывания в чужой и недоброжелательной среде и страстного желания скорее возвратиться на родину, самому приготовить что-нибудь. Я помню, например, одного русского моряка, бывшего в Индии проездом из Одессы во Владивосток. Он тоже видел собственными глазами, как факир бросил там веревку на небо и мальчик факира взобрался по ней на облако. А между тем все подробности его рассказа были повторением фантастического рассказа известной теософии Елены Блаватской.

И я вполне понял его положение.

Он сам верил, что такого рода чудеса совершаются на каждом празднике факирами и что слушатели на родине сочтут его за горького неудачника, если, побывав в Индии, он не увидал там ни одной диковинки. А кому же хочется прослыть среди своих соотечественников жалким человеком. И вот не увидав там ничего чудесного, он вплел в свои приключения то, что по его мнению видели там все его предшественники.

Но в еще худшем положении находится ученая экспедиция, специально командированная в далекие и мало знакомые страны за привозом обломков древней старины, валяющихся там по общему представлению грудами чуть не на каждом шагу.

Принадлежит ли к числу таких документов и «Кодекс Хаммураби»?

Мне кажется, что есть еще один вариант таких находок. Найдя в стране действительно старинную надпись, но много более позднего периода, чем требуется, можно выскоблить в ней все места, которые обличают ее неуместно позднее происхождение, а остаток привезти в Европу. И вот замечательное явление: во множестве египетских надписей на камнях оказываются выскобленные кем-то некоторые строки, особенно часть собственных имен... И когда мы задаем себе известный юридический вопрос: «*Cui bono?*», то выходит, что произведенное выскабливание не было нужно решительно никому, кроме нашедшего древний документ.

Зачем, например, хоть в этом самом законодательстве выскоблены все статьи от 66 до 99 включительно? Не потому ли, что они были уж слишком апокрифичны для того времени? Не говорилось ли, например, об отношении к христианам, а если не к христианам, то к евреям, которых тоже не полагалось за 2000 лет до начала нашей эры? Вот почему и остается наиболее вероятным такое решение данного вопроса: документ этот вероятно позднего средневекового характера. Вплоть до приезда французской экспедиции он может быть находился где-нибудь в более культурных частях Персии, но ради нее специально вывезен в развалины, считающиеся за остатки древнего города Сузы, а обличающие его более позднее происхождение статьи были старательно выскоблены. Этим объяснится также и неожиданность находки такой реликвии в небольших развалинах за левым берегом Тигра, тогда как ему было бы нужно быть за правым его берегом в Месопотамии. Вот описание этого сенсационного открытия, сделанного доминиканским монахом Шейлем и французским архитектором де-Морганом в 1902 году в полуторасти километрах к северо-востоку от слияния Тигра и Евфрата, где «по преданию» летом жили зачем-то персидские цари, хотя ни один здравомыслящий человек не избрал бы себе этого места для летнего отдыха, а поехал бы куда-нибудь получше.

«Расследуя многочисленные остатки древней Эламской столицы Сузы на р. Тигре, исследователи, — говорит А. П. Лопухин, — между прочим нашли одну большую плиту (вышиною в 2½ метра), которая, как оказалось по ее прочтении, представляет собою изложение законов знаменитого вавилонского царя Аммураби, жившего за 2400–2300 лет до Р.Х. Царь Аммураби был известен и раньше, как один из знаменитейших вавилонских царей первой династии. Это (по мнению Лопухина, а с ним и других семитологов) никто иной как Амрафел, царь Сенаарский, упоминаемый в XIV главе книги Бытия, где

описывается, как он в союзе с другими царями сделал нашествие на Палестину, разграбил город Содом и другие союзные с ним города, взял с собою в плен племянника Авраамова Лота и был настигнут и разбит Авраамом².

«Семи родом, он принадлежал к племени, которое весьма вероятно (!) вторглось в плодородную местность Месопотамии (!) и покорив местных властителей, поселилось там. Окрепнув политически, он изгнал эламскую династию, дотоле господствовавшую в Вавилонии и, объединив разрозненные уделы в одну монархию, сделался могущественным государем и овладел всем известным цивилизованным миром того времени (за исключением Египта) от Персии до Средиземного моря. Подробностей этого, конечно, мы не знаем, и только случай, рассказанный в XIV главе книги “Бытия” проливает некоторый свет на эти события. И вот от этого-то царя и найден был замечательнейший памятник, который открывает нам возможность проникнуть в исторические судьбы той отдаленной эпохи».

«Кодекс этот имеет чрезвычайно важное значение. До настоящего времени нам были известны несколько законодательств. Главное из них содержится в Библии (Моисеевы законы), а затем кодекс Юстиниана, ставший источником всего новейшего законодательства; кроме них были открыты посредством раскопок еще три других менее важных свода законов, начертанных на камне: греческий кодекс, заключающий в себе эдикты Эгины, финикийский кодекс, представляющий правила жертвоприношения; свод законов на так называемой Марсельской надписи, и кодекс Пальмирский, шестязычная колонна которого касается равных подробностей торговой жизни, кипевшей в этом центре древней торговли и промышленности. Но ни один из этих кодексов (за исключением Моисеева) не может равняться по полноте и обширности с новооткрытым кодексом Аммураби. Он начертан на огромной скрижали, содержащей в себе 16 рядов текста на лицевой стороне и 28 рядов на задней стороне».

«До открытия этого великолепного кодекса, – говорит А.П. Лопухин, – об авторе его (царе Аммураби) мы знали лишь то, что он был

² В XIV главе книги Бытия: «И было во дни Амрафела царя, царя Сенарского пошли они войною против Беры царя Содомского и против Вирги царя Гоморского... И пошел Отец Рима (Аб-Рам) в Миц-Рим». А там от сожития с его женой царицей Сарой у тамошнего теократа появились на детородных органах язвы. Но Содом и Гомора – это Геркуланум и Помпея, и отец Рима – Диоклетиан, и дело переносится в начало IV века нашей эры.

одновременно и храбрый воитель и вместе с тем благочестивый строитель храмов, деятельно заботившийся о благосостоянии своего народа. Он и проводил каналы, о чем и говорится от его имени в одной надписи».

«Когда бог света (Ану) и господь (Бел) отдали мне в управление земли Сумера (от ШМРЕ – сторожевая страна, Богоборческое государство, по нашим отождествлениям Византия) и Акада и вложили бразды правления ими в мои руки, тогда я вырыл канал имени Аммураби – это благодеяние людей, приносящее обильные воды в страны Сумера и Акада, ибо берега их я превратил в удобную землю, собрал там жатвы пшеницы и снабдил Сумер и Акад водою и для будущих поколений. Разделенное население Сумера и Акада я объединил и обеспечил пищей и питьем. С благословением и изобилием я пас их. Мирное обитание я дал им для жизни».

В эпилоге законов Аммураби, представляющем собою молитву о благословении тех из его преемников, которые будут соблюдать эти законы и сохранять его память, а также грозные проклятия на всякого, кто хотел бы ниспровергнуть его законы или обезличить самый камень, автор от имени Аммураби трижды упоминает о его прозвище – Царь Правды. Прежде всего, он говорит:

«По повелению бога Солнца великого среди неба и земли, пусть праведность распространяется на земле. По повелению господина Воинств (Меродаха)³ этот мой памятник да не подвергается никакому разрушению. В храме Э-Сагил⁴, который я люблю, пусть навсегда поминается мое имя и пусть всякий угнетенный человек, нуждающийся в защите закона, приходит и встанет пред этим моим изображением, как царем правды, и пусть он прочтет эту надпись, мои драгоценные слова, и эта надпись объяснит ему его дело, и он познает, что такое справедливость, и сердце его возрадуется, так что он скажет: царь Амму-Раби есть правитель, который, как отец своих подданных, хранил слова бога Воинств в страхе и почести. С помощью бога Воинств он совершил завоевания на севере и на юге, услаждал сердце своего господина бога Воинств, наделял благодеяниями своих подданных всегда и везде и установил порядок в стране... Когда прочтет эту над-

³ Иначе Мардук – бог воинств, планета Марс, по-библейски Саваоф (1 Самуила, по-русски 1 Царств, 17, 45) от воинства. У Исаака 40, 26; У Иеремии 5, 14. Воинствами небесными назывались звезды (Исаия 40, 26; Второзаконие 4, 19).

⁴ Если взять еврейское словопроизводство это будет храм совокуплений от <...> – совокуляться с женщиною. Я делаю это сопоставление потому, что в самом законодательстве есть статьи о правах храмовых блудниц.

пись, пусть он от полноты сердца помолится богу Воинств, моему господу и царице Владычице Зерпаните,⁵ моей госпоже, и тогда все покровительственные божества и боги, пребывающие в храме Сагил, удовлетворят желаниям ежедневно выражаемым перед богом Воинств моим господом и Царице-Владычице моей Госпожой».

А далее еще говорится:

«Я, Амму-Раби, царь правды, которому бог Солнце предоставил право или закон. Мои слова хорошо обдуманы, мои дела не имеют себе ничего равного и имеют своей целью унижить тех, которые высоки, и смирить тех, которые надменны, изгнать нахальство. Если последующий правитель примет во внимание мои слова, которые я написал в моей надписи, если он не уничтожит моего закона, не будет искажать моих слов и не подменит моего памятника, то бог Солнце да продлит царствование этого царя, так же, как и царствование мое, царя правды, и да царствует он в правде над своими подданными».

Но ведь, читатель, это имя «Царь-Правды» есть только перевод имени знаменитого ромейского законодателя Юстиниана на клинописный язык! Как же относить его почти на 3000 лет до Юстиниана? Но посмотрим и делее.

«Кодекс ц. Амму-Раби, – говорит А.П. Лопухин (стр.9), – показывает нам, какими именно законами управлялись народы исторического востока за 2300 лет до Р.Х. Этот кодекс вместе с тем служит доказательством влияния Вавилонской культуры и на окружающие народы, вследствие чего невольно напрашивается мысль, не был ли он также и первоисточником, откуда произошло и законодательство Моисея? По этому поводу явилась уже целая литература, которая немало произвела смущения особенно на Западе, и изучение сравнительно с законодательством Моисеевым стало одною из непременных задач сравнительного законоведения в библейской науке. Это сравнительное изучение уже началось и вызвало оживленную полемику между двумя лагерями, из которых одни утверждают, что Моисеево законодательство всецело заимствовано из кодекса Аммураби, а другие отвергают это.

В законодательстве Аммураби посвященные блудницы, о которых говорится в Библии и упоминается у Геродота, признавались законным классом людей, имевшим свои особенные права. Рядом с ними упоминаются и девы, которые, подобно римским весталкам, по-видимому, давали обет целомудрия.

⁵ Вероятно, <...> (СРЕ-ПНИ) от СРЕ или Сара царица и <...> (ПНИТ) – владычица как у Исаии 19, 13; Захарии 10,4; Судей 20,2 и т.д.

Но прежде чем приступить к детальному сравнению, дадим смысл некоторых из употребляемых здесь имен. Здесь упоминаются:

Аннунаки – добрые духи, обитающие между небом и землей, т.е. ангелы или херувимы и серафимы.

Игяги – злые духи, составляющие темное царство, противоположное царству Ануннаков, т.е. бесы, черти и дьяволы.

Ниппур – город, посвященный культу господина (Бела).

Дуганки-Зиггурт, т.е. уступообразная башня и

Э-Кур (храм господина, от греческого коринт) в Ниппуре.

Эриду – город, посвященный культу Эа (Иовиса Иеговы).

Запсу – «Дом океана» – храм в честь Эа.

Сагиль – храм бога Войнств (Мардука или Меродаха) в «Вавилоне», со странным именем (храм совокуплений с женищинами).

Ур (по-видимому от АУР – свет) – город культа Луны («Сина») в южной Вавилонии.

Гиш-Ширгал – храм в честь Луны в Городе Света (Уре).

Мальката – «супруга солнечного бога» в городе Сиппаре. Считается ассириологами за мертвую природу, за зимнее солнце, которое солнечным богом пробуждается к новой жизни, за Коре-Персафону, которая чрез ежегодное бракосочетание становится зеленеющей природой, почему зеленый цвет есть символ воскрешения.

Тут – другая форма названия Мардука.

Борзиппа – родственник Вавилону город с культом Неба в храме Э-Зида.

Диль-Бат – североавилонский город с культом Ураша и его супруги Ма-ма, т.е. бог Рыба от библейского ДГ – рыба – символ христианства, употреблявшийся во всех странах ромейской культуры, так как по-гречески слово рыба ИХТЮ была аппараммой, означавшей Иисус Христос Теу (бога) Юйос (сын) Спаситель (сотер). А вот и общепринятое толкование: «Дагон это хананейское имя божества, равнозначущего с господом (Белом). Такова параллель с евангелием.

А для параллели с Библией, возьмем хоть следующие статьи кодекса Амму-Раби.

Статья 8. Если кто-нибудь украдет из рогатого скота, овцу или осла, или свинью, или лодку, и если это принадлежит бону или двору, то вор должен уплатить в 30 раз за это; если же эти вещи принадлежат вольноотпущеннику (царя), то он должен заплатить в 10 раз; если же вор не имеет чем заплатить, то он должен быть предан смерти.

А в параллель к этому можно привести библейский закон: «если кто украдет вола или овцу и заколет или продаст, то пять волов заплатит за вола и 4 овцы за овцу» (Исх. XXII, 1). Несколько помягче.

Статья 9. Если кто-нибудь либо потеряет вещь и найдет ее во владении другого, и если лицо, во владении которого найдена вещь скажет: купец продал ее мне, я заплатил за нее при свидетелях; и если собственник вещи скажет: «я хочу привести свидетелей, которые знают мою пропавшую собственность, тогда покупатель должен привести продавца, который продал ему ее, и свидетелей, при которых он купил ее, а собственник должен привести свидетелей, которые признают его собственность. Судья должен исследовать их показания – как тех свидетелей, при которых были уплачены деньги, так и тех свидетелей, которые признают потерянную вещь под клятвою. Продавец тогда окажется вором и должен быть предан смерти; собственник пропавшей вещи получает свою вещь и покупатель получает заключенные им деньги из имени продавца.

А в Библии имеем: «О всякой вещи спорной: о воле, об осле, об овце, об одежде, о всякой вещи потерянной, о которой кто-нибудь скажет, что она его, дело обоих должно быть доведено до судей. Кого обвинят судьи, тот и заплатит ближнему своему вдвое» (Исх. XXII, 9). Статья эта у Амму-Раби более развита и потому позднее.

Статья 14. Если кто-нибудь украдет малолетнего сына у другого, то должен быть предан смерти.

Это постановление находит себе параллель в следующем библейском законе: «кто украдет человека (из сынов израилевых) и, поработив его, продаст его или найдется он в руках у него, то должно предать его смерти» (Исх. XXI, 16).

Статья 21. Если кто-либо сделает отверстие в доме (взломает дом с целью украсть что-нибудь), то должно предать его смерти у этого самого отверстия и тут же зарыть».

А библейская параллель этого места читается так: «если кто застанет вора подкапывающего и ударит его так, что он умрет, то кровь не вменяется ему, но если уже вошло над ними солнце, то вменяется ему. Укравший должен заплатить, а если нечем, то пусть продадут его самого для уплаты утраченного» (Исх. XXII, 2 и 3).

Статья 144. Если кто-нибудь берет жену, и жена дает своему мужу служанку и он имеет от нее детей, но намеревается взять себе другую побочную жену, то этого не должно позволять ему, он не может взять такой побочной жены.

Тут предполагается, что по закону служанка может быть побочной женой лишь в том случае, если законная жена остается бездетной, как это известно и из ветхозаветной истории (Сарры, Рахили). Но сравнивши историю Агари и Сарры в кн. Быт. XVI, 4, мы видим, что муж в

Библии мог и изгонять такую служанку. Во всяком случае здесь будто переход уже к единоженству христиан.

146. Если кто-нибудь берет жену и она дает своему мужу служанку в качестве жены и (служанка) родит ему детей, то эта служанка равняется со своей госпожой». Но тут же и противоречие: так как она родила детей, господин не должен продавать ее за деньги, он должен обратиться к ней в рабство и считать среди служанок своих» (т.е. не равнять с законной женой).

Статья 195. Если сын бьет своего отца, то должно отсечь ему руки.

А библейская параллель к этому постановлению гласит: «Кто ударит отца своего или мать свою, того должно предать смерти» (Исх. XXI, 15).

Статья 196. Если кто-нибудь выкалывает другому глаза, то должно и ему выколоть его глаза.

197. Если он переломит другому кость, то должно и ему переломить кость.

А библейская параллель этому закону говорит: «Отдай душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу, обожжение за обожжение, рану за рану, ушиб за ушиб». Исх. XXI, 23–25. Ср. также Лев. XXIV, 20, Втор. XIX, 21 (Мф. V, 38).

Очевидно в обоих законодательствах действовал латинский *Jus Talionis* – закон о возмездии.

206. Если кто ударяет другого в споре и нанесет ему рану, то должен поклясться: «я ненамеренно ударил его» и заплатить врачу.

А библейская параллель этому закону говорит: «Когда ссорятся (двое) и один человек ударит другого камнем или кулаком, а тот не умрет, но ляжет в постель, то если он встанет и будет выходить из дома при помощи палки, ударивший его не будет повинен смерти; только пусть заплатит за остановку в его работе и даст на лечение его» (Исх. XXI, 18).

209. Если кто ударяет свободнорожденную, так что она теряет своего еще нерожденного ребенка, то он должен заплатить за ее ребенка 10 сиклей серебра».

210. «Если эта женщина умирает, то должно умертвить его дочь.

А библейская параллель этому закону такова: «Когда дерутся люди, и ударят беременную женщину и она выкинет, но не будет другого вреда, то взять с виновного пеню, какую наложит на него муж той женщины, и он должен заплатить оную при посредниках. А если будет вред, то отдай душу за душу». (Исх. XXI, 22 и 23).

Статья 250. «Если вол идет по улице, и кого-нибудь боднет и умертвит его, отсюда не может возникать судебного дела». И еще:

Статья 251. «Если чей-либо вол склонен к боданию и о его склонности к боданию заявлено, а владелец не согнул ему рог и не привязал этого вола, и вол забодает свободного человека и умертвит его, то владелец должен заплатить $\frac{1}{2}$ мины серебра». И еще:

252. «Если он убивает чьего-либо раба, то должно заплатить $\frac{1}{3}$ мины».

А библейские параллели этим трем постановлениям царя Амму-Раби: «Если вол забодает мужчину или женщину до смерти, то вола побить камнями и мясо его не есть, а хозяин вола не виноват. Но если вол бодлив и вчера и третьего дня и хозяин его был извещен о сем, не стерев его, а он убил мужчину или женщину, то вола побить камнями и хозяина его предать смерти. Если на него будет наложен выкуп, пусть даст выкуп за душу свою, какой наложен будет на него. Если вол сына забодает или дочь ли забодает, – по сему же закону поступать с ним. Если вол забодает раба или рабыню, то господину их заплатить 30 сиклей серебром, а вола побить камнями» (Исх. XXI, 28-32).

Мы видим, что кодекс Амму-Раби действительно имеет ряд параллелей с «законодательством Моисея». А относительно того, как к таким открытиям всегда примешивается политика, можно видеть из следующих слов А.П. Лопухина:

«Чрезвычайную важность имеет самый факт, что уже за тысячу лет до Моисея существовало писанное законодательство. Этим открытым вполне ниспровергается самая модная теория Кюнэн-Вельгуузена, утверждавшая, что Моисеево законодательство потому уже не может быть подлинным, что во времена Моисея не было вообще письменности, а тем менее можно, следовательно, предполагать возможность издания целого свода законов, каким является законодательство Моисеево. Первое предположение этой теории было опровергнуто уже несколько лет назад, когда в Тель-Амарне (в Египте) была открыта целая дипломатическая переписка, из которой стало видно, что во времена Моисея письменность находилась уже на высокой степени процветания и между Египтом с одной стороны и Вавилонией с другой велись оживленные письменные сношения. Сбитая этим открытием в своем первом предположении, названная теория ухватилась за другое предположение, и стала утверждать, что хотя и существовала письменность, но невозможно ее предполагать, чтобы в столь отдаленное время мог явиться такой стройно-выработанный кодекс, как Моисеево законодательство. Отрицая историческую достоверность Моисеева законодательства, Веллгаузен нашел возможным даже блеснуть сарказмом, заявив, что считать Моисея автором известного под его именем законодательства – значило бы то же самое, как признавать “Господа Иисуса Христа составителем ниже-Гессенской духовной консистории”».

«Увы, – злорадствует православный А.П. Лопухин, – этот сарказм потерпел теперь полное поражение вследствие открытия кодекса Аммураби. И, конечно, теперь Веллгаузен был бы рад, если бы какой-нибудь новый воитель, вроде того, который увез скрижаль Амму-Раби в Сузу и стер на ней несколько строк, для вставления собственного имени и собственной мудрости, уничтожил бы и его (т.е. Веллгаузена) хлесткое выражение (о Моисее). Но увы! – написанное теперь в наши дни на брэнной бумаге прочнее держится, чем вырезанное в древности на гранитной плите, по русской поговорке: что написано пером, не вырубишь топором. И хлесткое выражение Веллгаузена (о Моисее), которого еще не так давно восхвалил Гарнак, как автора “Классической истории Израильского народа”, будет служить вечным укором скороспелой поспешности прославленного критика, как и вообще предостережением от скороспелых выводов в такой высоковажной области знания, как библейская история. Во всяком случае предание, что Моисей был не только судьей и законодателем, но и автором свода законов, истинным кодификатором, теперь с открытием кодекса царя Амму-Раби нашло свое новое и неопровержимое доказательство».

Так торжественно заканчивает православный автор свою монографию о «Кодексе Амму-Раби». Но точно ли есть ему причина торжествовать. Ведь если считать Моисея, отнесенного за 1500 лет до начала нашей эры, за автора библейского законодательства, так же правдоподобно как считать Иисуса Христа составителем устава нижегессенской духовной консистории, что приписать только рассмотренный нами Кодекс Амму-Раби написанным за 2000 лет до начала нашей эры еще менее правдоподобно, чем приписать Моисею кодекс Наполеона I.

Мои выводы, сделанные в предшествовавших томах этого исторического исследования, отождествляющие – с одной стороны Ари с Ароном, и следовательно Диоклетиана с Моисеем, а с другой стороны библейского отца Рима (Аб-Рама) с Ромулом (тоже Отцом Рима), затем и самого Ромула с Диоклетианом (или с Арием), конечно, несколько поправляют по внешности это безнадежное дело.

Допуская, что Аммон-Раввин был Арий, сразу понимаешь, что указанное нами, в согласии со всеми другими исследователями сходство ряда статей в его кодексе с библейским «Второзаконием» Моисея-Арона. Но можно ли из этого сделать вывод, что и стела, на которой они начертаны, поставлена здесь самим Диоклетианом, или его первосвященником Арием?

Мы уже видели, что не можем это позднейшее растение, развившееся из семени, брошенного Диоклетианом и Арием, состоявшего, ве-

роятно, лишь из 12 заповедей от имени Моисея, тоже выплывшего, как и Ной, сухим из воды, но только не в ковчеге, а в собственной колыбели. Замечательным совпадением остается здесь и то, что как Ной стал родоначальником семитов-азиатов, хамитов-африканцев и фетидов-европейцев, так и Диоклетиан объединил под своей властью всю известную тогда Азию, Африку и Европу и что при нем было первое человеческое законодательство на теократических началах, потому что появилась реальная сила требовать его исполнения в областях, доступных для его служащих этих трех континентах старого света. И подобно тому, как все библейские пророчества начинаются словами: «так говорит бог...», хотя бог тут ни при чем, — появилось обыкновение писать законы от имени древних авторитетов. И оно продолжалось даже и в культурной Европе вплоть до эпохи гуманизма. Ведь разве и десять заповедей Моисея-Арона не начинаются словами: «Аз есмь господь бог твой и да не будет тебе бога иного кроме меня»?

Таковы же и законы Амона-Раввина. А факт, что средняя часть их умышленно выскоблена, может быть объяснен только одним: желанием нашедших или того, кто им указал эту находку, уничтожить заключающиеся в них анахронизмы.

Глава IX

ОБЩАЯ И ЧАСТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СВОДА ЗАКОНОВ АМУ-РАБИ, СОВРЕМЕННОГО АВРААМОВА, И ПОРАЗИТЕЛЬНО ВЫСОКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ И ГРАЖДАНСКИЙ СТРОЙ, СУЩЕСТВОВАВШИЙ В ТО ВРЕМЯ НА ЗЕМНОМ ШАРЕ

В предшествовавшей главе я показал первые впечатления после сенсационного открытия кодекса Амона-Раввина. Но он так интересен, что я посвящу еще целую главу изложению его сущности.

Я не имею никакой возможности переписывать здесь его целиком, так как это составило бы целую брошюрку страниц в тридцать. Но чтобы сразу показать, каково было законодательство в то время, когда Авраам приносил в жертву своего сына Исаака, я приведу здесь только первые одиннадцать статей по переводу И.М. Волкова.

1. Если кто-нибудь обвинит другого и бросив на него подозрение в убийстве, не докажет этого, того, кто обвинил, должно предать смерти.

2. Если кто-нибудь, бросив на другого обвинение в чародействе, не докажет этого, то тот, на кого брошено подозрение в чародействе, должен пойти к реке и опуститься в реку. Если течение реки столкнет его, то тот, кто обвинил его, получает его дом, а если река объявит этого человека невинным, и он останется невредим, то того, кто бросил на него подозрение в чародействе, должно предать смерти, а опускавшийся в реку получает дом своего обвинителя (такие же испытания чародеев существовали в западной Европе в конце средних веков).

3. Если кто-нибудь, выступив в судебном деле с свидетельством о преступлении, не докажет сказанных им слов, то, если обвинение грозило жизни, обвинителя должно предать смерти.

4. Если же он выступит со свидетельством в судебном деле о хлебе или деньгах, то должен принять на себя наказание, определенное в этом судебном деле.

5. Если судья вынесет приговор, постановит решение и изготовит документ, а потом изменит свой приговор, то, по изобличении его в изменении приговора, этот судья должен уплатить в двенадцатикратном размере иск, предъявленный в том судебном деле, а также должен

быть публично свергнут со своего судейского стула и никогда вновь не садиться с судьями для суда.

6. Если кто-нибудь украдет храмовое или дворцовое имущество, то его должно предать смерти; смерти должен быть предан и тот, кто примет из его рук украденное.

7. Если кто-нибудь купит или возьмет на хранение серебро или золото, или раба, или рабыню, или вола, или овцу, или осла, или чтобы то ни было из руки сына свободного или из руки чьего-нибудь раба без свидетелей и контракта, то этого человека, как вора, должно предать смерти.

8. Если кто-нибудь украдет вола, или овцу, или осла, или свинью, или судно, то, если это принадлежит храму или дворцу, он обязан возместить в тридцатикратном размере, а если это принадлежит вольноотпущенику, он должен отдать в десятикратном размере. Если же вору нечем отдать, то его должно предать смерти.

9. Если кто-нибудь, у кого пропало что-нибудь из его собственности, найдет свою пропавшую вещь в руках другого, и как тот, у кого в руках найдется пропавшая вещь, скажет: «мне продал ее продавец, я купил ее при свидетелях», так и хозяин пропавшей вещи скажет: «я представляю свидетелей, знающих мою пропавшую вещь», то покупатель должен привести продавца, продавшего вещь и свидетелей, при ком он купил, так же и хозяин пропавшей вещи должен представить свидетелей, знающих его пропавшую вещь. Судьи должны исследовать их дело, а свидетели, при которых отдана покупная плата, и свидетели, знающие потерянную вещь, должны рассказать пред богом (т.е. под присягой) то, что они знают. Продавца, как вора, должно предать смерти, хозяин пропавшей вещи получает свою пропавшую вещь обратно, а покупатель берет обратно уплаченные деньги из дома вора.

10. Если покупатель не приведет продавца, продавшего ему, и свидетелей, при которых он купил, тогда как хозяин пропавшей вещи представит свидетелей, знающих его пропавшую вещь, то покупателя, как вора, должно предать смерти, а хозяин пропавшей вещи получает свою пропавшую вещь обратно.

11. Если хозяин пропавшей вещи не приведет свидетелей, знающих его пропавшую вещь, то его, как преступника, взведшего клевету, должно предать смерти.

В таком же роде и все 282 статьи, составляющие основное содержание этого кодекса законов. Мы видим отсюда, что даже во времена Авраамовы законы писались тем же тяжелым канцелярским слогом, каким писались не только европейские средневековые кодексы законов, но даже и кодексы XIX века.

Начинаясь, как мы только что видели, двумя статьями об обвинителе-клеветнике, двумя о лжесвидетельствовании, одним о нарушении правосудия самим судьей, кодекс говорит далее о преступлениях против частной собственности — о краже, купле продаже украденного, хищении людей, бегстве и уводе рабов, ночной краже со взломом и о грабеже. Статьи 26–41 трактуют об обязанностях и привилегиях государственных служащих. Далее идут статьи, относящиеся к вопросам земельного хозяйства, — об отношениях между землевладельцем и арендатором, об ответственности за повреждение чужого поля, краже садовых деревьев и об отношениях между садовладельцем и садовником-арендатором. Статьи 71–96 касаются покупки частным лицом имущества, связанного с ленною службою, устанавливают отношения квартирохозяина и квартирнанимателя. В статьях 100–107 регулируются отношения между предпринимателями и крупными купцами с одной стороны, и мелкими торговцами и посредниками — с другой; в статьях 108–111 идет речь о трактирном промысле, где говорится:

«Если корчемница не станет принимать хлеб в уплату за напитки, а будет брать деньги по большому весу, и ценность напитков сделает ниже стоимости хлеба, то эту корчемницу, по изобличении ее, должно бросить в воду».

109. Если в доме корчемницы соберутся двое преступников, и она не задержит этих преступников и не выдаст дворцу, то эту корчемницу должно предать смерти.

110. Если божья жена (*ільпратц*) или божья сестра (т.е. монахиня или послушница-энта), не живущая в уединении, откроет корчму или войдет в корчму для выпивки, то ее должно сжечь».

Читатель видит здесь не только удивительное для востока явление — женщин, содержащих трактиры и корчмы, но и еще большее: чисто средневековую жестокость по отношению к лицам, посвятившим себя богу, монахиням и послушницам за непотребную жизнь.

Следующие пятнадцать статей (112–126) посвящены отношениям, возникающим между людьми при отдаче денег взаймы, сдаче вещей на хранение и при закабалении несостоятельного должника. Затем идут статьи, касающиеся вопросов брачного права и семейных отношений. В частности, здесь идет речь об оскорблении замужней женщины, о прелюбодеянии, о насилии над обрученной, и о подозрении замужней женщины в супружеской неверности:

128. Если кто-нибудь, взяв себе жену, не заключит с нею договора, то эта женщина — не жена ему.

129. Если чья-нибудь жена будет захвачена лежащей с другим мужчиной, то должно, связавши, бросить их в воду. Если муж пощадит своей жены, то и царь пощадит жизнь своего раба.

130. Если кто-нибудь обесчестит чью-нибудь жену, не познавшую мужа (и) живущую в доме своего отца, и будет захвачен лежащим с нею, то этого человека должно предать смерти, а эта женщина остается свободною (от ответственности).

Затем говорится об условиях расторжения брака, о взятии второй жены, о собственности замужней женщины, о разных видах нарушения целомудрия, о имущественных правах супругов, о правах вдов и детей от разных браков в отношении к наследству, о браках между свободными и рабами, об условиях вторичного брака вдовы, имеющей малолетних детей, о правах лиц, посвященных богу, о правах публичных женщин на отцовское наследство и об усыновлении чужих детей. Статьи 194–214 определяют характер возмездия за умерщвление и телесные повреждения. В статьях 215–240 таксирована вознаграждение врачей, строителей и судостроителей, статьи 241–260 посвящены отношениям повседневной сельскохозяйственной жизни, о найме домашних животных, об ответственности за телесное повреждение бодливым быком, о плате за полевые работы, о краже земледельческих орудий, о заработной плате поденщиков и ремесленников, и наряду с этим таксирована плата за наем судов. Последние пять статей (278 – 282) трактуют о покупке рабов и о наказании раба за отречение от своего господина. В заключение кодекса характеризуется благодетельное значение для страны как царственной деятельности Амму-Раби вообще и обнаружения им законодательства.

«Мы видим, что во всех этих статьях, – отмечает И.М. Волков, – наблюдается полная секуляризация правовых норм от норм религиозных, что возвышает его, как историко-юридический памятник над всеми восточными законодательствами, не разграничивающими правовых, религиозных и моральных норм, и приближает его к развитым законодательствам Запада».

Нельзя также не согласиться с И.М. Волковым и в том, что страна, где выработался такой кодекс, должна была уже представлять собою большое, строго централизованное культурное государство. Общество, из которого оно состоит, уже давно пережило родовую и племенную степень своего развития.

«Вместо прежних мелких династий в разных частях страны, – говорит И.М. Волков, – теперь во главе всего государства стоит единоличная абсолютная царская власть. Царь (даже и при Аврааме) считается

богоподобным существом, «вечным царственным отпрыском», он — наивысший авторитет, не нуждающийся ни в какой санкции, источник закона, полновесный, ничем не ограниченный властелин над своими подданными, которые, без различия сословного и служебного положения, в отношении к нему — не более, как рабы. Соответственно этому, в клятвах подданных, наряду с божествами, было обыкновением призывать имя царствующего монарха. Вполне самовластно распоряжается царь и в делах, касающихся культа. Его уже не ограничивает во власти жреческая корпорация, как это было в предшествующую, сумерийскую эпоху, когда правители городов = государств вынуждаемы были, для упрочения своего положения, идти на компромиссы с влиятельной корпорацией местных храмовых жрецов».

«Возглавляемое монархом общество делится на три сословия, резко обособленных одно от другого в отношении их прав и обязанностей. Основную массу населения составляет класс свободных. Это были граждански полноправные подданные, в большинстве своем владевшие землей и несшие имущественные и личные повинности в пользу государства. Следующим классом были вольноотпущенники. Состоя в большинстве случаев из бывших рабов двора или храма, вольноотпущенники не могли приобрести гражданской полноправности наравне со свободными и, например, при нечаянном убийстве в споре за вольноотпущенника уплачивается в виде пени треть мины серебра, тогда как за свободного — полмины. Но зато, в силу клиентеских отношений к прежнему господину — двору или храму, — они пользовались и некоторыми преимуществами пред свободными. Так, например, покража у вольноотпущенника возмещается в десятикратном размере, между тем как свободному просто возвращается украденное у него».

«Низший общественный слой составляют рабы (*wardum*). Кроме военнопленных, а также покупных рабов значительная часть этого класса состояла из порабощенных свободных, ставших бесправными. Таковы, например, преступники и несостоятельные должники. Последние, для расплаты с долгами могли предоставить кредитору своих жен и детей во временное рабство, или же были порабощаемы насильно. Рабы рассматриваются законом, как вещь, находящаяся в полной собственности хозяина. Подобно всякому другому роду имущества, право собственности на рабов переходило в семье от поколения к поколению. Рабов продают (278–281), перепродают (117) и закладывают (118). Повреждение их здоровья или лишение их жизни считается не более, как только повреждением или уничтожением имущества их господина, которому виновный и обязан возместить ущерб». Для обозначения

ния рабского состояния на рабов налагались особые знаки, может быть, вырезаемые или выжигаемые на теле, и сборником Амму-Раби предусматривается случай незаконного наложения знака неотчуждаемого раба. Рабыня, родившая детей от своего господина, в случае неповиновения своей госпоже не могла быть продана, а только низведена на положение обычной рабыни, в котором находилась до деторождения (146). Дети ее госпожи не имеют права на порабощение ее детей, а в случае признания их законными со стороны отца, последние являются его полноправными наследниками наряду с детьми главной жены (170, 171). Казенному рабу и рабу вольноотпущенника дозволяется жениться на свободной, и дети от такого брака свободны (175). Смотри на рабынь, как на полную собственность господина, закон Амму-Раби все же не только не дает господину права жизни и смерти над ними, но даже предоставляет им некоторые из благ общежития, обычно являющиеся привилегией свободных классов общества.

Наряду с сословиями сборник Амму-Раби отмечает также и профессиональные звания. Первые места занимают придворные служащие и высшее духовенство; те и другие стояли в непосредственной близости к царю, как средоточию светской и духовной власти. В соответствии с важным государственным значением религии и храмов в Вавилонии почетное положение среди других профессий занимают и храмовые служащие. Из них сборником Амму-Раби отмечаются только лица женского пола: божьи жены (*ilippatum*), божьи сестры (*entum*) например, в статье 110, храмовые девы (*regmasitum*) в статье 181 и храмовые блудницы (*kadiltum*) в статье 181.

В вознаграждение за службу, военнослужащие (даже и при Аврааме!) получали от государства в наследственное пользование земельные участки с инвентарем. Эти участки считаются законом неотчуждаемыми (36), они не подлежат даже продаже за долги (38), или торговая сделка относительно их признается недействительной (37).

Особенно интересны здесь для нас статьи, относящиеся к медицине. Оказывается, что во время составления этого сборника снимали уже с глаз бельма бронзовыми ножами.

215. «Если врач, делая кому-нибудь тяжелый надрез бронзовым ножом, излечит человека, или снимая см чьего-нибудь глаза бельмо бронзовым ножом, вылечит глаз человека, то он получает десять сиклей серебра». И наоборот:

218. «Если врач, делая кому-нибудь тяжелый надрез бронзовым ножом, причинит смерть человеку, или снимая см чьего-нибудь глаза бельмо бронзовым ножом, повредит глаз человека, то ему должно отсечь руки.

219. Если врач, делая тяжелый надрез бронзовым ножом рабу вольноотпущеннику, причинит ему смерть, он должен отдать раба за раба.

220. Если он, снимая бронзовым ножом бельмо с его глаза, повредит его глаз, то должен уплатить деньгами половину его стоимости.

221. Если врач вправит сломанную кость или вылечит внутренность, то больной должен уплатить врачу пять сиклей серебра.

224. Если лекарь волов или овец, сделавши тяжелый надрез волю или овце, излечит (животное), то хозяин вола или овцы платит ему одну шестую сикля серебра.

225. Если он, делая тяжелый надрез волю или овце, причинит смерть животному, то должен отдать хозяину вола или овцы четверть стоимости».

Мы видим здесь уже и тонкие медицинские операции, а в религиозном отношении совсем новейшие нравы. Вместо прежних судей — священников и старейшин, — в качестве органов судебной власти выступают назначаемые царем особые светские судьи, а роль священников сводится к принятию судебной присяги, и роль старейшин — к присутствию в судебном заседании в качестве второстепенных ассистентов. Из предшествующей эпохи, когда отправление правосудия находилось почти исключительно в распоряжении духовенства, удержалось лишь обыкновение производить суд в храмах или у входа в них. Удержанию храмов, как мест отправления правосудия, немало способствовало и то обстоятельство, что в них, «пред богом», по выражению кодекса, была приносима клятва, нередко имевшая место при тяжбах (например, статья 23).

Наказания за преступления в общем необычайно суровы. Более чем в тридцати из всего количества обсуждаемых уголовно-правовых случаев карою служит смертная казнь в разных ее видах (утопление, например, в статьях 109, 129; сожжение в статьях 25, 110, 157; посадка на кол и повешение в статье 158). Большая часть случаев ее применения падает на корыстное посягательство (кража, например, кража со взломом статья 21; грабеж статья 22).

Брак рассматривается как гражданский договор, облеченный в законную форму, без соблюдения которой он признается недействительным (статья 128). Судя по аналогии со способом совершения других договоров, он должен быть заключен при свидетелях, составляющих о нем формальный акт. В качестве контрагентов при заключении брачного договора в сборнике названы со стороны жениха он сам (статья 159), его отец (статья 155 и 159), мать-вдова и братья (статья 166), а со стороны невесты отец (статья 160) и братья (статья 184). Жених обыч-

но давал будущему тестю нечто вроде выкупной платы за невесту и свадебный подарок самой невесте, а последняя получала от отца приданое, но ни выкупная плата, ни подарок, ни приданое не считаются обязательными условиями для заключения брака (статьи 139, 172, 176). Выкупная плата уже совсем потеряла свой первоначальный характер обязательного платежа за невесту, как за товар.

Общею формою брака является уже моногамия, но закон допускает и отступления от этого принципа: муж может взять себе вторую жену в случае бездетности (статья 145), тяжкой болезни (статья 148), или непристойного поведения жены, дающего основания к разводу с нею (статья 141). При этом он обязан оставить больную жену на своем попечении, в случае ее согласия на новый брак (статья 148, 149); жена же, отвергнутая за непристойное поведение, может быть обращена им в рабыню (статья 141). Муж лишается права брать наложницу даже при бездетности законной жены, если последняя дает ему рабыню для сожительства (статья 144). Не нормируя в деталях отношений между главной женою и женою побочною, сборник Амму-Раби постановляет только, что последняя должна находиться в полном подчинении и услужении у своей госпожи, в противном случае может быть низведена на положение простой рабыни и продана (статья 147); от продажи ее спасает только рождение детей ею (статья 146).

Сословное неравенство не служит препятствием к браку. Свободная, выходя замуж за раба, сохраняет свое социальное положение, свободны и ее дети от этого брака (статья 175 – 176).

«Положение женщины в семье эпохи Амму-Раби несравненно выше обычного положения ее на востоке, – рассуждает далее И.М. Волков. – Она самостоятельная хозяйка в семье, а вне последней – граждански полноправная личность. Выходя замуж, она может через особую оговорку в брачном договоре отказаться от ответственности за добрачные долги мужа (статья 151). Приданое остается ее собственностью и по выходе замуж, оставаясь лишь в заведовании и пользовании мужа. В случае продолжительной служебной отлучки мужа и малолетства детей, жена заведует домом (статья 29), а по смерти мужа на нее переходит его власть над семьею (статья 172). Ей, как и мужу, предоставлено право развода (статья 136, 142), и вторичного выхода замуж (статья 172). Муж может в любое время отвергнуть жену, но при этом, в случае отсутствия достаточных оснований к разводу, терпит серьезные имущественные потери; жена, имеющая детей, получает обратно свое приданое и, сверх того, известную часть недвижимого и движимого имущества в пользу детей (статья 137); бездетной же жене вмес-

те с приданым возвращается и выкупная плата, так как оп получении ее от жениха тесть, в свою очередь, дарил ее дочери и зятю, а за неимением последней дается особая разводная плата (статьи 138, 139). Жена вправе развестись с мужем в случае неосновательности обвинения ее им в прелюбодеянии (статья 131) или в случае нарушения им супружеской верности или пренебрежения ею как женою (статья 142), или при самовольном оставлении им дома и отечества (статья 136). В случае безвестной служебной отлучки мужа, жена также может выйти вторично замуж, но лишь при условии полного отсутствия средств существования у нее, причем, если муж вернется домой, она обязана возобновить с ним супружескую жизнь, оставив второго мужа (статьи 134, 135).

Закон сурово карает преступления против семейной нравственности. За убийство мужа жена подвергается повешению или посадке на кол (статья 153), за связь с другим мужчиною ее бросают в воду вместе с соучастником (статья 129). Смертною казнью карается также кровосмешение свекра с невесткою (причем наказывается только первый, статья 155) и сына с матерью (статья 157). Много мягче относится закон к супружеской неверности со стороны мужа; в случае судебного требования жены, ему угрожает только развод, правда, с серьезными имущественными потерями (статья 142). За неосновательное обвинение замужней женщины в прелюбодеянии посторонним лицом виновному остригаются, в знак бесчестия, волосы на висках» (статья 127).

«Высоко ставя авторитет родителей в отношении к детям, сборник Амму-Раби в то же время не позволяет родителям быть неограниченными властелинами их детей. Если, с одной стороны, за злословие на родителей сын лишается языка (речь идет о присмном сыне, статья 192), а за побои родителей — руки (статья 195), то с другой стороны в случае простой непочтительности сына родители могли отвергнуть его не иначе, как только по суду, причем они должны были простить его, если проступок совершен им в первый раз (статья 168, 169).

Сыновья наследуют отцовское и материнское имущество поровну. Сыновья от рабыни-наложницы, в случае, если отец при жизни уравнивал их в правах с детьми от главной жены, получают по равной с ними доле наследства; в противном случае они вместе с матерью становились свободными (статья 170, 171). По смерти двоеженца каждый сын, независимо от происхождения от той или другой матери, получает равную с каждым из оставшихся братьев долю наследства (статья 167). Дочери, наделенные приданым при живом отце, устраняются от права наследства (статья 183). Если же приданого им не было дано, то они получают в пожизненное пользование равную с братьями долю наследства, переходящую по их смерти к их братьям (статья 180, 181, 184).

«С самого начала восточных раскопок ни в Египте, ни в Ассирии, ни в Вавилонии, не говоря уже о других, менее богатых древностями странах, до сих пор еще не открыто памятника более важного по значению и более полного по содержанию, чем кодекс Амму-Раби, — говорит один из виднейших его исследователей Шейль. — Для научного знакомства с известным народом далеко недостаточно знать только его имя, происхождение, царские династии, военные походы, вообще поверхность его жизни. От нас ускользает самое важнейшее из его истории, пока мы не ознакомимся с его внутренним строем и законами, руководившими его семейным бытом, гражданскими отношениями и вообще — всею народною жизнью. С этой точки зрения не преувеличивая можно сказать, что кодекс Амму-Раби является одним из важнейших памятников не только специально восточной, но и всемирной истории».

Такова характеристика очерчиваемого кодексом Амму-Раби государственного и общественного быта его времени, которую я почти целиком выписываю из книжки И.М. Волкова «Законы Вавилонского царя Амму-Раби» (1914 г.).

Но точно ли мы имеем право сказать, что эти законы и писаны по личному повелению самого этого царя Амму-Раби, а не много веков позднее от его имени, для придания им авторитета?

Ведь даже и в самом этом кодексе чувствуется, что писал его не сам этот царь, имя которого, мне кажется, значит просто Аммон-учитель, буквально Аммон-Раввин, а кто-то позднейший. Вот это начало.

«Когда великий бог Ану (т.е. бог Он¹), царь всех духов (т.е. Святой Дух, носившийся, по Библии, над бездной до сотворения мира), и бог Энлил², творец небес и земли, определяющий земные судьбы, вручили Мардуку (т.е. умерщвленному, по-гречески Апполону)³, первородному сыну Эа⁴ господство над всеми людьми и возвеличили его среди ангелов небесных, когда они назвали врата господни (Вавилон по-семитически) его великим именем, сделали эту страну могущественной среди всех стран вселенной и основали в ней вечное царство, основы которого прочны подобно небесам и земле, тогда Святой дух и бог Творец (Ау и Энлил) призвали меня Аммона-Раввина (Амму-Раби)

¹ От АУН <...> — сила, дуновение, дух.

² Может быть от ЭЙН-ЛИЛ <...> — Око Ночи?

³ Мардук от греческого Мортос (μόρτος), умерший, и Аполлон, т.е. погубленный, от греческого аполлуми (ἀπόλλυμι) — погибаю, имя евангельского Христа.

⁴ От греческого Эос (έως) — заря.

славного, богобоязненного царя, для водворения в стране справедливости и истребления незаконных и злых, чтобы сильный не притеснял слабого, и чтобы я, подобно Солнцу восходил над черноволосыми и освещал страну для благосостояния народа.

Я, Аммон-Раввин (Амму-Раби) избранный богом-творцом, изливший богатство и изобилие; снабдивший всем Ниппур; я связь небес и земли, славный покровитель Храма Господня (Э-Кур⁵), могучий царь, восстановивший Эриду (*Иордань, так называется до сих пор христианская купель*), очистивший дом Апсу (Аписа), покоритель четырех стран вселенной, возвеличивший имя Врат Господних, возрадовавший сердце Умерщвленного (Мардука), своего владыки, (все) свои дни ходивший на поклонение в храм Саггиль (*Храм Умерщвленного*), царственный отпрыск, созданный Сином (Месяцем), обогативший Ур, смиренный богомолец, снабжающий изобилием Кишширгал.

Мудрый царь, послушный слуга солнц, сильный, укрепивший основание Сиппара, одевший зеленью могилы Святой (Айи), возвеличивший Баббар подобно небесному жилищу, воитель, помиловавший Ларсу, возобновивший Баббар для Солнца, своего помощника, владыка, давший жизнь Эреху, в изобилии снабдивший водою его жителей, возвысивший храм Святого Духа (Ану) и Астарту-Венеру (Иннанну), защитник страны, собравший воедино рассеянных жителей Исына, изливший богатство на Храм-Галмах.

Полновластный царь царей, брат бога Заманы, укрепивший жилища города Киш, окруживший блеском храм-Метегуту, сделавший прочными великие святилища Венеры, заботящийся о храме Харсагадам, твердыня против врагов, тот, чьи желания исполнил бог смерти (Нергаль) его соучастник, я, укрепивший город Кута, снабдивший всем храм Мишлам, сильный телец, ниспровергающий врагов, любимец Туту (Тота), возвеселивший Борсиппу, высокий, непрестанно пекущийся о храме Богославия (Иуды-Э-Зида).

Божественный царь-царей, мудрый, расширивший лильбатский земельный участок, в изобилии собравший хлеб для Ураш; могучий владыка, которому по праву принадлежат скипетр и корона, которыми снабдила его мудрая богиня Мать (Мама), установивший границы Кеш, в изобилии доставивший чистые яства для Нинту (другое имя Венеры), держащий в руках большие жертвенные дары для храма Нинну, схвативший врагов, любимец высокой (Телиты), исполнивший изречения Халлабского оракула, возвеселивший сердце Звездной (Астарты).

⁵ От греческого Э-кюриа (ἑκυρία) – госпожа в смысле церкви?

Непорочный князь, молитву которого принимает Рамма <...>, успокоивший сердце воителя Раммана в Каркара, приведший в надлежащий порядок все в храме Угалгал, царь, даровавший жизнь городу Адаб, покровитель церкви Мага (Э-Мах).

Владыка церквей, неодолимый воитель, даровавший городу Масканшабрим, изливший богатство на храм Мишлам, мудрый правитель, приводящий в исполнение всякий план, защитивший жителей Малгума во время бедствия, утвердивший их жилища в богатстве, назначивший чистые жертвы для Эа и (богини) Дамгалнунны, возвеличивших их царство.

Царь царей, покоривший местности по Евфрату силою бога = Рыбы (Дагона), своего создателя, помиловавший жителей Мера и Тутул, верховный Князь, вызвавший сияние на лице Иннанны (Венеры), установивший роскошные яства для (бога Врачевания) Ниназу, помогший своим подданным во время бедствия, поставивший их собственность в безопасность во Вратах Господних (Вавилоне по-семитически), пастырь народа, дела которого приятны Звездной, Я водворивший Звездную в храме Улмаш, в Агаде, заставивший воссиять справедливость, правосудно руководящий народом, возвративший в Царьград (Ассур) его милостивого бога-хранителя, истребивший... царь, давший воссиять храму – Мишмиш имени Венеры.

Я – высокий, молящийся великим богам, потомок Сумулаилу, могучий наследник Синмубаллита, вечный царственный отпрыск, могущественный царь, солнце Врат Господних (Вавилонa), ниспосылающее свет на страну Сумер и Аккад, царь, покоривший четыре страны вселенной, любимец Венеры (Иннанны), Когда Умерщвленный (Мардук) призвал меня управлять народом и доставлять стране благополучие, я даровал право и законы на языке страны, создав этим благосостояние народа».

Затем следуют уже приведенные статьи совсем другого типа и слога.

Мы видим, что этот пышный панегирик самому себе начинается словами, что его призвали к себе бог-Творец и Святой дух, чтобы дать стране законы. Но ведь это уже явная неправда. А дальше еще хуже: он называет себя «братом бога войны Замамы», вызвавшим сияние на лице богини Иннанны. А раз все эти ложные сообщения допущены в первых же строках предисловия, то почему мы должны признать, что сам же Амму-раби осквернил ими свой Кодекс, а не писавший от его имени?

Мы видим, что все шансы за то, что клинописный кодекс от имени Аммона-Учителя также мало писаны самим этим «царем», как и французский «кодекс Наполеона» самим Наполеоном. Даже больше: этот сборник законов мог быть написан лишь через столько лет после смерти

этого мифического Амму-Раби, когда автор его уже не боялся возражений, говоря, что этот законодатель был лично знаком с богами Аном и Энлилем, и был братом бога войн Замамы, вызвавшим сияние на лице Иннанны.

Чтоб ориентироваться в деле, посмотрим подробнее, как был открыт этот памятник.

В 1897 году отправилась в Месопотамию на средства Французского правительства учная экспедиция под руководством Ж. Де-Моргана, в сопровождении доминиканского монаха Шейля, с целью раскопок на том месте, где по догадкам экспедиции некогда стояли Сузы, древняя эламская столица, впоследствии одна из мифических персидских столиц. Там после целого ряда туземных надписей, принадлежавших тамошним местным правителям, было обнаружено наконец множество вполне сохранившихся «вавилонских памятников», которые сочли за «хищнически увезенные сюда во время эламских набегов на Вавилон», так как им тут было как будто не место находиться. И среди них участники экспедиции в декабре 1901 г. наткнулись сначала на большой базальтовый обломок, а спустя несколько дней были вырыты и еще два его обломка. И вот по приложению одного к другому все три обломка составили один столб, имеющий 2,25 метра высоты и разнившийся в широте от 1,65 метра в верхней окружности до 1,90 метра внизу. На лицевой стороне столба помещается вверху художественно высеченное рельефное изображение двух человеческих фигур (рис.), из которых одна представлена в сидячем положении на высоком троне, а другая изображена стоящею перед первой фигурой.

Сидящий на троне одет в обыкновенную для клинописей одежду, отделанную оборками. В правой руке он держит какой-то предмет, вроде обруча, и палочку для письма (а не резец для клинописей), и из его плеча исходят струеобразные полосы.

Сидящая фигура, как видно из приданных ей атрибутов, представляет Шамаша, бога Солнца. Стоящая же фигура изображает, по-видимому, самого Амму-Раби в обычной молитвенной позе перед Шамашем-Солнцем. А отсюда ясно, что это иконное изображение, а не снимок с натуры.

Одетый в подобранную у поясницы длинную гладкую тунику с вертикально расположенными складками, в шапке, окаймленной полосками наподобие ободка, с протянутою ко рту правою рукой, царь стоит перед богом в положении смиренного богомольца. Следующая за барельефом часть передней и вся обратная сторона столба покрыты тщательно вырезанным, отчетливым, убористым и изящным клинописным текстом на вавилоно-еврейском языке, и состоящим из ряда приблизительно пятидесяти коротких строчек-колонн, размещенных

в направлении с правой стороны к левой, причем клинописные значки их читаются от вершины колоннок к их основанию. Около десяти таких строчек-колоннок посвящены, как мы видели, (от имени самого царя) перечислению его титулов, прославлению его величия, а также призыву благословения на почитателей и исполнителей новоизданного законодательства и проклятию на его нарушителей. Вся остальная часть надписи, за исключением выскобленных кем-то семи строчек-колонн, занята статьями законов, которых налицо 247. Введенная доминиканским монахом Шейлем и принятая всеми учеными порядковая нумерация статей кодекса, которой держался и я, основывается, начиная с 65 статьи, на произвольном допущении в выскобленном месте надписи в точности пяти строчек колонок с 35 статьями.

Кто же и зачем выскоблил означенные статьи? Ясно, что это было сделано с умыслом. В них было, по-видимому, что-то неподходящее для такой древней датировки, как 2000 лет до начала нашей эры. Ведь там легко могли находиться и законы о религиозных преступлениях и о правах христиан, и это тем более вероятно, что во всем кодексе нет ни одной статьи, относящейся к служителям культа и к антирелигиозным проступкам, без чего не обходилось *ни одно* законодательство. Очевидно, они-то и выскоблены. На эту мысль наводит и то обстоятельство, что в библиотеке царя Ашур-Банипала, относимой уже не за 2000, а сего за 625 лет до начала нашей эры, были еще ранее открытия этого столба найдены обломки плиток, заключающих в себе чисти статей от 23 по 27, от 3 по 33, и много других статей, иногда в двух экземплярах (например, статья 27). Даже и из времен после Ашур-банипала есть плитки, заключающие в себе дословно части статей кодекса Амму-Раби. Эта наличность множества статей кодекса Амму-Раби в позднейшие времена уже обращала внимание исследователей, но ее старались объяснить не апокрифичностью этого столба, а каким-то живым историко-литературным интересом более отдаленных от него по времени вавилонских поколений.

«Идейные отзвуки его, — говорит И.М. Волков, — имеются и в древне-израильском законодательстве⁶ и в праве египетских деспотических

⁶ Об этом много писали за границей, да и по-русски не мало: М. Кулишер. Основы уголовного, гражданского и торгового права 4000 лет назад (Русское Богатство, 1909. Август); В. Муретов. Новооткрытый кодекс вавилонского царя Амму-Раби в его отношении к Моисееву законодательству (Богословский вестник, 1903, июнь); В.И. Сергевич. Законы царя Амму-Раби и Библия о несвободных людях (Журнал мин. юстиции 1908. Ноябрь).

контрактов, и в судебной практике иудейской военной колонии на Элефантине (в VI, V веках до Р.Х.)».

А между тем по всем признакам дело было наоборот, и сам столб представляет собою пополненную компиляцию этих «идейных отзвуков», которые на самом деле были его зародышами.

Прежде всего является вопрос: каким образом этот столб попал в «Сузы», где Амму-Раби никогда не жил.

Очевидно, — находчиво отвечают нам, — он был увезен сюда в качестве военного трофея вместе с другими достопримечательностями Вавилонии. Вероятно этот самый победоносный эламский правитель (а не доминиканский монах Шейль!) и приказал, по словам этого Шейля, соскоблить семь колонн текста, с намерением высечь на месте их свое имя и воспоминание о своих победах.

А почему же он не исполнил своего «намерения»?

Вероятно, не успел!

По своем извлечении на свет столб был привезен в Парижский Луврский музей и предоставлен для дальнейшего исследования тому же доминиканцу Шейлю, который воспроизвел фотогравировку, дешифровал, перевел и издал весь уцелевший текст в IV томе своей книги «*Delegation en Perse. Memares*» под заглавием: «*Code des lois de Hammurabi, roi de Babylone vers l'an 2000 avant J.Chr.*».

Сенсация была огромная не только среди востоковедов, но и во всей образованной публике... Да и было отчего придти в изумление! Подумайте только сами: между двумя ничем не замечательными речонками, притоками нижнего Евфрата, называемого Шат-Эль-Арабом, в каких-то развалинах, считаемых за древние Сузы, где, говорят нам, будто бы жили летом мифические персидские цари, но где на деле могли жить по стратегическим условиям только отшельники мира, найден «свод Законов», по своему светскому характеру совсем напоминающий Кодекс Наполеона!

Вот хотя бы статья о воинской дисциплине, где фигурируют даже русские чины.

Статья 26. Если реду (т.е. рядовой) или баир (т.е. боярин), получив приказ выступить в царский поход, не пойдет или, наняв наемника, выставит его своим заместителем, то этого реду (рядового) или баиру (боярина) должно предать смерти, а его заместитель получает его дом.

Статья 34. Если деку (десятник) или лубутту (передовой, лобовой) присвоит собственность реду (рядового), причинит для собственной пользы вред реду (рядовому), отдаст реду (рядового) в наем, предаст реду (рядового) на суде более сильному или возьмет себе подарок, пожалованный реду (рядовому), то этого деку (десятника) или баиру (боярина) должно предать смерти.

И все эти законы, – говорят нам, – были написаны за три тысячи семьсот лет до Наполеона I, за три тысячи пятьсот лет до московского царя Иоанна Грозного, за две тысячи триста лет до ромейского законодателя Феодосия II, и наконец почти за 600 лет до того, как по библейскому сказанию Моисей получил на Синае из рук самого бога первый кодекс законов: 10 заповедей, написанных только на двух глиняных плитах! Очевидно, что даже сам бог забыл через 600 лет о существовании в земле этого законодательства. И вдруг оно открыто в 1902 году, через 3080 лет пребывания под песком, французскою археологическою экспедициею под руководством Жана Де-Моргана и доминиканского монаха Шейля, через четыре года ее поисков и всяких распрашиваний у ничего не всдающих туземцев!

Но благодаря авторитету вождя экспедиции и легковерию тогдашних ассирологов и историков древности, никаких принципиальных возражений против возможности такого законодательства за 3700 лет до Кодекса Наполеона, с точки зрения эволюции человеческой культуры, не было представлено.

Все только пришли в восторг. Вот как давно была уже в полном расцвете почти такая же, как теперь, государственная и общественная жизнь!

Вслед за переводами Шейля на французский язык, Винклера на немецкий и Джонса на английский языки, сделанными непосредственно с подлинника и вне взаимного влияния, на разных языках появилось множество других переводов, в которых результаты непосредственного изучения подлинника дополнились итогами переводческой работы более ранних исследователей.

Глава X

АММОН-РАВИН списан с библейского **АРОНА** (или **Моисея**), библейские **АРОН** и **МОИСЕЙ** с Росейских **АРИЯ** и **ДИОКЛЕТИАНА**, и все старо-Вавилонское царство **Амму-Раби** (**Сумеро-Агадийская** династия) с ромейских императоров от **Диоклетиана** до **Гонория**

... резюмировал здесь фактическую часть законодательства «Аммон-Раввина» по прекрасной статье И.М. Волкова во многом его собственными словами. Но фактическая часть одно, а выводы из нее – другое дело, и тут, как уже видит читатель из некоторых моих вводных размышлений, мне приходится очень сильно разойтись с уважаемым ученым.

Прежде всего И.М. Волков, стоя, как и другие современные ассириологи, на обычной до сих пор анти-эволюционной точке зрения, допускает, что такое развитое государственное устройство и такая сложная общественная жизнь, какие рисуются в Кодексе Амму-Раби, могли фактически существовать на земном шаре за 2000 лет до начала нашей эры, когда в Европе жили еще пещерные люди. Потом – говорят нам – государственная жизнь в Месопотамии стала деградировать, пока не дошла до первобытного состояния и стала возрождаться снова, чтобы вновь придти в такой же расцвет и деградировать, так было несколько раз.

Понятно, что для историка, признающего, что закон всеобщей эволюции применим и к человеческим делам, это допущение кажется также странным, как если бы какой-нибудь физиолог описал в медицинском журнале наблюдение, будто бы имел случай, когда взрослый человек, благодаря недостаточному питанию постепенно стал уменьшаться, дошел до величины ребенка и потянулся к своей матери сосать ее грудь, а потом подкормившись стал снова расти до взрослого размера и, достигнув его, вторично, снова из-за голодания уменьшился до величины ребенка и так случилось несколько раз...

Но даже оставив такие обще-рационалистические рассуждения, посмотрим, имеем ли мы хоть какие-нибудь основания для отнесения «Кодекса Амму-Раби» за 2000 лет до начала нашей эры, кроме пресловутой «традиции», всегда стоящей на уровне ничем не проверенных отдаленных и смутных слухов, искажавшихся при каждой передаче от одного поколения к другому?

Оказывается, что нет никаких других причин, кроме «слухов».

А эти «слухи» стали ли более правдоподобны от того, что они записаны клинописью.

Испытаем их достоверность не применявшимися до сих пор математическими методами. Прежде всего предложим метод средних чисел.

Таблица 1
ДИНАСТИЯ АММУ-РАБИ

Имена и воображаемые годы царствований до начала нашей эры	Время царствований
1. Суму-Абу – 2060, - 2047	14 лет
2. Суму-Лаилу – 2046, - 2010	36 лет
3. Цабу – 2010, - 1997	14 лет
4. Апил-син – 1996, - 1979	18 лет
5. Синму-Биллит – 1978, - 1959	20 лет
6. Амму-Раби – 1958, - 1916	43 года
7. Самсу-Илуна – 1915, - 1878	38 лет
8. Аб-Иешу – 1877, - 1850	28 лет
9. Амми-Дитана – 1849, - 1813	37 лет
10. Амми-Цадуга – 1812, - 1792	21 год
11. Самсу-Дитана – 1791, - 1761	31 год
Сумма царствований	300 лет
Средний возраст рождения первенца сына-наследника = около 28 лет.	

Вот на таблице 1 приведены годы царствования всех 11-ти царей так называемого суммерийско-аккадского царства в Месопотамии. Подсчитав их сумму находим в точности 300 лет, ровно три века, ни на год более, ни на год менее. Насколько это вероятно? Совсем невероятно! – отвечает нам математическая теория вероятности; этот срок искусственно подделан человеком, признававшим, что числа управляют всем на свете. Так именно и подделывали их в средние века и даже в Эпоху Возрождения или, вернее, зарождения творческой человеческой литературы.

Пойдем теперь и далее.

Как в новое время, так и в древности, цари желали передавать свой престол от отца к сыну «до скончания века», а потому, когда их сын достигал половой зрелости (или гражданского совершеннолетия в наше новое время), подыскивали ему жену (а в дохристианской древности при многоженстве даже и не одну). Нам говорят, что по старинным тогдашним законам совершеннолетие и брачный возраст считались в западной Азии с пятнадцатилетнего возраста, так что дети могли родиться и на 16-м году отца.

Социальная статистика нам говорит, что первый ребенок от брака рождается в среднем через год или два и тогда, приняв во внимание, что первым или вторым и т.д. могут быть девочки, мы придем к заключению, что если какая-нибудь династия от отца к сыну не прерывалась, то в среднем от рождения одного наследника до рождения другого будет проходить от 20 до 21 года, что и подтверждается, как мы видели уже в VII томе, европейскими династиями позднейшего времени. Значит, при непрерывности какой-нибудь династии в продолжение хотя бы даже и полутора лет на каждого царя должно приходиться в среднем от 20 до 21 года царствования, а в дохристианской древности, когда было законно многоженство и брачный возраст считался с половой зрелости, еще и меньше этого. А что же мы видим в тогдашней Месопотамии? Среднее время царствования там выходило $300 : 11$ — с лишком 27 лет! Но ведь это значит, что тогдашние цари, тоже заботившиеся о непрерывности своей династии для «блага подданных», женили наследников на первой жене в среднем лишь около 25 лет, а если кому-нибудь успевали найти первую невесту на несколько лет раньше, то зато другому обязательно на столько же лет позже. А если кроме правильного перехода престола от отца к сыну замешивались еще и братья или родственники, принадлежащие, конечно, к тому же поколению, то число поколений должно быть тут еще соответственно уменьшено, а следовательно и достижение половой зрелости выйдет еще позднее. На что же это похоже?

Только на то, что автор, сочинительствуя и подводя результаты а 300 лет, не имел математического мышления, а потому и не подозревал, что он может быть обличен, как только за разработку исторической хронологии возьметмтя математик и физиолог. Но обличить его можно и еще другим способом.

Теория вероятностей показывает, что если времена царствований естественны, а не вымышленные, то они будут подчиняться закону вариаций, т.е. естественных отклонений от средней нормы, говорящему, что чем дальше отклонение от нее, тем меньше будет число индивидуумов, подходящих под это отклонение.

Поясню это наглядным примером из другой области. Если, например, кто-нибудь будет стрелять в цель, то из ста выстрелов самое значительное число пуль окажется близ ее центра, а чем далее, тем менее, пока дело не дойдет до определенного расстояния от центра в зависимости от меткости стрелка, далее которого не попадет уже ни одной пули. На графике эти отклонения, считая, например, не от центра, а от вертикальной линии вправо и влево, выразятся на диаграмме дуговидною кривою, называемою треугольником Паскаля (рис.), где число пуль

соответствующих каждому новому сантиметру уклонений вправо или влево выразится длиной вертикальных линий диаграммы.

А когда берутся отклонения от средней нормы, не равномерные в обе стороны, например, отклонения роста взрослых мужчин или взрослых женщин от их средней величины в данном народе, которые могут уменьшаться теоретически лишь до нуля, а увеличиваться теоретически даже и до бесконечности¹, то аналогичная кривая этих отклонений при значительном числе индивидуумов будет иметь вид, показанный на рис. 2, где \bar{a} будет средний рост, длина линии \underline{av} над ним покажет число принадлежащих к нему индивидуумов, а длины других линий покажут число индивидуумов, уклонившихся от него до указанной на линии $\underline{o - a - c}$ предельной величины \underline{c} .

При большом числе набранных экземпляров, например, несколько сот человек, дуговидная кривая $\underline{овс}$, соединяющая вершины этих линий, будет всегда чрезвычайно правильная, если вы брали людей без определенного подбора, а как попало. А при небольшом количестве полной правильности не будет, а будет лишь преобладание средней нормы.

Две таблицы-диаграммы

Все это вполне приложимо и к естественным отклонениям времен у последующих царствований любой династии, заключающей в себе несколько десятков членов. Конечно, тех десяти представителей, которые у нас имеются с первой династии Амму-Раби (на табл. 1) недостаточно для построения диаграммы, но возьмем всех 80, связанных с ними (на табл. 2) «Вавилонских монархов», приведенных у Фрица Гомеля в «Вавилонской династической и царской летописи», так как это число уже достаточно для грубого выражения закона естественных отклонений от обычной нормы около 20 лет, которая выявляется на рассмотрении достоверных европейских династий.

На приложенной диаграмме горизонтальный масштаб дает возможные продолжительности царствований, а вертикальный масштаб число лиц, имеющих данные продолжительности у Вавилонских монархов. И что же вы видите?

Вместо волнообразной кривой, приведенной внизу чертежа, около которой они должны бы были уложиться с максимумом на продол-

¹ На практике, конечно, рост совершеннолетнего человека не может быть меньше карлика с величиною, несколько превосходящей новорожденного ребенка, или больше великана в два или три раза превосходящего средний человеческий рост, но это лишь срезывает концы дугообразной кривой теории случайных отклонений от средней нормы, не нарушая ее правильности в данных пределах.

жительности около 20 лет и вместо дуговидного убывания в обе стороны от нее (как то же изображено на нижнем чертеже) вы видите совсем другую фигуру. Число индивидуумов, обладающими данными продолжительностями царствований увеличиваются все более и более по направлению к нулевой продолжительности (т.е. к отсутствию всякого царствования), как это показано точками, определяющими дугу АВ, и притом даже с неподходящим повышением ее правого конца между 50 и 60 годами. Но ведь это же совсем не кривая естественных отклонений от средней нормы! Эта кривая характеризует лишь сочинительство человеческой фантазии. И мы даже видим, в каком направлении она работала: во все средние династии она хотела натискать как можно больше царей, а потому им и приходилось давать все меньше и меньше продолжительности царствований. И кроме того совершенно невозможно допустить, чтобы при том же самом порядке престолонаследования во второй династии монархи сменялись в среднем через 37 лет, а в пятой в среднем в 4 года и так далее.

Значит три метода исследования показывают нам, что вся династия Амму-Раби фантастическая. Это обнаруживается, во-первых, подведением всего времени ее существования ровно под 300 лет; во-вторых невозможно большим средним возрастом половой зрелости ее царей первого и второго — целых 26 лет, и в третьих — отсутствием сгущения отдельных случаев около их среднего 20-летнего возраста.

Так, первое же применение математического анализа низвело всю Суммеро-аккадскую династию, к которой принадлежал Амму-Раби с его знаменитым кодексом, на уровень беспочвенных фантазий².

Но этот же метод дает нам и очень интересные положительные указания. Вот например, династия так называемого древнеримского царства.

Таблица
Цари древнеримского царства

Р о м у л	37
Нума Помпилий (призван в Рим)	43
Тулл Гостилий (потомок Нумы)	32
Анк Марций (внук Нумы Помпилия)	24
Тарквиний древний (опекун сыновей Анка)	38
Сервий Туллий	43
Тарквиний Гордый (сын первого Тарквиния)	24
Сумма лет царствования	241
А от начала империи в 753 году и до ее конца в 510 году	243
Среднее время царствования	34 ½ года.

² Да и самое название «суммеро-аккадская» эпоха ни что иное, как переименованное произношение Самарийско-агадийской, причем Агадей называется сказочная часть талмуда.

Мы видим, что здесь дело обстоит еще хуже, чем у суммеров-аккадийцев: на 243 года дано только семь царствований, на каждое в среднем целых 34 года! Если б дело шло тут не от отца к сыну, то выходило бы, что в среднем они достигали половой зрелости только после 30 лет. Но положение наше становится еще более безвыходным, когда примем во внимание родство. Прежде всего Ромул, — говорят нам, — умер бездетным и Нума Помпилий был призван в Рим самостоятельно. Значит, исключаем Ромула и посмотрим, что будет далее. Тулл Гостилий называется просто потомком Нумы Помпилия, но это нам безразлично. Он хронологически замещает его сына, так как после него вступает внук Нумы — Анк Марций. Следующий за ним Тарквиний древний является опекуном сыновей Анка, т.е. хронологически почти налегает на него и потому выпадает более чем наполовину из счета; при определении половой зрелости его приходится считать за полчеловека. Сервий Туллий выпадает совсем, так как после него вступает сын Тарквиния Древнего — Тарквиний Гордый.

Значит, из наших 243 лет надо сначала исключить 37 лет Ромула, причем получится 206 лет, а разделить их надо на 4,5 поколения. Выходит, что они достигали в среднем половой зрелости только перед 45 годами своей жизни!

Все это было бы очень смешно, если бы не было в то же время и очень грустно. Сколько народу трудилось над разработкой древне-римской империи, рассыпавшейся как картонный домик при первой же математической обработке.

Но раз эта обработка сделана, она же показывает нам, каким образом была выработана вся древне-римская история из реальных данных. Конечно, задача эта имеет не одно, а несколько решений. Возьмем хоть данное здесь на таблице.

1. Отец Ромула Нумитор соответствует Аврелиану.

2. Основатель «Столицы»³, считаемой лишь условно за папский Рим — Ромул — был списан с Диоклетиана, истинного основателя Царьграда, а с клерикальной точки зрения это Константин Святой.

3. Нума Помпилий, если рассматривать дело со светской точки зрения, представляет собою объединение трех одноименных соправителей: Константина, Констанция и Констанса (прозвища которых те же самые: каждое значит — «Стойкий»). К ним же, по-видимому, присоединены и два года единодержавия Юлиана, чтобы довести сумму их

²⁵ Не будем забывать, что в классических первоисточниках тот город, который мы называем Римом, редко носит такое имя. Он просто называется <...> т.е. город, столица, что можно применить и к Царьграду.

лет до 32. А если рассматривать дело с клерикальной точки зрения, то это будет Арий, основатель арианства.

4. Три соправителя, по прозвищу «Крепкие» (Константин II, Констанций II, Констант) объединены в одном Тулле Гостилии, а если рассматривать дело с первично-клерикальной точки зрения, то это Юлиан «Отступник», считая с дня его рождения и до 368 года.

5. Анк Марций (в переводе Крест Марса) представляет или объединение Грациана и Феодосия, или это клерикальный двойник Юлиана Великий царь сын царя (Василий Великий сын Василия по-полугречески).

6. Тарквиний древний начинает новую династию, как опекун сыновей Анка, возможно как заместитель Аркадия и Гонория. С клерикальной точки зрения это Иоанн Золотые Уста.

7. Вставной узурпатор Сервий туллий, с западноевропейской точки зрения замещает Аэция и опекаемого им Валентиниана II, а с восточноевропейской точки зрения скорее списан с Феодосия Великого, а клерикально с «Бодрствующего богослова» (Григория Богослова).

8. И наконец Тарквиний Гордый соответствует у классиков Рецимеру и Ромулу Августулу, а с первично клерикальной точки зрения это скорее посланник Камень (по-гречески апостол Петр). В сумеро-аккадской династии это Самсу-Дитана-Богозаконник.

Все это уже выведено было мною более обстоятельно в первом томе Христа.

Понятно, что насильственное соединение трех соправителей в одном лице со сложением их лет, а также объединение двух последовательных императоров в одного и другие клерикальные ухищрения сделаны не спроста, а чтобы подвести читателя «Римских царей» под апокалиптических «семь роковых царей» и благодаря именно этому и повысился так экстравагантно и возраст их половой зрелости.

Но это обстоятельство заставляет предположить, что то же вышло и с сумеро-аккадскими одиннадцатью царями; и они должны представлять сложение между собою каких-то реальных царей, причем возможно и объединение одноименных и приведение соправителей в последовательный ряд, чтоб довести сумму царствований до 300 лет. Мое внимание сейчас же обратилось на поразительное совпадение последовательных лет царствования первых пяти сумеро-аккадских царей с временами царствования первых царей Великой Ромеи, власть которых простиралась тогда – говорят нам – и на эту Вавилонию.

Взгляните только на таблицу. Там первый царь Суму-Абу, т.е. по-еврейски Слава Отцу⁴, и он соответствует аврелиану, число лет кото-

⁴ По-еврейски <...> (ШМ-АВ) – Слава Отца, причем ШМ произносится ШУМ, то же самое как и русский «шум» в смысле молва.

рого протянуто до воцарения Диоклетиана. Второй царь Сумул-Илу⁵ по-еврейски значит: Богоподобный⁶ и налегает на Диоклетиана, прозванного Jovius, т.е. Божественный. Его сын Цабу⁷ по-еврейски значит полководец и налегает на царя-полководца – Констанция Хлора. А сам Амму-Раби налегает на Ария и имя его значит при сопоставлении с еврейским смыслом Амон-Раввин, т.е. Бого-учитель или бого-ученый. Действительно, что такое значит имя Юпитер-Амон? По-латыни это просто Jo-Pater = Humanus, т.е. Иегова Отец человеческий, так как Ио или Иу есть самое общепринятое сокращение еврейского слова Иегова (ИЕУЕ по-еврейски). Отсюда ясно, что слово Аммон (а с придыханием – Хамон) значит просто человеческий бог (Deus Humanus). В клинописном же языке, который в портативных клинописях представляет лишь наречие еврейского, где конечный звук ОН перешел в У, слово Амон-Раввин перешло в Хаму-Раввин, или по западному произношению в Хаму-Раби. Выходит, что кодекс Хаму-Раби есть раввинский кодекс, носящий имя Арианского или Ароновского кодекса, хотя очевидно, написанный после Ария – Арона.

... не привожу значений остальных царей теократов этой династии, и ее продолжения до конца царства Врат-Господня, так как они предположительно даны на таблице, на которой, кстати, год восшествия Амму-Раби на престол дан на 333 года ранее, чем на таблице <...>, взятой мною из других источников, причем смещены соответственно и его предки и потомки.

Я сделаю здесь лишь общее заключение: суммеро-аккадийская династия, ко времени которой приписывается и рассмотренный нами Кодекс Амму-Раби, не так уж незапамятно давняя, а потому и рисующееся в ней сложное государственное устройство не опровергает диалектическую эволюцию человеческой жизни и культуры, а напротив, подтверждает ее.

⁵ Испорченное Самуил – Услышанный богом.

⁶ Сумула то же самое, что латинское Simielis – образ, подобие.

⁷ От Цаба <...> (ЦБА) – воинство.

Таблица 4

ВАВИЛОНСКАЯ ДИНАСТИЧЕСКАЯ ЦАРСКАЯ ЛЕТОПИСЬ⁸

I. ЭПОХА АМОНа-УЧИТЕЛЯ (Аму-Раби)

Предположительная длительность царствования		Предположительные годы правления (до н.э.)
15 л.	Суму Аби (Слава Отца)	2403, 2388
35 л.	Сумула-илу (подобие божие)	2388, 2353
14 л.	Цабу (сын) (воитель)	2353, 2339
18 л.	Апиль-син (сын)	2339, 2321
30 л.	Ашар-му-баллит (сын)	2321, 2291
55 л.	Хамму-рагаш, иначе Хаму-Раби (сын)	2291, 2235
35 л.	Самсу-Илуна (сын)	2235, 2201
35 л.	Иб-исхум (сын) (Солнце – Юлиан)	2236, 2201
25 л.	Амми-дитана (сын) (Аммон-законник)	2201, 2176
25 л.	Амми-цадигга (сын) (цадек святой)	2176, 2151
25 л.	Самсу-дитана (сын) (Солнце законник)	2176, 2151
21 г.		2151, 2130
31 г.		2130, 2099
304 года	11 королей династии вавилонской (БВЛ) Половая зрелость не менее 25 лет от рождения.	
61 г.	Анна	2099, 2038
55 л.	Кишан	2038, 1983
36 л.	Дамки-ил	1983, 1947
15 л.	Ишки	1947, 1932
27 л.	Шу-у им (брат)	1932, 1905
55 л.	Гулькт	1905, 1850
50 л.	Кургал (сын)	1850, 1800
28 л.	А-дарра (сын)	1800, 1772
26 л.	А-кур-ул	1772, 1746
6 л.	Милам	1746, 1740
9 л.	Иага	1740, 1731
368 л.	11 королей династии Сиску, т.е. ШШК = БВЛ = Вавилон Половая зрелость не менее 35 лет от рождения. Конец династии Амму-Раби.	

⁸ Fritz Hommel. Geschichte Babylonicus und Assyrius. Brl. 1885.

II. ВТОРАЯ ЭПОХА. АССИРИЙСКАЯ ГЕГЕМОНИЯ

16 л.	Кандиш	1731, 1715
22 г.	Агум – Амир (сын)	1715, 1693
22 г.	Гуиаши	1693, 1671
8 л.	Ушши (сын)	1671, 1663
?	Аду-милик	?
?	Ур-ци-гуру-бар 15 строчек полностью отколоты	Около 1610
22 г.	имя отколото	1319, 1297
26 л.	имя отколото	1297, 1271
17 л.	имя отколото	1271, 1254
2 г.	Кара	1254, 1252
6 л.	Гиш-амми	1252, 1246
13 л.	Шагашал	1246, 1233
8 л.	Би-тил (сын)	1233, 1225
1 г. 6 м.	Бил-надин-шуми	1225, 1224,
1 г. 6 м.	Кара-харби	1224, 1223
6 л.	Рамман-надин-шуми	1222, 1216
30 л.	Рамман-надин-аха	1216, 1186
15 л.	Мили-шихи	1186, 1171
13 л.	Мардук-апал-иддин	1171, 1158
1 г.	Цамама-шума-иддин	1158, 1157
3 г.	Бил-шума	1157, 1154
576 л. 9 м.	36 королей династии. Половая зрелость около 13 лет. Конец Кассейского царства.	
17 л.	Мардук	1154, 1137
6 л.	Имя отколото Пять строчек полностью отсутствуют	1137, 1131
22 г.	Имя отколото	1127, 1105
1 г. 6 м.	Мардук-би	1105, 1104
13 л.	Мардук-цири	1103, 1090
9 л.	Набу-шума	1090, 1081
72 г. 6 м.	11 королей из Па-ши половая зрелость уже около 4 лет.	
18 л.	Сим-машши	1081, 1063
5 мес.	Бил-нукин-цири	1063
3 г.	Кашшу-надин-ахи	1063, 1060
21 г. 5 м.	3 короля династии морской страны	
17 л.	Иул-бар-шакин-шуми	1060, 1043
3 г.	Ниндар-кидурра-укин	1043, 1040
3 мес.	Амил-шукумуна	1040
20 л. 3 м.	3 короля династии Баци	
6 л.	Имя отколото	1040, 1034
13 л.	Имя отколото	1034, 1021
6 м. 12 дн.	Имя отколото	1021/20

III ЭПОХА. НОВАЯ ЭРА

14 лет	Набу-насир (Набонассар)	743, 734
2 г.	Набу-надир –цири (сын)	733, 732
1 м. 12	Набу-шуми-укин (сын)	“
дне.	Укин-цири (династия Шашш)	731, 729
3 г.	Пулу	728, 727
2 г.	Улулай (династия Тину)	726,
5 л.	Мардук-апал-иддин (Мардук-бел-Идин)	722
12 л.	(династия морской страны)	721, 710

ЗАВОЕВАНИЕ АССИРИЕЮ

5 л.	Сарру-кин (Саргон из Ассирии завоевывает Вавилон)	709, 705
2 г.	Сина-Хириб (династия Шабигал) Наместники:	704, 703
1 мес.	Мардук-цакир-шуми	“
6 мес.	Мардук-апал-иддин	“
3 г.	Бил-ипуш (дин. Вавилон)	702, 700
6 л.	Ашур-надин-шуми (дин. Хабигал)	699, 694
1 г.	Ниргал-уши-циб	693
4 г.	М-уши-циб-Мардук (дин. Вавилон)	692, 689
8 л.	Сина-хириб	688, 681
13 л.	Ашура-хиддин (Асархаддон)	680, 668
20 л.	Шамаш-шум (при нем 17 февр. 664 г. считается лунное затмение)	667, 648
22 г.	Кандал (Асур-банипал)	647, 626

IV ЭПОХА. НОВО-ВАВИЛОНСКОЕ ЦАРСТВО

21 г.	Набу-пал-усур (Набопалассар), отец Навуходоносора	625, 604
43 г.	Набу-кудурра-усур (Набу-ходоносор) (разрушил Иерусалим в 586 г.)	605, 563
2 г.	Ам-ил Мардук (аб-ил-медорах)	562, 561
4 г.	Ниргал-шар-усур (Нериглис-сар)	561, 557
9 м.	Лабашш-Мардук	556
17 л.	Наби – наид	555, 539
194 г. 4 м.	22 или 21 королей	

Здесь оканчивается царская летопись «Вавилонских династий» у Гоммеля. А из других источников мы имеем дополнение к ней:

1 г.	Белла-рус-усур (или Белша-цар, по-гречески Вальтасар, при котором комета «Мани-факел-фарес» Конец династии. Кир завоевывает Ново-Вавилонское царство и более о нем не вспоминает.	539, 538 538 до н.э.

Рассматривая сопоставительную таблицу мы видим, по общей картине продолжительностей у последовательных царствований, что суммеро-аккадская династия⁹ представляет собою расширенную копию первой Римской династии начиная с Ромула, причем в нее вставлены здесь и Нумитер – отец Ромула, да объединены три соправителя, соответствующие соправителям и преемникам Диоклетиана: Констанцию Хлору, Лицинию и Константину, и больше ничего. Но мы уже показали в пятом томе «Христа», что первая Римская империя – вся миф, списанный с Ромейской (Византийской) империи Диоклетиана, с которого и начиналось летоисчисление на азиатском востоке и в Египте. Последний, третий отдел моей таблицы и показывает соответствие обеих династий. Но оно выходит полным только тогда, если допустим, что первые ромейско-византийские цари, начиная с Диоклетиана, были также и первосвященниками, т.е. держались на Царьградском троне не столько силою оружия, сколько «божьей волею», иначе говоря, суеверным страхом перед их якобы сверхъестественной, священной личностью. Только этим мы и можем объяснить, что в число их попали такие, с современной точки зрения чистые теократы, как Арий (он же Пума Помпилий и Амму-Раби) или патриарх Иоанн Золотые Уста, а также и то, что основатель и первый император Западной Римской империи Гонорий (т.е. Возвеличенный), отождествился у нас не только с Тарквинием Гордым, но и с основателем западно-римской церкви – апостолом Петром.

Из этого же сопоставления выходит, что арианская и христианская церковь были созданы царями, а не какими-то отшельниками от мира против воли своих царей.

В чисто хронологическом отношении мы должны признать здесь еще и то, что сам рассмотренный нами последовательный список одиннадцати суммеро-аккадских царей первой эпохи составлен не иначе, как в тот период средних веков, когда среди теологов-историков дей-

⁹ Опять отмечаю, что Аккадийская династия созвучна с Агадийской, причем Агадой (т.е. сказанием) называется повествовательная часть еврейского Талмуда.

ствительно свирепствовала эпидемия хронологизирования воображаемых ими древних событий путем применения к этому предмету чистой каббалистики, вроде суммы букв в именах исторических лиц или астрологических соображений. А так как язык Кодекса есть простая вариация еврейского языка, и император Юлиан в 363 году действительно был в Месопотамии, о чем могли сохраниться долго легенды, то понятно, что памятники такого рода мы и находим главным образом в Месопотамии, где, говорят, специально разрабатывался и так называемый «Вавилонский талмуд» современных раввинов.

Ко времени этого Вавилонского Талмуда, т.е. не ранее 500 года н.э., мы должны относить и все массивные памятники, находимые в Месопотамии, а вместе с ними и разобранные нами теперь законы Амму-Раввина (если они не подлог какого-нибудь из сотрудников самой открывшей их экспедиции, пожелавшей прославиться). Никогда мы не должны забывать, что Месопотамия, вплоть до Гераклия (610–641) была провинцией Великой Ромеи – Византии, и потому находилась под непосредственным влиянием Царьграда и подчинялась его законам. Мы видели уже, что имя Амму-Раби, т.е. Аммон-Раввин, а по-русски – бог-учитель, находящемся в заголовке его кодексов, налагает в порядковом отношении на Ария-Арона. Но значит ли это, что сам Арий и приказал поставить найденный экспедицией столб там, где его нашел какой-то сотрудник через четыре года поисков?

На такое допущение мы не имеем решительно никакого права, во-первых потому, что от имени Ария могли писаться в пополняемом виде и позднейшие кодексы законов, для придания им авторитета, а во-вторых и потому, что именем «бого-учителя» могли пользоваться и позднейшие цари. Чтобы не ходить далеко, возьмем хоть утраченный, но памятный историкам Кодекс Феодосия (Codex Theodosianus), относимый к первой половине V века. Имя Феодосия обыкновенно переводят – Богоданный. Но богоданный по-гречески Федот. Феодосий же есть сокращение Феодоксий и значит бого-учитель, так как греческое слово докса (δοξα) ни в каком случае не обозначало в древности только славу, но прежде всего ученость, образованность. Ведь от того же корня происходит и латинское досео – учу, да и слово доктор. Значит, по первоначальной транскрипции, которая, конечно, могла быть искажена с течением веков, Кодекс Феодосия был кодексом бого-ученого, как и прилично было называться законодателю. А на клинописном еврейском языке это и пришлось бы назвать кодексом Хаму-Раби, вне всякой зависимости от присутствия такого же имени в ряду одиннадцати суммеро-аккадских царей.

В пятом веке нашей эры государственная власть в Великой Ромее, пользовавшейся для своего культа и письменности (как я показал уже в VI томе «Христа») еще еврейским, т.е. тем же клинописным языком. Такое состояние государственного устройства и общественной жизни было тогда действительно уже возможно с эволюционной точки зрения, так как к этому же периоду относятся и Апокалипсис и библейские пророки, где уже говорится и о развитом мореплавании и о развитой торговле. Через сто лет после этого появился и *Corpus Juris Юстиниана*, хотя и он, конечно, едва ли был писан им самим. А как же были опубликованы эти средневековые кодексы, когда в то время не было еще печатного станка? Путем прочтения на площади? Но слово — звук, быстро замирающий в воздухе, и никто не обязан его помнить. И вот за неимением другого выхода приходится допустить, что эти «своды законов» выставлялись на площадях в виде исписанных столбов, вроде того, какой мы и имеем в данном случае.

А относительно того, почему таких же столбов не осталось, например, в Константинополе, можно сказать, что в христианской Европе после перехода письменности и культа от еврейского языка к греческому и латинскому, остатки прежней еврейской письменности, как уже отмененной не без борьбы, подверглись умышленному уничтожению со стороны новаторов, а потому и сохранились только в отдаленных местах. Здесь поднимается только вопрос: почему их всегда находят погрузившимися в землю, так, что их приходится отрывать?

Никакого ответа на этот неизбежный вопрос исследователи нам не дают. Подумать, что их нарочно зарывали — невозможно; допустить, как в случае Геркуланума и Помпей, что их засыпало пеплом, или как в Сахаре — занесло песком, по-видимому нельзя по условиям Месопотамских местностей. Остается предположить, что всякие тяжелые предметы, давящие на рыхлую земную почву (какую только и можно «раскапывать») постепенно погружаются в нее, благодаря микросейсмическим колебаниям, делающим ее частицы до некоторой степени подвижными. С этой точки зрения было бы очень желательно исследовать скорость погружения в различные роды сыпучей или вязкой почвы специальными опытами над тяжелыми столбами с небольшим основанием, чтоб погружение за несколько лет достигло значительной величины. Тогда можно бы выработать формулу, пригодную и для всех остальных возможных случаев, и вычислить давность постановки того или другого тяжелого сооружения, а вместе с тем и решить: возможно ли, чтоб данный памятник сам ушел так глубоко в землю? А если это невозможно, то кто и зачем его зарывал?

Но возвратимся к нашему предмету.

Мы уже отождествили Амму-Раби с Арием, а последнего из названных в *Первой династии* старо-Вавилонских царей с Аркадием и Гонорием, охватив этим и весь *первый период* Ромейской (Византийской) истории, с которого они явно списаны. А вторая старо-вавилонская династия, начинающаяся с Амму, имя которого странно напоминает латинское *Animus* — дух, и кончающаяся Йягой (имя которого напоминает Йегову) представляет лишь искажение первой. Но в ней, как и в первой династии, 11 царей, и хронологический спектр ее есть схематическое подобие первой лишь с частичными карикатурными искажениями (рис.).

Да и фантастичность ее обнаруживается тем же самым обстоятельством, как и фантастичность первой — невозможно долгим достижением половой зрелости ее автократами. В то время как в первой династии они становились способны производить детей лишь после 25 лет, во второй — можете себе представить, они получали половую зрелость не ранее как после 35 лет своего рождения!

Отсюда ясно, что если первая Старо-вавилонская династия является искажением первого периода Ромейско-Византийских царей, то и вторая есть ни что иное, как его вторичное, еще большее, хотя и не доведенное до неузнаваемости, искажение.

А остальные династии, у представителей которых половая зрелость достигалась, наоборот, слишком рано, представляют лишь постороннюю сюда прицепку. Откуда она взята, мы увидим в следующей главе, а здесь закончим наши соображения о первой династии.

На основании того, что она списана с первой Царьградской, кончающейся восшествием на престол Феодосия Законодателя, законодательство это (хотя оно и сделано от имени Бога-Учителя Амму-Раби) написано не ранее, как во время царствования Феодосия Законодателя (408—450 г.), или даже Юстиниана (518—578 г.), и значит найденный доминиканским монахом Шейлем столб был одним из тех, которые ставились, возможно, в разных местах тогдашней Ромейской империи. Но тогда зачем же его воздвигли не в Кандигаре (называемым Вавилоном), а в таком месте, где никогда не могли жить никакие цари по стратегическим соображениям?

Ведь это очень подозрительно!

Рассмотрим исследуемый нами кодекс и с другой точки зрения. Допустим, что тут нет подлога. В таком случае мы имеем в нем законодательство мессианского времени, а потому нам особенно будут интересны те детали, которые имеют отношение к тогдашнему культу. В самом кодексе есть только четыре статьи об этом:

«178. Если божьей сестре, божьей жене или блуднице¹⁰ даст приданое ее отец и напишет документ, [но] не напишет в написанном документе, что она может дать свое наследство куда хочет, не предоставит ей свободного распоряжения, то по смерти отца, братья ее получают ее поле и сад и должны давать ей, сообразно с размером ее доли, хлеб, масло и шерсть и (этим) продовольствовать ее. Если ее братья не станут давать ей, сообразно с размером ее доли, хлеб, масло, шерсть и (этим) продовольствовать ее, то она может передать свое поле и сад подходящему для нее земледельцу, (чтобы) он содержал ее. Она пользуется садом и всем, данным ей отцом, пока жива, (но) не может ни продавать за деньги, ни отдавать другому в уплату (долга). Ее наследство принадлежит ее братьям.

179. Если божьей сестре, божьей жене или блуднице отец ее даст приданое и напишет в написанном документе, что она может отдать свое наследство, куда хочет, предоставит ей свободное распоряжение, то по смерти отца она может отдать свое наследство куда захочет. Ее братья не могут предъявлять никаких требований.

180. Если отец не даст своей дочери, живущей в одиночестве, божьей жене или блуднице, приданого, то по смерти отца она получает из имущества отцовского дома часть, равную доле отдельного наследника и пользуется ею, пока жива. Ее наследство принадлежит ее братьям.

182. Если отец не даст приданого своей дочери – божьей жене Убитого (Мардука) Врат Господних, не напишет документа, то по смерти отца, при разделе со своими братьями, она получает из имущества отцовского дома треть наследственной доли (и) не должна нести ленной службы (за это); свое наследство жена Мардука может отдать куда захочет».

Отсюда мы видим, что при ромейских храмах того времени были: божьи жены, божьи сестры и церковные блудницы (кадишты, от еврейского кадеш – святой). Последние были, очевидно, чем-то вроде браманских баядерок, т.е. храмовых танцовщиц и певиц, а божьи жены вроде средневековых христианских диаконисс, божьи сестры – что-то вроде монашенок и к этому же разряду, как низшая ступень, прибавляются еще и божьи блудницы, а за ними и отдельно живущие блудницы, чем показывается, что эта профессия тоже считалась благочестивой, чем-то вроде подражания богоматери, родившей ребенка без мужа. А о присутствии здесь христианской троицы мы уже читали в предисловии к этому документу.

¹⁰ Здесь различаются: *zīgum* – обыкновенная проститутка, и проститутка храмовая (*kadištum*, см. статью 181).

Великий бог Свет (Ану – творец мира), царь божьих духов (анунаков) и бог Энлиль вручили Мардуку (Христу), первородному сыну Эа (Иеговы?) господство над всеми людьми и возвеличили его среди ангелов небесных. Они назвали (церковь) Врата Господни его великим именем (т.е. христианскую), сделали ее могущественною среди стран вселенной и основали в ней вечное царство, основы которого прочны, подобно небесам и земле.

Но ведь это же почти христианская идеология. Значит, и слово Вавилон здесь должно понимать не в смысле Месопотамии, а как имя господствовавшей и в тех краях церкви «Врата Господни», о которых говорится в Апокалипсисе. В таком же роде и далее.

«Я – Богоучитель (Амму-Раби) пастырь избранный господом, изливший богатство и изобилие, снабдивший всем Ниппур, создавший небо и землю, славный покровитель дома Господня¹¹, могучий царь, восстановивший Иордан (Эриду), очистивший дома Аписа, покоритель четырех стран вселенной (значит, его царство было действительно крупное, иначе это было бы только смешно), возвеличивший имя (церкви) Врат Господних, возрадовавший сердца Христа (Мардука) своего владыки, все дни ходивший в дом Сагиля, царственный отпрыск, созданный месяцем¹², обогативший Ур, смиренный богомolec, снабжающий изобилием Кишшир-гал, мудрый царь, послушный слуга солнца, сильный, укротивший основания Сиппара, одевший дерном могилу Айи, возвеличивший Баббир подобно небесному жилищу, воитель, помиловавший Лаосу... давший жизнь Эреху (или дому Реха), в изобилии снабжающий водою его жителей, возвысивший дом Анна, изливший богатства на (великого бога) Ану и (его супругу) Иннанну (Венеру)... Полновластный царь царей, брат бога (войны) Замама... сделавший прочными великие святилища Иннанны (Венеры)... Тот, чье желание исполняет Некгал (бог эпидемий), его соучастник... сильный телец, ниспровергающих врагов, любимец Тута (бога мудрости)... Могучий властитель, владеющий по праву скипетром и короною, которыми снабдила его мудрая богиня Мать¹³, доставивший чистые яства для Нинту (для той же Венеры)... Возвеличивший сердце Астарты (той же Венеры)... Непорочный князь, молитву которого принимает Рамман (т.е. Римлянин)... Назначивший чистые жертвы для Эа и Дамгал Нунны (супруги Эа), царь царей, покоривший местности по Евфрату, силою Дагона,

¹¹ Э-Кур, где Э – значит дом, а Кур, по-видимому, от греческого Кюрь – господь.

¹² В тексте Сином.

¹³ В тексте Мама, богиня тождественная с Венерой и богородицей.

(бога Рыбы, символа Христа) своего создателя, вызвавшего сияние на лице супруги бога отца Иннанны, установивший роскошные яства для Ниназу (бога врачевания). Возвративший в город-вождь (Ашур) его милостиво бога хранителя, истребивший (имя стерто)... давший возможность имени Иннанны воссиять в доме Мишмишь».

Сравните сами это многословное предисловие с лаконичностью Кодекса, в котором нет даже ни одной статьи о каре за неверие или за хулу, хотя бы в пьяном виде против кого-либо из перечисленных тут богов или против их служителей, а также против самого царя и его чиновников. Противоположность обоих настолько бросается в глаза, что знаменитый ассириолог Фридрих Делич в своем «Переводе Кодекса Амму-Раби», изданном почему-то только на правах рукописи в ничтожном количестве экземпляров, совсем выпустил и предисловие и послесловие, написанное в том же роде. Действительно, тут какая-то путаница. Одна и та же богиня Венера является в виде нескольких богинь: Иштар (звезда) Мама (богиня-мать), Иннана и Нинту; троица осложнена и все упоминаемые тут города не существуют в Месопотамии. А более всего бросается в глаза с нашей точки зрения путаница царя в собственной своей родословной в самом конце этого хвастливого предисловия:

«Я – высокий, молящийся великим богам, потомок Сумула-Ила (т.е. подобного богу), могучий наследник Синму-Валлита... даровал право и законы на языке страны, создав этим благосостояние народа».

Значит, предисловие это было написано уже после того, как приведенные законы создали благосостояние страны. Но если предисловие и заключение (в котором Аммон-Раввин призывает проклятия всех перечисленных здесь богов на голову того, кто не будет соблюдать его законы) поддельны, так почему же и сам кодекс не мог быть подделан по тем отдельным клинописным законам, которые буквально в том же роде были известны и до открытия этого столба, благодаря глиняным плиткам, откопанным то тут, то там европейскими искателями в Персии во весь XIX век?

Особенно же подозрительно тут то обстоятельство, что – как читатель видит на рисунке – а этом обелиске умышленно выскоблено все место, находившееся под ногами Амму-Раби. Если на нем действительно были написаны, как утверждают, статьи 66–99 этого кодекса, то зачем же было выскабливать только их, а не все, особенно человеку, уже не знающему гвоздеобразного письма?

И вот уже самый факт выскабливания середины наводит на две мысли:

1) что этот действительно старинный столб содержал в выскобленном месте статьи о наказаниях за нарушение привилегий церковников, среди которых упоминалось и о евреях, и о христианах, а может быть и о самих магометанах, так что сразу рушилась вся установившаяся история древней Вавилонии, или

2) что только одно выскобленное место и содержало какую-то первоначальную надпись, сделанную. Может быть просто по-еврейски или по-арабски, и совсем не интересного содержания. А тот, кто первоначально имел у себя эти произведения, и зарыв его потом в землю, указал, где нужно копать, сам же и разрушил ту первоначальную надпись, а по обоим сторонам выскобленного им места составил этот кодекс с предисловием и послесловием по образцам уже ранее известных клинописных отрывков.

Тогда становится понятным и то, что клинопись сделана вертикальными строками, а не горизонтальными, как вообще бывает в клинописях. При горизонтальных строках каждую из них пришлось бы прерывать посередине, а при вертикальных тут и оказался только перерыв в несколько десятков статей, как и мы имеем в данном случае. Во всяком случае, разрушенное место и характер почерка этой колонны требуют новых беспристрастных проверочных исследований.

Глава XI

АРАМЕЙСКИЕ (Т.Е. ДРЕВНЕ-СИРИЙСКИЕ) ДОКУМЕНТЫ ОДНОЙ АРИАНСКОЙ КОЛОНИИ, НАЙДЕННЫЕ НА ОСТРОВЕ ГЕЗИРЕТ АССУАН, СЧИТАЮЩИЕСЯ ЗА ДРЕВНЮЮ ЭЛЕФАНТИНУ

Документы эти как найденные в Египте с первого взгляда относятся к истории передней Азии, которою занимаемся мы здесь, но это только по внешности. Их неизбежно приходится разобрать теперь же потому, что их считают написанными во время древне-персидской власти над Египтом и многие из них даже датированы годами царствования Дария.

Начнем немного издалека.

Можно сказать априорно, что почти все археологи, искавшие древних остатков не у себя на родине, а за тридевять земель в тридесятom царстве, были по самой своей природе большие фантазеры, наделявшие отдаленные страны всякими чудесами, а потому они легко попались на удочку тамошним схоластам еще во время своего пребывания в их главном городе.

Уже и там видели все сразу удобный способ поживиться насчет временно приехавшего к ним чужеземца, не жалевшего денег, для этого стоило только сбывать ему под видом древности всякое залежавшееся у них старье. Стоило только унести какие-либо дедовские изваяния в заранее намеченное иностранцем место и зарыть их там, прибавив к предметам соответствующие рисунки и даже надписи, если эти схоласты (большею частью местные богословы) получили в XIX веке филологическое образование в европейских учреждениях.

Ведь и неделикатно было отпустить с пустыми руками посетившего их редкого и отдаленного гостя. Да и самому гостю, исходатайствовавшему значительную правительственную субсидию на такую далекую поездку, невозможно было возвратиться после нескольких лет отсутствия и многих трудов и издержек ни с чем. Тут интересы обеих сторон вполне сходились и вырыв какой-нибудь подброшенный обломок, вроде каменного столба с грубым изображением в местном стиле недавнего времени приняв его, например, в Персии, за Дария, поставить клинописью, для устранения сомнений и подпись: Я Дарий сын Истаспы, повелел поставить этот столб... И в таком поясненном виде привезти его домой.

И это не простое мое размышление. Поддельные астрономические таблетки, разобранные мною выше, достаточно показывают, что даже очень хитрые подделки находок на востоке действительный факт.

Вот почему всегда очень важно установить, при каких условиях был найден тот или другой памятник древности.

В общем, эти условия почти всегда одни и те же: почти о всех древних сенсационных документах можно сказать, что они как и все клады, вырыты из земли. А зачем же или почему попали они под землю и при каких условиях лежали они там нередко несколько тысяч лет?

Об этом в некоторых случаях мы можем дать ясный и точный ответ: в могилах и курганах они зарыты людьми во время погребения, в Геркулануме и Помпее они засыпаны пеплом Везувия при извержении, причем оказывается, что даже и тут почти все ценное, вплоть до мебели, было унесено беглецами, а значительная часть найденных монет могут быть и подложны, чтобы оправдать издержки раскопок перед правительством. Но вот, например, знаменитая «библиотека Ашур-Бани-Пала», относимая к 668, 626 годам до начала нашей эры, т.е. ко времени библейского царя Иосии (-641, -610) и пророка Иеремии... По нашим сопоставлениям¹ Иосия этот есть только еврейская вариация ромейского царя Гераклия (-610, -641), при котором Египет, Сирия и Месопотамия отошли к агарянтству. Значит, это могла бы быть библиотека калифа Омара, если б он жил в тех странах, чего не было. Но и это пока нам не важно, а важно лишь понять, почему же и кем она, подобно Геркулануму и Помпее была погребена? Может быть она была засыпана песком? Но в таком случае следовало бы предъявить и образчики покрывавшего ее песка, а также указать по соседству и песчаное поле, с которого он был снесен и объяснить почему этот песок не был перенесен затем ветром и с самой библиотеки на другое место?

Пока это не указано, такие погружения под землю целых куч глиняных плиток, находившихся вначале на земной поверхности и по своему удельному весу не плотнее той почвы, представляются чем-то чудесным. Кроме того, почему же библиотека, очевидно, собранная не без труда, была брошена? Пока не получено ответа, хотя бы только на первый из этих вопросов, дело о библиотеке Ашур-Бани-Пала остается невыясненным.

А вот второй случай: находка на острове Элефантина² среди Нила целой кучи еврейских папирусов, одно название которых А-Рамейс-

¹ См. диаграммы в первой книге «Христа».

² Отмечу, что имя Элефантина едва ли происходит от слонов-элефантов, никогда не водившихся на этом острове, а скорее от греческого ἑλιοψαῶ (элио-файно), т.е. остров явления бога (элиоса-Илии).

кие (где А есть обычное произношение определенного члена еврейского прилагательного имени) показывает на Ромейский период происхождения. Беру историю их нахождения прямо по И.М. Волкову³:

«У 24 градуса северной широты, в нескольких верстах от первого нильского порога вниз по течению реки, на южном конце острова Элефантины (по-египетски Иеб), расположенного против нынешнего города Ассуана (по-гречески Сиена), на правом берегу Нила, лежат развалины одноименного с островом древне-египетского города. Уже около пятнадцати лет тому назад в торговом обращении стали появляться клочки папирусов и черепки глиняной посуды с арамейскими надписями, найденные в грудях мусора в разных частях древней Элефантины местными жителями. Во время своей поездки в Египет в 1898–1899 годах профессора Рейценштейн и Шпиегельберг приобрели для Страсбургского университета отрывки одного очень важного в научном отношении папируса, изданного в 1903 году Эйтингом. В следующем 1904 году англичанами Монлом и Сесилем было приобретено девять превосходно сохранившихся папирусов, изданных через два года Сэйсом и Коулеем. Еще один папирус приобретен был позднее для «Бодлейяны».

Все десять папирусов относятся ко времени от минус 471 по минус 410 год и принадлежат таким образом, по прежней хронологии эпохе персидских царей от Ксеркса I до Дария II, а касаются они все брачных и имущественных отношений раввинских поселенцев Элефантины и Ассуана. Случайные находки вне-библейских памятников из такого сравнительно темного для науки периода, как время от Эдры и Неемии естественно пробудили ученый мир к систематическим поискам подобных памятников на месте прежних находок. В течение 1906–1908 годов Дирекция Берлинских музеев отправляет на Элефантину, одну за другою, три ученых экспедиции для раскопок на месте древнего города. Во время второй экспедиции (с 10 декабря 1906 года по 22 февраля 1907 года) во главе которой, как и во главе первой, стояли д-р О. Рубензон и д-р Ф. Цуккер, пользовавшиеся содействием архитектора В. Гонрота, участники докопались в одном из холмов в западной части Элефантины до остатков жилища, состоящего из трех комнат. В первой, расположенной на запад у восточной стены оказалась масса сваленных в кучу папирусов, большею частью распавшихся от сырости на множество мелких клочков. В юго-восточном углу следующей комнаты было найдено много глиняных черепков с арамейски-

³ И.М. Волков. Арамейские документы Иудейской колонии на Элефантине. 1913.

ми и финикийскими надписями; несколько таких черепков найдено и в третьей, восточной комнате. Производя раскопки недалеко от места этой находки, участники экспедиции натолкнулись в остатках двух других жилищ на еще большее количество арамейских папирусов, лежавших совсем неглубоко под поверхностью. В итоге раскопок оказалось свыше 70 папирусов и масса черепков⁴.

По характеру своего содержания новооткрытые документы распадаются на три группы: к одной относятся официальные взаимные отношения представителей раввинской колонии на Элефантине и различных органов персидского правительства, а также сношения этой колонии с палестинскою общиною; содержанием другой служат разнообразные частности повседневной жизни членов колонии, а в третью группу входит «Повесть о мудром Ахикаре».

Я обращаю здесь внимание на обстоятельства находки. Пусть погружение всего этого под землю объясняется ежегодными разливами Нила, нанесшими сюда ил. Но почему мелкие клочки папирусов не унесены были с первого же начала быстрым течением разливавшегося ежегодно Нила раньше, чем он закрыл их илом? И даже, допустив, что Нил, уносящий при разливах целые деревья, не может уносить стеблей папирусов, почему все они оказались сваленными в кучу не у северной, а у восточной стены комнаты, когда Нил течет к северу? Почему «много глиняных черепков с арамейскими и финикийскими надписями» оказались не разбросанными как попало, а сваленными в кучу в юго-восточном углу соседней комнаты того же дома? Зачем было хранить этот сор в углу комнаты, когда следовало просто выбрасывать вон из дому по мере того, как горшки лопались?

Ведь тут же два явные указания на то, что все это было заготовлено кем-то нарочно для экспедиции и завалено той же землею во время ночного перерыва работ. А после «в остатках двух жилищ по соседству» нашли еще большее количество арамейских папирусов, лежавших кучей «совсем не глубоко под поверхностью». Но ведь это значит, что и под ними был ил, и что они кем-то и зачем-то свалены сюда. Когда комнаты были уже чем на половину занесены илом.

Понятно, что такие обстоятельства нахождения прямо указывают на то, что вторая ученая экспедиция, посланная в Египет Дирекцией Берлинских музеев в 1906–1907 годах с докторами О. Рубензоном и

⁴ Honroth W. Rubenson, O; Zucker, F. Bericht über der Ausgrabungen auf Elephantine in der Jahren 1906–1908. (Zeitschrift für Ägyptische Sprache und Altertumskunde. B. 46. 1909.

доктором Ф. Цуккером во главе, при содействии местного архитектора В. Гонрота, специально снабжалась кем-то несколько раз черепками с арамейскими надписями и папирусами, привезенными сюда специально из каких-то иных мест.

Но несомненно и черепки и папирусы эти были не свежеизготовленные, а старинные, хотя надписи на них (особенно на черепках) могут быть и подделанными в тех местах, где они дают довольно неуместную датировку египетских событий по отдаленным от Египта «персидским языческим царям» — Ксерксу и Дарию, жившим где-то за Евфратом. Вот почему мы и рассмотрим их сначала по существу, а не по датировке.

Возьмем, например, (рис. со стр. 79) один из глиняных сосудов, в котором найдено несколько мейских документов, не сваленных, как остальные, в кучу. Ведь если эти документы так бережно хранили в кувшине, то почему же не были они вынесены хозяином вместе с кувшином ранее того, как остров был оставлен жителями, переселяющимися с него постепенно на берег, где живут их потомки и теперь. Да и кто же хранит документы в кувшинах для воды и масла?

Посмотрим и на содержание этой письменности. Самым интересным ее памятником является папирус со сказкой «о мудром Ахикаре». Это один из наиболее популярных рассказов, но только не глубокой древности, а позднейшего средневековья. Он сохранился в значительном числе версий, принадлежащих уже новому времени, между прочим, в сирийской, арабской, армянской, эфиопской, греческой и даже славянской. В деталях рассказа эти версии значительно отличаются одна от другой, но ход действия и форма повествования от лица самого героя, за единственным исключением арабской версии, общи всем. Сущность их сводится по И.М. Возкову к следующему:

«При царе Сина-Херибе, а потом при его сыне и преемнике Асар-Гадоне должность первого министра занимает мудрый Ахикар, оказывающий государству много ценных услуг. Осыпанный почестями и богатством, он, однако, чувствует себя очень несчастным вследствие бедности и просит небо о даровании ему детей. В ответ на свою просьбу Ахикар получает от неба совет усыновить своего племянника Надана. Ахикар следует совету, усыновляет Надана и дает ему лучшее по тому времени воспитание, лично преподавая ему в кратких нравоучительных изречениях и притчах уроки нравственности и внешнего хорошего поведения. Состарившись, Ахикар просит царя Асар-Гадона отпустить его на покой и рекомендует на свою должность Надана. Царь исполняет его просьбу и Надан назначается первым министром. Но он

не оправдывает доверия своего дяди и когда тот делает ему внушение, клеветает на него пред царем, представляя своего дядю изменником. Асар-Гадон приказывает одному из высших чиновников умертвить Ахикара, но чиновник не решается убить его, так как он некогда сам спасся от смерти исключительно благодаря Ахикару, и потому скрывает его в темном подвальном помещении, а вместо него убивают одного из рабов.

Вскоре, после мнимой смерти Ахикара, случилось, что египетский царь обратился к Асар-Гадону с предложением решить ему очень трудную задачу построить замок в воздухе, ставя условием трехлетнюю уплату дани Асар-Гадону в случае решения задачи и наоборот — уплату ее Асар-Гадоню фараону, если задача не будет решена. Оказавшись не в состоянии, несмотря на все усилия, ничего сделать, Асар-Гадон и его приближенные горестно вспомнили о мудром Ахикаре, который, по общему убеждению, наверное вывел бы их из затруднения. И вот, чиновник, которому было поручено умертвить Ахикара, сознается, что он не исполнил царского приказания.

Приказывают привести Ахикара, который тотчас же и решает задачу. В благодарность за услугу царь выдает ему его племянника Нада-на. Ахикар заковывает племянника в цепи и бросает в темное помещение пред своим домом, где тот ежедневно получает кусок хлеба и немного воды. И всякий раз, когда Ахикар выходя из своего дома или входя в него, проходил мимо своего племянника, он читал ему наставление, облеченное большею частью в форму притчи из животного или растительного мира. Эти нотации, читаемые изо дня в день действуют на Нада-на до такой степени убийственно, что он умирает»⁵.

Арамейский экземпляр рассказа, отрывки которого сохранились в новооткрытых папирусах, представляет собою и внушает нам историко-древнейшую версию этого произведения.

Структура рассказа, как мы видим, довольно оригинальна. В нем, как и в сказках Шехерезады, несколько независимых друг от друга нравоучительных басен соединены друг с другом лишь той связью, что их день за днем рассказывает один и тот же человек своему провинившемуся приемному сыну, сидящему в яме.

Является теперь вопрос: каким же образом этот рассказ, так распространенный на многих языках от Сирии до Московской Руси смыкается с его вариантами в позднее средневековье у греков, русских, римлян и других народов? Ведь явно, что эти варианты еще существова-

⁵ И.М. Волков. С. 65.

ли по крайней мере через 1800 лет позднее почти в том же виде, а это возможно только в том случае, конечно, если и находку в Элефантине мы отнесем к средневековью. Значит, если эти документы не подделка, то они могут быть написаны ранее чем в средние века.

На то же указывает содержание и других документов. Известно, например, что евреи, вплоть до евангельских времен, признавали только один храм в «Иерусалиме» и попрекали Иисуса за то, что он сказал им будто богу Громовержцу можно поклоняться везде. А с нашей точки зрения, относящей столбование основателя христианского богослужения (будет ли он царь Илиан-Философ или просто «Великий Царь») к 368 году нашей эры, никакого «иудейского храма» нигде не было, кроме «храма Соломонова в Иерусалиме». А что же мы видим в документе?

Вот документ найденный там даже в двух почти дословно тождественных экземплярах⁶.

«Господину нашему Багою⁷, наместнику Иудеи твои слуги Иедонил и его сотоварищи, священники в крепости Элефантине.

Да благословит нашего господина небесный бог обильно во всякое время, да даст тебе пред царем Дарием и сыновьями (царского) дома милость еще в тысячу раз большую, чем теперь, и да дарует тебе долготлетие. Всегда будь радостен и здоров.

Теперь, так говорят Иедония, твой слуга и его сотоварищ.

В месяце Таммузе 14 года царя Дария, когда Аршам отправился к царю, жрецы бога Хнума⁸ в крепости Элефантине составили следующий заговор с Ваидрангом, который был здесь комендантом.

Храм бога Ягу (т.е. Иеговы), что в крепости Элефантине, следует удалить отсюда».

Тогда этот проклятый Ваидранг послал следующее письмо своему сыну Нефании, военачальнику в крепости Сиене:

«Храм в крепости Элефантине следует разрушить».

⁶ Ed. Sachau. Drei aramäische Papyrus Kunder aus Elephantine (Abhandlungen der Königl. Preussischen Academie der Wissenschaften. 1907).

⁷ После пленные «еврейско-вавилонские» названия месяцев года: тишри, мархе, шван, кисле, тебет, адар, нисан, ийар, сиван, таммуз, аб и элул. А Багой считается персидским наместником Иудеи при Дарии II, а может быть и при его преемнике Артаксерксе II (-404, -358 гг. до Р.Х.), как утверждает апокрифист Иосиф Флавий в своих Еврейских древностях (XI, 7, 1), по-видимому из него он попал и в «находку».

⁸ Хнум, египетский Хнму, греческий Χουοβίς – бараноголовый египетский бог, плодородия, владыка первого нильского водопада, главным местом культа которого была Элефантина. – *Прим. И.М. Волкова.*

Тогда Нефания привел египтян и других солдат. Они пришли в крепость Элефантину со своим оружием, вошли в тот храм, разорили его до основания и разбили каменные колонны, находившиеся там; разбили также пять каменных врат из тесанного камня, находившихся в этом храме, а деревянные двери их, медные крюки этих дверей, крышу из кедрового дерева, — все это вместе с прочим украшением и (все) остальное, находившееся там, сожгли, жертвенные же чаши из золота и серебра и все (прочее), находившееся в том храме, взяли и присвоили себе».

Таково письмо.

Но ведь это же все описывается, читатель, при разрушении единого у «иудеев» Иерусалимского храма Соломонова, а как же он попал в Египет?

«Наши отцы — продолжает далее автор, — построили этот храм в крепости Элефантине еще в дни Миц-Римских царей, и когда Камбиз⁹ пришел в Египет он нашел его уже выстроенным, хотя в то время все храмы египетских богов были разорены, однако нашему храму никем не было причинено никакого вреда».

«С того времени, как с нами поступили таким образом, мы с женами и детьми носим траурные одежды, постимся и молимся небесному богу Ягу (Иегове), пославшему нам такую весть об этом псе Ваидранге:

“С его ног сорвали цепи¹⁰, все сокровища, приобретенные им, погибли, и все люди, пытавшиеся причинить зло тому храму, умерщвлены”.

И мы порадовались их гибели.

Еще и раньше, чем в то время, когда нам было причинено такое зло, мы писали нашему господину¹¹ и первосвященнику Иегоханану, и его сотоварищам, священникам в Иерусалиме (значит, храмы Иегове уже тогда были и в Иерусалиме и в Элефантине!), из них Остану брату Анании и знатным иудеям; но они не прислали нам письма.

С месяца же Таммуза 14 года царя Дария до нынешнего дня мы носим траурные одежды и постимся, жены же наши стали подобны вдовам, мы не мажемся маслом и не пьем вина; и с того времени до сего дня 17 года царя Дария (т.е. в продолжении 3 лет) в этот храм не приносится ни жертва курения, ни жертва всесожжения.

Теперь, так говорят твои слуги, Иедония и его сотоварищи и все иудеи-жители Элефантины: если нашему господину будет благоугод-

⁹ Камбиз — персидский царь (529–522), будто покоривший Египет в 525 году до начала эры.

¹⁰ Неясно, разумеется ли здесь должностная цепь, снятая с лишнего должного Ваидранга, или же речь идет о снятии с него кандалов перед казнью.

¹¹ Т.е. самому Богу.

но, пусть он позаботится о том, чтобы наш храм был выстроен снова, так как нам не позволяют отстроить его вновь. Воззри на получающих твои доброты и милости, пошли нам письмо относительно того храма бога Ягу (Иеговы), а (именно), чтобы он был снова выстроен в крепости Элефантины в том виде, как он был построен прежде. И хлебные жертвы, жертвы курения и жертвы всесожжения пусть будут приносимы на алтаре бога Ягу (Иеговы) от твоего имени, и (мы, жены, дети и все иудеи, живущие здесь) будем постоянно молиться за тебя. Если произойдет так, что этот храм будет наконец выстроен, то у тебя будет больше заслуги пред Иеговою (Ягу) небесным богом, чем у того, кто принес бы ему жертву воссожжения и кровавую жертву стоимостью в тысячу талантов серебра.

Относительно же золота мы послали известие и уведомили.

О всем (этом) деле мы сообщили также в письме от своего имени Делаии и Големии, сыновьям Синмабуллита, наместника Самарии.

Аршам же не узнает ничего о том, что нам причинено».

«20 мархешвана 17 года царя Дария».

И это эретическое письмо во избежание всяких недоразумений найдено даже в двух экземплярах. Зачем их нужно было двоить?

А вот и ответ Багоя.

«Памятная запись того, что ответили мне Багой и Делаия, памятная запись следующего содержания:

“Скажи в Египте пред Аршамом относительно жертвенного дома небесного бога, построенного некогда. (еще) до Камбиза, в крепости Элефантине, (но) разрушенного тем проклятым Ваидрангом в 14 году царя Дария (именно), чтобы он был выстроен (вновь) в том виде, как существовал раньше и чтобы на этом алтаре были приносимы жертвы хлебные и жертвы курения, как это делалось прежде”».

И это же подтверждается в отрывке папируса, приведенного у Sachau под №5:

«Твои слуги: 1) по имени Иедония, сын Гемарии, 2) по имени Маузи, сын НатанаЮ 3) по имени Шемаия, сын Аггея, 4) по имени Осия, сын Ялома, 5) по имени Осия, сын Натана, – всего пять человек из Сиены, имеющих собственность (?) в крепости Элефантине, говорят следующее:

«Если наш господин... и храм бога Иеговы (Ягу)... в крепости Элефантине (в том виде), как он был построен раньше, Овцы, тельцы и козы не будут приносимы там в жертву, но только жертвы курения и хлебные... и наш господин известит... мы доставим в дом нашего господина тысячу артаб ячменя...»

И так сомнения нет: храм единому богу был в Элефантине и был разрушен и вторично построен храм иерусалимский.

А как же даже и в евангелиях, относимых к I веку нашей эры говорится, что иудеи не имели права ходить в какой-либо другой храм, кроме Иерусалимского и не имели другого.

Ведь по этим документам выходит, что Иерусалим был не в Палестине, а в Египте?

Тут есть отчето прийти в столбняк, смотря на дело с точки зрения старой хронологии. По этой хронологии нам внушают, что Дарий I (-550, -522, -485) сын Гистаспа, царствовал 37 лет между -522 и -485 годами и умер на 65 году своей жизни. Он, – говорят нам, – построил канал между Нилом и Красным морем, разделил свое царство на сатрапии, завоевал «Врата Господни» (Вавилон на еврейском жаргоне), совершил поход на скифов (не иначе как из Царь-града!), распространил свое господство до Индии, но в войне с греками был окончательно разбит Мильтиадом при Марафоне, что по многим соображениям переносит его чуть не в эпоху крестовых походов. Его прозвище Дарий по-гречески Дарейос (Δαρείος) по-видимому просто славянизированное греческое слово Дорейос (Δωρείος) – Дарованный или Дарящий, еврейское Надав. Дарий II, сын Артаксеркса-Длиннорукого, прозванный Задом, царствовал 19 и 20 лет будто бы от 424 по 405 годы, при соправительстве Тиссаферна и сына Кира II, но не был особенно запечатлен и, наконец, Дарий III – Кодоман – царствовал лишь шесть лет (-336, -330), так как был разбит Александром Великим и убит во время бегства своим сатрапом Бессом.

О котором же из этих трех Дариев говорится в Элефантинских письмах?

Мы видим, что по старой хронологии – ни о каком, так как в их время единым храмом Иеговы признавался только храм Миротворца Соломонова а Иерусалиме, и без этого храма «иудеи» остались как без бога и только «плакали».

Отсюда ясно, что и Дариями здесь называются какие-то властелины того времени, когда евреи получили себе право строить храмы где угодно под греческим названием синагог. Значит «Дарии» жили уже в средние века!!!

Но возвратимся снова к папирусам.

Допустив, что сюда был снесен архив какого-то египетского нотариуса, мы находим в нем, например, документы, помеченные царствованием Ксеркса. Вот отрывок одного.

«28 паофи 2 года Ксеркса Осин сын Ходуйи и Ахиаб, сын Гемарии, заявили сыну Ханани, плотника, следующее:

“Ты дал чрез наше посредничество восемь артаб ячменя и одиннадцать артаб чечевицы (для?) сотни Бетелкма...”

Мы должны тебе сумму в сто кереш и ты имеешь право на наше жалование из царского дома (и) можешь получить (его), пока не будешь удовлетворен за хлеб”.

Написал это Осия под диктовку Ахиаба.

Свидетели: (следует подпись самих свидетелей)».

Что же мы тут видим? Нотариальный контракт поставщиком? Несомненно так, потому что таких в куче было несколько. Вот, например, еще помеченный 21 годом какой-то эры, когда Арта-Ксеркс (по-еврейски Арта-Хишет) вступил на престол. Допуская, что 21 год считался, как в средневековом Египте, по эре Диоклетиана (с 284 года), мы приходим к 305 году, когда стал единоначален Констанций Хлор. Но это не он, а его соправитель Константин или Арий, так как Хлор умер через год, а тут мы имеем документы от 1 до 23 года, т.е. до 331 года.

«18 кислева, или (17) тот 21 года в начале царствования, когда царь Арта-Хшист (т.е. верно, Помазанник) вступил на свой престол, Дергман сын Харшина, хоразмиец, имевший место своего пребывания в крепости Элефантине, из отряда Артабана, заявил Максии, сыну Иедонии, иудею из крепости Элефантины, из отряда Варезата, следующее:

“Ты, твоя жена и твой сын – всего трое обязаны были поклясться пред богом Иеговою в крепости Элефантине относительно принадлежащего мне земельного участка, из-за которого я возбудил проотив тебя судебное дело пред Дамедатом и его сотоварищами судьями. Они возложили на тебя клятву по отношению ко мне, заставив тебя поклясться пред Иеговою насчет того земельного участка таким образом: «этот участок принадлежит не Даргману, а мне». Теперь, вот границы этого земельного участка, из-за которого ты должен был принести мне присягу: дом Даргмана на восток него, дом Кониин, сына Садока, иудея из отряда Атрупдна, на запад от него, дом Иевании, сына Урии, иудея из отряда Баревата, на север от него, дом Эспемета сына Нептунита, водопадного лодочника, на юг от него. Ты должен был поклясться мне пред Иеговою, и я удовлетворен относительно этого земельного участка. Ни я, ни мой потомок, ни мой родственник или посторонний не может жаловаться из-за этого земельного участка ни на тебя, ни на твоих брата или сестру, ни на родственника или постороннего.

Если на тебя будут жаловаться от моего имени по поводу этого земельного участка, то я должен буду уплатить тебе сумму в двадцать один кереш, говори – двадцать, по царскому весу, (считая) две четверти на десять, а этот земельный участок, несмотря на то, будет принадлежать тебе, и ты будешь огражден от всякого судебного дела, какое захотели бы поднять против тебя из-за этого земельного участка”.

Этот документ написал Ито, сын Аба, в крепости Элефантина, под диктовку Даргмана.

Свидетели: (следует подпись шести свидетелей)».

А на обратной стороне:

«Отступной документ, выданный Даргманом, сыном Харшина Максии».

А вот и другой документ:

«14 аба, или 12 пахонса 25 года царя Арта-Ксеркса (т.е. по нашим сопоставлениям в 330 году нашей эры), Пий (сомнительное произношение), архитектор (?) в крепости Элефантине, заявил Ирбтахии, дочери Агамея Максии, сына Медонии из Сиены из отряда Варевата, следующее:

«Что касается тяжбы, ведомой нами в Сиене, то отказался (?) от денег, продуктов, предметов одеяния, меди и железа, от всяких драгоценностей и дохода. На тебя тогда была положена клятва и ты поклялась мне относительно тех драгоценностей пред богинею Сати.

Я удовлетворен этой клятвою, принесенною мне тобою из-за тех драгоценностей и прекратил (притязания) на них. Впредь я не вправе жаловаться на тебя и заводить тяжбу ни против тебя, ни против твоих сына или дочери из-за тех драгоценностей, относительно которых ты поклялась мне. Если я пожалуюсь на тебя и заведу тяжбу, или пожалуются на тебя мои сын или дочь относительно этой твоей клятвы, то я, или мои потомки уплачиваем Мибтахии сумму в пять кереш по царскому весу и впредь не должно будет заводить тяжбу; я отказываюсь от всякой жалобы и тяжбы».

Этот документ написал Птеи (неизвестно как произносить) сын Небона-тана, в крепости Сиена под диктовку Пия, сына Пхи.

Свидетели в том: (следует подпись четырех свидетелей).

А на обратной стороне: «Отступной документ, выданный Пиём Мибтахию».

А вот и последний во всей коллекции документ, помеченный 5 годом царя Амиртея.

«21 (22?) фаменота 5 года царя Амиртея (Эмир Теос?) потомок-наместник бога(?) Менахем, сын Шалл ума (?) арамей из крепости Элефантина, из отряда Небокудури, заявил Селуа, дочери С... следующее:

“Должен тебе сумму в два сикля, или сумму в один статер, из общей суммы в деньгах и драгоценностях, стоящей в твоём брачном договоре. Я Менахем, отдам и вполне уплачу ее тебе до 30 фармути 5 года царя Амиртея... я отдам тебе эту сумму в два сикля или в один статер”».

Около двадцати таких документов откопаны в Элефантине, и все они в том же роде. По обычной хронологии они занимают период от –

483 по —400 год, т.е. период в 82 года, что превышает жизнь одного нотариуса, а 20 документов в его архиве для такого промежутка слишком мало. Приходится следовательно, заключить, тут был кем-то посторонним свален какой-то государственный нотариальный архив. Но почему же в нем хранились в одной куче папирусные документы о долгах уже давно умерших частных лиц, т.е. ни на что не годные документы?

При прежней датировке такое состояние нотариального дела в Элефантине совершенно недопустимо с эволюционной точки зрения. Предлагаемая мною новая хронология делает это более возможным. Но все же остается нерешенный вопрос: кем, когда и зачем были снесены эти разрозненные документы в уже заброшенные и заливавшиеся нильскими наводнениями комнаты и свалены в кучу у восточной стены?

А если они не подложны, то максимальная их дата по древности никак не ранее начала византийского господства в Египте и во всяком случае позже IV века нашей эры. Ведь даже в евангельские времена у иудеев был только один храм в «Иерусалиме», а не в Элефантине... Так кто же эти Дарии и Ксерксы, упоминаемые тут?

Об этом мы узнаем в следующих главах.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава I

СЛЕДЫ БИБЛЕЙСКОГО АРИАНСТВА В МЕСОПОТАМИИ ДО ПЕРЕХОДА ЕЕ К МАГОМЕТАНСТВУ. ВОЛШЕБНАЯ СКАЗКА О ВЕЛИКОМ ВАВИЛОНЕ

Искание общих законов в хаосе почти бесчисленных отдельных явлений кажущихся по внешности случайными должно быть основной целью не только естествоиспытателя, но и историка государственной и общественной жизни человечества, его умственной и материальной культуры.

Пока они не найдены (повторяю снова общую идею этого моего исследования) история не будет наукой, а только сырым материалом для неё.

Но каким же путем отыскиваются на практике общие законы? Ответ на это дает история всех важнейших открытий естествознания. Возьмем самый простейший случай - открытие периодичности в свойствах химических элементов¹.

Еще и до Менделеева не раз отмечалось большое сходство некоторых химических элементов друг с другом; и ранее его ясно видели, что при распределении всех химически-элементарных тел в непрерывный ряд, по мере возрастания их паевого веса, многие из них повторяют свойства прежних, как тоны do, re, mi, fa, sol, la, si в музыкальной гамме. Лишь всех сбивало одно обстоятельство. При том числе химически элементарных тел, которое имелось в то время в этой основной периодичности, наблюдались многочисленные перебои. Во всех без исключения (октавах) химической гаммы или не доставало какого либо тона, или неожиданно появлялся совсем не подходящий, как в сильно расстроившемся пианино, в котором притом же выпало несколько струн. Все прежние исследователи, хотя и отмечали намеки на периодический закон, но останавливались в недоумении перед его многими перерывами и некоторыми искажениями и не решались из-за них провозгласить правило.

Менделеев первый сказал:

«В последовательном ряду элементарных химических тел, повторяемость свойств вырисовывается на большинстве. Значит это общий закон. Значит перерывы надо объяснить тем, что на эти места должны попасть

¹ См. об этом мою книгу «Менделеев и значение его в периодической системе для химии будущего».

еще не открытые химией элементарные тела, и вместо того, чтобы возражать, на основании пустот против общего закона периодичности, надо искать еще неведомых нам элементов, в полной уверенности, что рано или поздно их найдем. А вместо того, чтобы возражать против закона периодичности присутствия неподходящих по своим свойствам для данного атомного веса металлов или металлоидов, надо считать их веса определенными неправильно, и повторить определения».

И что же вышло? Почти все специалисты объявили периодический закон Менделеева поспешным обобщением, которому противоречат многочисленные факты. А потом, когда указанные Менделеевым перерывы стали действительно заполняться открываемыми тут и там и неизвестными до тех пор металлами и металлоидами с указанными для них по закону периодичности свойствами, а при проверке атомного веса не подходящих для своих мест химических элементов оказалось, что и место их было определено не правильно, — периодический закон стал основным законом современной нам химии.

В совершенно таком же положении, в каком была химия до Менделеева, находится в настоящее время и история человечества и его отдельных народностей. Многочисленные, хорошо хронологированные и достоверно описанные факты показывают нам, что история государственной общественной умственной и материальной жизни человечества подчиняется общему эволюционному закону, такому же, который проявляется и в развитии всего органического мира, который в общем ведет всегда к усовершенствованию и осложнению, а не наоборот. Отдельные колебания взад и вперед, т.е. периоды реакций и революций в истории человечества — это то же, что змеевидные зигзаги текущей реки. Они происходят от того, что вода реки, раз устремившись благодаря условиям почвы на один берег и подмыв его, вслед за тем должна непременно отброситься по инерции к противоположному берегу и сделать с ним несколько ниже по течению то же самое. Из этой новой выемки вода по инерции должна опять отброситься к прежнему берегу и повторить эти тезисы и антитезисы до тех пор, пока река не дойдет до своего устья. Благодаря условиям почвы здесь могут быть и замедленные течения воды, когда расширилось русло и ускоренные, когда берега сузились и даже водопады. Но основной, движущей всю массу воды закон остается тот же самый: постепенное приближение реки к центру земного шара и увеличение потенциальной энергии во всей массе ее текущей воды.

То же самое и в исторической жизни человечества. Основной управляющий ею закон - закон эволюционный с переходами от тезисов к антитезисам. В нем могут быть и ускорения и замедления и даже нечто анало-

гичное водопадам, но эти колебания лишь осложняют внешние проявления основного эволюционного закона и никогда не нарушают его. Отсюда ясно, что всякое историческое сообщение, которое соответствует этому основному закону, мы должны считать правдоподобным и внести, как такое в нашу историческую науку, а все, что ему противоречит, мы должны так же решительно отвергнуть или пересоставить на подходящее хронологическое место, как сделал Менделеев с неправильно определенными по атомному весу элементарными телами химии.

Все это я и попытался сделать в настоящем своем исследовании, чтобы из хаоса событий, кажущихся чисто случайными, вывести очертания общего эволюционного закона. Изучая эволюцию литературы, я отмечал в ней такие художественно обработанные больше книги, как например, Фукидидова история войны за гегемонию. Видя, что она совершенно не подходит к низкому уровню литературного творчества, каким оно должно быть по общим эволюционным законам за 400 лет до начала нашей эры, когда в Европе жили еще пещерные люди, а о печатном станке не было и помина, я прямо и решительно сказал себе: тут ошибочно определено время. Эта книга и по идеям, и по языку, не может быть написана ранее второго или третьего века после изобретения печатного станка.

Таким же образом я поступал и со всей классической литературой, - как латинской, так и греческой и везде выходила дилемма: или признать правильными существование древней высококультурной Эллады и древнего высококультурного Рима, а с ними и Финикии и царств израильского и иудейского на берегах Мертвого моря, отвергнув этим всякий эволюционный закон в развитии человеческой деятельности; или признав его, отвергнуть существование всех древних высоких культур. И моя астрономическая проверка хронологии во всех тех случаях, где она возможна, подтвердила эволюционный закон, обнаружив апокрифичность противоречащих ему манускриптов.

Теперь мы приступили к Истории азиатских культур и опять становимся перед той же дилеммой. Если эти культуры действительно существовали в то время, к которому их отнесли, то это было непосредственное вмешательство божия промысла в Человеческие дела, делающее события человеческой жизни совершенно супранатуральными, а потому не подлежащими изучению с точки зрения общих законов природы: или же все это — миф, а потому тут остается только выяснить время и естественные причины происхождения такого мифа.

Будучи в основе естествоиспытателем, я продолжаю разработку и этого предмета исключительно с естественно-научной диалектически-эволюционной точки зрения.

Что такое Вавилон? В переводе это значит: Врата Господни², а в Апокалипсисе конца IV века они называются Великой Крепостью. Были ли когда-нибудь на земле такие «врата», была ли когда-нибудь на земле Великая Крепость такого имени? Конечно, такая крепость была и существует до сих пор. Это государственная церковь Вселенских Соборов и ее главные врата были сначала в РOME (Византии), а потом в Ромме (т.е. в Риме). Голоса из сумерек средневековья внушают нам, будто такое же великое царство было еще за пять тысяч лет до нас, и что столицей его были сначала небольшие развалины около современной арабской деревушки Геллы, на обоих берегах среднего течения Евфрата, называвшиеся Кадингиром, или Тинтиром. А после Тинтира, по тем же внушениям средневековья, столицей царства «Врат Господних» была Ниневия или Нинуа³, т.е. Прекрасное жилище, произвольно отождествляемое современными библистами с развалинами местечек Нимруда, Хорзабада и Куянджика, против современного Моссула.

Географический характер их местности говорит нам, что положение обоих названных пунктов действительно было пригодно для того, чтобы служить центром государств, охватывающих под своею властью бассейн Тигра и Евфрата, но не более.

Здесь естествознание не противоречит исторической традиции, а только подвергает серьезной критике и передовой характер месопотамской культуры в какую бы то ни было эпоху, и пятитысячелетнюю древность этой культуры.

Политические центры, как современные Берлин, Париж, Москва, Вена, требуют для себя, прежде всего, центрального положения в больших плодородных равнинах и хороших путей сообщения в разные стороны. До некоторой степени так было и здесь. На двух больших судоходных реках тут могла развиваться торговля и связанное с нею знакомство с чужими странами, но здешняя культура никогда не могла, по условиям своей местности соперничать ни с египетской, ни с византийской, ни с венецианской. Здешняя культура могла быть только заимствованной с запада в противоположность прописному выражению *ex oriente lux* (свет с востока). Даже и в Индии культурная: эволюция должна была идти с Запада из Европы, так как изнеживающий тропический климат этой страны и недостаточная извилистость морских берегов не могли создать первоклассных культурных центров ни в Гайдерабаде, близ устьев Инда, ни в Калькутте у устьев Ганга.

Нам говорят о богатой фантазии индусов. Но ведь фантазия выражается в творчестве, в литературе, в науке. А разве вся наука и литература этой

² По древнему начертанию (ВБ-БЛ) – Врата Господни, но можно производить и от (ББ-АЛ) – врата Божьи, Врата Аллаха, Врата Элиоса.

³ <...> (НИНУЕ) по Polyglot Bible прекрасное жилище.

страны могут быть сравнены с европейскими? Об этом смешно даже и подумать. Свет шел всегда с запада на восток по направлению вращения земли, он шел по Копернику, а не по первобытным представлениям о суточном движении солнца.

Тем более это можно сказать о Месопотамии. Что такое представляет собою вся древняя клинопись?

Я уже говорил ранее, что уже один взгляд на клинописную азбуку показывают нам, что это не естественно развившийся алфавит, как азбука египетских иероглифов, носящая в себе, хотя она и фонетическая, еще следы первичного писанья ребусом, или как еврейская или греческая азбука, возникшая из нее. Клинописная азбука носит на себе явный характер шифра, умышленно составленного одним умом, одним человеком, а не многими, и выдуманная специально с целью сделать свое письмо непонятным для «непосвященных», уже знакомых с естественной азбукой. А это могло быть только, когда естественная азбука стала известна слишком многим. Значит, клинописная азбука возникла уже позднее еврейской, тоже господствовавшей когда-то в данной местности. Но и еврейская азбука уже значительно вульгаризировалась к тому времени, когда глиняные дощечки, как материал для письма, вошли здесь в большое употребление.

Раскопки американцев в Ниппуре обнаружили на клинописных плитках, между прочим, торговые документы «коммерческой фирмы Мурашу и С-вья», где мы читаем ряд еврейских имен, вроде Агтей, Нафанаил, Вениамин, Руководствуясь Библейской хронологией, относившей Иезекиила и Иеремню почти за 500 лет до начала нашей эры, исследователи отодвинули и их к тому же периоду. А после наших вычислений, относящих и Иезекиила к пятому веку нашей эры, приходится заключить, что и торговая фирма Мурашу и С-вья, писавшая свои торговые заметки оккультными клинообразными надписями, процветала уже в средние века, не ранее половины пятого века нашей эры, когда в Ниппуре тоже могло быть не мало торговцев-евреев. Они и теперь существуют во всей Месопотамии.

Совпадения с Библейскими сказаниями различных надписей на глиняных табличках Месопотамии так многочисленны, что установление точной хронологии библейских сказаний, сделанные в предшествовавших томах, является в то же время и установлением хронологии Месопотамских памятников древности. Возьмем сначала такой пример: Ловец-Законник⁴, посланный царем-Гунном⁵, царем Народа Вождя (Ашура), пришел в Светоч Закона⁶, осадил и взял его. И вот Громовержец сказал Бого-Спасителю (по-еврейски Иса-ии) сыну Всесильного⁷:

⁴ /ГРТН/ - Законник, закон их, в Библии ТАРТАК.

⁵ (СУР-ГУН) - царь ГУНН - в Библии САР-ГОН.

⁶ (АШ-ДУД вместо АШ-ДТ) - светоч закона.

⁷ (ЭМУС), искаженное (АМИЦ)-Могучий, Сильный.

«Сними рубище с твоей поясницы и сандалии с ног!

Тот снял и пошел нагой и босой крича:

– Вот как царь Вождь (АШУР) поведет Миц-Римлян узниками и жителей Мавритании⁸ пленниками, голыми и босыми, юношей и старых и с обнаженными боками! И будут люди ужасаться за мавров их надежду и за Миц-Римлян – их тщеславие».

И вот в 1843 году французский консул Эмиль Ботта, сделав раскопки Хорсабадского холма близ Моссула, на левом берегу реки Тигра, нашел в нем развалины древнего царского дворца, на стене которого, на алебастровом барельефе, изображен будто бы этот самый Царь Гунн, разговаривающий со своим полководцем.

Я не имею причин опровергать, что дело тут действительно идет о библейском царе-Гунне, а хочу указать лишь на неосновательность локализации в этих местах описываемых библейских событий. Делать из этого факта вывод, что библейский царь-Гунн жил как раз на Харсабадском холме близ Моссула, это то же самое, как увидев изображение Моисея на стене Московского собора, заключить, что он родился в Московской губернии и что десять его заповедей даны под Москвой на воробьевых горах. Все, что можно вывести из многочисленных следов Библии в Месопотамии, это лишь то, что они и появились там не ранее средних веков, и что там господствовала религия Арона-Ария, сменившаяся затем (и притом позднее, чем думают) – современным нам мусульманством (т.е. правоверием). Пророчество Иса-Ии (т.е. Бого-Спасителя), как мы уже знаем из первого тома Христа, писано не ранее 442 года нашей эры, а потому и Хорсабадское изображение этой библейской личности (если она действительно библейская) приходится отнести к числу религиозных рисунков, сделанных не ранее VI и VII века нашей эры.

Возьмем другой пример.

В четвертой книге Библейских Царей в 18 главе (по греческому тексту), и в 32 главе второй книги «Затерянных дел», (Паралипомена) говорится:

«Когда царь Езекия увидел, что пришел Терн Опустошения⁹, царь Народа Вождя с намерением воевать против Святого города, он, посоветовавшись со своими князьями «и храбрецами, решил засыпать все источники под за городом». «Он обстроил обрушившуюся стену, возвысил башни, и наготовил множество оружия и щитов /32. 1-5/». Терн Опустошения, стоявший в это время против Платящего дань (Лахиша по-библейски¹⁰),

⁸ (КУШ)- Страна смуглых мавров (<...> по-гречески) или эфиопов (от <...> – загорелый и <...> – лицо). Нет никакой причины выселять всех «смугло-лицых» в одну Абиссинию, а не во всю Мавританию.

⁹ /СНХРИБ/ – по-славянски Сеннахорив - Терн Опустошения.

¹⁰ /ЛКИШ/ – самосуществующий по <...>, а мне кажется, скорее от <...> (ЕЛК) — пошлина и (ШП) — даль.

узнав об этом, послал к нему своих слуг, которые говорили о боге Святого города, как о других богах земных народов, как об изделиях человеческих рук» /32.9/». «Езекия и пророк Бого-Спаситель /Иса-Ия/ возопили к нему и Громовержец послал им Ангела (комету 442 г.). Испугавшись ее, Терн Опустошения возвратился со стыдом в свою землю и когда пришел в дом своего бога, его собственные дети убили его там мечем. Так спас бог Громовержец Езекию и жителей Святого города от руки Терна Опустошения (Сеннахериба по-библейски), царя народа-вождя. Он оберегал их повсюду, и даже дал Езекии знамение, когда он заболел смертельно. Но возгордилось сердце царя и потому снова был гнев бога Громовержца (комета 451 года) над ним и над Богославной землей и над святым городом. Но Езекия вторично смирился и потому не упал Божий гнев на страну в его дни. Он действительно успешно во всяком деле, только лишь при послах Врат Господних, пришедших к нему спросить о знамении бывшем над землей, оставил его бог, чтобы узнать все, что было на его сердце /32.31/». А надпись одного из барельефов в раскопках около Моссула гласит:

«Сеннахериб царь Вселенной и Народа-вождя (Ашура) сел на свой престол и стал осматривать добычу Лакиша». В этом случае уже не может быть никакого сомнения, что барельеф, о котором идет здесь дело, действительно иллюстрирует библейское сказание, которое вместе с тем трактует и о кометах 442 и 451 годов, т.е. само относится не ранее как к V веку нашей эры. Значит и барельеф возник не ранее VI или VII веков нашей эры, если не позже их.

Тут опять мы видим, что накануне появления в Месопотамии мусульманства, там была религия Арона-Ария, т.е. библейское арианство, которое и было единственным реальным арианством. А выводиться отсюда, что развалины, в которых был найден барельеф «Терн Опустошения» о (Сеннахерибе) – царя Вселенной, и были дворцом самого этого «Терна» настолько же неосновательно, как если бы кто, увидев на стене киевского монастыря картину, представляющую царя Давида, сделал заключение, что он здесь когда то жил и был во время писания этой картины настоятелем Киев-печорской лавры. Таких соответствий между Месопотамскими изображениями клинописного периода и библейскими рассказами так много, что сомневаться в распространенности там библейской идеологии в клинописный период месопотамской жизни невозможно. Это был канун распространения магометанства, когда Коран Магомета Газнийского сменил там, в эпоху Крестовых походов, библейское Пятикнижие и запретил всякие изображения, кроме арабесков. Только тогда и прекратились Месопотамские живопись и скульптура, а оставшиеся от прежнего периода пришли в развалины.

Так руины Месопотамии поясняются библейскими сказаниями, и сами служат к ним превосходными пояснениями.

О старо-Месопотамском искусстве и письменности можно сказать, что во всех раскопках они носят один и тот же своеобразный условный местный стиль, аналогичный местным египетскому, византийскому, китайскому (рис.), который (как и они!) не мог бы сохраниться не эволюционируя в продолжении целых тысячелетий. Это все не более как произведения трех четырех последовательных столетий, иначе живопись и особенно литература сильно усовершенствовались бы от преемственной практики, как вариировались постепенно и сами народные сказания.

Возьму хоть небольшой образчик перенесения на свою почву того, что было в другом месте (прием этот и вообще не редок в старину):

«Моя мать, — говорит тот же самый Терн Опустошения (т.е. по-библейски Саргон) на одной надписи, — родила меня тайно в Азупиране у Евфрата, положила в корзинку из тростника, замазала ее горной смолой и пустила корзину на воду. Волны принесли меня к водоносу Акке, который воспитал меня как собственного сына и сделал меня садовником. Дочь небесного царя Звезда полюбила меня и сделала царем над людьми»¹¹.

Не напоминает ли вам эта месопотамская легенда библейское предание о Моисее, будто бы положившем начало Народу Божию? Ведь это один и тот же рассказ, только с переименованными именами и перенесением сцены действия с берегов Нила на берега Евфрата.

Военная жизнь какого то могучего, руководящего государства до мельчайших подробностей представлена на бронзовых воротах, произвольно называемых теперь воротами Салмонассара II и на алебастровых барельефах, изображающих — говорят нам — Саргона и Санхериба. Тут мы видим воинов, наступающих утром из лагеря и бросающихся с таранами на неприятельские укрепления, в то время, как другие ведут несчастных пленников мужчин, женщин и детей. В другом месте мы видим стрелков и копьеносцев, мечущих свое оружие в неприятельскую крепость. Есть изображение пехотинцев, штурмующих холм, защищаемый неприятельскими стрелками; одни из них поднимаются кверху, хватаясь за ветви деревьев, или лезут вверх при помощи горных палок, другие торжествующе несут вниз срубленные головы врагов. Вот парадный вход придворных пажей с царской колесницей и тронном. Вот прекрасные барельефы, изображающие охоту царя на львов.

Но львов тут, как будто совсем не водится, и потому желающим отнести место действия таких увеселений на берега Евфрата, приходится ут-

¹¹ Фридрих Делич: Вавилон и Библия. С. 7 русского перевода.

верждать, ссылаясь на пророчество «Иезеки-Ил», что они откуда-то привозились и содержались до дня охоты в особых парках в клетках (Иезекиил 19,9), хоть это и очень наивно. Мы видим на других рисунках приготовление к царскому столу; видим слуг, несущих зайцев, куропаток и прикрепленную к палкам сараңчу, со множеством пирогов и разных фруктов. Некоторые из слуг имеют в руке маленькие свежие ветви для того, чтобы отгонять от пирующих мух. На одном рельефе из жизни какого-то гарема изображены царь и царица, пьющие вино в обвитой виноградом беседке. Царь возлежит на высоком ложе, а царица, в богатом одеянии сидит против него на высоком стуле, и свнухи обмахивают их опахалами. Это единственная царица, изображение которой сохранилось до настоящего времени на месопотамских барельефах. В 1857 году, когда профиль ее еще не был испорчен как теперь, прусский лейтенант Биллербек зарисовал его, и сохранил таким образом для потомства.

Пророк Исаия (45,20; 46,1) говорит о «шествиях богов», и вот изображение такого шествия тоже сохранилось на одном рельефе. Какие-то воины несут впереди процессии статуи богинь, а за ними статую бога Громовержца – классического Зевса-Юпитера, вооруженного молотом и связкой молний.

Мы можем составить себе очень точное представление о технических знаниях тогдашних месопотамцев, по найденному там изображению перевозки тяжелых изваяний, представляющих быков-колоссов. А их живопись, несмотря на условную местную стилизацию, нередко полна естественности. Таковы, например, полное захватывающего реализма изображение мирно пасущихся антилоп и знаменитая в истории искусства умирающая львица Ниневии (рис.).

«Одним из важных результатов археологических исследований у берегов Евфрата и Тигра, – говорит Фридрих Делич, – является то, что мы находим в чрезвычайно плодородной месопотамской низменности высоко развитое правовое государство с культурой, приблизительно равной нашей средневековой. И с этими словами знаменитого месопотамиста (я не хочу употреблять обычного названия ассириолог, так как не считаю доказанным, что этим именем называлась в Библии Месопотамия, а не Германия) нельзя не согласиться. Все признаки средневековья тут налицо.

Между большим количеством частных писем, сохранившихся от этих времен, есть, например, письмо жены к путешествующему мужу, в котором она сообщает сначала о здоровье детей, а затем спрашивает у него совета по какому-то незначительному делу. В другом письме сын пишет отцу, что его кто-то нестерпимо обидел, и он думает избить злодея, но хочет раньше узнать об этом мнение своего отца. А в третьем письме сын

напоминает отцу о присылке давно обещанных денег и заявляет, что по получении их он снова будет в состоянии молиться за отца. Все это доказывает, что почтовые сообщения были тут уже построены, если не государством, то постоянными торговыми путешествиями. А что касается до самих писем, то это еще не доказывает большого распространения грамотности. Они, как и крестьянские письма до самого последнего времени могли писаться под диктовку автора местными служителями культа, при помощи которых мог узнавать их содержание и получатель.

У месопотамцев, как и у последователей закона Арона-Ария, днем отдыха была суббота, которую они называли днем примирения с богом, а относительно длины их года сказать что-либо вполне достоверное еще очень трудно. В некоторых их календарях – говорит Делич – подробно напоминаются заповеди, по которым «пастырь великих народов» не должен есть 7, 14, 21, 28 числа каждого месяца жареного мяса, менять платье, приносить жертву, ездить и принимать какое-нибудь решение. Даже маг не должен был пророчить в эти дни и врач не должен был касаться больного.

Но это предписание так не вяжется с семидневной неделей, что представляется каким-то ассирийским недоразумением.

А вот рассказ и о Ное из так называемой «библиотеки Сарданапала» в Ниневии, тоже на глиняных дощечках.

«Квизутрос (библейский Ной) получил приказание от Бога морей построить корабль большой величины, хорошо его осмолить и посадить на него свою семью и всяких животных. Квизутрос входит в корабль, запирает его вход и плывет по все опустошающим волнам, пока не останавливается на реке Назир (Пазореи). Затем следует совершенно библейское место: “На седьмой день, – говорит Квизутрос, – я выпустил голубя, он полетал и, не найдя места, где сесть, вернулся назад”. Потом была выпущена мною ласточка, которая тоже вернулась, и только выпущенный последним ворон увидел, наконец, убыль воды и не вернулся более на корабль». И вот я снова спрашиваю читателя: следует ли отсюда заключить, что Ноев ковчег был построен в Месопотамии, и что рассказ о всемирном потопе пришел оттуда в Европу. Конечно ни в каком случае, так как обратное направление течения культуры несравненно естественнее.

Этот рассказ написан на одиннадцатой дощечке так называемого «Эпоса Гильгамеш», но кроме него мы имеем еще и так называемый «Эпос мироздания», написанный на семи дощечках.

В начале всего, – говорится там, – была везде первобытная вода, называемая тьмою (Тиамат). Когда боги собрались устроить порядок в мире, эта вода-тьма представляемая то в виде дракона, то в виде семиглавой змеи, озлобилась и восстала против богов. Она родила множество чудо-

вищ и огромных ядовитых змей и приготовилась с ними к борьбе с богами. Увидав страшного противника, все боги задрожали от страха, но бог света и весны Мардук-Солнце вызвался один идти в бой под условием, что ему будет предоствлено первенство между богами. Он протянул большую сеть от востока до запада и от юга до севера, чтобы тьма не могла ускользнуть, и в присутствии богов, дивившихся ему, в сияющем снаряжении и величественном блеске взошел на колесницу, запряженную четырьмя огненными конями, устремился навстречу Дракону Тьме и чудовищным призраком – его войску – и, испустив боевой клич, вызвал Тьму на единоборство. Тьма громко дико воскликнула, открыла широко свою пасть, да раньше чем она могла ее закрыть, бог Мардук повелел урагану проникнуть в ее недра. Он схватил копье и пронзил ей сердце, наступил ногой на ее спину, а сообщников ее велел заточить. Мардук разрезал Воду-Тьму пополам, как рыбу, из одной половины ее создал небо, разделив им одновременно верхние воды от нижних, прикрепил к небу солнце, луну и звезды, покрыл землю растениями и животными и сделал первого человека.

Ветхозаветные поэты и пророки, - говорит тот же Фридрих Делич, - прямо перенесли на Иегову подвиг Мардука и прославляли его как раздробившего в начале веков голову морского чудовища Левиафана (Псал.73,13; 88, 11) и «победившего сообщников дракона» (Иона, 9,13).

Однако несмотря на все мое уважение к автору, я не могу с ним согласиться, так как уже самый (по его же выражению) «средневековый уровень» клинописной культуры, да и самое ее письмо, имеющее ясно выраженные призраки позднейшего искусственного шифра, достаточно говорят, что эти месопотамские легенды не зародыши, а отголоски уже распространившейся там Библии.

Много старинных гробниц найдено в Варке, Ниппуре и Кодингире. В отделении Берлинского музея, посвященном Передней Азии, есть между прочими маленький глиняный конус, взятый из такой гробницы. Надпись его просит в трогательных выражениях, чтобы тот, кто найдет этот гроб, оставил его на своем месте, не повредивши, и заканчивается словами благодарности тому, кто сделает такое доброе дело:

«Пусть имя его останется на земле благословенно, а отделившийся дух его пусть пьет в преисподней чистую прозрачную воду».

Евангельские представления о вестниках божества – ангелах и особенного херувимах и об ангелах-хранителях, сопровождающих человека точно также дошли до Месопотамии в ее клинописную эпоху. Этим ангелам присваиваются там «свойства орла» (проницательность и быстрота), а тем из них, главною обязанностью которых было охранять доступ к божеству – сила и величественность льва. Другие Месопотамские ангелы,

подобно описанным в Апокалипсисе, часто имеют полу-звериный облик. Таковы, например крылатые херувимы с телом Тельца и с серьезным человеческим лицом. Но есть и такие изображения из дворца, называемого дворцом Асур-назир-пала, где ангелы даже совершенно подобны нашим, и этим показывают лучше всего свое средневековое происхождение. Но этого мало. Вот какой еще был случай.

При раскопках в Хорсабаде Виктор Плес нашел кладовые дворца, названного им «дворцом Саргона»: одну – с гончарной посудой всякого вида и величины, а другую – с железною утварью. Там были сложены в удивительном порядке большие запасы цепей, гвоздей, ветлюгов, кирок, мотыг. Железо их было так великолепно обработано и так хорошо сохранилось, что зазвенело при ударе, как колокол и некоторые из этих орудий были тот час же употреблены в дело арабскими рабочими.

Допустить, что все эти железные изделия приготавливались еще в доисторические времена в стране, лишенной железных руд совершенно невозможно. Лишь в средние века они могли быть доставлены туда и пролежали там без изменения до наших дней. Но и этого мало.

Не раз были находимы на глиняных пластинках Месопотамии названия 12 знаков зодиака с Овна, Тельца, Близнецов и проч. указания на круг разделенный на 360 градусов, на час разделенный на 60 минут, на минуту деленную на 60 секунд и на названия семи дней недели по семи планетам как в западной Европе в средние века.

В египетско-месопотамском отделе Британского музея находятся три маленькие глиняные дощечки: хрупкие, потрескавшиеся, с вырезанными на них трудно разбираемыми знаками. Но эти дощечки ценны потому, что содержат три вариации одного и того же имени, имеющие огромный интерес для истории религии: Jaave-ilu, Jave-ilu, Jauum-ilu, которые означают: бог Иевис, т.е Зеве, Юпитер классиков, Иегова евреев и бог Отец христиан. Они показывают, что главный Бог клинообразных надписей Месопотамии был тот же, что у евреев и у христиан.

Пророк Иезекииль (гл. 1), описывая свое видение говорит по Апокалипсису, записанному, как мы видели 30 сентября 395 г. на острове Потмосе, о четырех крылатых существах одно с лицом как у человека, другое как у льва, третье как у тельца и четвертое как у орла. Над головами этих херувимов (10,1) был по словам его, хрустальный свод, на котором стоял сапфировидный трон, а на нем сидел сам Бог в человеческом образе, окруженный удивительным сиянием. И вот на одной месопотамской печати мы находим рисунок такой: уа корабле, нос и корма которого имеют вид сидящих человеческих фигур, стоят обернувшись друг к другу спинами и повернув лица к зрителю, два херувима, положение которых заставляет

предполагать присутствие двух других позади. За их спинами лежит плоскость, а на ней стоит трон, на котором сидит бородатое божество в длинной одежде, с тиарой на голове, и держит в правой руке короткий жезл и кольцо. За тронем стоит ожидающий приказаний служитель, которого можно сравнить с Иезекиловым человеком в полотняной одежде (9,3. 10,2), также исполняющим приказания бога Громовержца.

В Ветхом Завете часто упоминается животное по имени «Рим» или «Рама» или «Раим» (носорог-единорог), дикое, неукротимое, со страшными рогами (Псал. 21,22), наиболее родственное быку (Второзак. 33,17; Псал. 28,6; Исайя 34,7). Употребить это животное подобно ручному волу для полевых работ на поле кажется составителю книги Иова (39,9) ужасною, невероятною мыслью: «Захочет ли Рим служить тебе и переночует ли у твоих яслей? Можешь ли ты веревкою привязать его к бороне, и станет ли он боронить за тобою поле?» В псалме 22/21 он же является созвездием Козерога и геральдически служит эмблемой римской империи.

В клинообразных: надписях зверь «Рим» тоже упоминается часто, а изображения его можно видеть на алебастровых рельефах Месопотамских царских дворцов. Так. царь «Навуходоносор» рассказывает, что он украсил городские ворота «Кидингира», посвященные богине Звезде (Истар), обожженными кирпичами, на которых изображены «римы» и огромные змеи идущие на своем хвосте. Нахождение этих ворот богини Истар, завязнувших теперь в землю до глубины 14 метров, где уже начинаются подпочвенные воды, представляют один из драгоценнейших результатов раскопок последних лет на развалинах около Геллы на Евфрате.

Точно также на одной огромной каменной глыбе прочли: «Ворота Звезды (Истар)», и при раскопке постепенно вышли из земли превосходно сохранившиеся большие двойные ворота имеющие на северной стороне справа и слева по три больших башни. На наружной поверхности этих башен и на стенах проходов в воротах куда ни взглянешь видны рельефные и пестро-эмалированные «римы», выделяющиеся на темно-голубом фоне своим богатством красок. «Полный сил идет там большими шагами дикий бык, - говорит Делич, - с гордо выпрямленной шеей, с угрожающе направленными вперед рогами, с прижатыми ушами и раздутыми ноздрями. «Если его гладкая шерсть бела, то рога к копыта сияют золотом, а если шерсть желта - то и те и другие малахитово-зеленые, тогда как завитки в обоих случаях окрашены в темно-синий цвет».

Так в пророчестве Даниила (4,24-34) рассказывается, например, что царь Врат Господних (Вавилон) Навуходоносор, гуляя на крыше своего дворца и любуясь красотой построенного им города, услышал с неба предсказание, что изгнанный из людского общества, он должен будет жить по

звериному с животными. И действительно, после этого Навуходоносор, - говорится в книге Даниил, - ел траву, как вол, и тело его орошалось росой небесною, а волосы у него выросли как перья у орла, и ногти превратились в птичьи когти. Интересная вариация того же самого библейского мифа была найдена и в Месопотамии Абиденусом. В ней говорится, что «Навуходоносор», достигший вершины могущества, поднялся как-то на укрепления своего дворца. Тут на него нашло божественное вдохновение и он воскрикнул:

«Я, Навуходоносор, предсказываю вам наступление несчастья! Ни господь (Бел), ни Владычица-царица (Белтис) не имеют власти убедить богинь судьбы предотвратить его. Придет перс и обратит вас в рабство. О пусть он был бы гоним по пустыне, где нет городов и где не встречается следа человеческой ноги, а только бродят дикие звери и летают птицы, и он одиноко бродил бы по ущельям и оврагам! А мне была бы суждена лучшая кончина». Ясно, что и Даниил и месопотамский писатель говорят об одном и том же, но автор статей, собранных в книге «Даниил» (что значит суд божий) заставляет Великого цезаря Нево самого переживать беды, а здесь он их желает своему врагу.

Таким образом, повсюду мы видим более или менее значительное сходство клинописной и еврейской литератур, *родственных по языку, стилю, образу мыслей и представлений.*

И та, и другая придают священное значение числам *семь* и *три*.

О, земля, земля, земля! – восклицает троекратно Иеремия. Слушай слово Громовержца! (22,29). «Слава, слава, слава царю, моему государю» - начинают свои письма многие месопотамские писатели.

Подобно тому, как в Библии серафимы перед престолом Бога восклицают: Свят, свят, свят Громовержец, бог небесных воинств! (Исайя 6,3), так в начале ассирийского богослужения мы читаем троекратное Айур, айур, айур!, что тоже значит свят, свят, свят!

«И создал бог Громовержец человека из земного праха, - учит нас библейский рассказ о сотворении человека (Бытие, 2,7). И вдунул в лицо его дыхание жизни, и стал человек душою живою». Такие же воззрения мы находим и в клинописи. Человек (Эбани) был создан из отщипнутого и смоченного куса глины и сделался живым существом через божественное дуновение». Клинописное мировоззрение приписывает человеческой слюне волшебную силу, и смертоносную и оживляющую.

«О Мардук!» – говорится в одной молитве Солнцу – богу покровителю Месопотамии, – «твоя слюна есть слюна жизни».

И кто не вспомнит при этом о новозаветном рассказе, по которому Иисус отвел в сторону глухонемого, вложил свои персты ему в уши и помазав

грязью, в которую плюнул, глаза слепому – сказал: «Отверзись!» (Марк 7,33; 8, 23; Иоанн 9,6). И глаза открылись. Это те же взгляды, как в евангелиях, а следовательно и та же эпоха.

Столбом дыма днем и столбом огня ночью провожает библейский Громовержец свой народ в его странствовании через пустыню (Исайя 4,5); но и Ассаргадону, царю Ассур, было пророчество перед выступлением на войну: «Я, Звезда (Истар) из Арбелы, говорю так: да поднимется дым с твоей правой стороны и огонь с твоей левой!». Почти все одинаково и в Библии, и в клинописи. И там и тут видна любовь пояснять свои речи и мысли символическими оборотами, вроде например «козла отпущения». И в сказаниях и в поэзии в обоих видны одинакова наивные способы представления и изложения всего, что касается Божества. Как в клинописи боги едят и пьют, предаются отдохновению и принимают донесения о разных происшествиях на земле, так и в Библии бог Громовержец в вечерней прохладе рая наслаждается «благовоением жертвоприношения» и с любопытством спрашивает у Валаама: «Кто те люди, которых ты принял у себя как гостей» (кн. Чисел 22,9).

И в Библии и в Клинописи тот же мир постоянных чудес и знамений, постоянного божественного откровения, главным образом во сне (Иоиль 3,1). Как в Ветхом Завете Бог говорит с Моисеем, Ароном и всеми пророками, так и в месопотамских надписях боги говорят с людьми непосредственно или устами жрецов и боговдохновенных прорицателей и прорицательниц.

Да и «десять заповедей» были также святы для вавилонян, как и для евреев. Не только проступки против заповедей «не убей, не прелюбодействуй, не укради», продиктованных присущим всем людям чувством самосохранения, но и непочтительность по отношению к родителям, лже-свидетельство, всякое посягательство на чужое имущество наказываются по древне месопотамскому обычаю большею частью смертью. В третьем параграфе законов Амму-Раби мы читаем:

«Если кто-нибудь даст в судебном деле ложное свидетельство и не докажет своего показания, а от решения дела зависит жизнь или смерть обвиняемого, то такого свидетеля наказать смертью».

Большое смущение произвело среди теологов найденное в клинописи название бога словом Эль, как и у евреев. Мы находим это слово там в огромном количестве: «Бог (Эл) дал», «Бог (Эл) управляет», «Если бы Бог (Эл) не был бы Богом», «Боже (Эл) посмотри на меня», «Бог (Эл) есть бог», и даже «Иегова есть Бог (Эл)». Как это было связать с библейскими проклятиями «Вавилону (т.е. Вратам господним)», если допустить, что он был в Месопотамии?

Утомительные и мелкие насмешки ветхозаветных пророков над «вавилонскими идолами», имеющими глаза, но не видящими, имеющими уши, но не слышавшими, имеющими нос, но не обоняющими, имеющими ноги, но не ходящими, — говорит Делич в своей книге Библия и Вавилон, — не более приложимы к Месопотамии и к католической церкви, подобно тому, как мыслящие византийцы видели в иконах только изображения Христа, Девы Марии и святых, так по видимому, смотрели на тех и мыслящие месопотамцы. Ни один гимн, ни одна молитва не обращены у них к самому изображению, а всегда к божеству, царящему по ту сторону всего земного.

Во многих случаях религиозное мировоззрение клинописи даже более подходит к средневековому христианству, чем к иудаизму. В ветхом завете — опять говорит Делич — мы едва ли найдем хоть одно слово, указывающее на радостную благодарность богу за рождение девочки, хотя это встречается часто, когда речь идет о мальчиках. Нежные названия девушек в библии, вроде: «возлюбленная», «благовонная», «рожденная из росы», «пчелка», «газель», «овечка», «мирта», пальма», «коралловая», «венки», не должны вводить нас в заблуждение. Женщина в Библии есть собственность сначала родителей, а затем мужа. Она ценная рабочая сила, на которую в замужестве возлагалась большая часть наиболее тяжелых домашних работ. Кроме своих рабынь даже царица не имеет имущества, которым могла бы свободно распоряжаться, она не допускается даже к даче свидетельских показаний. Так же как и в исламе, женщина считается неспособной к выполнению культа (2 кн. Моис. 23, 17, 34, 23; 5 кн. Моис. 16, 16):

«Три раза в году весь мужеский пол должен являться перед лицом Господа, Бога твоего». А о женщине ничего. В Месопотамии же клинописного периода положение женщины выше: мы читаем, например, о женах времен Амму-Раби, ставивших свои кресла в храмах, находим имена женщин — свидетельниц в судебных документах и т.д., совсем как в средневековой Византии. Таблица народов в 10 главе Библии говорит о семитическом народе Эламитах (<...>) живших к востоку от Ассирийцев, т.е. по нашим отождествлениям об ромейцах, живших к востоку от германцев, и клинообразные надписи называют нам Эламитов, могущество которых останавливало даже гордые колонны месопотамских войск. Евангельские писатели говорят нам о самарийцах, поселенцы которых жили даже в Палестине, а клинообразные надписи трактуют о суммерийцах, которые достигали на западе до этих же границ, а самарийцы (т.е. сторожевой народ) по нашим сопоставлениям были римляне.

Скульптурные изваяния, находимые при месопотамских раскопках, еще более говорят за их позднее средневековое происхождение. Таковы, например, чудная серебряная ваза царя жреца Энтемены, находящаяся те-

перь в Лувре, или великолепно отлитая из бронзы голова вола со вставленными в нее глазами из лапис-лазури, хранящаяся теперь в Берлинском музее. Они возбуждают наше удивление. А шумерийские диоритовые скульптуры вроде находящейся теперь в Лувре статуи месопотамского архитектора, держащего на коленях план своей постройки, не особенно сильно уступают тому идеалу, какой мог бы быть и у современного художника.

Да и поэзия библейских псалмов имеет полную параллель в духовной поэзии, находимой миссионерами на берегах реки Тигра по внешней форме песен, например:

О, господь, решающий все на небе и на земле,
Повелений которого никто не смеет ослушаться,
Удерживающий огонь и воду, направляющий все живое,
Какой бог может сравниться с тобою могуществом?

Кто велик на небе? Ты один велик.

Кто велик на земле? Ты один велик.

Когда раздастся твое слово на небе, небесные сонмы надают ниц,

Когда раздастся твое слово на земле, ангелы целуют землю,

Если твое слово разнесется наверху подобно бурному ветру, то
будет изобилие пищи и питья,

Если прозвучит твое слово на земле, то вырастет зелень.

По твоему слову обогащаются конюшни и хлева и размножается
все живое,

Твое слово создает чистоту и справедливость

И люди говорят правду.

Твое слово подобно далеким небесам и сокрытой глубине земли,

Никто не постигает его.

Кто изучит твое слово? Кто сможет ему противоречить?

Очень поучительно в плиточной месопотамской и книжной библейской литературе упоминание о личных своих противниках и зловредных врагах. Ветхозаветный псалтырь содержит множество таких молитв, направленных против угрожающих жизни молящегося и против врагов, радующихся, если ему приходится плохо. «Господи, – говорит псалом 40 (греческого счета), – помилуй меня и не оставь меня, чтобы я воздал им», т.е. врагам, желающим смерти молящемуся. «Да постыдятся и посрамятся они, да облекутся в стыд и позор» (34, 26).

То же мы читаем и в покаянном псалме клинописи, обращенном к богине Звезде (Истар):

«Как долго небесная моя владычица будут мои враги обращать на меня свои взгляды, замышлять против меня злое ложью и неправдами, и как долго преследователи будут подстергать меня?»

Молитва богу пророку (Небо) начинается так:

«Я провозглашаю твою славу, о Пророк, перед всеми великими богами! Несмотря на множество моих противников, моя жизнь не погибла». А кончается молитва эта словами: «Несмотря на множество моих противников, ты, пророк, меня не оставишь. Несмотря на множество ненавидящих меня ты не покинешь мою жизнь».

В Британском музее находятся – к сожалению, неполные – глиняные дощечки с изречениями клинописцев, дающие нам возможность заглянуть в глубину их нравственно-религиозного мышления, так же, как законы Амму-Раби дали нам представление о «неизмеримой (по словам Делича) культурности» этих писателей. Там, – говорит он, – мы читаем изречения вроде следующего, продиктованного опытом тысячелетий, но оставляемого до сих пор человечеством, к его величайшему несчастью, без внимания:

«Не открывай напрасно рот, оберегай свои губы».

«Если ты взволнован – не говори тотчас».

«Поспешивши говорить, ты раскаешься потом».

«Нет! – молчанием успокой свою душу».

Там же мы читаем и такое поучение клинописища мудреца:

«Оказывай любовь ближнему, не презирай его и не угнетай, потому что это вызывает гнев Божий, а лучше напой и накорми просящего, это вызывает божье благословение. Надо быть услужливым и творить всюду добро».

Библейские молитвы, вроде: «Господи! Не в ярости Твоей обличай меня и не во гневе Твоем наказывай меня» (пс. 6,2). Точно также как и библейские изречения, полные страстного желания освободиться от греха, от болезней, несчастья и вражды и пожелания себе долгой жизни, по заповедям Божиим, – все это мы читаем и в клинописях:

«Многочисленны мои проступки и велики мои грехи, о господи!»

«Я искал всюду спасения, но никто не протянул мне руку, я плакал, но ко мне не приблизились, я громко взывал, но никто не услышал меня».

«И я страдаю, я удручен, я не поднимаю своих взоров, я со вздохом обращаюсь к моему милосердному богу, я обнимаю ноги моей владычицы и целую их!»

«О, боже! Не погуби твоего слугу, лежащего в грязи, а помоги ему подняться!»

«Грех, в который я впал, обрати в твою милость, да унесет ветер проступок, который я совершил».

«Разрви как одежду многочисленные мои низости. Отпусти мои прегрешения, и я буду тебя слушаться».

«Твое сердце да обратится ко мне подобно сердцу матери».

«Как сердце матери и отца, да обратится ко мне твое сердце».

Разве это, читатель, не то же самое, что поется и в современных христианских церквах?

«Мардук – ассирийский Иисус – само милосердие, – продолжает Делич, – любимое дело которого вновь оживлять ставших жертвами смерти. Врач тела и души людей, он наиболее светлый образ клинописного Пантеона. Но и все остальные великие боги его представляют из себя олицетворение нравственных сил. Бог Самас (Солнце) называется “царем справедливости”: он неподкупный судья, видящий в сокровеннейшем мраке сердец. Как в Библии сказано о боге Громовержце: “Правда и суд – основание его престола” (Пс. 96.2), так и перед вавилонским богом солнца стоят всегда в виде двух божеств “Право” и “Справедливость”. Какое высокое представление, – заканчивает это место Делич, – должно было связываться с сыном Мардука – Небо, если его называли “светом истины”».

«У пророка Наума (1,4) говорится о всемогуществе слова Бога-Громовержца: «Запретит Он морю и оно высыхает, и все реки иссякают; вянет Васан и Кармил и блекнет цвет на белой Горе». А в одном псалме Мардуку-Христу мы читаем удивительно близкие к этому строки:

«Твое слово есть большая сеть, растянутая по небу и земле.

Оно раздается над морем и море расступается.

Оно раздается над лугом и луг испускает стоны,

Оно раздается над водною пучиною Евфрата

И тотчас, о Мардук, возмущается русло этой реки».

Слова клинописных божеств разносятся по небу и земле иногда в дуновении ветра, иногда в шуме бури. Они говорят с людьми, особенно с избранными или пророками и прорицателями. Боги все видят и знают, их взоры проникают в глубочайшие убежища, они видят судьбы народов и испытывают сердца отдельных людей. Они присутствуют при каждом человеке».

Слово Ашур – т.е. Вождь, обозначает в клинописях исключительно, в начале даже лишнего подруги «спасительного», «святого» бога, «родившего самого себя». Он не был связан с природой или с какой-нибудь ея силой, а стоял высоко над всем, почитался как отец, господин и царь всех богов. Как Иегова в псалме 135,2 называется «Богом богов, Господином господствующих», так точно называется и Ашур. В библейских книгах восклицают: «Кто подобен богу Громовержцу среди богов?», а в Месопотамии спрашивали «кто подобен Вождю Аштуру среди богов». Месопотамские цари были «жрецами Ашура, с первобытных времен избранными служить ему».

«Ашур ненавидит тех, кто ненавидит его народ и благословляет тех, кто благословляет его народ. Совершенно так же, как библейский бог небесных воинств выступает перед войсками богоборцев против его врагов, так он выступает с месопотамскими войсками для борьбы и победы. Мы часто видим его на барельефах перед царем-полководцем или над ним, в пылу сражения, или во время победоносного возвращения, в виде поколенного изображения бородатого человека, помещенного в круге, символе вечности, как у христианских святых; он поддерживается широко распростертыми крыльями, подобно тому, как библейский бог изображается несущимся на крыльях ветра (пс. 17.11). Библейский бог изошряет Свой меч, напрягает лук и направляет его, а стрелы Свои делает палящими (пс. 20.13), да и бог Вождь (Ашур) изображается вооруженным луком. Во время битвы он также пускает смертоносные стрелы, а когда одержана победа, опускает свой лук». Это символ молнии.

Я нарочно рассказал все это почти не своими словами, а выписками из превосходной книги Фридриха Делича «Вавилон и Библия», причинившей много хлопот ортодоксальным теологам. Но я это сделал никак не с целью присоединиться к его мнению, будто все такие совпадения указывают на то, что библейские пророчества книги, да и сам Апокалипсис, переписаны почти целиком из этих месопотамских сказаний, уходящих вместе с их легендарным царем — законодателем Амму-Раби в бесконечную древность. Заимствования тут ясны и очевидны, но только сделаны они не автором Апокалипсиса и не библейскими пророками, а клинописцами. Автор Апокалипсиса брал свои художественные образы (как это я достаточно показал в своей книге «Откровение в грозе и буре») не из чужих книг, а прямо из явлений природы, бывших на земном шаре за все время человеческой письменности только один раз, 30 сентября 395 года, а пророки — как я показал и в первой книге Христа — подражали не месопотамским сказаниям, а Апокалипсису, и написаны уже в пятом веке нашей эры.

Отсюда ясно, что вся эта месопотамская культура была не три и не четыре тысячи лет тому назад, а создавалась уже после Апокалипсиса и библейских пророков, т.е. не ранее VI–VII века нашей собственной эры. Отсюда понятен и необъяснимый иначе факт находки Виктором Плесом при раскопках в Хосабаде близ Моссула в кладовых дворца Саргона — как я уже упомянул — цепей, гвоздей, вертлюг, кирок и мотыг, у которых железо было так великолепно обработано и так хорошо сохранилось, что звенело при ударе, как колокол, и некоторые из этих орудий были тотчас же употреблены в дело арабскими рабочими¹², очевидно потому, что они ничем не отличались от (современных нам железных изделий)».

¹² Фридрих Делич. Вавилон и Библия.

При отнесении за 3000 лет до начала нашей эры, этот рассказ сильно напоминает сенсационное сообщение одного немецкого египтолога в немецком археологическом журнале конца XIX века. Он «нашел» (тоже с помощью хитрых арабов) в гробнице одного «фараона» щепотку пшеницы, все зерна которой оказались у него после посева всхожими и выросли прекрасные колосья пшеницы, ничем не отличающиеся от современной египетской. Но вот все ученые агрономы и даже просто семенные торговцы начали смеяться над этим, так как зерна злаков теряют большую часть своей всхожести даже через три – четыре года, не говоря уже о десятках лет, после чего они, при наилучшем сохранении, становятся совсем негодными для посевов и вся эта «замечательная» находка была поднята на смех. Не то ли же самое и с находкой Саргонова склада? Ведь даже и предлагаемая мною для него 800 летняя давность кажется будто бы маловероятной, и мне не раз приходила в голову мысль о подлоге со стороны хитрых арабов. Но 800-летний срок все же не идет, как выразился по другому случаю Грибоедов, «рассудку вопреки, наперекор стихиям», т.е. не противоречит естественной истории человеческой культуры. Ведь железные руды обрабатываются и теперь с большим трудом, при самых высоких температурах, близких 2000°, а искусство выплавлять из них пригодное дляковки и работ, не хрупкое и не мягкое железо или сталь, «звучащую как колокол», развилось только в самом конце средних веков, когда были изобретены огромные «доменные печи», никаких следов которых мы не находим в древности. Даже и кричное железо едва ли выделялось в Месопотамии. Прочтите любой курс металлургии и вы сами увидите, что такой склад земледельческих орудий в «кладовой Саргона» не мог возникнуть ране крестовых походов, да и орудия эти в те времена могли быть туда привезены скорее всего из Богемии или с Балкан через РOMEЮ-Византию.

Резюмируя все сказанное, мы не можем не придти к заключению, что до перехода Месопотамии к магометанству (что случилось, как мы видели в VI томе, не ранее эпохи крестовых походов) в ней нераздельно господствовало библейское арианство. Ему принадлежит и вся клинописная литература, и все оригинальные формы месопотамского искусства. И арианство это очень мало отличалось от первичного до-евангельского мессианства, в котором официальным языком церкви и науки было местное агарянское наречие, настолько близкое к языку Библии и языку Корана, что всякий знакомый с ними понял бы, не учась, тогдашнюю живую речь клинописцев.

Так при свете современного естествознания исчезает с научного горизонта как мираж еще одна из волшебных сказок древней истории.

Глава II

ВОЛШЕБНАЯ СКАЗКА О ВЕЛИКОЙ ВАВИЛОНИ И О СУММЕРИЙСКОМ (САМАРИЙСКОМ) И ЭЛАМИТСКОМ (ЭЛОИМИТСКОМ, Т.Е. БИБЛЕЙСКОМ) ВЛИЯНИИ В МЕСОПОТАМИИ В ГЛУБОКОЙ ДРЕВНОСТИ. КЛИНОПИСНЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

В одном из коротеньких рассказов Мопассана – «Свинтус Морен» (Morin cochou) художественно описывается, как один очень скромный и застенчивый молодой человек ехал по железной дороге в купе с хорошенькой и кокетливой дамочкой. Наслышавшись от своих приятелей, что женщины любят смелых, он решил наконец пересилить самого себя и, когда она, улыбаясь, с оживлением говорила ему что-то шутивное о своих подругах, вдруг наклонился к ней и поцеловал ее прямо в губы.

Она вскочила, обзвав его нахалом, выбежала из купе и переполошила всех пассажиров, рассказывая о его бессовестном поступке. Вся публика заволновалась, был составлен протокол и это приключение в его небольшом городе получило всеобщую огласку. Его фамилия Морен стала произноситься не иначе как с эпитетом «Свинтус», и до конца жизни связала с ним представление о нахале, с каким неприлично быть знакомой никакой порядочной женщине. Так он (насколько вспоминаю этот уже давно прочитанный мною рассказ) и остался навсегда холостяком, и чем застенчивее был он с женщинами, тем более они его остерегались.

Аналогичное несоответствие прозвища с действительностью произошло, мне кажется, и с месопотамскими остатками старины, когда их стали называть Ассиро-Вавилонскими древностями, между тем, как на деле Вавилоном (т.е. Вратами Господними) называлась в наших средневековых первоисточниках государственная римская церковь, а Ассирией (т.е. страной-Вождем) – средневековая Германия. Неправильное применение этого названия к Иракскому междуречью придало ему оттенок совершенно несоответствующий его былой действительности и потому я далее не буду употреблять этого имени, а буду называть Месопотамию по-местному Ираком, и ее исследователей иракистами, а науку о ней иракологией.

Другое недоразумение случилось при исследовании месопотамской старинной живописи, надписей на стенах тамошних руин и сказаний на ископаемых глиняных пластинках, как впрочем было и при изучении ана-

логичных египетских рисунков и сказаний на стенах египетских, тибетских, китайских и японских зданий. Исследователи считали априорно, что тут описаны тогдашние местные, всем вокруг известные события.

Но ведь это психологически недопустимо.

Реалистическая литература возникла только в XIX веке со времени Бальзака, Диккенса, Теккерея, а до тех пор о ней не было и помину. Да это и вполне естественно, так как для первобытного читателя было интересно узнать лишь то, что еще не было ему известно, а первобытному писателю хотелось описать то, что для него самого было ново. Скажите сами: приходило ли вам в голову сесть за свой письменный стол и описать подробно свой дом, в котором вы давно живете, отметить, сколько в нем окон и какие они, сколько комнат и каковы в них стены, полы и потолки, какая и где расставлена мебель, и каковы живущий с вами члены семьи, что каждый любит и не любит, и какая у каждого одежда. Конечно, вам и в голову это не приходило, и самая мысль о таком описании вам кажется смешной.

А вот если бы вы поехали, например, в Китай, и остановились там в доме какого-нибудь местного жителя, то вы охотно записали бы такие детали и привезя домой, напечатали бы все при первом случае, и ни один читатель не стал бы над вами смеяться.

Но то же самое сторицей относится и к древней живописи и к древним записям. Отмечалось в них всегда исключительно то, что было необычно, и притом в своеобразной вековой преемственности. Первые человеческие рассказы были всегда о том, чего нет на свете, затем полуфантазии о том, что существует в далеких странах, кажущимися чудесными, и только в очень позднее время стали писать о том, что действительно есть, да и то не «для потомства», а большей частью с утилитарными целями. То же самое было и с живописью.

Для того, чтобы понять смысл месопотамской стенной живописи, посмотрим на более близкую к нам европейскую. С чего начали знаменитые художники эпохи Гуманизма? Посмотрите любой музей и вы сейчас же увидите. Все они писали главным образом на библейские сюжеты. Они в тысячах различных картин изображали бегство Иосифа и Марии с младенцем Иисусом в Египет, Марию с младенцем, апостолов, Христа, знаменитых чужих царей Давида и Соломона и только в отдельных случаях писали обычный сцены из окружающей и всем известной жизни. А до эпохи Гуманизма обычных житейских сцен почти совсем не изображали, а о портретах существующих царей и деятелей не могло быть и речи. Увидев свой облик на полотне, всякий средневековый царь (месопотамский или европейский) прежде всего перепугался бы и велел бы, пожалуй, немедленно умертвить художника, считая, что теперь любой, кто захочет

известии его, будет в состоянии это сделать, колдуя и нашептывая над его изображением. А относительно портретов умерших предков еще хуже: вдруг они соскочат со стены и уташат в могилу вместе с собою. Ведь недаром у мусульман запрещены всякие изображения живых существ.

Основная ошибка египтологов и исследователей древней Месопотамии, Китая и других азиатских стран, заключается в том, что они думают, будто находимые ими старинные изображения представляют собой обязательно сцены тамошней жизни, как в картинах современных художников реалистов, а не события отдаленных стран и нередко отдаленных веков, аналогично тому, как и на стенах наших современных храмов и плафонах наших дворцов никогда не изображают домашнюю жизнь их обитателей, а совершенно посторонние события, рядом с которыми допускаются только, да и то в обособленных комнатах и группах, портреты предков и живых членов своей семьи.

И нет никакой причины думать, что в древности было наоборот, а потому и для сложных древних изображений, вроде, например, привода пленных к царю, его охоты и т.д., находимых в Египте, долине Евфрата или Джан-дзы-дзяна, мы должны еще определить ту прославленную в данной местности в те времена, и обычно не собственную страну, к которой они относятся. И только в том случае, когда мы убеждаемся, что в данное время и в данной местности не было в славе никакого еще более могучего или благословенного царства, мы можем искать сюжетов находимой нами живописи в собственном прошлом ее страны и притом не в очень близком прошлом, а уже принявшем легендарный характер.

Обычное утверждение, что месопотамские и египетские художники изображали на стенах зданий подвиги своих еще живущих царей из лести к ним, хотя по внешности и правдоподобно, но в действительности остается в истории живописи без precedентов, может быть, потому, что по мнению наших предков, пораженных сходством портрета и оригинала, между изображением живого человека и им самим существует таинственная связь, и потому всякий тайный вред и тайное оскорбление или осквернение, нанесенное изображению, отражается и на его живом (или даже и попавшем уже в царство Плутона) представителе.

Подтверждением того, что живопись на стенах древних египетских и месопотамских зданий не реалистична и содержит чужие события, является и постоянное присутствие на ней между человеческими фигурами мифических зверей. А то обстоятельство, что одеяния лиц оказываются местными, не представляет собой ничего удивительного. Разве даже художники эпохи Гуманизма в Европе не одевали древних мифических героев и иноземных святых в такие же одежды, какие носили сами, и разве не пере-

водили они их прозвищ и названий мест действия на свой язык и не присваивали себе и самую национальность легендарных героических лиц?

Итак, не будем же считать и Месопотамские рисунки за реалистические изображения местной и даже чужеземной жизни той эпохи, а рассмотрим их так же, как и картины в наших храмах и дворцах. Тогда все станет для нас ясным.

В истории Месопотамии (которая, как мы видели по астрономическим ее документам сильно запутана подлогами ездивших туда авантюристов) исследователи-теологи, руководствуясь библейской терминологией, различают период суммерийской, и период эламитской культуры и первую из них напрасно относят за 6000 лет до нашего времени и вторую за 2700 лет. Но эти культуры явно апокрифичны и фантастичны.

Все то, что пишут о них, является настоящей волшебной сказкой, построенной на такой схеме.

Еще за 5000 лет до начала нашей эры, – говорят нам, – когда в Европе блуждал лишь получеловек-полуобезьяна (*Anthropopytecus erectus*) на берегах Тигра и Евфрата существовало уже высоко культурное государство. У жителей его «Имелись многоэтажные дома и для освещения их пользовались нефтью и маслом, а домашняя посуда их была из стекла и из глины». И хотя книги там писали еще не четырехугольных глиняных плитках, но уже высоко развилась астрономия, вычислялись заранее солнечные и лунные затмения, определялось звездное время. Очень изучались там грамматика и лексикология, так как тамошним филологам приходилось объяснять еще более древние суммеро-аккадийские тексты. Великий царь Амму-Раби (28 век до начала нашей эры) покрыл всю страну сетью искусных каналов и дал своей стране законы, не уступающие французскому Кодексу Наполеона I. Это – вместе с Египтом – «была первая страна по земледельческой культуре, но, кроме того, в ней высоко стояла и промышленность, особенно изготовление тканей, благовонных мазей и драгоценных камней для местных дам». Отсюда и перешли к древним грекам солнечные часы и деление суток на 24 часа. Для богопочитания существовали гимны, псалмы и молитвы, приносились жертвы богам, оракулы предсказывали будущее всем желающим и отстраняли от них грядущие бедствия магическим формулами и манипуляциями. Во главе богов стоял бог-отец Ану (Он), бог-господь (Бел) и святая богиня Владычица (Белит) и другие боги, в том числе впоследствии и Спаситель Мардук, а кроме них летали везде черти и ангелы. Одним словом, было все то, что и у христиан в эпоху крестовых походов.

А к какому же племени принадлежали эти люди?

Там владычествовали сначала – за четыре тысячи лет до так называемого рождества Христова, – говорят нам, – сумерийцы (самарийцы-сама-

риняне), которых многие считают за скифов (т.е. древних украинцев), занимавших по Геродоту всю южную половину России. Потом их сменили аккадийцы, или вернее агадийцы, т.е. талмудисты, имя которых надо производить вовсе не от города Агадесса (существующего только на оазисе в Сахаре), а от слова Агада, т.е. завершительная повествовательная и проповедническая часть Талмуда, составленная – как видно отсюда – еще в «Вавилонии» не около 500 года нашей эры, а задолго до нее. Знаменитейшими царями там были Саргон и Нарамсин-Талмудист (Агадиец). И вот, все это распалось и лишь в конце 22 века до начала нашей эры основалось в Месопотамии новое суммерийско-аккадийское (т.е. Ромейско-Талмудическое) царство с уже упомянутым царем законодателем Амму-Раби (1958–1916). Потом напали какие-то касситы (или хассиды) и владычествовали там долго. А после них в 12 веке до начала нашей эры появляется самостоятельный царь Нево-Худур-Усур (Навугодоносор по-русски). Но и его царство пало и власть перешла к Нарду-Вождю (Ассиру), уведшему при другом Нево-Кудур-Усуре в плен народ божий. Тогда же приблизительно появились и халдеи (-625–538), т.е. астрологи, которых европейские авторы XVI века по ошибке (?) смешали с месопотамскими христианами».

А последним царем был Бел-шар-Усур (Валтасар, вернее, Балша-цар), которому огненная рука написала на небе роковые слова: Мене-текел Упарсин (Мани-факел-фарес) и предсказала падение его царства¹. Тогда явился царь Господь (Кир) и с этого момента все так называемое Вавилонское царство исчезает с исторического горизонта, как мираж. Да и было ли он когда-нибудь в Месопотамии? – Увы! Мы видели уже в первых главах этой части VIII тома, что вся хронологическая схема так называемого древне-вавилонского царства взята из Ромейского периода Византийской истории от ее основания при Аврелиане и до ее разделения на западную и восточную при Аркадии и Горории (см. диаграмму).

С этой точки зрения сумерийцы были ни кто иные, как евангельские самарийцы или самаритяне, т.е. народность еще существовавшая в средние века нашей эры под таким названием. А мы уже знаем из предшествовавших томов, что Самарией в средние века называлась Ромейская (римская) империя, причем у авторов разных эпох разных народов тут произошла путаница в представлениях. Одни подразумевали под ней Восточную (Ромейскую) империю, т.е. Византию, а другие Западную (Романскую), т.е. Италию, и в первом случае под городом Самарией (что значит Сторожевой город) подразумевался Царь-град, а во втором – итальянский Рим. А затем Самария была сослана теологами в Сирию, где и воображается до сих пор.

¹ Христос. кн. I. Ч. II. Гл. IX.

Посмотрим же, что говорят о ней наши первоисточники. Возьмем прежде всего новозаветные книги.

«Произошло великое гонение на христианскую церковь в Святом Городе, — говорит автор Деяний Апостолов (8.1), — и все (прозелиты Иисуса), кроме апостолов, рассеялись по разным местам Иудеи и Самарии» (т.е. по прежнему значению Италии и Византии). «Находившиеся в Иерусалиме (по первоначальному смыслу в Геркулануме или Помпее) апостолы, услышав, что самаритяне (т.е. ромейцы) приняли слово божие, послали к ним Петра и Павла, которые пришедши помолились, чтобы и они получили святое вдохновение (т.е. способность проповедовать). Они возложили на них руки и самарийцы (ромейцы) тоже вдохновились» (8.14–16). «И были церкви по всей Иудее, Галилее (Галии) и Самарии в покое, и умножались, назидаясь в страхе Властелина своего и утешаясь святым вдохновением (9.31)».

А ведь Деяния Апостолов, как я уже доказывал в первом томе «Христа», появились не ранее X века нашей эры, когда и самый Иерусалим был уже сослан в городишко Эль-Кудс, на берега Мертвого моря. Значит Суммерийская или Самарийская культура в Месопотамии была еще там в X веке нашей эры.

В евангелиях Матвея и Марка мы совсем не находим Самарии, а у Луки она встречается только раз, с указанием, что «Спаситель» проходил однажды между Галилеею и Самариею (гл. 17), т.е. по первоначальному значению между Франциею и Византиею (или Италиею), а у Иоанна наоборот, это слово употребляется очень часто.

«Приходит он (Иисус) в город Самарийский, называемый Сихар (Пустыня), где был колодезь Иакова, — говорит он, — и попросил напиться воды у пришедшей самаритянки. «Она очень удивилась этому, так как богославные (т.е. иудеи) не имеют общения с самаритянами».

Таково начало общеизвестной и уже приведенной мною выше легенды о том, как евангельский Христос рассказал Самаритянке все ее прошлое и пробыв в ее городе два дня (4.7–40).

А ведь евангельский Христос, как я уже показывал, в основе своей списан с Василия Великого, т.е. Великого царя Юлиана Любомудрца, царствовавшего в Царь-Граде от 361 по 363 год нашей эры.

Как ни коротки эти евангельские указания, но они, даже и без наших табличных сопоставлений совершенно достаточны для того, чтобы убедиться, что самарийцы (или сумерийцы) жили в средние века и были людьми принявшими христианство, но не принявшими обрезания.

Интересно, что это имя совсем отсутствует в библейском «пятикнижии Моисея», но очень часто встречается у пророков, как противополо-

жение богоборцев иудаистам богославным, точно так же, как и во 2 книге «Затерянных дел» (Палалипомена):

«Пошел Иосафат богославский царь к Ахаву (богоборческому царю, т.е. по нашим параллелизмам к Валенту (363-378) в Самарию (ШМРУН)². И заковал для него Ахав множество скота мелкого и крупного и склонял его идти войной на Рамот Галаадский³. Он собрал 400 пророков и оба царя сели каждый на своем троне на гумне у ворот «Сторожевого города» Самарии.

Пророк Богосвятой (Седа-Ия) сына Ханаана сделал себе железные рога и сказал:

«Так говорит Громовержец: Ты забодаешь ими ассирийцев до полного истребления! И все пророки пророчествовали Ахаву:

Идина Рамит Галаадский! Предаст его Громовержец в твои руки (18.1–11)».

А пророк Богоподобный (Михей), за которым послали потом, сказал:

«Я видел Громовержца сидящего на своем престоле и все сонмище небесное стояло направо и налево от него. Кто увлек бы богоборческого царя Ахава, чтобы он пошел и пал при Рамоте Галаадском, – сказал Громовержец. Одни говорили так, другие иначе, но вот выступил один дух и сказал: “Я увлеку его!”. “Чем?” – спросил Бог. “Я сделаюсь лживым вдохновением в устах его пророков”. “Ты увлечешь его этим, – сказал ему Громовержец. – Иди и сделай так!”. Услышав это пророк Богосвятой ударил пророка Богоподобного по щеке и сказал: “Каким путем отошло вдохновение Громовержца от меня, чтобы говорить в тебе?”

– Ты увидишь это, – ответил ему Богоподобный, – в тот день, когда побежишь скрываться во внутреннюю комнату твоего дома» (гл. 18).

Ахав (т.е. по нашим сопоставлениям Валент), продолжает автор, – приказал заточить Богоподобного в темницу на хлеб и воду, пока не возвратится из похода. А перед боем переоделся простым воином. Царь же ассирийский (т.е. царь Народа-Вождя) приказал начальникам своих колесниц не сражаться ни с малым, ни с великим, а только с одним богоборческим царем. Начальники приняли сначала богославного царя Иосафата за Ахава и окружили его. Но когда он закричал, то повернули от него колесницы и уехали. А один из простых воинов ранил Ахава стрелой через швы лат и он умер (как и Валентин, при бегстве от вест-готов при Адрианополе), а Иосафат благополучно вернулся домой (18.30–34).

Мы видим из этого рассказа, что самарийцы в это время уже перестали быть язычниками, и что царство богославное (иудейское по-библейски) и царство суммерийское (Сторожевое по-библейски) были одной и той же

² Т.е. Сторожевую страну.

³ Т.е. на Румынию и Румелию, в которой и теперь есть местность Галата.

культуры не доисторических времен, а нашей собственной эры, не раньше средних веков. Суммерийская культура в Месопотамии была таким образом Ромейская культура в ней.

Это же обстоятельство бросает новый свет и на так называемый «эламский период» относимый к истории той же самой «Ассирийской» культуры. Элалиты (т.е. вероятно Элоимиты, поклонявшиеся библейскому богу Света Элу, откуда и греческое слово Элиос – Солнце), – говорят нам, – был не «семитический» народ, одно время завладевший Ассирией, т.е. Властвующей страной и внесший в нее более высокую культуру.

Но где же такой народ? Загляните в современные европейские переводы Библии и там вы найдете это слово тоже много раз⁴. Посмотрим его сначала в Деяниях Апостолов, «доисторическое происхождение» которых еще никем не доказывается.

«Когда наступил пятидесятый день (после лунного затмения при распятии Иисуса) и все ученики его были вместе, внезапно сделался шум с неба как бы от наступившего сильного ветра и наполнил весь дом, где они находились, и явились им как бы огненные разделяющиеся языки, и пошли по одному на них, и все ученики исполнились святого вдохновения и начали говорить на иных языках. А в Иерусалиме находились тогда набожные люди из всех народов под небесами и каждый слышал их, говорящих на своем наречии: и персы⁵, и арийцы⁶, и эламиты, и месопотамцы, и иудеи, и каппадокийцы, и жители провинций Малой Азии, Понта, Фригии и Памфилии, и жители Египта и Ливии, прилегающей к Кириее, и пришедшие из Рима богославные (иудеи), и новообращенные из Крита и Аравии. И говорили все друг другу: “Они напились сладкого вина”...»

Петр же, встав с одиннадцатью апостолами, возвысил свой голос и сказал: – Муже-богославные и все живущие в Иерусалиме! Они не пьяны, как вы думаете, ибо теперь третий час дня. Но это предречено пророком Бого-богом (Ио-Илем), который сказал: “В последующие дни, говорит Бог, излию мое вдохновение на всякую плоть и будут пророчествовать ваши сыны и дочери, а юноши ваши будут видеть видения наяву, и старцы будут вразумляемы вещими снами (Деян. 2,1–17)”».

Нам нет нужды детально разбирать здесь вопрос, описана ли в этом рассказе о сошествии Святого Духа коллективная галлюцинация первых христиан на пятидесятый день после воскресения их учителя, или этот

⁴ Бытие: 10.22; 14.1; кн. Палаоипоменон 8.24; 26.3; Эздры 1.2.7.31; 8.7; 10.2; Неemia 7.12,34; 10.14; 12.42; Иса-Ия 11.11; 21.2; 22.6; Иеремия 25.25; 49.34,36, 39; Иезекия 32.24; Даниил 8.2; Эздра 4.9; Деяния Апостолов 2.9.

⁵ Парфы или парсы.

⁶ Ариане.

рассказ навеян был случайно ярким вечерним освещением перистых облаков, горевших как огненные языки над какими-то собравшимися энтузиастами. Если это было начало третьего часа еврейских суток (около 8 часов вечера), тогда в указанный день (т.е. в субботу 10 мая 368 года) солнце должно было только зайти, то огненный отблеск вечерней зари, если перед этим было сильное извержение вулкана, наполнившего частицами микроскопической пыли все верхние слои атмосферы, мог действительно заливать огненными языками все побережья Средиземного моря, как предзнаменование того, что благая весть о воскресшем после столбования учителя будет разнесена его прозелитами на всех языках земли.

Я лично склонен думать, что мое второе «объяснение» правильно, но не хочу настаивать на нем. Я здесь хочу только отметить интересный факт упоминания национальности эламитов, как существовавшей еще среди живущих народов во время составления «Деяний Апостолов», которые написаны никак не раньше VIII нашей эры. Значит, эламиты это не доисторический, а средневековый народ. Но какой же это может быть из средневековых? Тут перечислены и персы, и месопотамцы, и египтяне, и римляне, и арабы, и даже мелкие народности Малой Азии, но не упомянуты Эллыны, а если это так, то и эллитская культура в Месопотамии была греческая культура, но другого оттенка.

В книге Бытие патриарх Элам называется старшим сыном Сима и стоит рядом со своим братом Ассиром (вождем, т.е. германцем). Это не соответствует нашему современному разделению рас, но ведь и зайца с тушканчиком и даже со свиньей не считаем мы теперь, как считали авторы Библии за жвачных, и не признаем как они летучую мышь — за птицу, а крота, ящерицу и улитку за одну и ту же группу пресмыкающихся животных, как это утверждает Библия.

Новейшие толкователи Библии отнесли эламитов в Птоломеевскую и Страбоновскую Сузиану, т.е. в область к востоку от нижнего течения реки Тигра с главным городом Сузой, но ни о каком обособленном религиозно-культурном народе там нет и воспоминания, а сама Библия не указывает точно их места.

Эламиты упоминаются, между прочим, и в Первой книге Эздры (1.2,7,31) при перечислении богоборцев, возвратившихся из пленения в Иерусалим для возобновления храма, причем сыновей Элама вышло тысяча двести пятьдесят четыре (1.2:31), но такого рода указания нам ничего не говорят определенного, кроме того, что в числе изгнанных с родины богоборцев были и такие.

Более определенно говорится об эламитах в книге Иерем-Ия, в подражание Апокалипсису:

«Я взял чашу гнева из руки Громовержца, – говорит “Иеремия”, – и напоил из нее все народы, чтобы опустошить их и сделать посмеянием, ужасом и проклятием: фараона царя Миц-Римского, всех царей Уца, Филитии, Аскалона, Газы, Экрона, остатков Азота, Эдона, Моава, Аммонии, Тира, Сидона, Островов за морем Дедана, Фемы, Бузы и всех стригущих пейсы и всех царей Аравии, разнопленных, живущих в пустыне и всех царей Зимврии, Элама, Мидии и северных стран близких и дальних друг другу, и все царства на лице Земли, а царь их ШШК выпьет после них» (Иер. 25, 17–26).

Начертание ШШК, по толкованию талмудистов, есть ни что иное, как каббалистически перевернутое вверх ногами ББЛ, т.е. Врата Господни⁷. Сравнив это место с другой фразой Апокалипсиса: «В чаше, в которой она разбавляла нам вино, разбавьте ей самой вдвое» (Ап. 18.6), мы видим, что все это место послеапокалиптического происхождения и принадлежит уже средневековью. Автор его, по-видимому, даже не знал ни аллегорического значения Великого Вавилона у Иоанна – как изображения тогдашней ромейской церкви – ни такого же значения Тира и Сидона, а потому и упоминание у него о эламских царях не имеет никакого значения.

Ничего не говорит ни уму, ни сердцу, также и место в книге Иезек-Ил, где автор «низвергает Миц-Римский народ в преисподнюю, в которой уже лежат Асбур, Элам, Моск, Фувал и Эдом со всеми их полчищами» (32.22–29). Не имеют значения и слова Исаии, что Громовержец «возвратит себе остаток своего народа, пребывающий в Ассирии, Египте, Патросе, Хусе, Эламе, Сеннааре, Емафе и на Морских островах (11.11), а также и мелкие восклицания вроде: «вот день смятенья и замешательства в долине виденья! Ломают стену и крик восходит на горы и Элам несет колчан и Кир (т.е. Господь) обнажает щит» (23.5).

Не такими отрывочными замечаниями мы должны руководиться, чтобы устанавливать целый период исторической культуры. Все они лишь отголоски средневековой мистики, в которой можно только завязнуть. И мы должны смело сказать только одно: дохристианские Эламиты – это чисто легендарный народ, а поводом к возникновению такой легенды послужило эллинское влияние в Месопотамии.

Мы видели уже не раз, что под Великим Вавилоном или крепостью Врата Господни подразумевалась почти всегда Римско-Византийская церковь и империя, а вовсе не отдаленный месопотамский Кадингир или Тинтир на берегу Евфрата, который при том же, если верить господствующим до настоящего времени историческим преданиям, перестал суще-

⁷ Действительно, если будем отсчитывать буквы снизу вверх по еврейскому алфавиту, то Ш будет по мету соответствовать Б, а К соответствовать Л.

ствовать еще в 538 году до начала нашей эры, когда он будто бы был разгромлен персами и больше не поднимался. Как же мог автор Апокалипсиса описывать его в 395 году нашей эры (или по церковному в 79-м) так, как будто он еще существовал в его время? Ведь это то же самое, как если бы какой-нибудь из современных знаменитых церковных проповедников вдруг вдохновившись, стал бы громить с церковной кафедры давно забытую его паствой средневековую империю Карла Великого, предсказывая ей, как будто еще существующей и могучей, страшный конец! Ведь его посадили бы в сумасшедший дом, а не на Константинопольский патриарший престол, как посадили насильно автора Апокалипсиса.

Но даже допустив, что Тинтир-Кадингир еще процветал под этим наименованием во время возникновения Апокалипсиса на отдельных от Патмоса берегах Евфрата (что опять-таки перевертывает всю традиционную хронологию Месопотамии), ясно, что Иоанн называл Великим Вавилоном не его тогдашнюю греческую церковь, о которой он пишет к чтецу известий в Ефесской общине, ожидающих возвращения Иисуса:

«В тебе хорошо то, что ты ненавидишь дела николаитов (т.е. приверженцев господствовавшей тогда народопобедной церкви), которых ненавижу и я» (Ап. 2.6).

Апокалипсис прогремел, произведя страшное смятение во всем читающем и даже нечитающем мире на побережьях средиземного моря. И вот Византийская народопобедная (николаитская) церковь сразу переменяла фронт и объявила страшную книгу своим собственным пророчеством, апокрифизировав ее затем легендарному Иоанну Богослову, жившему будто бы еще в первом веке нашей эры, перенеся туда же перед безграмотным населением и самого Иисуса. Апокалиптические грозы на Врата Божии — были отведены православными толкователями на неповинный ни в чем Кадингир, еще цветущий город на берегу Евфрата, на который и обрушилась слепая ненависть всех верующих христиан. А пророки, например, автор книги Иерем-Ия, по-видимому, еще понимали, в чем дело.

«Возвестите всем народам — гремит последний через полсотни лет после смерти автора Апокалипсиса: — взят, взят Вавилон! Посрамлен Юпитер, сокрушен Марс! Посрамлены изображения его, сокрушены мерзости его! Пришел на него народ с севера, он превратит его в пустыню и не будет в нем жителей. От человека до скота все удалятся из него! Бегите из Вавилона, выходите из страны астрологов, как передовые овцы перед овечьим стадом! Выстройтесь в боевой порядок около Вавилона, все натягивающие лук, стреляйте в него, не жалейте стрел, потому что он согрешил перед Громовержцем! Кричите вокруг него! Опустились его руки, развалились основания, разрушились его стены. Отомстите же ему, как он по-

ступал с нами, так и вы с ним (прямо апокалиптическое восклицание)! Истребите из Вавилона сеятеля и жнеца во время жатвы, пусть всякий бежит к своему народу от губительного меча! Богоборцы теперь, как рассеянное стадо, львы разогнали его. Сначала ел их царь «ассирийский», а «вавилонский» царь обглодал и кости их. За это, — говорит грядущий с небесными воинствами бог богоборцев, — я накажу царя Вавилонского, как наказал уже царя Ассирийского» (Иер. 50.2–17), т.е. накажу Византию, как наказал уже Германско-римскую империю. Не забудем, что различные авторы библейских книг различно локализовали те же самые названия и не раз путали их между собой.

Разделение ассирийского царя от вавилонского, причем ассирийский предшествовал последнему, наводит на мысль, что у автора еще сохранилось воспоминание о том, что под Вавилоном подразумевалась в Апокалипсисе Византийская церковь.

В таком же, чисто апокалиптическом роде, встречается выражение о Вавилоне и у других пророков. Только у автора книги Иезек-Ил это апокалиптическое название заменено, как мы уже видели выше, прямым названием Цезарь или Царь (ЦР), но греческие толкователи Библии отвели перед своей паствой и этот удар по их империи, направив ее негодование на незначительный поселок Сайду на сирийском берегу Средиземного моря.

Сравнивая приведенный в предшествовавшей главе отрывок из Иезеки-Иля с его первоисточником в Апокалипсисе, мы убеждаемся до очевидности, что автор книги Иезеки-Ил настолько хорошо знал, к какому городу или учреждению относится имя Вавилон, что не счел нужным даже и удерживать его и назвал прямо Царь-Градом (Цор-город, как вероятно назывался и Итальянский Рим).

Так уходят из Передней Азии древние Ассирия и Вавилония в средневековую Европу и легенды о них становятся характеристикой ее средневековой жизни. И те из Иракских клинописей, которые не подложны, составлены там миссионерами из Балканских ариан, судя по их полуеврейскому-полуславянскому языку.

Этим выводом я и мог бы закончить мое исследование об Ассиро-Вавилонии, но в виду неожиданности такого вывода для моих современников, я рассмотрю этот вопрос еще с другой точки зрения.

Глава III

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ, ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ И ЧИСТО ЛОГИЧЕСКИЕ НЕСООБРАЗНОСТИ НАШИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ ИРАНА И ИРАКА. ВОЛШЕБНАЯ СКАЗКА О ДРЕВНЕ-ПЕРСИДСКОМ (-538, -330 гг.) ЦАРСТВЕ БЕЗБРАЧНИКОВ (АХЕМЕНИДОВ ПО-ГРЕЧЕСКИ) И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СЛЕДЫ ИЗ НЕГО В СРЕДНЕВЕКОВУЮ ЕВРОПУ

Коснемся еще раз филологической и географической части, как поддающейся непосредственной проверке.

Начнем с ономатики, совершенно неглижируемой ортодоксальными историками классической школы.

На всех наших географических картах от малых до великих, главную реку Месопотамии называют Евфратом. К западу от нее помещают Сирию, а к востоку – сначала Месопотамию и еще далее Персию. Но если вы слетаете на аэроплане в эти страны, почти недоступные для ученых европейцев даже и в XVIII веке, то убедитесь, что там о них даже и не слыхали.

Евфрат там называют Ель-Фара, а в европейской Библии вместо Евфрата стоит ПРТ или ФРТ, так как П от Ф там не отличается в орфографии, как у нас под буквой Г объединяются и h и g и вместо Тигра пишется ХДКЛ. А Месопотамию местные жители называют Ираком, а Персию – Ираном.

Еще хуже становится дело, когда вы захотите справиться о тамошних древних государствах.

Нам говорят, что в южной части Месопотамии была древняя Вавилония или Халдея, имя которой (Bab-Plu) значит Врата-Господни, а второе Халдея – того же смысла, как и русское слово колдунья¹. Но ни о какой Халдее или Колдунье вы там не получите сведений, а древнюю ее великолепную столицу Врата-Господни (по-греко-русски Вав-Илон) европейские теологи, сильно заинтересованные поисками развалин «Вавилонской башни до небес», бесплодно искали вплоть до половины XIX века. И вот, наконец, геройски решившись найти ее во что бы то ни стало, поехал туда из Англии в начале пятидесятых годов прошлого столетия Вильям Лоф-

¹ Оба слова происходят от того же корня КЛД — колдовство, откуда также слово культ, сначала в смысле религии, а потом и культуры вообще.

тус² и... действительно нашел! Т.е. за неимением лучшего, признал за Врата Господни ряд каких-то средневековых развалин, хотя среди них и не оказалось ничего похожего на огромную башню до небес или на ее остатки. С тех пор страна эта стала доступна для европейцев и побывали там многие ученые экспедиции. Но все их распросы и розыски оказались бесплодными. Ничего вавилонского там не было.

Вместо предполагаемой Вавилонии там оказалась равнина Ирак-Араби, вместо древней Мидии (о которой там никто не слышал) оказался Ирак-Аджелы со столицей персидского шаха Тегераном к югу от Каспийского моря. Да и о самой своей Персии ее собственный шах узнал только из европейских книг после возникновения книгопечатания, а до тех пор думал, что она называется только арианским царством, иначе говоря – Ираном. Да и бухарский эмир, может быть, даже и в XIX веке нашей эры еще не знал, что его царство выродилось из когда-то могущественной и знаменитой Бактрии, где за две тысячи лет до него пировал будто бы с его предками Александр Македонский.

Таковы первые печальные результаты нашей филологической разведки. А дальше мы увидим еще худшие. Почти все имена царей окажутся там такими, каких местные жители этих стран не сумею даже запомнить без специального обучения греческому языку.

Оставив это для дальнейшего изложения, мы обратимся теперь на время к географии, воспользовавшись изложением одного известного европейского историка Востока.

«Реки Тигр и Евфрат, – говорит он (по обыкновению современных европейских ученых даже и не упоминая, что Евфрат на своей родине называется Ель-Фара, а после слияния Шат-Эль-Араб), – являются главными артериями этой страны. Громадные массы их воды во время ежегодных разливов превращают в низовьях прибрежные равнины в миазматические болота и оставляют сухой пустыней не покрываемые ими внутренние возвышенности. Летняя температура по временам достигает здесь 66° Цельсия, и раскаленный воздух бывает насыщен водяным газом. На всем протяжении между обоими реками очень часто свирепствуют песчаные ураганы, засыпающие одни места и обнажающие другие. Меньшие реки к востоку от Тигра часто пропадают на своем пути или кончаются болотом, а та страна, которой принадлежит название Месопотамия (по-гречески Междуречье) на огромном протяжении представляет пустынную почти безлюдную равнину с каменистой и песчаной почвой. Растительность бедна, а из животных здесь встречаются антилопы, дикие ослы, страусы, тигры и редкое население главным образом из арабов, курдов,

² W.K. Loftus. Travels and Researches in Chuldea and Susiana. 1857.

сирийцев, армян и турок, и не осталось никаких признаков того, чтоб эта обширная, неспособная к самостоятельной культуре страна, когда-нибудь была богатейшею на протяжении многих тысяч лет».

А мы еще прибавим от себя: единственный крупный город ее Багдад (т.е. Бого-данный) по своему стратегическому положению никогда не мог иметь значения столицы крупного самостоятельного азиатского государства с владениями, далеко уходящими от реки Тигра, а мог как и теперь быть только складочными пунктами индийских, арабских, персидских и сирийских товаров. Остальные же города, лучшими из которых являются Моссул на севере и, пожалуй, Басра на юге после слияния Тигра с Евфратом еще менее приспособлены для центров военной власти, так как подобно самому Багдаду являются как бы оазисами в стране, лишенной естественных удобных путей сообщения в обе стороны от русла своих больших, но мало ветвистых рек.

Знаменитый Геродот, описывающий цветущую культуру этой страны будто бы «за пять веков до Рождества Христова» очевидно никогда в ней не бывал. Рассказ его о том, что между 300 и 4000 лет (до пресловутого Рождества Христова) тут была наивысшая на всем земном шаре культура, что «миазматические болота» были осушены и гигантская сложная сеть искусственных каналов (ни малейших следов которой теперь нет) разносила плодородие по всей стране и что ряд сухопутных и водных путей сообщения соединял эту область с отдаленными странами, — такая же волшебная сказка, как и все другие о «чудесах Востока», написанные в то время, когда он был еще недоступен для европейцев.

Серьезному человеку, особенно знакомому с учением Маркса о трудовой ценности произведений человеческих рук и с учением современных физиков об энергическом эквиваленте всякой работы, смешно, взглянув на географическую карту Азии, читать об этой местности такие выражения: «торговые пути, удовлетворявшие в то же время и стратегическим целям, были проложены (за три тысячи-то лет до «Рождества Христова»!) отсюда по всем направлениям: в Бактрию, Бухару и Мидию (Иран), в Аравию, Персию, Индию, Армению, Переднюю Азию и т.д.

«Богатства, стекавшиеся сюда, — говорит один известный немецкий ученый, — были так велики, что в конце концов потопили и саму империю»... .

Как будто товары — дождевая вода, текущая с неба, а не предмет, требующий обратного эквивалента в места своего производства! — невольно восклицаем мы, — и кроме того, если береговые полосы Тигра и Ель-Фара (Евфрата) богатели исключительно потому, что эти реки были торговыми посредниками между соединяемыми ими отдаленными странами, то всякая война мгновенно прекращавшая торговлю, была гибелью для жите-

лей такой местности. А между тем, их-то нам и выставляют самыми воинственными! И вот вся волшебная империя Врат-Господних, просуществовав с лишком три тысячи лет, вдруг рухнула, благодаря простому «появлению из Персии царя Кира, а потом Дария».

Кто же такой был этот злодей Кир и когда он жил?

Имя вовсе не персидское, а греческое и значит «царь», а имя Кирилл значит царевич.

Во все европейские языки проникло это слово, особенно в уменьшительном виде. Кирилла, т.е. второстепенного властелина, а также и Карла. Напишите имя Кирилл по еврейской орфографии с пропусками внутренних гласных и получим начертание КРЛ, которое прежде всего прочтите по-немецки Карл, по-русски Король, а по-польски Круль и лишь по-гречески Кирилл. От этого же имени КИР происходят имена Кирион или Кирик, т.е. герольд; Кириак, т.е. царский, и несколько десятков греческих слов³. Сомневаться в греческом происхождении имени Кира невозможно, хотя с греческого языка оно и перешло позднее на еврейский язык, переменяв, как это часто бывает и у современных евреев, звук с на ш, и вместо Кюрос вышло Куреш или Кореш (КРШ). А то обстоятельство, что это имя не национальное иранское или еврейское, или вообще семитское, ясно из того, что оно там не имеет никакого подходящего смысла. Подобно тому, как Акулина (орлица по латыни) или Соломонида (миротворица по-еврейски) лишь случайно сходны с русскими словами акула и солома, так и имя Кореш лишь случайно созвучно с еврейским словом Креш — живот и происходить от него не может, хотя это (очевидно, с отчаянья) придумал гебраист Суидеп. По-гречески же слово Кир служит и до сих пор собственным именем. Так, православная церковь и теперь празднует 31 января память чудотворца Кира, и это слово вошло даже как княжеский титул в язык старинной Руси, и, например в русских летописях сын Всеволода Глебовича называется Кир Михаил, и Киром же называется Царь-Градский Патриарх 705—711 годов, лишенный престола императором Василием Варданом.

При узко-национальном характере всех старинных культур совершенно невероятно видеть в Иране императора с греческим именем Кир, а между тем мы видим там даже двоих: старшего Кира, упоминаемого в Библии и жившего по словам теологов будто бы еще между минус 559 и минус 529 годами и младшего Кира, сына Дария Нота, жившего, будто бы, через 130 лет после предшествовавшего. Первый, говорят нам, основал «Древ-

³ Кюриа — царица, госпожа; Кюриакос — принадлежавший властелину; Кюриакон — божий храм; Кюриевс — владычеству; Кюриолектикос — буквально понимающий; Кюриотес — владычество; Кюрос — сила; Кюроо — утверждаю и т.д. Сам бог в молитвах называется по-гречески Киром.

не-Персидскую Монархию», а второй восстал против своего брата царя Арта-Ксеркса (Арта-хшатры, имя которого есть тоже искажение греческого Орто-Кесарикос, прямо кесарский, неизбежное в еврейской транскрипции без промежуточных гласных и при одинаковости начертания для гласных А и О, сохраняемых только в начале и конце слов⁴), призвав на помощь 10 000 греков под начальством Ксенофонта, но был разбит своим братом, будто бы еще в минус 400 году до начала нашей эры, что и описано в «Анабазисе» Ксенофонта вместе с отступлением самих греков. Но я не буду говорить здесь об Анабазисе, носящем полный характер литературного произведения эпохи Крестовых походов, а остановлюсь только на первом Кире-Короле. В исторических книгах Библии его имя встречается только раз в самых последних строках второй книги «Слова Денные». Паралипоменон по-гречески. Описав в нескольких словах захват Города святого Примиренья (Иерусалима) служителями культа («халдеями»), автор говорит: «В первый год Кира (т.е. Кирилла или Карла) царя Парасского (библейское начертание этого слова ПРС читается Парас или Пари⁵), когда исполнилось слово Господа, сказанное Божиим стрелцом (Иеремией), возбудил Господь дух Кира (т.е. Короля), и он повелел объявить по всему своему царству словесно и письменно:

– Так говорит Кир, царь ПРС-ский, все царства земли отдал мне небесный бог и возложил на меня постройку храма ему в городе Святого Примиренья, что в Богославной стране. Кто из его народа, тот пусть идет с богом» (Паралипоменон, гл. 3, 22–23).

Но эти строки – позднейшая приписка, потому что во всем остальном своем содержании (как я уже показал в I томе Христа) книга «Слова Денные» есть простой экстракт из библейских же книг «Цари», которая оканчивается как раз перед этим и не содержит никаких упоминаний о приказе Кира (имя которого, как я уже сказал греческое и значит просто царь). Да кроме того, легко определить, откуда взята и приписка. Это первые три строки книги Ездры (1–3), которая посредством такого переходного моста и сделана продолжением «Слов Денных». Она и содержит подробный рассказ о постройке храма в городе Святого Примиренья..

Приказ Кира относится автором книги «Слова Денные»⁶ ко времени истечения 70 лет после гибели последнего богославского царя Седекии

²³ Напишите сами слово Орта-Кесарикос по-еврейски и у вас выйдет АРТА-КСРКС, т.е. Арта-Ксеркс, значит и слово Ксеркс (КСРКС) греческое и значит Кесарский наместник.

⁵ Начертание ПРС-ский созвучно с прусским или борческим, но никак не с Иранским царем, потому что в Азии никогда не было Переш, а только есть область Фарсистан, т.е. столица фарсов на восточном берегу Аравийского залива, где не указывается нам никакой империи.

⁶ Паралипоменон, II, 36—21.

(т.е. Святого). Если читатель уже забыл содержание первого тома этого моего исследования, то пусть он там посмотрит в третьей части четвертую главу, где по таблице XX дано отождествление библейского Седекии с Византийским царем Константином Паганатом (668–679 гг. нашей эры), а библейского «Навугодоносора» с Моазией Калифом, отнявшим у Византии Египет и Сирию. А 70 лет после Константина Паганата дают 750-й год, время Константина Копронима (741–775), иконоборца, осквернившего свою купель при крещении и больше ничего серьезного не сделавшего.

В этом самом 750 году Абдул-Аббас-Саффах (т.е. Кровопроливец) родоначальник династии Аббасидов вводит, – говорят нам, – агарянство в Месопотамии и делает своей столицей город Бого-данный (Багдад), служивший после этого резиденцией Калифов вплоть до 1258 года. Отсюда можно бы заключить, что этот Кровопроливец и есть знаменитый Кир греческих авторов. Но дело в том, что тут решение раздваивается. Оказывается, что в том же самом 750 году, в котором Абдул-Кровопроливец (749–754), уничтожив династию Омайядов в Дамаске в лице Мервана II, основал в Бого-данном городе – Багдаде новую персидскую династию Аббасидов, в средней Европе совершается совершенно параллельное событие. Каролинг Пипин Короткий (741–768) уничтожает с согласия великого римского понтифика династию Меровингов, в лице ее последнего представителя, и в 751 году коронуется королем (т.е. Карлом) франкского королевства. Правда, этот последний Меровинг называется тут не Мерваном или Мер-Ваном, а царем Хильдом (Хиль-де-рихом) III, но это совпадение крушения двух прочных династий и в Персии и в «Паризии» знаменательно тем более, что через 37 лет после Сафара в Персии является знаменитый Гарун-Аль-Рашид (785–809), а франкскую империю завершает присоединением Баварии (788 г) не менее знаменитый его современник Карл Великий тоже через 37 лет после низвержения меровингского Мервана Хиль-де-риха III.

Итак, кого же имела в виду библейская книга Слова Денные (Паралипоменон) под именем Кира, разрешившего богославцам возвратиться на родину Сафраха ли Кровопроливца или Пипина короткого в день его коронации в Риме?

Пойдем теперь и далее. Клерикальные историки путем различных сопоставлений пришли к выводу, что несмотря на разрешение Кира вернуться на родину, храм в Святом городе не смогли построить через 70 лет после «пленения», и потребовалось новое повеление уже не Кира, а Дария, так что дело было окончено Ездрую через 131 год после пленения (табл.).

Считая опять царя Седекию за Константина Паганата (668–779) и прибавив к его концу 131 год, получим 810 год. Но храм строился несколько

лет и вот для начала его постройки мы приходим приблизительно к 800 году, когда Кард Великий – говорят нам, – короновался в Риме уже не королем франков, как Пипин Короткий в 751 году, а римским императором.

Опять является вопрос: кого же считать библейским Киrom? Карла ли Великого или Гаруна-аль-Рашида. Ведь оба они царствовали в одно и то же время: Карл от 771 по 814 год, а Гарун-аль-Рашид от 786 по 809, или оба они были один и тот же царь?

Посмотрим, не помогут ли нам решить этот вопрос другие указания нашего древнейшего первоисточника по этому предмету – Библии.

Вот что говорится в пророчестве «Спасение божие» (Иса-Ия по-еврейски 44, 28).

«Я держу тебя за правую руку, – говорит Громовержец помазаннику своему Киру (заметьте: помазаннику, какими были только христианские короли, а никак не персы!), – чтобы повергнуть пред тобою народы (45, 1). Я называю тебя по имени возвеличиваю тебя, хотя ты меня не знаешь» (45, 4) и т.д.

Но кроме этих слов у Исаии о Кире ничего нет. Да и у Даниила о нем лишь три отметки и все в общем виде, например, что Даниил «благоуспевал в царствование Кира царя ПРС-ского (по библейской транскрипции, где начертание ПРС можно читать с любыми промежуточными гласными)». И я напоминаю, что и для описанной в книге Даниила комете «Манифакел-фарес» (вернее Мене-Мене, Текел у Парсин) астрономическое определение дало мне, как наилучшее из двух решений 837 год, т.е. время преемника Карла Великого, как выходит и по тексту Библии.

Но это становится так интересно, что я должен тут специально остановиться.

Прежде всего посмотрим, на сколько сходятся лингвистические следы с нашими основными хронологическим руководителями: астрономическим вычислением и методом хронографических матриц, т.е. диаграмматическим наложением времен царствования последовательных царей одной династии во времена последовательных царствований другой, которую мы предполагаем списанною с первой, и считаем, что если времена эти параллельны (рис.), то и династия та же самая лишь с иноязычными прозвищами. Рассмотрим с этой точки зрения все Библейские упоминания.

1. Вот пророчество Исаия (т.е. по-еврейски Спасение Божие). В заголовке его последующий копиист поставил: «Пророческое видение Исаии...» во дни Озии, Ахаза, Езекии, царей богославных (1, 1).

Метод хронологических матриц отождествил у нас Озию с Ромейско-Византийским Феодосием II, воцарившимся в 408 году, а Езекию с Анастасием, умершим в 518 году. Значит, дело было между 408 и 518 годами. А описанные тут две кометы (Христос, кн. I, гл. VIII) оказались: одна

442, а другая (комета Галлея) 451 года, т.е. обе при Феодосии I. Обе кометы подтвердили друг друга и указали время Феодосия I.

2. Вот библейское пророчество Стрелец Божий (Иерем-Ия). В заголовке его какой-то копиист поставил: «Слова Иеремии в 30 год царствования Иосии царя Богославного».

Метод хронологических матриц отождествил нам Иосию с Гераклием (610–641) и комета 451 года, описанная у Иеремии, дает, как и предшествовавшее время, Феодосия II (408–450). А взглянув на наши хронологические матрицы, мы видим, что Феодосий II отождествился у нас с богославным царем Озией, а не с Иосией. Так в чем же дело? Ведь теологи говорят, что и Исая и Иеремия жили одновременно, следовательно, и перепугались той же самой кометы 442 года.

Ответ тут прост: копиист, не разобрав прежнего и может быть уже обветшавшего списка, вместо «Осии» написал «И-Осия», и вместо 34-го года царствования поставил 30-й год (или мы сами должны считать воцарение Феодосия не с 404, а с 112 года). Так астрономический метод дал нам возможность исправить тут опisku копииста.

3. Вот библейское пророчество Сильный (Амос по-еврейски). В заголовке его какой-то копиист говорит: «Слова Сильного во дни Озии царя богославного и Иероваама царя богоборческого, за два года перед землетрясением». Время здесь опять (по хронологическим матрицам) – царствование Феодосия II (408–450). А описанное в нем полное солнечное затмение (кн. 1) было 19 июля 418 года. Здесь астрономический метод подтвердил опять метод хронологических матриц, и наоборот.

4. Вот библейское пророчество Осилит Бог (Иезеки-Ил по-еврейски). Это длинное, в сорок пять глав пророчество – явный сборник многих, ничем не связанных друг с другом пророчеств. В нем чуть не половина глав начинаются словами: «И было ко мне слово господне следующее».

Только в 1 главе после слов: «В тридцатый год в 5 день четвертого месяца раскрылись небеса, и я видел божии виденья», сделана явно повторная пояснительная вставка какого-то переписчика:

«В 5 день месяца того года, который был пятым от пленения царя Иоакима».

Но тут явная путаница. Ведь если видение было на третьем году после пленения Иоакима, царствовавшего 11 лет, то это было на 16 году от его воцарения и через 47 лет после воцарения его предшественника Иосии, царствовавшего 31 год... Так от какого же царствования считал бы тут автор свой 13-й год? Явно, что от пустого места. А так как от пустого места еще никто не считал годы, то и вставка в 5 день месяца того года, который был пятым от пленения царя Иоакима, – позднейшая фальсификация.

Мое астрономическое вычисление, сделанное для первой главы этого пророчества, показывает, что тут описано соединение Юпитера, Сатурна и Марса в созвездии Весов в ночь с 4 на 5 июля 453 года нашей эры. А это дает 3 год Маркиана — преемника Византийского императора Феодосия II, т.е. того же Озии, при котором были и предшествовавшие пророчества.

Здесь опять вместо Озии взят И-Осия и ясно с какой целью. Ведь если бы копиист поставил Феодосия, то оказалось бы, что все грозные пророчества сбылись только через 200 лет, а это было бы, конечно, слишком долго, и надо было поправить дело, переправив Озию в И-Осию.

5. Вот пророчество Спасения (Осия, по-еврейски Ошеа), датированное даже двойко: во время Иеровоама II Богоборческого, отождествляющегося по способу хронологических матриц с Гонорием (395–423), и во дни Озии, Ахаза, Езекии, отождествляющимися с Феодосием, Зеноном и Анастасием (408–518). В нем нет ничего астрономического, но стиль той же эпохи, и он подтверждает дату копииста.

6. Вот пророчество Михей, датированное днями Иотама и Иезекии, отождествляющееся у нас с Ромейско-Византийскими Львом I, Зеноном и Анастасием (457–518). И оно явно той же эпохи.

А затем следуют уже пророчества другого стиля, относящиеся ко времени Геджры и ярк рисующие страшную катастрофу на юго-востоке Средиземного моря. Вот они.

7. Пророчество Самозащита Божия (Софония по-еврейски), датированное в заголовке временем Иосии, т.е. Гераклия (610–641). Если мы припомним, что в это время произошла метеоритная катастрофа в Южной Аравии и Эра Бегства (Геджры), то не удивимся, что там художественно описан день ужаса и опустошения, день тьмы и мрака, день облака и мглы, день трубы и бранного крика против укрепленных городов и высоких башен (1, 14–16). «И будет (т.е. был) в тот день вопль у ворот Рыбных, и рыданье на другом конце города, и вой великого бедствия с холмов (1, 10). Горе жителям приморской страны народу Критскому! Слово бога Громовержца против тебя, Земля Палестинская: я погублю тебя и не будет у тебя жителей» и т.д и т.д. Затем следует описание общего ужаса и бегства (геджры) настолько хорошо, что стоит прочесть. Значит, оно несомненно относится к эпохе Геджры (622 год).

8. Пророчество Господь-Бог (Ио-Иль) совсем не датировано. Однако, считая, что эпоха его та же самая, и что многие выражения повторены тут буквально из Софонии, мы приходим к заключению, что описанный и здесь «день тьмы и мрака, облака и тумана» (в начале 2 главы) относится к той же метеоритной катастрофе в Аравии, как и в описании Софонии.

9. Вот пророчество Помнит Бог (Захария): копиист в его заголовке ставит уже не царствования богославных царей, а «перса» Дария:

«Во втором месяце во второй год Дария было следующее слово к пророку Захарии».

Датировка Дарием выделяет это пророчество из только что перечисленных, а между тем по стилю оно должно относиться если не к тому же поколению, то к тому же веку, что и они.

Астрономическое вычисление, по указанному тут соединению планет под ногами Змеедержца дает 453 год, т.е. тот же самый, как и для Иезекиила. В обоих описана та же самая планетная констелляция. Так почему же копиист поставил тут второй год Дария? И какой это Дарий (т.е. Дарованный царь), воцарившийся за два года перед этим, т.е. в 450–451 году? Ведь это мог быть только Ромейско-Византийский Маркиан (450–457), руководясь традиционной хронологией, ни тот, ни другой не годятся для роли Дария по их характеристике. Тут очевидно, Дарий просто поставлен по догадке какого-то позднейшего копииста, тогда как надо было поставить какого-то другого царя, пропущенного между Озией и Иотамом, по-видимому Азарию, отождествляющегося у нас с Маркианом, и тогда воцарение Маркиана придется вместо 450 года признать в 451 или 452 году нашей эры.

Здесь астрономия показывает нам лишь злоупотребление со стороны кого-то именем Дария Ставленника, который был из совсем другой эпохи.

Перейдем теперь и к самой «древне-персидской» знаменитости – к Дарию, имя которого по-еврейски пишется ДРИУШ и произносится теперь евреями как Дариас и Рориаш. Теологи производят его от еврейского корня ДРУШ, читаемого как Дарош, со значением «вопрошаемый», исследуемый. Гебраист Круден переводит его «he that enquires himself and informs himself», т.е. «Спрашивающий себя и информирующий себя». Но это то же самое, что производить Соломону и Акулину от русских слов солома и акула. Никто в древности не дал бы своему сыну такого ни на что не годного по смыслу имени, а дал бы что-нибудь более типичное вроде Святослава или Владимира. Значит, это имя иностранное и происходит от славянского «дар» или от греческого Дориос (Δωρίος) иначе Дорикос (Δωρικός) со смыслом – дарованный⁷. Оно перешло даже и в латинский язык в слове «doron» и от него же происходит слово дорический (т.е. спартанский) стиль в архитектуре и суровое воинственное племя дорийцев будто бы еще за 1104 года «до Рождества Христова» покорившее греческий полуостров вместе с богатырями-гераклидами.

⁷ В славянском от этого слова много производных, да и в греческом тоже, например δωρεία (дорейя) — дарование; δωρεαν (дореан) — даром; δωρετήρ (доретер) — даритель; δωροδοκία (дородокия) — взяточничество и т.д.

Таким образом, не может быть сомнения, что вторая «вавилонская» знаменитость Дориош-Дарий носит европейское имя, хотя бы оно и писалось гвоздеобразными письменами «на пустынных скалах далекого Ирана».

Этот царь – Дарий совсем не упоминается в «Исторических» библейских книгах, а только главным образом в отдельных повествованиях Ездры и Даниила, в которых говорится и о Кире. Так у Ездры сказано, что жители Палестины мешали богославцам (иудеям по-еврейски) строить разрешенный им зрам единому богу в Палестине во время «Кира» до воцарения «Дария», причем между обоими ставят еще царей Ах-Шуруша или Артаксеркса (АРТХШШТА) и кроме них вводят еще Аснафара (АСН-ФР), в такой последовательности:

Кир и при нем Зоробабель – зритель Врат Господних (или чуждый Врат Господних) пришел в Святой Город и начал строить храм (Ездра 1, 1)

Дарий I (4.6)

Ага-Сфер (АХШУРУМ, гл. 4, 6)

Арта-ксеркс (АРУШШТА, гл. 4, 7)

Дарий II (окончил храм в Святом городе)

Арта-Ксеркс Персидский (при нем построены стены Святого города):

Но почему же, – скажете вы, – храм строился так долго, целых четыре царствования!

Очень просто! – находчиво отвечают вам желающие согласовать уже упомянутое нами противоречие последних строк библейской книги «Паралипоменон» с классическими указаниями⁸. Постройка храма остановилась благодаря проискам иноверцев и богославыцы обратились, наконец, через тридцать с лишком лет к новому Дарию, который возобновил строительство, и храм был окончен 3 Адара 6-го года Дария Второго.

Но это только совпадение двух Дарованных царей, занимающихся постройкой одного и того же храма без объяснения – почему, заставляет нас спросить: а не был ли второй Дарий дарован нам теологами специально для того, чтобы замазать хронологическую неувязку книги Паралипоменон с классической хронологией Скалигера? Рассмотрим подробнее этот предмет.

Заголовок «во втором году Дария» дан еще и пророчеству Агтей (от греческого агиос – святой, которое, впрочем, представляет собой не пророчество, а повеление Зоро-Бабелю, т.е. Зрителю Врат Господних, строить храм богу отцу, но не указывается, что в «Иерусалиме».

Мы видим, что при нашем хронологировании первичные материалы всех пророчеств сводятся к двум эпохам: 1) к после-апокалиптической и

⁸ Я уже говорил выше, что Паралипоменон (II, 36, 2) совершает постройку этого храма через 70 лет после «пленения» Седекии, а классики через 131 год.

2) к эпохе возникновения агарянства и начала хождений в Мекку на поклонение обломкам метеоритной катастрофы с 622 года нашей эры. А тексты указанных здесь пророчеств должны быть средактированы уже после Гарун-аль-Рашида, но отнесены к нему под именем Дария и помечены годами его царствования.

О сыне Дария, царе Ксерксе (809–816), в библии ничего нет, да и имя его – Ксеркс – не семитическое, а искаженное греческое слово Кесарикос, т.е. Кесарьский. Представьте себе только, что это слово, как принято за правило в семитических языках, написано с выпущением всех гласных, вы получите КСРКС. Не зная, что это греческое слово Кесарикос, вы и прочтете Ксеркс.

Точно так же и Артаксеркс есть греческое слово Ортокесарикос – настоящий кесарьский, так как и его нельзя иначе написать по-семитически как АРТ-КСРКС. Правда, что и по-еврейски и в клинописях это имя еще дополнительно перековеркано в АРТ-ХШШТА, созвучно с Орта-Христа, в смысле «настоящий Христос», но такого рода порча тоже не редкость. Припомните только на сколько ладов переделано слово Иисус Христос на разных языках.

Стараясь придать этому греческому имени хоть какой-нибудь семитический смысл, библисты расчленили его на три части (пишу по-русски из-за невозможности представить этот звуковой состав однобокой латинской азбукой): первая часть тут АР вместо АУР – значит свет; вторая часть ТХШ – значит собака-такса (taxus) или по L. Levy «род куницы, шкурой которой прикрывали скинию завета» и наконец третья часть СТА – значит оцепенеть, а все вместе это имя значит: Свет собаку оцепенивший (!).

А знаменитый гебраист Круден (Cruden), не решаясь ввести сюда собаку, говорит: имя Артакшишта значит: свет, внушающий молчание (light, that imposes silence).

Но ведь так можно разлагать человеческие имена только в шутку. Все, что тут доказано, это лишь то, что имя Артаксеркс, даже и в том виде, как вы его читаете в клинописях (Прта-Хшшта), есть слово, не имеющее местного национального смысла, т.е. иностранное для семитов и несомненно греческое, со значением Орто-Христианский, если верна его транскрипция в клинописях Арта-ХШШТА – или Орто-Кесарьский, если правильное его греческое чтение.

Таковы библейские указания. Посмотрим теперь и на то, что говорят нам классики.

По классической хронологии Кир покорил бассейн «Тигра» и «Евфрата», а также и «Сирию» в минус 538 году и умер в 529 году, процарствовав 9 лет. Но мы уже видели, что Кир имя не персидское, а греческое и значит царь. От него происходит имя Кирилл (т.е. царский сын, принц), а от Кирилла идут слова Король, Круль и Кароль, откуда и Карл. Мы видели также, что ни Тигра, ни Евфрата и даже никакой Сирии вы в Азии не найдете: ближайшее по созвучию имена таких рек это Тибр в Италии и Прут приток Дуная в Молдавии, а вместо Сирии в еврейском тексте здесь стоит не Арамея, а Эдем, как называлась Ромея.

Его сын Камбис, — первоначальное имя которого по-видимому было Кампанс, т.е. полководец⁹, присоединил, говорят нам, — Египет, но умер во время смут, поднятых магом Гауматою или вернее Гоматою, его не признанным сыном. За желание Гоматы изменить религию, тогдашние клерикалы прозвали его по-славянски Смердисом, подобно тому, как много позднее и у нас объявили Гришкой Отрепьевым возвратившегося из Польши царевича Димитрия, вследствие того, что он начал вводить европейские порядки. Так и Гомата через 7 месяцев был свергнут своим правоверным братом Дарием, царствовавшим после того 36 лет от минус 522 до минус 485. Нам говорят, что уже и в то далекое время власть Ахеменидов, т.е. по-гречески монашествующих (агименеев) охватывала все Иранское плоскогорье, вплоть до Инда и кроме него еще Сирию, Египет и даже Мало-Азиатское побережье с греческим колониями, и что еще тогда эта обширная страна разделена была на 25 сатрапий, т.е. автономных областей, подчиненных сатрапам, имя которых остается нарицательным до настоящего времени, и которых считают тождественными с клинописным кшетра-павоси, т.е. господя области.

«Главным городом обширной империи Дария, — говорят нам, — были великолепные Сузы (т.е. в переводе просто Светлый Город), — средоточие блестящего двора, город аллей, вроде Парижа, соединенный с отдаленнейшими пунктами государства системой сухопутных дорог и судоходных каналов».

А когда вы спросите, где же был этот «светлый город аллей», вам отвечают, что он исчез, как зарница. Как жалкие остатки этого светлого города Аллей, этого Иранского Парижа, вам указывают на ничтожные развалины Арабистана, страны с редким населением вследствие того, что она большею частью пустыня, покрываемая зимой болотами. Даже и лучший из ее городов ничтожный Дизфул расположен стратегически и экономически

⁹ От этого же корня французское Campaigne — военный поход, что как раз соответствует биографии Камбиса.

удобнее того места, где вам показывают (к югу от него) место бывших Суз на несудоходной речке, теряющейся в обширных непроходных болотах к востоку от нижнего течения Эль-Фары (то бишь – Евфрата).

И никаких признаков того, что область тянущаяся на сотню километров во все стороны от этого безотрадного места была когда-нибудь культурной, не найдет тут человек, знакомый с геологией. Только сумасшедший выбрал бы своей столицей на горе себе эту местность и только полный невежда в географии мог поместить сюда столицу обширной Азиатской империи (см. карту). Все это фантастичнейший из мифов, а следовательно и сам древний Дарий списан с какого-нибудь из более новых властелинов и сослан в этот уголок, чтобы его трудно было разыскать историку-реалисту.

И вот, – рассудку вопреки, наперекор стихиям, сюда-то, – говорят нам, – присылали саграпы не только натуральные, но и денежные повинности, хотя денежный рынок может существовать только при повсеместном распространении металлической валюты. И из этих же самых болот совершил, – говорят нам, – Дарий поход, против кого бы вы думали? Против скифов, т.е. украинцев. Но и этого мало. Отсюда же он подавил, – нам говорят, – восстание малоазиатских греков (еще в минус 500 году). Отсюда же отправил он две военные экспедиции и против европейских греков на неизвестно откуда взятых кораблях, потерпевших, однако (для спасения историков!) крушение у Афона и у марафона (где в минус 490 году его огромную армию уничтожил с незначительным числом греков афинский полководец Мильтиад). Но ведь это уже время крестовых походов!

Его наследник Ксеркс I, имя которого мы только что произвели от греческого слова кесарикос, царский или царственный, думал, – говорят нам, – продолжать из своих Арабистанских болот эти стратегически и экономически невыполнимые экспедиции, но потерпев поражение при Саламине, благоразумно оставил свои фантазии и окончил свои дни спокойно в своих болотах среди лягушек.

«Роскошь и разврат двора и высших сословий, – говорит нам один историк, тоже очевидно, не считающийся с физической географией, – подтачивали крепкую центральную власть Сузианского двора, соединявшую разнородные части великой монархии. При преемниках Дария Длинноруком Право царе Артаксерксе I (-4656 –425), Ксерксе II и свергнувшем его после пятидесяти семи дней Согдиан, свергнутом в свою очередь Дарием II Нотом, или как говорят другие Охом, т.е. любодеем¹⁰ (-425, -404); при Артаксерксе II Напоминателе (-464, -357), на которого восстал безуспешно его младший брат Кир; при Артаксерксе III (-357, -338) и сыне его

¹⁰ От греческого Охейо (ὄχειον) — совокупляюсь и Охейон (ὄχειον) — самец, содержимый для приплода.

Арзесе (-338, -336) и Дарии III Кодомане т.е. звонарь (-336, -330) государство совершенно пало морально».

Но вот, пришел, — заканчивают нам эту фантазмагорию ортодоксалы, — знаменитый Александр Македонский и поразил звонаря сначала при исчезнувшем теперь поселке Иссе, существовавшем будто бы на берегу современного Александрийского залива, к востоку от Кипра, а затем вторично при Арбилле в Багдадском вилайете. Так исчезало древне-персидское царство, которому приписывается клинописная литература.

Мы видим, что тут такая географическая и хронологическая фантастика, что искать во всем этом прочной опоры хотя бы для краткого исторического конспекта невозможно.

Отметив, что для древне-персидского царства от завоевания Киrom Сирии и до Александра Великого дают нам промежуток в 208 лет (-536, -330) и отметив, что Калиф-Абдул-Аббас основал такое же, но более реальное царство со столицей в Багдаде около 760 года и сделав попытку отождествить оба, мы получили бы для прихода Александра Македонского приблизительно 958 год.

Но в это время в Ромее-Византии хотя и царствовала как раз Македонская династия, но представитель ее Константин Порфирородный (91–959) больше занимался науками, чем походами, да и основатель такой династии Василий Македонский (866–886) совершенно не годится для такой роли, так как тоже не совершал никаких походов. Значит, остается заключить, что Александр Македонский — хотя и личность мифическая, спланированная с императора Амона-Философа — введен сюда как *deus ex machinae* в средневековых драмах исключительно для того, чтоб вывести завязнувшую в месопотамских болотах историю «древне-персидского» царства из безвыходного положения. И действительно — на вопрос о том, куда оно бесследно исчезло с лица земли, хорошо было ответить: «ее разрушил Александр Македонский».

Но мы не остановимся в испуге и перед этой топкой трясиной, призвавши на помощь нашего обычного надежного проводника — астрономию.

Глава IV

АГАРЯНСКОЕ ИСКУССТВО В МЕСОПОТАМИИ

Не трудно видеть значительное сходство природы Месопотамии с природою Египта. Как в Египте, только узкая прибрежная полоса вдоль русла Нила является пригодной для культурной жизни, так и в Месопотамии пригодными для этого являются только берега Евфрата и отчасти Тигра, а после их слияния окрестности Шит-эль-Араба.

И замечательно, что художество и архитектура обоих стран носит родственные черты и признаки одновременности (рис. от 1 до 20). Кладка зданий тоже массивная и тяжелая, изображения фантастических зверей напоминают сфинксов, изображения человеческих фигур в обоих странах только профильные.

Все это – черты арианской культуры, господствовавшей в обоих странах до их перехода к агарянству после метеоритной катастрофы 622 года нашей эры, когда кончается библейский период теологической догматики Ария и начинается агарянская эра, переходная к магометанству при Махмуде Газни, накануне крестовых походов.

Так я уже говорил в предшествовавших томах моего исследования, а теперь отмечу снова, что нам незачем залезать в допотопную древность для объяснения тех остатков первобытного массивного искусства, которое мы находим в Месопотамии.

В еврейском тексте Библии Сирия называется Арамеей и пишется по арабско-еврейскому обычаю сокращать срединные гласные в виде АРМ (יִרְמָ), а это как будто дает лингвистический след в Армению. Но беда в том, что Армения армянам известна только по рассказам европейцев, а сами они называют свою страну только Гайястан, т.е. страна гайев, мифическим родоначальником которых был Гайк. Легенда говорит о борьбе его с ассирийцами, т.е. как мы уже видели, с европейцами (от *sig* – царь), и не иначе, как с Царьградом. Создалась целая эпопея из этой борьбы, в которой сначала Гайк ведет войну с богом Вилом, по западному произношению Бэлом, т.е. Юпитером, с Врагами Господними¹, как в Апокалип-

¹ Баб-Илу (יֵהוּ) — врата Господни. Потом это слово стали сокращенно писать ББЛ, и каббалистически зашифровывать в ШШК на том основании, что в еврейском алфавите вторая буква с начала, а Ш вторая с конца, и Л тринадцатая с начала, и К — тринадцатая с конца, собрали буквы в обратном порядке. Это первый известный шифр.

сисе названа первая Ромейская церковь. Сын Гайка Арам оказывает в этой борьбе чудеса храбрости, но теряет в битве с войсками Семирамиды своего сына прекрасного Ара (сходно с Арием). Страна вождя (Ас-сирия в смысле Ромеи) делает Гайястан (т.е. по-нашему Армению) своей вассальной страной, оставив ей национальных властелинов, но вот появляются мидяне, по-видимому, в смысле Мадьяр, завоевывают Страну Вождя, и Гайястан получает самостоятельность. В каких пределах это могло быть?

Нам говорят, что Армения (будем далее называть так Гайястан и по-русски) разделилась на Великую и Малую. Великая Армения тянулась от Закавказья и Каспийского моря по Тигру на неопределенное расстояние, а Малая лежала к Западу от Евфрата.

И вот нам нет нужды уходить в глубину веков далее этого времени, так как все массивные постройки и развалины городов по берегам Тигра мы можем отнести к IV и VI векам нашей эры и даже позднее. Реки Тигр и Евфрат служили прямым путем сообщения из Малой Азии, и орошаемые разливами берега их стали пунктами такой же культуры, как и берега Нила, окаймленные с обеих сторон пустынями. Значит, и Месопотамия не была обширной населенной страной, а это были только две ленты, две культурные дороги, тянувшиеся по Аравийскому заливу и затем по его берегу к Индии. Культура их, как путей сообщения, могла быть только заимствованная из более благополучных местностей, и мы видим, что она была того же типа, как и египетская. Такою же она была, вероятно, и на Балканском полуострове IV–VI веков, но оставила мало следов благодаря тому, что ее материальные остатки быстро переделывались на новые, благодаря предприимчивости населения и остались лишь в случаях быстрого заноса их землю, как это мы видим, например, в Микенах (рис.).

Таким образом и Микенский период культуры и египетский период сфинксов и Месопотамский период крылатых львов представляют лишь три ответвления первичной арианской культуры IV, V и VI веков нашей эры, когда библейский язык играл роль международного языка, подобно латинскому и греческому, начиная со времен латинской феодальной империи на Ближнем Востоке.

Глава V

«АССИРИЙСКОЕ ЦАРСТВО» МЕЖДУ ПСЕВДО-МИНУС 2000 И ПСЕВДО-МИНУС 606 ГОДОМ В СРАВНЕНИИ С ГОТСКИМ ВЛАДЫЧЕСТВОМ В ИТАЛИИ ВО ВРЕМЕНА ОДОАКРА И ТЕОДОРИХОВЫХ ГОТОВ

Что такое Ассирия? Это лишь другое произношение слова Сирия. Ассирия не более отличается от Сирии, чем *la France* отличается от *France*.

Прибавьте к слову Сирия определяющий член греческого языка (‘о), или такой же член еврейского языка (<...>, произносимый теперь как А, хотя эта буква – хет – того же первоначального звука, как греческая Эта или русская Ять), и вы из Сирии получите А-Сирию, или как стали писать ее латины, Ас-Сирию, у которых S удвоилось, чтоб не произносить его как З между двумя гласными.

А где же была эта Сирия – Ас-Сирия?

Если вы поедете в Азию, то не только не найдете в ней такой страны, но и воспоминаний о ней даже и в тех местах, которые старинные западно-европейские теологи окрестили такими именами¹. Еще в незапамятные времена и Сирия и Ассирия провалились там сквозь землю, из которой торчит только уже описанная нами надпись царя Дария на Бизутукской скале, с ее смесью славянского, еврейского, латинского и греческого языков, да вывезено европейскими искателями множество глиняных плиток мелко исписанных таким же жаргоном и часто с отрывками из библейских сказаний, и по малой величине своей как раз очень удобных для перенесения в Европу в чемоданах их открывателей.

Совсем другое дело в Европе. Там нет глиняных обломков от Ас-Сирии, но есть нечто более убедительное – лингвистические следы, т.е. воспоминания о ее пребывании тут.

Во все средние века и до новейшего времени французы называли своих государей *Sig* и это слово перешло в английское *сэр*, соответствующее старинному русскому выражению «милостивый государь».

Но если государь у старинных франков назывался сир, то и государство вообще называлось Сирией. Скажу более, в Библии Ассирия пишется

¹ В Библии Сирия всегда называется А-рамеей, что сближает ее с европейской Ромеей, т.е. Византией.

ся Ашур, и это слово значит «Походная страна», так как первоначальное значение слова Ашур есть шаг, марш, поход. А то, что мы, руководясь греческим термином называем теперь Сирией, по-еврейски зовется А-Рамо́м, т.е. Римом в смысле государства, по-французски *La Rome* и от А-Рама же происходит и слово армия (агтйе), т.е. тоже, что Арамея.

Так лингвистические следы приводят нас в Европу тем более, что и славянское слово царь есть лишь иное произношение слова Сир или Сар и даже, может быть, более правильное, так как ближе к библейскому Цур — что значит уже и переносно: важное лицо.

Пойдем и далее по лингвистическим следам. Мы только что сказали, что еврейское слово Ассир по-русски значит вождь, а по-итальянски и по-гречески вождь называется дука (*duca*), по латыни дукс, по-французски *duc*, по-немецки герцог. И вот мы видим, что вся средняя Европа, вплоть до XIX века была переполнена дукатами-герцогствами, т.е. мелкими Ассириями и что с XII века основная золотая монета в Европе называлась дукатом. Кроме того: в Библии Сирия, кроме Арамеи часто называется еще и Идумеей (АДМ и АДУМ) — обиталищем потомков Исава (Ессея), старшего брата Иакова, продавшего Иакову право первородства за чечевичную похлебку. Значит Идумея соответствует Византийской части Всемирной римской империи от Аврелиана до ее распада в 493 году при Великом Богодарованном царе (Теодорихе Великом по-гречески)².

И что же из этого выходит? Только одно.

Припомним сначала, что Теодорих II Великий (493–526) воспитывался в Царь-Граде при дворе ромейского императора Анастасия (т.е. по-гречески Воскресшего), этого библейского царя Иезекии, которому бог прибавил после смертельной болезни 10 лет жизни; припомним затем, что Теодорих был с 475 года королем Восточных Франков (Ост-Готов), хотя отец его Теодорих I и правил западными готами (т.е. французами) и что он после завоевания Равенны и смерти Одоакра основал Восточно-Готское царство в Италии, где взамен воскресшего царь-градского царя Анастасия (491–518) — поставил Великим Римским Понтифексом одноименного с ним (т.е. воскресшего же) епископа Анастасия (496–498); припомним, наконец, что Теодорих особенно поощрял науки и искусства, и что гробница его, служившая местом пилигримств, и до сих пор сохранилась в Равенне, — и мы приняв все это во внимание, не удивимся предположению, что мифическим, продавшим право первородства за чечевичную похлебку, был именно Анастасий — Иезекия, т.е. под его именем вся Вос-

² Имя Теодорих есть сокращение слов Тео-дор-рика или *Theodor-geh* и значит Богодарованный царь. По-готски это имя превратилось в Тиуда-Рейкс, позднее в *Theodorich*. А в сарае он назван Дитрих из Берна.

точная половина первоначальной «Всемирной ромейской империи», а под Иаковом Богоборцем – подразумевается богодарованный царь Теодорих Великий, в котором персонифицировалась вся западная половина первоначальной единой Ромеи, включая в нее австрийский, итальянские и французские земли. Они-то и присвоили себе затем право первородства, создав легенду, что еще задолго до Аврелиана, Диоклетиана и Ария, живших на границе между III и IV веками нашей эры и создавших всемирную арианскую теократическую империю, в Италии рушились уже две империи:

1) Империя Ромула и Рема, сыновей бога Марса и «Лесной невесты» (нимфы Реи-Сильвии), будто бы основавших итальянский Рим (-753 г.) еще за 1083 года до того, как Константин Великий объявил в 330 году столицей империи Царь-Град.

2) Империя Юлия-Цезаря и Понтия-Великого (консула с -70 г.) за 40 лет до объявления столицей Царь-Града.

Оба эти мифа были созданы, как я уже показывал в первом и пятом томах «Христа», из вариантных сказаний о той же самой всемирной теократической Ромейской империи Диоклетиана и Ария за период ее существования от начала эры Диоклетиана (+284 г.) и до Теодориха Великого.

И вот теперь, идя по лингвистическим следам, приходим мы к тому, что и древне-Ассирийское царство представляется лишь новым мифом о той же Всемирной теократической империи, основанной Диоклетианом-Моисеем и Арием-Ароном, и что сцена действия этого нового мифа должна быть перенесена из Азии в Европу и из глубокой древности в начало и средину средних веков.

Рассмотрим с этой точки зрения дошедшие до нас династические вехи библейско-Ассирийского царства, где имена собраны для меня М.В. Дмитриевским, а разделение имен на части принадлежит мне, чтоб сделать нагляднее их смысл.

Вот главные результаты моих соображений (представленные на таблице).
Что же мы тут видим?

Нин – красавец по-итальянски и его жена тоже красавица Семирамида, имя которой значит по-еврейски Хранительница страны, основывают «за 2300 лет до Р.Х.» Ассирийское государство³. Милый Нин строит Милый город Ниную (Ниневию), а Семирамида, управлявшая государством еще много лет после его смерти, строит город Врата-Господни (Вавилон), чудо мира с «висячими садами Семирамиды», повод к которым дали миражи. Здесь поселились колдуны, или культо-служители, имевший своих теократических государей. Не забудем, что халдей, колдун, кадитель и культо-служитель одно и то же слово в разных произношениях. Корень этого

³ См. Масперо: Древняя история народов Востока. Москва, 1880.

Первое Ассирийское царство 1-й период (от ??? до -2250 г.)	
Нин (милый) Семирамида (хранительница страны) Ниний (миленький)	Основатели Милого города (Ниневия)
2-й период (-2250, -1870) = 380 лет	
Илу-Зума Иризум (сын) Икуним (сын) Сар-гон I (сын) Бел-Капи (Бел-кап-капи) Самси Адад I (сын)	1-й царь Ассирии Известны только по именам
3-й период (-1870, -1500) = 370 лет	
Исмэ-Даган I Самси (самсон) Адад II Измэ Даган II Асур-Нир-Ари (Вождь-Свет-Арианства) Асир-Рез-Изи I (Вождь-Царь-Иисуса) Кисру Са Асур Самси (Самсон) Адад III Адад-Нир-Ари I Асур-Дан I Асир-Абу I Асур-Нир-Ари II Асур-Римн-Изесу (Вождь римский Езус), сын	-1870, -1840 = 30 лет Годы не указаны
4-й период (-1500, -1320) = 180 лет	
Эрба-Адад I Асур-Надинах I Асур-Урбаллит Адад Цусур-Асур Асур-Надинах II Бел-Нир-Ари Ари-Кден-Илу Адад-Нир-Ари II	Около -1410 г. Около -1380 г. -1350, -1320 = 30 лет
5-й период (-1320, -1140) = 180 лет	
Шалма-Насар I (Миротворец-Назарей) Тиглат Ниниб Асур-Назир-Пал I (сын) Асур-Нир-Ари III Тиглат-Асур Бел-Кидир-Изур Эрба-Адад II Ниниб-Пилэ-Зер Асур-Дан II Мун-Аккиль Нусру (Назар) Асур-Рез-Изи II	-1320, -1290 = 30 лет

6-й период (-1140, -910) = 230 лет	
Тиглат-Пиле-Зер I Асур-Бел-Кала Семсы (Самсон) Адад IV Асур-Назир-Пал II Шалма-Незер (Миротворец-Назарей) III Адад-Нир-Ари III Тиглат-Пиле-Зер II Асур-Раби II Асур-Рез-Изи III Тиглат Пиле-Зер III Асур-Дан III	-1140, -1110 = 30 лет
7-й период (псевдо -910, -745) = 165 лет	
Адад-Нир-Ари IV, сын Тиглат-Ниниб II Асур-Назир-Пал III Шалма-Незер III, сын Самси (Самсон)-Адад Адад-Ниари V или Рама-Нир-Ари Шалма-Незер IV Асур-Нир-Арий IV	-911, -890 = 21 год -890, -885 = 5 лет -885, -860 = 25 лет Брал дань с Сирии и Палестины, перенес столицу в Калех -860, -825 = 35 лет Воздвиг великолепный храм в Калехе -825, -812 = 13 лет -812, -783 = 29 лет -783, -773 = 10 лет -755, -745 = 10 лет При нем, говорят нам, — Наду-Назар, т.е. пророк Назорей (-747, -733), соправитель, своим вступлением во власть 26 февраля -747 года положил начало новой эре летоисчисления «Эра Набонасара».
Второе Ассирийское царство	
8-й период (-745, -606) = 139 лет	
Набу-Назар, т.е. пророк Назорей Тиглат-Пиле-Зер IV, узурпатор Шалма-Незер IV (Назарей-Миротворец, сын) Сар-Гон (Царь Гунн) II, узурпатор Сенна-Хериб, сын Есар-Хаддон или Асур-Адонай, сын Асур-Бани-Пал, сын Асур-Итили-Ланиу-Кин Асур-Сумли-Зир Син-Сарис-Кун	-747, -733 = 14 лет -745, -728 = 17 лет -728, -722 = 6 лет -722, -705 = 17 лет -705, -681 = 24 года -681, -668 = 13 лет -668, -625 = 43 года -625, -618 = 7 лет -618, -616 = 2 года -616, -606 = 10 лет Последний ассирийский царь

слова КЛД. Отсюда образовалось слово колдовство и путем обычной потери звучности у конечного Д этот корень перешел в КЛТ, откуда латинское <...> – культ. А относительно того, что отсюда же произошло и слово кажделение, тоже не может быть сомнения, так как халдей по-еврейски называется кажда. И все это клерикальное население вполне уместно для города, называющегося Врата Господни (Баб-Илу, по-русски Вавилон Великий). А затем сведения историков становятся так скудны, что в продолжение более 1300 лет они не могут дать нам ничего, кроме набора прозвищ. Но кому же пришлось в голову сохранять их столько времени, когда ничего кроме имени нельзя сказать почти ни о ком из них? Ясно, что все эти прозвища сочинительство вроде евангельской родословной «Христа-Назорея», начиная с Адама. Лишь с так называемого 7-го периода с минус 911 года, даются нам кроме голых имен еще непрерывный ряд лет с указанием времен царствования этих самых голых имен и тоже без дел для большинства.

Совершенно неправдоподобно здесь также единство ониматики на протяжении полутора тысяч лет и еще более невероятно то, что одноименные цари повторяются не в одном периоде, как например, Карлы, Людовики во Франции, Александры и Николаи в России, а нередко вдруг выныривают из глубины веков через сотни лет друг после друга через промежуток, наполненный другими прозвищами. Так. Например Тиглат-палесар (Тиглат – древний царь) Третий (-745) появляется более, чем через полтора столетия после Тиглат-палесара II, Асуо-Нир-Ари III (-755), почти через 500 лет после Асур-Нир-Ари II и т.д., а Сар-Гон II (-722) даже более чем через полторы тысячи лет после Саргона I... Почему ассирийские матери так поздно почтили новыми младенцами того же имени или дали эти давно знаменитые прозвища?

Но еще хуже становится дело, когда мы начнем рассматривать физиологические свойства этих повелителей колдовской империи, бесследно провалившихся под землю. Я уже говорил во введении к VII тому, что взяв любую родословную более чем в 4 поколениях и разделив смерть последнего члена на время рождения первого, мы получаем среднее время их брачного возраста, а вычтя отсюда 3–4 года, получаем время их половой зрелости. А что же тут выходит?

Второй период этой родословной продолжался 380 лет и в нем было только 6 поколений. На каждую перемену приходилось здесь в среднем по 63 года, а это возможно лишь в том случае, если они достигли половой зрелости в среднем на 60-и году от рождений! Как будто слишком поздно.

Третий период продолжался 370 лет и в нем было 12 смен. На каждую приходился в среднем 31 год и достижение половой зрелости около 28 лет. Также поздно. У всех реальных династий для этого получается 19–20 лет.

Четвертый период включает 180 лет и 9 поколений, на каждое в среднем приходилось по 20 лет и половая зрелость обнаруживалась как обычно лет с 17–18, если будем считать, что престол все это время переходил от отца к сыну. А если допустим, что это бывало и к брату от брата, то вычтя второго из числа поколений, получим для половой зрелости соответственно более значительное число.

Пятый период включает в себе 130 лет и 11 лиц. На каждого в среднем приходилось 16 лет. Если бы это были последовательные сыновья, то половая зрелость достигалась бы ими уже на 13 году, но так как возможны переходы от брата к брату или к узурпаторам, то число поколений тут может быть и менее 16, а следовательно и половая зрелость обнаруживалась позднее.

Шестой период продолжался 230 лет и заключал в себе тоже 11 представителей, на каждого в среднем по 21 году и половая зрелость приходится как и следует около 18 лет. Но если тут были узурпации или переходы от брата к брату, то соответственно позднее.

Седьмой период продолжался 165 лет и заключал в себе 9 перемен на каждую в среднем 18 лет, и половую зрелость (если не было перехода к братьям, принадлежащим к тому же поколению), около 14 лет.

Восьмой период продолжался 139 лет и (без двух узурпаторов, как принадлежащих у поколению узурпированных) 7 поколений, на каждое в среднем 20 лет. Половая зрелость около 16 лет.

Таким образом физиология, не касаясь первого явно мифического периода, решительным образом отвергает нам второй период, где половая зрелость достигалась в лучшем случае (т.е. если не было перехода к братьям и узурпации) на 60 году от рождения, а также и третий период, где она получалась не ранее 28 лет.

А так как ономастика в них та же самая, как и в остальных, то оба периода списаны с позднейших, а это наводит на мысль, что и все остальные периоды являются только многократным эхом последнего.

Так теория вероятностей говорит прямо, что третий период списан с пятого. Сравним их имена в последовательном порядке.

Мы видим, что оба эти периода являются только вариациями одного и того же. В первом поколении Дагану (по-еврейски Рыбе), соответствует Назар-Христос (или Христианин), да и в третьем поколении тоже. А рыба и была символом христианства⁴.

В четвертой строке в обоих периодах стоит одно и то же: Асур-Нир-Ари; в девятой в обоих периодах Асур-Дан (т.е. вождь судия); в седьмой

⁴ По-гречески Ἰχθῦς (Рыба) дает первые буквы выражения Иисус Христос Оуе-Ийос-Соте, т.е. Иисус Христос божий сын спаситель.

	3-й период	5-й период
1.	Исмэ-Даган I (Рыба)	Шалма-Назар (Миротворец Христос)
2.	Самсон-Адад	Тиглат-Нин-Иб
3.	Исмэ-Даган (Рыба)	Асур-Назар-Пал
4.	Асур-нир-ари	Асур-нир-ари
5.	Асур-рез-Изи	Тиглат-Асур
6.	Кисру-са-Асур	Бел-Кидир-Изур (Асур)
7.	Самсон-Адад	Эрба-Адад
8.	Адад-Нир-Ари	Ниниб-Пале-зер
9.	Асур-дан I	Асур-Дан II
10.	Асир-Абу	Мут-аккил-Нусру
11.	Асур-Нир-Ари	
12.	Асур-римн-Изес	Асур-рез-Изи

строке Самсон Адад соответствует Эрба-Ададу и наконец в последней, двенадцатой, строке Асур-Римн_Изесу (т.е. Господу Римскому Езусу) соответствует Асур-рез-Изи (т.е. господь-царь-Иисус).

Могут ли эти совпадения тех же самых или созвучных названий в одинаковых строках двух комбинаций независимого происхождения быть случайны? Теория вероятностей прямо говорит: нет! Это две вариации названий лиц, принадлежавших к одной и той же династии.

Но если это так, то при бросающейся в глаза однородности ономастики и все остальные периоды вплоть до седьмого, где к именам прибавляются и годы, не заслуживают ни малейшего внимания: это вариации на разные лады тех же самых прозвищ, сочинительство того же самого автора. Получивши этот хронологический список, он захотел углубить его в прошлое путем обычного в древности творчества «от духа святого», и довести число ассирийских государей, как тут, ровно до круглого и каббалистического числа 70 поколений.

Нам остается здесь только посмотреть, не имеют ли реального происхождения седьмой и восьмой периоды. Послушаем, что говорится существенного об их деяниях.

Мы уже знаем о некоторых из них из Библии.

Так Шалма-Назар, считаемый здесь за пятого (-728, -722) упоминается в Библейской книге «Цари» (II, 17, ст. 3) как осадивший «Святой город» в правление Осии в минус 724 году. Он, – говорится нам, – взял его после трехлетней осады и присоединил к себе богоборческий народ (Израиля по-библейски), выселив его в Галлах, и на Гованскую реку Хабур и в Мадай и поселивший Ассирийцев на их месте.

Но Осия по нашим сопоставлениям⁵ был никто иной, как Ромул Августул в Итальянской части Великой Ромейской империи и завладел ею рованного к готской династии в качестве почетных предков, как делали

⁵ Христос. Кн. I. Ч. III. Гл. VII, табл. 21.

предводитель Германских дружин Одоакр не в минус 724 году, а через 1200 лет после него – в 476 году нашей эры. Значит, Налма-Назар списан с Одоакра, сделавшего своей столицей Равенну, колонизировавший богоборцами Галлию (библейский Галлах), окрестности испанской реки Гебро (теперь Эбро, библейский Хобур) и Венгрию (библейский Мадай – Мадьярия) и поселивший германское правительство во Вратах Господних (в Риме).

И в той же книге библейских царей сказано, что перед ним Тиглат-Пале-сар подчинив какую-то страну Сиров (Сирию) и завоевав какой-то Дымишк или Дармешек⁶, положил основу Ассирийскому могуществу. Но мы уже отождествили его с Геноерихом, основавшим Картагену в Испании (а не мифический Картаген в Африке) в 439 году.

Значит, само собой навязывается сопоставление восьмого (139-летне-го) периода Ассирийского царства, со 128-летним периодом готско-германской власти в Италии, тем более, что седьмой представитель этого царства даже называется Асур-Итали-Ланьюкин. Мы видим, что здесь имена и продолжительности последовательных царствований перепутаны, но сумма их осталась почти та же самая (таблица)

Таблица
Сопоставления Готской власти в Италии с последним
(восьмым) периодом Ас-Сирийского царства.

«8-й период Ассирийского царства (139 лет)»	Начало готско-германской власти в Италии (129 лет)
17 лет. Тиглат-Пале-Сар (Диглат древний царь)	Гензерих (439—477) = 38 лет
6 лет. Салмана-Сар (царь миротворец)	Одокар (476—498) = 17 лет
17 лет. Сар-Гон (царь Гунн)	Теодорих (493 — 526) = 23 года
24 года. Сенна-Хериб	Аталарих (526—534) = 8 лет
13 лет. Асар-Хадон (Адон)	Тео-Дат (534—536) = 2 года
43 года. Асур-бани-пал	Витигес (536—540) = 4 года
7 лет. Асур-Итали-Ланью-кин	Тотила (540—552) = 12 лет
2 года. Асур-Сумли-зир	Тейяс (552—553) = 1 год
10 лет. Синс-арис-кун	Смута (553—568) = 15 лет
Новая династия в Ас-Сирийском царстве	Новая династия (Лангобардов) в Западной Ромее.

³⁶ По книге Цари (II, 16) Дымишек (ДМШК), а по книге Паралипоменон (II, 28, 5) Дар-мешек (ДР_МШК), т.е. династическое правление. Если слово Дымишк не искажение Дармешка, то оно славянского происхождения, значит Дымящийся. Гебраист составил это слово от еврейских Дама – уподобившийся, Аш – огонь и Каа – изрыгать и переводит: «подобный пылающей печи». Нов таком случае это вовсе не палестинский Дамаск, как думают, а Буда-Пешт (т.е. Будильная пещь), по-немецки до сих пор <...> главный город Мадьярии-Венгрии, где впервые появились железоплавильные «доменные печи».

Таблица

Сравнение псевдо-седьмого периода Ас-Сирийских царей с первым периодом царей Ромейских.

Начало псевдо-седьмого периода Ассирийских царей	Начало первого периода Ромейских царей
21 год — Алад-Нир-Арий I (Наставник-светоч-Ариев)	Константин I (Арианин, 306—337) — 31 год
5 лет — Тиглат-Ниниб (Знамя прекрасной ?)	Константин II (337—339) — 3 года
25 лет — Ашур-Назир-Пал (Вождь-Царь-Древний)	Константин II (339—361) — 24 года
35 лет — Шалма-Назар (III?) (Миротворец Царь)	Юлиан (от рождения, 331—361—363) — 33 года
13 лет — Самси-Алад (Солнце-наставник)	Валентиниан (363—375) — 12 лет
29 лет — Алад-Нир-Арий II (Наставник-Светоч-Ариев II)	Иоанн Златоуст (375?—402) — 27? лет
10 лет — Шалма-Назар (IV?) (Миротворец царь)	Феодосий Великий (378—395) — 17 лет
18 лет — Ашур-Дан (Вождь-Судья)	Аркадий (395—403) — 13 лет
10 лет — Ашур-Нир-Арий (Вождь-Свет-Ариев)	Гонорий (после Аркадия 403—423) — 15 лет
Конец псевдо-седьмого периода	Конец первого периода

Таблица

Диagramматическое сравнение седьмого периода Ассирийских автократов с первым периодом Великоромейских царей

Прозвища Ассирийских автократов	Прозвища Великоромейских автократов
40 35 30 25 20 15 10 5	5 10 15 20 25 30 35 40
Первый «Наставник-Светоч-Ариев» 21 «Знаменщик прекрасный» 5 Вождь-Царь-Высокий 25 Первый «Царь-миротворец» 35 «Солнце-наставник» 13 Второй «Наставник-Светоч-Ариев» 29 Второй «Царь Миротворец» 10 «Вождь-Судья» 18 Вождь «Светоч Ариев» 10	31. Константин I (Арианин, 306—337) 3 . Константин II (337—339) 24. Константин II (339—361) 33. Юлиан (от рождения, 331—363) 12. Валентиниан (363—375) 27?. Иоанн Златоуст (375?—402) 17. Феодосий Великий (378—395) 13. Аркадий (395—403) 15. Гонорий (после Аркадия 403—423)

Наши вычисления времени соответствующих библейских сказаний не позволяют сомневаться, что это наше сопоставление правильно. А пото-

му является вопрос: не представляет ли предшествовавший седьмой период Ассирии – предшествовавшего периода Ромейской власти, аннексированного к готской династии в качестве почетных предков, как делали все средневековые автократы?

Вот на таблице я даю их сравнение, перевод имен и мы видим, что догадка моя оправдалась в особенности, если мы припомним, что Юлиан, превращенный в евангельского Христа, стал считаться теократическим автократом еще задолго до своего коронования в царьградские патриархи.

Посмотрим теперь и на некоторые детали сказаний об «Ассирии».

Нам говорят, что во время Тиглат-Паласара началось новое летоисчисление – эра Набу-Назара (т.е. пророка Назорея) с 26 февраля минус 747 года, и относят его ко второму году царствования Тиглат-Паласара, т.е. первого царя 8-го периода Ассирии. Но по нашим сопоставлениям, начало этой эры приходилось бы слишком на 1000 лет позднее. Нумеруют этого Тиглата обыкновенно четвертым номером такого имени, и в таком случае по нашим сопоставлениям его царствование было бы при Генгерихе около 440 года. Однако, ведь нумерация царских имен придумана только европейскими историками со времени Скалигера. И если мы посмотрим на нашу общую большую таблицу, то увидим, что перед Ададом-Светочем-Арианства, которого мы уже отождествили с Константином Святым, стоят Асур-Дан III и Тиглат-Паласар III, из которых первого пришлось бы отождествить с Констанцием Хлором, а второго (т.е. Тиглат-паласара) с Диоклетианом и в это время, с 284 года, началась действительная Диоклетианова эра летоисчисления. Причем год начинался с равноденствия, насколько могли его тогда определить.

Мы видим, что здесь все приходит в логический порядок, а обычная хронология, относящая эру Набу-Назара (т.е. пророка Назорея) к минус 747 году приводит только к очень странному сопоставлению. Припомните миф о том, что в Италии была эра от «основания города Рима» в минус 753 году, т.е. всего за пять лет до эры Набу-Назара... Но каким же образом в двух таких отдаленных друг от друга и еще не имевших между собою сношений государствах, как «Месопотамская Ассирия» и «Итальянский Рим» одновременно задумали сделать новую эру летоисчисления? И вот теперь мы видим, что обе эти эры списаны с эры Диоклетиана, со сдвигом на 1030 лет вспять и объединяют Ассирию с Италией, и Врата Господни (Вавилон) с понтификальным Римом.

А сказание о прекрасном Нине и о жене его красавице Семирамиде (т.е. хранительнице места⁷) как основателях Ассирии и Вавилона, невольно

⁷ Нан – от итальянского милый, прекрасный, и Семирамида от Шамп-ЭДМ – хранительница места).

напоминает об Антонии и Клеопатре или даже об евангельском Иисусе и деве Марии (если не о Марии Магдалине, превратившейся из возлюбленной в его мать).

Исходя из того положения, что все первые шесть периодов Ассиро-Вавилонского царства только вариации седьмого, мы можем соединить вместе отрывочные сказания об упоминаемых в них одноименных деятелях в деянии одной и той же личности и таким образом округлить имевшиеся в ней мифические сказания. Но никаким образом, конечно, мы не должны забывать, что это все, если не чистые фантазии, то очень искаженные отражения былой действительности и, что их надо рассматривать не на азиатском фоне, в глубокой древности, а на фоне европейской действительности IV, V и VI веков нашей эры.

А в каком же отношении, – спросите вы меня, – находятся все эти ассирийские Тиглат-палесары, которых в приведенном нами списком насчитано четыре и Тиглат-Нинибы в числе двух к египетским сутонам – Такелотам или <...> которые там помечены в XI, XII и XIII династиях⁸? Ведь и там вслед за Такелотом XIII династии следует Ус-Архон Великий, одноименный со здешним Саргоном!

Единство ономатики, – отвечу я, – доказывает, конечно, что составление обоих династий принадлежит одной и той же школе династистов, но оно не доказывает, что каждая из них является действительным фактом. А лунное затмение, описанное при одном из египетских Такелотов, которое там возможно отнести к 18 августа 593 года нашей эры, бесполезно для отождествления его с одним из четырех здешних Такелотов астрономическим путем, так как лунные затмения бывают видимы в любой стране чуть не каждый год.

Единство египетской и вавилонской ономатики, при отождествлении «Великого Апокалиптического Вавилона» с Римом доказывает лишь то, что и египетские Такелоты были не месопотамцами, а ромейцами и подтвержденные этому выводу сыплются со всех сторон.

Взгляните, например, на еврейскую Библию и убедитесь, какую фальшь сделали ее переводчики на греческий и на латинский язык, а с них и на все европейские языки, чтоб извратить истинный смысл ее сказаний. Вот что вы читаете в наших переводах, что Моисей и Арон жили в Египте, что «народ божий» бежал из Египетского плена и т.д., а в еврейском подлиннике сказано: Моисей и Арон жили в Миц-Риме (МЦ-РИМ), т.е. в Угнетенном Риме, народ божий бежал из Угнетателя Рима. На каком же основании «Угнетатель Рим» подменен во всех христианских переводах Егип-

⁸ См. Христос. Т. VI. С. 1135.

том? Ведь в самой же Библии Египет называется не Римом, а Землей Хама⁹. Конечно, эта подстановка одного имени вместо другого была сделана уже в самой христианской Ромее, чтоб снять с себя это неприятное прозвище, говоря, что оно относится к соседу. А на деле и «Древний Миц-Рим, и древние Врата-Господни-Вавилон, и древняя Ас-Сирия-Страна-Сиров являются лишь разноязычными мифами о древней Ромее-Византии. И все ассиро-вавилонские памятники былой месопотамской культуры (за исключением многочисленных фальсификаций, вывезенных миссионерами и светскими искателями в европейские музеи) являются остатками от византийских идолоборческих торговых и военных поселков в Месопотамии после распространения Апокалипсиса в V–X веках нашей эры, или даже от гарнизонов Крестоносцев.

⁹ «Пришли израильтяне в Миц-Рим и укрылись паковиты в землю Хамову (ЭРЦ ХМ)» – говорит псалом 105 (С. 23).

Глава VI

ПЕРВАЯ ПОПЫТКА ВЫБРАТЬСЯ ИЗ ТОПКОГО МЕСОПОТАМСКОГО БОЛОТА ЕВРОПЕЙСКИХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ИСТОРИКОВ.

СТРАШНЫЙ ПОВСЕМЕСТНЫЙ ПЕРЕПУГ ОТ ЧРЕЗВЫЧАЙНО ЭФФЕКТНОГО ПОЯВЛЕНИЯ КОМЕТЫ ГАЛЛЕЯ ВЕСНОЙ 837 ГОДА И РАСПАДЕНИЕ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ КАРЛА ВЕЛИКОГО НА ТРИ ЧАСТИ ОТ КАРОЛИНГОВ К АХЕМЕНИДАМ

Вот некоторые из дошедших до нас известий кометы Галлея в 837 году при Людовике Благочестивом, сыне Карла Великого.

1. «В 837 году по Р.Х., – говорит латинский автор «Жизни Людовика Благочестивого», – в середине праздника Пасхи (начавшегося 1 апреля, когда Солнце в Овне) появилась комета в созвездии Девы, как всегда предвещающая ужасы и печали. Она явилась в той части Девы (т.е. почти напротив Солнца, находившегося в Овне), где изломан наподобие рога ее плащ над хвостом Змеи (т.е. у Весов). По обычаю семи планет она стремилась обращаться на восток (?) и через 25 дней – о чем удивительно даже говорить – прошла созвездие Льва, Рака и Близнецов и остановилась в голове Тельца (около 28 апреля) при Солнце и Тельце под ногами Возничего (т.е. у Персея) свое огненное ядро и широкий хвост, который раньше показывал то туда, то сюда».

А такой быстрый геоцентрический ход мог иметь только путь кометы, шедшей исключительно близко от земли и потому казавшейся огромною и быстрою. Показание, что она шла от Весов через Деву, Рака и Тельца при Солнце в Овне и Тельце обнаруживает, что она являлась по вечерам, и имела обратное движение по созвездиям, чем планеты.

2. В найденных в Пекине миссионерами Майлья и Гобилем (Mailla и Gaubil) в XVII веке хрониках «Ше-Ке» и «Ма-Туан-Лин» мы имеем другое, не менее подробное описание пути такой же огромной кометы, но уже при удалении от Солнца к Деве и в утренней видимости. Вот оно:

«В 837 году марта 22 (т.е. будто бы еще за 8 дней до предшествующего описания, но при Солнце тоже уже перешедшем из Рыб в Овна) была комета в области Альфы Водолея, Теты и Еpsilonа в Пегасе» (т.е. около Рыбы), показывая на область Дельты и Ми Стрельца. 24 марта она была

к юго-западу от области Альфы Водолея и Теты-Еpsilon Пегаса, была ярка и быстро двигалась. 29 марта она прошла в область Беты Водолея. 6 апреля ее длина была 10 локтей. Шла к западу, постепенно показывая на юг. 7 апреля была в области Epsilon-Ми-Ни Водолея, (т.е. в утренней видимости) длиной около 20 локтей и 3 локтей шириной. 8 апреля ее хвост был еще широк. 9 апреля она была (не иначе как своим хвостом) в области Дельта-Ми Стрельца (т.е. прошла понятным путем, при Солнце в Овне и Тельце, через Рыб, Водолея, Козерога, Стрельца, сделавшись, наконец, видимой всю ночь.). 10 апреля ее длина была огромная – 50 локтей – и конец ее хвоста разделился на две ветки, одну, показывающую на Весы, другую на область Дельта-Бета-Пи Скорпиона. 11 апреля ее длина была 6 локтей и хвост более не ветвился, а голова показывала на север. Она была на 7° в области Иота-Каппа-Ламбда-Тета Девы. 12 апреля она направилась к северо-западу, показывая хвостом на восток. 14 апреля ее длина была около 80 локтей, а место (конец хвоста) в области Каппа-Ламбда - Ми Гидры. 28 апреля она была только в 3 локтя длиной направо от Альфы Льва (т.е. прошла еще из Стрельца в Скорпиона, Весы, Деву и Льва тем же понятным путем и снова перейдя на вечернюю видимость, после чего ее более не видали.

Сравним это описание с предшествовавшим.

В то время, как первое рисует огромную комету, прошедшую между 3 и 28 апреля от Весов к Персею, по верхним созвездиям Зодиака (через Тельца и Рака), второе описание рисует такую же огромную комету между 22 марта и 28 апреля, прошедшую по тому же направлению по противоположным нижним созвездиям Зодиака от Водолея, через Стрельца к Весам и Льву. В то самое время, как европейцы дают вечернюю видимость и путь Весов к Солнцу, китайское описание Майля и Гобилиа дает путь от Солнца к Весам и утреннюю видимость, постепенно перешедшую в вечернюю.

Но если бы это были две огромные, одновременные кометы, одна утренняя, другая вечерняя, то почему же у европейцев подробно описана только одна комета, а у китайцев только другая? Здесь нам нет другого выхода, как допустить, что китайская комета есть продолжение европейской, т.е. первая рисует путь кометы Галлея от Девы к Солнцу, находившемуся над Персеем, как и следует, по вечерам, а вторая – путь ее же от Солнца (находящегося тоже еще под Персеем) к Деве, как и следует, сначала по утрам, а потом во всю ночь. А для этого надо только допустить, что при переводе китайского лунного счисления на употребленный здесь Юлианский календарь, произошла ошибка на один лунный месяц, и вместо лунного апреля надо считать у китайцев лунный май.

И это тем более ясно, что в китайских летописях миссионеров Майля и Гобилия мы находим также два описания и вечернего подхода этой кометы к Солнцу, близкие к европейскому описанию. Так, Ше-Ке говорит:

«В 838 году, апреля 29 (при Солнце в Тельце) странную звезду видели мы в нижней части области Гамма-Епсилон-Лямбда-Ми Близнецов на востоке» от Солнца (т.е. от вечерней видимости). Это совсем как в «Жизнеописании Людовика Благочестивого». А на возможность ошибки на лунный месяц при переводе лунного счета на Юлианский, тут же видим и доказательство. Это же самое сообщение буквально повторяет Ше-Ке и под 21 мая:

Год 837, мая 21 (при Солнце в Тельце).

«Странную звезду видели в нижней части области Гамма-Епсилон-Лямбда-Ми Близнецов».

Но ведь это то же самое описание, как и предшествовавшее, только месяцем позднее. Значит, «Жизнеописатель Людовика Благочестивого» не записал обратного ухода кометы, потому что перепуг прошел или просто началась облачная погода.

Как варианты этого же самого всемирного перепуга от появления кометы Галлея весной 837 года, я могу привести и ряд других летописных сообщений. Так мы имеем:

1) У Екстомиуса: «В 838 году по Р.Х. с 11 апреля была видна ужасная комета в продолжении 25 дней» (ошибка в счете на год сделана при переводе летописного счета от начала данного царствования на общую эру от Р.Х.).

2) У Роккенбахиуса читаем: «В 838 году по Р.Х., во время владычества императора Людовика появилась комета в созвездии Весов. За нею последовало опустошение острова (??) Валахии норманнами, взыскивавшими подать» (опять ошибка на 1 год).

3) В Фульдских Анналах читаем: «В 837 году по Р.Х. в 3 день апрельских ид появилась комета и была видима 3 ночи» (затем, вероятно, началась там ненастная погода).

4) У Сигониуса: «В 837 году по Р.Х. в день воскресенья господня заблестела волосатая звезда в созвездии Девы к большому удивлению зрителей».

5) У Кальвизиуса (из Альмоина) находим: «В 837 году по Р.Х. около праздника пасхи (когда солнце над Персеом) в созвездии Девы появилась комета, которая в 25 дней прошла созвездие Льва, Рака и Близнецов и исчезла в голове Тельца».

6) И еще у Роккенбахиуса мы читаем: «В 839 году (а уже не 837!) по Р.Х. на 25 году владычества императора Людовика, в созвездии Овна была видима комета вместе с бегающими по небу огоньками в виде летающих звезд. Немного позже в этом же году (испуганный) император Людовик передал

свое императорское достоинство и государственную власть своему сыну Лотарю, вошедшему у него в доверие после того, как они помирились».

Эту запись Роккенбахиуса нельзя мне кажется, отождествлять с приведенной у нас во втором пункте.

Ошибки на плюс или минус один год часто происходили при переводе Скалигером в 1533 году всех средневековых исчислений (по годам царствования наличного императора) на его общее летоисчисление, которое он назвал «от Р.Х.» (и от сотворения мира), так как цари умирали не специально в новогодия, а при серединах года их смерть можно было причислить и к тому и к другому году. Но ошибка на два года невероятна. Это должна быть вторая комета в сопровождении дождя метеоритов.

Истолкованная придворным астрологом, как подтверждение богом первой кометы, якобы предшествовавшей гибели Римской империи Карла Великого, она так дополнительно напугала Людовика Благочестивого, что он скоро умер, а Лотарь не смог удержать власти над всей империей, судьба которой казалась предопределенной богом. Оставив себе Италию, Бургундию и Лотарингию, он передал в 843 году Германию Людовику Немецкому, а Францию Карлу Лысому.

Преувеличивая Роккенбахиуса и Альстедиус сообщает, что тогдашнее распадение империи предвещали даже три кометы, явившиеся одна за другой.

«В 840, 841 и 842 годах, — говорит он, — явились три кометы перед раздором и войной между братьями, сыновьями Людовика Благочестивого, возникшей вследствие распада государства. Сарацины (т.е. агаряне-ариане) ворвались в Италию и разграбили Рим, но на возвратном пути потонули в море».

Точно так же и Фульдские Анналы сообщают:

«В 841 году по Р.Х. в 8 день январских календ появилась комета под созвездием Водолея».

И очевидно о ней же Роккенбахиус говорит (с ошибкой на плюс один год):

«В 842 году по Р.Х. во второй год владычества Лотаря появилась комета в созвездии Водолея. В этом же году такая резня произошла около усадьбы Фонтанедум в Антисиодорском округе между братьями (т.е. Людовиком II, Карлом Немецким и Лотарем, вероятно, потому, что их личные астрологи истолковывали каждому, что комета предвещает царство ему). ссорящимися из-за гибели государства, и их силы были так ослаблены, что они были принуждены просить помощи у соседних племен защитить их границы. И летописцы говорят, что никогда не было слышно о таком кровопролитии у французских племен».

Относительно того, что эта вторая комета не выдумана, мы имеем подтверждение и в китайских хрониках Ше-Ке и Ма-Туан-Линь миссионе-

ров Майля и Гобиля, которые пишут (буквально повторяя одну другую, как всегда).

841 год, июль (Солнце в Раке). Была комета в области Сигма-Тау Водолея (т.е. почти на противоположной части неба, что говорит о большой комете) между областью Альфы Пегаса и восточной частью области Гаммы Пегаса и Альфы Андромеды».

Теперь, скажите, читатель, сами: возможно ли даже подумать, что такого рода событие, как неожиданное появление огромного божьего меча или скорее огненного указательного перста на небе, показавшего сначала на символ небесного правосудия Весы (по библейски Текел) и затем на Персея или наоборот – сначала на Персея, а потом на Весы (если не допустим, что и то и другое описание верно) и действительное последовавшее через 5 лет после этого распадение империи Карла Великого могло пройти без средневековой легенды о том, что оно было предсказано кометой?

Ведь и объяснение астрологов здесь в сущности буквально исполнилось! Комета показала на Париса-Персея, а западная область царства перешла к паризам-французам, называемым по библейски Паризи, от города Парижа (Paris), подобно тому, как и русские назывались москалями от Москвы и итальянцы римлянами от города Рима. Там воцарились Каролинги (от Карла лысого, 843–877), сменив династию Мервана-Меровингов.

Средне-европейская часть империи, которую поэтому можно было бы назвать Мизией (от греческого μέσος – средний) и Мидией (от media – середина по латыни), отошла к средне-европейским царям, первым из которых был Людовик II Немецкий (825).

А итальянская часть тотчас же подчинилась папам, выпустившим в 850 году Лже-Исидоры декреталии, объявившие главенство Римских епископов над восточными. И это было как раз при возникновении Киевской Руси.

Мы видим, сколько переворотов последовало за этим появлением кометы Галлея в 837 году, после которого начинаются и русские летописи.

А теперь припомним и то, что я говорил еще в I томе этого моего исторического исследования.

В библейской книге Даниила, – что значит Божий Суд, описана (в главе V) огненная рука, чертившая попятно (каков был и путь кометы Галлея) нечто непонятное на стене дворца Властелина (т.е. на небе)¹ против его светила в то время как «Большой царь»² делал пир для вельмож своих.

¹ Вот буквально это интересное место: Царя Чертога Ограды Известь на Огонь Светило Блестящему Встречно Писала.

² По-еврейски с сокращением внутренних гласных БЛША-ЦР. Здесь начертание ЦР, произносимое евреями, как УАР, на классическом греческом языке обра-

По смыслу фразы видно, что под дворцом властелина надо понимать не карниз дома самого «Великого Царя», а небесный свод, по которому ходили как мазки извести облака и что огненная рука шла, как и комета Галлея, против движения Солнца между созвездий Зодиака.

«Царь, — продолжает автор, — сильно изменился в своем лице, смутились его мысли, ослабели ноги, и колена стали биться одно о другое (совершенно как у Людовика Благочестивого при виде кометы Галлея). Сильно закричал он, чтобы привели заклинателей, служителей культа и астрологов-гадателей³ Врат Господних (Вавилонских по-еврейски, т.е. римских) и сказал:

— Кто прочитает эту надпись (на небе) и объяснит мне ее смысл, тот будет одет в багряницу, золотая цепь будет у него на шее, и он будет третьим властелином в моем царстве.

И никто не мог прочитать надписи и объяснить царю ее значение.

Еще более встревожился Великий царь, стало мрачно его лицо, и испугались его вельможи. Но вот, пришла царица и сказала:

— Живи вечно, царь! Да не смущают тебя мысли, и не помрачится твое лицо! Есть в царстве твоём человек, в котором обитает дух святых богов и твой отец Навугодоносор⁴ назначил его начальником своих тайноведов, заклинателей, служителей культа и гадателей по звездам. Это Божий судья (Дани-Ил по-еврейски), которого отец твой переименовал в царя Балтшу⁵. У него необыкновенное вдохновение, знание и разум, дар изыскать сныи распутывать запутанное.

Тогда привели Даниила и Великий царь повторил ему свое обещание награды, что бы он ни сказал:

тилось в Сар (Θαρ), но все считают это слово за славянское Царь. Начертание БЛША, произносимое современными нам евреями БЭЛША созвучно со славянским Большой, т.е. Великий. А по-гречески написано Βαλτα-θαρ созвучно и с Балтийцем-царем. Но я тут оставил название Великий царь, которое дает свободу для всяких отождествлений.

³ По-еврейски АШФИА, КШДИА и ГЗРИА.

⁴ Это имя, о которое спотыкается спервоначала всякий человеческий язык, по-еврейски пишется НБ-УКДНА ЦР, конец его всеми признается за славянское царь, а что же значит НБ-УКДН, произносимое теперь НЕБ-УКАДНА. На основании того, что слово царь славянского происхождения, известные немецкие гебраисты Михаэлис и Тунман произвели его от славянского Небо-угодный (т.е. Богоугодный) царь. Под первым впечатлением я смеялся над таким словопроизводством, но увидев, что половина имен этой династии славянские, а другие греческие, я переменял свое первоначальное мнение и стою за небоугодное произношение и осмысление этого имени.

⁵ По-еврейски БАЛТША-ЦР, вроде немецкого Baltische-Zar, по-гречески Балтацарь (Βαλτα-θαρ), или просто славянское Большой (Великий) царь, как вышло бы по Михаэлису и Тунману.

— Пусть твои дары останутся при тебе, — сказал Божий судья, — и награды твои отдай другому. А надпись тебе я прочту и объясню ее значение. Всевышний бог даровал твоему отцу Небоугодному царю⁶ величие, честь и славу. Все племена и народы страшились его, но дух его ожесточился надменностью и за это отлучен он был от сынов человеческих (т.е. сошел с ума). Сердце его уподобилось звериному, и жил он с дикими ослами, кормился травой, как вол и пил небесную росу, пока не узнал, что над царством человеческим владычествует всевышний бог и поставляет на небо кого хочет. А ты, сын его, Великий царь, не смирил своего сердца, хотя и знал все это. За то и послана от бога кисть руки и начертала (своим указательным пальцем, острием хвоста кометы Галлея): МЕНА-МЕНА ТЕКЕЛ ПАРСИН⁷ и вот ее смысл: Мена-Мена (т.е. измерил-измерил) значит: измерил бог дни царства твоего; Текел (название созвездия Весов) значит: ты взвешен на весах и найден легким; у Парсин (название созвездия Персея) значит: царство твое будет разделено и передано Мадаю и Парису⁸.

С первым словом созвучно Мадьяр (венгерец), а со вторым Прусс и Фриз; пруссы же жили на востоке Германии по Прибалтийской стране, между Вислой и Неманом, а фризы на северо-западе Германии от Датского полуострова до Бельгии и были со времени Пипина Геристальского подчинены франкам, которые назывались и парисами от своей столицы.

Здесь, как видит читатель, надо было бы сказать просто: к Парису, а причем же Мадай, которого в надписи на небе совсем не было? Да и о разделении империи ничего не было сказано на небе.

Объяснение тут может быть только одно:

Астролог предсказал смерть Людовика Благочестивого и переход царства к Парису (т.е. парижанину, французу), а вышло не совсем так. На смену Людовику вышел сначала Лотарь, который после новой кометы в 843 году сначала отдал Людовику Немецкому восточную часть империи, вероятно и с Мадьярой, а западную «Паризию» Карлу Лысому, оставив себе одну Италию с Лотарингией, и потому пророчество пришлось приспособить к этим фактам.

Двойное повторение слова МЕНА-МЕНА (измерение взад и вперед) не оставляет сомнения, что и в пророчестве Даниил дело идет о комете Галлея, сделавшей такой исключительный путь и притом в чрезвычайно эффектном виде весной 837 года.

И вот библейское сказание оканчивается такими словами:

⁶ НБ-УКДНА ЦР по библейски.

⁷ По-еврейски: МНА-МНА ТКЛ-У-ПРСИН, т.е. дважды измерено: Весы и Персей. По-гречески Мане теке фарес. По-славянски Мани факел фарес.

⁸ МДИ и ФРС.

«В ту же самую ночь Великий Царь (Белша-царь) был убит (т.е. скорее скоростижно умер от страха) и вместо него воцарился Дарейос Мадар⁹ (исторически Лотарь, первично Хлотарий – господин людей по-французски).

Мы видим, что автор пророчества Даниил здесь только поторопился уморить Людовика Благочестивого несколько раньше того времени, как его похоронили европейские биографы, назначившие ему для смерти день 20 июня 840 года и место близ Майнца.

А тотчас вслед за кометой он по нашим историкам только передал власть своему сыну Лотарю.

Мы видим, что астрономия приводит нас тут к новым неожиданностям. Выходит, что «Древне-Персидское» царство совсем мифично, и реальным зерном этого мифа является империя Карла Великого, бывшая совсем не в Азиатском Иране на Шат-Эль-Арабе, а в средней Европе, и вместо VI века до начала нашей эры этот миф попадает в XI век после него. А так как переселение это чрезвычайно велико и в пространстве и во времени, то нам необходимо разобрать дело еще подробнее, по первоисточникам, отбросив всякие предварительные внушения.

Прежде всего, воспользуемся нашим методом династических спектров.

Династия Великого Царя (БЛША-ЦР в еврейском тексте) или Валтасара (что-то вроде Балтийского царя в греческой версии), при котором перепугала всех комета Галлея в 837 году, была такова:

1. По книге «Даниил» ее составляли: Нео-удо-доно-сар, Балта-сар, Агасфер (отец Дария никогда не царствовавший в «Персии»), Дарий и Кир, в этой самой последовательности.

2. А по книге Ездры: они же поставлены в обратном порядке: Кир, Дарий, Агасфер, Арта-Ксеркс (или Арта-Кшиста), Дарий II, Арта-Ксеркс (или Арта-Кшиста) II.

Сопоставив для наглядности в двух колонках, имеем:

Таблица

	У Даниила	У Ездры
1	Небу-годоносар 36 лет	Кир 31 год
2	Балта-сар 20 лет	Дарий 36 лет
3	Ага-сфер 40 лет	Арта-Ксеркс I 40 лет
4	Дарий 20 лет	Дарий II 20 лет
5	Кир 30 лет	Арта-Ксеркс II 42 года

Что же это такое? И у Даниила и у Ездры поименовано пять явно тех же самых царей. Но у первого Кир и Дарий в конце, а у второго они в самом начале, как будто перевернуты вверх ногами. Агасферу соответ-

⁹ ДРИУШ МДИА произносится евреями: Дариас Модайя.

ствует тут Артаксеркс, да и в греческом переводе книги «Эсфирь» поставлен Арта-Ксеркс вместо Агасфера, каким он значится в еврейском оригинале. Значит, и греческий переводчик почему-то объединил их. Точно так же Балта-Сару и Дарию дано одинаковое число лет царствования, да и «Небо-угодный» царь, как «Арта-Ксеркс» характеризуется очень большой продолжительностью власти. Как объяснить такой переворот несомненно одной и той же династии задом наперед?

Объяснение тут может быть только одно, и притом очень простое: династия эта царствовала после начала какой-то эры, и годы в ней начислялись, как у Даниила, от прошлого к будущему, как у нас теперь, а позднейший редактор, получивший эту хронику, вообразил, что дело тут идет о глубокой древности, а потому переменял у годов знаки плюс на минус и этим дал повествованию обратный ход, как если б мы, увидев летопись с годами «по Р.Х.», стали бы писать в копиях «до Р.Х.» и тогда приближающиеся к нам по времени события оказались бы удаляющимися от нас в глубину прошлого.

Таблица 1

I. Ахемениды у классиков	II. Часть их имен у Ездры	III. Часть их имен у Даниила
Ахеман, сын Манданы, родоначальник		
-558, -528 = 30 лет Кир I	Кир	
-528, -521 = 7 лет Камбис		
-521, = 0 лет Смердис		
-521, -485 = 36 лет Дарий I	Дарий	Неб-угодно-цар
-485, -465 = 20 лет Ксеркс I		Балта-цар
-465, -425 = 40 лет Арта-Ксеркс I	Арта-Ксеркс	Ага-сфер
-425, -424 = 1 лет Ксеркс II Согдиан		
-424, -404 = 20 лет Дарий II	Дарий II	Дарий
-404, -401 = 3 года Кир II		Кир
-404, -359 = 45 лет Арта-Ксеркс II	Артаксеркс	
-359, -338 = 21 год Арта-Ксеркс III		
-338, -336 = 2 года Арсес		
-336, -330 = 6 лет Дарий III		

Но кто же тут переменял знаки лет с плюса на минус? Даниил или Ездра? Конечно, Ездра, так как счет у него тот же, как и у классических апокрифистов, которые кроме того и дополнили его, как вы сами видите, сравнив на таблице 1 колонки III и II с первой.

Нам здесь остается только определить, по какой эре считались года в той первоначальной рукописи, с которой была сделана такая махинация, и это нам не трудно установить.

Я уже показывал и в I томе «Христа» (и здесь, чтоб не затруднять читателя, возвращением к прежним томам), что комета «Мене-Мене Те-

кел-У-Парсин», явившаяся во время пира Балта-Сара была комета Галлея в 837 году, за три года до конца его царствования.

А время царствования Вальтасара показано на таблице 1 между 485 и 465 годами. Вычтя оба числа из 837 года, мы получим, что эра, которой пользовался редактор начиналась между 352 и 375 годами нашего современного счета лет.

А какое же тогда было замечательное событие, от которого мог бы считать годы средневековый хронологист? Это не трудно видеть.

В 355 году был провозглашен кесарем Юлиан Философ, положивший начало христианскому богослужению, Великий царь Четьи-Минеи и Спаситель Христос Евангелий. Это очевидно и была первичная христианская эра, которою пользовались может быть вплоть до тех пор, пока не ввели в обязательный государственный обиход наш современный счет лет. Перечислив на нее годы, как это сделано на табличке II, мы видим, что получилось время Каролингов.

Таблица II
Переведения попятного счета Ахемнидов-Безбраников
на прямой с прибавлением к нему 355 лет.

Хронология Ахемнидов при перемене их времени с «до Р.Х.» на «по Р.Х.» (с — на +)		С прибавкой 355 лет				
Дарий III	+330—336	685—691	6	? — 641	Арнульф	
Арсс	+336—338	691—693	2	641—687	Ангезильд	26
Арта-Ксеркс III	+338—359	693—714	21	687—714	Пипин Геристальский	27
Арта-Ксеркс II	+359—404	714—759	45	714—741	Кор Мартел	27
Кир II	+401—404	756—759	3	—	—	—
Дарий II	+404—424	759—779	20	752—768	Пипин Короткий	16
Ксеркс и Согдиан	+424—425	779—780	1	—	—	—
Арта-Ксеркс I	+425—465	780—820	40	768—814	Карл Великий	46
Ксеркс I	+465—485	820—840	20	814—840	Людовик Пий	26
Дарий I	+485—521	840—876	36	840—877	Карл Лысый	37
Смердис	+521—521	876—876	0	—	—	—
Камбис	+521—528	876—883	7	877—887	Карл Толстый	10
Кир I	+528—538	883—913	30	877—900	Арнульф	22
				Далее идут «титულярные» императоры до 962 года		

Арта-Ксеркс I (первый Орто-Кесарикос по-гречески) оказался Карлом Великим (780–820 годы вместо 768–814 как считают теперь). Его современником во вратах Господних (Риме) оказался, по Даниилу, Небоугодный царь (по еврейской транскрипции Неб-Укодне-Цар, а по клинописной Наба-Кудурус-сур), в «правление которого страна Врат-Господних достигла наивысшего процветания и политического могущества» и который вел продолжительную войну с Царем-Городом. Хронологически он налегает на Великого римского понтифика Григория IV (827–844), установившего праздник «всех святых» для западной Европы. В конце своего царствования он был свидетелем распада империи Карла Великого. А наследовал ему «по царской летописи» (-605, -563) неспособный сын Эвиль Меродах, современник Карла Лысого, а по пророчеству Даниила это был уже не Небу-угодный Царь, а сын его Балта-сар (по Ахеменидской династии Кесарикос).

О последнем Каролинге периода Арнульфа (857–899) говорят, что он был побочный сын Карла Толстого, родился в 850 году и после низвержения Карла Толстого в 887 году был избран немецким королем, затем он разбил «норманнов» при Левене, потом воевал с Моравией, потом в 896 году взявши штурмом Рим, заставил папу короновать себя римским императором и умер через 3 года в Регенсбурге в Баварии. А зеркальным двойником его является в Паризской династии Кир, сын Камбиза, как и выходит по нашему сопоставлению на диаграмме, и о нем говорится, что он воевал с Мидийцами, т.е. со средне-европейцами (от латинского названия Медиа – средняя страна, откуда и имя венгерцев – мадьяры), покорил Людию (Лудіа, т.е. славянскую землю, от славянского «люд» – народ), и Мало-Азийских ромейцев (вероятно смешиваемых с европейскими австразийцами), завоевал Врата Господни (Вавилон по-еврейски) и умер во время войны с «масса-готами». У нас только выходит, что Арнульф напрасно отождествляется с КиromСтаршим, его надо называть просто Киrom, считая Младшего Кира, описанного в «Анабазисе» Ксенофонта за простую беллетристическую фигуру. Находя правдоподобным, что Кир-Арнульф взял в 896 году Врата Господни-Рим, – мы видим, что это было царствование¹⁰ там римского великого понтифика Формоза, которого таким образом и пришлось бы отождествить с нововавилонским Небу-Наидом, низвергнутым Паризским Киrom.

Тогда восемь промежуточных римских понтификсов между Григорием IV и Формозом пришлось бы отождествить с четырьмя промежуточными Вавилонскими царями между Наб-Укадоно-царем и Набу-Наидом.

¹⁰ Я говорю «в царствование» потому, сто со времени великого понтифика Николая I (858–867), римские понтификсы стали короноваться на царство.

Но это явно невозможно, пришлось бы соединить по паре в одного. А с другой стороны сама ономастика «Ново-Вавилонских царей» навязывает идею о их тождестве с римскими понтифексами. Действительно, у трех из них имеется прозвище «Набу», что по-еврейски значит выявитель, пророк. А латинское слово понтифекс тоже происходит от *pate-facio* – выявляю¹¹ и значит тоже – выявитель, пророк. Точно так же и другие два царя господних врат имеют титул Меродахов, что значит служители Овна Вождя. Ведущее созвездие Зодиака Ариес-Дука, – перешло в Марс-Дука (сокращенно в Мардука) вследствие того, что Ариес-Овен по-гречески созвучно с Арес-Марс.

Все это говорит о клерикальном происхождении «Ново-Вавилонской империи» и не в Азии, а в Австр-Азии, как называлась Австрия, которая раньше была протянута на запад до самой Франции. И вот, рассматривая таблицу справа налево, мы видим, как из зародыша, появившегося в пророчестве Даниил, путем обратного перевертывания имен и вставок новых в их промежутках, образовалась у классиков целая династия фантастических, никогда не бывалых в Персии, древне-персидских царей-безбрачников, агеменидов. Но откуда же были получены для них и точные времена на царствования?

Основываясь на том, что империя Карла Великого, к которой привела нас комета Галлея, начертанная на небе грозную надпись «Измеритель измерил, взвесил на Весах и передает твое царство к Парисам Мене-Мене-Текел-у-Парсин, или по-гречески Мани-Факел-Фарес – считалась возобновлением древне-римской империи, я подумал, не взять ли годы оттуда, и получил диаграмму, приложенную здесь на чертеже 1.

В начале никакого подобия нет. Арнульф, Ангезиль и Пипин Геристельский одарены чисто фантастическим продолжительностями по 27 лет, а далее, с Карла Молота до последнего Арнульфа вышел очень хороший параллелизм. Карл Молот отождествляется с одним Арта-Ксерксом и Карл Великий – с другим, а прозвище Арта-Ксеркс есть сокращенное греческое Орта-Кесарикос, т.е. истинно-царственный. И в добавок к этому, как видно из надписи в середине диаграммы, появление кометы Галлея в 837 году вышло правильно, и солнечное затмение во Льве, описанное в библейской повести «Звезда (Эсфирь)» легло на надлежащее место, причем под именем Царя Святой Сферы (Агиосфера) надо только подразумевать не Арта-Ксеркса, как сделал греческий переводчик, а с него и славянский, а просто Ксеркса, соответствующего Людовика Благочестивому.

Все это едва ли позволяет сомневаться, что в основу сказаний об Ахеменидах легли события, имевшие место при Каролингах периода Карла Великого, и что дело происходило в Австр-Азии, а не в Азии. Однако уже

¹¹ И ни а каким случае от «делаю мосты».

сам обнаруженный нами факт легкомысленного принятия годов после начала эры Юлиана (635 г.) за годы до нее показывает на большую искусственную обработку и полное искажение первоисточников.

Так. Например, во II книге Царей¹² говорится, что Неб-Кадна-цар переселил богославного царя Иехонию во Врата-Господни и воцарил Седекию, но тот отложился. За это снова пришел, — говорит Библия, — Неб-Кадна-цар, царь Врат Господних, взял «Иерусалим», ослепил последнего царя Седекию, сжег храм и переселил народ в город Риблу (считаемый за Ривле на р. Оронте¹³), а через 36 лет после переселения Иерихонии другой Вавилонский царь Ауиль Мародах освободил Иехонию и сделал своим вассалом в Вавилоне.

Но Седекия по нашим диаграмматическим сопоставлениям в тому I был царь-градский император Константин Пагонат (668–697), значит и Небоугодный царь соответствует здесь Моавию Калифу (661–680), родоначальнику уподобленных Омейядов, отождествляющихся с испанскими Омайядами и с Меровингами, а никак не с этими Каролингами, а потому и прозвище Неб-Кадна-цар (661–680) упало тут на какого-то современника каролингского Ангезмля (641–687). Это, конечно, не является возражением ни против того, ни против другого отождествления. Ведь повторения одинаковых прозвищ есть обычное явление во всех династиях, а потому и Небоугодных царей могло быть два, как уже есть в той же династии Три Дария и два Кира.

А в общих чертах развитие этого династоподобного мифа представляется таким. В основе его лежало (как это показывает описание у пророка Даниила) появление кометы Галлея в 837 году и события, предшествовавшие распаденнию империи Карла Великого.

Затем, описание этих событий было сделано по Юго-славянски, как это показывают оставшиеся там собственные имена: Небоугодный царь (Нб-Укадна-цар по еврейской транскрипции), Большой царь (БЛША-ЦП по еврейской транскрипции), Дарий может быть в смысле Дарящий или наоборот, Дарованный, или, наконец, Кир, имя которого хотя и греческого лингвистического корня, но с давних пор вошло в состав древне-русского языка и не раз употребляется в летописях в смысле «государь» (как, например, говорится о сыне князя Михаила Глебовича — кир Михаил).

Представьте себе, что вы читаете по-русски оборванные листы романа без заглавия, где фигурируют Джон, Чарльз, Дженни и Люси. Вы сейчас же скажете, что это не русское произведение, а обрывок перевода на русский язык какого-то английского романа. Так и здесь, хотя вы и читаете пророка Даниила по-еврейски или по-гречески, но по остаткам в нем славянских имен с примесью греко-славянских, должны признать, что это

¹² По-русски она названа четвертой, гл. 24, 12.

¹³ II Ц. 25, 21.

произведение переводное с одного из языков юго-западных славян, хотя перевод может быть и очень вольный, и пополненный новыми вставками.

Затем, по-видимому, наступил второй период в развитии мифа о царях монахах (Агименидах). Еврейский перевод был принят мессианцами-евреями за оригинал, действие его перенесено в Царь-Град, а затем и на берега Тигра.

Потом греческие грамотеи перевели Даниила с еврейского на греческий язык, установив правильное произношение имен Дария и Кира, общих у них со славянскими, но исказив Болшаго царя в Валтасара и Небоугодного царя в Неб-уходоно-Сара¹⁴.

Затем начался христианский тенденциозный пересмотр всей еврейской древней истории с отодвиганием ее в глубь веков, благодаря несоответствию описываемых там религиозных представлений с теми, каких хотелось христианским теологам.

Первая из существующих в человеческой истории – еврейская придворная летопись о деяниях Царь-Градских теократических властелинов Ромейской империи, – написанная колдунами-халдеями в Царь-Граде, на их еврейском языке, была признана не подходящею для православных христиан и потому вся эта империя отослана в Азию на берега Мертвого моря, причем Царь-Град был отождествлен с тамошним Эль-Кудсом, т.е. Городом Святого Ильи, и все события, описанные в Царь-Градской летописи, называемой «Книгой Царей», отнесены в среднем за 1250 лет вспять.

Все это и отозвалось вдвойне, как мы видим и на книге Даниила.

Отожествив сначала Большого Царя (Больша-Царя– Валтасара) с ромейским императором Геркулесом-Гераклием (тоже как видим, не малым царем), старинные историографы (за которыми мы рабски следовали до сих пор) сделали сдвиг хронологии на 215 лет вспять.

Переименовав Геркулеса в Иосию, что значит Богоспасенный, воцарившегося, будто бы еще за 1251 год до его действительного времени, они апокрифировали и Даниила дополнительно на столько же лет, т.е. (в сумме с первым сдвигом в 215 лет) сдвинули его на 1466 лет вспять, а сцену действия перенесли уже в Азиатский Ирак.

А относительно того, что слово Кир, т.е. по-гречески просто: государь, могло применяться и к Юлиану, и к Феодосию, и к Юстиниану, и попасть в клинописи и до времени Каролингов, против этого возражать нельзя, как и против того, что Дарованным царем, т.е. Дарием, мог называться подданными любой монарх, но только у славян или у нреков, где это слово имеет указываемый им смысл.

¹⁴ Я не говорю уже о том, что Небоугодного царя называют сыном Небоупавшего царя (Неб-упало-царь), т.е. хотят сказать, что он получил себе царство благодаря «с неба упавшему метеориту».

Глава VII

НАГЛЯДНОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ТЕОРИИ ВЕРОЯТНОСТИ. ВТОРАЯ ПОПЫТКА ВЫБРАТЬСЯ ИЗ ТОПКОГО БОЛОТА ИСТОРИКОВ. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ОНОМАТИЧЕСКИЙ РАЗБОР ДИНАСТИИ СИРИЙСКИХ СЕЛЕВКИДОВ-АНТИОХИДОВ И ФРАНЦУЗСКИХ КАПЕТИНГОВ-КЛОБУЧНИКОВ

Историк, не выходящий за пределы архивных сведений и не прибегающий к материалистическим и естественным наукам, похож на чемодан, набитый чужими сообщениями. В предшествовавших томах «Христа» я пытался вывести исторические архивы на свежий воздух естествознания и статистической математики, а теперь я хочу приложить к исследованию их документов и еще один способ теории вероятностей, который сам навязался мне в употребление при сравнении некоторых династических документов, кладущихся в основу древней хронологии.

Но так как большинство историков не математики, а доказательства неведомыми способами не убедительны, то прежде чем идти далее, я покажу на наглядном примере сущность такого специального отдела математической науки.

Вот на табл. 1 в нулевом ее отделе, находящемся в верхнем левом углу, я взял два наименования *b* и *d*, каждое в двух представителях. В скольких расположениях могут они оказаться?

Взгляните на последовательные строки этого маленького отдела и вы увидите, что только в представленных на нем вариациях

1. *bbdd*
2. *ddbb*
3. *bdbd*А
4. *dbdb*
5. *dbbd*
6. *bddb*

Но наименования во всякой четырехчисленной вариации могут быть и не парными, как я взял, а например, может оказаться одно *b* и три *d* или наоборот, и тогда получим еще 8 расположений:

1	<i>d b b b</i>	<i>b d d d</i>	2
3	<i>b d b b</i>	<i>d b d d</i>	4
5	<i>b b d b</i>	<i>d d b d</i>	6
7	<i>b b b d</i>	<i>d d d b</i>	8

И ни одна из них не тождественна с другими. А вместе с 6 показанными в предшествовавшей парной группировке они составляют 14 расположений.

Пусть они все последовательно написаны на дне желоба (рис. 1).

Я пишу еще особо, на пластинке, какую-нибудь произвольную четверочленную комбинацию из двух этих же наименований, например, dbbd, а вы бросаете ее в желобах. Сколько шансов на то, что она сразу упадет на такую же из 14 наших комбинаций? (чертеж 1).

Теория вероятностей говорит, что вам пришлось бы бросать свою пластинку 13 раз для того, чтобы шансы за успех были равны шансам против него. А для того, чтобы добиться полной уверенности такого налегания, вам может оказаться недостаточно и сотни попыток. Ну, а если мы составим четвертую комбинацию из двух других наименований, например, qrrr, то сколько будет шансов за то, чтобы пластинка с ними попала в нашем желобке на аналогичную комбинацию, т.е. dbbb или bddd (чертеж 1).

Та же теория вероятностей говорит, что 7 шансов против 1 будут за неудачу и лишь при семи попытках вероятность осуществления сравнивается с вероятностью за неудачу.

Исключаются из этого лишь случаи правильного чередования двух каких-либо наименований, так как в некоторых упорядкованиях оно делается сознательно, и потому встречается чаще, например, в чередовании Николаев и Александров в династии русских царей XIX века.

Но пусть вместо этих наших династических «двуименностей» мы будем иметь «трехименности», включающие в себя 5 последовательных поколений. Нашей большой таблице 1 приведен такой случай, когда третье наименование Z одиночно присоединилось к шести основным вариантам только что исследованной нами нулевой группы в разных местах. Мы видим, что получились уже пять групп, давших 30 вариантов, типа $2b+2d+z$.

Но и этого мало. Из выражений A, B и C, данных нами в тексте несколько строк назад. Мы видим, что парность наименования b и парность наименования d для пятичленной группы не обязательна, и что наш z может присоединиться в разных местах также и к восьми вариантам, приведенным в выражениях B и C, что даст еще $8 \times 5 = 40$ вариантов, т.е. в сумме будет $40+30=70$ комбинация, а это займет уже не желобок, а длинный желоб. Теория вероятностей говорит нам, что если я задам какое-нибудь произвольное расположение этих трех наименований, вроде, например, bbbdz, то в среднем вам придется сделать 69 попыток, прежде чем шансы за осуществление указанного налегания сравняются с шансами не налегания, и что в отдельных случаях вы можете сделать и огромное число попыток — раньше, чем добьетесь успеха. Я не говорю уже о комбинаци-

ях 6 пар наименований в нижнем отделе нашей большой таблицы, где показано 150 различных вариантов.

Конечно, в монархический период эволюции государственности, среди земных народов немало было поколений монархов, но все же вы едва ли найдете среди них хоть один случай повторения трех одинаковых имен в двух династиях, в том же самом порядке даже и в продолжение пяти поколений, если пересмотрите с этой точки зрения все существовавшие на земле генеалогические списки монархов. А потому, если в какой-нибудь династии, сомнительной по своей древности (или по некультурности ее страны) вы найдете такой случай, то имеете полное право сильно заподозрить, что ее последний представитель или его придворный летописец приписал ему чужих предков и даже именно тех, с которыми совпадает это чередование. Но пойдём и далее.

Посмотрим теперь и на нижний отдел нашей таблицы. . . В нем показано присоединение еще второго z в разных местах тридцати вариантов верхнего ряда, а вы видите сами, что из них образовалось уже 30 групп по 6 вариантов в каждой, т.е. 180 вариантов типа $2b+2d+z+zr$, а при $z=Zr$ — 150 вариантов типа $2b+2d+2z$.

Но и это еще далеко не все.

Из приведенных уже нами выражений B и C на странице мы видели, что при необязательности парности b и d , у нас кроме 30 вариантов, данных в верхнем ряду таблицы, получается еще $6 \times 30 = 240$ групп по 6 вариантов в каждой, т.е. $240 \times 6 = 1440$ вариантов, а приложив их к табличным 180, мы получим 1520 вариантов типа $xb+yd+z+zr$, где сумма $x+y=4$. А если допустим, что $z=Zr$, то получим 1200 вариантов типа $xb+yd+2z$, где сумма $x+y=4$, и это наполнило бы уже целых 6 страниц нашего текста, а не одну, как наша таблица. А если б наименованию z мы стали давать значения не только $2z$, как у нас, а $1z, 2z, 3z, 4z$, да и b и d стали бы доводить по очереди до четырех и располагать различно, то для помещения их понадобилась бы брошюра в несколько десятков страниц.

И вот скажите теперь сами: если б я составил какую-нибудь произвольную шестичленную комбинацию из тех имен, например, вроде

$r'p'q'r'p'z'$

и спросил бы вас, сколько шансов на то, чтоб осуществить совпадение

$r'p'q'r'p'z'$

$r'p'q'r'p'z'$

если вы из этой брошюры наугад выберете одну из ее комбинаций? Вы, конечно, ответите, что и пытаться не стоит, и будете совершенно правы. Вы могли бы заниматься этим в худшем случае много лет, раньше чем переупрямили бы теорию вероятностей.

Значит, если вы найдете шестерной параллелизм у какой-нибудь подозрительной по своей древности европейской или азиатской династии, например, Прим, Секунд и Терций, с достоверной средневековой, например, Германской династией, где фигурируют Карл, Генрих и Людовик в том же порядке, например:

Прим I	Карл I
Прим II	Карл II
Терций I	Генрих I
Прим III	Карл III
Секунд	Людвиг
Терций II	Генрих II

то вы смело можете сказать, что Примом здесь назван Карл, Терцием Генрих и Секундом Людвиг, и что вся эта сомнительная династия списана с германской. И если бы где-нибудь вперемежку с этими именами оказались еще и параллельные перерывы от пары новых наименований, вроде например:

Прим I	Карл I
Кварт	Фридрих
Прим II	Карл II
Терций I	Генрих I
Квинт	Вильгельм
Прим III	Карл III
Секунд	Людвиг
Терций II	Генрих II

где в предшествующие параллелизмы вставлены еще Кварт и квинт, параллельные Фридриху и Вильгельму, то это не только бы не уменьшило бы шансов на правильность нашего отождествления, но еще в сотни раз увеличило бы наше право сделать вывод, что эти латинские имена являются лишь прозвищами соответствующих государей.

Даже и в том случае, если бы в такой последовательности взамен какого-либо имени одной династии оказался в другой пропуск или наоборот, целая группа других наименований, то это доказало бы лишь наличие пропуска переписчиком или позднейшей вставки нового редактора.

Рассмотрим с этой точки зрения так называемые «древние персидские династии».

Нам говорят, что после того, как Александр Македонский, придя из своей Македонии, как классический *deus ex machinae*, освободил Персию, а с нею и историков от безбрачников-агеменидов, и от исповедуемой ими религии Зрителя Звезд—Зороастра, там наступил период прав-

ления Селевкидов-Антиохов, т.е. в переводе Потрясателей и Антиприплодников¹.

«Там началась, – говорят, – эпоха классического греческого веселого многобожия, продолжавшаяся до минус 64 года, когда, – уверяют нас, – Персию (т.е. вернее Парисию) овладели “римляне”».

А Паризией в средние века несомненно называлась не только вся Франция, но и все Кельты, так как даже и у «Юлия Цезаря» Париж называется не Парижем, а только Лютецией парисиев (*Lutecia parisiorum*), т.е. Лютецией кельтов, по средневековому парисов².

Главным их местопребыванием, – говорят нам, – была Галлия, которая стала называться Францией лишь со времени Капетингов (с 987 года), герцогов Иль-де-Франса (*Il-de-France*, кругом Парижа), причем слово Капетинг значит клочунок, т.е. Монастерионец по имени Гуго-Клобука, основателя этой династии (987–996). И кельты не населяли Бельгию и Британию, в которой Шотландия специально называлась Каледонией (т.е. Кельтонией), да и Атлантический океан прежде назывался Каледонским (Кельтским) морем. А слово Кельт, созвучное со словом культ, несомненно является только измененным произношением немецкого коренного слова *Held*, т.е. герой, рыцарь (вероятно, в связи с английским словом *hold* – овладение), так что и Халдеи скорее всего называлась не древне-азиатская Персия, а Келтия-Парисия, откуда и евангельское слово Фарисеи, т.е. строгие держатели культа. В еврейском тексте Библии халдеи названы КЦЦДИМ, где ИМ есть суффикс, обозначающий множественное число, а КЦЦД есть корень славянского слова *кажд-ение*, что показывает, что этот прием находился в употреблении и у них, как у ортодоксальных христиан.

Нам говорят, что из Франции кельты-паризы распространились по Иберии-Испании до Ломбардии, Южной Иллирии и Сербии. Затем они ринулись на Грецию еще в минус 280 году и основались в Галатии, которую считают за часть Малой Азии.

¹ От Салецо – потрясаю и Антиохейо – из двух слов: анти– против и охейо – совокупаюсь. Это не от города Антиохии, потому что сами они, как говорят, и настроили несколько Антиохий, т.е. в переводе монастырей, из которых потом и выросли одноименные города «Монастыри». Главный из них на р. Оронте у местных жителей называется Антакией, более созвучно с Антикуа, т.е. Древний Город (*Antiqua*).

² Подобно тому, какеврейское имя Йошуа обратилось по-гречески в Иисуса; по латыни в Йезуса, по-русски в Исуса и Иисуса, по-испански в Хесуса, по-французски в Жезю, по-английски в Джизеса, так и название народа парисы есть ни что иное как претерпевшее вариацию слово Фризы (*Frisi, Pharisi, Parisi*) и столица их стала называться вместо Лютеции Паризиорум просто Паризией и наконец Пари (*Paris*).

Но ведь это же, читатель, копия с крестовых походов! Переведите слово кельт (по созвучию с немецким Held) – рыцарем и весь первый крестовый поход у вас описан! Да и последующее исчезновение кельтов с «исторической сцены» без создания чего-либо прочного на Ближнем Востоке совпадает с окончательными результатами первого крестового похода.

Значит, даже по одной своей схеме миф о Селевкидах (т.е. монашествующих потрясателях) мог возникнуть только в разгар эпохи Гуманизма не ранее XIV века нашей эры и является чем-то вроде конспекта романа из эпохи капетингов-клобучников.

Таковы наши общие наводящие размышления.

Посмотрим теперь, что скажет нам и только что очерченная нами теория вероятностей, примененная к ономатике.

Начнем опять же с общих соображений.

Когда какая-нибудь династия переселялась царствовать в чужую страну, то она даже и в XIX веке принимала имена, употребляемые в этой стране, а не сохраняла прежние, звучащие на новой родине дико или даже смешно. Так голштейнская династия, получив в наследство по женской линии Россию, стала называть своих наследников Александрями и Николаями, а не Фридрихами и Вильгельмами. Это же мы видим и при выходе принцесс замуж за иностранных государей: дочь короля Христиана датчанка Дагмара обращается в Марию Федоровну, дочь Людвига IV, гессенка Алиса, обращается в Александру Федоровну и т.д.

Каким же образом Селевкиды Антиохиды, сделавшись национальными государями в той же самой Сирии, которою завладели потом крестоносцы, носили в продолжении 24 поколений греческие имена, звучавшие чуждо в той стране? Ведь это же невероятно.

Атмосфера крестовых походов, которою веет от Антиохийского царства, насильно навязанного наследникам Александра Македонского, заставила меня исследовать и ономатику его властелинов, сравнив ее с ономатикой французских Капетингов, и что же вышло?

Взгляните на таблицу, на второй ее отдел от начала крестовых походов, когда во Франции царствовал Филипп I, при котором крестоносцы в октябре 1097 года взяли Антиохию. Ему соответствует Селевк-Победитель, основатель династии Селевкидов-Антиохидов. Затем на левой стороне таблицы идут шесть Филиппов в неправильной перемешке с Людовиками, а на левой стороне шесть Селевков в совершенно такой же неправильной перемешке с Антиохидами, т.е. Антиохийцами, за исключением строк 6 и 7, где произошло скрещение Антиоха и Селевка (отец поставлен вслед за сыном) как раз в тот смутный момент, когда Антиохия была обратно взята турками. Но если эта маленькая перестановка и ослабляет

слегка наше сопоставление, то оно сторицею вознаграждается в 13 строке: Филиппу VI Валуа соответствует не только Селевк VI, но и прямо сам Филипп в соправительстве с Селевком VI и с Антиохом XI.

Но и этого мало.

Между шестью Филиппами-Селевками и четырьмя Людовиками-Антиохами, налегшими тут друг на друга, вклинились еще у Капетингов два Иоанна и обоим Иоаннам у Селевкидов-Антиохинов являются изотопами два Димитрия.

Мы видим, что если французских Филиппов мы переименуем в Селевков, французских Людовигов в Антиохов, да Иоаннов назовем Димитриями, то из династии Капетингов мы получим всю основу династии Селевкидов-Антиохинов. Но эта основа для 1316 года сильно пополнена. Взамен малолетнего Иоанна I Клубучника, переименованного в Димитрия, поставлены целых семь властелинов, из которых два Александра, два Антиохия, два Димитрия и один Трион. Но мы сразу же видим, откуда взята эта вставка. Это из библейской книги Молоты (Маккавеи по-еврейски, Мартеллы по-французски). Там все указанные нами вставные цари фигурируют в тот момент, когда главный герой этого (отсутствующего в еврейском тексте Библии) греческого рассказа Иуда Молот, восстав за богославную веру, заключает договор с Римским Сенатом.

Но все эти вставные цари являются в Библии уже не частью Антиохинов, как здесь, а их врагами, какими и были для греков крестоносцы, когда они, обратив оружие с агарян на греко-ромейцев, основали на Балканском полуострове и в передней Азии Латинскую империю.

Затем после этой вставки появляются вместо Филиппов Карлы (табл.), которые тоже налегают как и Людовики на Антиохинов, за исключением Карла VIII, которому соответствует Тигран.

Скажите мне сами: сколько шансов дает нам теория вероятностей за случайное совпадение такого чередования имен для 8 Филиппов, 4 Людовигов и 2 Иоаннов с 8 Селевками, 4 Антиохами и 2 Иоаннами?

Я вам прямо отвечу: не более одного шанса из нескольких миллионов случаев. Поэтому и можно сказать с полной уверенностью, что в основу мифа о династии Селевкидов-Антиохинов в Сирии легло повествование о французских Капетингах, возникшее после их крестовых походов в Антиохию, причем французские прозвища были переделаны на греческий язык по вкусу сочинителя этого мифа и потому не были узнаны историками до сих пор.

Приложение нашего прежнего метода хронологических матриц (т.е. путем диаграмматического сравнения продолжительности последовательных царствований) не дает здесь результатов и понятно, почему.

Отдел I	В Парисию 996—1031 — Роберт 1031—1060 — Генрих		Перенес столицу в Персию		
	Начало крестовых походов было при Филиппе I в 1096 году. В октябре 1097 года крестоносцы под начальством Боемунда берут Антиохию (стали Антиохидами).				
	1060—1103 = 48 Филипп I	1	Селевк I, Победитель (-312, -281=37)		
	1108—1137=29 Людовик VI (I)	2	Анти-Ох I, Спаситель (-281, -261=20)		
	1137—1170=43 Людовик VII (II)	3	Анти-Ох Бог (-261, -246=17)		
	1180—1223=43 Филипп Август	4	Селевк II (-246, -226=20)		
В 1204 году основание крестоносцами латинской империи в Царь-Граде.					
Отдел II	1223—1226=3 Людовик VIII (III) Лев	5	Должен быть Антиох III, по ошибке внесенный после своего преемника Филиппа III Селевк III (-226, -222=4)		
	1226—1270=44 Людовик IX (IV) Святой	7			
	В 1268 году Антиохия обратно взята турками у крестоносцев				
	1270—1285=15 Филипп III Смелый	6	Антиох III Великий (-282, -187=35)		
	1285—1314=29 Филипп IV, Красивый	8	Селевк IV (-187, -175=21)		
	1314—1316=2 Людовик X (V) Сварливый	9	Анти-Ох IV Евпифан (-175, -164=13)		
	1316—1316=0 Иоанн I	10	Анти-Ох V (-164, -162=2) Димитрий I, Спаситель (-162, -150=12) Александр Балас Узурпатор (-159, -145=7) Димитрий II и Анти-Ох VI (-146, -139; -146, -132) Трифон Изнеженный, Узурпатор (-142, -138) Анти-Ох VII (-138, -129=9) Александр Зебинис, узурпатор		Взяты из Библиейской книги Маккавей - Молога
	1316—1322=6 Филипп V Длинный	11	Селевк V (-126, -125=1)		
	1322—1328=6 Карл IV, Красивый	12	Анти-Ох VIII и Анти-Ох IX (братья-соправители, -125, -96; -116, -95)		
	1328—1350=22 Филипп VI (он же Филипп I, из дома Валуа)	13	Сопрправители: Селевк VI (-96, -95) Филипп I (-98, -83) и Анти-Ох X (-93, -83)		
	1350—1364=14 Иоанн II, Добрый	14	Димитрий III (-95, -88=7)		
1364—1380=16 Карл V 1330—1422=42 Карл VI 1442—1461=39 Карл VII	15	Анти-Ох XI (-89, -84=5)			
1453 Царь-Град обратно берется турками					
1461—1483=22 Людовик XI	16	Анти-Ох XII (-94, -83=11)			
1483—1498=15 Карл VIII	17	Тигран (-80, -69=11)			
1498—1515=17 Людовик XII	18	Анти-Ох XIII (-68, -64=4)			
Конец династии Капетингов-Валуа сумма лет 528			Конец династии антиохидов-селевкидов, сумма лет=259.		

Для приспособления этого мифа к предположенному заранее 259-летнему промежутку от Александра Македонского до Суллы Римейца, якобы разрушившего эту империю в минус 64 году, необходимо было почти вдвое стиснуть время Капетингов, заключавшее в себе целых 528 лет. Для этого и пришлось сильно сократить времена большинства царствований, по каким-то каббалистическим расчетам.

И вот мы видим здесь, как математическая теория вероятностей выбросила у нас династию Селевкидов из Азии и перенесла ее в Средневековую Европу вместе с «Маккавейским восстанием за истинную веру» и нам остается только решить, не тождествен ли Карл Мартелл с Иудой Маккавеем, так как и Мартелл и Маккавей одинаково значит «Молот» (что свидетельствует уже о хорошем развитии в то время кузнечного дела).

Но Маккавеям-Молотам у нас будет посвящено особое расследование, а теперь, чтобы не уклоняться в сторону, возвратимся к остальным псевдо-древним царствам в передней Азии.

ГЛАВА VIII

ТРЕТЬЯ ПОПЫТКА ВЫБРАТЬСЯ ИЗ МЕСОПОТАМСКОГО БОЛОТА. ОНОМАТИЧЕСКОЕ СРАВНЕНИЕ ПЕРВОГО ПЕРИОДА ДИНАСТИИ АРСАКИДОВ-ПОРТЕНИДОВ (ПСЕВДО -250, -542) СЕВЕРНОГО ИРАНА С ДИНАСТИЕЙ АХЕМЕНИДОВ-БЕЗБРАЧНИКОВ¹ ПСЕВДО-ДРЕВНЕ-ПЕРСИДСКОГО ЦАРСТВА (ПСЕВДО -559, -338) И С ПЕРВЫМ ПЕРИОДОМ ДИНАСТИИ САССАНИДОВ-СТАВЛЕННИКОВ СРЕДНЕ-ПЕРСИДСКОГО ЦАРСТВА (ПСЕВДО +226, +432). ОТОЖЕСТВЛЕНИЕ ИХ ВСЕХ С ВЕЛИКО-РОМЕЙСКИМИ АВТОКРАТАМИ ОТ КОНСТАНТИНА I ДО АРКАДИЯ (+307, +408)

Почти одновременно с только что изгнанной нами из Сирии обратно в Европу династией Селевкидов-Антиохов (т.е. потрясателей анти-брачников²) возникла, – говорят нам, – в Северном Иране династия Арсакидов-Партенидов, т.е. мужественников-ведичников. Название ее Арсакидами не трудно расшифровать. Это выражение ее монашеского состояния и по-видимому с противоестественными наклонностями. А название ее девичниками-партенидами, – говорят нам, – произошло потому, что северная часть Ирана, к югу от Каспийского моря, где теперь город Тегеран, носила в древности неподходящее для местного языка той страны греческое название Парфения, сокращенно Парфия, и тамошний народ вместо ариев, как теперь, будто бы называл себя по-гречески партенами³, т.е. девицами (что, очевидно, и дало повод к мифу об амазонках в той стране). Вот почему их цари и именовали себя парфенидами, т.е. девичниками.

¹ Название Арсак – мужественник (у клинописях аршак) происходит от греческого Арсен, иначе аррен – самец, также как название зодиак происходит от зодион – животное и значит замкнутый круг животных. Отсюда же и Арсенохонт – мужеломник. Да и слово Ахемениды греческого происхождения, от ахименеос – безбрачный, а слово Сассаниды происходит от греческого Сассо – сажусь, навьючиваю, ставлю на чем-нибудь (например, на троне).

² Опять прозвища греческие: Селевк, точно так же как и город Селевкия на реке Оронте в Сирии, скорее всего происходит от Салейя – потрясаю, колеблю, как в общем смысле, так и в смысле землетрясения. А Антиох прямо значит антибрачник, так как город Антиохия, с которым его связывают, первоначально знало монастырь: Анти-охейя, противо-совокупление.

³ От греческого партеной – девицы.

Но это словопроизводство становится уже довольно смешно, и потому мы рассмотрим дело серьезно.

Парфяне, – говорят нам, – историки XIX века (уже не утверждая, что они были все девицами или амазонками, скачущими на конях), – представляли воинственный народ и через несколько лет после ухода от них Александра Македонского, образовали самостоятельное государство под династией Арсакидов-Партенидов, т.е. муштинников-девичников. Их царство, будто бы быстро растянулось к востоку от Сирии до Индии, а к югу от Каспийского моря до Индийского океана, и время его существования тянулось, будто бы довольно симметрично по отношению к «Рождеству Христову» от 256 года до Р.Х. по 226 год после Р.Х. Однако еще в минус 100 году при царе их Похотливе от этих муштинников-девичников (Арсакидов-Партенидов) отделилась боковая ветвь просто муштинников (Арсакидов), царствовавшая в «Великой Армении». Эта «Великая Армения», – говорят нам, – существовала под их властью до 428 года нашей эры, когда Бахрам V из средне-персидской династии Сассанидов-Ставленников уничтожил ее.

С тех пор история народов знает только просто Армению, как горную страну, населенную армянами в ее современных нам этнографических границах кругом Арарата и озера Ван. Ее реальная национальная история начинается таким образом почти одновременно с русской приблизительно с 860 года, когда Ашад I основал там действительно армянскую династию Багратидов (859–1046 гг.).

Мы оставим пока эту древнюю «Великую Армению» в покое, хотя ее библейское имя Арам (в еврейской транскрипции А-РМ) ничто иное как Ромея или Рим, с прибавкой определенного члена еврейского языка А. Отсюда видно, что Великая Армения в переводе значит Великий Рим. И это сразу дает импульс сравнить ее династическую историю с римско-византийской и даже с историей западно-европейской средневековой Священной Римской империи. Но мы ограничимся пока девическим царством Партенид, благоденствовавшим, будто бы под властью мужественников-Арсакидов, полтысячи лет от минус 250 по плюс 230 год нашей эры.

Вот на таблице I династические вехи их истории. Рассмотрим сначала особенности их первого периода до Орона, когда ономатика меняется. На таблице II слева даны последовательные представители Безбрачников-Ахеменидов, а слева мы видим этих самых мужественников-девичников (партенидов-арсакидов). И что же мы тут находим?

Прежде всего оба названия династий здесь греческие, которых я не слышал в Сирии, Иране или Ираке, да и отдельные цари-девичники были тоже или греко-латыняне или западно-европейцы (если принять во внимание, что западно-европейские писатели давали героям своих рассказов почти исключительно греческие или латинские имена).

Арсак значит мужественник, Тири-дат – царедатель, Арта-бан (иначе Орто-пан) значит – истинный пан, Фрат – сокращенное брат, Митридат – митро-датель или митро-даренный.

Но назовите здесь Киров – Арта-банами, Дариев – Фратами и Арта-Ксерксов – Ситри-датами и тогда все чередование этих имен, а с ними и вся ономастика безбрачников наляжет на ономатику девичников.

На Кара I налег (на таблице II) Арта-бан I и на Кира II Арта-бан II, причем Кир по-гречески и по-славянски значит царь (господь), да и бан по австро-венгерски значит государь, польское пан.

На Арта-Ксеркса I налег Митри-дат I, на Арта-Ксеркса II – Митридат II, причем Митри-дат значит коронованный, а Арта-Ксеркс (или Орто-Кесарикос) значит Истинно-кесарский, так как приставка Орто употреблена здесь в том же смысле, как в словах Орто-доксальный или орфография, т.е. в смысле правильный, истинный, верный.

Дарию I соответствует здесь Фрат I, Дарию II – Фрат II и Дарию III – Фрат III, причем Фрат значит брат в том же смысле, как у клерикалов фра и фратер.

Только Митридату I вместо одиночного Арта-Ксеркса тут соответствует целая триада: Ксеркс, Арта-Ксеркс, Ксеркс, а это показывает лишь то, что автор удостоил тут принять во внимание и соправителей. Да еще Митридат III вместо 13 строки попадает в виде Арта-Ксеркса III в 10 строку безбрачников, но и тут против него не пустое место: взамен его 21-летнего царствования стоят года междоусобицы. А то, что в верхних двух строках безбрачник Ахемен налег на девичника Партена, да Камбис I на Тиридата I и Камбис II на Приапита, еще более подтверждает правильность нашего вывода, так как по теории вероятностей они должны бы прийтись каждый на особой строке.

Может ли это быть случайным совпадением? Только для не имеющего никакого понятия о математической теории вероятностей! А знакомый нею хотя бы по моему образчику в XVI главе прямо скажет: здесь подстрочный перевод ономатики безбрачников на ономатику девичников, но лишь с небольшой вариацией в помещении имени Арта-Ксеркса III на три строки выше его двойника Митридата III.

Все это заставило меня сопоставить графически и времена их царствования, и вышла конфигурация на таблице III.

Мы видим из нее, что продолжительность отдельных царствований у Ахеменидов большею частью увеличена сравнительно с Арсакидами по какому-то субъективному расчету автора, чтобы довести время царствования до какого-то заранее намеченного размера, но грубое сходство обоих графических конфигураций все же осталось.

Которая же династия здесь послужила основной для создания другой? Конечно – Арсакиды, а не Ахемениды, потому что тенденция апокрифис-

тов всегда состоит в увеличении древности их произведения, а Ахемениды представлены в среднем на 300 лет древнее Арсакидов.

Но откуда же взяты сами Арсакиды?

На основании предшествовавшего можно смело предположить, что тоже из какой-то более поздней династии.

Припомнив, что сассаниды восстановили в Персии-Парисии религию Зрителя-Звезд – Зоро-астры, введенную Ахеменидами и культурно повторили их историю, сравним ономатику и их первого периода от Ардашира I до Иездра-гарда II (226–400) с только что сопоставленной ономатикой Ахеменидов и Паргенидов.

Вот они на таблице IV.

Параллелизм всех трех прямо бросается в глаза.

1. Киру I соответствуют Арта-бан I и Арда-шир I, причем и Кир и Шир и Бан – одинаково значат царь, властелин, господь.

Киру II соответствует также Артабан II и Арда-Шир II.

2. Артаксерксу I соответствуют Митри-Дат I и Баг-Рам, причем Арта-Ксеркс (или Орто-Кесарикос) значит Праведно-Царственный, Митри-Дат – Митрою-Данный, коронованный, а Баг-Рам – бог Рама. Представлены даже в виде христианской троицы Баг-Рам I, Баг-Рам II и Баг-Рам III, соответственно чему и у ахеменидов слева таблицы мы видим утроение: Ксеркс, Арта-Ксеркс и Ксеркс.

Арта-Ксерксу II соответствуют Митри-Дат II и Баг-Рам IV. И Арта-Ксерксу III соответствовали бы Митри-Дат III и Баг-Рам V, если б автору не пришлось перенести его в 10 строку, чтобы согласовать хронологию с мифом о том, будто Александр Македонский разбил не Арта-Ксеркса III, а Дария III.

3. Дарию I соответствуют Фрат I и Ормазд I, причем имя Фрат созвучно с Брат, а имя Ормазд встречается в начале средних веков дже среди великих римских понтификсов, например Ормизда (514–523), тогда как у Сассанидов Ормазд IV отнесен к 579–590 годам. Дарию II соответствует Фрат II и Ормазд II, и только для последнего Дария III приведен лишь Фрат II, а Ормазд III почему-то пропущен.

4. Киру II (т.е. Господу II) соответствует Арта-Бан II, а у Сассанидов он распался на триаду Сапора II Великого, Арда-Шира II и Сапора III.

Посмотрим теперь и на перебои. По теории вероятностей, каждый случайный перебой должен приходиться на разных местах каждой из трех династий, разрушая их симметричность. Иначе он только подтверждает их тождество. И вот.

5. Во 2 строке Камбис. Приапит и Сапор составили свою особую отдельную триаду.

6. Между 4 и 5 строками ахеменидскому соправителю-родственнику Согдиану соответствует родственник же Нарцис у Сассанидов, а у партенидов он не удостоен внимания.

7. В 8 строке Арсесу соответствует Сан-Атрук и Езде-Гард (причем Езде-Гард есть сокращенное итальянское <...>, т.е. сторож поклонников Иисуса⁴).

Скажите сами: может ли все это быть «случайными» совпадениями трех различных ономастик?

Попробуйте расчислить по теории вероятностей, и она вам укажет, что если вы всю жизнь не будете ничем заниматься, а только брать из урны оказавшиеся здесь налегшими друг на друга основные имена Кир, Дарий, Артаксеркс и ждать, когда они придут в такое соответствие с их аналогами у партенидов и сассанидов, то так и умрете не добившись ничего.

Значит, все эти три династии лишь различные переводы имен, взятых из того же самого и, судя по их именам, европейского первоисточника.

А так как времена царствования последовательных номеров в каждой династии здесь различны, то это значит, что они тенденциозно подведены под какие-то заранее намеченные авторами псевдо-исторические периоды.

На таблице IV я показал, какая продолжительность царствований дается нашими первоисточниками для каждой смены этих царей. Мы видим, что почти все числа идут тут врозь, т.е. перепутаны.

Но нет ли каких признаков для того, чтобы распутать их?

Вот я беру из них извлечение на приложенной выдержке, где колонка I представляет продолжительность царствований Ахеменидов; колонка II дает то же для Партенидов и колонка III для Сассанидов. Я исхожу из того положения, что если в какой либо строке этой таблицы во всех трех колонках одинаковы, или различаются не более, как на два года (так как дробные остатки тут отброшены, или приняты за целый год), то продолжительность данного царствования удостоверена. А если это случилось лишь в двух колонках, то искажена третья, не согласная с ними. И что же выходит при таком сопоставлении?

Строка 6 показывает нам в приложенном извлечении согласие трех чисел, давая 3-3-4 года, а это, как я только что сказал, одно и то же, потому что поколения царей сменялись не всегда в день нового года и благодаря этому естественная разница счета в целых годах может достигать и 2 лет, судя по тому, приняты ли за полные года или отброшены дробные части первого и последнего года.

⁴ От латинского имени Иисуса ближайшими производными словами являются Иезуит и Йезид по тому же образцу, как от Селевка Селевкид или от Иоанна — Иоаннит.

I		II	III		Вероятное число лет царствований
1	31	18	15	31	31?
2	7	15	31	15	15?
3	36	7	1		От 36 до 7
4	20 40 1	38	3 17 0		От 38 до 40
5	20	9	8		От 8 до 9
6	3	3	4		От 3 до 4
7	42	36	11		От 42 до 36

Строка 5 дает в колонках II и III 9–8 лет, т.е. совпадение дважды. Строка 4 дает около 39 + 1 лет, т.е. совпадение дважды, так как +1 год, при счете целыми числами не нарушает единства.

А строки 1 и 2 дадут согласные результаты, если допустим, что числа 31 и 15 в них перепутаны, и тогда в первой строке получится два раза 31, а во второй два раза 15.

Припомним, кроме того, что I и III династии характеризуются как установители религии Зрителя Звезд, и что в 8 строке Сассанидов фигурирует Езде-Гард, т.е. Страж Поклонников Иисуса, посмотрим, как наляжет эта исправленная схема на первый период Ромейской истории, начиная с установления в Ромее арианства и христианства.

Отдадим предпочтение династии Сассанидов, конец которой заходит уже в V столетие нашей эры, когда в Ромее-Византии началось действительное записывание событий по годам царствований последовательных императоров, как это мы видим в библейской книге «Цари».

Возьмем в таблице IV за основу счета Сапора Великого (родился, говорят нам, в 309 году и умер в 380 году) и сравним его с Феодосием Великим (родился в 346 году и умер в 395 году). Оба эти лица показаны тут современниками. Первый гнал «христиан», второй гнал ариан, т.е. тоже первичных христиан и запретил вольное шаманство. Первый присоединил к своей империи А-Рамяю, а второй в 392 году присоединил Западную Ромею.

Подобное сходство времени и деятельности заставило меня попытаться сравнить продолжительности и соседних царствований династии Сассанидов с династией Ромейских царей, считая, что Сапор Великий есть Феодосий Великий. И что же вышло?

Взгляните на таблицу V и на ее диаграмму на таблице VI.

Параллелизм времен последовательных царствований тут сам бросается в глаза. Сопоставьте первого царя Арта-Шира I – этого якобы вторичного установителя религии Зрителя-Звезд – Зоро-Астра с установителем арианства Константином I и вам станет ясно, что под Зоро-Астром и у

Сассанидов, а с ними и у Ахеменидов подразумевается Арий, а потому и жители Ирана называют себя до сих пор ориями. Сопоставьте ту последнего царя-теократа, каким и был несомненно Иоанн Златоуст во время своего патриаршества в Царь-Граде с Сассанидским Стражем Иезидов, т.е. поклонников евангельского Езуса-Иисуса, и вы поймете, почему на Востоке существовала когда-то «эра Езида-Гарда». Правда, что в подражание измаилитской Геджре, начавшейся с метеоритной катастрофы 16 июля 622 года в Аравии, начало этой эры относят к 16 июля 632 года, когда, — говорят нам, — Езде-Гард III был побит арабами и бежал из своего царства. Но ведь это же нелепо! Когда во время великой французской революции Конвент установил вместо отмененной христианской свою республиканскую эру, с равноденствием 1792 года, разве назвал он ее эрой казненного им короля Людовика XXIV? И если бы у нас теперь вместо счета «от Рождества Христова» постановили бы считать годы Октябрьской революции, то разве захотели бы называть этот счет эрой Керенского, только потому, что он бросив все убежал в тот день за границу?

Так зачем же нам быть смешными и в определении эры Езда-Гарда? Само собою понятно, что она началась со времени первого, а не последнего властелина этого имени, и в данном случае начало ее вполне понятно. В этот год по мнению всех тогдашних богословов, бог отменил свое решение окончить существование земного мира в 400 году нашей эры и продолжил земную жизнь еще на 1000 лет⁵.

И, конечно, уже потом смешали 400 год с началом агарянской Геджры 16 июля 622 года, но почему-то прибавили к ней 10 лет.

Но я не буду пока отклоняться от предмета настоящей главы.

Мы видели сейчас, что первый период династии Сассанидов списан с династии ромейских властелинов IV века нашей эры, начиная от Константина I и кончая Аркадием и его соправителем Иоанном Златоустом. Значит дело происходило совсем не в Передней Азии, и не в Иране, а в Европе. Значит, и под Сассанидской «Персией» приходится подразумевать не Иран, а западную Римскую империю, т.е. латинскую часть «всемирной империи Диоклетиана».

Она действительно не раз подчинялась Царь-Граду и не раз отделялась от него и вступала с ним в борьбу, как это и рассказывается в наших первоисточниках, с переменением только действия с запада на восток.

Переправив теперь Сассанидов обратно на запад и отождествив их с Римскими цезарями мы получили возможность отождествить с ними и безбрачников, Ахеменидов, с их Кирами и Дариями и девичников-Прате-

⁵ См. мою книгу «Откровение в Грозе и Буре». 1907 г.

нидов, как два другие ответвления того же самого мифа. Соединяя вместе нашу таблицу IV и V мы получаем общее сопоставление династий с реальными ромейскими цезарями первого периода (табл. VII) и видим:

1) И Кир I, Арда-Шир I и Арта-бан I списаны с Константина I и являются лишь его титулами на разных языках: Властелин I, Право-царь I, Право-пан I.

2) Ормазд I, Дарий I и Фрат I списаны с Юлиана, с которого списан и евангельский Христос и представляют его разноязычные прозвища: Творец Света, Дарованный (Богом) и по-видимому Брат (в смысле братства).

3) Ормазд II, Дарий II и Фрат II, судя по аналогии этих прозвищ с предшествовавшими, списаны не с Валентиана (378–387) не прославившего просвещенностью, а с совпадающего с ним год в год духовного соправителя, знаменитого ромейского епископа Григория Богослова (379–389), самое прозвище которого указывает на его больше теократическое значение, и на право называться Ормуздом-Творцом Света.

4) Езде-Гард, т.е. Иезидо-Гвардо, что значит страж поклонников Иисуса и Ареец (почитатель Ареса-Марса?) и Сан-А-рук (похоже на Св. Отрок?) являются лишь прозвищами автора Апокалипсиса, Константинопольского верховного епископа Иоанна Златоуста, соправителя императора Аркадия.

Остальные особенности этого сопоставления показаны внизу самой таблицы.

Сомнения быть не может.

Никаких древне-персидских и средне-персидских царств никогда не существовало в передней Азии. Все они сосланы туда из Европы и современный мыслящий историк должен перенести этот заблудившийся по дороге веков старинный чемодан с документами на его надлежащее место.

Таблица I
Хронологические веки «Девического» (Парфянского)
царства, будто бы бывшего в древнем Иране.

	Имена	Годы		
		От	до	
I отдел				
1	Арсак (мужественник)	-250,	-248	2
2	Тири-дат	-248,	-214	34
3	Арта-бан	-214,	-196	13
4	Приатит (похотник)	-196,	-181	15
5	Фрат I	-181,	-174	7
6	Митри-дат I (брат)	-174,	-136	38
7	Фрат II	-136,	-127	9
8	Арта-бан II (родств.)	-127,	-124	3
9	Митри-дат II	-124,	-88	36
	Междоусобия	-88,	-76	12
10	Сан-Атрук	-76,	-69	7
11	Фрат III	-69,	-57	12
12	Митри-дат III	-57,	-54	3
II отдел				
13	Ород I (брат)	-57,	-37	20
14	Фрат IV	-37,	+2	39
15	Фратак	2,	5	3
16	Ород II	5,	7	2
17	Венон I	8	11	3
18	Арта-бан III	10	40	30
19	Вардан	40	45	5
20	Готарец (родств.)	40	51	1
21	Венон (родств.)	51	51	0
22	Вологец I	51	77	26
23	Вологец II (родств.)	77	79	2
24	Покор (родств.)	78	105	27
25	Хозрой (родств.)	106	129	23
26	Митри-дат III (родств.)	129	147	18
27	Вологец III (родств.)	147	181	44
28	Вологец IV	191	209	18
29	Вологец V	209	222	13
30	Арта-бан (родств.)	209	229	20

Таблица II

Ономатическое сопоставление династии Ахеменидов-Безбрачников с Партенидами-Девичниками

Ахемениды-Безбрачники псевдо-древне-персидского царства		Первый период Арсакидов- Партенидов (девичники) средне-персидского царства.
Ахеменид-безбрачник	1	Арсак-Партенид (Девичник)
Камбис	2	Тири-дат
Кир I (Господь I)	3	Арта-бан I
Камбис II	4	Приапит (похотник)
Дарий I Ставленник	5	Фрат I
Ксеркс		
Арта-Ксеркс I	6	Митридат I
Ксеркс II		
Дарий II Ох (правитель)	7	Фрат II
Кир II (Господь II)	8	Арта-бан II
Арта-Ксеркс II	9	Митридат II
Арта-Ксеркс III	10	Междоцарствие
Арсес (родственник)	11	Сан-Атрук (родственник)
Дарий III	12	Фрат III
	13	Митридат III (?)

Таблица IV

Ономатическое сопоставление Ахеменидов-безбрачников, Арсакидов-девичников и Сассанидов-ставленников.

	Ахемениды (основали религию Зоро-Астра) (от псевдо минус 558 по псевдо минус 330 г.)	Партакиды-Арсакиды (ввели «греческую культуру») (от псевдо –250 до псевдо –54 г.)	Сассаниды (возобновили религию Зоро-Астра) (от 226 до 438 г.)
1	Кир I (31 г.)	Артабан I (18 лет)	Арда-Шир (51 год)
2	Камбис I (7 лет)	Приапит (15 лет)	Сапор (31 год)
3	Дарий I (36 лет)	Фрат I (7 лет)	Ормазд I (1 год)
4	Ксеркс I (28 лет) Арта-Ксеркс (40 лет) Согдиан-родств. (1 год)	Митри-дат I (38 лет)	Баг-Рам I (3 года) Баг-Рам II (17 лет) Баг-Рам III (3 года) Нарцис родств. (9 лет)
5	Дарий II (20 лет)	Фрат II (9 лет)	Ормазд II (8 лет)
6	Кир II (3 года)	Арта-Бан II (3 года)	Сапор II Великий (69 лет) Арда-Шир II (4 года) Сапор III родств. (5 лет)
7	Арта-Ксеркс II (42 года) Арта-Ксеркс III (21 год)	Митри-Дат II (36 лет) Междоусобия	Баг-Рам IV (11 лет)
8	Арсес (2 года)	Сан-Атрук (7 лет)	Езде-Гард I (21 год)
9	Дарий III (6 лет)	Фрат III (12 лет)	Д.б. Ормазд III (7 лет)
10		Митри-Дат II (3 года)	Баг-Рам V (18 лет)
	Дарий III разбит Александром Македонским	Этот Митри-Дат III разбит Помпеем	

Таблица V

Параллелизмы во временах последовательных царствований первого отдела династии Сассанидов с временами царствования ромейских императоров первого периода.

Продолжительность царствования					
226—241	Арад-Шир (взамен Сапора)	31	31	Константин Святой	306— 337
241—272	Сапор (взамен Арда-Шира)	15	24	Константин II	337— 361
272—273	Ормазд I	1	3	Юлиан	361— 363
273—276	Баг-Рам I	3	13	Валентиан I	363— 376
276—293	Баг-Рам II	17	15	Валент	363— 373
293	Баг-Рам III	0	0	Отсутствует	?
293—302	Нарцис	9	3	Иоанн (считал, что он с 361— 364)	361— 364
302—310	Ормазд II	8	9	Валентиан II (или Григорий Богослов)	379— 389 378— 387
310—379	Сапор II Великий	69	70	Феодосий Великий	325?— 395
379—383	Арда-Шир	4	6	Грациан	387—38
383—388	Сапор III	5	4	Стиlixон?	395— 399
388—399	Баг-Рам IV	11	12	Аркадий	395— 407
400—420	Чезид-Страж (Езде-Гард)	20	26	Иоанн Златоуст	381— 407
Истинное начало эры Езде-Гарды с 400 г.			Начало Апокалиптического цикла с 400 г.		
Здесь время Арда-Ширы II (379—383) полностью согласно со временем Западно-Римского императора Грациана (373—383). Следующие налегают приблизительно и это может объясняться тем, что в половине случаев нельзя решить, включает ли автор во время царствования и время соправительства с предшествующим государем или исключает его. Вернее первое предположение, так как мы видим, что соправители Валентиан I и Валент явились у Сассанидов уже преемниками друг друга, точно так же как Валентиан II и Грациан, да и Иоанн Златоуст теократический соправитель (а на самом деле диктатор) Аркадия сделан его преемником, а время его засчитано с даты его посвящения в епископы, точно так же, как и Феодосий Великий считается с 346 года цезарем.					

Таблица VII
Общее примерное сопоставление псевдо-персидских Сассанидов, Ахеменидов и Партенидов с Ромейскими императорами IV века нашей эры.

	Ромийские властелины	Сассаниды	Ахемениды	Партениды
306—337	Константин I	Арда-Шир I	Кир I	Арта-бан I
337—361	Константин II	Сапор I	Камбис	Приапит
361—363	Юлиан	Ормазд I	Дарий I	Фрат I
363—376	Валентиниан I	Баг-Рам I	Ксеркс I	
363—376	Валент	Баг-Рам II	Арта-Ксеркс II	Митридат I
???	Какой-то мимолетный Валент	Баг-Рам III	Ксеркс II (1 год)	
363	Иовиан	Нарцис (7 лет)	Согдиан (1 год)	Исключен
378—387	Валентиниан II или Григорий Богослов	Ормазд II	Дарий II	Фрат II
387—395	Феодосий Великий	Сапор Великий	Смешан с Киrom II	Смешан с Артабаном II
387—393	Грациан	Арда-Шир II	Кир II	Арта-бан II
395—399	Стилухон?	Сапор III ?	исключен	исключен
395—407	Аркадий	Баг-Рам IV	Арта-Ксеркс II	Митри-дат II
397—407	Иоанн Златоуст	Иезид-Гард	Арсек	Сан-Атрук
Мы видим, что в Партенидах, вместо трех одноименных царей, носящих у ромейцев название Валентинианов-Валентов, у Сассанидов Баг-Рамов и у Ахеменидов Ксерксов, поставлен один Митри-дат (как и в библейском перечислении и у Тита Ливия, почти все одноименные соправители обыкновенно объединялись).				

Глава IX

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ ПРЕДШЕСТВОВАВШЕЙ ГЛАВЫ. НОВЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ОГРОМНОГО ЗНАЧЕНИЯ ВЕЛИКО-РОМЕЙСКОГО ИМПЕРАТОРА ЮЛИАНА ФИЛОСОФА В РАЗВИТИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ТЕОКРАТИИ И МИСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. ОТГОЛОСКИ ДВУХ МЕТЕОРИТНЫХ КАТАСТРОФ В БИБЛИИ

Поразмыслим немного по поводу предшествовавшего. Вот мы дали на таблице отождествление:

361–363 год: Юлиан Философ – Ормазд – Дарий.

Но Юлиан по-гречески значит Солнечный; Ормазд по-еврейски значит Основа Света, каким и является солнце, так что оба названия одно и то же имя на разных языках, а Дарий по-славянски значит Дарящий или Дарованный¹.

И все три имени знамениты в истории.

Юлиан сначала дал повод к возникновению у христиан и мессианцев мифа о пророке Илии, взятом живым на небо и скачущем теперь на облаках во время грозы, а затем и о Спасителе Мира – Иисусе Христе, сначала как о младшем сыне Юпитера Громовержца, а потом как об единственном сыне Творца Миров.

А вот теперь мы видим, что он же дал начало и зендскому мифу об Ормузде и Аримане, и это сразу бросает свет и на время возникновения такого мифа уже в средние века, и на его развитие вплоть до нашего времени. Прежние историки, относя этот миф в глубокую древность, и дополнив своими собственными философствованиями, провозгласили его наивысшим проявлением мистической дуалистической философии, объяснившей все явления в природе борьбою доброй силы, олицетворяемой в Отце Света-Ормузде – с равносильной с нею злой силой, олицетворяемой в отце тьмы Ариа-Мане. Но можно ли поверить, чтоб такая развитая философия могла возникнуть задолго до начала нашей эры, когда люди жили еще в пещерах и в шалашах из древесных ветвей?

Конечно – нет!

¹ Слово это, собственно говоря, международное: славянское – дарить, греческое дорон (δῶρον) – дар, итальянское dare – дарить.

Но вот теперь нам все становится ясно. Не отвлеченная идея олицетворялась в двух индивидуальных образах, а наоборот: борьба двух реальных индивидуумов постепенно развилась в отвлеченную философию, когда оба индивидуума были уже забыты по причине давности.

Вспомним трагическую судьбу Юлиана, как мы обрисовали ее в VIII томе.

Молодой принц, мало интересовавшийся обыденными мелочами власти, но всей душой предававшийся изучению лишь за несколько поколений до него возникшей и потому детски наивной науки и литературы, сам задается целью ее продолжения и смело отправляется сначала на запад, чтоб посмотреть, где и как там сходится небо с землей и садится на нее солнце. Он едет с немногими спутниками, очевидно, верхами на уже прирученных к тому времени лошадях, по берегам морей и рек все далее и далее на запад, что и дало начало преданию о походе Юлия Цезаря (т.е. того же Юлиана) в Галлию. Но это не был, конечно, поход завоевателя, так как завоеванное в далеких странах нельзя было удержать только раз побывавши в них и не завязав постоянных сношений. Это была научная экспедиция вроде, например, путешествия Ливингстона в центральную Африку в XIX веке, так как Западная Европа была тогда для Византии-Ромеи на таком же положении, как внутренняя Африка в XIX веке. И совершал эту экспедицию Юлиан не как полководец с мечом в руке, а скорее, как волшебник с магическим снаряжением, каким несомненно, служило незнакомое еще тогда почти нигде, обычное для нас зеркало².

Вы можете себе представить панический ужас дикаря, подошедшего к вам, чтобы ударить вас дубиной, когда заслонив себя от него зеркально отшлифованным щитом, вы заставляете его увидеть на месте вас — его собственную персону, замахнувшуюся на него? Что оставалось ему тут делать другого, как не бежать и постараться умиловить носителя такого щита приношениями всего, что имеет. Благодаря именно первой неожиданности такого (теперь с детства привычного нам) явного призрака и прошли через все средневековье в Европе и Азии, вплоть до наших дней, легенды о «магических зеркалах», как о чем-то, посредством чего можно все увидеть, хотя поводом к ним и послужили только первые впечатления

² Мне часто приходила в голову при виде на рисунках больших металлических щитов на левых руках ромейских воинов такая мысль: если эти щиты были отполированы и посеребрены, то они были настоящими большими зеркалами. Каково же было состояние дикаря, никогда не видавшего зеркал, когда бросившись с дубиной на такого воина, заслонившегося своим зеркальным щитом, он вдруг видел перед собою вместо него самого себя, в качестве защитника этого самого человека? Мне кажется, что роль зеркал в развитии суеверий в то время, когда они еще не были общеизвестны, далеко не недооценивается в истории магии.

от этого простого прибора, как обладающего, по толкованию магов, волшебными свойствами. И вы сами понимаете, что мирная научная экспедиция с такими серебряными щитами на левой руке и мечом в правой, когда вольное шаманство еще повсюду процветало, а мелкие властелины были еще более суеверны, могла проехать куда угодно, вызывая лишь содействие и помощь.

Только этим и можно объяснить, каким образом в бытность свою принцем, Юлиан мог добраться, как говорят, до Лютетии Парисиев, теперешнего Парижа (а еще ранее того, до Орлеана) и откуда мог доехать по Луаре на самоизготовленных судах и до Французского Назарата (Saint Nazaire), что могло подать начало евангельскому мифу о том, что «Иисус Христос» был родом из Назарета. Но, даже и побывав в «Святом Назарете» в устье Луары, Юлиан мог видеть только как солнце заходит в Атлантический океан, а плыть по нему в безбрежность в погоню за заходящим солнцем ему было невозможно. Пришлось ехать назад с разочарованием.

А возвращение берегом моря через Канну Галльскую (теперь город Cannes близ Ниццы), откуда действительно он мог вывезти в Византию виноградную лозу и установить там виноделие, как праздничное угощение, могло породить миф и о Канне Галилейской³, где «Спаситель», будто бы, превратил воду в вино, пережиток чего и сохранился в обряде причащения вином и хлебом.

Понятно, что такие результаты его погони за заходящим солнцем, хотя он и не поймал его, сделали Юлиана знаменитым и, получив в 361 году Велико-Ромейский трон, он не усидел на нем более 2–3 лет и отправился таким же способом на восток, чтобы приветствовать восходящее там на небе солнце. Дошел ли он до Инда – неизвестно, так как древнее повествование оставляет его, на этот раз по-видимому, уже действительно, где-то в Фарзистане, между Бендер-Буширом и Бендер-Аббасом, на восточном берегу Аравийского залива, может быть, даже на обратном пути из Индии, удостоверившегося, что солнце и восходит тоже из океана, который таким образом обтекает всю сушу.

На этом возвратном пути он, – говорят нам старинные историки православной церкви, сделавшие из него вместо основателя христианства – отступника от него, – и был поражен невидимою стрелою, а его полководец Иовиан (т.е. Юпиерец) поехал на родину один, но тоже умер, не доехав даже до Европы, где воцарились тотчас же на Западе – Валентиниан (363–375), и на Востоке, в Царь-Граде, упорный арианин Валент (363–378).

³ Не забудем, что по-гречески Франция и теперь называется не Францией, а Галлией, или растяженно – Галилейей.

Но из сопоставления легенд выходит, как я уже показывал в VII том, что Иовиан и спутники просто бросили в Фарсистане безнадежно заболевшего Юлиана и возвратились домой, но Юлиан, так сказать, в первый раз воскрес из мертвых и через 5 лет возвратился домой весной 368 года.

Что было делать Валенту? Почтительно уступить ему свой трон или объявить самозванцем и отделаться казнью? Валент выбрал последнее и даже применил очень мучительный по своей продолжительности способ казни – столбование, причем, конечно, не употреблялось никаких дорогих по тому времени гвоздей, а заломленные за спину руки обвиненного привязывались простой веревкой к крестообразной перекладине вверху столба и человека оставляли так висеть, на заломленных за спину руках (как впоследствии при пытках на дыбе в древней Руси), пока не обеспамятает, а тогда ему перебивали бедра.

По преданию, сохранившемуся во всех евангелиях, на верху этого креста-дыбы была прибита еще доска с насмешливой надписью «Царь иудеев») (т.е. богославцев) на греческом, латинском и еврейском языках, но вдруг произошло сверх-полное лунное затмение 21 марта 368 года, когда яркая лунная ночь, тотчас после полуночи, сменилась во всей империи непроглядным мраком. Перепуганная стража разбежалась от креста (который был скорее всего в самом Царь-Граде, а не в Палестинском Эль-Кудсе), считая это проявлением гнева божия за несправедливость, а сторонники Юлиана сняли его измученного с дыбы и спрятали где-то по-видимому у сочувствующих ему славян, чем евангельский миф о «Христе» и кончается.

Валент царствует неблагополучно еще 10 лет, все время теснимый вестготами, т.е. юго-западными славянами, сторонниками Юлиановых идей и погибает во время бегства от них под Адрианополем в 378 году. На его место садят Великого Богодарованного (Феодосия Великого по-гречески), который, очень возможно, и был сам Юлиан, живший до 378 года у балканских славян, и под руководством его в 381 году Цпрь-Градский Вселенский собор отлучает ариан и запрещает совсем свободное шаманство. А в 395 году, благодаря смерти Феодосия, в первые месяцы Аркадия и Гонория, по-видимому, произошло новое оживление арианства, и вот тотчас же гремит Апокалипсис на земных царей, считающих «Христа» умершим, и предвещает его «второе пришествие» на облаках небесных к 400 году нашей эры.

Действительно, случайно ли это совпадение – смерти «Богодарованного царя» и вышедшего почти вслед за ним Апокалипсиса? Не является ли «Великий Богодарованный» самим Юлианом, вторично воцарившимся после низвергнутого им своего врага Валента? Невольно хочется ответить: да! В этом случае было бы понятно и то, почему этот двойник исключен а перечислении Ахеменидов и Прсакидов, как видно из таблицы.

Вся история Юлиана, как она изложена здесь у меня, конечно, очень похожа на роман, но разве менее похожи на роман описания деятельности почти всех великих людей, создававших после себя эпохи и оставивших о себе мифы?

В данном случае мне важны не детали этого мифа, а выяснение причин возникновения зендского мифа об Ормузде и Аримане, как о силе добра и силе зла, борющихся между собою. С нашей точки зрения эта дуалистическая философия развилась не как отвлеченное размышление какого-то древнего философа, похожего на Гегеля или Шопенгауэра, а вызвана реальными событиями.

Выходит, что начало представлению об Ормузде – Основе Света и добра – дал Юлиан, имя которого и значит Солнечный, а начало представления о творце мрака и зла – Ариа-Мане – дал арианин Валент. Этот Ариаман-Валент пытается замучить Ормузда-Юлиана на дыбе, а его спасает затмившийся месяц и принимают к себе Вест-готы и в конце концов сажают его на престол под прозвищем Великого Богоданного Феодосия, считая его бессмертным. Но вот в 395 году «Бессмертный» умирает и провозгласившие его бессмертие осмеяны арианами, вновь ставшими у власти, но не сдаются.

Автор Апокалипсиса, уверенный, что эта смерть, как и прежняя на дыбе, не настоящая, рисует его возвращение – так называемое «второе пришествие» – на облаках небесных и гибель всех не верящих в него.

В Апокалипсисе, написанном осенью 395 года, впервые художественно вырисовывается дуалистический принцип в природе, в виде борьбы солнца (Юлия по-гречески) – единородного сына божия, с заслоняющими его посланниками сатаны – грозowymi тучами.

«И произошла на небе война, – говорит автор в 12 главе. – Богоподобный и гонцы его (светлые облака) воевали против Дракона, а Дракон и гонцы его (темные облака) воевали против них, но не устояли и не нашлось уже для них места на небе. И низвержен был (в символе темных туч) великий Дракон, древний змий, называемый дьяволом и сатаною, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю (за горизонт) и гонцы его (тучи) вместе с ними. И услышал я громовый голос, говорящий на небе:

– Теперь настало спасение и сила и царство бога нашего и власть Христа его, потому что низвержен клеветник братьев наших, клеветавший на них перед богом день и ночь. Они победили его кровью Овна и словом своего свидетельства, потому что они жертвовали за него душою своею. Итак, веселитесь небеса и все, живущие на земле и на морях, потому что к вам сошел дьявол в сильной ярости, зная, что не много уже остается ему времени» и т.д. и т.д.

Ну, разве не видно уже тут того зерна, из которого развилась затем вся дуалистическая мистическая философия, закончившаяся только в недавнее время?

Отсюда видно ясно, что миф о Зрителе-Звезд – Зоро-Астре – возник уже в средние века нашей эры, и в основе его лежит Апокалипсис Иоанна «Златоуста», как начало астрологии.

Пойдем теперь и дальше. В разбираемом нами теперь отождествлении – Юлиан-Ормазд-Дарий – мы видим, что и Дарий отождествляется здесь с Юлианом. Но опять древняя знаменитость. Отец наших клиноведов Раулинсон, как мы видели в главе III, нашел это имя даже на Месопотамской скале, около селения Бизутуна, написанное смесью славянских, французских, греческих и латинских слов:

«Я, Дарий, князь великий, князь князей, князь Парси, князь областей Юстаспа, ребенок Арсама, внук Ахаменуса сказал: «мой отец – Юстасп, отец Юстаспа – Арсам, Арсаму отец – Арье-Рамн⁴, Арье-Рамну отец Циспис (Teispis), Циспису отец Ахаменис, чего ради мы называемся Ахеменитами».

А далее над фигурами его лежащих пленников:

Над 1-й: «Это Гомад Маг, одурачивавший, говоря: «Я Берди (или Перди, у греческих классиков Смердис) сын Кира, князь».

Над 2-й: «Это Атвин, одурачивавший, говоря: «Я князь Уози (Хозистана)».

Над 3-й: «Это Надьдабир, одурачивавший, говоря: «Я Неб-укодра-царь Набонтей (Набонтад) князь Бабиро (вместо Вавило)».

Над 4-й: «Это Фраортис, одурачивавший, говоря: «Я Ксетвид Уосударева (Государева) дома князь Мадьи (т.е. Мадьяр)».

Над 5-й: «Это Шерди, одурачивавший, говоря: «Я Уменис, (Хеменис) Уозии (Хозии-Хозарии?) князь».

Над 6-й: «Это Цитвадакм, одурачивавший, говоря: «Я князь Асгардии, Уосударева дома».

Над 7-й: «Это Юсдад, одурачивавший так: «Я Берди (у греческих классиков Смердис) сын Кира, князь».

Над 8-й: «Это Арак, одурачивавший, говоря: «Я Неб-укодна-царь, Набонтей (Набонтад) князь Бабиро (вместо Вавило)».

Над 9-й: Это Фрад, одурачивавший, говоря: «Я князь в Марге, в Азебейджане».

Над 10-й, в остроконечном калмыцком колпаке: «Это Марук, Сак».

Я обращал уже внимание, что эта надпись сделана не местным жителем, так как в ней нет ни одного местного слова, а смесь исковерканных

⁴ Т.е. Римлянин.

слегка славянских, греческих, латинских и даже французских слов и вся она безграмотна. Теперь посмотрим на нее и по соержанию.

Прежде всего, она сама себе противоречит: сначала Дарий, т.е. император Юлиан, действительно бывший в Иране, дает себе родословную из двух человек Ахеменида-Безбрачника и Арсама (Марсианца), совпадающую с генеалогией классических источников (табл., олонка II и III), только Камбиза он называет Арсамом-Марсианцем. А потом он же сам повторяет эту генеалогию, давая себе уже 5 предков-царей (табл. Колонка I), из которых Юстасп по-гречески значит Арий-Романский.

Но это еще ничего не значит, и вспомнив, что мифический Александр Македонский, списанный с того же Юлиана (как я показал в VII томе), путешествовал в этих же самых местах и даже женился на персидской княжне Согдиане, мы могли бы только считать эту находку Раулинсона за подтверждение наших выводов и даже установить, что ездя по разноязычным странам, Юлиан и выработал себе тот оригинальный язык из смеси славянских, греческих, латинских слов, который мы привели в главе III, буквально воспроизводя надпись. В таком случае ее пришлось бы отнести примерно к 362 году нашей эры, и это даже подтвердило бы уже и ранее высказанное мною мнение, что Вратами-Божиими называлась накануне средних веков арианская церковь, или, вернее, специальные места ее пилигримства: итальянский Рим, где упал с неба метеорит Sanctus apostolus dei Petrus, т.е. Святой посланник божий Камень, или храм при жерле Везувия, этот жертвенник земли, с которого возносился вечный огонь к небу, и что Навугодоносором (т.е. первично Небо-угодным-царем) назывался у славян Великий Римский Понтифекс верховный глава арианской церкви, переименованный после ее реформы в папашу-папу.

Но, к сожалению, приписать Бизутунскую надпись современнику Юлиана трудно. В ней над девятым самозванцем, приведенным к Дарию-Юлиану с веревкою на шее, написано: «Это Фрад, одурачивавший, говоря: «Я князь в Марге, в Азербейджане (т.е. в Мараге, в Азербайджане)». Но Фрат, как мы видели, есть только другое прозвище самого же Юлиана (табл.), как же могло случиться такое смешение, если она написана по его приказанию его же современником?

Да и могла ли быть при Юлиане клинописная азбука, которая, как я уже говорил, представляет не самостоятельное изобретение, а первый человеческий шифр, предполагающий уже такое распространение первичной еврейско-латино-коптско-греческо-славянской письменности, что понадобились специальные значки для производства таинственной переписки и для вычерчивания надписей на плитках и камнях, где комбинации клинышков удобнее было делать резцом, чем выцарапывать сложные фигурки обычной азбуки.

А если кто-нибудь возразит мне: «Зачем кому-то понадобилось делать на скале картинку суда Юлиана над противниками, когда его путешествие по этой стране было давно забыто?» То я отвечу на это, что картинка и не относится к его путешествию.

Ведь суд Юлиана над врагами его веры отражается, даже и теперь, на картинках католических храмов не только на берегах Босфора, но и во всех христианских городах Америки, где тот же Юлиан изображается в виде евангельского Христа, судящим живых и мертвых. Так почему же не мог какой-то наивный художник из несториан, обладавший лишь неразвитыми представлениями о Христе и помнящий еще, что он был «Дарованным царем», не мог изобразить его суд в том первобытном виде (рис.), в каком нам доставил его Раулинсон? Взгляните в первом томе «Христа» на старинные наивные иллюстрации к евангелиям и скажите, чем эта картинка (рис.) хуже их? Ведь с ней даже и сам бог отец, совершенно как на средневековых христианских рисунках, смотрит с неба.

Установив в предшествовавшей главе тожество Дария с основателем первичного христианского богослужения, посмотрим теперь на его обычную историческую характеристику.

Дарейос (Δαρείος), по-гречески Дарайя – Бахус или Дарайя – Богус (Daraia-Vahus), причем V произносится как греческое β (средний звук между Б и В), он после смерти Камбиса и убиения Смердиса претерпел и преодолел ряд восстаний и, укрепившись снова, отдался культурной деятельности. Он разделил, – говорят нам, – страну на наместничества, устроил Суэцкий канал, присоединил (подчинил) храм в Городе Святого Примирения (Иеру-Салима по греко-еврейски), что в богославной земле (а это можно связать с переносом столицы при Константине в Царь-Град). «Всякий желающий да идет туда... И всякому оставшемуся в других местах, где бы он ни был, да помогут идти жители того места серебром, золотом и скотом...»

Затем и здесь описывается, как встали все служители культа и пошли строить храм в указанном месте, причем перечисляется целый ряд, конечно, совершенно фантастических или аллегорических имен. А потом начинается третья глава довольно любопытно:

«Когда собрался весь народ в Городе Святого Примирения (Иеру-Салима по греко-еврейски), встал Иисус, сын Бого-Святого (или даже Бога Святого⁵) и братья его священники, и Зритель Врат-Господних (Зоро-Бабель), сын Салати-ила (т.е. Богопосвященный) и соорудили сначала жертвенник богу Богоборца, чтоб приносить на нем жертвы... А храму Господню еще не было положено основание» (Ездра I, 3, 6).

⁵ По-еврейски Ш АЛТИ-АЛ (שׂאֲלֵתֵי אֱלֹהִים) — посвященный богу. По-еврейски ИУ-ШДК (יְהוּשָׁפָט) где ШДК инкрит святой, к ИУ сокращенно иъя Йовиск — Отък, ккк в латинско? ибени Ю -Питер, т.е. Исвис-Пктер.

Но жители той страны, устраненные от постройки, стали мешать ее осуществлению, и даже обвинили строителей в мятеже. Так ничего и не вышло, вплоть до воцарения Дария, т.е. по нашему сопоставлению Юлиана, при котором и было введено христианское богослужение. Тогда снова принялись за постройку и храм, наконец-то, — по словам Ездры, — был окончен в день 3 Адара на 6 году Дария (Ездра I, 6, 15).

Здесь все было бы хорошо, если бы не одно обстоятельство. По хронологии, принятой в библейской истории, возобновление храма пришлось уже не на время царя Асы, иначе Иисуса, иначе Юлиана, а через 425 лет после воцарения последнего в 365 году, т.е. закладка произошла около 786 года. При этом, если храм действительно строился 40 лет, т.е. окончился около 826 года, то это дает для Кира уже сопоставление с Карлом Великим, вместо Юлиана. . .

Но здесь злоупотребили только именами Дария и Кира. В самом рассказе Ездры говорится, что он описывает не первую, при Константине и Юлиане, постройку, а возобновление разрушившегося давно к тому времени первого «дома божия», и все недоразумение заключается лишь в том, что автор Ездры списал второе построение «храма Господня» при Каролингах в Риме с первого построения его в Царь-Граде при Юлиане, оставив в рассказе прежние прозвища царей, и уже сделав их персийскими из паризийских (т.е. французских) царей.

А другая библейская книга «Суд божий» (по-еврейски Даниил) явно представляется не одним связным сочинением, написанным единолично, а простым сборником нескольких отдельных мифов.

В третьей ее главе мы имеем тут совершенно особый миф, отнесенный автором или позднейшим редактором ко времени властелина со славянским именем Небоугодный царь (НБ-УКДН-ЦР по еврейской транскрипции с выпуском всех внутренних гласных букв). Он будто бы сделал огромного истукана в долине Кругового Обращения⁶ в стране Врат-Господних и велел ей поклоняться. Но юноша-богославец Суд-Божий (Даниил) и три его товарища отказались. За это они были брошены в огромную «Огненную печь», раскаленную в семь раз сильнее, чем обыкновенно, но остались в ней целы и невредимы, вследствие чего Небо-угодный царь уверовал в «бога истинного».

Рассказ этот, в котором истукан в долине Кругового Обращения, т.е. Зодиака, вероятно, огромная комета, мог быть составлен лишь после изобретения огромных доменных печей для выплавки железа, так как мысль о четырех человеках, брошенных в обыкновенную печку, в которой они

⁶ אורא (ДУРА) — от אור (ДУР) — трутиться, обрщаться, א תאךאך труг, оборот.

вдобавок еще свободно гуляли, не пришла бы до этого времени никому в голову. А вдобавок к этому, и сама печь фигурирует тут как нечто всем известное без пояснения ее устройства.

Но доменные печи появились лишь в средние века и прежде всего в Буда-Пеште, что значит Буда-Пещь, т.е. печь, изобретенная Будой (иначе Бладой), будто бы братом Аггиллы, между 433—435 годами нашей эры. Около этой невиданной до тех пор «Огненной печи», благодаря которой Буда-Пешт и до сих пор называется по-немецки Ofen, т.е. Печь, и возник железопромышленный город, и она же, можно думать, дала повод к возникновению мифа о брошенных в нее юношах. А так как дело было в славянских землях, то понятно становится и славянское название Властелина Небо-угодный царь.

Но доменных печей и до сих пор нет в Иране, и значит, легенда эта возникла среди Юго-западных славян.

В четвертой главе той же библейской книги изложен совершенно самостоятельный миф, как тот же (или, может быть, уже иной) Бого-угодный царь (НБ-УКДН-ЦР) по предсказанию Даниила, возгордился и за это потерял рассудок, вообразил себя быком, стал есть траву, лизать росу, но в этом печальном положении смирился, за что обратно получил рассудок и восхвалил всемогущего бога.

В главе пятой изложен опять ничем не связанный с предшествовавшим миф о каком-то другом царе, опять со славянским прозвищем Большой царь (БЛША-ЦР по еврейской транскрипции без внутренних гласных), во время пира которого появилась на ограде чертога Властелина⁷ (т.е. на небе) огненный палец, начертавший слова МЕНЕ МЕНЕ ТЕКЕЛ У ПАРСИН. И я уже показал, что это было грозное появление кометы Галлея весной 837 года при Людовике Благодетелем перед распадением Ново-Римской империи Карла Великого.

В шестой главе опять изложен совершенно независимый рассказ, отнесенный автором к царствованию Дария царя Мадьярского⁸, и нам нет никакой причины искать корней этой сказки в событиях, имевших место в жизни императора Юлиана. Посудите сами, что тут исторического?

Начинается дело с нелепо придуманного автором указа от имени этого Дария, сделанного по лукавому совету придворных, чтоб в продолжение 80 дней никто не смел никого ни о чем просить, кроме него, Дария, под страхом быть брошенным в яму, где содержались львы. А Даниил продолжал каждый день молиться богу. Лукавые придворные донесли на

⁷ По-еврейски КТЛ-Е-ИКЛА ДИ МЛКА (כחל ה כלל יר כלל) — Ограда Господня.

⁸ По-еврейски ДРИУС МДИА (דריוס מדיא).

Даниила, и Дарий, хотя и любивший Даниила, должен был во исполнение своего слова бросить его львам, так как царское слово ненаруσιμο. Но он надеялся, что бог спасет юношу, что и вышло. Львы только ласкались к Даниилу. На другой день царь приказал, наконец, его вынуть и бросить взамен него оклеветавших его придворных, которые и были моментально растерзаны львами. Понятно, что такой рассказ, напоминающий некоторые из «Житий Святых» мог быть в средние века навязан какому угодно фантастическому царствованию и какому угодно царству.

Даже и астрально нельзя тут ничего придумать осмысленного, хотя на небе и есть созвездие Льва и Львенка. Может быть, дело идет о неудавшемся предсказании лунного затмения в созвездии Льва?

В таком же роде и все остальные в этом сборнике средневековые сказки, из которых, кроме уже разобранных нами мифа о комете Мене-Факел-Фарес, интересен с бытовой точки зрения только еще один рассказ, приведенный во второй главе, о том, как юноша «Суд-Божий» напомнил Небо-угодному царю (НБ-КДН-ЦР) его сон о гигантском истукане с золотой головой, с серебряными грудью и руками, с медным животом и бедрами и с глиняными коленями, который разрушился от камня, брошенного в его голени невидимою рукою. Это — с нашей точки зрения является лишь своеобразным рассказом о метеоритной катастрофе 16 июля 622 года, заставившей часть населения отделиться к агарянству от Велико-Ромейской теократии, якобы заранее предсказанной мифическим очевидцем-пророком.

Или же этот рассказ возник после захвата Италии Теодорихом Готским по поводу метеоритной катастрофы на Палатинском холме в Италии, давшей повод постройке храма во имя Святого божьего посланника Камня (Sanctus Apostolus dei Petrus по-латыни), и пилигримством туда совершающимся даже и теперь, хотя камень, лежавший там и вначале, по классическому преданию был с развитием просвещения убран еще в средние века и заменен изображением человека. Очень возможно, что и самое название города Римом возникло от вида двух главных метеоритных осколков, напоминающих фигуры носорогов. Благодаря тому, что носорог по-еврейски носит два названия Рам и Рим, и возник, вероятно, рассказ об его основании Ромулом (т.е. малым носорогом) и Ремом (взрослым носорогом). И мы видели в V томе, что основание Рима произошло совсем не в глубокой древности, а в начале средних веков, и очень может быть, что катастрофа совершилась именно вечером 30 сентября 395 года, так как второй Апокалипсиса пишет об этом дне:

«Раздался из Небесного храма от престола (божий) громкий голос:
— Свершилось!

И произошли молнии, громы и голос и сделалось великое землетрясение, какого не бывало с тех пор, как люди на земле. Такое землетрясение!

Такое большое! И город великий распался на три части, и города язычников пали и великие Врата-Господни (Вав-Илон по-еврейски) вспомнаны были перед богом, чтобы дать им чашу вина божьего гнева. И всякий остров убежал, и гор не стало, и град (камней) величиной в талант упал с неба на людей и ругали люди бога за повреждения от него, потому что они были велики (Апок. 16, 17–21)».

В VI томе этого моего исследования я уже объяснял метеоритную катастрофою в Аравии начало агарянской эры Геджры, т.е. в переводе на русский язык «Эры Панического бегства» 16 июля 622 года и связанных с нею ежегодных пилигримств преемников агарянства магометан к осколкам хранящегося в Меккской Каабе метеоритного камня, брошенного архангелом Гавриилом. Отсутствие метеоритных цирковых выбоин в Аравии я объясняю тем, что главные массы гигантского метеорита упали в Красное море. Но с тех пор положение изменилось, через год после напечатания моей книги ожидаемые мною метеоритные выбоины были найдены. Вот карта их расположения (рис.) и вот описание открытия.

Карта

Я задавался тогда также вопросом: неужели не осталось никаких воспоминаний об этой катастрофе в средневековой литературе? Теперь я обратил внимание на пророчества и мне удалось разделить их на два типа.

Первый тип представляет подражания Апокалипсису, второй – просто грозит страшной катастрофой, вроде землетрясения, но сложнее:

«Близок великий день властелина, – говорит пророк Сафония (1, 14), – близок и очень скоро наступит! Уже слышен голос его, дня гнева, скорби и бегства, ужаса и опустошения, день тьмы и мрака, день облака и мглы, день трубы и боевого крика против укрепленных городов и высоких башен. Я столплю людей и они будут ходить как слепые, и разметана будет кровь их по земле, и тело как помет (1, 17)».

«Газа будет покинута, и Аскалон опустеет, жители Аздота будут прогнаны среди белого дня и Экроп искоренится. Горе жителям приморской страны, народу Критскому! Слово бога-Громовержца против вас, ханanei, земля Палестинская. Я погублю тебя и не будет у тебя жителей. И будет приморская земля пастушьим жилищем с колодцами и дворами для стад (26)».

«И вы эфиопяне будете избиты моим мечом». «Он протянет руку свою на север и уничтожит Ассур и обратит Ниневию в развалины, в место сухое, как пустыня (откуда видно, что и Ассур, и Ниневию считались на севере, а не на востоке). И покоиться будут среди ее стаи зверей всякого рода, даже пеликан и дикобраз будут ночевать в резных ее украшениях, и

голос их будет раздаваться из ее окон. Разрушение обнаружится и на дверных столбах, так как сорвана будет их кедровая обшивка.

Вот чем будет город торжествующий, живущий беспечно, говорящий в своем сердце: Я только один на свете, и кроме меня никого нет!

Как он стал развалиною, логовищем для зверей! Всякий проходя мимо него только просвистит и махнет рукой (2, 15)».

Окончание этого пророчества переписано уже прямо из Апокалипсиса и потому не имеет реального значения, но если мы допустим, что тут, как в большинстве библейских пророчеств, в виде предсказания обрисовано, хотя и в сильно преувеличенном виде, уже случившееся, то нельзя не видеть, что это случившееся было более всего похоже на действие воздушных волн от метеоритной катастрофы, выбоины которой найдены и описаны в Сибири проф. Куликом и даны на нашем рисунке.

Рисунок

Глава X

ОНОМАТИЧЕСКОЕ СРАВНЕНИЕ ПЕРВОГО ПЕРИОДА ПАРФЯНСКИХ АРСАКИДОВ С ИХ ВТОРЫМ ПЕРИОДОМ. ПАРАЛЛЕЛИЗМ В ОБОИХ. СТРАННАЯ ОНОМАТИКА ПОСЛЕДНЕГО ОТДЕЛА ПАРТЕНИДОВ (ВОЛОГЕЦЫ), ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИЗМЫ ВТОРОГО ПЕРИОДА САССАНИДОВ СО ВТОРЫМ ПЕРИОДОМ ВЕЛИКО-РОМЕЙСКИХ ЦАРЕЙ. ХОЗРОЙ СПРАВЕДЛИВЫЙ – АЗИАТСКОЕ ОТРАЖЕНИЕ ЮСТИНИАНА. ОМАЙЯДЫ И МЕРОВИНГИ, АББАСИДЫ И КАРОЛИНГИ. ГАРУН-АЛЬ-РАШИД – АЗИАТСКОЕ ОТРАЖЕНИЕ КАРЛА ВЕЛИКОГО. ВСЕ СТАРИННЫЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АРАБСКИХ ГОСУДАСТВАХ В АЗИИ – ИСПАНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Нам говорят, что в период лет за двести на месте какой-то «Персии», совсем не похожей на современный Иран, находилась исчезнувшая потом без следа Парфения или сокращенно Парфия. Но Парфения (Παρθενια) есть слово греческое, и значит просто: девичество, и парфяне (Παρθηνοί) значит просто: девицы или девственники. Значит и цари Парфян, господствовавшие в этом исчезнувшем с лица земли царстве амазонок (хотя историки и помещают их не тут, а в Скифии) должны именоваться в переводе на русский язык царями девственников, т.е. монахов.

И интересно, что эти цари девственников – если верить сказаниям, – были вдобавок преемниками династии Ахеменидов (первоначально Агименидов) имя которых происходит от греческого слова агименей, т.е. безбрачник, тоже девственник. Но как же могли девственники или безбрачники составлять целые династии если даже царство их и было «не от мира сего»? Ведь это могло случиться лишь в том случае, если они названы такими именами не потому, что сами не женились, а потому, что поощряли монашество в служителях своего культа.

Откуда же дошли до нас известия о «царях девственников»?

Ответить на это не трудно.

В предшествовавших главах мы уже видели, что одна и та же Велико-Ромейская династия первых преемников Диоклетиана дошла до нас в десятках вариантов, и что ее присвоили себе в начало многие народы. И это совершенно понятно с этно-психологической точки зрения. В аристократический период всякой государственной истории считалось огром-

ным достоинством иметь за собой длинную преемственность знаменитых предков. Разве и у нас большинство княжеских фамилий не производили себя от мифического Рюрика и не называли себя Рюриковичами. Разве евангелист Матвей, составляя родословную евангельского Христа, не начал ее с Авраама, а евангелист Лука не довел ее до Адама и даже до сотворившего его бога? Так почему же и различным средневековым христианским князьям, поручавшим придворному хроникеру рассказать свою генеалогию, не доводить ее до первого царьградского кесаря Константина «Великого и Святого», присвоивши себе таким образом в передки весь первый период ромейских теократических властелинов, различные династии и повторили его как эхо, много раз на разных языках.

А так как в древности никаких паспортов и обязательных крестильных имен не было, а существовали только прозвища, иначе звучащие на разных языках, и часто даже менявшиеся на том же самом языке в течение жизни при каких-нибудь особенных подвигах (вроде того, как русский полководец Суворов после успешного похода на юг превратился в графа Таврического), то нельзя удивляться не только тому, что все первые ромейские императоры оказываются повторениями в различных средневековых родословиях, но даже и тому, что им даны в них различные национальные прозвища.

Ведь перевод чуждых имен на иные национальные языки был тогда неизбежен, так как все иностранные имена звучат дико и даже смешно для незнающего их человека и полуграмотный сановник средневековых государств, не способен был даже и выговорить их, не перековеркав и не рассмеявшись¹. А в результате, при последующем некритическом сопоставлении этих вариантов, неизбежно произошло раздвоение, растроение, расчленение и т.д. личностей и состоящей из них династии первых ромейских императоров.

Вот почему нельзя было бы удивляться даже и тому, если б самый замечательный из них – великоромейский император Юлиан, давший начало мифу об евангельском Христе, оправившись от летаргического обморока при столбовании его в 368 году и воцарившись вторично после поражения и смерти Валента в 378 году, получил бы затем уже прозвище Великого Богодарованного (Феодосия Великого по-гречески), и благодаря этому раздвоился бы даже в той династии.

Об обычае аристократов или вернее, лезших в аристократию отличенцев, я напоминаю теперь читателям исключительно для того, чтоб объяс-

¹ Так, например, мужа моей сестры Всеволода Алферовича крестьяне (во второй половине XIX века) называли Сиволюб Фарфорович, мою бонну Глафиру Ивановну – Графиной Ивановной.

нить такие случаи древних генеалогий, когда у династии первых ромейских властелинов оказываются длительные продолжения, уводящие нас в средние века и приводящие к каким-нибудь иностранным государствам.

Из только что разобранных нами вариантов псевдо-иранских династий, две имеют такие продолжения. Это Аршакиды (т.е. Арх-шакиды) и Сассаниды (т.е. вооружители), и потому естественно является предположение, что желая произвести себя от «римских императоров», как русские старинные князья от Рюрика и норманов, они переписали себе в предки преемников Диоклетиана. Но до какого поколения довели они такую кооптацию, и с какого поколения начинается у них самостоятельность?

Начнем с царей «девственников».

Посмотрим на ономатику.

Взглянув на таблицу 1, мы видим, что родоначальником первого их периода является Ар-шах (клинописный Ар-Шаку), т.е. Архи-шах, и это приводит нас к Диоклетиану, со времени которого (284 год) начинали свое летоисчисление ариане. Тогда Тири-датом, т.е. Тиародателем будет Арий, и Арта-баном – Констанций Хлор. А Константин Великий олицетворяется в Приапите – Многоплодном; Митроодатель-Митридат I обнаружится в Иоанне Златоусте и т.д., как показано на правой стороне таблицы II. Затем мы видим в начале второго периода Партенидов-ар-шакидов Орода I (-31, -81), но это лишь особое произношение имени Herod, по-русски Ирод. И вот, одновременно с Иродом I, жившим якобы в Персии (по первоисточникам в Паризии), мы видим, в обычной Римской истории Ирода Великого (-62, -4), но только не в Персии, а в «Галилее и Самарии», как соправителя Октавиана Августа, и это Ирод, – говорят нам, – построил великолепный храм в «Иерусалиме». Но я уже показал в I томе, что Октавиан Август есть ни кто иной, как Константин I (306–337), и что Галилея была галлия, а Самария – Римская область. Значит и Ирод (иначе Ород) был или соправителем Константина I, или он сам лишь под другим прозвищем (Ирод значит Герой).

Но что же здесь вышло? Вместо того, чтоб идти далее, «династия архишахов в царстве девственников», начавшись с Константина I вернулась вспять к тому же самому времени Константина I.

Сравним и далее ономатику. Вот она на таблице II. И что же мы видим?

Во второй строке Фрату I соответствует Фрат IV, а в шестой строке Арта-бану II соответствует Арта-бан III, причем обозначения этих имен числами I, II, III, IV конечно, приделаны уже потом. Одного этого совпадения и имен их строк в перечислении достаточно, чтоб по теории вероятностей заподозрить копировку. А далее идет и подтверждение такого предположения: в пятой строке Фрат первого периода заменен Веноном во

втором периоде, да и в девятой строке то же самое. А остальные разномысленные представители расположились параллельно между указанными совпадениями.

Припомните основы теории вероятностей, нарочно данные мною в начале главы... и вы сами поймете, что сомневаться в плагиате второго периода с первого здесь невозможно.

И кроме того, считая, что оба периода представляют две вариации премников «Константина Святого», льстиво вставленные в родословие какого-то из средневековых государей, мы можем отождествить их схематически с Ромейскими властелинами от Константина и Констанция II, до разделения империи в 395 году нашей эры, как показано на правой стороне нашей таблицы.

Что же касается до продолжительностей каждого из приведенных нами последовательных царствований в левой и правой части таблицы, то и тут обнаруживается не беспорядочная путаница, а систематический сдвиг на одно царствование, начиная со второй строки. И даже видно, почему: в эту строку по ошибке поставили 7 лет, вместо 38, а 38 лет поставили строкой ниже и так далее до конца.

Сделав соответствующие поправки (как показано на таблице... косыми черточками и перенеся поправленные времена последовательных царствований на диаграмму (рис.), мы получаем очень хорошо выраженный параллелизм первого периода царей-девственников со вторым. И тут же отмечаем мы еще новое интересное совпадение, которое тоже не может быть «случайно случившимся случаем» по теории вероятностей. Здесь Митродатель II (-124, -88) из девственников Архи-Шахидов одноименен и синхроничен с Митридатом Великим (-120, -83), понтийским царем, героем трех «Митридатских войн с римлянами». Но ведь этого одного достаточно, чтоб отождествить миф о древнем Понтийском царстве, с мифом о царстве Девическом (Парфянском).

Перейдем теперь и к третьему отделу псевдо-династии Архи-Шахов «Девичествующего царства». Это династия Вологочев. Т.е. Волгочев или Волжцев, созвучно с Волгарями-Болгарами и Волгарями-Валахами (табл. I). В ней пять царей названных прямо Волгочами, один царь с греческо-славянским именем Митри-дат, и один – Хоз-Рой – созвучно с Хазарами русских летописей, (если не считать это имя испанским от Хозе и Roy т.е. Царь Хозе), и еще одно имя греко-венгерское – Арта-бан, т.е. истинный бан² или пан.

Опять обнаруживается не Персия, а что-то вроде Болгарии.

² Банаты и управляющие ими баны сохранились в Австро-Венгрии и у юго-западных славян даже и в XX веке, отсюда и польское слово «пан».

Судя по тому, что предшествовавший средний период верховных царей у девственников окончился, как мы видели, Аркадием (Гот-Арезом) около 407 года (табл.), а династия Волгецов продолжалась, по их собственной хронологии 178 лет, она и началась вслед за появлением Апокалипсиса и отпадением Латинской части в начале VI века нашей эры и окончилась при Маврикии около 585 года. Отсюда мы приходим к заключению, что генеалогия их с прибавлением деяний, по образцу ромейских, была написана не ранее как в VI веке нашей эры во времена Византийского императора Юстиниана для кого-то из Балканских вассальных банов-панов и лишь потом по недоразумению отправлена «в Персию», вместе со всеми ее «панами».

Перейдем теперь и ко второму периоду уже разобранный нами в предшествовавшей главе династии Сассанидов Вооружителей³, характеризовавшихся тем, что они не установили, а будто бы возобновили уже давно позабытую на земном шаре религию Зрителя Звезд – Зороастра – т.е. по нашим сопоставлениям апокалиптическое христианство Иоанна Богослова или Златоуста.

Напомню сначала общепринятую до настоящего времени историю этого так называемого «Среднеперсидского царства Сассанидов».

Основал его, – говорят нам, – Арта-Ксеркс (т.е. Орто-Кесарикос, иначе: Прямо Кесарский, по первоначальной транскрипции), которого для отличия от первых трех безбрачников-ахеменидов – одни ситорики называют четвертым, а другие, стесняясь продолжать нумерацию царей 500 с лишком лет на чужих династиях, называют его снова Арта-Ксерксом I, а третьи, чтоб не путать, Арта-Широм I. Он, – говорят нам, – был родоначальником династии Сассанидов и царствовал будто бы от 226 до 240 года, после начала нашей эры.

Ликвидировав династию Селевкидов, будто бы основанную Селевком Никатором (т.е. Победным Потрясателем) в минус 312 году на развалинах недолговечной империи Александра Великого и, по словам самих историков, «морально представлявшую повторение старо-персидского царства», новый Арта-Ксеркс, т.е., виноват, Арда-Шир I, принимает титул «царя царей» и устанавливает вновь Зоро-Астрову религию первых Арта-Ксерксов. Его сын Сапор I (будто бы от 241 до 271 года, уже ко времени Аврелиана) является владельцем Армении (если она не смешана с Арамейей, т.е. Ромеей⁴) и Сирии. Потом, – говорят нам, – римляне-ромейцы обратно отняли эти страны, а Сапор II (301–380) обратно отнял их у римлян, уже

³ Я произвожу слово Сассаниды от греческого Сассо (σασσω) «снаряжаю всем», «вооружаю всем».

⁴ Не забудем, что еврейский определительный член (греческое ο, английское the и т.д.) читается как А. Тогда и Арамея будет по-французски La Romée.

во времена первых преемников Константина I (это было как раз время основания императором Юлианом первичной христианской литургии в Риме). Затем между 531–579 годами, т.е. как раз в разгар распространения библейских пророчеств и зловещих предсказаний Апокалипсиса, нам называют Хозроя Нуширвана, т.е. Справедливого. Этот царь-Хозе азиатское отражение Юстиниана, его современника, – говорят нам, – был философ, старавшийся водворить в своей стране ромейское образование, развить земледелие и торговлю, упорядочить судопроизводство и администриацию, совсем как в то же время Юстиниан, словно между ними был беспроволочный телеграф. Он, – говорят нам, – опять расширил границы «Персидского царства» от Инда до Средиземного моря к западу и от Иксарта до Счастливой Аравии – к югу.

Но все плоды его деятельности – увы! – погибли при его сыне Ормазде IV (579–591). Внук и одноименец его Хозрой II (591–628) должен был, – говорят нам, – опять завоевывать Армению, Сирию, Малую Азию, Палестину и часть Египта. И если эта хронология верна, то при нем же в 622 году и произошла метеоритная катастрофа в Аравии, которая привела к возникновению агарянства, как особого ответвления христианского мессианства. Историки нам рисуют в то время «настоящие судороги персидской администрации». Властелины, – говорят они, – быстро сменяли друг друга, и так продолжалось до 636 года, когда «Среднеперсидское» царство распалось и началось правление «калифов», т.е. «наместников божиих». С нашей точки зрения Хозрой Нуширван был покровителем тогдашнего греческого мессианско-апокалиптического христианства и к тому же периоду должна относиться и суммерийская (т.е. самарийская, римская) культура в Ираке. А большая часть удивительных мифов о допотопном величии Месопотамии, под названием Ассири-Вавилонии, скорее всего возникла уже на европейском Западе и, главным образом, в Испании в самом конце средних веков.

Мы видели уже, что первый период Сассанидов был скопирован с первого периода Велико-Ромейской династической истории от Константина I до возвышения Иоанна Златоуста, причем времена последних представителей Сассанидов оказались даже мало сдвинутыми хронологически, а времена первых сдвинулись значительно вспять, потому что соправители были приняты за преемников⁵. Все это заставляет думать, что и второй период Сассанидов, если он не приспособлен в качестве предков к

⁵ Не забудем, что в средние века хроникеры считали времена от восшествия на престол своего наличного государя, и общую хронологию стал составлять на них только Скалигер (умер в 1609 г.). А до него было нельзя даже сказать, были ли два или три государя соправителями или преемниками, если в самой их биографии не отмечена их преемственность, как например, в Библии у «Царей израильских».

какой-нибудь средневековых европейских династий, должен обнаружить хотя бы некоторый синхронизм со вторым периодом Велико-ромейской истории, т.е. со временем от Иоанна Златоуста до «Эры бегства» в 622 году, когда вместо «Хождения в Иерусалим» начали бегать на поклонение к осколкам метеоритного взрыва в Аравии.

И действительно, стоило мне только натолкнуться на эту мысль, как сейчас же сами собой представились и ее подтверждения.

Взгляните только на таблицу, где я сопоставил второй период псевдо-средне-персидских царей со вторым периодом царей ромейских.

Оба начались с момента распада империи на латинскую и греческую части около 400 года нашей эры и оба окончились временем «Эры Геджры», т.е. панического бегства и лишь помечена она вместо 16 июля 622 года, как считают теперь мусульмане, ровно на 10 лет позднее – тем же 16 июля, но уже 632 года. Ясно, что это одна и та же эра с ошибкой на 10 лет.

Некоторые концы и начала царствований (напечатанные жирным шрифтом) совпадают даже год в год. Но наиболее выдающимся совпадением (кроме конца обеих династий в катастрофе) оказалось здесь время царствования двух самых замечательных ее правителей – Великого Хоз-Роя Нуширвана (т.е. Справедливого) и Юстиниана, т.е. в переводе тоже справедливого. Действительно, имя Юстиниан или Юстин происходит от латинского слова Jus – право, справедливость, и значит Справедливый, как назывался он и по-славянски «Управда», да и к Хоз-Рою всегда прилагался этот же самый эпитет Хоз-Рой Нуширван, т.е. справедливый. А в добавок и самое его имя Хоз-Рой есть ни что иное, как мавританско-испанское произношение слова Иус-Рой (Jus-roy), т.е. Юстиниан, царь-Управда. Ведь переход начального Й в Х есть самое обычное явление в южных говорах. Припомните только, как Иосиф по-испански перешел в дон Хозе, как Иоган перешел в дон Хуана, да и сам Езус в Хесу, и т.д. Такое сопоставление наводит даже прямо на мысль, что рассматриваемый теперь нами вариант велико-ромейской истории, сосланной потом в Персию, дошел до нас через средневековую Испанию, когда в ней господствовала династия Омейядов, т.е. Уподобленцев (римским царям⁶). А это обстоятельство наводит и на еще более неожиданное сопоставление.

Ведь не только история Сассанидов-Вооружителей, но и история Омайядов-Уподобленцев (да и все наши сведения о средневековых «арабах» пришли к нам не из персидской Испагани, а из далекой от нее Испании, где омайяды властвовали, – говорят нам, – с 711 года и где в средние века находился самый яркий светоч европейской культуры на живописных берегах Гвадалквивира в плодородной и воспетой поэтами Андалузии. Еще

⁶ От греческого слова Омойос (Ομοίος) – приравненный, уподобившийся.

с 572 года главный ее город Кордова, — по словам историков, — был местопребыванием готских епископов, но затем в 711 году Андалузия перешла к агарянтству, усвоив еврейско-арабский богослужебный и литературный язык, что продолжалось и после уничтожения Омайядов, вплоть до 1031 года, т.е. до кануна крестовых походов на агарян. Ее столица — Кордова и теперь поражает остатками своего средневекового великолепия, и именно из нее, а не из Азии получили мы всю историю средневековой арабской культуры будто бы существовавшей до крестоносцев на азиатском ближнем Востоке.

Нам говорят, что династия Уподобленцев (Омайядов) пришла в Испанию в 711 году из Дамаска или Дар-Мешка, как его называют в Библии, но не слишком ли уж это далеконочко?

Ведь имена ее калифов (табл.) лишь отчасти арабо-еврейского корня, и кроме того, тут имеются странные совпадения. Одним из первых Уподобленцев оказывается Мерван I (684—685), а последним Мерван II (744—750), которого низверг Аб-Асид Абд-Ал (т.е. Слуга Бога) Сафах. Но не напоминают ли вам эти Мерваны — Меровингов? И не кажется ли вам странным, что в том самом 750—751 году, в котором отец Езуитов, Слуга Божий Аб-Асид Абд-Ал-Сафах лишил трона последнего Меровинга? Ведь это же поразительное совпадение и имени, и года. И приходится ли тут историку ограничиться одним восклицанием:

— Случайно случившийся случай! — И идти спокойно спать.

— Конечно, нет! Тут остается только поступить так же, как я.

Увидев такое совпадение и хорошо понимая, что оно не может быть случайным! по теории вероятностей, я тотчас же захотел подтвердить это ономастическое указание, сравнив династии омайядов с меровингами целиком по своему методу хронологических спектров и уже предчувствуя, что тут окажется богатая жатва. И сопоставление обеих династий не обмануло меня.

И вот перед вами таблица... На правой стороне ее приведены все уподобленцы — омайяды⁷, с левой стороны — все Нейстрийско-бургундские меровинги, и вы сами видите, что хронологические спектры обоих те же самые. И тут же мы видим, что это не копия друг с друга, а два варианта хронологической схемы для истории той же самой династии. Разницы в годах до двух единиц не нарушают тут тождества, так как монархии умира-

⁷ Отмечу, что ариане (а с ними и агаряне считали евангельского Спасителя (Иисуса) омойосом, т.е. уподобленцем божием, а себя, следовательно, омайядами. А христиане называли его омоусом (т.е. тождественным с богом). Отсюда и шел спор: омойоусан ли Иисус (ὁμοιοουδῖος) или омоусен (ὁμοουδῖος), т.е. подобосущен ли богу отцу как утверждали ариане, или единосущен, как того требовали христиане.

ют и не вступают на престол обязательно в день нового года. А когда этого нет, то дробные остатки спереди и сзади можно или отбросить или счесть за полные годы. В первом случае получится всегда число на два года менее, чем во втором. Более же значительные отступления, которых здесь только два, приходится приписать ошибкам копиистов или поправкам позднейших редакторов.

Никакого сомнения тут не может быть. Обе династии – одна и та же. А разница деталей в обоих рассказах, раз они независимы, неизбежна. Уже давно отмечено, что, например, рассказы о каком-либо сражении в устах различных его участников не имеют ни одной одинаковой детали, кроме времени событий, да и то лишь пока воспоминания свежи, а затем и время запоминается лишь приблизительно. Поэтому нельзя придавать значение и тому, что, например, в истории Меровингов рассказывается, что «Пипин был назначен после ряда побед на место последнего Меровинга собранием франков в Суассоне», а в истории Омайядов, что Слуга Божий Отец-Асидов Сафах сам провозгласил себя в 750 году калифом после того, как разбил Мервина в кровопролитном бою за тридевять земель от Суассона около деревни Арбель в Курдистане. Первенство здесь должно быть оставлено за Суассоном уже по одному тому, что и сам рассказ об уподобленцах-Омайядах создан не на берегах Евфрата, а в Мавританской Испании. Не с Евфрата пришли Омайяды в Андалузию, а в лучшем случае во главе ариан вестготов с Дуная, колонизировав сначала Аквитанию (к северу от Пиринеев) под именем Тервингов, что одно уже напоминает Меровингов.

И только фантазии последующих историков «рассудку вопреки, наперекор стихиям», отослали их в богодарованный Багдад на Евфрате и вместо Австр-Азии в Азию.

Итак, уподобленцы-Омайяды никогда и не видали Азии. Это лишь особое название Нейстрийско-бургундских (т.е. французских) Меровингов.

А что же такое были Меровинги предшествующей эпохи, родоначальником которых был Клодиан, сын Царицы Морей и Носителя Земли Ферамонда (от Fero – несущий и Munclus – мир)?

Предшественники Нейстрийско-бургундских Меровингов, они должны бы уподобиться предшественникам Уподобленцев-Омейядов, т.е. последним Сассанидам.

Но большое количество соправителей 1-й эпохи (см. на общей табл.) и отсутствие одинаковых прозвищ здесь очень осложняет дело. Притом же есть признаки того, что 1-я эпоха Меровингов есть просто вариант 2-й эпохи, как видно из сопоставления на таблице. Мы видим, что ономастика обеих эпох тут та же самая, да и последовательность многих имен одинакова, если соправителей разных областей счесть за преемников и размещать их

приспособительно. Однако эта необходимость приспособления лишает убедительности наше сопоставление и доказывает только, что вся «История Мервингов» составлена одним и тем же автором, а больше ничего.

Но тут есть совпадение много более интересное. После Пипина Короткого, низвергнувшего последнего Мервинга, появился во Фразии (по другому произношению Паризии) у Каролингов знаменитый Карл Великий (771–814). А после Абдул-Сафаха, низвергнувшего Мервина, у Аб-Асидов, – говорят нам, – в Персии (первично Парисии) появился знаменитый Гарун-аль-Рашид (т.е. Арианин Справедливый 786–809). Время обоих было то же самое: воцарился Гарун (иначе Аран и Ариан) лишь на 15 лет позже, а умер на 5 лет раньше Карла. Оба были в полном смысле современники, да и характеристика обоих одинакова.

Гарун, – говорят нам, – правил сначала счастливо, поощрял занятия науками, поэзией и музыкой, разукрасил Богоданный Баг-дад, ходил по нему перодетый, но последние годы его были омрачены подозрительностью и частыми казнями. И про Карля сообщают: «установил рейхстаг, созывал ученых, украсил свою столицу Ахен, но стал в конце концов жесток и казнил 4500 восставших на него саксов в Вердене».

Чем одна биография отличается от другой? Время обоих то же самое, дела те же самые, только имена мест различны.

Но об этом я буду говорить далее, а теперь ограничусь лишь уже сделанным мною констатированием того факта, что всю средневековую историю персидских, египетских и западно-азиатских калифатов мы получили не из Азии или Африки, или счастливой Аравии, а из счастливой, прекрасной Андалузии и из Астр-Азии, находящейся тоже в Европе, а не в Азии.

И из Андалузии же получили мы и лучшую часть так называемой «арабской», а на деле мавританской литературы и почти целиком всю средневековую научную литературу, начиная от алгебры, самое имя которой говорит о гебрах, иначе еврах (הֶבֶר – Heber), т.е. жителях Иберийского полуострова и кончая астрономией, в которой ряд звезд и до сих пор носит мавританские названия: Альтаир, Альдебаран, Алькор, Мизар и т.д. А, вдобавок ко всему этому на астрономических картах начала эпохи гуманизма «персов» и «арабов» изображают всегда не их бурнусах и чалмах, а в виде испанских гидальго (рис.).

Вся архитектура общественных зданий, а с него и ономастика «арабских» властелинов передней Азии совершенно те же самые, как и испанские. Единство архитектуры бросается само в глаза, вот хоть три примера ономатики.

Основателем испанской государственности, с которого, собственно говоря, и начинается серьезная история Испании, называют Абдур-Рахмана I Эль-Дахилия (755–786) из рода «Уподобленцев»-Омайядов. Он, – говорят нам, – бежал в 750 году в Испанию из города называемого Дыми-

шек (ДМШК), что более напоминает дымившийся от доменных печей венгерский город Пешт (Буда-Пещь), а по-немецки и теперь Ofen – печь, чем Сирийский Дамаск, хотя и называемый теперь местными жителями тоже Дымишком. Да и самое имя Рахман совсем не азиатское, а латинское – Роман, т.е. римлянин.

Даже и с точки зрения простой путевки бегство любого «римлянина» с Дуная на Гвадалквивир правдоподобнее бегства его туда же из Бейрута – с противоположной стороны Средиземного моря. Взгляните только на карту! Сколько месяцев ему несчастному пришлось бы проехать и по морю, и по суше при тогдашних береговых путях сообщения, без компаса, на веслах и на парусах, и пешком, потому что на тогдашних судах нельзя было провезти ни лошадей, ни экипажи!» И каким образом этот несчастный сирийский «римлянин», чужой, усталый и измученный, не зная испанского языка, мог бы вместо того, чтобы наняться в Андалузии носильщиком, сделаться ее властелином! А ведь бежал он, – говорят нам, – совсем одинокий, вследствие уничтожения всего его рода!

И вот невольно хочется, бросив этот вздор, – отождествить его с его предшественником – испанско-мавританским полководцем тоже Абд-ур-Рахманом (т.е. Романом), напавшим на Бургундию и бежавшим обратно в Испанию, после того, как Карл Мартелл разбил его около города Тура в южной Франции в 732 году, всего за 18 лет до того времени, когда будто бы бежал из Бейрута, одноименный с ним несчастный основатель Кордовского эмирата, переименованного потом в наместничество (калифат по-мавритански).

И тут же мы видим, как его первоначальное латинское имя рОман, т.е. римлянин, обратилось в Абд-ур-Рахмана, т.е. в слугу Рима и приняло так называемый арабский. А вернее иберийский звуковой оттенок.

Затем, в числе наиболее замечательных испанско-кордовских калифов нам называют Аль-Мансора. Но совершеннор такой же Аль-Ман-сор, абу-Джафер фигурирует, как Аб-Асид, в виде основателя города Багдада (754–775=20 лет), покровителя науки и искусства, и почти двойника Пипина Короткого (751–771=20 лет), австр-азиатского императора (как называлась в VI–VIII веках восточная часть государства франков). Но ведб, Ман-сор совсем не персидское и даже не арабское имя! Это несомненно именно французское слово Monsieur – господин, произносящееся теперь мосье, а первоначально произносившееся монсер, как указывает сама орфография. Это то же самое слово, как и имя калифа Монсора. Относительно того, сто некий француз попал в Кордовские калифы удивляться н приходится, но каким образом какой-то другой мосье Жофруа (Мансур абу Джафар) попал в основатели роскошного Багдада в Месопотамии, если это было

не во время крестовых походов, когда действительно французские рыцари строили города на Евфрате?⁸ Современником Каролинга Карла Великого (771–814) и его двойника в Багдаде Гарун-аль-Рашида (786–809) называют в Андалузской Иберийской хронологии тоже Эл-Гакама I (796–822), а современником этого иберийского Эл-Гакама II (961–972), покровителя наук и искусств является Оттон I (962–973) – основатель священной Римской империи франко-германско-славянско-мадьярских народов в 962 году. А имя Гакам есть тоже очень известное европейское. Припомните только норвежских королей Гаконов, но по старому произношению Накан'ов, как они и пишутся до сих пор. И как раз Гакан Добрый умер в Норвегии в 961 году, когда в Испании воцарился Гакам II (961–972).

Мы видим отсюда, что вся ономатика так называемых арабских наместников-калифов тождественна с ономатикой, находимой у испанских писателей Иберийского (т.е. мавританского, еврейского) периода тамошней культуры. И эта ономатика сохраняется и в первом периоде, сосланных в Багдад Аб-Асидов вплоть до Васика с греко-славянским (842–874) именем «Василий».

С этого Васика, начавшего свое царствование как раз с момента распада Западно-Римской империи Карла Великого, ономатика отцов спасения Аб-Асидов, все еще оставляемых в бого-даденном городе Багдаде, совершенно меняется. Почти все они начинаются слогом Му (см. табл.). Значит, слог этот не входит в имя или прозвище, а есть титульная приставка к нему, вроде латино-греческого D-г к именам ученых. И не трудно догадаться, что это сокращенное слово Маг (греческое Μαγος), т.е. могучий, великий. Напомню итальянские слова маго – маг и магие – великий, откуда и магистр, и магнат, а также французское слово мань (magne), сохранившееся в имени Каролингских Карломанов (Charle-magne). Придыхание, в которое обратилось конечное г в слове маг, у Аб-Асидов осталось только в четырнадцатом представителе Мух-Тедие и превратилось в К в именах: Мук-Тафии (Маг-Тафи, строка 17 табл.), Мук-т-Адир (Маг-Тадир, строчка 18) Мук-Теди (Маг-Тедий, строчка 27) и Мак-Тафий II (Маг Тафий II строчка 31)⁹. Она же, как мы видим, сохранилась в латино-

⁸ Единство слов Мансор и Monsieur бросает свет и на истинный смысл последнего слова. Обыкновенно считают, что Monsieur значит «мой сэр» или «мой синьор». Но по-видимому вместо слова топ первоначально говорилось магие (мань) и таким образом слово «мосье» значило первоначально «великий государь» (Maguesicur) по восточному произношению Mague-zar (Великий царь).

⁹ Отмечу, что в этих именах чувствуется латно-греческое влияние: Магтафий созвучно с греческим Маг-ту-Феу (Μαγτοθεου) – Маг Божий, Маг-Тедий созвучно с Маг-ту-Диос (ΜαγτοΔίος) маг громовержца. Точно так же и в приставке Мук и Мус к именам последних Аб-Асидов, чувствуется более точное произно-

французском произношении второго калифа Аль-Ман-Сара, по-французски le mague-sieur, в восточном произношении le mague-zar, т.е. Великий царь, иначе Charle-mague, т.е. Карломан. Затем идут Мах-дий (Маг-божий) и Ха-дий (просто божий), знаменитый Гарун-аль-Рашид (т.е. Справедливый Арон), соответствующий Карлу Великому и какой-то Амин (что значит: да свершится!). Потом идут Ма-Мун (813–833), т.е. Маг-Муг, при котором напугала всех комета Галлея, и он соответствует Людовику Благочестивому (814–840). Им и окончился первый период Аб-Асидов в Богодаденном городе (Багдаде). А вместе с его падением этой империи распалась и Западно-Римская империя Карла Великого, как будто обе были соединены беспроволочным телеграфом. Но в этом периоде было только одно Му в начале имени, а во втором периоде Аб-Асидов, тоже царствовавших будто бы в Багдаде, из 29 их представителей целых 20 получили имена, начинающиеся на Му, и уже одно это показывает, что такую приставку надо отбрасывать, считая ее за сокращение старинного слова маг, откуда и средневековое название «магистр теологии».

Я еще раз напоминаю, что все известия о средневековой жизни, якобы роскошного древнего Багдада пришли к нам не из него, а из Испании с противоположного конца Средиземного моря. И все так называемые «арабские» династии средних веков совершенно напрасно сосланы в административном порядке последующими христианскими историками эпохи крестовых походов в Западную Азию и Африку. Возвращение их на надлежащее место покажет, что роль мавританской Испании (и даже сицилийских сарацинов) в развитии всех береговых стран около Средиземного моря, вплоть до Месопотамии, была много больше, чем думают до сих пор. И настолько же далеко не дооценено огромное влияние и балканских славян не только на культуру Восточной Европы и Западной Азии, но даже и на культуру самих греков, влияние которых сильно преувеличили писатели-апокрифисты в эпоху Гуманизма в Западной Европе.

То же самое можно сказать и о германцах.

Из предшествовавшего изложения мы видели, как от IV до IX века нашей эры культурная гегемония человеческого рода принадлежала странам, окружающим Мраморное море, т.е. Балканскому и Мало-Азийскому полуостровам. Там возникла Великая Ромея, объединившая под своей теократической властью весь окружающий мир того времени.

Но вот западные и средне-европейские ученики стали обгонять своих юго-восточных учителей, снабдивших их новооткрытыми железными

шение того же слова Mague – Муктедий (Mag ту деу) Мустадий (Magus ту Dios) и т.д. и это тем более возможно, что транскрипция званий была издревле сокращенная: д-р – доктор, проф. – профессор, кн. – князь.

орудиями производства, способными сделать их почву еще более удобной для культурного хозяйства, чем это было на берегах Босфора. К началу I века нашей эры неизбежно должны были выдвинуться вперед славянские и германские земли, где на Карпатах и в Эльзасе открылись богатые залежи железных руд, удобных для обработки.

И вместе с возрастанием культуры и могущества, доставляемого железом, должно было неизбежно развиваться и стремление этих стран освободиться от претензий своей уже отставшей матери на культурную гегемонию. Родоначальником Ромейской культуры был объявлен итальянский город Рим, куда в Понтийские болота и перенесена была вся блестящая история Великой Ромеи, несмотря на ее протесты, продолжавшиеся во все средние века.

Все это было неизбежно.

Возникший лишь в начале средних веков, как место религиозного пилигримства, отмеченное, вероятно, эффектным падением метеоритного камня, давшего начало храму «апостола Петра» (т.е. по-гречески «Посланного богом камня») на пути к еще большим чудесам Флегрийских полей и самой обители бога Громовержца на сонме Везувия, понтификальный Рим охотно должен был пойти навстречу желанию средне-европейских стран объявить себя совершеннолетним и, тем более, что это освобождало от опеки и его самого. И мы действительно видим, как римский понтифекс Лев III, воспользовавшись тем, что на Царь-градском престоле оказалась первая женщина – императрица Ирина (797–802) самовольно коронует 25 декабря 800 года Ромейской короной Карла I, лишая этим самым Ирину права называться Ромейской императрицей, а себя Лев III объявляет независимым духовным властелином.

Начало такого церковного раздвоения подготовлялось без сомнения еще со времени страшной метеоритной катастрофы в Аравии, следы которой остались и теперь в виде ряда цирков в Аравийской пустыне (рис.).

Эти цирки были открыты уже после того, как вышел IV том «Христа» и вполне подтвердили мое объяснение исламитских хождений в Мекку на поклонение одному из этих осколков, и показали, что катастрофа была действительно равносильнастрашному землетрясению и все ниспровергающему урагану, не только в Аравии, но и в Египте и с отголосками может быть вплоть до Царь-града, так что название 16 июля 622 года «Геджрой», т.е. «днем всеобщего панического бегства» – не напраслина.

Но этот день, конечно, не имел бы длительных и саморазвивающихся последствий, если б не способствовали их развитию не прекращавшиеся экономические причины, главной из которых была выработка железных орудий производства, а с ними и оружия, на Балканах и в Эльзасе, как единственных даже и в средние века, областях производства железа. И с

этой точки зрения понятно возвышение «Новой Ромеи», или как ее принято называть Новой Римской империей Карла Великого под династией Каролингов.

Таблица I
Хронологические веки верховно-царствующих (Архишахидов) в
Девственной стране (Парфении).

	Имена	Прежние даты	Продолжи тельность
1-й отдел (Независимые)			
1	Ар-шак (Арх-шах)	-250, -248	2
2	Тири-дат (брат)	-248, -214	34
3	Арта-бан (сын)	-214, -196	18
4	Приапит (сын)	-196, -181	15
5	Фрат I (сын)	-181, -174	7
6	Митри-дат I (брат)	-174, -136	38
7	Фрат II (сын)	-136, -127	9
8	Арта-бан II (родств.)	-127, -124	3
9	Митри-дат II (сын)	-124, -88	36
	(междоусобия)	(-88, -76)	(12)
10	Сан-Атрук (родств.)	-76, -69	7
11	Фрат III (сын)	-69, -57	12
12	Митридат III (сын)	-57, -54	(соправите ль)
2-й отдел (под Римской властью)			
13	Ород (Ирод) брат	-57, -37	20
14	Фрат IV (сын)	-37, +2	39
15	Фратак (сын)	2, 5	3
16	Ород (Ирод) II (сын)	5, 7	2
17	Венон (сын)	8, 11	3
18	Арта-бан III (сын)	10, 40	30
19	Вардан I (сын)	20, 45	5
20	Гот-Арец (родств.)	40, 51	11
21	Венон (родств.)	51, 51	0
3-й отдел (Вологецы: новая ономастика)			
22	Вологец I (родств.)	51, 77	26
23	Вологец II (родств.)	77, 79	2
24	Пакор (родств.)	78, 105	27
25	Хос-Рой (родств.)	106, 129	23
26	Митри-дат III (родств.)	129, 147	18
27	Вологец III (родств.)	147, 191	44
28	Вологец IV (сын)	191, 209	18
29	Вологец V (сын)	209, 222	13
30	Арта-бан IV (родств.)	209, 229	20

Составлено сотрудником Космологического сектора Госуд. Научного института им. Лесгафта М.С. Дмитриевским.

Таблица II

Ономатическое сравнение первого периода Арх-Шахидов в девствующем царстве со вторым их периодом, при сопоставлении с Римскими автократами первой эпохи Великой Рима.

		1-й период		2-й период		Римские автократы	
1	15		Приапит	Ород (Ирод)	1—24	Константин I (с Миланского эдикта)	313—337
2	7	38	Фрат I	Фрат IV	39	Константин II	337—361
3	38	2	Митридат I	Фратак	3	Юлиан	371—363
4	2	9	Исключен	Ород (Ирод) II	2	Иовиан	361—364
5	9	3	Фрат II	Венон I	13	Валент	364—378
6	3	36	Артабан II	Артабан III	30	Феодосий Великий	364—395
7	36	7	Митридат II	Вардан I	5	Иоанн Златоуст	395—400
8	7	12	Сан-Атрук	Гот-Арез	11	Аркадий	395—407
9	12	0	Фрат III	Венон II	0		
	0		Соправитель Орада Митридат III				

Таблица III

Ономатическое сопоставление династии Ахеменидов-Безбрачников с Партенидами-Девичниками

Ахемениды-Безбрачники псевдо-древне-персидского царства		Первый период Арсакидов-Партенидов (девичники) средне-персидского царства.
Ахемен-безбрачник	1	Арсак-Партенид (Девичник)
Камбис	2	Тири-дат
Кир I (Господь I)	3	Арта-бан I
Камбис II	4	Приапит (похотник)
Дарий I Ставленник	5	Фрат I
Ксеркс		
Арта-Ксеркс I	6	Митридат I
Ксеркс II		
Дарий II Ох (правитель)	7	Фрат II
Кир II (Господь II)	8	Арта-бан II
Арта-Ксеркс II	9	Митридат II
Арта-Ксеркс III	10	Междоцарствие
Арсес (родственник)	11	Сан-Атрук (родственник)
Дарий III	12	Фрат III
	13	Митридат III (?)

Таблица

Хронологическое сопоставление второго периода Сассанидов-вооружителей со вторым периодом велико-ромейских царей от Феодосия до Гераклия.

(Первый период на стр. глава)

	Второй период псевдо-персидских царей Сассанидов		Второй период Велико-ромейских императоров (христианских)	
1	Езде-Гард I (первый страж христиан)	399— 420=21г.	395—407=12 378—407=29	Иоанн Златоуст
2	Бах-Рам	420—438=18	408—450=42	Феодосий (Богоданный)
3	Езде-Гард II (второй страж христиан)	438—467=19	450—457=7	Маркиан (и Халкедонский собор 451 года)
4	Ор-Мазд III	457—459=2	449—458=8	Патриарх Анатолий (т.е. Восточный?)
5	Пероз	457—484=27	457—474=17	Лев I
6	Пропущены как ничем не ознаменовавшие себя ничем		474—477=3	Кратковременные Лев I (474=0), Василиск (475—477=1), Зенон первый раз (474—475)
7	Балаш	484—488=4	477—491=14	Зенон (второй раз)
8	Кавад	488—531=43	491—518=27	Анастасий
9	Хоз-Рой (Справедливый царь)	531—579=48	527—578=51	Юстиниан, Юстин II, Справедливый
10	Ор-мазд IV	579—590=11	578—582=4	Тиборий или патриарх Евтихий (577—582) или даже попал сюда Великий Римский понтифекс Ормизда (514—523)
11	Оба пропущены, вероятно тенденциозно по несочувствию		582—610	Тиран Маврикий и узурпатор Фака
12	Хоз-Рой II	590—628=38	610—641=31	Гераклий
От 628 до 632 года, — говорят нам, — сменилось 12 мимолетных царей, аналогично Константину II, Гераклеону и калифам. С 16 июля 632 года считалась средневековыми источниками эра Езде-Герда, так как в этом году после смут воцарился последний из Езде-гердов, Ездегерд III, неудачно воевавший с исламитами и убитый в 651 году.			От 622 до 641 года благодаря страшной метеоритной катастрофе 622 года в империи Гераклия начались смуты. Появились мимолетные цари (Константин III в 441 г., 0 лет; Героклеон в 441 году, 0 лет) и калифаты. 16 июля 622 года считается началом «Эры бегства» (агарянская Геджра).	

Таблица
Хронологические вехи Меровингов.

1-я эпоха	
428—447=19 447—458=11	Клодион, сын БогиниМорей и Фера-Минда (носителя мира) Меровей, отец Меровингов (отражение Омайядского Мервана I) 684—685
458—481=23 481—511=30	Хильде-Рих I Хлодвиг I (Людвиг I)
Распадение царства в 511 году	
511—558=47	Хлотарь (Лотарь) получает Нейстрию (Нейстр-Азию, Западную Францию)
511—555=44	Тиерри (Тиверий 511—534) получает Австрию, которая перешла к его сыну Теодоберту (534—548) и к внуку Теодобалу (548—555), после чего соединилась снова с Западной Францией. (Сноска)
511—558=47	Хильде-Берт получает Париж, возвратившийся затем к «Западной Франции»
511—521=10	Хлодомир (Лодомир, т.е. Владимир) получает Орлеан, возвратившийся после него к «Западной Франции»
558—561=3	Единодержавие Лотаря I
2-е распадение в 561 году	
561—584=23 584—613	В Нейстр-Азии Гильне-Рих Наследует ему Лотарь II
561—567	В Париже Кори-берт
651—613	В Орлеане и Бургундии Гонтран (с 593 по 613 в Бургундии Тиери II)
561—612	Австр-Азия снова отделена. В ней с 561 по 575 Зиге-берт, с 575 по 595 — Хильде-бертЮ с 595 по 612 Теоде-берт
613—628=15 628—638=10	Единодержавие Лотаря II Единодержавие Даго-берта
2-я эпоха	
638—679	Австр-Азия отделена: вней в 638—657 г. Зигеберт; в 660—673 Хильде-рих; в 673—679 — Дагоберт.
638—751	Нейстр-Азия и Бургундия соединены под властью Меровингов. Тожество государей этой 2-й эпохи с государями агарянских Омайядов (т.е. Уподобленцев) показано на диаграмме.
638—656=18	Хлодвиг (Людвиг) II
656—660=4	Междуцарствие
660—670=10	Хлотарь (Лотарь) III
670—691=21	Тиери III
691—695=4	Хлодвиг (Людвиг) III
695-711=16	Хильдеберт III
711—715=4	Дагоберт III
715—717=2	Хильперих II
717—720=3	Хлотарь (Лотарь) IV
720—737=17	Тиерри IV
737—742=5	Перерыв
742—751=9	Хильде-рих III

Сноска: Здесь номенклатура сбивчива: под Нейстр-Азией иногда подразумевают средневековую Францию, а под Австр-Азией средневековую Германию, а иногда под первой только западную часть современной Франции, а под второй — восточную часть лишь по Рейну со столицей в Меце.

Таблица

Попытка ономастического сопоставления 1-й эпохи Меровингов с их 2-й эпохой (Нейстрийско-Бургундской)

420—428 Носитель Мира (Фарамонд) 8 лет							
428—447 Клодион 19 лет							
447—458 Мервей 11 лет							
458—481 Хильдерих 23 года							
1-я эпоха				2-я эпоха			
1	30	481—511	Хлодвиг I (Нейстрия)	Хлодвиг II (Нейстрия)	638—656	18	1
2	50	511—561	Лотарь I (Нейстрия)	Лотарь III (Нейстрия)	660—670	10	2
3	28	511—534	Тиерри I (Бургундия)	Тиерри III (Нейстрия)	670—691	21	3
4	10	511—521	Хлодомир (Орлеан)	Хлодвиг III (Нейстрия)	691—695	4	4
5	47	511—558	Хильде-берт I (Париж)	Хильде-берт III (Нейстрия)	695—711	16	5
6	14	561—575	Зиге-берт (Австрия)	Дагоберт (Нейстрия)	711—715	4	6
7	23	561—584	Хильперих I (Нейстрия)	Хильперих II (Нейстрия)	715—717	2	7
8	29	584—613	Лотарь II (Нейстрия)	Лотарь IV (Нейстрия)	717—720	3	8
9	30	593—613	Тьерри II (Бургундия)	Тьерри IV (Нейстрия)	720—737	17	9
10	47	613—660	Перерыв	Перерыв	737—742	5	10
11	13	660—673	Хильде-рих (Австрия)	Хильдерих III (Нейстрия)	742—751	9	11

Недостаток этого сопоставления заключается в том, что в правом ряду взят последовательный ряд Нейстрийско-бургундских (старофранцузских) Меровингов, а в левом ряду сопоставлена с ними приспособительно сделанная выборка из предшествовавших им Меровингов то из Нейстрии, то из Бургундии, то из Австрии (какой здесь считается Восточная Франция), да и сопоставители приравнены к преемникам не в порядке хронологической последовательности. Здесь обнаруживается только единство ономастики обеих эпох и независимость ее от местностей, чем доказывается составление всего родословия Меровингов одним и тем же автором.

Таблица
 Замечательный параллелизм (а в конце и синхронизм) последовательных продолжительностей царствования у
 агарянских Омайяд (от греческого омойос — подобный) и у Франкских Меровингов Нейстрийско-Бургундского
 периода.

Нейстрийско-Бургундские-Франкские Меровинги		Агарянские Омайяды							
Продолжительности		30	25	20	15	10	5	царствования	
638 год	Начало Нейстрийско-Бургундских Меровингов							Начало Агарянский Омайядов	661 год
638—656	Хлодвиг II	18						Моавия I	661—680 680—683
656—660	Четырехлетний перерыв		4			3	19	Иезид (Иезуит)	
660—670	Хлотарь III			10		1		Мерван I (отразившийся в Мерове,	

Таблица

Обычные хронологические веки Аб-Асидов (т.е. Отцов Спасения или отцов исцеления).

I отдел		
749—754	Абд-Ул Аб-Ас Садах	5 лет
754—775	Аль-Мансар	21 год
775—785	Махдий	10 лет
785—786	Хадий	1 год
786—809	Гарун-аль-Рашид (Справедливый арианин)	23 года
809—813	Амин	4 года
813—833	Мамун	20 лет
2 отдел. Новая ономастика		
833—841	Му-т-Асим	9 лет
841—847	Васик	5 лет
847—861	Му-т-Аб-Аккиль	14 лет
861—862	Мун-т-Асир	1 год
862—866	Мус-т-Аин	4 года
866—869	Му-т-Азз	3 года
869—870	Мух-т-Эдн	1 год
870—892	Мух-т-Амид	22 года
892—902	Му-т-Адид	10 лет
902—908	Мук-т-Афий	1 год
908—932	Мук-т-Адир	24 года
932—934	Кахир	2 года
934—940	Радий	6 лет
940—944	Му-т-Иакий	4 года
944—946	Мус-т-Акфиз	2 года
946—974	Мут-Ий	28 лет
974—991	Тай	17 лет
991—1031	Кадир	40 лет
1030	Поход Махмуда Газни	
1031—1075	Каим	44 года
1075—1094	Мук-та-дий	19 лет
1094—1118	Мус-та-Эхир	24 года
1078	Крестоносцы на Евфрате	
1118—1135	Мус-та-Рашид	17 лет
1135—1136	Рашид	1 год
1136—1160	Мук-та-Фий	24 года
1144	Уход крестоносцев из Эдессы на Евфрате	
1160—1170	Мус-т-Анджид	10 лет
1170—1180	Мус-та-Дий	10 лет
1180—1225	Насир	25 лет
1204	Захват крестоносцами Царь-града	
1225—1226	Захир	1 год
1226—1242	Мус-т-Ансир	16 лет
1242—1256	Мус-т-Асим	14 лет

Таблица

Хронологические веки Каролингов у Фрязей. Употребляю русское легописное выражение, так как Фрязи, Фризы, Паризы (парижане) очень старинные названия того же самого народа, насильно навязанное потом западно-европейскими писателями времен крестовых походов за-Евфратским ариям, которые никогда не называли себя персами и свою страну Персией (а только Ираном).

Майордомы Австр-Азийские. После Карла Великого Австр-Азией называлась Австро-Германия, а до него (говорят!) носила это имя только область прирейнского города Меца: 641—687 Ангезиль, сын Мешкого епископа 687—714 Пипин Геристальский.		Начало западной римской империи Карла Великого	
Каролинги		Начало западной римской империи Карла Великого	
714—741 741—(751)— 768 762(768)— 800—814 762—772 834(837)—840	Карл Молот (по-французски Мартел, по-еврейски Маккавей) объединил Австр-Азию, Нейстр-Азию (Францию) и Бургундию. Пипин Короткий. Значок (751) показывает, что в этом году он положил конец самостоятельности мервингов (т.е. низверг Мервина II в Испании). Карл Великий с 762 соправитель Пипина, с 768 самостоятельный, с 800 года — коронованный император западно-европейской римской империи. Карломан, соправитель Карла Великого у «Фрязей» Людовик I Благочестивый. При нем в 837 году мечеобразный хвост кометы Галлея грозно протянулся поперек всего неба, что было истолковано как предстоящее крушение империи Карла Великого и переход власти к Паризам (французам). Начались смуты претендентов и потому пророчество поневоле исполнилось. После пятилетних кровопролитий в 443 году Карл Лысый получил Францию, Людовик Немецкий Австро-Германию, а Италию и Лотарингию — Лотарь I. (840—855).	800—814 814—837— 840	Карл Великий первый император Западно-Европейской Римской империи. Отражением его в никогда не существовавшей азиатской Персии является «Справедливый Арианин» (Гарун-аль-Рашид), умерший около 810 года Людовик Благочестивый второй и последний император Западно-Европейской Римской империи Карла Великого Конец империи Карла Великого
Французские Каролинги		Германские Каролинги	
840(843)—877 877—879 879—882 879—884 884—888 888—898 898—936 936—954 954—986 986—987	Карл Лысый Людовик II Заика Людовик III Карломан II Карл Толстый Одон Карл III Простой Людовик IV Заморский Лотарь Людовик V Ленивый. С ним прекратилась во Франции династия Каролингов.	840(843)— 876 876—881 881—888 888 (896)— 899 900—911	Людовик Немецкий Людовик II Младший Карл IV Толстый Арульф Людовик Дитя, с ним прекратилась в Германии династия Каролингов.
Ломбардско-Итальянские Каролинги, коронованные римской короной			
840(843)—855 855—875	Лотарь Людовик II, с ним прекратилась Ломбардско-итальянские Каролинги		

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Чудеса псевдо-азиатской беллетристики

Глава I

ОСНОВНОЙ ЗАКОН ЭВОЛЮЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Omne vivum ex ovo.

(Истина классических времен)

Верите ли вы, читатель, в чудеса? Если верите, то отбросьте скорее мою книгу, как дьявольское наваждение, и примитесь перечитывать в сотый или в тысячный раз евангелие, библию и жития святых. Если уже не верите в чудеса, то прочтете следующие строки со вниманием.

Все живое – из яйца, – говорит нам даже и классическая философия, а не только современное естествознание, применившее этот закон индивидуального развития органических существ ко всем сложным явлениям жизни природы и человечества. Ничто великое и сложное не начиналось сразу в полном своем размере, а эволюционно развивалось от соответствующего простого элементарного зародыша.

Впервые этот эволюционный закон был обоснован Лапласом, показавшим полную возможность образования солнечной системы путем кольцевания вращавшейся первичной небесной туманности. И это потом продемонстрировал Жозеф Плато в Гентском университете, при своем знаменитом опыте с кольцеванием вращающегося прованского масла, принимающего шаровидную форму в смеси спирта и воды того же удельного веса. Эта же теория привела потом не только к объяснению колец Сатурна и всех звездных светил и кольцообразных туманностей неба, но объясняет строение даже и всего нашего Галактического архипелага звезд, как возникшего из еще более первичной туманности в бездонном пространстве вселенной¹.

А конец такой эволюции для отдельных систем вырисовывается как моментальный распад одряхлевшей звездной системы на ее первичные элементы и ее превращение в спиральную туманность, из которой получается материал для зарождения новой звездной системы и ее развития по тому же закону Лапласа².

¹ См. пролог к I тому Христа.

² Делавшиеся потом против нее возражения, будто спутники Урана обращаются обратно теории Лапласа, совершенно неправильны. Они обращаются в том

И аналогично этому, первичное простое представление о сотворении богом небесных светил во вторник 4 марта 5508 года до рождения Христа, по юлианскому счету, удовлетворявшее наивную паству христианской церкви вплоть до нашего времени, только накануне XIX века (1796 г.) стало сменяться представлением эволюционным и строго научным без чудесного вмешательства человекоподобных богов и звероподобных демонов.

Аналогичное этому мы видим и в органическом мире. В Библии сказано очень просто: «Сказал бог (в среду 5 марта 5508 до Р.Х.: Да произведет вода пре смыкающихся, душу живую и птицы да полетят над землею перед лицом (какой-то) тверди небесной и стало так». Потом в четверг 6 марта того же 5508 года он прибавил: «Да произведет земля душу живую, скотов и гадов и зверей земных по роду их. И стало так». Затем 7 марта в пятницу, бог сказал: «Сотворим человека по образу и подобию нашему», чем и доказал, что сам имел фигуру человека.

И опять человеческий ум вплоть до XIX века удовлетворялся этим наивным зародышем теории мироздания.

Даже сам гениальный основатель современной научной систематической зоологии Линней (1707–1778 г.) писал:

«Мы насчитываем столько видов (животных и растений), сколько было создано сначала бесконечным существом».

И даже в начале XIX века Кювье (1769–1825), несмотря на то, что сам же основал сравнительную анатомий и сравнительную палеонтологию, признавал, что все животные и растения созданы такими, каковы они есть и вел по этому поводу полемику с Ламарком (1744–1829), впервые пришедшим к идее о том, что различные органы животных могут увеличиваться и осложняться от упражнения и, наоборот, атрофироваться от неупражнения, но на это ему возражали, что приобретенное лично для себя отдельным организмом обыкновенно не передается по наследству. (Позабыв, что у Ламарка шло дело не о наследственности случайных индивидуальных отклонений, а о таких, которым подвергаются все индивидуумы данного вида в данной местности.)

же направлении, как вращается сам Уран, а ось его вращения наклонена около 90° к оси его орбиты, по тем же причинам, по которым и ось земного шара наклонена на 23° . Не следует забывать, что солнечная система не одинока в Галактическом архипелаге и подвергалась огромному количеству различных внешних влияний. При образовании планеты из сближения друг с другом двух концов разорвавшегося туманного кольца лишь в исключительных случаях может получиться планета, вращающаяся в его прежней плоскости. Наклонение оси вращения к ее орбите при этом может превышать 90° и тогда планета получит как бы обратное движение.

Против возможности плавной эволюции органического мира Кювье, в распоряжении которого было еще недостаточно фактического материала, неосновательно возражал, что в различных по времени отложения наносных пластах Земли находятся окаменелости различных животных и растений, и потому в течение каждого геологического периода существовала особая неизменная флора и фауна и каждый период заканчивался громадной катастрофой, которая стирала с лица земли всю его органическую жизнь. Затем новый творческий акт создавал целиком новую флору к фауну, которую постигала та же участь и что так было уже более десяти раз. Эта «теория катастроф» и отдельных чудесных творений, исключавшая всякое научное объяснение сходств и различий среди животных и среди растений, господствовала во всю первую половину XIX века, даже и тогда, когда Ляйель (1797–1875) в своих «Основах Геологии» показал, что никаких всемирных катастроф, вроде Ноева потопа, никогда не было и что все обширные по пространству изменения земных наслоений совершались плавно теми же силами, какие действуют и теперь. Так произошла первая попытка выяснить эволюцию земного шара от его возникновения до настоящего времени, но она остановилась на первых же шагах, потому что объяснила только самую последнюю эпоху земной жизни — ту эпоху, когда на ее поверхности выделилась вода. А относительно того, какова была история земного шара до этого времени и что будет с землею, когда вода на ней обратится в лед, существует лишь моя гипотеза в написанной еще во время Шлиссельбургского заточения и напечатанная отдельно в моей книжке «На границе Неведомого» статья «Эры жизни», которую и сам я считаю лишь прологом к дальнейшим исследованиям в том же направлении.

Эволюционный взгляд на истории земного шара в водную эру его геогонической жизни, разрушив теорию катастроф Жоржа Кювье, все же оставался некоторое время без влияния на биологические представления, так как этому мешали теологические предрассудки. Как когда-то церковь сожгла Джордано Бруно (1548–1600) за учение о бесконечности Вселенной и заставила силою Галилея (1564–1642) отречься от учения об обращении Земли около Солнца, так и в XIX веке, она же стала поперек дороги эволюционной теории развития органического мира, и я сам помню, как в мои гимназические годы (уже в 70-х годах XIX века) было опасно попасться с книгой Дарвина в руки: это значило быть исключенным из гимназии без права поступления в какое бы то ни было учебное заведение Русской империи, что как раз и вызвало у меня впервые революционное настроение. Но выставленные Дарвином в его книге «О происхождении видов путем естественного отбора» доказательства были на-

столько неопровержимы, что эволюционная теория органической жизни на Земле быстро преодолела все препятствия и теперь вы не найдете ни одного зоолога, ботаника, анатома или физиолога, который стоял бы на другой точке зрения, как не найдете и астронома, который отвергал бы учение Коперника об обращении земли около солнца.

И вот, когда человек, воспитанный на этих представлениях, принимается за изучение современной нам «древней истории народов», ему невольно кажется, что он очутился в обществе средневековых ученых, еще держащихся теории чудесного происхождения раз: ичных древних книг и теории катастроф, уничтоживших большую часть этих продиктованных не иначе, как самим святым духом не своевременно гениальных сочинений. Ему кажется: если все на свете произошло эволюционно, то не менее эволюционно должна произойти и современная нам научная и художественная литература на земле, да и само наше искусство, начиная со скульптуры, живописи, музыки и кончая театральной артистичностью и сценарностью.

Обо всем этом я уже говорил в разных местах этого моего историологического исследования, и теперь, приступая к разбору по истине великих чудес азиатской беллетристики, таких произведений как Наль и Дамаянти (якобы за 1000 лет до начала нашей эры) или Рамаяны (якобы того же времени), под которыми не постыдился бы подписаться ни один из самых выдающихся современных европейских поэтов и беллетристов, я еще немного остановлюсь на общих законах литературной эволюции.

В третьем томе «Христа» в главе «Анатомия литературного творчества» я уже отметил различные типы беллетристических произведений и показал, как высшие из типов возникают из сложения первичных элементарных сообщений, подобно тому, как сложные организмы возникают из сложения первичных клеточек, и тоже не беспорядочно, как простое нагромождение, а в виде систематических комплексов, связанных между собою переходными мостиками, нередко построенными тоже очень художественно.

Само собой понятно, что каждое слово в строении речи соответствует атому в строении организмов, каждая отдельная законченная сама в себе фраза — от точки до точки — соответствует молекуле, которая в белковых веществах тоже может быть очень сложною, со всякими боковыми придатками. Всякий законченный в самом себе по смыслу комплекс сообщений (т.е. отдельных фраз) соответствует волокну сложных организмов и целому организму у несложных. Несложными литературными композициями являются молитвы, лирические стихотворения, басни и короткие детские сказки. А сложными произведениями являются большие поэмы, повести и романы, в которые такие отдельные композиции входят как волокна в

сложные организмы, переплетаясь между собою всевозможными способами и соединяясь в одно целое переходными мостиками, как цементом.

Разъясню эту параллель более детально.

Возьмем, например, такой случай. В то время, когда большинство русского народа было еще безграмотно, тогда дети даже привилегированных сословий удовлетворяли потребность своего воображения так называемыми «нянькиными сказками», а взрослые люди песнями баянов, т.е. первобытных поэтов. Конструкция таких сказок и песен была очень элементарна, через весь рассказ проходила только одна нить последовательности. Слог очень элементарен, фразы почти без придаточных предложений. И вся композиция не превышает двух-трех или нескольких страничек современной печатной книжки. Сюжетами были большею частью боевые или охотничьи приключения с невероятными вмешательствами говорящих зверей, птиц и рыб, и нередко сверхъестественных существ. Если затрагивался любовный сюжет, то не иначе как унесенная волшебником похожая на куклу принцесса-красавица, которую нужно было освободить.

В нашей русской баянской поэзии излюбленным героем был богатырь Илья Муромец, и о нем создано до XX века много былин, т.е. элементарных описаний того или другого из приписываемых ему подвигов.

Представьте теперь, что в период уже развившейся письменности, какой-нибудь любитель-грамотей, человек начитанный и не без собственного литературного таланта, собрал в своей жизни и записал в отдельности несколько десятков, или даже не одну сотню таких рассказов, и захотел составить из них нечто цельное, воображая таким образом восстановить полную биографию своего героя, если, по легковерию своему, считал эти сказания правдивыми, а если нет, — то цельную поэму об Илье. Расположив их в одной последовательности по своему вкусу и соединив переходными мостиками перерывы при скачке от одного независимого сказания в другому, в виде связующих вставок или перестановок действия, с неподходящих на подходящие места, он легко составлял большую суставчатую поэму, вроде Илиады или Одиссеи, и тем более легко, что размер стиха в эпической поэзии всегда один и тот же, в греческой, например, гекзаметр.

Таково образование всех длинных эпопей, похожих на многосуставчатых червей, в которых каждый членик представляет как бы самостоятельное целое, и у которых при разрезе пополам обе половины начинают жить самостоятельно. Но и эти эпопеи, как мы видели, могли возникнуть лишь в период развитой письменности, так как для их записи в таком виде, как мы имеем, недостаточно простого умения писать каракулями, вырисовывая каждую букву, а необходимо умение писать скорописью, что дается только продолжительной практикой, как в письме, так и в чтении, и необ-

ходим дешевый материал, вроде бумаги, так как на листках древесной коры такой эпопеи не напишешь, а пергамент слишком был дорог, чтоб употреблять на несерьезные произведения.

Язык таких произведений должен быть по большей части близок к собранным первоисточникам, но не абсолютно тот же самый, так как компилятор всегда стремился бы исправить слова и грамматические обороты, которые ему кажутся испортившимися в устах передатчика. Так, например, сказания, вошедшие в Одиссею или Илиаду, могли быть переданы компилятору и на местных говорах, а он их изложил на привычном ему классическом греческом языке. Все такого рода эпопеи могли быть написаны в Западной Европе и Великой Ромее по-гречески, не ранее крестовых походов, а на других языках в Азии еще позднее.

Перейдем теперь к современному роману.

Первоначальной его формой был фантастический рассказ, к которому только в конце XVIII века присоединился реалистический без сверхъестественных вмешательств и невероятных приключений и с введением психологических подробностей. Сначала его особенностью являлась почти всегда романтическая канва взаимных отношений девушки и молодого человека до их вступления в брак и кончалось на этом событии, или происходила трагическая развязка. Только уже потом — со времени Бальзака — стали вводить в романы главными героинями и замужних женщин. Отличительной особенностью всех романов является их сложная планировка, при которой вместо одной нити рассказа переплетаются две: начав рассказ о героине, автор прерывает его обыкновенно на самом интересном месте, возвращается вспять, описывает иногда на нескольких листах, что делал и чувствовал в это время герой романа и искусно подводит его к тому критическому положению, на котором он оставил героиню, и соединив искусно на этом месте обе нити рассказа, вновь возвращается к отдельным повествованиям, иногда примешивая к ним еще и третью нить, и затем приводит к развязке, к которой оказываются приспособленными уже все детальныя сообщения, которые были даже и в самом начале. Такой роман аналогичен уже позвоночным животным, со скелетом и взаимодействующими друг с другом разнообразными органами, которых уже нельзя разрезать на две части, не разрушив всего целого. Это *скелетный* роман.

Эра такого романа только с XIX века, а место его вплоть до конца того века была только Европа, да Северная Америка, как ее самая культурная колония.

Переходом к этому типу литературного творчества является *лучистый* тип, соответствующий лучистым животным классификации Линнея, вроде морских звезд, морских ежей, морских лилий и т.д.

Он компонуется очень просто.

С начала рассказывается, как несколько человек разными путями сошлись вместе. Каждый из них затем сообщает историю о своих приключениях, приведших его в компанию с остальными, а вместе с тем и в общее затруднительное положение. Они пытаются, помогая друг другу, выпутаться из беды, и достигают этого тем или другим способом.

Читатель сам видит, что это средний тип между суставной и скелетной композицией. Отсюда ясно, что и по времени своего возникновения он должен помещаться после суставчатого и ранее скелетного типа.

Но это еще не значит, что высшая форма вытесняет в литературе низшее. Нет! Здесь происходит то же, что и в органической природе, где несмотря на более позднее появление скелетных животных продолжают существовать и развиваться и суставчатые, и лучистые, и даже, одноклеточные организмы.

Такова основная схема эволюции литературного творчества на земном шаре, и все, что противоречит этой схеме, должно быть признано неправильно размещенным по векам или по народам.

Рассмотрим с этой точки зрения несколько кардинальных произведений Азиатской литературы.

Глава II

ЕЩЕ НЕМНОГО ОБ АРАБАХ.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ СЫНА СМОКОВНИЦЫ.

АРАБСКАЯ КУЛЬТУРА – РОМЕЙСКО-ЕГИПЕТСКАЯ КУЛЬТУРА. ЕГИПЕТСКИЕ БИОГРАФИИ – РОМАНЫ НА НАДГРОБИЯХ

Если бы я был уверен, что читатель помнит все, что у меня написано в прежних томах «Христа», особенно во втором и шестом, то мне незачем было бы напоминать ему еще раз уже сделанные мною предостережения против раболепства перед звуками старинных слов. Но так как помнить все отдельные места этой большой моей работы невозможно, не перечитав ее несколько раз, то я снова возвращусь на минутку к тому же предмету и прежде всего напомню, что среди имен существительных, переживших много поколений, есть много слов-хамелеонов, не раз менявших свое значение на протяжении последних полутора тысяч обращений земли вокруг солнца.

Первым из них является слово «бог», с которым соединялось столько разнообразных представлений, начиная от седого старика Зевса-Иеговы или красивого юноши Адоная-Адониса, до всенаполняющего и всем управляющего и все сознающего бесконечного в пространстве и времени одухотворенного мирового эфира новейших теистов, – что даже и спорить об этом предмете совершенно невозможно, не выяснив сначала, что именно данный «теист» понимает под сочетанием этих трех звуков: *б*, *о*, и *г*¹.

Другие слова-хамелеоны, вроде «души» и «духа», хотя и претерпели менее перемен, на протяжении веков, но все же остались совершенно расплывчатыми по своему значению, и потому употреблять их без немедленного определения соединяемого с ними в данном случае смысла, и вне исторической перспективы (подобно тому, как мы делаем это с терминами *земля* и *небо*), представляя их не так, как прадеды, значит только вызывать бесплодные споры и недоразумения.

Обо всем этом я не раз уже говорил на протяжении моего настоящего исследования, а здесь мне нужно только обратить особенное внимание

¹ На самом деле русское слово Бог происходит от греческого Бах (т.е. Вакх, он же Бахус), почему последняя буква *з* в слове бог и произносится, как латинское *h*. Служительницы его назывались вакханками, как антитеза монахиням. И это сходится со старинною русскою поговоркой «веселие Руси – пити».

читателя на несравненно менее заметные, чисто индивидуальные, но все же не менее вредные для ясного представления об истории человеческой культуры, многочисленные случаи перемены представлений, связанных с теми же древними именами, которые в сущности всегда были первоначально лишь прозвищами. Таково, например, слово Вавилон, значащее «Врата Господни», и слово Иерусалим, которое, по чисто еврейскому значению можно перевести «Узрение покоя» или «Надежда успокоения», а по греко-еврейски «Святой Покой», то же, что Нирвана в санскрите.

И мы уже видели, что в разных библейских книгах этим эпитетом «надежды успокоения» называли разные города, от города Геркулеса — Геркуланума у подошвы Везувия, до палестинского Эль-Кудса, т.е. города святого Илии, классического Илиона, и даже до Царьграда на берегах Босфора, и до самого Небесного свода. А под Вавилоном понимали не только Римскую церковь, но даже и Тингир на нижнем течении Евфрата. Понятно, что такие эрратические имена-хамелеоны были всегда камнями преткновения для исследователей древности, раболепствовавших перед простыми звуками человеческого языка и не допускавших даже мысли в свои головы, что разные народы и даже один и тот же народ в разное время прилагали те же прозвища к совершенно различным предметам и к различным городам и местностям, особенно в зависимости от перемены своего культа.

Таким же историческим пережитком является и слово «араб». Существует специальная наука арабистика, существует термин «арабская культура», арабская архитектура, арабская литература и по созвучию все это приводят в связь с подвалом азиатского континента, пустынным полуостровом Аравией, как будто там могло возникнуть среди песков и безграмотных бедуинов что-нибудь самостоятельное, кроме верблюдов!

В предшествующем томе я уже показал, что все это волшебная сказка, что никакого великого мирового пророка никогда не было ни в Мекке, ни в Медине, что причиной пилигримств туда была лишь крупная метеоритная катастрофа в тех местах, и что священный камень, брошенный архангелом Гавриилом, которому там и до сих пор поклоняются магометане, представляет собою несколько мелких осколков каменистого метеорита, вклеенных в небольшую овальную рамку, точный рисунок которой вместе с обломками, отшлифованными поцелуями верующих, я привел в шестом томе «Христа» и повторяю здесь.

Я показал в том же томе, что истинным распространителем магометанства, при котором составлен и коран Магомета, был султан Магомет Газни накануне крестовых походов XI века, и что раньше него на аравийском полуострове господствовало под именем агрянства или измаилит-

ства что-то вроде классического христианства с поклонением богине Венере, Бахусу и остальным богам классического пантеона, и что арабская культура, арабская архитектура и арабская литература могли выйти только из арианской Великой Ромеи до или после религиозного, а вместе с тем и административного отделения от Египта при императоре Гераклии. Инициатором арабской культуры могла быть только она в связи с Египтом и мавританской Испанией, а не пустынная Аравия.

Значит, средневековая «аравийская культура» должна бы носить имя ромейско-египетской культуры агарянского периода и само слово Аравия и араб должно было выйти из Великой Ромеи. Не полуостров Аравия дал «арабскую» культуру, а сам он получил свое имя после того, как «арабская» культура уже распространилась на него и в нем оказался по метеоритным причинам центральный пункт ее пилигримств.

Нам остается здесь только выяснить, каков же смысл слова Аравия, т.е. Земля арабов, уже отлично зная, что все древние имена не были случайным набором звуков, а осмысленными прозвищами. Но здесь не нужно даже и искать. Корнем этого слова является РАВ, а приставка А в начале есть еврейский определительный член, тот же самый, как и греческое *d*, хотя транскрипция и изменилась, так как вплоть до наступления печатного периода правописание везде было вольное. От корня РАВ произошло слово раввин, библейское Рувим, а по географии Книги Бытия, как я уже показал во втором томе «Христа» под именем патриарха-первенца Рувима или Равви-учителя, был персонифицирован именно Египет. Аравия к востоку от него была персонифицирована в виде патриарха Симеона, т.е. Услышанного богом, за произошедшее в ней знамение (по-гречески Семейон) метеоритного характера.

К западу от Египта Ливия была персонифицирована в одноименного с нею патриарха Левия, а Иудея к северо-востоку от Египта тоже была персонифицирована в одноименного с нею патриарха Иуду, отца иудеев.

Таким образом, уже по самому ее словопроизводству, арабская культура есть при переводе на новейшую нашу терминологию ромейско-мавританская египетская культура агарянского периода. Арабская архитектура есть средневековая ромейско-мавританская египетская архитектура, а арабская литература – средневековая ромейско-мавританская египетская литература. Ее предшественницей является древнейшая часть Библии, которая по языку своему написана лишь на особом жаргоне того же ромейско-мавританского египетского учительского (раввинского) языка. На других жаргонах его написаны и псевдо-арабская литература, и клинописная месопотамская и папирусная египетская литература, относимая обыкновенно за тысячелетия ранее своего настоящего времени.

Так под общим именем ромейско-египетской культуры у нас соединяются в один пучок и еврейская², и арабская, и коптская, т.е. египетская³. Почти все корни слов у них одни и те же, а некоторая разница в произношении их нашими современными учеными, никогда не слыжавшими их древнего произношения, не доказывает еще того, что и в действительности разница между ними была настолько же значительна, как в их устах, хотя местные говоры и могли и в самом деле до некоторой степени различаться.

Здесь одно только можно сказать: плох тот специалист в этой области, который одновременно не знает библейского, коранического, демотического и клинописного наречий того же самого семитического языка, и не пытается сближать их звуки в своем чтении. Все они только дополняют друг друга и были, вероятно, много ближе друг другу, чем, например, русский и украинский.

Близко друг другу было и их литературное творчество, а потому я здесь, ранее чем перейти к клинописным произведениям, дам как введение один образчик египетского творчества. Это «Рассказ Сына Смоковницы»⁴ в переводе Б.А. Тураева, который по способу всех ортодоксальных египтологов относит к «блестящей эпохе срединного царства».

Литература этого срединного царства в большинстве случаев носит уже характер индивидуального творчества. Ее произведения, дающие детали политического и социального строя, домашнего уклада и нравственных требований, дошли до нас даже с именами их творцов. Правда, что большинство ученых, занимающихся древнеегипетской письменностью, не находят возможным признать эти имена действительными и считает произведения, которые их носят, апокрифическими, т.е. лишь приписанными известным авторитетам древности. (как, например, наставления Птахотепа, обличения Ипувера), или вложенными в уста наиболее популярных царей, каковы поучения Аменемхета I. Но это лишь еще более подтверждает индивидуальность авторов подобных апокрифов, так как апокрифы никогда не делались коммунально.

Некоторые из этих памятников ведут рассказ в первом лице, представляя собой едва ли не самые ранние образцы авантюристических романов, к числу которых принадлежит и рассказ сына смоковницы.

² Причем слово еврей Е-БэР есть только звуковая перестановка слова Е-РэБ или А-РАБ.

³ Припомним, что слово Египет есть ни что иное, как Е-КоПТ, т.е. Коптия, только снабжено тем же семитическим определенным членом Е, который раввинами произносится как А и соответствует греческому определенному члену О, переходящему в женском роде в Э.

⁴ Сын Смоковницы – Сы-Нухэт, причем нухэт – смоковница, сикомора, есть священное дерево богини Гетеры (Хатор), и в соответствии с этим часто встречается имя Сы-Гатор – сын Гетеры.

В нем все естественно и соответствует эпохе, начиная с формы. Она прямо заимствована из надгробных надписей биографического характера, в которых изложение от имени героя начинается перечислением его должностей и титулов, дается его имя, и затем прибавочное слово: «говорит», переводит рассказ в его собственные уста. Обыкновенно эти надгробные автобиографии составлены по шаблону и довольно сухи. Они интересуются почти исключительно заслугами покойного, его отличиями и наградами, милостями к нему «султэна», повествуют о его почетных поручениях, об отношениях ко двору, перечисляют добрые дела и хорошие качества умершего его собственными словами. Иногда эти сухие послужные списки или перечни оживляются рассказом об исполнении им того или другого царского поручения или о заслуге, причем приводятся и документы, особенно царские письма и грамоты, получить которые считалось большой честью, достойной увековечения на могильном памятнике.

Рассказ «сына смоковницы» сохраняет форму подобного рода текстов, начинаясь с перечня должностей, которыми он был облечен уже на вершине своей карьеры. Затем автор переходит к рассказу в первом лице, но не с рождения и детства, а со своего бегства, которое и явилось исходным пунктом событий, приведших к дальнейшему его благополучию и к милостям от царя. И здесь приводятся документы — письмо к нему царя и ответ на него. Даже внешний вид письма, по возможности, сохранен в рукописи, и весь рассказ, начиная с имени героя и других действующих лиц и кончая географической и исторической обстановкой, не содержит решительно ничего чудесного.

При таких условиях естественно возникает вопрос: не имеем ли мы перед собой действительных мемуаров действительного современника первых двух царей так называемой XII династии, носившего имя Сына Смоковницы, — мемуаров, переписанных с камня на папирус, подобно знаменитому тексту об основании Гелиопольского храма, дошедшему до нас не в оригинале на камне, а в копии на коже? Против того можно возразить, что изложение и тон его совершенно иные и не находят себе соответствия даже в таких сравнительно литературных и живых эпитафических текстах, как, например, близкая по времени стэла Ихернофрета или надпись эфептинского вельможи Хирхуфа. Поэтому осторожнее будет, — говорит Б.А. Тураев, — считать, рассказ Сына Смоковницы литературным памятником беллетристического характера, написанным в классическую эпоху Египта характерным для нее придворным стилем, с привлечением любимого тогда элемента приключений за пределами Египта.

Относительно того, что это не подделка, а действительно любимый в свое время рассказ, можно, по-видимому, ругаться. Это не литературный

уник, как все апокрифы. До нас дошли и продолжают доходить многочисленные списки как его всего, так и его частей на папирусе и на ostraca. Его отдельные отрывки, большей частью школьного или гробничного происхождения; всего пока известно двенадцать источников, и из них три папируса. Раньше всех попала в руки ученых большая рукопись № 3022 Берлинского музея, приобретенная в Лондоне в 1842 году с аукциона при распродаже фирмой Sothby коллекция грека Atanasi. Прекрасная с внешней стороны рукопись в 445 сантиметров длины, и 16 сантиметров ширины, заключает в себе почти весь этот рассказ, кроме нескольких строк в начале, большая часть которого (от той же рукописи) была странным образом найдена в 1891 году египтологом Nowberry в коллекции лорда Amherst'a of Hackney в Didlington Hall'e.

Исправность этого документа далеко не может быть названа идеальной, и в этом отношении он уступает несколько более позднему списку, найденному Quibel'ем при раскопках Фиванского Рамессея в сезон 1895/6 года. В одной из гробниц сзади Рамессея был обнаружен деревянный ящик с папирусами очень плохой сохранности. Griffith, которому Квибель передал для изучения свою находку, не был в состоянии расправить папирусы, рассыпающиеся при прикосновении, и поручил это дело известному технику-специалисту при Берлинском музее, Ибшеру. Когда последнему, после долгой кропотливой работы, удалось спасти для науки значительное число кусков, обнаружилось, что они содержат рассказ Сына Смоковницы и другой известный памятник этой же эпохи: «Историю красноречивого крестьянина».

Еще моложе фрагменты папируса, происходящие из коллекции В.С. Голенищева и хранящиеся в московском Музее изящных искусств за № 4657. Они приобретены вместе с другими в Луксоре у одного из местных жителей. Полный экземпляр их состоял, вероятно, из 16 страниц по 16 строк, а до нас дошли обрывки только четырех первых, особенно начало. По исправности рукопись довольно удовлетворительна и дает текст, примыкающий к рамессейскому папирусу. А приведенный здесь перевод Б.А. Тураева представляет текст, исправленный и проредактированный им и по другим отрывкам.

РАССКАЗ СЫНА СМОКОВНИЦЫ

Родовитый князь, судья, начальник владений царя в землях азиатов, действительно известный царю, любимый им, состоящий в его свите, Сын Смоковницы говорит:

Я служил в свите, следуя за моим господином, я был слугою царского гарема при достойной государыне супруге Нофру, великой благоволением царя Сенусерта в Хнумит-асут, дочери царя Аменемхета в Канофру.

В тридцатый год, третий месяц зимы, в седьмой день ушел бог за свой горизонт, а царь Верхнего и Нижнего царства Схотепебра взошел на небо, соединился с солнцем. Божественное тело его соединилось с создавшим его. Двор молчал, сердца скорбели, великие ворота были заперты, придворные опустили головы до колен, народ был в печали, а войско усрал его величество против Африканской (?) земли. Старший сын царя – великий Сенусерт – был во главе его, посланный сокрушить страны, поразить обитателей Светлокожей (!!) страны⁵. Он приходил и приводил бесконечное множество пленных африканцев и всякого рода скота. Придворные чины послали на западный берег известить сына царя о положении, создавшемся во дворце. Посланные встретили его (уже) на пути. Они настигли его ночью – он никогда не медлил, а теперь как кобчик полетел он со своей свитой, не известив своих солдат. Но вот послали к детям царя, находившимся с ним в здешнем войске, позвали одного из них. Я стоял и слышал его голос. Когда он говорил, я был недалеко от дороги. Сердце мое смутилось (от его речей), руки разошлись, ибо дрожь проникла во все мои члены (намек на заговор против Сенусерта). Прыжками удалился я, ища места укрыться, поместился между двумя кустами и предоставил дорогу идущим по ней. (Затем) я направился к югу и оставил намерение возвращаться в столицу, так как полагал, что там произойдет смута, и не был уверен, что останусь в живых после этого.

Я переправился по озеру Маати в месте Смоковницы и достиг острова царя Онуфру. Там я провел день в поле. На рассвете я двинулся в путь и, когда наступил день, натолкнулся на человека, стоявшего на дороге. Он оробел предо мной, испугался меня.

Наступило время ужина. Я дошел до селения Выки и переправился, на судне без руля, под западным ветром, к востоку от каменлюмни Аку и прошел к Небесной возвышенности Владычицы Красной Горы. Я пошел на север и прибыл к Стене Князя, выстроенной для отпора азиатам, для поражения проходящих по пескам. Здесь я согнулся в кустах, чтобы меня не заметили часовые на стене.

Ночью я пошел (дальше). На рассвете я достиг Петена и остановился на полуострове «Великая Чернота»⁶. Напала на меня жажда, она настигла меня, я задыхался, мое горло пылало и я сказал:

⁵ Эпитет «светлокожие обитатели» настолько не подходит для Африки, что соединить их кажется невозможным. Не называлась ли «страной золота» (Aurica) Испания?.

⁶ «Великая Чернота» – горькосолёные озера, остаток морского пространства, соединявшего в доисторические времена Средиземное море с Красным. Египтяне еще в Текстах Пирамид гворят о 5 морях, упоминая между прочим Уадж-уэр (Великую зелень), вероятно Красное море и Дебен, «окружающий Хауи-Небу».

– Это – вкус смерти.

Но я поднял свое сердце и собрал свои члены, когда услышал звук блеющих стад. Я заметил стрелков. Один шейх, бывавший в Египте, узнал меня. Он дал мне воды, сварил для меня молока. Я пошел с ним к его племени, со мной обошлись хорошо.

Страна передавала меня стране. Я удалился из Библа и пошел в землю Востока. Там я пробыл полтора года. Аммиен-шах, князь верхнего Ретену (сходно с русины и латины) принял меня и сказал мне:

– Тебе у меня будет хорошо, ты услышишь египетскую речь.

Это он сказал мне, ибо знал, кто я, и слышал о моих способностях. Ему засвидетельствовали об этом египтяне, находившиеся там у него. Затем он спросил меня:

– Как ты попал сюда? Не случилось ли чего при дворе?

Я ответил:

– Когда царь верхнего и нижнего Египта Схотепебра взошел на небо, то было неизвестно, что произойдет вслед за этим.

Затем я сказал неправду:

– Я уже вернулся из похода на землю Темеху, когда мне было объявлено об этом. Сердце мое смутилось, сердце мое оставило мое тело, оно повлекло меня вдаль. Обо мне не говорили, мне не плевали в лицо⁷, я не слышал порицаний, не было слышно моего имени в устах докладчиков (т.е. обвинителя). Не знаю, что занесло меня в эту страну, – кажется, это воля божия!

Тогда он сказал мне:

– Как же страна осталась без этого благодетельного бога, страх пред которым преследовал иноземные области, подобно богине Сахмат в году ну мора?

Я сказал ему, ответив:

– Его сын, войдя во дворец, воспринял наследие отца своего. Он – бог, не имеющий равного, ибо никто не являлся пред ним – он владыка. Мысли его превосходны, речи – изрядны, выход и вход зависят от его веления. Он обуздывал иноземные области, когда его отец был в своем дворце и он докладывал, что исполнено все то, что ему было поручено. Он – могучий, действующий мечом своим, он храбрый, которому несвойственно быть замеченным при наступлении луконосцев, и бросающимся на злодеев.

т.е. северные области, впоследствии Эгейский мир. Кемуэр уже в этом тексте определен знаком стены, т.е. уже в эти отдаленные времена здесь имелись укрепления для защиты от набегов синайских бедуинов. По легенде, найденной Навиллем в Tell-el-Yahudien эти укрепления воздвигнуты еще богами, когда они царствовали над Египтом, для отражения исчадий Апепи, дракона мрака. (Прим. Тураева.)

⁷ Характерно для представления о нравах и отношении к впадшему в немилость.

Он – тот, кто сокрушает рог и ослабляет руки, не давая врагам своим настроиться для боя. Он радуется, разбивая лбы, нельзя устоять в его присутствии. Он – быстрый, уничтожающий бегущих, нет бегства для обращающихся к нему тыла. Он упорен в час преследования, он возвращается, не обращая тыла. Он – твердый сердцем при виде множеств, он не дает унынию доступа в свое сердце. Он пылок при виде жителей Востока, он радуется, наступая на луконосцев. Он берет свой щит, он попирает, он не повторяет удара, умерщвляя. Никто не может ни отвести его оружия, ни натянуть его лука. Бегут луконосцы от руки его, как от духов Великой богини. Он сражается, не зная конца, он не щадит и ничто не остается. Но он (и) владыка приятности, великий своей сладостью, воспринявший любовь. Любит его град его больше себя самого, он радуется ему больше, чем своему богу. Проходят мужчины и женщины, ликуя в его царствование. Он был владелец, уже находясь в яйце, его лицо было устремлено к этому с рождения, он —умножитель того, что родилось вместе с ним. Он единственный, данный богом. Радуется наша земля, когда он царствует, он расширяет ее границы. Он овладевает южными странами, не подумает ли он и о северных? Ведь, он создан для обуздания стрелков, для поправления бродящих по песку. Пошли к нему, дай ему знать имя твое, не говори зло: «горе его величеству»! Он конечно окажет милость стране, пребывающей в воле его.

Князь сказал мне:

– Конечно, Египет благоденствует, зная, что он могуч. Я хорошо обоидусь с тобою.

Он поставил меня во главе своих детей, сочетал со своей старшей дочерью, дал мне выбрать участок из лучшей части своей области, бывшей у него на границе с другой страной, прекрасную землю, именуемую Иаа⁸, в которой были фиги и виноград, вина было больше, чем воды, большое изобилие меда, множество маслин и всяких плодов на деревьях. Были там и пшеница, и ячмень, а различного скота бесчисленное множество. Обильно было то, что доставлялось мне, благодаря любви ко мне. Он сделал меня начальником племени и лучшей части своей страны. Я пек хлеб каждый день, имел вино постоянно, а также вареное мясо и жареных птиц, не считая антилоп пустыни. Клади предо мной добытое на охоте, не считая того, что приносили мои собаки. Приготавливалось для меня многое в большом количестве, и кипяченое молоко всякого рода.

⁸ Местоположение этого оазиса неизвестно. Мнение Маспего о его тождестве с библейской Айа (Быт. 36,24) не может быть принято уже потому, что последняя находится в области Эдома, слишком к югу от места действия нашего текста. (Прим. Тураева.)

Я провел так много лет. Мои дети сделались силачами, каждый из них стал борцом своего племени. Посол, отправлявшийся на север или на юг — ко двору, останавливался у меня, — я давал приют всем. Я подавал воду жаждущему, я направлял заблудившегося на дороге, я спасал ограбленного.

Когда луконосцы осмеливались выступать против князей равнин, я давал советы во время движения последних, и князь страны Ретену сделал меня на много лет начальником его воинов. В какую бы сторону я ни делал набега и на кого бы ни нападал, я угонял скот, уводил людей, уносил съестное, убивал людей моим мечом, моим луком, моими нашествиями, моими искусными планами. Я был угоден его сердцу. Он полюбил меня — он понял, что я храбр, и он поставил меня во главе детей своих, ибо видел крепость руки моей.

Пришел сильный муж страны Ретену и вызвал меня из моего шатра. Это был выдающийся борец — не было другого такого — он одолел всю страну. Он вызвался бороться со мной и был уверен, что ограбит меня. Его намерением было угнать мой скот, следуя совету своего племени. Князь обратился ко мне за ответом. Я сказал:

— Я не знаю его, я ему не союзник, чтобы ходить по его двору. Разве открывал я его двери и переступал за его ограду? Он злобствует, видя, что я исполняю твои поручения. Я здесь — бык из рассеявшегося стада среди чужого скота. Бык из чужого скота бодает его, длиннорогий бык нападет на него. Разве простолоудин бывает любим в роли начальника? Бедуин не бывает заодно с жителем Дельты. Что прикрепляет соломинку к горе? Но если бык захочет биться, захочет ли другой, храбрый бык отступать из страха пред тем, кто готов помериться с ним? Если сердце его склонно к борьбе, пусть скажет то, что у него на сердце. Разве бог не знает его участи? Как же тогда узнать ее?

Ночью я натянул лук, выпустил несколько стрел, извлек кинжал, вычистил мое оружие.

Когда рассвело, вся страна Ретену явилась и стала побуждать свои племена, она собрала соседние с нею области, ибо она затеяла эту битву. Он прибыл ко мне, когда я стоял, я стал против него. Все сердца горят за меня. Все женщины и мужчины восклицают, что все сердца болят за меня. Они говорят:

— Разве есть другой богатырь, кто бы мог сравниться с ним?

Его щит, боевой топор и пучок стрел упал после того, как я выманил его оружие и дал его стрелам миновать меня. Когда их больше не стало, и один пошел на другого, он кинулся на меня: я пронзил его. Мой дротик засел в его шее. Он упал на нос, я поверг его собственным его топором.

Я испустил победный крик на его спине. Все азиаты воскликнули. Я воздал благодарение Монгу, домочадцы его оплакали его. Князь Амуен-шах заключил меня в свои объятия.

Я взял имущество того, угнал его скот.

То, что он хотел причинить мне, то сделал я против него. Я взял то, что было у него в шатре, я опустошил его двор. Я возвысился, благодаря этому, стал богат имуществом, владел множеством стад.

Так совершил бог, чтобы склониться милостиво к тому, на кого он прогневался, кого он увел в иную страну. Ныне сердце его омыто. В свое время я бежал, как беглец, а теперь обо мне докладывают при дворе. Крадется крадущийся от голода, а я подаю хлеб соседу. Бежит человек из своей земли из-за наготы, а у меня чистое платье из тонкого полотна. Иной человек сам на побегушках, не имея, кого послать, а у меня слуги в изобилии. Хорош мой дом и обширно мое жилище. Обо мне помнят во дворце.

О бог, кто бы ты ни был, определивший мне быть бегльцом, будь ко мне милостив, верни меня домой! Конечно, ты дашь мне вновь увидеть место, в котором пребывает мое сердце. Что может быть больше того, чтобы тело мое было погребено в земле, на которой я родился? Приди, будь за меня. Происшедшее счастливо – я умилостивил бога. Да действует он таким же образом и впредь, чтобы украсить конец того, кого он утеснил, и сердце его да будет при этом сострадать тому, кого он изгнал, чтобы тот жил на чужбине. Умилостивился ли он ныне? Да услышит он молитву удаленного, да отвратит руку свою от того, кого он поверг /и направит его/ к месту, откуда он его вывел. . . Да будет милостив ко мне царь Египта, да живу я в его милости, да буду я в распоряжении «Владычицы земли» в его дворце, да слушаю я распоряжения ее детей. О если бы могли обновиться мои члены! Ведь с наступлением старости дряхлость настигла меня: глаза мои отяжелели, руки мои ослабели, ноги мои потеряли способность сопутствовать, сердце утомлено. Близко отшествие. Да отнесут меня во град вечности! Да буду я и там служить «Владычице вселенной», да беседует она со мной о красоте детей своих, и да будет проводить вечность при мне.

Доложили величеству царя Верхнего и Нижнего Египта Хеперкара о положении, в котором я нахожусь. Тогда его величество послал ко мне с подарками от царских щедрот, чтобы расширить сердце своего слуги, как князя иноземной области. Дети царя, находящиеся в его дворце, передали мне свои поручения.

Вот копия указа, препровожденного к этому слуге касательно его препровождения в Египет.

«Гор, Жизнь рожденных, Владыка Нехана и Буто, Жизнь рожденных, Царь Верхнего и Нижнего Египта, Хеперка, сын Рэ Амен-ем-хат⁹, живущий во веки веков. Царский указ сыну Смоковницы, служащему в свите.

К тебе препровождается этот указ царя, чтобы довести до твоего сведения нижеследующее. Ты обошел чужие страны, пройдя от Кадма до Ретену, причем страна передавала тебя стране, согласно совету твоего собственного сердца. Что ты вызвал этим против себя! Слова твои встречают возражения, хотя ты не злословил. Ты не говорил в совете именитых, а твои речи отвергаются. Такое положение вызвало твое сердце, в моем же сердце не было ничего против тебя.

Твоя «Небесная Высота» (т.е. царица), пребывающая во дворце, здравствует и благоденствует донныне, причем глава ее вознесена высоко в царствовании над землей, а дети ее во дворце. Пользуйся долго тем прекрасным, что они будут давать тебе, живи от даров их. Возвращайся в Египет, чтобы /снова/ увидеть двор, при котором ты находился, поцеловать землю у двух великих врат, занять место среди приближенных. Ведь ты уже начал стареть, потерял мужество. Вспомни день погребения, отшествия к достоинству. Тебе будет посвящена ночь с благовонными маслами и погребальными пеленами из рук богини Таиты. Устроят для тебя торжественное шествие в день погребения, сделают чехол для мумии из золота, с головной частью и с украшениями из ляпис-лазури, небо будет над тобой, пометанным на салазки, быки повлекут тебя, а певцы /пойдут/ впереди тебя, исполнят пляску карликов у врат твоей гробницы. Возгласят для тебя формулу жертвенного стола, заколот жертвы пред твоей дверью. Твои колонны будут выстроены из белого камня среди гробницы царевичей. Ты умрешь не на чужбине, не «стрелки» проводят тебя /к могиле/, тебя не завернут в баранью шкуру – тебе будет устроено каменное сооружение, а всего того не случится. Позаботься о своем теле и приди».

Этот указ дошел до меня, когда я был среди своего племени. Когда он был прочтен мне, я пал на живот, коснулся земли, провел землю по волосам. Ликуя, ходил я по моему двору и говорил:

– Как могло быть так оказано слуге, сердце которого увлекло его во вражеские страны? Поистине бог милосердный, спасший меня от смерти! Ведь дух твой даст мне скончаться на родине!

Копия доклада по поводу этого указа:

«Служитель дворца – сын Смоковницы тот, кто это говорит:

⁹ Здесь допущена непростительная небрежность — вместо имени Сенурсета написали «Анемхет», т.е. скорее всего кто-то вставил сюда по недосмотру совсем постороннее письмо.

– Прекрасный мир тебе! Невольное бегство твоего слуги уведано твоим духом, о бог благой, владыка обеих земель, возлюбленный Рэ, хвалимый Монгу, владыкой Фив, Амоном, владыкой престолов обеих земель, Себеком¹⁰, Ра, Атумом и его эннеалой, Солдом¹¹, Семеру, Гором восточной степи, Владычицей Имет, помещенной на твою главу, сонмом богов, которые над водами, Мином-Гором, пребывающим в иноземных областях, владычицей Великой /короны/, госпожой Пунга, Нут, Горуэром-Ра, всеми богами Тимури¹² и островов Великого Зеленого моря! Они дают твоему носу жизнь и благоденствие, они щедро наделяют тебя, они даруют тебе вечность без конца, непрестанность без пределов. Страх пред тобой возвещается на равнинах и горах. Ты подчинил все, что обтекает солнце.

Просьба слуги к своему господину: «Спаси /меня/ от заботы!» Владыка ведения, знающий людей, да узнает это в величестве дворца! Слуга боялся высказать это, а повторить это – уже великое дело! О бог великий, подобие Ра в том, что он умудряет предоставленного самому себе! Ведь если слуга в руках того, кто промышляет в нем, и предоставлен его водительству, то и величество твое подобно Гору-победителю, и рука твоя простирается до пределов всех земель. Да повелит же твое величество доставить /в Египет/ Маки из Кедма, Хентияуша из Ханткеша, Менуса из земель Фенеху. Это – князья известные, пребывающие некогда в твоей любви, теперь забытые. Страна Ретену – твоя, как верная собака.

«Бегство, учиненное твоим слугой, не сознавалось им, так как оно не было в моем сердце, и я его не замыслил. Не знаю, что сдвинуло меня с места. Это было подобно тому, что житель Дельты увидел бы себя на Элефантине, человек из болот – на земле Нубийской. Я не боялся, за мной не гнались, я не слышал выражений порицания, не слышали моего имени в устах докладчика – а члены мои тряслись, ноги мои неслись, сердце мое вело меня, и бог, определивший это бегство, влек меня. Ведь я не поднимаю спины, я человек пугливый, знающий свою землю, ибо вселил Ра страх пред тобой в Египте, ужас пред тобой – во всех странах. Будь я на родине, или будь я здесь, ты властен заволакивать горизонт. По воле твоей восходит солнце, по воле твоей льют воду Нила, по слову твоему вдыхают воздух неба».

«Слуга твой передаст преемнику должность визиря, которую он нес там. Конец тому, что написал слуга.

¹⁰ Себек – крокодиловидный бог Фаюма, находившегося вблизи резиденции царей XII династии, почему особенно чтившийся. Прим. Тураева.

¹¹ Солд – копчиковидный бог Аравийского Нома, бог Востока.

¹² Тимури – поэтическое название Египта, особенно Дельты. Происхождение и значение неизвестно.

Да поступит твое величество по воле твоей, ибо живут от воздуха, который ты даешь. Благоволят Ра, Гор, Хатор к твоему почтенному носу, и Монту, владыка Фив, хочет, чтобы ты был вечен».

Они пришли к слуге. Дали мне провести день в Йаа и передать все мое имущество детям, причем мой старший сын стал над моим племенем, и в его руки перешло все мое имущество, мои крепостные, весь мой скот, все мои плоды, все мои плодоягодные деревья.

Слуга отправился на юг и остановился у путей Гора, где находится комендант, стоящий во главе пограничного отряда. Он послал вестников с донесением ко двору. Его величество отправил искусного начальника дворцовых земледельцев и с ними суда, нагруженные царскими подарками для луконосцев, которые прибыли со мной, препровождая меня к Путям Гора. Я назвал каждого из них по имени. Все слуги были при исполнении своих обязанностей. Они мешали и цедили при мне. Я продолжал путь, распустив парус, пока не прибыл в город Итгатуи.

Когда рассвело, пришли ранним утром и позвали меня. Десять человек шло, десять человек суетилось, сопровождая меня во дворец. Я коснулся челом земли между изваяниями. Царевичи, стоявшие во вратах, вышли ко мне навстречу, а придворные чины, допущенные в Зал Разлива (Нила?), указали мне путь к зале аудиенции. Я застал Его Величество на троне. Упав перед ним на живот, я потерял сознание, а этот бог обратился ко мне милостиво. Я был подобен человеку, которого схватили ночью. Душа моя ушла, члены мои расслабели, сердца не было в теле, и я не мог распознать жизни и смерти.

Его величество сказал одному из придворных:

– Подними его! Пусть он говорит мне!

Его величество сказал:

– Вот ты пришел, пройдя по иноземным областям, совершив путешествие по обширным пространствам. Теперь овладела тобой дряхлость. Ты достиг старости. Не малое дело, что тело твое будет погребено, и тебя не проводят стрелки из лука. Не молчи же, не молчи же! Почему ты не говоришь, хотя назван по имени?

Я боялся кары и ответил как человек, который боится:

– Что сказано мне моим господином? Если я смогу, отвечу, что моей вины не было. Это рука божества, это страх, бывший в моем теле. Они как бы выполнили то, что определила мне судьба: бегство. Вот я пред тобой, тебе принадлежит жизнь. Да поступит Твое Величество по воле своей.

Велели привести царевичей. Его величество сказал царице:

– Вот пришел Сын Смоковницы, как язычник, как прирожденный бедуин.

Она испустила громкий крик, а царевичи воскликнули все вместе. Они сказали пред его величеством:

– Право, это не он, о царь, господин наш!

Его величество сказал:

– Нет, это действительно он!

Они взяли свои ожерелья, свои сестры-сахемы, свои сестры-сешешты в руки и поднесли их к его величеству, восклицая:

– Руки твои на Прекрасной /богине гетере/, о царь долголетний! Они на украшении Владычицы неба. Да даст Златая, (т.е. Венера) жизнь в твой нос! Владычица звезд соединяется с тобой, южная богиня плывет на север, северная – на юг, соединенные и связанные изречением Твоего Величества. Помещена змея Уаджит на челе твоём после того, как ты отдалил граждан от зла. Милостив к тебе Ра, о владыка обеих земель! Слава тебе и владычице вселенной! Ослабь твой лук, отвяжи твои стрелы. Дай дыхание задышающемуся, дай нам праздничный подарок, награди нас этим Сыном Северного Ветра, инородцем, родившемся в Тимури: ведь он бежал от страха пред тобой, оставил страну из боязни тебя. Не ужасается лицо видевшего тебя, не боится оно., воззрившее на тебя.

Его величество сказал:

– Да не боится он и да не предается страху. Он будет придворный среди придворных, он войдет в круг придворных. Ступайте в «Дом Почтения», чтобы приготовить его к его положению.

Тогда я вышел из Зала аудиенций, а царевичи подали мне руки, и мы пошли затем к двум великим вратам. Я был помещен в доме царевича, в котором находились драгоценности, был бассейн, изображения горизонта, сокровища казны, одежды из царского полотна, мирра и первосортное благовонное масло, потребляемое царем и любимыми им придворными.

Все это имелось во всех покоях, причем каждый слуга, находясь при исполнении своих обязанностей, скидывал /мастями/ годы с моего тела. Я был обрит, мои волосы причесаны. Я отдал нечистоту пустыне, свои одежды – обитателям песка. Я был одет в тонкую ткань, умащен лучшим маслом, стал спать на постели и отдал песок живущим на нем, деревянное масло – тем, кто им умащается.

Мне был дан дом, приличествующий владельцу округа, из таких, какими владели придворные. Много мастеров работало над ним, и все деревянные части были в нем устроены заново. Продовольствия из дворца носили мне ежедневно по три, по четыре раза, не считая того, что давали царевичи. Не было ни одного часа замедления.

Была выстроена для меня каменная гробница в кругу гробниц. Каменщики, строители гробниц, отметили ее пространство; начальники живописцев расписали ее, главные ваятели произвели скульптурные работы,

начальники рабочих горы Некрополя взяли на себя хлопоты по этому делу. Там были все принадлежности погребения, поставленные в шахту, и что следует для нее. Назначены были мне заупокойные жрецы. Устроен мне был верхний сад и в нем поля пред моим городом, как делается для первого из придворных. Моя статуя была позолочена, ее опоясание было покрыто электром. /Сам/ Его Величество повелел ее изготовить. Не было простого человека, которому было оказано подобное.

Я был в милости у царя до наступления дня моей смерти».

Затем следует приписка:

«Доведено от начала до конца, как было найдено записанным»¹³.

Так оканчивается рассказ Сына Смоковницы, первый зародыш реалистического романа, не содержащий ничего чудесного. Более короткие по-смертные надписи в такой же автобиографической форме, – повторяет В.А. Тураев, – принадлежат к числу наиболее характерных произведений египетской письменности. Они начертаны на стенах гробниц, на плитах, на портретных статуях. Начинаясь почти всегда с перечня титулов и должностей покойного, как в этом рассказе, они затем влагают в уста названного рассказ о себе в первом лице. Особенно любили рассказывать об исполнении царских поручений, причем приводили и документы, особенно царские письма.

Весьма редки только женские автобиографические надписи. До нас дошел лишь текст, влагаемый в уста жрицы Хатхор, мемфисянки Ти-Тхути, который я также даю в полном переводе.

Мемфисская жрица Ти-Тхути¹⁴.

Супруга «очей царя Верхнего Египта», царского писателя исчисляющего все вещи, начальника житницы Джа-Анхуп-имушмать «кушей царя Нижнего Египта», главного херихаба, царского писца Бенанта, Ти-Тхути, дочь супруги Ти-Агум, говорит:

«Да будет благо всем людям, входящим в мою гробницу и выходящим из нее в Некрополе «Душа душ», в прекрасном округе «Великого великих», по великой лестнице Служителей Гора, в великом некрополе Эннеады, гробницы царей Верхнего и Нижнего Египта, на западном горизонте Создателя неба, где он почил как Агум. Голова моя при мне, очищение мое в Некрополе произведено жрецом по имени «Гроб после меня», сердечно.

Читайте то, что написано; слушайте то, что я совершила, будучи на земле. Подвиньте сердце ваше, послушайте речь мою, вонмите похвалам моим!

¹³ Обычное послесловие литературных текстов эпохи Среднего Царства.

¹⁴ Венский музей № 172.

Прекрасная Сахмет сотворила меня на благо, Хнум-Горшечник родил меня на пользу. Я шествовала по пути Хатар, страх ее шел позади моего тела. Сердце мое повелевало мне поступать по ее воле, и я была встречена ею с похвалой. Когда я сплетала жен с домами их мужей, сердца их были полны мной, и они не удалялись. Я воспитывала младенцев, я погребала достойных. Слушался меня сын славного, Я отстраняла кварц, я носила малахит, я защищала вдов в их невзгодах. Украсила меня /за это/ Златая /Венера/ среди привечных, приблизила меня среди священных. Она увеличила нежность ко мне писателя, писца-счетчика всех вещей, благого бога, она облагородила меня сыном, она украсила меня дочерью, она снабдила мой дом людьми. Она дала мне быть с ним. Когда он снимал знаки своего достоинства, никакая другая не была в его сердце вследствие моих достоинств. Вышедший из меня (т.е. сын мой), спутник ног Его Величества, заместивший его, когда тело его погребалось, бальзамировал его благоговониями работы бога Сешема, с пеленами из лучших тканей, приготовленных руками богини пряжи. Все обряды были совершены для него достойнейшим образом в гробнице отцов его. Ликуют при виде его те, которые находятся там, его предки, веселясь пред ним. Вот бог создал для него твердую гору в небе, усугубленную миллионами миллионов, без разрушения».

Супруга царского писателя, мать главного херихеба, Ти-Тхуги говорит: «Сердце мое влекло меня, когда я была еще младенцем и не знала хороших мыслей. Сердце мое повелевало мне без затруднений и бог похвалил меня за это. Он возвеселил меня свыше блага, он сделал меня подарком для ходящего по воде его, он возвел моего сына во главу седалища Тота, в управители храмов всех богов, в распорядители в храмах... в того, кто ведет счет всех сокровищ дворца. Его преемник, служа владыке обоих земель, возносит главу свою в именитые, они близки к царю и к его свите во всех тайных покоях дворца. Ликует сердце мое, широко мое седалище, голова моя достигает неба. Поднято лицо мое ради того, что предо мной, видя их деяния пред владыкой обоих земель. И я молюсь владыке богов, а они сидят на престоле Гора его величества, страх пред которым до круга земли, предел могущества которого – четыре угла неба, время которого – как у неба, жизнь – как у солнечного диска, число лет царствования – как песок морского берега.

Златая /Венера/ возвеличила семья мое и одарила меня. Она помазала меня в час, когда годы мои прошли и часы мои исполнились. Когда я входила в Горизон Обоих земель, Мемфис шел на всем своем протяжении, провожая меня. Я приблизилась к моей гробнице в Некрополе. Совершенно по мне заупокойная служба жрецами «хонтами» и «главными уэбами» в храме Пта. Великий «херихеб» совершил обряд, как жрец Сакары, были

прочтены праздничные тексты, согласно предписанию владыки богов, соответственно времени. Все обряды /были совершены/ без погрешностей. Я набальзамирована во благо мне великим тайноведцем, Приставником того, кто в Некрополе Хани-Осириса. Стражники гробницы распределили между собой часы по очереди своего месячного служения. Направлялись и к югу, и к северу /люди/ всяких званий, совершая каждение. Маслоделы храмов выжимали для меня елей от своего достатка. Все часовые жрецы исполняли для меня свои работы, руководя обрядами, исполняемыми согласно книгам. Они совершали /их/ в тайне на западе Некрополя, в Расетау.

Я говорю вам: все подходящие к гробнице, в которой я нахожусь, сведущие во всем, искусные в писании! Ведите жен ваших к мыслям шествовать по пути владычицы богов – это полезно во всех отношениях. Она руководила нами по воле своей как ей угодно, она руководит богами и людьми. Слушайте меня, скажите «хорошо» на мои слова, не говорите «худо» на мои изречения. Златая богиня слушает глас мой все больше и больше. Не будьте враждебны ко мне, приближаясь к моему гробу, не пропойте «Царь дает дары» и «тебе будет принесена жертва, тебе будет совершено совершаемое. Руководитель шествия, главный херихеб, распоряжающийся вступлением жреческих очередей и руководящий должностными лицами в их работах, чтобы они шли по воле того, кто им приказывает, совершает обряды при следующих своих возгласах:

«Имя твое возглашается прежде всего! Совершаются обряды «вознесения лица», исполняемые жрецом «керес-ем-хетом». Дают тебе приношения пред алтарем, праздничный запах от лучших мяс, когда идут души к жертвенникам, насыщаясь, и получают их с алтаря. Произносится имя твое прежде всего, когда называются все имена Осирису. Курение /да будет/ на твоём алтаре, возлияние твоему «ка» во всякое время возглашения славословий. Да выходишь /ты/, не задерживаясь, да входишь ты невозбранно, да оживешь ты и не погибнешь, будешь юна и не будет беды твоему «ка!». Всякий идущий из дома твоего, как спускавшийся к своему брату, /да будет/ с обновленным образом в обители богов вовеки. В то время, как твое имя будет в устах живущих на земле, ты, подобно богу Рэ, не испытаешь разрушения».

Такова надпись от имени умершей женщины, и в этом же роде мы находим и мужские.

Вот хотя бы надпись на Ватиканской статуе № 97, голова которой была отбита, но реставрирована и на ней сзади нацарапаны фальшивые иероглифы:

«Достойный у Хагор, владычицы Мефката, божьей матери, дщери Неба, совершающи таинство жертв, великий жрец «уэб», знающий то, что его касается, знающий таинство священных изображений, созерцавший Сокровенного телом и Дивного ликом, премудрый, знающий то, что он делает и то, что угодно сердцу его города, тщательный в хождении, превосходный отец, любимый своим городом, похваленный своим отцом, достойный у своей матери, радость сердца своих братьев, священник «сек» бога Ху, священник «хонт» светлого бога Гора, священник «сек» Тота, Хер-Ра, сын /стерто/... говорит:

– О мать бога, владычица Мефката, око Ра, владычица богов. Я искал полезного для твоего дома, /ибо/ я был праведен сердцем, ходил по твоей воле. Я прибавил к твоему городу участок пахотной земли, увеличив то, что было раньше. Я охранял граждан.

Молюсь я тебе, мать бога, владычица Мефката! Дай дни жизни, дай благоденствие моему гробу, дай долголетие и здравие и прекрасное погребение по преставлении также казначею Дже-Гогу, сыну Менхиба, рожденному от хозяйки дома Не Фертау. Он поставил это изображение Хатор, моей владычицы, после того, как прекрасно похоронил меня¹⁵. Он обновил это погребение через 33 года, употребив священное помазание и пелены из своего хозяйства.

О, каждый входящий в этот храм и из него выходящий! Да будут сердца ваши благостны к этой статуе, находящейся под охраной златой богини, во все праздники ее!

О владыка правды. Я праведен. Я простираю руки мои, объемя тебя, да сделаю, чтобы ты был моей защитой. Молюсь я тебе, бог великий, владыка Феката, утверди сына моего Манхиба казначеем в великой придворной должности. Награди мой «ка» среди превосходных «ка» преисподней. Сохрани мой дом вовеки!»

Таковы первые начатки современных автобиографических романов. Читатель видит, что эти автобиографии на самом деле писались уже после смерти тех, от лица которых говорилось, а потому приписывались им и предварительные мысли о собственном погребении. И мне кажется, что если читатель подумает, что в Египте знатные лица еще задолго до своей смерти уже приготавливали себе могилы, то он сильно ошибется...

¹⁵ Хорошее указание на то, что «автобиографии» не всегда имели авторами тех, о ком повествуют. В данном случае она составлена при внуке покойного.

Глава III

ЗВЕЗДА-ЦАРИЦА.

БИБЛЕЙСКИЙ МИФ О РАЗЖАЛОВАНИИ ЗВЕЗДОЧКИ «МЕТКИ» ОВНА ИЗ ЦАРИЦ ВЕСЕННЕГО РАВНОДЕНСТВИЯ. КНИГА «ЭСФИРЬ», КОМЕТА ГАЛЛЕЯ 837 ГОДА

Предварительные рассуждения.

Начало этого исследования было заложено еще в 1883 году, во время моего заточения в Алексеевском равелине Петропавловской крепости. Там после полуторагодичного запрещения читать какие бы то ни было книги мне дали наконец Библию на французском языке в издании 1815 года, оставшуюся, по-видимому от Декабристов, и я тогда же обратил внимание на то, что название одной из ее книг Эсфирь (по-французски созвучно с греческим Астар, т.е. Звезда), и у меня появилось предчувствие, что сюжет этой повестушки заимствован из каких-то небесных событий, имевших место перед глазами ее автора-астролога.

Я тотчас подумал, что персонифицированная тут в женщину Царица-звезда, должна быть действительно «звезда», что враг ее народа Хаман – комета, налетевшая на созвездие Зодиака, а покушение на жизнь царя – неполное в той стране солнечное затмение. Но, не видя тут дальнейших опор для вычисления времени своего рассказчика, я ограничился после своего освобождения в 1905 году лишь несколькими отметками в моей Библии. Затем после выхода VI книги «Христа» мое внимание к этой «звезде» было привлечено в 1931 году письмом ко мне гебраиста В.И. Топоровского, который в последние годы пришел тоже к заключению, что тут намешана астрология, и предложил мне обратить на Эсфирь внимание.

В сентябре и октябре 1933 года я вновь пересмотрел «Звезду» и прежде всего пришел к выводу, что она первоначально была написана не на еврейском, а на латинском средневековом литературном языке, подвергшемся уже сильному греческому влиянию. Признаки этого действительно сразу же бросаются в глаза.

Возьмите, например, русский перевод какого-либо иностранного романа. Все в нем написано по-русски, а имена действующих лиц иностранные, и по ним вы сразу определите, с какого языка сделан перевод, хотя бы на его титульном листе и не было ничего сообщено об этом. Тем более относится это к древней литературе, когда еще не было международных

имен в честь греческих и латинских святых, вроде Николая, Павла, Ксении, Вероники и т.д., а только национальные прозвища, вроде Веры, Надежды, Любви, Святослава, Владимира и т.д.

И вот, перечитывая в 1923 году книгу Эсфирь уже после того, как я ознакомился с еврейским языком во время моего дополнительного заточения в 1912 году, я с удивлением увидал, что в этой чисто светской повестушке, где ни разу даже не упоминается слово «бог», нет ни одного действующего лица, еврейское имя которого не было бы изуродовано, а другие имена — прямо греческие и латинские. Так самое слово Эсфирь¹ представляется таким же чуждым для еврейского уха, как Фанни и Люси для русского, да и самое слово «Звезда» по-еврейски всегда читается Кохаб <...>, а не Эстер. Имя царя, ее супруга — Агасфер, — опять не имеет значения по-еврейски, а по-гречески значит — «Святосферный», т.е. Царь Святой сферы, царь неба, каким называлось Солнце². Современные евреи произносят его Агаш-вериош, но это лишь потому, что греческое С постоянно переходит у них в Ш и правильное читать его Ага-сферос, с характеристическим окончанием греческих слов мужского рода на ОС или латинских на УС.

При рассмотрении всех собственных имен в этой книге с филологической точки зрения нетрудно установить в ее истории два момента. Прежде всего можно видеть, что написанная первоначально на эллинизированном латинском языке или на латинизированном греческом, она была переведена на еврейский, причем часть греческих собственных имен, т.е. прозвищ, была тоже переведена по их смыслу, а другая часть осталась без перевода, но с обычными еврейскими искажениями, вроде уже указанной замены звука С через Ш.

Затем произошло обратное явление. Принятая позднее за чисто еврейскую книгу, она была переведена вторично и на греческий, и на латинский языки, но с сохранением еврейского искажения собственных имен. Кроме того, имена эти подверглись и новым искажениям со стороны лиц, уже не понимавших астрологического содержания книги и хотевших связать ее со своими псевдоисторическими представлениями. Так, этот самый Агасфер в греческом и славянском тексте называется уже Арта-Ксерком³. А в том, что такое его переименование было сделано совершенно

¹ По еврейской транскрипции имя Эсфирь пишется АСТР <...>, в латинской Библии <...>, по-гречески <...> Эстер. Как отголосок первичного астрономического смысла этого имени Талмуд сопоставляет его с именем Астарта <...> — Венера, но это неправильно. Астартою называлась планета Венера, не имеющая по мифологическому смыслу ничего общего с «Эсфирью».

² Агиосферийон — Святошар.

³ По-еврейски сократительно АХ-ШВРОШ или АХ-ШВРУШ <...>, по-латыни <...> или <...>, по-английски <...>, а в греческом Арта-Ксеркс <...> — искажение первоначального слова Право-царственный <...>.

произвольно, убеждает прежде всего то обстоятельство, что гебраисты и до сих пор не знают, куда сунуть этого Арта-Ксеркса-Агасфера. По словарю Штейнберга, в книге Эсфирь его надо считать за Ксеркса, а в книге Евдра (IV, 6) – за Камбиза, а в книге Даниил – за Циаксара Мидиского... Так почему бы и не за Людовика Благочестивого?

Круден в своем <...>, приложенном к <...> издания Самуила Багстера в Лондоне, пытается придать этому имени общее значение: «шеф», но без малейших объяснений. Транскрипция первого корня этого славного слова по-еврейски может значить только: родственник, жаровня, филин и простое восклицание ОХ! А второй корень ШВР или ШУР может значить только подстерегающий враг; стена и Телец (вместо Тур). В этом смысле еще можно было бы перевести: брат созвездия Тельца, но почему же брат?

В.С. Топоровский пытается произвести это имя от <...> (ХШР) – ступица колеса, отождествляя ее с солнцем, но и это могло бы быть лишь после Коперника, поставившего Солнце в центр планетных орбит.

Тут в общем ничего не остается делать, как аналогично не вызывающему никаких споров производству имени Эсфирь от греческого Астер – звезда, производить и имя ее царя тоже с греческого языка, тем более, что и в других именах этой повестушки мы видим греческое происхождение. Вот хоть несколько примеров.

В 9 главе, в строках 5–10 рассказывается, как «народ божий» (т.е. небесные звезды) перебил в Светлом Чертоге (по-еврейски в Шуше-бире) десять братьев адептов Хамона, т.е. огненного Жала⁴; как могла называться только комета, имевшая вид жала. Такими и представлялись иногда в древности кометы (рис.). А десять ее адептов должны быть десять созвездных фигур, принявших комету. Второй из них назывался Дольфон, т.е. созвездие Дельфин⁵, как звучат и латинское и греческое его названия, и это не оставляет сомнения в том, что и остальные девять его братьев представляют тоже созвездные фигуры, через которые прошла комета. Лишь половина из них имеет смысл на еврейском языке, а другая половина взята с латинского или греческого. Но и еврейская половина с житейской точки зрения настолько нелепа по смыслу, что известный английский гебраист Круден отказался их объяснять, да и не мог, конечно, ничего сделать, не зная астрологии. Но мы это сделаем без труда.

Так, девятый брат – Аридей – явно происходит от еврейского корня АРУД <...> созвездие Гидра, а Узага <...> – от латинского <...>, т.е. созвездие Чаша (на Гидре).

⁴ Хамон от корня ХМА <...> — жало.

⁵ Латинское <...>, греческое Дельфин <...> и еврейское <...> ДОЛФИН. а в библейской транскрипции (ДЛФОН) произносится Дальфон.

Отсюда мы видим, что описываемый враг народа божия – Комета «Огненное Жало» – прошла от созвездия Дельфина к Гидре и Вазе (Чаше), а остальные созвездия мы можем отождествить по промежуточному пути.

И что же мы видим?

Перед созвездием Дельфина находится на небе Крылатый Конь – Пегас, – да и в библейском перечислении мы находим перед Дельфином «Паршандату», т.е. Верховного Коня⁶. Отсюда до Гидры комета должна была неизбежно пройти через промежуточные созвездия и прежде всего через Стрельца. И параллельно этому мы находим по-латыни <...>, от еврейского корня ЕЦ <...> – стрела, а по-гречески тут стоит Фазга (по-славянски Фазган), от греческого корня Фазганон – меч. Затем идет четвертый брат, который в еврейском и латинском тексте называется Фората от еврейского ФРД – конь, созвучно с немецким в греческом Бардата, а в славянском Фардафан, что указывает на разноречие номенклаторов, и это объясняется тем, что комета прошла тут не через созвездие, а через ветви Млечного Пути, и корнем этих слов вероятно было слово Парут <...> – ветви. Затем следует по-еврейски и по латыни пораженный кометой брат Адлиа, соответствующий по месту созвездия Орла, но к нашему удивлению с ним созвучно и осмысленно только немецкое слово <...> – орел, а по-гречески он назван Варел, созвучно и осмысленно только со славянским словом Орел, в простонародном произношении Ворел или Уорел. Затем следует Аридата, от корня Аруд – водяной змей, а соответствующим созвездием является Змиедержец, который в греческом тексте почему-то назван Варбахом или Варвахом, а в славянском – Сарваканом, созвучно с еврейским сочетанием Цар-Бика <...> – царь ущелья в соответствии с тем, что Скорпион находится тут же в Ущелье Млечного Пути. Затем в еврейском, латинском и славянском и греческом Мармасим, соответствующий созвездию Весы. После него и в еврейском и в латинском тексте мы видим Арисад, созвучно с <...> – Овен, но это созвездие не подходит на пути кометы и потому скорее всего можно заключить, что тут было первоначально <...>, аналогично окончанию на – <...> большинства этих имен. В таком случае это и будет искажением слова Ариц <...>, т.е. Лютый, какого мы и находим в созвездии Скорпиона. По-гречески же здесь стоит Руфанон, а по-славянски Руфей, слово, не имеющее смысла ни по-еврейски, ни по-латыни, ни по-славянски, ни по-гречески.

Затем идет уже упомянутый Ариди, т.е. Гидра Водяная Змея и, наконец, последний брат по-еврейски – Вайзага, по-латыни <...>, по-гречески

⁶ По еврейской транскрипции ПРШНДА <...> читается Паршандта от корня ПРШ <...> — верховой конь, а также и всадник, рыцарь. По-гречески же здесь стоит Фарсанесан <...>, по-славянски Фарсан Нестон, по латыни <...> и по-английски <...>, все имена, не имеющие смысла.

Завугата и по-славянски Завуесеан. По очертанию пути здесь должно быть созвездие Чаша, или Ваза, что созвучно с Вайзатом, и этим перечисление сыновей кометы кончается.

Астрология тут так просвечивает, что очень трудно сомневаться в созвездном значении всех этих имен, где легко узнаваемые имена Дельфин (Дальфон) и Гидра (Ариди по-еврейски) настолько точно определяют начальное и конечное положение кометного пути, что промежуточные созвездия определились сами собой. А потому легко установить и время этой кометы по приведенному мною кометному реестру в VI томе «Христа». Здесь возможны только два астрономических ответа. Это – два ужаснувшие всех появления кометы Галлея в 837 и 1066 годах. Рассмотрим же каждый случай особо.

Вот рассказ «найденных» в Китае католическими миссионерами летописей Ша-Ке и Ма-Туан-Линь по шанхайскому произношению о ее появлении в 837 году.

«28 марта 837 года, когда солнце было в Рыбах, появилась комета около Альфы Водолея и Эпсилона Пегаса (т.е. в утренней видимости, около Малого коня). Она была 24 марта в 7 локтей длины, ярка и быстро двигалась (против солнца). Дошла до Беты Водолея 29 марта, идя (попнятным путем) в Дельте и Ми Стрельца (т.е. как раз мимо Дельфина и Орла, по-славянски Барла, под Стрелюю); 6-го апреля хвост ее равнялся 10 локтям. Она 7 апреля была у Эпсилона и Ми Водолея (т.е. на границе с Козерогом у Орла), причем ее хвост имел длину 20 локтей и в ширину 3 локтя, 9 апреля голова ее была у Дельты и Ми Стрельца; 10 апреля хвост ее достиг 50 локтей длины и разделился на две ветви, из которых одна показывала на Весы, а другая на Бету Скорпиона. 11 апреля ее хвост достиг 60 локтей длины, но ветви пропали (комета прошла очевидно через Змиедержца, Скорпиона и Весы к Колосу Девы (область <...>). 14 апреля хвост ее дошел до Ламбды и Ми Гидры (т.е. пройдя через Чашу), достигнувши огромной величины 80 локтей 28 апреля, ее ядро наблюдалось около Альфы Льва и хвост уменьшается до 3 локтей».

Аналогично этому и астролог Людовика Кроткого отмечает, что на пасхе (1–7 апреля) появилась большая и быстрая комета, которая в 25 дней пробежала (очевидно, своим хвостом) созвездия Льва, Рака, Близнецов, доведя хвост до Тельца у ног Возничего, и говорит:

«Король призвал меня в Аахен <...> и спрашивал о значении этого знамения, потому что я изучал небо, и я пытался успокоить его, указывая на слова Писания: “Не бойтесь знамений неба”.

– Я не боюсь знамений, – отвечал мне этот благочестивый монарх. – Но я боюсь всемогущего создателя их, создавшего также и меня. Без сомнения, господь указывает мне, что я должен готовиться к смерти».

Пэнгре, впервые вычисливший орбиту этой кометы, нашел, что она прошла через перигелий 1 марта, а Коуэлл и Кроммелин дают 2 февраля. Таким образом, почти весь описанный путь показан здесь только от прохождения кометы через Перигелий. И он вполне подходит к описанию в библейской книге «Звезда».

Посмотрим теперь и на проявление той же кометы в 1066 году, производшее не менее волнений в народах.

Вот что говорит китайская летопись Ма-Таун_Линь.

2 апреля (когда солнце было в Рыбах) появилась утром комета длиною более 7 локтей около Альфы Пегаса, направив (очевидно, хвост) к области Эпсилон и Ми в хвосте Скорпиона (т.е. несколько южнее, начиная от звезд Эты и Пи Водолея на границе с Пегасом).

Постепенно приближаясь к Солнцу (шедшему из Рыб и Овна) она пропала в его лучах, а 24 апреля (когда Солнце уже переходило в Тельца) она снова появилась, но уже в вечерней видимости на северо-западе (т.е. около Персея). Не имея яркой оболочки, сначала она казалась обыкновенной звездой. Быстро увеличиваясь в размерах, она окуталась затем белым туманом более 3 локтей в ширину. Последовательно вырастая, хвост ее достиг до Полярного Круга, до Полярной звезды по другую сторону до Беты Скорпиона (*т.е. протянулся через все небо от Персея через полюс неба до Клеши Скорпиона*). Голова и хвост ее были как бы затемнены облаками. Затем хвост ее пересек Большую Медведицу и Хвост Скорпиона (звезд <...>). 25 апреля она прошла над Альфой и Бетой Возничего и Бетой Тельца, имея 15 локтей длины и окружившись туманом, который разделился на две ветви. Она пересекла хвостом небо, пройдя сквозь Альфу и Бету Близнецов, Альфу и Бету Льва и дойдя до Колоса Девы, до Весов и Беты Скорпиона. Она пропала у Сердца Гидры, пройдя 14 звездных делений, и видна была 68 дней.

А европейские записи говорят, что 2 апреля комета в утренней видимости была близ Теты Рыб (т.е. недалеко от Альфы Пегаса, указанной в предшествовавшем описании), а 24 апреля стала вечерней звездой. Затем 25 апреля с восточной стороны кометы появился хвост, увеличивавшийся с каждым днем, тогда как голова уменьшилась, и к началу мая ее хвост не заходил всю ночь до утренней зари.

Саксонская хроника и другие западноевропейские летописи говорят, что «предводимые ею норманны завоевали Англию». А «Нестор» пишет:

«В сии времена бысть знамение на западе, звезда превелика, лучи имуща ака кровавы, восходяща с вечера по закате солнечном и пребысть 7 дней. Проявляла (т.е. возвещала) не добро, по сем бо было нашествие поганых на Русскую землю».

И он сопоставляет это со знаменами, описанными в Библии во II книге Маккавеев... И не даром.

Мы видим, что и это появление кометы Галлея тоже очень знаменательно и потому рассмотрим оба случая по отношению к нашему предмету.

В книге «Звезда» говорится, что ранее этого события были и другие. Так целый год «метали жребии о судьбе народа божия», т.е. наблюдались падающие звездочки: два раза «посылали во все стороны экстренных гонцов на рысаках до Светлого города», т.е. были огнеметы падающих звезд из одного радианта. И, кроме того, описано покушение на жизнь «Царя светлой небесной сферью», т.е. солнечное затмение, задуманное двумя слугами и раскрытое Мардохеем-Марсом еще около 5–10 лет до описанной кометы.

I. Небесные обстоятельства перед 1066 годом были такие:

В 1066 году Сатурн был между Тельцом и Близнецом, Юпитер в Раке, а Марс (по-еврейски Мартук-ий, т.е. Божий Марс) шел как и в 1939 году, т.е. от января по июнь описывал петлю между Львом и Девой.

Перед кометой 1066 года были и солнечные затмения:

1) За 5 лет – 20 июня 1061 года было полное в середине Близнецов, над 100° современной нам эклиптикальной долготы. Полоса полной видимости его, начавшись на восходе солнца в Сахаре, прошла утром через Суэцкий канал в Азию, причем оно было видимо как частное даже и в Царьграде. Сатурн был в тот день тоже в Близнецах, Юпитер в Водолее, Марс – в Овне. Оно очень подходит, так как двумя внуками тогда и окажутся Близнецы.

2) За 8 лет – 25 февраля 1058 года было затмение под 354° эклиптикальной долготы в Рыбах. Оно прошло от Южной Америки через Сахару и Кипр и закончилось в Малой Азии. Опять очень подходит, тем более, что кроме покушения в греческом тексте дан и месяц февраль. Сатурн был в Тельце, Юпитер в Скорпионе, Марс между Овном и Тельцом.

II. Небесные обстоятельства перед 837 годом были таковы:

В 837 году Сатурн был в Скорпионе, Юпитер в Овне и Марс-Мардукий шел как в 1847 году, т.е. от июля по декабрь описывал петлю в Овне. А солнечные затмения были:

1) За 4 года – 17 сентября 833 года было затмение а Деве. Полоса полной видимости началась в Ньюфаундленде в Америке, прошла утром через Гибралтарский пролив и к вечеру в Сомали. Сатурн был в Деве, Юпитер в Скорпионе, Марс описывал петлю в Скорпионе от февраля по июль.

2) За 8 лет – 30 ноября 829 года было кольцеобразное затмение в Скорпионе. В центральной фазе оно наблюдалось к юго-востоку от Суэцкого перешейка на восходе солнца и ушло через Бабдельмандебский пролив в Индийский океан. Сатурн был во Льве, Юпитер – тоже, Марс ушел в Стрельца.

3) За 10 лет – 27 июля 827 года было затмение во Льве, тоже кольцеобразное. Наблюдалось оно в таком виде перед закатом солнца в Марокко. Сатурн был в Раке, Юпитер был в Близнецах, а Марс в Деве.

В греческой и славянской версии «Звезды» говорится, кроме того, что дядя «Звезды» Мардохай (т.е. Божий Марс) видел сначала во сне покушение на жизнь «царя Святой Сферы» во 2 году его царствования, тогда как комета была в 13, т.е. через 10–11 лет после этого затмения, а о годе самого покушения не сказано. В латинском же и в еврейском тексте никакого предварительного сновидения нет.

Вообще же говоря, в этой книге греческий и славянский тексты сильно пополнены и переработаны во многих местах. И чрезвычайно интересно, что в еврейской и латинской версии самих слов бог, сатана или ангел в ней ни разу не встречаются, и нет ничего чудесного, как и в «Песне Песней». В греческом же и славянском текстах прибавлены к первоначальному рассказу:

1) Вещее сновидение Мардохея «дяди Звезды», т.е. планеты Марса⁷. Поэтому и Овен, погружающийся в марте месяце в огонь вечерней зари, называется ночным домом Март-Марса.

⁷ От корня МРД <...> — мятежный, откуда божество Меродах <...>, которое только раз упоминается в Библии в пророчестве «Иеремия» (50,2). Штейнберг считает его за марса, Круде утверждает, что по-сирийски это значит Малый Господь <...>, а некоторые другие гебраисты думают, что это Юпитер. Но тут не может быть сомнения. В пророчестве Иеремии говорится прямо: «возвестите народам: взяты Врата Господни!... посрамлен Вил, сокрушен Меродах!» Но Вил есть сокращенное произношение Бэла <...>, или по-гречески Ваала, который в астрологии несомненно обозначает Юпитера. В разговорном языке это слово значит: владелец, господин, попечитель, бог добра и счастья. Отсюда греческое его название Вель-Зевул, от Бел-Збул, господин Зодиакального круга. А потом, когда Юпитер из отца богов был разжалован в идола, его переименовали в Библии в Бел-Суба <...> вместо <...>, т.е. в Господа-муху. В первом смысле у классиков ему соответствует <...> (Бог Клятвенный, у Павзания 8,26.1), а во втором смысле <...> (Бог Мушиный). В библейской книге Судьи (9.4) он называется Бел-Брит — Господь Завета, а в книге Числа (25.3) — Господь-Растлитель (Бел-Феур или Бел-ФЭР). Все это показывает на большие религиозные трансформации этого бога, но тем не менее ясно, что планета Юпитер в астрологии отождествлялась с богом Бэлом или Ваалом, а планета Марс с богом Мардуком или Меродахом, от корня МРД-Мятежный, он же Бог Саваоф <...> Библии, т.е. бог войны. Таким образом, и слово Мардохей <...> значит Божий Марс, вернее Божий Март, так как корень его имени по-латыни МАРТ, а не сокращенное Марс.

ТАБЛИЦА

Астрономические опоры для установления времени книги «Звезда»

Хронология события, считая год с января.	Небесные явления перед появлением кометы Галлея в 837 году.	Небесные события перед появлением кометы Галлея в 1066 году
1 год. Воцарение царя Святой Сферы	1 год = 824 г. Ничем не отмечен.	1 год = 1053 г. Ничем не отмечен.
3 год. Пир в Светлом Чертоге в продолжении 180 дней. Пир через 180 дней и неповиновение царицы Астынь (1.4)	3 год = 826 г. Ничем не отмечен. 4 год = 827 г. Солнечное затмение во Льве, 27 июля, наблюдалось в кольцеобразном виде в Марокко перед закатом солнца.	3 год = 1054 г. Ничем не отмечен. 4 год = 1055 г. В августе большая комета наблюдалась в Большой Медведице.
7/6/год. 10-й месяц Тебет-Декабрь, а по греческому тексту 7 год месяц Адар-Февраль. Тогда Тебет-Декабрь будет 6-го года. «Звезда» становится женой царя Святой Сферы и потом открывает царю, со слов Мардохея-Марса покушение на жизнь его (2.21)	6 год = 829 г. Солнечное затмение в Египте на восходе солнца между Стрельцом и Скорпионом 30 ноября 829 г., видимое и в Сирии и в Аравии (покушение на жизнь царя Святой Сферы). 7 год = 833 г. Звезды падали 25 июля в таком количестве, что их нельзя было сосчитать (Араго, IV, 232) 10 год = 833 г. Солнечное затмение 17 сентября 833 года в Деве. Перед полуднем прошло в полном виде через Гибралтарский пролив, а после полудня через Сомали. В частной форме было видимо по всей Южной Европе. 11 год. Комета в Деве в октябре.	6 год = 1058 г., февраля 25 солнечное затмение в Рыбах. Начавшись в Тихом океане за Южной Америкой и пройдя через Сахару и Крит, окончилось в Малой Азии. Было видно в неполной форме в Южной Европе. 9 год = 1061 г. Солнечное затмение 10 июня в Близнецах. Началось в полном виде в Сахаре, прошло утром через Суэцкий перешеек и было видно как частное даже в Константинополе.
12 год. Начиная с 1 месяца Нисана бросали жребий в присутствии Амана до 12 месяца Адара (до февраля 13-го года (3.7)).	12 год = 835 г. Июля 26 летали по небу метеориты (Араго, IV, 225).	

13 год. В 13 день 1 месяца (марта) посланы гонцы с приказом избить народ божий в 14 году, в 13 день, 12 месяца (в феврале) (3.12-13)	13 год = 836 г. Удивительные копыя летали по небу (Араго, IV, 225).	13 год = 1065 г. Января 8 падали с неба огненные стрелы (Араго, IV, 225).
14 год. Аман ставит столб в 50 локтей длиною, чтобы повесить Марса-Мардохея (5.14). Царь вспоминает о спасении своей жизни Мардохеем и велит Аману вести под узды лошадь Мардохееву, восхваляя его Пир у «Звезды», которая обличает замысел Амана избить богоборцев. Аманг припадает к постели «Звезды» и царь Святой Сферы приказывает повесить его на столбе, приготовленном для Мардохея (7.9). 14 год. В 13 день 12 месяца, т.е. Адара (февраля-марта), назначенного для избияния богоборцев, они сами убивают мечами 10 сыновей Амана, а на следующий день копиями (метеоритов) 300 своих врагов и устанавливают на этот день праздник Жребиев (Нурим).	14 год = 837 г. 10 апреля 837 года комета Галлея, напугавшая все население земного шара, выпустила хвост в 50 локтей длиной и он разделился на две части: одна, мечевидная, указывала на Весы, а другая, столбовидная, на Скорпиона, где был Сатурн. 14 год = 837 г. 2 марта (или в конце февраля) мечеобразная комета Галлея, пройдя по ряду созвездий, навела панику на население земного шара, а 10 апреля ее хвост достиг 50 локтей длины и дал вторую столбообразную ветвь.	14 год = 1066 г. Мечеобразная комета Галлея, пройдя по ряду созвездий, навела панику на население всего земного шара.

2) Заключительное нравоучение в конце.

3) Длинная молитва Марса, составляющая вторую половину его главы.

4) Воображаемый подлинник указа царя Небесной Сферы, переименованного в Артаксеркса, о восстановлении прав народа божия и, наконец:

5) Ряд мелких вставок и усовершенствований. Никакая библейская книга не подвергалась такому пополнению в греческом тексте.

Во всех этих вставках слово «бог» фигурирует чуть ли не на каждой строке, а потому и несомненно, что не латиняне и не евреи сократили в ней все божественные места (они на это не решились бы), а сами греки их ввели в первоначально светскую астрологическую сказку, переименовав царя Небесной Сферы в Арта-Ксеркса.

Вот почему я и беру за основу моего исследования здесь только библейский и латинский тексты.

ТАБЛИЦА (дополнительная к первой)

Сопоставление хронологической схемы «Звезды» с планетными и метеоритными явлениями 825—838 годов (царствования Людовика Благочестивого, 814—840, царствования Феофила, 829—842 и папы Григория IV. 827—844).

Годы рассказа	События рассказа	Затмения	Сатурн и Юпитер	Марс	Дожди падающих звезд
3-й	Пир и отставка прежней царицы весной 827 года.	27 июля 827 года кольцеобразное затмение Солнца в пасти Льва, конец его у Гибралтара. 12 июля 827 года лунное затмение.	Сатурн в Раке 827 года. Юпитер в 827-828 г. в Близнецах.	В 827 г. как в 1837. После петли в Раке (I-V) пришел в июле и августе в Деву.	В 830, июля 26 (из Водолея при Солнце во Льве) «звезды падали в таком количестве, что их невозможно было считать» (Био Араго. 232). В 833, июля 27 то же (Био, Араго, 232) В 835, июля 26, то же (Био, Араго, 232).
7-й декабрь или февраль.	Увенчание «Звезды».	831, перенос начала года с весны на осень.	Сатурн во Льве 830.09 Юпитер в Деве 831 (петля I-VI).	В 831 как в 1841. Петля в Деве (I-VI). В сентябре ушел в Скорпиона.	836, без даты (они же). Удивительные копия появляются на небе, направляясь от востока к западу (Шаль, Араго, 228).
9-й затмение	Заговор против царя жизни	Солн. затмение 17 сентября 833 г. в Деве.	Сатурн в Деве 833. Юпитер в Скорпионе 833.	В 833 как в 1843. Петля в Скорпионе (II-VIII)	В 837 году 12 ноября из Льва при Солнце в Скорпионе был замечательный дождь падающих звездочек (по Био Араго, 242)
12-й с марта по декабрь	Бросали жребий. Дан перстень врагу народа божия.				От 22 марта по 28 апреля 837 года комета Галлея прошла по 10 созвездиям.
13-й в марте 23 сивана (май) 13 сивана дек 14-февр.-март (14 Алара)	Гонцы врага, повешение врага. Перстень Марсу. Гонцы Марса Не осуществляется предназначенное избивание народа божия. Избивание 10 созвездий.	837 комета Галлея	Сатурн в Скорпионе 838. Юпитер в Овне 838. Петля в Овне (VII-XII)	В 837 как в 1847 петля в Овне (VII-XII) перед тем (III-VI) Козерог, Водолей, Рыбы.	838, 11 февраля. В воздухе виден был огонь, имевший вид змеи (Шал, Араго, 228) 839, 30 марта. Великолепные копия являются вечером и наполняют небо (Шалб, Араго, 229). 839, 17 апреля из Геркулеса при Солнце в Рыбах замечательное явление падающих звезд (Био, Араго, 23). 839, 12 мая. Звезды (из Водолея, при Солнце в Тельце) всю ночь преследовали одна другую (Шалб, Араго, 231).

Итак, дядя Мардохей или Марто-хей есть бог Март, или по европейскому произношению Марс. А кто же фигурирующий в этом рассказе Ханман⁸? Если взять греческий корень амао <...>, то это будет значить пожи-

⁸ По старо-латинской транскрипции <...>, по-гречески Аман <...>, по-славянски и по-русски Аман, по-английски <...>, по еврейской транскрипции ЕМН <...>, в современном произношении — Аман. Это имя нельзя смешивать с Аммоном <...> — художником-богом, изображаемым в виде человека с бараньей головой, и в виде царя на троне со скипетром в одной руке и крестом в другой, отождествляемым с Зевсом, вернее с евангельским Христом.

натель или косец, а по-еврейски «пылающее жало» от слова Хама иначе Хема <...>, т.е. пыл, гнев, змеиное жало, причем прибавка звука <...> в конце дает отлагольное существительное, как и по-русски, например, от шалить – шалун, от кричать – крикун и т.д. Да и по одному пути этого «Жала» по небу и по астрономической символистике его, нам нет другого выхода. Его гнусная роль в этой истории – попытка истребить народ божий – не подходит ни для Юпитера, ни для Сатурна, ни для Венеры, ни для Меркурия, ни для Луны. Нам тут ничего не остается, как принять за конечный эпизод этого рассказа прохождение кометы Галлея и ее хвостов по десяти созвездиям от Пегаса до Чаши на Гидре, причем она задела и Сатурна и Скорпиона, «повешенного» на отроге Млечного Пути. После этого, сейчас же обнаруживается хронологическая схема и предшествовавших событий.

Действительно, описанное во второй главе покушение на жизнь царя Святой Сферы, предотвращенное Марсом, сведется или на солнечное затмение 27 июля 827 года под пастью Льва, или на полное солнечное затмение 17 сентября 833 года. Кольцеобразная фаза первого затмения, начавшись южнее Берингова пролива на восходе там солнца, прошла в местный полдень через Лабрадор – окончилась на закате в Марокко на границе с Сахарой. В неполном виде оно прекрасно наблюдалось перед закатом солнца также и во всей Испании, а больше нигде в Европе и в Африке, не говоря уже об Египте или Палестине. Это кольцеобразное затмение Солнца и мог быть тот перстень, который царь Святой Небесной Сферы дал врагу народа божия в знак передачи ему своей власти. И тотчас после заката уже прояснившегося солнца, засиял, якобы прекративший его Марс в созвездии Девы над последними остатками разлившейся, как прекрасное вино под покрывалом ночи вечерней зари, что и дало повод сказать, что учинили это покушение два внуха, имя которым было Красное вино (зари) и Покрывало (ночи)⁹.

И это тем более соответствует картине тогдашнего неба, что под красной полосой вечерней зари скрывалась тогда звездочка Виноградарницы <...> в созвездии Девы.

Таким образом, покушение на жизнь царя Святой Сферы, описанное во второй главе «Звезды», относится к солнечному затмению 27 июля 827 года на третьем году «Царя Святосфера». Юпитер в это время был в Близнецах, а Сатурн в Раке, ближе к Солнцу, но оба во время затмения уже зашли. Однако годы здесь, по-видимому, были сокращены рассказчи-

⁹ Покрывало по-еврейски Вигтан <...>, от корня Бегед <...> – одеяло, покрывало (в том числе и ночи). А «Красное вино» по-еврейски тереш <...> от слова Тириш <...> или Тируш <...> – красный виноградный сок и молодое красное вино.

ком по каким-то каббалистическим соображениям. Астрономически выходит, что это было за 10 лет до появления кометы Галлея в 837 году, а по хронологии рассказа оно было за семь лет.

Возможно допустить, что этот сдвиг хронологии произошел здесь потому, что через 6 лет после описанного затмения, за 4 года до кометы Галлея, 17 сентября 833 года, т.е. на девятом году «Святосфера», через Гибралтарский пролив проходило более эффектное солнечное затмение в созвездии Девы, т.е. около той же звездочки Вино градарицы. Начавшись в кольцеобразном виде при восходе солнца в Ньюаундленде, оно было полуденным в Тунисе и, пройдя через Сомали, окончилось южнее Индустана в Индийском океане. В неполной форме оно было прекрасно видно не только во всей северной Африке и Испании, но даже и в Италии, Греции, на Кипре и в Палестине. Сатурн находился поблизости от ущербленного Солнца, Юпитер был в Скорпионе, а Марс в Стрельце.

В таком случае «Звездой», сообщившей со слов Марса о покушении, была Альфа Девы, как и в первом случае, но только Марс был от нее уже далеко, тогда как в первом случае он был как раз около нее.

В обоих случаях вся первая половина рассказа принимает такой вид. Сначала супругою Солнца была звезда Астинь, т.е. по-гречески Ослабевшая¹⁰, а по-еврейски Основа, т.е. продольные нити ткани, в данном случае основа небесных меридианов, поперек которых идут параллельные круги¹¹.

Все это прямо указывает на звездочку Гамму в созвездии Овна, с которой когда-то начинался счет небесных меридианов, и она называлась «Меткой». Благодаря прецессии, она к IX веку отстала на 12° от их начала и потому уже не ложилась вечером спать вместе с Солнцем и не пришла к нему на пир весеннего равноденствия. Понятно также, что после низложения из цариц она потеряла и свой первоначальный блеск, сделавшись звездой третьей величины.

Я обращаю внимание читателя, что счет еврейских месяцев, а следовательно и начала года первично считался у евреев, как и у классиков, с марта, который назывался первым месяцем, и кроме того все месяцы в Библии, несомненно были солнечные, соответствующие 12 созвездиям Зодиака, а не лунными, как теперь у евреев, потому, что прибавочного тринадцатого лунного месяца ни разу не упоминается ни в старом, ни в новом завете. А счет месяцев в Библии первоначально был исключительно

¹⁰ От слова Астения <...> – слабость, хотя в современных текстах это слово и испорчено в Асинь <...>. Аналогично этому и Астер – звезда перековеркана при обратном переводе на греческий язык в Естер <...>, а по-славянски в Есфирь.

¹¹ По-еврейски Ашти <...>, от корня ШТИ <...> – продольные ткани ткацкого станка, вместо Ашти <...> – нити, множественное число от слова Ште <...>, нить.

но нумерационный: первый месяц, второй... двенадцатый. То же было потом и у латинян, остатки чего существуют и до сих пор в названиях четырех наших последних месяцев: Сентябрь (седьмой), Октябрь (восьмой), Ноябрь (девятый) и Декабрь (десятый).

Отсюда же видно и то, что счет их начинался с Марсова месяца, Марта, как первого в году, и с созвездия Овна, как первого в Зодиаке. Переход к именным названиям у латинян совершился уже позднее нумеративных, о чем свидетельствует сам остаток четырех таких месяцев в конце Юлианского года, и притом к именному счету перешли лишь с тех пор, когда начало года стало считаться с рождества Христова, иначе январь и февраль еще сохранили бы нумеративные названия одиннадцатого и двенадцатого месяцев.

Точно также в Библии переход от чисто нумеративного счета к современному еврейскому совершился не ранее IX века. В книгах Бытие, Исход, Левит, Числа, Второзаконие, Иисус и даже в исторических книгах такого счета нет. Там всегда лишь в «первый месяц», во «второй»... и т.д. до двенадцатого включительно.

«Первый месяц» нумеративно упоминается в Библии 17 раз, «Второй» — 11 раз, «Третий» — 6, «Четвертый» — 6, «Пятый» — 12, «Шестой» — 4, «Седьмой» — 21, «Восьмой» — 2, «Девятый» — 6, «Десятый» — 8, «Одиннадцатый» — 3, «Двенадцатый» — 6, а добавочный тринадцатый еврейского классического календаря, соответствующий Адару II (или Элуну II клинописей) не упоминается ни разу.

Кроме этого нумеративного счета, мы находим в первой половине Библии еще только земледельческий счет, совершенно неуместный при современном еврейском календаре, где прибавочные месяцы сбивают сезоны почти на целый месяц. Образчиками этого земледельческого счета в книге Исход (13,4; 34,18) является месяц Колосьев¹². Затем в первой книге Царей говорится: «В плодовый¹³ месяц (это восьмой месяц) окончил Соломон постройку храма» (1 Царей 6,38), и там же упоминается и месяц Цветень¹⁴, соответствующий апрелю.

Мы видим, что вся эта номенклатура сезонная, и кроме того мы видим, что августу, т.е. священному месяцу латинян, соответствует в Библии священный месяц Атаним, т.е. месяц Сильных¹⁵, в который перенесен был храм Соломона.

¹² Месяц Анив <...> — месяц Колосьев, считается за Нисан (Март), но это едва ли не сентябрь, как видно из двух следующих примечаний.

¹³ Месяц Бул <...>, т.е. восьмой (октябрь по латыни) значит плодовый месяц, месяц созревания древесных плодов.

¹⁴ Месяц Зив <...>, по своему названию «второй месяц» соответствует апрелю, а по значению светлый, цветущий.

¹⁵ Месяц Атаним <...> — месяц сильных, крепких.

Лишь в пророчестве «Божественное Утешение» (Ноем-Ие по-еврейски) употребляются современные еврейские названия двух месяцев, Кислева (1,1) и Нисана (2,1), не как пояснение предшествующего немурационного названия, а без всякой оговорки, чем и доказывается очень позднее происхождение этой книги. Да еще в пророчестве «Помнит Громовержец» (Захар-ия) упоминаются со смешанной номенклатурой «пяťтый месяц» Хаслев (современный Кислев, 7,1) и «одиннадцатый месяц» с пояснением «это месяц Шават», откуда видно, что и в книге Неемия» современные еврейские названия были прибавлены впоследствии переписчиками, как пояснение к прежнему нумерологическому счету.

Это же мы видим и в разбираемой нами теперь книге «Звезда», где упоминаются тоже пояснительно к числовым названиям – три месяца: Нисан (3,7), Тебет (2,16) и Адар (3,13 и 9,15).

Таковы все не нумеративные названия месяцев в Библии. Отсюда видно, что год ее был климатический, т.е. Юлианский и что добавочного тринадцатого (лунного) месяца составители Библии не знали, и следовательно руководились в счете годичного времени – зодиакальным счетом, называя первым месяцем время прохождения Солнца через первые $30\frac{1}{2}$ градусов эклиптики, отмечавшиеся гелиагическим закатом созвездия Овна. Все это и соответствует астрологическому мировоззрению библейских пророков, как я уже достаточно показывал ранее, но покажу специально и здесь.

Первая глава библейской книги «Звезда», очевидно, характеризует тот момент, когда звездочка начала первичных небесных координат Гамма Овна, недаром называвшаяся Меткой, настолько удалилась от весеннего равноденствия, благодаря отчасти прецессии, а отчасти и от более точно определившегося весеннего равноденствия, что явно не скрывалась под горизонтом при потухании вечерней зари, а вполне ясно виднелась при наступлении равноденственной ночи над западным горизонтом, после перехода солнца через небесный экватор, как это было в IX веке, особенно потому, что она севернее эклиптики, поднимающейся тут в северном полушарии земли особенно круто вверх над горизонтом, вследствие чего это время является самым удобным для наблюдения вечернего зодиакального света (а утренний особенно хорошо наблюдается около осеннего равноденствия при таких же условиях эклиптики северных стран).

Такое обстоятельство не могло не вызвать особенного недоумения средневековых астрологов, все знание которых было основано на поклонении авторитетам. Но отвергать очевидность стало, наконец, невозможно. Первая звезда эклиптикального круга, Звезда весеннего равноденствия, которая по мнению астрологов вначале «очевидно была звездой первой величины», чем-то провинилась и потеряла свое первенство, которое перешло

к другой звезде. Сначала я думал, что дело тут идет о переносе начала года с весны на осень, на переход точки осеннего равноденствия к Альфе Девы (Колоснице – Спике по-латыни), которая в VIII веке как раз заходила в день этого равноденствия под горизонтом на побережьях Средиземного моря рядом с заходящим Солнцем, и что этот момент переноса начала года в Великой Ромее с весны на осень и символизирован в библейском рассказе «Звезда», передачей царского достоинства звезде осеннего равноденствия, к которому были присоединены и другие события того времени.

Но потом, когда мне удалось определить по комете Галлея, что дело было в 837 году, и что восточный эпагоменый календарь уже и ранее был приспособлен к осени, я подумал, что новой звездой-царицей должна быть тут Альфа Андромеды.

Дело в том, что слово Андромеда по-гречески не имеет подходящего значения для этой прекрасной царевны, спасенной рыцарем Персеем от Медузы и переселенной потом Афинной-палладой на небо, а по-еврейски оно значит «Метка Адара» – предвесеннего месяца, точно так же как и Гамма Овна называлась Меткой весеннего равноденствия¹⁶.

С этой точки зрения библейский миф о «Звезде-царице» был бы основан на том, что «Метка» Овна перестала показывать весеннее равноденствие, не желая перейти к греческому осеннему началу года, латиняне заменили ее Альфой Андромеды, которая хотя и была дальше от эклиптики, но ложилась спать (т.е. заходила) по вечерам рядом с Солнцем. Напомню, что она уже фигурировала в мифе о «Самсоне и Далиле», отнесенном мною к солнечному затмению 15 марта 395 года, но еще не как вторая жена, а как соблазнительница Солнца.

Итак, первая супруга Царя Святой Небесной Сферы Астень, отринутая за нежелание придти на весенний равноденственный пир своего супруга, была здесь звездочка весеннего равноденствия Гамма созвездия Овна, а вновь избранная супруга «Звезда» – это Альфа Девы, царица осени или Альфа Андромеды.

Посмотрим же теперь, какая сделана романтика из небесных событий того времени. Вот этот рассказ в его первичном виде, пояснительно переведенный мною по сопоставлению библейских текстов.

¹⁶ По-еврейски Адар-Мада <...>, причем слово Мада того же корня, как и русское мета (метка, отметка), а слово Адар производят от иранского Атар, гений огня. По-гречески же единственным созвучным словом является Андромеда <...>, т.е. «мужские детородные члены», чем уже одним доказывается, что миф об Андромеде еврейского, а не греческого происхождения. и переведен на греческий язык автором, не знавшим ни еврейского, ни родного греческого языка, точно также, как и миф о Меее <...>, имя которой по-гречески такого же двусмысленного значения, хотя и без обозначения пола.

ЗВЕЗДА – ЦАРИЦА

Глава 1. Неповиновение прежней царицы звезды весеннего равноденствия и ее уход – от начала небесных координат

Это было в третий год Царя Святой (небесной) сферы (Солнца). Он сидел на своем троне в Светлом Чертоге (неба¹⁷) и сделал пир для всех своих князей, для служащих при нем (планет), для всех отрядов своего на две части (на два небесных полушария) разделенного звездного войска¹⁸ и для первых сановников и начальников своих (звездных) областей, показывая в сиянии облаков великое богатство своего царства и необыкновенный блеск своего величия по окончании полугодия (от сентября до марта). Затем он сделал еще семидневный¹⁹ пир в окруженных оградой (горизонта) садах своего Светлого Чертога всем от большого до малого.

Белые, как кисея шерстяные занавесы (облаков) висели на серебряных кольцах и мраморных столбах (воображаемого небесного свода), прикрепленные пурпурными и багряными виссоновыми шнурами. Золотые и серебряные подстилки виднелись на помосте (горизонта), выстланном камнями зеленого цвета и мрамором и перламутром. Красное вино (вечерней зари) разлито было во множестве в золотые разнообразные сосуды, как и следует быть у царя небесной сферы, но никто не принуждался его пить, потому что каждый поступал по своей воле.

И царица Основа (небесной сети звездочка Гамма в созвездии Овна, служившая первоначальной меткой весеннего равноденствия и начала небесных координат, а в VIII и IX веках уже удалившаяся от них около 14 градусов по эклиптике) тоже дала пир для женщин в Чертоге царя Святой Сферы (праздник весеннего равноденствия, Пасха).

На седьмой день, когда развеселилось сердце царя, он сказал своим слугам: Грому, Молнии, Зною, Граду, Затишью, Легкому ветерку и Вихрю, всегда ожидающим приказания перед его лицом:

– Приведите мне царицу Основу (т.е. звездочку Гамму Овна, царицу весеннего равноденствия и начала сети небесных координат²⁰).

¹⁷ По-еврейски <...> ШУШУЕ-БИРЕ, Светлый Чертог.

¹⁸ По-еврейски здесь стоит ПРС <...> и МДИ <...>. Клерикалы считают это за персов и мидийцев, но ПРС значит: разделять на две части, раздваивать, а МД значит отдел, удел, мера. И кроме того самое слово ПЕРС в Библии обозначает не иранца, а француза (парижи), откуда и название Парижа (<...>, по-латыни).

¹⁹ В еврейском и латинском – семидневный, а в греческом и славянском – шестидневный.

²⁰ Здесь по-еврейски стоит УШТУ <...>, от корня ШТИ – продольные нити ткани на ткацком станке, а по-гречески АСИН <...>, искажение этого еврейского слова, первоначально созвучного с Астене <...>, ослабевшая.

Он хотел показать всему народу и князьям ее красоту. Но она не захотела придти на пир (весеннего равноденствия) по приказанию, переданному ей через слуг. Сильно разгневался царь и сказал своим мудрецам, знающим времена (т.е. планетам):

– Как мне поступить с Основою (небесной сети)?

Ближайшими к нему тогда были Марс (в Овне), Юпитер (в Овне) и Меркурий (в Рыбах около 13° эклиптикальной долготы²¹, при Солнце + 17°), и сказал Великий Святой (Юпитер²²):

– Не перед одним царем виновата царица Основа, а перед всеми народами (созвездиями) во всех областях царя небесной сферы. Как только разгласится поступок царицы, все жены будут говорить, как она, свои мужьям. Пренебрежений и огорчений будет довольно. Да выйдет от царя повеление, и будет оно записано в законы широт и долгот, и не отменится: чтоб не приходила более Основа (небесной канвы) перед лицом царя Святой Сферы, и ее царское достоинство да будет передано другой (звезде), которая лучше ее (т.е. более яркой звезде осеннего равноденствия). Услышав об этом повелении царя, все жены будут отдавать почтение своим мужьям.

И сделал царь по слову Великого Святого (Юпитера).

Здесь я не могу не отметить характеристического несогласия между еврейско-латинским текстом с одной стороны, и греко-славянским с другой. В греко-славянском фигурируют, как и следует быть по равноденственной планетной констеляции, только три планеты: Марс, Юпитер и Меркурий. А в еврейско-латинском, а с ним и во всех западноевропейских переводах даются все пять древних планет, да еще и Земля и Море, как приближенные к Солнцу. И интересно, что Земля и Море поставлены между Венерой и Марсом, что нетрудно было определить, когда Солнце, Меркурий и Венера были на восходе, а Марс, Юпитер и Сатурн на закате. (Сравнение обоих вариантов я даю на таблице XI.)

Мы видим, что транскрипция слов здесь везде вольная и индивидуальная, но иной и не могло быть до тех пор, пока типографский станок не закрепил какой-нибудь из индивидуальных рукописных. По этому сравнению видно, что греческий текст Звезды был написан ранее еврейского и латинского, но затем был произведен обратный дополнительный перевод с еврейского на греческий, который мы и имеем теперь.

²¹ Сатурн был далеко в Скорпионе, а Венера на элонгации ок. + 23° .

²² По-гречески Мухайос <...>, испорченное из Мегайос <...> – велико-священный, а по-славянски это испорчено еще более: в Мухея!

Имена приближенных царя Святой Небесной Сферы – Солнца.

Греческо-славянские варианты	Еврейско-латинские варианты
<u>1-й приближенный.</u> По-гречески Мале-сеар <...>, испорченное еврейское Малак-Сар <...>, глашатай царя, по-славянски Мали-сеар. По совокупности значений это планета Меркурий – вестник Солнца-царя.	<u>1-й приближенный.</u> По еврейски Каршена <...>, испорченное Карозена от корня Кароз <...>, глашатай, вестник; по-латыни <...>, по-английски <...>. По совокупности значений это Меркурий, вестник Солнца.
<u>Отсутствует.</u>	<u>2-й приближенный.</u> По-еврейски Шетар <...>, сокращенное Аштерт <...> – Астарта, Венера, иначе Ашера или Аштара от корня Ашер или Эшер <...> – счастье; по-английски <...>. По положению вслед за Меркурием и по созвучию это планета Венера.
<u>Отсутствует.</u>	<u>3-й приближенный.</u> По-еврейски Эдмата <...>, от корня АДМЕ <...> – Земля, континент. По-латыни Адта <...>, по-английски <...>.
<u>Отсутствует.</u>	<u>4-й приближенный.</u> По-еврейски Таршиш <...>, что по-халдейски и по Талмуду значит Море. Да и по санскритски <...> значит море.
<u>2-й приближенный.</u> По-гречески Аркесайос <...>, испорченное из Аресайос <...>, т.е. <...>, тоже планета Марс, по-гречески Арес.	<u>5-й приближенный.</u> По-еврейски Мэрэс в транскрипции МРС <...>, т.е. Марс. По-латыни <...>, по-английски <...>. По совокупности и по порядку это планета Марс.
<u>Отсутствует.</u>	<u>6-й приближенный.</u> По-еврейски Марсена <...>, возможно, что от корня Марак <...>, поражающий, злословный, но вернее это прямо от латинского слова <...> – смерть. По-латыни он назван <...>, по-английски <...>. По совокупности значений и астрального смысла приходится дать ему значение – Смертоносный, т.е. планета Сатурн.
<u>3-й приближенный</u> (соответствующий седьмому еврейско-латинской версии). В 14 строфе I главы он назван по-гречески Саретайос <...>, а по-славянски Сарсофей. Считая Сасофея за искажение Сарстайеса, можем признать, что тут было сначала сочетание Сар-теос, т.е. царь-бог – Юпитер. А в 16 строке I главы он же назван Мухайос <...>, что можем признать за сочетание Мер-Айос <...>, т.е. Великий святой. Опять выходит планета Юпитер.	<u>7-й приближенный.</u> По-еврейски Мему-хан <...>, по-латыни <...>, по-английски <...>. Последняя часть этого прозвища по-еврейски шен <...> или кун <...>, а значит Хан, т.е. теократ. А первая часть Мему. может быть, просто усиление слова МУ <...> – сущность, так как в греческом тексте он назван просто Мухайос <...>, и тогда имя будет означать планету Юпитера.

Глава II. Выбор новой царицы года –
Звезды осеннего равноденствия и сбора винограда.
Солнечное затмение 17 сентября 833 года

Когда успокоился гнев Царя Святой Небесной Сферы, юноши, служившие при нем, сказали:

– Пусть пошлет царь надзирателей (т.е. падающих звездочек – леонид, вылетающих роями из дома Солнца созвездия Льва) по всем областям своего царства, чтобы вызывали в престольный Светлый город (созвездие Льва) всех молодниц девиц (звезд), красивых видом в Дом женский (созвездие Девы рядом со Львом) под надзор Водителя (Волопаса, стоящего над созвездием Девы²³, и та из них, которая понравится царю, будет царицею (года) вместо Основы (небесных координат).

Царю понравилось это слово, и он велел так сделать.

Тогда жил в той стране (неба) Марс, сын Пламени, внук Славы, внук Звездочета, из Правой стороны Зодиака²⁴. Он взял себе на воспитание Звезду (причем в латинском и еврейском тексте прибавлено, что имя ее было Обновительница²⁵ (начала года – Альфа – созвездия Девы).

У «Звезды» (продолжает повествователь) не было ни отца, ни матери, она была стройна и красива лицом и взята она была вместе с другими в Женский дом царя (в созвездии Девы) под надзор Аги²⁶, стража жен (созвездия Волопаса). Она понравилась царю святой (небесной) сферы более всех других, и он поспешил дать ей омовения (в полосе зари²⁷) и все назначенное в честь ее, и приставил к ней семь девыц (семь меньших звезд в созвездии Девы: Бету, Гамму, Дельту, Эпсилон, Зету, Эту и Тету), которые должны были всегда находиться при ней. Он поместил ее и их в лучшее отделение Женского дома (в ту половину созвездия Девы, которая является ближайшею к созвездию Льва, как Дому Солнца). Ее воспитатель Божий Марс дал ей приказание никому не говорить о ее родных

²³ От корня ЕГЕ <...> – выводить, откуда турецкое *ага*, созвучное с греческим *агиос* <...> – святой.

²⁴ Здесь Мардохей – испорченное Мардук – Марс; Иаир испорченное Аур – пламя, семейная слава, молва, Киш – испорченное КШДИ – звездослов, и Имин – правая сторона.

²⁵ По-славянски и по-гречески это прозвище у нее отсутствует, по латыни она <...>, по-английски <...>, по-еврейски Гадаса <...>, созвучно с Гадас <...>, миртовая ветка, но я считаю это название за искажение первоначального имени Гадаша <...>, т.е. Обновительница начала года.

²⁶ По-еврейски ЕГИ <...>, по латыни <...>, по-славянски Гай, по-гречески Гай <...>.

²⁷ По-еврейски начертано ТМРУК-ИЕ <...>, от корня МРУК <...> – омовение при введении невесты в гарем.

и о ее народе, и каждый день прохаживался перед двором Женского дома (созвездия Девы) навещать о здоровье «Звезды» и о том, что делается с нею (Марс описывал эпициклическую петлю в Деве от ноября 810 года до июля 831 года).

Каждой намеченной девице (каждой звездочке эклиптикальной полосы) приходила очередь войти к царю (т.е. соединиться с Солнцем) через двенадцать месяцев. Вечером она входила к нему, а утром выходила от него вторично в женский дом (по другую сторону Солнца) под надзор того же Аги (Волопаса²⁸) и более уже не входила к царю, иначе как по новому вызову по имени (т.е. через год, как и следует по астральному смыслу: каждая эклиптикальная звездочка соединяется с Солнцем только через год).

И вот «Звезда» – дочь Аби-Гаила (т.е. Отца Воинства небесного²⁹) была взята к царю небесной сферы (т.е. соединилась с Солнцем) на двенадцатом месяце (т.е. месяце августе, считая начало года с сентября) в седьмой год его царствования³⁰. И полюбил Царь Небесной Сферы Звезду (осеннего равноденствия) более всех остальных. (Это самая яркая звезда близ эклиптики; теперь она ушла от точки осеннего равноденствия на 23° по долготе³¹, и если б было возможно допустить, что дело тут идет о точном и невидимом для нас прохождении над нею Солнца, то пришлось бы отнести возникновение этого сказания к 200-му году нашей эры. Но средневековый автор не мог еще вычислять невидимого, и говорит здесь, конечно, только об одновременном закате, ее и Солнца, т.е. об их совместной отправке на ночной покой, и благодаря тому, что она находится несколько южнее эклиптики, это дает для средиземноморских широт IV – IX века нашей эры.

«И возложил Царь Небесной Сферы свой венец (сияние зари) на голову Звезды (осеннего равноденствия) и сделал ее царицей (года) вместо Основы (небесной сети координат, т.е. звезды, уже явно видимой еще на

²⁸ Это по греческому и славянскому тексту, как и следует по астральному смыслу, а в еврейском, латинском и западноевропейском переводах здесь стоит уже другой евнух Шашагаз <...>, по латыни <...>, по-английски <...>, что <...> переводит: стригущий овец. Я держусь здесь греческого текста, как более логического, а что значит этот Шашагаз, не представляю себе.

²⁹ По-гречески и славянски вместо Абигаила стоит Аминнадав.

³⁰ Здесь опять путаница в текстах: латино-еврейский копист говорит: «в десятом месяце» и даже поясняет, что это был месяц Тебеи (декабрь). А греко-славянский копист говорит: в двенадцатом месяце, и поясняет, что он был месяц Адар (Февраль). А по астральному толкованию приходится считать его за сентябрь, т.е. седьмой месяц по классическому счету, за двенадцатый по византийскому и за девятый по нашему современному счету.

³¹ В 1900 году была под 22°44'.

небе IX века после заката солнца во время весеннего равноденствия). И сделал Царь Святой Небесной Сферы большой пир для всех своих князей и служащих в честь новой царицы.

И вот на второй год, когда его дядя Марс сидел у царских ворот, два прислужника Царя Святой Сферы, оберегающие его порог, задумали покушение на его жизнь (солнечное затмение 17 сентября 833 года в Деве при Марсе в Стрельце, Юпитере в Скорпионе и Сатурне в Деве). Узнав об этом, Марс сообщил Звезде, а она передала все царю от имени Марса. Дело было исследовано. Их повесили на столбе и занесли это событие в книгу дневных записей царского двора».

Так говорится в греческом и славянском текстах. Дело здесь идет, несомненно, о солнечном затмении 17 сентября 833 года в Деве, а в латинском, еврейском и всех западноевропейских версиях приведены даже имена заговорщиков, которых в греческом тексте нет. Первый назван просто Покрывало (Черный Заслон), а второй – виноградный Выжим³², и это прямо показывает, как я и говорил во введении, что описанное здесь солнечное затмение произошло в том месте неба, где на старинных картах рисовалась в правой руке Девы корзина для сбора винограда (Эпсилон Девы), а несколько левее и выше находится звездочка «Собирательница Винограда»³³.

И единственное, подходящее к этому описанию солнечное затмение и притом превосходно видимое по всей Южной Европе и Северной Африке, было только 17 сентября 833 года, под 192° эклиптикальной долготы, как раз под «Корзиной для сбора винограда». Прошло оно, как я уже говорил во введении, из Ньюфаундленда, часов в девять местного утра, в полном виде через Гибралтарский пролив, было полуденным в Тунисе, предвечерним на Сомалийском полуострове Африки и окончилось оно под Индией в океане (табл. XII). Уже одного этого обстоятельства было бы достаточно, чтобы отнести книгу «Звезда» к IX веку нашей эры. Но продолжим рассказ и далее.

³² Я уже говорил выше, что первый из них по-еврейски Вигтан <...>, испорченное Бегед <...> – одеяло, покрывало, а второй Терен <...>, виноградный выжим, виноградные тиски, время приготовления виноградного вина.

³³ По латыни <...> Собирательница винограда между Ро Девы и Бетой Льва.

*Глава III. Появление кометы Галлея
в Марте и Апреле 837 года и бросание жребиев –
летающих звездочек – о судьбе народа божия (обычных звезд)*

Возвеличил Царь Небесной Сферы после этого (т.е. через $3\frac{1}{2}$ года после описанного затмения) Огненное Жало³⁴ (т.е. комету Галлея, наделавшую сильный перепут в 836 – 837 году), поставил его выше всех своих князей (планет). И все служащие при царе (звезды) преклонялись перед ним. Не кланялся и не падал ниц только Марс (Мардук). Гнев овладел Огненным Жалом и он задумал истребить весь Марсов народ (ночным домом Марса считался в астрологии Овен). И вот (на небе) бросали жребии (т.е. был огнемлет летающих звездочек) о судьбе народа божия перед лицом Огненного Жала, от первого до двенадцатого месяца в двенадцатом году царствования Царя Святой Небесной Сферы. И Огненное Жало сказал царю:

– Есть один народ (планеты) рассеянный и разбросанный между другими народами во всех областях твоего царства и законы его отличны от законов других поселенцев (т.е. неподвижных звезд). Пусть будет предписано истребить их, и за это я отвешу десять тысяч талантов в царскую казну.

Царь Святой Небесной Сферы снял кольцо со своей руки и отдал его Огненному Жалу, говоря:

– И серебро, и народ отдается тебе, чтоб ты поступал с ними, как тебе угодно (произошло кольцеобразное или почти полное солнечное затмение 17 сентября 833 года в Деве). И призваны были писцы в 13 день первого месяца (в марте, если считать год с весны, и в сентябре, если с осени, как тут указывает затмение) и написано, как прикашал Змеиное Жало, каждому народу и его князьям и саграпам от имени Царя Небесной Сферы и скреплено печатью царского перстня и посланы были через гонцов (т.е. летающих звездочек) письма во все области царя, чтоб истребить всех богославцев от малого до старого, и детей их, и женщин, в 134 день двенадцатого месяца, т.е. Августа, если считать год с осени, и Февраля, если с Марта, а имущество их разграбить.

³⁴ Здесь по-еврейски стоит начертание <...> вместо <...> (ХМН) от корня ХМЕ <...> со значением: жар, ярость, змеиное жало. Кроме того, сказано, что был он сыном Амадаты от корня МДЕ <...> – мерило (вероятно, небесного экватора с его часами прямого восхождения звезд), а страна его по-еврейски названа Агагия <...>, а по-гречески Бугайя <...>. Штейнберг в своем «Полном библейском энциклопедическом словаре» (1895 г., стр. 489) говорит, что в санскрите <...> обозначает планету Меркурий, но здесь все повеление этого врага богославцев соответствует не планете, а комете. Кроме того, каким образом мог бы быть Меркурий поставлен выше всех планет?

Глава IV. Посольство Болида

Узнав об этом, Марс разорвал свои одежды, оделся во вретище и посыпал голову пеплом. Он вышел с великим и горьким воплем на средину Светлого Чертога (небес), а Звезда-Царица, узнав об этом от служанок, послала к нему Поражателя Болида³⁵, одного из слуг царя, узнать, зачем все это.

Болид, возвратившись, передал ей, в чем дело, а Звезда послала сказать Марсу:

– Собери всех богославных, находящихся в Светлом чертоге (небес), постись ради меня три дня, а я со служанками моими тоже буду поститься и потом, незваная, пойду к царю, хотя это против закона, если нужно будет погибнуть за это, то погибну.

Глава V. Просьба Звезды – Царицы

«Звезда оделась на третий день по царски и стала на внутреннем дворе перед домом царя, а он сидел на своем троне прямо против входа в дом. Он простер к ней свой Золотой скипетр (луч³⁶) в знак того, что она может войти, не боясь смерти, и она подошла и коснулась конца скипетра (т.е. осталась вдали).

– О чем ты пришла просить, Звезда? – сказал он ей. – Я дам тебе все, хотя бы до половины моего царства.

– Если царю благоугодно, – ответила Звезда, – то пусть он придет вместе с Огненным Жалом на пир, который я приготовила сегодня.

Царь пришел к ней вместе с Огненным Жалом и снова предложил ей просить у него, что угодно, вплоть до половины царства, а она в ответ только пригласила их обоих и завтра придти к ней на пир. Огненное Жало ушел домой чрезвычайно довольный, но у ворот дворца снова встретил Марса, который не поклонился ему, и воспылал сильным гневом. Придя домой, он пригласил жену свою – Светлую Полосу³⁷ (Млечного пути, где была комета) и своих друзей, и рассказал им, как возвеличили его царь и царица.

– Но это все ничего не значит для меня, – прибавил он, – пока я вижу Марса сидящим у царских ворот.

И сказали ему жена его Светлая Полоса и его друзья:

– Вели приготовить вон то дерево вышиною в 50 локтей (второй столбовидный отрог Млечного пути над Скорпионом) и утром скажи царю, чтоб повесил на нем Марса. А потом иди с царем на пир и веселись.

Понравилась Огненному Жалу это слово, и он приготовил дерево.

³⁵ <...> (ЕТК) – поражатель или, скорее, <...> (ЕТУК) – растопленный металл.

³⁶ <...> (ШРБИТ) от <...> (ШРБ) – солнечный зной. Вероятно, ошибка и надо было писать

³⁷ В еврейском и латинском вместо Зосары <...> от (Зу-Зар), блеск просвета, стоит <...> (ЗРШ), по Крудану – иностранка от корня (ЗР), чужеземная.

*Глава VI. Торжество Марса
«Комета Галлея подает Марсу Крылатого коня Пегаса
в марте-апреле 837 года»*

В ту самую ночь отнялся сон у царя Святой Сферы (Солнца). Он велел принести себе «Книгу дневных записей» и читать ее. И ему прочли там, как обличил Марс двух слуг царя, оберегающих его порог и замышлявших наложить на него руку (устроить солнечное затмение).

– Какая награда дана за это Марсу? – спросил царь Небесной Сферы.

– Никакой! – сказали ему.

И в это самое время Огненное Жало пришел на внешний двор царского чертога, просить царя, чтобы повесили Марса на столбе, который он приготовил для него. Но раньше чем он сказал это царю Святой Сферы, тот спросил:

– Что бы сделать человеку, которого царь хочет почтить?

Огненное Жало подумал, что речь идет о нем, и отвечал:

– Пусть на него наденут одежду, в которую одевается царь Небесной Сферы (т.е. оденут в зарю). Пусть посадят на коня, на котором царь ехал, когда на него возлагали царский венец и первый из царских князей пусть выведет его на том коне на городскую площадь и провозгласит:

– Так делают человеку, которого царь Святой Сферы хочет почтить!

И сказал царь Святой Сферы:

– Сейчас же возьми мое тогдашнее одеяние и коня и сделай то, что ты сейчас сказал, Марсу, богославцу, сидящему у царских ворот. Ничего не опусти из того, что ты говорил.

И облек Марса Огненное Жало в одежду царя Святой Сферы (зарю) и вывел его на Коня (Пегаса) на городскую площадь (т.е. Марс и комета Галлея сблизилась в созвездии Рыб под Пегасом в апреле 837 г.), и провозгласил:

– Так делается человеку, которого царь Святой Сферы хочет почтить!

Марс довольный возвратился к царским воротам, а Огненное Жало поспешил в свой дом печальный и закрыл свою голову (облаком) от стыда.

Глава VII. Гибель Огненного Жала

Пришел царь Святой Сферы с Огненным Жалом снова пировать у Звезды-Царицы, и сказал ей и в этот день царь, как и прежде:

– Чего ты хочешь? Все будет сделано тебе. Какая твоя просьба? Она будет исполнена.

– Я прошу только, – ответила Звезда, – чтоб была дарована жизнь мне и моему народу, если я нашла благоволение в твоих глазах, потому, что мы преданы на истребление. Я промолчала бы, если бы мы были проданы только в рабство.

– Кто такой это сделал? – сказал царь. – Кто отважился поступить так в сердце твоём? Где он?

– Наш враг – это злобное Огненное Жало, – отвечала Звезда.

Царь Небесной Сферы в гневе вышел в свой дворцовый сад, а Огненное Жало, трепеща и умоляя, припал к ложу, на котором возлежала Звезда (хвост кометы протянулся под Альфу Девы 11 апреля 837 года).

Возвратившись, царь Святой Сферы увидел это и воскликнул в гневе:

– Он даже изнасиловать царицу хочет в моем доме!

– Вот, – сказал ему Зной³⁸, всегда стоящий при царе Святой Сферы, – столб вышиною в пятьдесят локтей, приготовленный Огненным Жалом для Марса (правая ветвь Млечного пути у Скорпиона, где в апреле 837 года был и Сатурн).

– Повесьте его самого на нем, – приказал царь.

И был повешен Огненное Жало на столбе, который он приготовил для Марса.

Глава VIII. Новые звездочки – гонцы во все области неба

И взял царь свой перстень, который он отнял у Огненного Жала, и передал его Марсу. Он простер к Звезде-царице свой золотой скипетр (луч). Она поднялась и встала перед его лицом, говоря:

– Если я нашла благоволение перед лицом царя и справедливо это дело, то пусть будут возвращены обратно послания Огненного Жала об истреблении богославцев во всех областях царя.

И сказал царь Святой Сферы Звезде-царице и Марсу:

– Пишите о богославцах, что вам угодно от моего имени и скрепите моим перстнем.

И призваны были к царю царские писцы в третий месяц, т.е. месяц Сиван (Май, но уже это объяснение показывает, что седьмым месяцем мог первоначально быть тут февраль, считая с сентября) в 23 день и написали все, как приказал Марс к сатрапам и к областным начальникам в каждую область ее письменами и каждому народу на его языке, и к богославцам тоже на их языке и их письменами.

Марс скрепил написанное печатью царского перстня и послал свои письма через гонцов, ехавших верхами на царских заводских рысаках (радиантных метеоритах). Он написал, что царь позволяет богославцам собраться во всяком городе и истребить, убить и погубить всех сильных в народе, которые их притесняют, а имущества их разграбить, во всех областях в 13 день двенадцатого месяца, т.е. месяца Адара (поясняет автор, опять показывая этим, что он первоначально считал по нумеративному счету).

³⁸ Харбона <...> – зной.

Копии с этого указа были посланы как закон в каждую область, каждому народу, чтоб богославцы были готовы мстить своим врагам. А Марс вышел от царя Святой Сферы в царской одежде и большом золотом венце, виссоновом и пурпурном плаще (зари). Весь Светлый чертог (неба) радовался и веселился и было торжество и свет у богославцев. Многие из народов земли сделались тогда богославцами от страха.

*Глава IX. Избиение десяти сыновей Огненного Жала
летающими метеоритами 6 марта 838 года*

В тринадцатый день двенадцатого месяца³⁹, т.е. месяца Адара (от 21 февраля до 3 марта 838 г.) избивали богославцы всех своих врагов. И убили они в Светлом чертоге 500 человек и между ними десять сыновей Огненного Жала (т.е. созвездия, которые пропустили комету Галлея в 837 году, а именно Пегаса, Дельфина, Стрельца, Малого Коня, Орла, Змея, Весовщика, Скорпиона, Гидру и Чашу⁴⁰). Но они не простерли своей руки на их грабеж.

И сказал царь Небесной Сферы Звезде-царице:

– Какая еще твоя просьба? Она будет исполнена.

– Пусть будет позволено божиему народу и завтра делать то же, что сегодня, а тела десятирех сыновей Огненного Жала пусть повесят на столбах (т.е. меридианах неба).

– Приказываю сделать так, – сказал царь.

И это было исполнено. А богославцы, которые оставались в Светлом чертоге, побили еще 300 человек, но тоже не ограбили их. Остальные же из них, собравшись в других областях, убили там еще 75000 своих неприятелей, но тоже не ограбили их. Вот почему народ божий во всех своих поселках празднует ежегодно 14 день Адара, как день, превративший у них печаль в радость и сетование в праздник. И назвали они эти дни Пурами от слова Пур⁴¹, т.е. Жребий (считая сильные дожди падающих звездочек, имевшие место в 837 году, за бросание жребиев о судьбе народа божия). И должны быть памятны эти дни и празднованы во все поколения и во всяком богославном народе».

³⁹ Здесь счет месяцев несомненно начат с марта, так как праздник по этому поводу и до сих пор справляется евреями 14 – 15 числа Адара.

⁴⁰ Отождествление их дано на таблице IX в сопроводительной статье к этому рассказу.

⁴¹ (ПУР) – жребий, но только это слово не еврейское, а иранское, по-еврейски жребий ГУРЛ <...>. Празднуются они евреями до сих пор 14 и 15 чисел месяца Адара, около февраля.

Мы видим, что повестушка эта имеет целью объяснить, почему 14–15 числа Адера у евреев возник праздник Пуры или, как обычно говорят, Пурим. Думать, что причины этого торжества были действительно существовавшая когда-то царица Звезда с ее дядей и царственным супругом и какой-то действительный царедворец – Огненное Жало, замысливший гибель богославцев, но попавший в яму, которую рыл для других, – было бы, конечно, слишком наивно для современного образованного историка. А между тем, несомненно, что такой необыкновенный праздник, существующий и до сих пор у евреев, должен иметь какую-то вескую причину, и мы видим, что этой причиной было избавление от кометы Галлея дождем метеоритов в феврале 837 года.

Насколько это время у меня доказано астрономически, пусть судит сам читатель. Мне же важно здесь отметить одно: повестушка есть первый зародыш нашего современного реалистического романа, где не введено уже ничего, кажущегося необыкновенным в жизни человеческой.

Забудем на минуту все то, что я здесь говорил об астрономической символистике этого документа, и тогда что же выходит?

Начинается рассказ тем, что непослушная царица была лишена за гордость царского достоинства, что сопровождается моральным рассуждением о всех женщинах вообще. Затем выступает на сцену ново-избранная царица-красавица, по имени Звезда – и ее тайный дядя, своеобразный гордец, не желавший ни войти во двор царя посредством своей племянницы, ни кланяться Аману – главному сановнику. Затем рассказывается, как этот сановник, тоже не знавший о родстве гордеца с царицей, задумал за непочтительность истребить его со всеми инородцами и раздобыл и разослал об этом царский указ. Затем вставляется ненужный, собственно говоря, для окончательной развязки, но имеющий моральное значение рассказ о том, как этот дядя обличил когда-то придворных заговорщиков, но был забыт, и как царь вспомнил об этом при чтении придворной хроники, заставил своего высокомерного сановника воздать ему публичную почесть. Описывается стыд и огорчение этого царедворца Хамана, а затем выступает на сцену и царица, обнаруживающая царю, что она и ее дядя принадлежат к тому народу, об истреблении которого этот самый сановник хлопотал указ. По выходе рассерженного царя испуганный Аман бросается на колени перед ложем царицы-звезды, а царь, внезапно возвратясь, видит его как бы обнимающим ноги своей лежащей жены и истолковывает это совсем иначе.

Следует казнь Амана на виселице, которую он накануне приготовил для тайного дяди царицы, возвышение этого дяди и новый указ от имени

царя, разрешающий единоверцам царицы избить и ограбить всех своих врагов, и как они их действительно перебили, но не ограбили...

Мы видим, что это и в самом деле ничто иное, как эмбрион последующего европейского реалистического романа, где нельзя, как в первоначальных суставчатых фольклорных эпопеях, переставить любую сцену из начала в конец и из конца в начало. Сюда введены, сверх того, и описания красоты внешней обстановки царского дворца и моральные выводы, вплоть до того, что грабить хуже, чем убивать.

Но вот мы нашли, что в основе этого псевдо-реалистического рассказа лежит астрологическая канва, и что благодаря этому он как будто выходит из области произведений чистой фантазии... Но что же из этого? Разве и современный роман есть чистая фантазия автора? Разве, например, Лев Толстой, описывая свою «Войну и Мир», не руководился в основе своими историческими сведениями и представлениями? Ведь историческая канва там тоже просвечивает, как здесь астрологическая. Да и всякий романист, в сущности только комбинирует в своих рассказах уже полученные им впечатления, придавая своим героям и героиням не только черты, но и поступки своих родных и знакомых с самого детства, или даже и незнакомых лиц, о которых он когда-либо составил представление по рассказам других, или варьируя прочитанные рассказы.

Отсюда ясно видно, что «чистой фантазии» нет даже и в самом фантастическом рассказе и всякая фантазия возбуждает в нас интерес, а не скуку лишь тогда, когда она чем-либо напоминает нам действительность или является ее аллегорией.

Вот разница рассматриваемого нами рассказа от современных и заключается лишь в том, что аллегории его слишком своеобразны и прямо недоступны для человека, не имеющего ясного и отчетливого представления об обыкновеннейших явлениях нашего звездного неба.

Глава IV

НОСИЛЬЩИК И ТРИ СЕСТРЫ

Образчик французских галантных сказок XVIII века в псевдо-арабском сборнике «Тысяча и одна ночь»

В предшествующей главе я нарочно изложил довольно подробно индийский роман Наль и Дамаянти. Это было необходимо. Дело в том, что всякий литературный критик обязательно попадает в почти безвыходное положение. Если сознательный читатель уже прочел разбираемую критиком книгу, то он уже сам составил о ней собственное мнение, и критик едва ли его переубедит, а если не читал, то ему лучше прочесть ее самому, чем принимать на веру выводы критика. Стремясь избежать этой дилеммы и рассчитывая, что большинство моих читателей не имеют времени познакомиться со всеми замечательными творениями мировой литературы, предварительно я и приводил всегда исчерпывающие выдержки из рассматриваемых мною книг и документов, чтобы они могли заменить прочтение подлинников в полном виде, и только тогда давал свою характеристику, причисляя произведение к тому или другому типу литературы.

Так, Наль и Дамаянти являются у меня образцами скелетного типа беллетристического творчества, а прилагаемая теперь сказка из «1001 ночи» о носильщике и трех сестрах является у меня примером звездчатого или лучистого типа романа. В этом типе пролог сразу распадается на ряд независимых рассказов, упомянутых в нем лиц, а потом все эти лица соединяются в «эпilogue» для заключительного действия. Да и вся «Тысяча и одна ночь» есть только сложный образчик лучистого типа повествований.

Вот ее прологовое начало.

«Когда-то в Индии и Китае жил царь по имени Городской Шах (Шах-Риар), который приказал отрубить голову изменившей ему с рабами царице и всем своим невольницам и невольникам, участвовавшим в ее тайных оргиях. Он повелел своему визирю приводить ему каждую ночь непорочную девушку и после брачной ночи немедленно казнить ее, чтобы не могла изменять. Целых три года продолжалось это, столица огласилась воплями, и подданные спасались бегством, увозя своих дочерей, обреченных на гибель. И скоро в городе, где жил царь Городской Шах, не осталось ни одной девушки в брачном возрасте.

И вот однажды, когда он по обыкновению приказал своему визирю привести к нему молодую девушку, тот не нашел ни одной и возвратился домой с сокрушенным сердцем, не зная, что сказать царю.

Но у самого его были две дочери, одаренные красотой, умом, привлекательностью и всеми совершенствами души и тела. Старшую звали Шахеразадой (т.е. Горожанкой), младшую – Доньязадой (Дочерью Света). Старшая зачитывалась летописями и сказаниями о жизни древних царей и народов, давно сошедший с лица земли, и у нее было до тысячи книг, в которых были собраны все сказания о жизни древних царей и поэтов. Речь ее очаровывала слушателей.

Увидев опечаленного отца, Шахеразада-Горожанка сказала ему:

– Отец, отчего ты так переменился, отчего так подавлен бременем скорби и забот? Припомни слова поэта:

О ты, что так печалишься – утешься!

Не вечно все: хоть радость улетит,

Но ведь и скорбь забудется тобою.

Ее отец рассказал ей все, что случилось с царем от начала и до конца.

Шахеразада ответила:

– Отец, именем бога, умоляю тебя, выдай меня замуж за царя, ради спасения мусульманских дочерей и избавления их от царского гнева.

– Да хранит тебя бог, дитя мое! Не подвергай себя такой опасности!

Но Шахеразада сказала:

– Отец, я должна это сделать!

Когда отец, после долгих увещаний, согласился, она подозвала к себе младшую сестру и сказала ей:

– Когда я буду у царя, пошлю за тобой. Если царь уже побыл со мною, то скажи:

– О, сестра, расскажи мне одну из твоих чудесных сказок, чтобы нам провести ночь без скуки.

Тогда я стану рассказывать тебе сказки, и эти сказки – если на то будет божья воля – должны спасти от гибели магометанских дочерей».

Таково вступление к сборнику сказок «Тысяча и одна ночь». Шахеразада-Горожанка, прерывая свои сказки утром на самом интересном месте, заставляет царя «Городского Шаха» день за днем откладывать ее казнь в продолжение почти трех лет, после чего царь отменяет свое решение. Этим, чисто внешним способом, только и связан весь знаменитый сборник.

Для тех, кто не читал его, я взял здесь из него, в сокращенном изложении один из лучших по сложности рассказов: «О носильщике и трех сестрах», начавшийся в девятую и окончившийся в пятнадцатую ночь.

«В городе Багдаде (рисующемся здесь совсем не реальным Багдадом, а чем-то вроде испанской Севильи или самого Парижа, перенесенных в Иран) жил некогда бедный человек. Он был холост и по ремеслу – носильщик. Однажды, когда по обыкновению он сидел на базаре, небрежно опираясь на свою корзину, к нему подошла молодая женщина, окутанная чадрой из моссульской ткани, осыпанной золотыми блестками и подбитой парчей. Приподняв немного покрывало, скрадывавшее прекрасные черные глаза, тонкие брови, длинные ресницы и восхитительные черты лица, она произнесла звонким голосом:

– Носильщик, возьми свою корзину и иди за мной!

Молодой человек, давно ждавший нанимателя, обрадовался этим словам, взял корзину и пошел за нею. Сначала она остановилась у дверей одного дома и постучала в нее. На ее зов вышел христианин¹, который взял у нее динарий и вынес ей кувшин оливкового масла. Она поставила масло в корзину и сказала носильщику:

– Возьми это и следуй за мной.

Он, обрадовавшись, ответил:

– Хвала богу! Вот так счастливый день!

Он взял корзину и пошел за своей нанимательницей. Она остановилась перед лавкой фруктошника и купила сирийских яблок, османской айвы, персиков Омана, алеппских жасминов, дамасских лилий, нильских огурцов, египетских лимонов, сулганской (т.е. царьградской) цедры. (Читатель сам видит, что это фантастический рынок, где собраны произведения самых отдаленных друг от друга местностей.) Купила ягод мирты, цветов лавзонии, ромашки, горных тюльпанов, фиалок, цветов граната и нарциссов. Уложив все это в корзину, она оказала ему:

– Неси дальше!

И он последовал за ней до кондитерской, где она остановилась. Здесь она купила поднос и устала его всякими сладостями: сахарными завитками на масле, мускатными пирожными с удивительной начинкой, бисквитами-сабун, лимонными паштетами, вареньями разных сортов, сладостями, воздушными пирожными, сделанными на масле, меде и молоке. И когда она поставила поднос в корзину, носильщик сказал:

– О госпожа, если бы ты предупредила меня, что у тебя будет столько покупок, я взял бы мула!

Молодая женщина рассмеялась и пошла дальше, к торговцу благовонными товарами, у которого купила десять сортов душистой воды: розовой воды, воды из померанцевого цвета и много других; взяла она также меру опьяняющих напитков (отметим: запрещенных Кораном), сосуд розовой

¹ В подлиннике Нузрани – назарянин.

воды с мускусом, ладана, кусочков дерева алоэ, серой амбры к александрийских восковых свечей. Уложив все это в корзину, она сказала носильщику:

– Возьми корзину и иди за мной!

Они шли, пока не дошли до роскошного, украшенного колоннами дома, с прекрасным садом и обширным двором. (Опять отметим, что мусульманские дома до недавнего времени строились без колонн снаружи и были обращены окнами внутрь двора.) Входная двустворчатая дверь была из черного дерева с золотыми инкрустациями.

Молодая женщина остановилась и тихо постучала в дверь привешенным к ней молотком. (Но такие молотки были только в западно-европейских городах, до изобретения электрических звонков!) И тотчас же обе половинки двери распахнулись и на пороге показалась (без чадры) такая красавица, какой носильщик не видел ни разу в жизни. Лоб ее был блее первых лучей новой луны, глаза – как глаза газели, каждая бровь – как серп луны в месяце Рамадане, щеки – как горные тюльпаны, ротик – как печать Соломона, лицо – как полная луна при ее восходе, грудь как два спелых граната. Молодое, упругое тело скрывалось под одеждой, как драгоценное письмо под своей оберткой. При виде этой красавицы носильщик так растерялся, что чуть не уронил корзину со своей головы, и сказал себе:

– Клянусь Аллахом, не было у меня во всю мою жизнь такого счастливого дня!

Между тем молодая девушка, стоявшая на пороге, сказала сестре и носильщику:

– Войдите! И да благословит бог ваш приход. Оба вошли в дом и, пройдя сени, вступили в великолепную, выходящую на внутренний двор залу, обитую золотой и шелковой парчей и уставленную мебелью с золотой инкрустацией, мраморными сидениями, драгоценными вазами и шкафами. Тяжелые занавеси закрывали двери боковых помещений, среди залы находилось мраморное ложе, украшенное прекрасным жемчугом и драгоценными камнями, над которым было натянуто красное атласное покрывало в защиту от москитов, а на ложе лежала девушка удивительной красоты с глазами вавилонянки, прямым, как начертание буквы алеф² станом и лицом такой красоты, что оно должно было омрачить самое лучезарное солнце.

Молодая девушка (мы видим, что все они, как в Париже, без чадры!) встала с постели, и, подойдя к сестрам, стоявшим посреди залы рядом с носильщиком, сказала им:

– Что же вы стоите? Снимите ношу с головы носильщика!

² Похожа на латинское J.

Тогда обе девушки подошли к носильщику и взялись за корзину — одна спереди, другая — сзади. С помощью третьей сестры они сняли ее с головы носильщика, потом дали ему два динария и сказали:

— Повернись лицом назад и уходи, носильщик!

Но носильщик не мог оторвать своих глаз от молодых девушек, так как во всю жизнь не видал таких красавиц. В то же время он заметил, что в доме нет ни одного мужчины, а когда он посмотрел на все приготовленные фрукты, сласти, цветы и напитки, он совершенно позабыл о том, что ему нужно уходить. Старшая из сестер сказала ему:

— Что же ты не уходишь, носильщик? Разве ты не доволен платой?

Она обратилась к сестре, ходившей за покупками, и сказала ей:

— Дай ему еще один динарий!

Но носильщик ответил:

— Клянусь Аллахом, госпожи мои, мне обыкновенно платят два полудинария, и платой вашей я вполне доволен. Но мое сердце и моя душа поглощены вами, и я спрашиваю себя, какую жизнь ведете вы, живя одни, потому что в доме вашем нет мужчины, и вы лишены мужского общества. Кроме того, разве вы не знаете, что минарет хорош только тогда, если он будет одним из четырех минаретов мечети? А вас, о госпожи мои, только трое, и вам недостает четвертого. А разве вы не знаете, что счастье женщины невозможно без мужчины? Поэт говорит, что гармонический аккорд требует непременно сочетания четырех инструментов: арфы, лютни, цитры и свирели. А вас, о госпожи мои, только трое, и вам недостает четвертого инструмента — свирели, которым был бы толковый мужчина, человек с умом и сердцем, умеющий держать язык за зубами.

Тогда молодые девушки сказали ему:

— О, носильщик, разве ты не знаешь, что мы девицы? Мы имеем достаточно основания бояться нескромного вмешательства в наши дела. И мы читали уже поэтов (уж не из Парижской ли городской библиотеки взятых, ведь в Багдаде никаких библиотек не было!), которые говорят: «Храни от всех свою тайну, потому что если ты доверишь ее другому, то она перестает быть тайной».

Услыхав эти слова, носильщик воскликнул:

— Клянусь вашей жизнью, о, госпожи мои! Я человек благоразумный, верный и надежный, читавший книги и изучавший (даже) летописи. Я говорю только о том, что приятно слушать, и никогда не упоминаю о печальных вещах. Вообще я применяю к жизни слова поэта:

Лишь мудрый муж хранить умеет тайну,
Лишь лучшие из смертных на земле
Свое держать умеют обещанье.

Все тайны, что мне вверены, во мне
Как в доме, крепко запертом, хранятся
За крепкими замками, и на дверь
Наложена печать, а ключ потерян.

Стихи и речи носильщика понравились молодым девушкам, и они сказали ему:

– Оставайся, честный носильщик, и знай, что ты будешь у нас дорогим гостем!

Вслед затем девушка, ходившая за покупками, встала, подобрала свое платье, накрыла стол у бассейна и приготовила все, что было нужно. Потом она разлила вино (запрещенное Кораном), сестры сели за стол, а носильщик поместился между ними, думая все время, что он грезит. Девушка наполнила вином свой кубок и осушила его до дна, потом снова наполнила его и подала по очереди сестрам, и, наконец носильщику, который произнес следующие стихи:

О пей вино, веселия источник!
Кто пьет его, найдет здоровье в нем,
От всех болезней верное лекарство!
Кто может пить веселия струю,
И не познать приятного волнения?!..
Полнейшее блаженство на земле
Нам может дать одно лишь опьянение!

(Но, дорогой читатель, прибавлю я здесь. Ведь это то же самое, как сказать, что на пиру этом подавали свинину! *Это то же самое, как сказать, что на пиру у Владимира Святого угощали гостей кониной!* Выходит, что сказки «Тысяча и одна ночь», где попойка фигурирует везде, написаны совсем не магометанином, и даже не в магометанской стране!)

Потом он поцеловал руки (опять совсем западно-европейская манера!) у молодых девушек, выпил еще кубок вина и сказал хозяйке дома:

– О, госпожа моя, я твой раб, твоя вещь, твоя собственность! И он (как венецианский гондольер) произнес в честь ее стихи поэта:

Здесь перед дверью раб твоих очей
Стоит теперь; ничтожнейший, быть может,
Из всех рабов твоих! Но знает он
Как госпожа его великодушна,
И как щедры все милости ее.
Всего ж он лучше знает благодарность,
Которую он должен воздавать.
А девушка-хозяйка сказала ему:

– Пей, мой друг; и пусть этот напиток даст тебе веселье и здоровье и укрепит твои силы!

Носильщик взял кубок, поцеловал (снова!) ее руку и нежным, тихим голосом запел (как испанский гидальго или провансальский менетрель):

Моей подруге предложил вина я
Столь свежего, как цвет ее ланит, –
Ее ланит, пылающих столь жарко,
Что только с блеском яркого огня
Сравнить могу я блеск их лучезарный!
Она вино, смеясь, приняла,
И мне сказала: «как могу я выпить
Свои ланиты?...» Я ж ответил ей:
«О, пей же, пламя сердца моего!
Напиток этот – слез моих потоки,
Его же пурпур – это кровь моя,
Что за тебя всегда готов пролить я,
А в их смешеньи – вся моя душа.

Молодая девушка взяла кубок (Даже и кубки были в магометанском Багдаде, как в Париже или Севилье) из рук носильщика, поднесла его к своим губам и, осушив его, передала своей сестре. Потом все начали танцевать, петь и перебрасываться цветами. Носильщик обнимал молодых девушек и целовал их, и они играли и шутили с ним и бросали в него цветы. Так они продолжали веселиться и пить, пока их рассудок не помутился. Когда опьянение совсем овладело ими, молодая девушка, отпиравшая двери, сбросила с себя свои одежды, бросилась в бассейн и стала играть водой; потом она набрала воды в рот и обрызгала его носильщика.

(Я представляю читателю самому судить, насколько это похоже на нравы магометанских девушек, и насколько можно допустить, что такие нравы описывал не парижанин, перенеся действие в недоступный его читателям волшебный Багдад. Не более уместно для магометанского писателя и дальнейшее описание этой правоверной пирушки.)

После этого она омыла свои члены, выскочила и из воды и кинулась на грудь носильщику, продолжая играть и шутить с ним. Вторая сестра тоже сняла свои одежды, пригнула в бассейн и проделала все то, что делала ее сестра, и, наконец, выйдя из воды, бросилась на колени носильщику, продолжая играть и шутить с ним. После нее и третья сестра проделала то же.

И вот, следуя примеру молодых девушек, поднялся и носильщик и, сняв с себя одежды, прыгнул в бассейн, играя водой и оmyвая свое тело. Потом он вышел из воды и уселся на коленях девушки, отворившей две-

ри, а ноги свои положил на колени той, которая делала покупки. И все три сестры так рассмеялись, что даже опрокинулись на спину. Затем они опять (как невинные аркадские пастушки западно-европейских поэм эпохи возрождения) стали все пить по очереди из одного кубка, и пили до наступления ночи. Тогда они сказали носильщику:

– Теперь отвори свое лицо и иди, чтобы мы видели ширину твоей спины! Но носильщик воскликнул:

– Клянусь богом! Легче моей душе расстаться с телом, чем уйти из вашего дома, о госпожи мои! Соединим эту ночь со следующим днем, а завтра пусть каждый из нас пойдет по предназначенному ему богом пути (какое благочестие!).

Девушка, ходившая за покупками, вмешалась и сказала:

– О, сестры, пригласим его провести эту ночь у нас! Он развлечет и позабавит нас, потому что он веселый малый, не знающий стыда.

Тогда сестры сказали носильщику:

– Хорошо, ты можешь провести у нас эту ночь с тем условием, что ты во всем подчинишься нам и не будешь спрашивать никаких объяснений относительно того, что ты увидишь, ни о чем не спросишь, что бы ни происходило тут.

Носильщик сказал:

– О, разумеется, госпожи мои!

И сестры сказали ему:

– В таком случае, встань и посмотри, что написано над этой дверью!

Он встал и увидел на двери следующую надпись, сделанную золотыми буквами:

“Не говори о том, что не касается тебя, если не хочешь услышать того, что будет тебе неприятно”»...

В эту минуту Шахеразада заметила наступление утра и скромно замолчала. Страшно заинтересованный шах, конечно, не приказал ее казнить. И когда наступила следующая ночь (десятая) она продолжала:

«Мне говорили, что когда носильщик дал обещание сестрам, молодая девушка, ходившая за покупками, встала к поставила на стол кушанья, и все они принялись есть и пить, и больше всех пил и ел носильщик, что не мешало ему произносить звучные стихи для развлечения сестер. И вдруг, в самом разгаре пира, они услышали стук в двери. Молодая девушка, открывавшая двери, пошла узнать, кто стучит, и возвратившись, сказала:

– Воистину, сегодня ночью не будет пустых мест за нашим столом, потому что я нашла у дверей трех иностранцев. С бритыми бородами, и все трое кривы на левый глаз. Не правда ли, какое удивительное совпаде-

ние? Я сразу догадалась, что это чужестранцы, прибывшие из греческих земель. У всех трех такие забавные лица и одежды, что невозможно смотреть на них без смеха. О сестры, если мы впустим их переночевать, то вволю посмеемся над ними!

К она так долго уговаривала сестер, что те, наконец, сказали:

– Впусти их, но поставь им такое условие: “Не говорите о том, что не касается вас, если не хотите услышать того, что будет вам неприятно”.

Молодая девушка радостно побежала к дверям и вскоре возвратилась, ведя за собою трех кривых. У них были бритые бороды и длинные закрученные кверху усы. По всему видно было, что они принадлежат к странствующим салукам (вроде крестоносных рыцаре). Войдя в залу, все они приветствовали присутствующих, и один за другим отошли в сторону. Молодые девушки встали и пригласили их сесть. Усевшись, все трое взглянули на носильщика, который был совершенно пьян. Присмотревшись к нему, они решили, что он также принадлежит к их братству и сказали:

– О, это такой же салук, как и мы. Он составит нам приятное общество.

Но носильщик, слышавший их замечание, встал и, окинув грозным взглядом всех трех, сказал:

– Полно болтать о том, что вас не касается! Прочтите-ка лучше надпись здесь, над дверьми!

При этих словах молодые девушки громко рассмеялись и сказали:

– Вот теперь мы позабудемся над носильщиком и салуками!

Они стали угощать новых гостей, которые принялись есть, а девушка, отворявшая дверь, принесла вина и по очереди подала кубок, усердно наполняя его каждый раз до крае. Наконец, когда салуки в достаточной мере утолили свою жажду, носильщик сказал:

– Послушаете, братья наши! Не знаете ли вы какой-нибудь чудесной истории или необычайного приключения, которым вы могли бы повеселить нас?

Салуки, возбужденные выпитым вином, потребовали музыкальных инструментов, и девушка, отворявшая дверь, принесла Моссульский барабан, украшенный бубенчиками, иракскую лютню и персидскую арфу. (Опять явная фантазия европейца, никогда не бывавшего в Персии, потому что никаких инструментов с такими специфическими эпитетами там нет.) Салуки поднялись с своих мест; один из них взял лютню, другой – барабан, третий – арфу и все трое дружно заиграли. А молодые девушки вторили им своими свежими, чистыми голосами.

И вдруг, в самом разгаре концерта, послышался стук. Девушка, отворявшая двери, пошла узнать, кто мог постучаться в такой поздний час. А дело было вот в чем:

В ту ночь калиф Гарун-аль-Рашид в сопровождении своего визиря Джафар-аль-Бармаки и своего палача Мезрура, обходил улицы своего города, одетый купцом, чтобы видеть собственными глазами все, что происходит в нем. И вот, проходя мимо дома трех сестер, услышал звуки инструментов, пение и смех, и сказал своему визирю:

– Войдем в этот дом и посмотрим, что там делается.

– Слушаю к повинуюсь! – ответил Джафар. Он подошел к двери, постучал в нее, и на его стук вышла молодая девушка, отворявшая двери. Когда Джафар увидел ее, он проговорил:

– О, госпожа моя! Мы купцы из Табариаата (Тивериады), мы прибыли сюда десять дней тому назад с товарами и остановились в кагане (?) для купцов. Сегодня мы были в гостях у одного купца, и он угостил нас на славу. Мы ели у него и пили целый час и немного опьянели, и когда мы вышли оттуда, то, не зная города, сбились с пути. И вот, мы обращаемся к твоему великодушию, о госпожа! Позволь переночевать в твоём доме, и бог вознаградит тебя за это доброе дело.

Девушка, отпиравшая дверь, посмотрела на них и нашла, что они действительно похожи на купцов и имеют очень почтенный вид. Она пошла к своим сестрам просить у них совета, и те сказали:

– Хорошо,пусти их!

Она вернулась, открыла им двери и сказала им:

– Войдите!

И все трое – калиф, Джафар и Мезрур вошли. Увидя их, молодые девушки встали, чтобы служить им, и сказали:

– Милости просим, пусть ваше пребывание здесь будет продолжительно и приятно! Располагайтесь, как найдете для себя удобнее, наши гости! Но мы требуем от вас исполнения одного условия: не спрашивайте о том, что не касается вас, если не хотите услышать того, что будет вам неприятно.

– О, да, конечно! – ответили они.

Они сели. Им предложили вина, и кубок снова переходил из рук в руки. (Оказывается, что и повелитель правоверных Гарун-аль-Рашид публично не соблюдал постановления Корана не сметь пить вина!) Потом калиф посмотрел на трёх салуков, и увидев, что все они кривы на левый глаз, очень удивился. Он взглянул на молодых девушек и был очень поражен их красотой и грацией. А они продолжали разговаривать со свои ми гостями и приглашали их лить с ними, потом поднесли кубок превосходного вина калифу, но он отказался, говоря:

– Я добрый хаджи и не пью вина». (Выходит, что только теперь автор вспомнил запрет Корана, обязательный для всех, а скорее всего это прибавка, и потом некстати, позднейшего редактора, которому указали на неуместность всей этой пирушки в магометанский период азиатской культуры.)

Тогда девушка, отпирившая двери, пододвинула к нему маленький столик тонкой работы, поставила на него китайскую фарфоровую чашечку, положила в нее кусочек льду и, размешав в ней сахар с розовой водой, предложила калифу. Он взял чашку, и поблагодарил молодую девушку, думая про себя:

– Завтра же надо будет вознаградить ее за ее поступок и за все добро, которое она делает.

«А молодые девушки продолжали исполнять свои обязанности хозяек и неустанно угощали вином гостей. А когда вино начало оказывать свое действие, старшая девушка встала, спросила гостей еще раз, не желают ли они чего-нибудь, потом взяла за руку девушку, ходившую за покупками, и сказала ей:

– О, сестра моя, встань! Мы должны исполнить наш долг!

Та ответила ей:

– Приказывай, я готова!

Девушка, отворявшая двери, встала, попросила салуков освободить середину залы и стать у двери. Потом она убрала все, что было посреди залы, и подмела пол, а две другие девушки позвали носильщика и сказали ему:

– Ради бога! Ты должен доказать нам свою дружбу! Ты здесь не чужой, ты теперь почти свой человек в нашем доме!

Носильщик поднялся с места, запахнул полы своей одежды, опоясался и сказал:

– Приказывайте, о госпожи мои, я повинуюсь вам!

Тогда сестры сказали ему:

– Подожди тут!

Через несколько минут девушка, ходившая за покупками, сказала ему:

– Следуй за мной и помоги мне. Он вышел вслед за нею из залы и увидел двух собак черной шерсти на цепочках. По приказанию молодой девушки, он взял их и вывел на середину залы. Хозяйка дома подошла, засучила рукава, взяла в руки плеть и сказала носильщику:

– Подведи ко мне одну из собак!

Он потянул цепь и подвел одну из собак к хозяйке, а собака жалобно завывала, глядя с мольбой на молодую девушку. Но не обращая на это внимания, она бросилась к ней и стала бить ее плетью по голове, а несчастная собака не переставала визжать и выть. Наконец, молодая девушка выбилась из сил, бросила плеть, взяла собаку на руки, прижала ее к своей груди, отерла ее слезы и, обняв ее обоими руками, со слезами на глазах стала целовать ее в голову. Потом она сказала носильщику:

– Отведи эту собаку обратно и приведи мне другую!

Носильщик заставил подойти к ней другую собаку, и молодая девушка сделала с нею то же, что и с первой.

Вслед за тем хозяйка дома обратилась к своим сестрам и сказала им:
— А теперь, о сестры, сделаем то, что мы привыкли делать в это время!

Она села на мраморное ложе, украшенное серебром и золотом. Девушка, отпирившая двери, села рядом с сестрой, а выходявшая за покупкам вышла и вскоре вернулась, держа в руках атласный мешок, обшитый зеленой шелковой бахромой. Она открыла мешок, вынула из него лютню, и подала ее молодой девушке, отпирившей двери. Та взяла ее, настроила и, ударив по ее струнам, запела о страданиях любви:

Как на любовь нам жаловаться станут,
Что можем мы на это отвечать?
И если б нас самих любовь сразила,
Что предпринять могли бы мы тогда?
Когда ответ поручим мы другому,
Другой – увы, не сможет передать
Все сегованья любящего сердца.
А если мы в молчании снесем
Возлюбленного горестное бегство,
Тогда нас быстро может свесть печаль
Безвременно в холодную могилу!
О, горе нам! Лишь жалобы и скорбь
И жгучие нам слезы остаются.
И ты, о мой изменник незабвенный,
Ты, что бежал от взоров глаз моих,
Ты, что порвал все узы, что связали
Тебя со мной, скажи, ужель в тебе
Не сохранился след любви минувшей?
Ничтожный след, что вопреки годам
Нельзя изгнать из трепетного сердца?
Или забыл в разлуке долгой ты,
Из-за чего я вяну и страдаю,
И что причиной бледности моей?..
Коль мой удел – томиться здесь в изгнание,
Я попрошу отчета у Творца
Когда-нибудь за все мои страдания.

При последних словах этой песни девушка, отпирившая дверь, упала без чувств на пол, и при этом обнажилось ее тело, покрытое следами ударов плетью и прутьями.

Салуки сказали:

— О, лучше было бы нам не заходить в этот дом, хотя бы даже всю ночь пришлось провести, лежа на голой земле, потому что это зрелище расстроило нас свыше меры!

Все они начали советовать и сказали:

— Нас семь мужчин, а их только три женщины! Потребуем у них объяснения всему этому. Если они не захотят сделать это добровольно, то мы принудим их силою. И они решили, что это должен сделать носильщик. Молодые девушки, заметив, что они перешептываются, спросили:

— О добрые люди, о чем говорите вы?

Носильщик встал, остановился перед хозяйкой дома и сказал:

— О повелительница моя, умоляю тебя именем всех твоих гостей, расскажи нам историю этих двух черных собак, объясни нам, почему ты так била их, а потом плакала, над ними и обнимала их. И объясни нам также причину рубцов и шрамов на теле твоей сестры. Такова наша просьба, о госпожа! И да будет мир с тобою!

Тогда хозяйка дома спросила у всех собравшихся:

— Правда ли, что носильщик говорит от вашего имени?

— Да, это правда?

Только Джафар не произнес ни одного слова.

Услыхав этот ответ, молодая девушка воскликнула:

— Клянусь богом, мои гости, вы нанесли нам самое ужасное оскорбление. Ведь принимая вас, мы поставили вам непременно условием, чтобы вы не говорили о том, что вас не касается, если не желаете услышать того, что будет вам неприятно.

С этими словами она откинула свои рукава, три раза топнула ногой и закричала:

— Эй, скорей сюда!

В тот же миг распахнулась дверь одной из боковых уборных, закрытых драпировками, и оттуда выскочили семь негров-гигантов с обнаженными мечами, и молодая девушка сказала им:

— Свяжите руки этим людям, у которых слишком длинные языки, и привяжите их друг к другу.

Негры исполнили ее приказание и спросили:

— О повелительница наша, о цветок, скрытый от глаз мужчин, разрешаешь ли ты отрубить им головы? Она ответила:

— Подождите! Мне хочется сначала узнать, что это за люди?

Тогда носильщик воскликнул:

— Именем бога умоляю тебя, повелительница моя, не карай меня за преступление, совершенное другими! Это они заставили меня обратить-

ся к тебе с вопросом, сам же я и не думал об этом. О, клянусь богом, мы провели бы тут веселую ночь, если бы не явились эти злосчастные салуки! Эти зловещие братья способны разрушить своим присутствием самый цветущий город! И бедняга привел следующие строфы поэта:

Как велико прощенье, как прекрасно,
Что сильный беззащитному дарит!..
Тебя ж молю во имя нашей дружбы
Ненарушимой, не карай невинных
Ты за виновных гнусную вину!

Когда он произнес последние слова, молодая девушка рассмеялась...

В эту минуту Шахеразада заметила, что занимается заря, и скромно замолчала. Царь опять был так заинтересован, что оставил ее в живых до следующего дня.

Когда наступила следующая (одиннадцатая) ночь, она сказала:

— Я остановилась на том, о счастливый царь, что молодая девушка, вы слушав стихи носильщика, рассмеялась. Скажу, что было и далее.

Подойдя к своим пленникам, она сказала:

— Расскажите мне все, что вы можете о себе, потому что вам остается жить только один час!

Услыхав эти слова, носильщик первый заговорил:

— О повелительница моя, я простой носильщик и ничего более! Сестра твоя, ходившая за покупками, наняла меня на базаре и привела сюда. И вы хорошо знаете, мои господа, все, что тут было со мною и с вами, и чего я не хочу пересказывать — вы понижаете, почему. Вот и вся моя историями, и мне нечего более прибавить к ней. Мир да будет с вами! Молодая девушка сказала ему:

— Хорошо, прикоснись теперь к своей голове, чтобы убедиться, что она все еще на своем месте, пригладь свои волосы и уходи!

Но носильщик сказал:

— Нет, клянусь богом! Я не уйду отсюда, пока не выслушаю историю моих товарищей, которые находятся тут.

Тогда выступил первый салук, и повинувшись приказанию хозяйки дома, начал:

— Знай, что я сын султана. У отца моего был брат, царивший в другой стране. Случилось так, что моя мать родила меня в тот же день, когда и у моего дяди родился сын.

После этого прошли года, и еще много дней и годов. Я и сын моего дяди подросли. Я должен был навещать моего дядю и даже проводить у него по несколько месяцев. В последний мой приезда сын моего дяди

устроил мне особенно торжественный прием, приказал заколоть несколько баранов и приготовить разных вин. И когда мы опьянели, он сказал мне:

– О ты, которого я люблю всей моей душой! Дай мне обещание, что ты не откажешь в моей просьбе и не помешаешь мне исполнить то, что я задумал!

Я ответил ему:

– Обещаю тебе это от всего сердца!

Он заставил меня произнести торжественную клятву, требуя, чтобы я поклялся нашей священной верой (и это говорится после запрещенной той же верой попойки!). После этого он встал, вышел на несколько минут и вскоре вернулся. За ним шла молодая женщина вся в драгоценностях, раздушенная и одетая в роскошное платье, которое, вероятно, стоило очень дорого. Обращаясь ко мне, он сказал:

– Возьми эту женщину и иди.

И он указал мне место, описав дорогу так подробно, что я хорошо понял его. Я подошел с нею к усыпальнице над могилой, тут мы сели и ждали сына моего дяди, который вскоре пришел к нам, с кувшином воды, мешком извести и киркой в руках. Он начал копать землю, пока не откопал крышку величиною в маленькую дверь. Он поднял ее, и под нею оказалась винтовая лестница. Тогда он повернулся к женщине, и сказал ей:

– Хочешь?

Она начала спускаться вниз и скрылась. А он повернулся ко мне и сказал:

– О сын моего дяди! Я прошу тебя оказать мне услугу, исполнить которую ты обещал мне! Когда я спущусь вниз, ты закрой крышку и завали ее землей, как это было раньше. Смешай хорошенько известь, которая находится в этом мешке, с водою, которую я принес в этом кувшине; положи на место все камни и щели между ними замажь известкой, совершенно так, как это было раньше, чтобы никто не мог сказать: Вот свежая могила, у которой штукатурка новая, а камни старые!

Он спустился по лестнице в глубину могилы. Когда он скрылся, я поставил на место крышку и поступил так, как он требовал от меня. Но проснувшись на другое утро, я стал раскаиваться в том, что сделал, отправился на кладбище и стал искать ту усыпальницу, в которой все это произошло, но не мог найти ее среди других.

Чтобы оправиться от своей печали, я решил путешествовать и поехал к моему отцу. Но когда я приблизился к воротам своего города, меня вдруг окружила стража, и несколько человек связали мне руки. Страх овладел мною, и я сказал себе:

– Кто знает, что случилось с моим отцом! Я начал расспрашивать тех, которые связали меня, но они не дали мне ответа. Только один из моих юных невольников сказал:

— Отец твой пал жертвой злого рока. Его телохранители изменили ему, и визирь велел убить его. Нам же было приказано ждать тебя тут и схватить тебя, как только ты явишься сюда.

Они потащили меня, и я почти не сознавал, нахожусь ли я еще на этом свете, так потрясли меня все такие новости и так огорчила меня смерть моего отца. Они привели меня к визирю, который убил моего отца. Между ним и мною была давнишняя вражда, и причина его ненависти ко мне была следствием моей страсти к стрельбе из лука. Однажды, когда я сидел на террасе дворца моего отца, на террасу визиря спустилась большая птица, и села, там же был и визирь. Я хотел застрелить эту птицу из лука, но стрела попала не в птицу, а в глаз визиря и выбила его.

Лишившись глаза, он должен был безмолвно покориться своей участи, так как отец мой был царем того города, но злоба глубоко заняла в его душу.

И вот, когда меня привели к нему со связанными руками, он приказал палачу отрубить, мне голову. Тогда я сказал ему:

— Ведь я не совершил никакого преступления. З что же ты хочешь убить меня?

Он ответил:

— Может ли быть более тяжкое преступление? И он указал на свой погибший глаз.

— Но ведь я сделал это нечаянно! — сказал я.

А он ответил:

— Ты сделал это нечаянно, а я сделаю то же самое с умыслом.

И он протянул свою руку, воткнул свой палец в мой левый глаз и выбил его, и я, как видите, стал кривым.

Вслед затем визирь повелел связать меня и положить в ящик. А когда это было исполнено, он сказал своему палачу:

— Поручаю тебе этого человека. Возьми с собою свой меч, вывези его за черту города, отруби ему голову и брось тело его на растерзание хищным зверям!

Но палач вспомнил, что он служил у моего отца и что в то время я осыпал его благодеяниями. И он, увозя, сказал мне:

— Могу ли я убить тебя, я — твой покорный раб? — Потом он прибавил: — Беги! Ты спасся от смерти! И не возвращайся больше в эти края, если не хочешь погубить себя и меня также.

Я поспешно удалился, но только тогда уверовал в свое спасение, когда оставил далеко за собой город моего отца. Я продолжал свой путь и, наконец, прибыл в город моего дяди. Я сообщил ему о том, что случилось с моим отцом и со мною. Он залился слезами и воскликнул:

– О сын моего брата! Ты явился со своим горем к моему горю и со своей печалью к моей печали! Я должен сказать тебе, что сын твоего бедного дяди, которого ты видишь перед собою, пропал без вести много дней тому назад, и я не знаю, что с ним и где он может быть.

И дядя мой рыдал так долго и так горько, что, наконец, лишился чувств. Тут я не в силах был скрывать долее того, что случилось с сыном моего дяди, и рассказал ему всю правду.

Мой дядя исполнился радости и сказал мне:

– О сын моего брата, пойдем скорее и укажи мне, где эта могила!

Мы отправились вдвоем на кладбище и на этот раз, оглядываясь направо и налево, я узнал ту усыпальницу. Мы вошли в нее, разрыли землю, потом сняли дверцу и спустились на пятьдесят ступеней вниз. Мы пришли в большую залу, наполненную мукой, крупной разных сортов и разными припасами, и многими другими вещами. Посреди залы был балдахин с опущенными занавесями, за которыми скрывалось ложе. Дядя мой подошел, откинул занавеску и увидел на ложе своего сына в объятиях женщины, которая спустилась сюда вместе с ним. Но оба они совершенно почернели и обуглились, как будто их вытащили из огня.

И вдруг, увидев их в таком положении, дядя мой плюнул в лицо своему сыну и воскликнул:

– Ты заслужил это, о негодяй!

И, говоря так, он снял свою туфлю и ударил подошвой по лицу своего мертвого сына. В эту минуту Шахеразада заметила приближение утра и остановилась. (Царь опять из любопытства оставил ее в живых.) А когда наступила двенадцатая ночь, она сказала:

– Мне довелось рассказать вчера, о счастливый царь, о приключениях первого салука до его спуска в подземелье. Он продолжал говорить так:

– Когда дядя мой ударил подошвой туфли по лицу мертвого своего сына, я был крайне изумлен, но он рассказал мне следующее:

– Знай, о сын моего брата! Знай, что сын мой с детства воспылал страстью к этой своей родной сестре. Я всеми средствами старался удалить его от нее, и в душе говорил себе: – будь спокоен! Они еще так молоды! – Но я ошибся. Как только они достигли зрелости, между ними произошло преступное сближение, и я узнал об этом.

Я не вполне поверил, но сделал строгое внушение сыну и сказал ему:

– Берегись этих гнусных дел, которых никто не совершал до тебя и не совершит после тебя! Отрешись от преступного чувства, если не хочешь, чтобы я проклял и казнил тебя.

После этого я принял самые строгие меры, чтобы прекратить всякое сообщение между ними. Но нужно думать, что эта подлая тварь уже не

могла вырвать из своего сердца преступной любви к брату, и сам шейтан укрепил их союз! Когда я уехал на охоту, он воспользовался моим отсутствием и увез ее сюда.

Говоря это, дядя мой заплакал, и я тоже заплакал вместе с ним. Потом он сказал мне:

– Теперь ты, о дитя мое, займешь его место и будешь моим сыном!

Не успели мы присесть, как вдруг до нас донеслись воинственные звуки барабанов и труб. Со всех сторон мчались воины на конях, и весь город был полон шума и смятения. Всюду поднималась пыль от ног лошадей. Мы были поражены, точно ударом грома, не зная причины переполоха. Наконец, царь, дядя мой, осведомился об этом, и ему ответили:

– О, царь! Визирь, убивший твоего брата, собрал все свое войско и поспешил сюда взять приступом твой город. И так как жители не могли сопротивляться ему, то они сдали ему твой город.

Услышав это, я сказал себе:

– Разумеется, он убьет меня, если я попадусь в его руки.

И я направил свои шаги к Багдаду, надеясь проникнуть во дворец повелителя правоверных, великого калифа Гаруна-аль-Рашида, которому я хотел рассказать о моих злоключениях.

Я прибыл в Багдад сегодня ночью. Не зная, куда направиться, я остановился в раздумьи, и увидел перед собой этих салуков. Счастливая судьба привела нас к вам, о мои господа! Вы знаете теперь, как я лишился глаза и почему я сбрил бороду!

Когда первый салук кончил свой рассказ, молодая девушка сказала ему:

– Хорошо. Мы довольны твоим рассказом! Теперь приложи руку к своей голове и уходи поскорей!

Но первый салук возразил ей:

– О госпожа моя! Клянусь богом, я не уйду отсюда, пока не у слышу, что расскажут о себе все мои товарищи, находящиеся тут!

Тогда выступил второй салук, поцеловал пол у ног молодой хозяйки дома и начал:

– Знай, о госпожа моя, что и я не родился кривым! История моей жизни так удивительна, что, будь она написана иглой в уголке глаза, она служила бы уроком для тех, кто способен предаваться размышлениям. Знай также, что я царь и сын царя, и что имя мое, как учёного, распространилось далеко за пределы моей страны. . . Я читал Коран (строго запрещающий пить вино, чего, по-видимому, не знал первоначальный автор) и семь толкований его, я изучил важнейшие сочинения всех великих ученых, я занимался наукой звезд и книгами поэтов, и столько предавался изучению наук, что превзошел познаниями всех своих современников.

Слава о моей учености распространилась до самых отдаленных стран, и все цари узнали мое имя. И вот, услышав о моей учености, царь Индии отправил к моему отцу посла с царскими подарками и просьбой отпустить меня к нему. Отец мой велел снарядить шесть кораблей и нагрузить их всяким добром. Когда все было готово, я уехал.

Путешествие наше по морю длилось целый месяц; наконец, мы увидели землю и пристали к ней. Выйдя на берег, мы выгрузили наших лошадей и верблюдов, навьючили десять верблюдов подарками, предназначенными для царя Индии, и собрались в путь. Но лишь только мы двинулись с места, как перед нами вдали поднялось густое облако пыли. Оно медленно приближалось к нам, застилая небо и землю, и мы увидели перед собой шестьдесят вооруженных всадников, подобных разъяренным львам. Присмотревшись к ним, мы убедились, что это — арабы пустыни, занимавшиеся разбоем на больших дорогах! Заметив, что с нами десять верблюдов, навьюченных драгоценностями, они во весь опор поскакали нам навстречу. Мы стали им делать знаки руками, и когда они подъехали, мы сказали:

— Знайте, что мы послы к великому царю Индии, и потому не делайте нам зла!

Они ответили:

— Мы не на его земле и не под его властью, и нам нет дела до него!

Они перебили некоторых из моих молодых слуг, а те, которые остались в живых, разбежались во все стороны. Я был тяжело ранен и тоже бежал вместе с другими. Арабы не преследовали нас, а занялись расхищением наших богатств, оставленных на спинах верблюдов, и я в своем бегстве не знал, где я нахожусь и куда мне следует направить свои шаги! Увы! Еще так недавно я наслаждался всеми благами жизни, и вот теперь я очутился в нужде и горе! Но я без отдыха продолжал свой путь, пока не добрался до вершины горы, где заметил отверстие пещеры. В ней, наконец, я отдохнул и провел ночь.

Когда наступило утро, я вышел из пещеры и продолжал свой путь, пока не достиг большого, красивого города с благодатным климатом. Никогда не заглядывала в него зима, и только весна вечно царила в нем, рассыпая всюду свои благоухающие розы. При виде этого прекрасного города я очень обрадовался, потому что был изнурен своим странствием и весь пожелтел от душевного расстройства.

Войдя в город, я остановился в нерешительности, не зная, куда направиться. И я увидел в одной лавке портного, который сидел за работой.

Он предложил мне есть и пить, и мы беседовали до поздней ночи. Потом он очистил для меня местечко за лавкой и принес туда сколько было необходимо подушек и одеял.

На третий день он спросил меня:

– Знаешь ли ты, о юноша, какое-нибудь ремесло, которым ты мог бы зарабатывать свое пропитание?

– Я отвечал ему: – О, да, конечно! Я изучил юриспруденцию и многие другие науки, я хороню пишу и бегло считаю.

А он сказал:

– О, друг мой! Такое ремесло не находит спроса на рынке нашего города (первое правдивое описание арабского города средних веков!). Опояшь свои кафтан, возьми веревку и топор, иди в ближайший лес и наруби там дров. Этим ты можешь существовать здесь, пока бог не изменит твоей судьбы.

Я отправился в лес и попал в густую чащу. Я выбрал одно засохшее дерево и начал разрывать землю вокруг его корней, как вдруг топор мой наткнулся на медное кольцо. Я осторожно разрыл землю и нашел деревянную крышку, к которой было проделано это кольцо. Я снял ее и увидел под нею лестницу, спустился по ней вниз, увидел перед собой дверь, и когда отпер ее, очутился в великолепной зале подземного чертога. В ней я увидел молодую девушку, прекрасную, как лучшая из жемчужин.

Она взглянула на меня и сказала:

– Скажи мне, ты человек или джин?

Я ответил:

– Я человек!

Она сказала мне:

– Но кто же мог привести тебя в это место? Вот уже двадцать лет, как я живу тут, и за все это время ни разу не видела человеческого существа!

На эти слова, которые она произнесла удивительно нежным голосом, я ответил:

– О повелительница моя! Сам бог привел меня в твое жилище, чтобы я забыл мое горе и мою печаль!

И я рассказал ей все, что было со мною, от начала и до конца. Ее опечалила моя судьба, и она заплакала. Потом сказала мне:

– Я тоже расскажу тебе свою историю. Слушай:

– Я дочь царя Акнама, последнего царя Индии, повелителя Острова Черного Древа (такого нет). Отец мой выдал меня замуж за сына моего дяди, когда мне исполнилось двенадцать лет. Но в самую ночь моей свадьбы, прежде чем муж успел лишить меня невинности, меня похитил эфрит по имени Джорджирус, сын Раджмуса, внук самого Эблиса (саганы). Он схватил меня и улетел со мною в этот чертог, где были приготовлены для меня всякие сласти и наряды, и дорогие ткани, и мебель и разные кушанья, и напитки. С тех пор он является сюда через каждые десять дней

и проводит ночь со мною, а с наступлением утра исчезает. Впрочем, он предупредил меня, что в какое бы время дня или ночи я ни пожелала призвать его к себе на помощь, мне стоит лишь прикоснуться рукой к этим двум строкам, начертанным на этом куполе посреди зала. И действительно, как только я прикасаюсь к этой надписи, он тотчас же появляется. Теперь прошло только четыре дня со времени его последнего посещения, и он не возвратится ранее как через шесть дней. Хочешь ли провести со мною пять дней, а за день до его появления удалиться отсюда? Я ответил ей:

– Разумеется, хочу!

Тогда она повеселела, вскочила с своего места, взяла меня за руку и провела меня через сводчатую дверь в прелестно убранный гаммам, в котором была разлита приятная теплота. Тут я разделся, и она тоже сняла свою одежду и села со мною в ванну. Выйдя из ванны, мы уселись на эстраде гаммама, и она села рядом со мною, и угошала меня, мускусным сиропом и восхитительными печениями. Мы долго и приятно беседовали и ели сласти, приготовленные эфритом, ее похитителем. Наконец, она сказала мне:

– Сегодня ты должен хорошо выспаться и отдохнуть, чтобы встать завтра в хорошем расположении духа.

И я последовал ее совету, постаравшись раньше выразить ей всю мою благодарность. Я забыл о всех моих несчастьях и заботах и заснул крепким сном.

Когда я пробудился от сна, я увидел, что она сидит на моей постели и растирает мои ноги своей рукой. Я вознес молитву Аллаху, призывая на нее его благословение. После чего мы провели целый час в веселой беседе, и наконец она сказала:

– Клянусь богом! Пока я была одна в этом подземном чертоге, я изнывала от тяжелой тоски и грудь моя сжималась от печали, потому что в течение двадцати лет у меня не было никого, с кем я могла бы побеседовать! Теперь же да будет благословен бог, пославший тебя мне! Потом она пропела своим нежным голосом следующий стих:

О, если бы предупредили нас,

Что ты придёшь! Ковром бы разостлали
Мы кровь сердец своих и бархат глаз
У ног твоих – когда б мы только знали!
Тебе на ложе, путник молодой,
Мы бы постлали свежесть щек душистых,
И тело юных бедер шелковистых
Ты выше взоров, путник дорогой!.

Когда она кончила, я поблагодарил ее, приложив руку к сердцу. Любовь к ней еще сильнее возгорелась во мне, и все мои заботы и огорчения рассеялись. Потом мы стали пить из одного кубка, это продолжалось до

наступления ночи. И в эту ночь я спал с нею на одном ложе и испытал величайшее блаженство. Клянусь богом, никогда во всей моей жизни не было у меня ночи, подобной этой. И когда наступило утро, мы встали очень довольные друг другом и вполне счастливые.

Но, разгоряченный страстью и желая продлить свое счастье, я сказал красавице :

– Хочешь, я выведу тебя из этого подземелья на свет божий и избавлю тебя от твоего джина?

Она рассмеялась и сказала:

– Замолчи и довольствуйся тем, что есть у тебя! Подумай: этот бедный эфрит будет пользоваться только одним из десяти дней, а тебе я обещаю остальные девять дней.

Но я, отуманенный пылом страсти, воскликнул :

– Нет, я сейчас же разобью вдребезги этот купол, на котором начертана волшебная надпись! И пусть явится сюда эфрит чтобы я мог убить его!

И я, не обращая внимания на ее слова, изо всех сил ударил ногой о купол.

В эту минуту Шахеразада заметила приближение утра и скромно замолкла. Царь опять так заинтересовался окончанием ее рассказа, что оставил ее в живых.

Когда наступила тринадцатая ночь, она сказала царю:

– О счастливый царь, второй салук продолжал свой рассказ такими словами:

– Когда я, о госпожа моя, изо всех сил ударил ногой о купол, молодая женщина закричала:

– Вот идет эфрит! Он сейчас будет здесь! Разве я не предупреждала тебя? О, клянусь богом, ты погубил меня! Постарайся спасти хоть свою жизнь и выйди тем же путем, каким пришел сюда!

Я бросился к лестнице, но когда я поднялся на несколько ступенек и оглянулся, я увидел, что земля разверзлась и из нее вышел огромный, безобразный эфрит.

Не успел я опомниться от страха, как эфрит схватил меня и поднялся так высоко, что земля приняла вид чашки с водою. (Странная вещь! Это знают только поднимавшиеся на аэростатах, или те, кому они рассказывали; а первые поднятия на воздушном шаре сделал Монгольфье лишь в 1783 году в Париже!) Потом он опустил на вершину горы, поставил меня на ноги, взял в руки горсть земли, произнес над нею какие то непонятные для меня слова, потом, осыпав меня своей заколдованной землей, крикнул:

– Оставь свой человеческий образ и прими образ обезьяны!

И в тот же миг я превратился в обезьяну – в безобразнейшую обезьяну, которой было по меньше мере сто лет. Когда я увидел себя в таком образе, я сначала почувствовал досаду, а потом стал прыгать. Да! Я действительно прыгал, о госпожи мои! Но, видя, что это нисколько не помогает мне, я заплакал над своей судьбой и над всем, что случилось. А эфрит засмеялся своим отвратительным смехом и исчез.

Я начал спускаться вниз с вершины горы, спустился до ее подошвы и отправился в путь, проводя ночи под защитой деревьев. Я шел таким образом целый месяц, пока не добрался до берега Соленого моря. Там я просидел около часу и, наконец, увидел вдали судно, которое мчалось к берегу, гонимое благоприятным ветром. Я спрятался за скалой и оставался там в ожидании. А когда я увидел людей, которые бегали по судну взад и вперед, я ободрился и прыгнул в него. Капитал сделал меня своим слугой, и я усердно служил ему.

Ветер благоприятствовал нам в течение пятидесяти дней, и мы пристали к большому городу, в котором было столько жителей, что один Всеведущий бог мог знать число их!

Как только мы пристали, к нашему судну приблизились мамелюки, посланные царем.

(Но ведь мамелюки никогда не были в азиатских странах! Они были введены под этим именем только в Египте в половине XIII века султаном Малек-Салехом и уничтожены только в половине XIX века! Правда, что по-арабски мамелюк значит просто раб, но здесь по рассказу видно, что они фигурируют в качестве царской гвардии! Ведь даже и в фантастическом рассказе сохраняются базовые черты, и вставить мамелюков в арабскую сказку мог только никогда не бывавший в Багдаде европеец, или египтянин!)

Они любезно приветствовали купцов, желая им всякого благополучия, и сказали:

– Наш царь шлет вам поздравление с благополучным прибытием; и он приказал нам передать вам этот свиток пергамента: пусть каждый из вас напишет на нем несколько строк наилучшим почерком!

Тогда я, в своем виде обезьяны, подскочил к ним, вырвал у них из рук свиток пергамента, взял перо, обмакнул его в чернила, стараясь, чтобы были смочены обе стороны пера (значит, автор писал уже расщепленным гусиным пером!), и написал следующие четыре строфы – четырьмя различными почерками, принятыми у арабов:

А) Деяния людей великодушных
Давно успело время указать,

Но перечислить все дела благия,
Что сделал ты – отчаялось оно!
Вослед за богом только ты явился
Прибежищем для всех людей земли,
Воистину отцом благодетелей!
Б) Я говорю вам о его пере!
Его пкро! Прекраснейшее в мире,
Родоначальник перьев на земле!
Могущество его неизъяснимо!
Оно его поставило в ряды
Прославившихся мудростью ученых
С его пера, что пять сжимают пальцев,
Пять рек обильных по свету текут,
Пять рек поэзии и красноречья!
С) Я об его бессмертья вам скажу:
Нет на земле писателей бессмертных,
Но вечно все, что только пишет он!
Итак, пускай перо твое здесь пишет
Лишь то, чем мог бы возгордиться ты
В великий день восстания из мертвых!
Д) Коль ты свою чернильницу откроешь,
Пускай то будет только для того,
Чтоб начертать целительные строки,
Дарящего отрадные слова!
Но если ты дарить не в состоянье,
Открой ее лишь ради красоты!
Тогда причислен будешь ты в мудрейшим
Писателям, что были на земле!

Написав эти строки, я передал свито мамелюкам, и они пришли в неописанный восторг. Потом все купцы стали выводит буквы на папирусе один за другим, и кода они кончили, мамелюки отправились со свитком к царю. Царь рассмотрел все написанное, но его удовлетворили только мои строфы, начертанные четырьмя различными почерками. А почерк мой, о госпожа, славился во всем мире еще в то время, когда я был царским сыном.

И царь сказал всем своим приближенным и невольникам:

– Идите к тому, кто написал эти строки и дайте ему почетную одежду, чтобы он облекся в нее; и пусть он сядет на лучшего из моих мулов и прибудет в мой дворец при звуках музыки и в сопровождении почетной свиты!

При этом повелении царя все присутствующие улыбнулись. Заметив это, царь рассердился и закричал:

— Как! Я отдаю вам приказание, а вы смеетесь над ним?

Тогда они ответили:

— О, царь веков, мы никогда не осмелились бы рассмеяться над твоими словами! Но ты должен знать, что тот, кто написал эти прекрасные стихи, не человек, а обезьяна, и она принадлежит капитану судна прибывшего к нам!

Царь страшно изумился такому чуду и, вне себя от восторга, воскликнул:

— Я хочу непременно приобрести эту обезьяну!

Вслед за тем он приказал всем своим приближенным отправиться на судно за обезьяной, взявши с собой почетное плагье и мула.

— Вы должны, — сказал он, — надеть на эту обезьяну почетное плагье усадить ее на мула и привезти сюда!

И они купили меня, предложив большую сумму капитану, который сначала не соглашался. Я простился с моим хозяином, стараясь выразить ему знаками, насколько опечален необходимостью расстаться с ним. Потом меня облекли в почетную одежду, усадили на мула, и мы все двинулись под мелодичные звуки инструментов того города. И все население города смотрело с любопытством на такое удивительное зрелище.

Когда меня привели к царю и я увидел его, я трижды поцеловал землю между ногами его и потом остановился в неподвижности.

А царь сказал начальнику евнухов:

— Иди к твоей госпоже, моей дочери, и скажи ей: Царь просит тебя придти сейчас же. Я хочу, чтобы моя дочь увидела эту необыкновенную обезьяну.

Начальник евнухов удалился и вскоре вынул со своей молодой госпожой, дочерью царя. Но как только она увидела меня, она закрыла лицо свое чадрой (здесь автор впервые вспомнил о чадре!) сказала:

— О, отец, как решился ты позвать меня сюда и показывать незнакомому мужчине!

А царь сказал:

— О дочь моя, здесь никого нет, кроме этого маленького невольника, этого евнуха, воспитавшего тебя, этой обезьяны и меня, твоего отца! От кого же ты прячешь свое лицо?

А молодая девушка сказала:

— О, знай, отец мой, что эта обезьяна — сын царя Аймара, который царствует в далекой стране. Его заколдовал и обратил в обезьяну эфрит Джорджирус из рода Эблиса (сатаны) который убил свою собственную жену, дочь царя Аннама, повелителя острова Черного Дерева. Знай же, что эта обезьяна — юноша, известный своей ученостью и глубиной ума.

Услышав такие слова, царь удивился и сказал мне:

– Правда ли, что говорит о тебе моя дочь?

– Да, это правда, – отвечал я кивком головы и при этом заплакал.

Тогда царь спросил свою дочь:

– А как же ты могла узнать, что он заколдован?

Молодая девушка отвечала:

– О знай, отец мой, что когда я была еще маленькой девочкой, у моей матери жила старуха, очень искусная в тайнах магии, и она посвятила меня. Но с тех пор я сама совершенствовалась в этой науке, изучила сто семьдесят статей магии, и самая незначительная из них дала бы мне возможность перенести весь твой дворец со всеми его камнями и весь твой город за Кавказскую гору и превратить всю эту страну в большое море, а все население его – в рыб.

Тогда отец ее воскликнул:

– Ради бога, о дочь моя, избавь от чар этого молодого человека, чтобы я мог сделать его моим визирем! И как могло случиться, что ты одарена такой чудесной способностью, и я ничего не знал о ней! О, прошу тебя, избавь его поскорее, потому что я убежден в том, что он – прекрасный юноша необыкновенного ума.

Молодая девушка отвечала:

– От всего сердца готова исполнить твое повеление, отец!

Дойдя до этого места в своем рассказе, Шахеразада заметила приближение утра, когда ей должны были отрубить голову, и скромно умолкла. Заинтригованный царь опять оставил ее. А когда наступила четырнадцатая ночь, она продолжала:

Молодая царевна взяла в свои руки нож, на котором были вырезаны какие-то слова на еврейском языке, очертила им круг посередине дворца и на середине этого круга начертила какие-то имена и таинственные знаки. Потом она стала в своем круге и начала шептать какие-то магические слова и читать из старинной книги какие-то речения, которые были для всех непонятны. Все вокруг потемнело, как в самую глубокую ночь, и нам казалось, что наступил конец мира. И вот перед нами появился эфрит Джорджирус во всем своем ужасающем безобразии: руки его были, как вилы, ноги – как мачты, глаза – как две пылающие головни. Мы пришли в смещение и ужас, увидев его. Но дочь царя сказала ему:

– Не могу встретить тебя добрым приветом, о эфрит, и оказать тебе радушный прием!

А эфрит сказал:

– О, вероломная! Как могла ты нарушить свою клятву? Не клялась ли ты соблюдать наш договор: не мешать и не вредить друг другу? О, изменница! Ты заслужила то, что ожидает тебя! Берегись!

И эфрит в тот же миг превратился в ужасного льва, который раскрыл во всю ширину свою страшную пасть и бросился на молодую девушку. Она быстрым движением выдернула из своей косы волос, поднесла его к своим губам, и волос превратился в острый меч. Она схватила меч и с такой силой поразила им льва, что рассекла его на две части.

Но вот половина льва, на которой была его голова, превратилась в скорпиона, который подполз к пятке молодой девушки, чтобы укусить ее. Тогда молодая девушка обратилась в огромную змею, которая бросилась вперед, что умертвить проклятого скорпиона, в образе которого скрылся эфрит, и между ними началась упорная борьба. Но скорпион вдруг превратился в коршуна, и змея тотчас же превратилась в орлицу и орлица кинулась вслед за коршуном. И вот, когда она уже настигала коршуна, тот неожиданно превратился в черного кога, а молодая девушка тотчас же приняла вид волчицы. Кот и волчица сцепились посередине двorca, и между ними завязалась страшная борьба. Кот, видя, что в волчица его одолевает, переменял свой вид и превратился в очень большой красный гранат. А этот гранат упал в большой бассейн, который находился посередине двора, и погрузился на самое его дно. Но волчица вскочила в бассейн и уже готовилась схватить его, как вдруг гранат выскочил оттуда и поднялся в воздухе. А так как он был слишком тяжел, он упал на мраморные плиты двора и раскололся. Все зерна его посыпались одно за другим и усеяли все пространства двора.

Тогда волчица превратилась в петуха, который начал своим клювом подбирать и глотать их одно за другим, и вот, наконец, осталось только одно зерно, но когда петух хотел проглотить его, оно выпало из его клюва — таково было предопределение рока — и упало в маленькую щель у бассейна, так что петух не видел, где оно находится. Тогда петух закричал и начал бить крыльями и делать нам какие-то знаки своим клювом, но мы не понимали его и не знали, что он хочет сказать. Он испустил ужасный крик, видя, что мы не понижаем его, и нам показалось, что на нас обрушился весь дворец. Он начал метаться по всему двору, разыскивая это зерно, пока не нашел его в щели у бассейна, и только он хотел схватить его, как оно упало на середину бассейна и превратилось в рыбку, которая погрузилась в воду. Тогда петух превратился в ужасного кита, который ринулся в бассейн и скрылся под водой от наших взоров, так что мы не видели их в течение целого часа.

По истечении этого времени мы услышали страшный крик и задрожали от ужаса. И вдруг перед нашими взорами предстал эфрит в прежнем своем чудовищном виде эфрита, но теперь он был весь в огне, как плавающий уголь. А из уст его, и из глаз, и из ноздрей вырывалось пламя и дым.

Вслед за ним показалась молодая девушка, в прежнем виде дочери царя, но и она тоже была вся в огне, как расплавленный металл. Она бросилась на эфрита, который обратился в нашу сторону. Все мы были в страхе, боялись, что сторим заживо и уже готовы были броситься в воду, как вдруг эфрит поразил нас ужасным криком, выбежал на середину залы, выходящей на двор, и дунул нам в лицо пламенем. Но молодая девушка настигла его и тоже дунула нам в лицо пламенем. И случилось так, что нас коснулось и его пламя и ее. Но пламя ее не повредило нам, а пламя эфрита причинило не мало бед. Одна искра попала мне в левый глаз — и он погиб безвозвратно! Одна искра попала царю в лицо, и у него обгорела вся нижняя часть лица и борода, и рот, и выпали все нижние зубы. Одна искра попала внучу в грудь, огонь сразу охватил его, и он умер в то же мгновение.

Между тем молодая девушка продолжала преследовать эфрита, обдавая его своим огненным дыханием. И вдруг мы услышали возглас:

— Един бог велик! Един бог всемогущ! Он поражает отступника, отрекающегося от веры Магомета, нашего господина!

Это говорила дочь царя, указывая пальцем на эфрита, и эфрит на наших глазах сгорел, и превратился в кучу пепла. Потом она подошла к нам и сказала:

— Принесите мне поскорее чашку с водой!

И когда ей подали чашку с водой, она произнесла над ней несколько непонятных слов, потом окропила меня водой и сказала:

— Именем и правдой всемогущего бога освободись от чар и прими свой прежний образ!

Когда она договорила последнее, я снова стал тем человеком, каким был до превращения, но я остался кривым на всю жизнь! Тогда молодая девушка, как бы желая утешить меня, сказала мне:

— Огонь остается огнем, бедное дитя!

С этими же словами она обратилась к отцу, у которого была опалена нижняя часть лица и выпали зубы, и сказала:

— О, знай, отец мой, что я должна умереть, ибо эта смерть предназначена мне свыше! Более всего подорвали мои силы рассыпавшиеся зерна граната, и то зерно, которое мне не удалось проглотить, было самое главное, так как в нем заключена была душа эфрита! О, если бы я склевала это зерно, эфрит в тот же миг перестал бы существовать! Но, увы! Я не могла увидеть его, таково было предопределение рока! И вот, я должна была выдержать столько жестоких схваток и под землей, и в воздухе, и в воде. Каждый раз, когда эфрит открывал себе двери спасания, я открывала перед ним двери погибели, пока, наконец, он не отворил ужасных дверей

огня! Знайте же, что раз двери огня открыты, смерть неизбежна. Теперь должна умереть и я.

Как только она произнесла последние слова, тело ее превратилось в кучу пепла, рядом с пеплом эфрита.

Мы предались безграничной печали. Я предпочел бы быть на ее месте, чтобы не видеть этой кучки золы вместо лучезарного лица прекрасной царицы, оказавшей мне такое благодеяние! Но веления бога ненарушимы.

Когда царь увидел, что дочь его превратилась в кучу пепла, он вырвал у себя остатки своей бороды и стал бить себя по ланитам и разорвал свои одежды. И я сделал то же. И оба мы проливали слезы над нею. Отец ее, после всех этих огорчений, заболел и был близок к смерти целый месяц. Наконец, когда его силы немного восстановились, он позвал меня и сказал:

— О, юноша, до твоего прибытия все мы жили в полном счастье, защищенные от ударов судьбы! И вдруг явился ты, и на нас обрушились все бедствия! О, лучше бы нам никогда не видеть твоего лица, принесшего нам несчастье и повергшего нас в такую печаль! Но ты виноват в этом и теперь не можешь исправить беды: все это случилось с нами и с тобою по воле бога! И да будет благословен бог, дозволивший дочери спасти тебя ценою своей жизни. Таков наш рок! Но уходи из нашей страны, дитя мое! Ибо уже довольно и того, что приключилось с нами из-за тебя!

И я, о госпожа моя, вышел от царя, вполне уверенный в своем спасении. Я сбрил бороду, о госпожа моя, так как решил продолжать путь под видом салука к Багдаду, надеясь проникнуть эмиру правоверных и рассказать ему обо всем, что случилось со мною.

Я прибыл в Багдад только сегодня ночью. И здесь я встретил этого салука. И вот судьба привела нас к твоему дому, и мы вошли! Теперь вы знаете, госпожи мои, как я лишился глаза, и почему я сбрил бороду!

Выслушав рассказ салука, молодая хозяйка дома сказала ему:

— Твои приключения действительно необычайны! А теперь приляжь свои волосы и иди по пути, уготованному тебе богом!

Но салук сказал:

— Поистине, о госпожа моя, я не уйду отсюда, пока не услышу рассказа моего третьего товарища.

Тогда выступил третий салук и начал так:

— О, далеко прославленная госпожа, не подумай, что моя история так богата чудесами, как история моих товарищей. Но она еще гораздо более достойна удивления, чем их приключения.

Слушай же! Я царь и сын царя. Моего отца звали Кассиб, и я его сын. Когда царь, мой отец, умер, я наследовал его царство.

Но у меня было большое влечение к путешествиям по морю. И я не воздерживался от этого, так как моя столица была расположена на морс-

ком берегу, и на весьма значительном протяжении моря мне принадлежали острова, которые были укреплены на случай обороны или войны. И вот однажды я захотел посетить все мои острова. Я приказал снарядить десять больших кораблей, мы выехали в море и, наконец, потеряли наш курс. Воды, по которым мы теперь плыли, не были известны ни нам, ни нашему капитану. Мы сказали дозорному:

– Осмотри внимательно море .

Дозорный поднялся на мачту, затем спустился и сказал нам и капитану:

– Направо от нас я видел рыб на поверхности воды, а посреди моря я заметил нечто вдаль, что кажется то черным, то белым.

При этих словах капитан пришел в ужас. Он бросил в землю свой тюрбан, начал рвать бороду и сказал нам:

– Объявляю вам всем нашу общую гибель. Ни один не выйдет отсюда здоровым и невредимым. Завтра мы приблизимся к горе из черных скал, которая называется Магнитной горой. Море повлечет нас по направлению к этой горе, все скрепы корабля улетят, притянутые Магнитной горой, и пристанут к ее бокам; ибо всевышний бог дал ей таинственную силу притягивать к себе все железное! И ты не можешь даже вообразить себе, какое огромное количество железа скопилось здесь, приставши к этой горе, с тех пор, как корабли насильно привлекаются к ней! С моря можно видеть, что на вершине этой горы блестит купол из желтой меди, утвержденный на десяти колоннах, а на вершине купола стоит медный всадник на медном коне. В руке этого всадника копьё из меди и на груди висит свинцовая доска, и на ней вырезаны полностью таинственные имена, обладающие таинственной силой. И знай, о царь, что пока всадник будет сидеть на этом коне, все корабли, проезжающие мимо, должны рассыпаться на части, и все плывущие на них – должны. А все железное на кораблях – должно приставать к этой горе. Спасение невозможно до тех пор, пока этот всадник не будет низвергнут со своего коня!

Отмечу, что сказания о таких горах были сильно распространены в Западной Европе в эпоху Возрождения. Повод к ним дали руды магнитного железняка, скорее всего, находящиеся и до сих пор близ реки Эльбы в Богемских Рудных горах. Никаких магнитных гор в арабских странах Азии нет, есть только три на Урале: одна в Оренбургском и две в Пермском районах. О существовании магнитной горы в Индии упоминает только европейский апокрифист Плиний, а на деле ее нет. Отсюда следует, что и приводимый теперь разговор мог возникнуть только в Европе и притом не у моряков, никогда не видевших в море ничего подобного, а у жителей Богемии, заметивших, как железные вещи прилипают к рудным глыбам их горы.

После этих слов, о у госпожа моя, капитан заплакал, и все поняли, что нам нет надежда на спасение. Каждый из нас простился со своими друзьями.

И действительно, лишь только наступило утро, мы очутились поблизости горы, и когда все наши десять кораблей приблизились к ее подножию, скрепы их начали вылетать, а вместе с ними и все железное. Все направилось к горе и пристало к ней; наши корабли распались, и все мы погрузились в море. Мне удалось ухватиться за одну доску, плававшую среди других а волны и ветер выбросили меня на берег, к подножию Магнитной горы!

Тогда я нашел тропинку, которая доходила до самой ее вершины, и состояла из ступеней, высеченных в скале. Я тотчас же призвал имя Всевышнего бога, и.....

Дойдя до этого места в своем рассказе, Шахеразада заметила приближение утра и скромно умолкла. (Произошло то же, что и в прежние дни.) А когда наступила пятнадцатая ночь, она сказала:

— Я говорила вчера, о, счастливый царь, что третий салук сказал, обращаясь к молодой хозяйке дома, в то время, как его товарищи, охраняемые семью неграми с обнаженными саблями в руках, сидели, скрестив руки:

— Я призвал имя Всевышнего бога...

И он продолжал так:

— Я начал, как умел, цепляться за скалы и высеченные в них ступени, и успел взобраться на вершину горы. Радость моя не имела границ! Мне осталось только приблизиться к куполу, и я подошел к нему и вступил в него. Но усталость настолько охватила меня, что я бросился на землю и тотчас же заснул. Во время своего сна я услышал голос, который говорил мне:

— О, сын Кассиба! Когда ты пробудишься от своего сна, рой землю у своих ног, и ты найдешь медный лук и три свинцовых стрелы, на которых начертаны письма, обладающие таинственнее силой. Возьми этот лук и порази из него всадника, который находится на вершине купола, и ты воздашь должное человечеству и избавишь его от ужасно бича. Лишь только ты поразишь этого всадника, он упадет в море, а лук из твоих рук упадет на землю. Ты зароешь его в землю на том самом месте, куда он упал. Море начнет кипеть, и за тем подыматься, пока не дойдет до вершины, на которой ты находишься. И вот, ты заметишь на нем лодку, и в лодке человека. Он приблизится к тебе с веслом руках, а ты без всякого опасения вступи в лодку, только тщательно остерегайся произносить святое имя божие. Не делай этого ни в каком случае!

Тот человек повезет тебя, и вы будете плыть в течение десяти дней, пока он не доставит тебя в Море Спасения. По прибытии туда, ты найдешь

другого человека, который поможет тебе возвратиться в твою землю. Но не забывай, что все это может совершиться только под тем непременным условием, чтобы ты ни разу не произносил святого имени божия!

И тотчас, о госпожа моя, я пробудился от своего сна и, полный бодрости, приступил к исполнению всего, что мне приказывал голос. Найдя лук и стрелы, я поразил всадника, и тот упал прямо в море. Море заволновалось, забурило, и, подымаясь все выше и выше, достигло вершины горы, на которой я находился. И я увидел, как в некотором отдалении посредине моря показалась лодка, которая направлялась ко мне. Я тотчас же вошел в лодку, не произнося ни слова. Медный человек вез меня целый день и так продолжалось до конца десятого дня. И вот, я увидел, что вдаль показались острова: это было спасение! Я обрадовался и в избытке благодарности всевышнему, вскричал:

— Слава богу! Слава богу!

Но лишь только произнес я это священное слово, как медный человек схватил меня и сбросил с лодки в море, а сам удалился и скрылся вдаль.

Я плыл весь день до самой ночи. Руки мои обессилели, плеч и занемогли, и я был уже на краю гибели. Я покаялся и приготовился к смерти. В эту минуту волна, более высокая, чем все морские волны, поднялась вдаль, точно какая-то гигантская крепостная стена, подняла меня и бросила с такой силой и так далеко, что я в то же мгновение очутился на берегу. Вдруг я увидел, что вдаль показался большой красный огонь, я направился прямо на него, но, когда я подошел ближе, я убедился, что это не что иное, как большой дворец из желтой меди, который блестел в лучах заходящего солнца.

Я пришел в крайнее удивление и увидел, что из главных дверей дворца вышло десять молодых людей, и все одного роста и одной наружности, все такие прекрасные, что могли явиться хвалою Творцу, создавшему такую красоту; но я заметил тотчас, что все эти десять молодых людей были кривы на левый глаз, исключая одного почтенного, величественного старика, который был одиннадцатым.

Увидя это, я сказал себе:

— Клянусь богом! Как могло случиться что десять человек окривели в одно и то же время, и при том все на левый глаз?

Они приблизились ко мне и сказали:

— Да будет мир с тобою!

И я тоже ответил им пожеланием мира и рассказал свою историю, от самого начала и до конца.

Мои слова повергли их всех в изумление, и они сказали мне:

— О, господин! Войди в это жилище, и да будет тебе здесь широкий и радушный прием!

Я вошел, и они со мною. Мы прошли через многочисленные залы, все обтянутые атласной материей, и наконец вступили в последнюю, просторную и разукрашенную более всех остальных, а посреди этой большой залы были десять ковров, покрывавших десять матрасов. А посреди десяти великолепных постелей был еще одиннадцатый ковер, без матраса, но такой же прекрасный, как и все остальные. Старик сел на одиннадцатой ковер, а десять молодых людей сели каждый на свой и сказали мне:

— Присядь, о господин, в переднем конце залы, и не спрашивай нас ни о чем, что ты здесь увидишь.

Через несколько минут старик поднялся, вышел и возвращался несколько раз, принося различные кушанья и напитки. Все они ели и пили, и я вместе с ними.

Старик убрал все оставшееся от нас и потом выходил и возвращался десять раз. На голове у него была каждый раз новая миска, закрытая атласной материей, в руке новый фонарь, и он ставил каждую миску и каждый фонарь перед каждым из молодых людей. Но мне он не дал ни того, ни другого, и это очень меня раздосадовало. Однако, когда они сняли с мисок атласную материю, я увидел, что в них заключались только пепел, песок, уголь и сажа. Они брали пепел и сыпали его на свои головы, уголь на свои лица, а сажу на свои правые глаза, и вместе с тем принялись плакать и вопить, говоря так:

— Все это заслужили мы за свои проступки и прегрешения!

Я не был в состоянии сдерживать своего любопытства и вскричал:

— О, господа мои, я прошу вас объяснить мне, каким образом вы лишились своих правых глаз, и зачем вы посыпаете свои головы пеплом, углем и сажой, ибо, — бог свидетель! — я предпочитаю смерть тому недоумению, в которое вы меня повергли!

Они вскричали:

— О, несчастный! О чем ты просишь? Побереги свой левый глаз!

А я сказал им:

— Что мне за нужда в моем левом глазе, если я буду оставаться все в том же недоумении!

Они сказали мне:

— Да совершится твоя судьба! С тобой произойдет все то, что произошло с нами, но ты не сетуй, ибо это будет по твоей вине! И, кроме того, после потери своего левого глаза, ты не пытайся более возвратиться сюда, нас здесь уже десять, и у нас нет места для одиннадцатого!

После таких слов старик принес живого барана, зарезал его, ободрал и затем очистил его шкуру. Потом он сказал мне:

— Ты будешь зашит в эту баранью шкуру и положен на террасе этого медного дворца. Большой коршун, называемый Рох, который в состоянии

унести целого барана, примет тебя за настоящего барана, и подлетит к тебе, и подымет тебя под самые облака, потом он опустит тебя на вершину высокой горы, недоступную ни для одного человека, и там приготовится пожрать тебя! Но ты, вот этим самым ножом разрежь баранью шкуру и выйди из нее. Ужасный Рох не ест людей и скроется из твоих глаз! А ты иди вперед, пока не достигнешь дворца, в десять раз большего, чем наш дворец, и в тысячу раз великолепнее его. Этот дворец весь обложен золотом, все стены его усажены крупными драгоценными камнями, и всюду на нем изумруды и жемчуга. Ты войди в открытые его двери, как входили и мы! Что же касается нас, то мы все потеряли свой левый глаз и понесли еще другое заслуженное наказание. Теперь мы искупаем свою вину, делая каждую ночь все то, что ты видел. Такова наша история вкратце, потому что, чтобы изложить ее подробно, то она наполнила бы собою все страницы большой книги. Что же касается тебя, то теперь свершится твоя судьба!

С этими словами они дали мне нож, зашили меня в шкуру барана и положили на террасу дворца, а сами удалились. И вдруг я почувствовал, что меня схватила ужасная птица Рох, которая прилетела сюда; когда я почувствовал, что она меня опустила на землю, на вершину горы, я разрезал ножом баранью шкуру и вышел из нее, крича «Кеш, кеш!», чтобы отогнать ужасного Роха, который тотчас же грузно поднялся и улетел. Я увидел, что он — огромная белая птица, объемом своим равная десяти слонам, а вышиною — двадцати верблюдам!

Я тронулся в путь, и очень спешил, так как весь день горел от нетерпения, и вот, в полдень я приблизился к дворцу. Огромные золотые двери, через которые я вошел во дворец, были окружены девяносто девятью дверями из дерева алоэ и из сандалового дерева, а двери всех зал были из черного дерева с инкрустациями из золота и алмазов, и все эти двери вели в залы и сады, в которых я увидел собранными все сокровища земли и моря.

Войдя в первую залу, я очутился среди сорока юных девушек, которые блистали такой красотой, что ум терялся, а глаза не находили, на которой остановиться. Я был в таком изумлении, что голова моя пошла кругом.

Увидя меня, все поднялись и сказали мне:

— Да будет наш дом твоим домом, о гость наш, и да будет место твое над нашими головами и на наших глазах!

Они пригласили меня сесть, поместив меня на возвышении, а сами все сели ввиду передо мной на коврах и сказали мне:

— О, повелитель наш, все мы твои рабыни и твоя собственность, а ты наш владыка и венец на головах наших!

И после этого все они начали услуживать мне. Одна принесла теплой воды и утиральник и обмывала мне ноги; другая лила мне на руки благовонную воду из золотого кувшина; третья надевала на меня шелковую одежду с поясом, затканным серебром и золотом, четвертая подносила мне чашу с напитком восхитительного вкуса и аромата. Одна смотрела на меня, другая улыбалась; одна подмигивала мне глазом, а другая декламировала стихи; одна протягивала ко мне руки, а другая извивала передо мной свой стан; одни говорили: «Ах!», и другие «Ох!». Одни говорили: «О, моя печень!», а другие: «О, огонь моего сердца!»

Они разложили скатерть, принесли много вкусных кушаний и живительных напитков, играли на разных увеселительных инструментах и пели обворожительными голосами. Некоторые принялись танцевать, и все это продолжалось до тех пор, пока я не окончил есть.

После всех таких увеселений они сказали мне:

— О, милый, теперь пришло время сна и других наслаждений. Выбери сам одну из нас и не бойся обидеть остальных, так как каждая из нас проведет с тобою одну ночь — все мы, сорок сестер! А потом каждая из нас, когда вновь придет ее очередь, будет услаждать твой сон и так будет во все ночи.

О, госпожа моя, я не знал, на которой из сестер остановить свой первый выбор, так как все одинаково были для меня желанны. Я закрыл себе глаза, простер свои руки и схватил одну из них, и открыл опять глаза. Но я тотчас же снова их закрыл, так была ослепительна ее красота. Она взяла меня за руку, подвела к своей постели, и я провел с нею всю ночь.

И таким образом, о, госпожа моя, я проводил каждую ночь, наслаждаясь с одной из сестер! И это продолжалось в течение целого года.

Наконец, пришел конец года. Утром последнего дня я увидел, что вокруг моего ложа собрались все сорок молодых девушек, и все они горько плакали, рвали на себе волосы и сказали мне:

— Знай, о свет наших очей, что мы покидаем тебя, как покидали всех и до тебя, ибо ты должен знать, что ты не первый и что до тебя многие перебивали у нас, как и ты, и делали с нами то же, что и ты! Но только ты, поистине только ты один дал нам то, чего не мог дать никто! И, конечно, ты был самый страстный и самый милый из всех. Теперь мы не можем жить без тебя.

А я ответил им:

— Но скажите же мне, почему должны вы расстаться со мною? Я этого не желаю нисколько и вовсе не хочу потерять в вас усладу своей жизни.

Они же мне ответили:

— Знай, что все мы дочери одного царя, но разных матерей. С тех пор, как мы созрели для любви, мы живем в этом дворце, и каждый год бог

направляет к нам одного мужчину, который дает нам удовлетворение, а мы — ему! Но каждый год мы должны покидать это жилище на сорок дней для посещения нашего отца и наших матерей! И вот теперь пришел такой день!

Тогда я сказал им:

— Но, о, мои красавицы, я могу остаться в этом доме, восхваляя бога, до вашего возвращения!

А они отвечали мне:

— Да исполнится твое желание! Вот ключи от дворца, которыми можно открыть все двери его. Этот дворец твое жилище, и ты в нем хозяин. Но остерегайся отпирать медную дверь в глубине сада. Если ты откроешь ее, ты больше не увидишь нас, и тебя неизбежно постигнет большое несчастье. Помни же, что ты должен остерегаться отпирать медную дверь!

С такими словами они начали одна за другой подходить ко мне, и обнимали и целовали меня, среди слез и плача и говорили мне:

— Бог да будет с тобою!

Заливаясь слезами, они еще раз посмотрели на меня и удалились.

А я, о, госпожа моя, держа в руке ключи, вышел из залы и начал обходить дворец, так как до этого дня я не находил времени, чтобы осмотреть его, настолько моя душа и мое тело были отданы молодым девушкам. И вот, первым ключом я открыл первую дверь.

Открыв ее, я увидел большой сад. Все деревья его изобиловали плодами, такими крупными и прекрасными, что подобных им я не видел ни разу в жизни нигде во всем мире; вода, текущая по маленьким каналам, так обильно орошала все эти деревья, что плоды на них по величине и красоте были несравненны. И я ел многие из них, и главным образом бананы, финики (длиною в палец благородного араба), гранаты, яблоки и персики. Когда я вкусил различных плодов, я возблагодарил бога за его дары и открыл вторую дверь вторым ключом.

Там мои глаза и мой нос были очарованы цветами, которыми был переполнен большой сад, орошенный маленькими ручейками. В этом саду были все цветы, какие только могут встретиться на земле: жасмины, нарциссы, розы, фиалки, гиацинты, анемоны, гвоздики, тюльпаны, лютики и все цветы четырех времен года. Когда я надыхался ароматом цветов, я сорвал два цветка жасмина, вложил их в свои ноздри, и оставив их там, чтобы дышать через них, возблагодарил всевышнего бога за его милости.

Затем я открыл третью дверь, и уши мои были очарованы голосами птиц всех цветов и всех форм, какие только бывают на земле. Все эти птицы находились в большой клетке, сделанной из прутьев сандалового дерева и дерева алоэ. Питьевая вода для них была налита в маленькие чашечки из нефрита и превосходной цветной яшмы; зерно было насыпа-

но в маленькие золотые блюдца; пол был подметен и полит водою; а птицы прославляли творца. Я слушал пение этих птиц, пока не настала ночь, и так закончился тот день. И я продолжал каждый день открывать две или три двери до самого сорокового дня, удивление мое возрастало с каждым днем, и вот, наконец, у меня остался один только последний ключ, и это был ключ от медной двери. Я подумал о сорока молодых девушках и испытывал величайшее блаженство, думая о том, какие у них мягкие манеры, какие у них свежие тела, какие у них упругие ноги, какие у них круглые и широкие бедра, и какие у них голоса, которыми они говорили мне:

— Йю! О, мой глаз! Йю! О. Мой огонь!

И я воскликнул:

— Бог свидетель! Наши ночи будут благословенными ночами, ночами просветления!

Но нечестивый сделал так, что я все время чувствовал у себя ключ от медной двери, он непреодолимо искушал меня, и искушение оказалось сильнее меня.

Я открыл медную дверь, вошел в просторную залу, всю посыпанную шафраном и освещенную благовонными свечами из серой амбры и ладана и великолепными лампами из золота и серебра, в которых горели ароматические масла. И вот, среди золотых подсвечников и золотых ламп я увидел чудного коня с белой звездой на лбу. Белые пятна были также на концах его задней левой и передней правой ноги. Я подумал, что этот конь подходит как раз для меня, взял его за узду, вывел в сад и сел на него. А конь распустил вдруг два огромных черных крыла, которых я не замечал до этого, ударил три раза о землю своим копытом и взлетел вместе со мною на воздух.

Земля понеслась перед моими глазами, но я сжал свои ноги и удержался, как хороший наездник. Наконец, конь спустился вниз и стал на террасе дворца из красной меди, где жили десять кривых молодых людей. Он встал на дыбы, сбросил меня с себя, ударил концом крыла в мой левый глаз, выбил его, взлетел на воздух и скрылся.

И вдруг я увидел десять молодых людей, которые, приблизившись ко мне, сказали:

— Ты сам не захотел послушаться нас. И вот плоды губельного твоего решения! Мы не можем принять тебя в нашу среду, так как нас здесь уже десятеро. Но иди в горд Багдад, к эмиру правоверных Гарун-аль-Рашиду, слава о котором дошла и до нас, и твоя участь будет в его руках.

И вот я тронулся в путь и шел вперед безостановочно, и днем, и ночью, пока не вступил в обитель мира — Багдад. Здесь я встретил этих двух кривых, поклонился им и сказал:

— Я чужеземец!

И они отвечали мне:

— И мы тоже чужеземцы!

И вот, таким образом все мы грое попали в этот благословенный дом, о госпожа моя!

Выслушав такой удивительный рассказ, молодая хозяйка дома сказала ему:

— Прекрасно! Приложи теперь руку к своей голове и уходи. Я прощаю тебя.

Но третий салук сказал:

— Клянусь богом, не уйду отсюда, пока не услышу рассказов и остальных присутствующих!

Молодая девушка обратилась к калифу Гарун-аль-Рашиду, к Джафару и к Масруру и сказала им:

— Теперь ваша очередь!

Джафар подошел к ней и повторил ей все то, что он сказал молодой девушке, отворявшей дверь. Выслушав его рассказ, она сказала ему:

— Прощаю вас всех, господа, но удалитесь немедленно отсюда!

Все они вышли и очутились на улице. Калиф сказал салукам:

— Товарищи, куда же вы направите теперь свои шаги?

А они ответили ему:

— Мы не знаем еще куда нам идти.

Тогда калиф сказал им:

— Идите с нами.

И он шепнул Джафару:

— Уведи их к себе, приведи завтра ко мне, и мы увидим, что можно будет сделать для них.

На другой день он встал, отправился в свою тронную залу, сел на трон, велел сначала принять всех начальников своих областей, и когда те удалились, сказал Джафару:

— Приведи сюда вчерашних трех молодых девушек и их черных собак, а также трех салуков.

Джафар удалился и вскоре вернулся в сопровождении всех. Молодые девушки закрыли свои лица чадрами и почтительно стояли перед калифом. А Джафар сказал им:

— Мы прощаем вас, потому что вы помиловали нас, не зная, кто мы, и были снисходительны к нам. А теперь знайте, что ваша судьба в руках пятого потомка династии Аббаса, калифа Гарун-аль-Рашида! И вы должны поведать ему всю правду.

Когда молодые девушки услышали эти слова из уст Джафара, говорившего от имени калифа, старшая из них выступила вперед и сказала:

– О, повелитель правоверных, история моей жизни так удивительна, что, будь она написана в уголке глаза, она была бы хорошим уроком для всякого, кто захотел бы прочитать ее с почтением в сердце!

Дойдя до этого места в своем рассказе, Шахразада заметила приближение утра и скромно умолкла. Заинтересованный царь снова отложил ее казнь.

А когда наступила шестнадцатая ночь, она сказала:

– О, счастливый царь, старшая из молодых девушек приблизилась к повелителю правоверных и начала так:

– О, повелитель правоверных, знай, что имя мое Зобейда. Сестру мою, ту, которая отворила тебе дверь, зовут Аминой, а младшую сестру мою – Файмой. Все мы родились от одного отца, но от разных матерей. Что же касается этих двух собак, то это мои родные сестры по отцу и по матери. Когда они еще не были собаками, они вышли замуж, но некоторое время продолжали жить в одном доме со мною. Однако, мужья их вскоре стали собираться в далекое путешествие по торговым делам, взяли по тысяче динариев, принадлежавших их женам, чтобы закупить товаров, и уехали вместе с ними, оставив меня одну.

Они пробыли в отсутствии четыре года, разорились и уехали, покинув моих сестер в чужих странах на произвол судьбы. Сестры мои испытали крайнюю нужду и, наконец, явились ко мне жалкими нищенками. Они прожили у меня целый год, пользуясь всем, что было у меня. Но однажды они сказали мне:

– Поистине, нам больше по сердцу жить в супружестве. Мы не можем долее обходиться без мужей, у нас не хватает терпения выносить одиночество.

Тогда я сказала им:

– О, сестры мои! Вы не найдете в замужестве ничего хорошего, потому что истинно честные и добрые мужья встречаются очень редко. И разве вы не испытали уже, что дает супружеская жизнь? Разве вы забыли, что вы нашли в ней?

Но сестры мои не обратили внимания на мои слова и решили выйти замуж без моего согласия. Я сделала им необходимое приданое и выдала их замуж. И они снова ушли от меня со своими мужьями.

Но мужья взяли у них все, что они получили от меня, и, бросив их, скрылись. Они вернулись снова ко мне в жалком рубище и, рассказываясь в своем поступке, сказали мне:

– О, сестра, не порицай нас! Мы обещаем тебе не произносить больше ни слова о супружестве.

Я сказала им:

– Да будут двери моего дома открыты для вас, о мои сестры! Нет у меня никого на свете, кто был бы мне ближе вас! И я обняла их и осыпала их благодарениями.

Мы прожили таким образом целый год. По истечении его мне пришла мысль нагрузить корабль разными товарами и поехать торговать ими в Басру. И, действительно, я приготовила корабль и сказала моим сестрам:

– О, мои сестры, желаете ли вы жить в моем доме до моего возвращения или же вы хотите ехать со мной?

Они ответили мне:

– Мы поедem с тобою, о сестра, потому что мы не перенесем разлуки с тобою!

Я взяла их с собою, и мы уехали.

Мы ехали, не останавливаясь, днем и ночью. Но, к несчастью, капитан сбился с пути, течение увлекло нас в открытое море, и мы попали совсем не туда, куда направлялись. Наконец, мы заметили вдали смутные очертания города, пристали к берегу, и как только мы вошли в город, мы пришли в крайнее изумление: все жители этого города были превращены в черный камень, а базары и торговые улицы были полны богатейших товаров.

Я поднялась в городскую крепость и увидела царский дворец. Я вошла в него через большие ворота из массивного золота и, приподняв бархатную занавесь, увидела, что вся мебель – золотая, и все предметы сделаны из золота и серебра. Во дворе и во всех залах стояли и сидели телохранители и придворные, и все они, хотя окаменелые, были точно живые. А в последней зале, наполненной придворными, полководцами и визирями, я увидела царя, неподвижно сидевшего на своем троне. Роскошь его одежды способна была помутить ум, его окружали пятьдесят мамелюков в шелковых кафтанах (опять мамелюки, существовавшие только в Египте!), и у каждого была в руке обнаженная сабля. Трон царя был украшен жемчугом и драгоценными камнями, и каждая жемчужина сияла, словно звезда. Поистине, я боялась, что лишусь рассудка от всех этих чудес.

Я пошла дальше и прошла через целый ряд других зал, в каждой из них я останавливалась в восхищении и так увлеклась всем тем, что представлялось моим глазам, что совершенно забыла и о моем корабле и о моих сестрах, и не замечала даже в моем восхищении, как подкрадывается ночь. Я хотела выйти из дворца и стала искать выхода, но заблудилась и не могла найти его. Наконец, я очутилась в зале, где находилось алебастровое ложе, большой бриллиант и зажженные золотые светильники. Я присела на ложе, натянула на ноги голубое атласное одеяло, шитое серебром и жемчугом, и взяла лежавшую тут священную книгу – наш Коран – на-

писанную великолепным почерком, золотыми с красным буквами и с заставками всех цветов. Я принялась читать некоторые страницы, чтобы настроиться и поблагодарить бога. Потом я прилегла на ложе, надеясь уснуть, но не могла сомкнуть глаз и таким образом пролежала до полуночи.

В полночь я услышала мягкий, нежный и приятный голос, произносивший вслух слова Корана. Я поспешила в ту сторону, откуда раздавался голос, и подошла к открытой двери. Тут я поставила светильник на пол, заглянула в дверь и увидела молельню, освещенную висячими лампами из зеленого стекла. Посредине лежал ковер для коленапреклонения, и на нем сидел юноша несравненной красоты и читал Коран мелодичным голосом, то повышая, то понижая тон. Глядя на него, я пришла в изумление, спрашивая себя, как мог один человек избежать смерти, объявшей весь этот город. Войдя в комнату, я обратилась к нему с пожеланием мира. Юноша повернул ко мне свое лицо и также пожелал мне мира. Тогда я сказала ему:

— Умоляю тебя святой правдой тех стихов, которые ты только что читал из Корана, ответь на мой вопрос: что привело город в такое состояние?

Он пригласил меня сесть рядом с ним. И я увидела, что он прекрасен, как луна во время полнолуния, и преисполнен всяких совершенств. У него был тонкий, красивый стан, щеки его были чисты, как хрусталь, лицо цвета свежих фиников, и казалось, что поэт думал о нем, слагая свои стихи:

Чтец звезд на небе наблюдал светила,
Когда очам представился его
Там стройный образ юноши младого,
И он подумал: «Верно, сам Сатурн
Дал эти кудри черные светилу,
Похожие на пышный хвост комет!
Сам Марс украсил огненным румянцем
Его ланиты! Блеск его очей,
Как тучи стрел Стрельца с семью звездами!
Меркурий сам ему ту мудрость дал
Чудесную, что всех в нем поражает.
И сам Юпитер наделил его
Той ценностью, что золота дороже!»
И чтец светил в смятение пришел,
Не мог он чуда объяснить такого.
А та звезда склонилась к нему
И улыбнулась с неба голубого!

Глядя на молящегося юношу, я почувствовала сильное волнение, и он рассказал мне следующее:

— Знай, о, высокочтимая госпожа, что этот город был столицей моего отца. Тот окаменелый царь на троне, которого ты видела — мой отец, а царица, которую ты видела — моя мать. Отец и мать мои были маги, поклонники ужасного Нардуна. Они поклонялись огню и свету, мраку и теплу, и движущимся звездам.

Но во дворце моего отца жила мусульманка, женщина преклонных лет, прикидываясь, что разделяет веру моих родителей. И отец мой относился к ней с большим доверием.

Когда я подросток, он поручил меня ей, сказавши:

— Возьми его, воспитай его, как следует. Посвяти его в законы нашей веры, дай ему хорошее образование и служи ему правдой, заботясь о всех его нуждах.

И старуха взяла меня на свое попечение, обучала меня Исламу, посвящая во все таинства, от обряда омовения до священных формул молитвы. Она подробно объяснила мне Коран на языке пророка. И когда мое воспитание было закончено, она сказала мне:

— Дитя мое, ты должен хранить это в тайне от твоего отца, ибо если он узнает это, он непременно убьет тебя!

И я действительно заботливо хранил мою тайну. После ее смерти я продолжал втайне исповедывать веру в бога и его пророка.

Но жители моего города все более черствели в своем неверии, гордости и невежестве. И вот однажды, когда они по обыкновению, исполняли свои обряды, раздался голос невидимого правоверного, и он говорил так громко, что был слышен самому близкому и самому далекому уху:

— О вы, жители этого города, откажитесь от поклонения огню и Нарду-ну, и уверуйте в единого и всемогущего бога!

Это было три раза, но население продолжало исполнять свои дикие обряды. И вот в одно утро, едва только стала заниматься заря, они были превращены в черный камень, также их лошади, и их мулы, и их верблюды, и весь скот их! Из всех жителей я один избавился от всей этой кары, потому что я один верил в единого бога.

И вот с того дня я провожу дни в молитве и посте и в чтении Корана.

Тогда я сказала ему:

— О юноша, одаренный всякими совершенствами, не отправись ли ты со мною в Багдад?

И я не переставала внушать ему желание уехать со мною, пока не доби-лась от него утвердительного ответа.

Дойдя до этого места в своем рассказе, Шахразада заметила прибли-жение утра и умолкла, не желая по своей скромности злоупотреблять раз-решением царя (а заинтригованный царь опять отменил ее казнь).

Когда наступила семнадцатая ночь, она сказала:

– Вот какими словами Зобейда продолжала свой рассказ перед калифом Гарун-аль-Рашидом, Джаифаром и тремя салуками:

– Когда наступило утро, мы и взяли с собою все, что можно было унести, спустились из крепости в город и встретили моих рабов и капитана, которые давно уже разыскивали меня.

– А что касается моих сестер, то едва они увидели меня рядом с прекрасным юношей, как исполнились зависти и втайне решили погубить меня. И в то время, как мы спали крепким сном, они поднялись, схватили меня и его вместе с нашими постелями и всем прочим и бросили в море. Молодой человек не умел плавать и утонул. Я же значилась в списке тех, кому суждено было жить, и вот, когда я упала в море, бог послал мне кусок дерева. Я села на него верхом, понеслась с ним по волнам и, наконец, была выброшена морем на берег ближайшего от Басры острова. (Но Басра не на море, а в ста километрах от моря на реке Шат-эль-Арабе, и никаких островов тут нет, автор не имел ни малейшего понятия об этом городе.) Я пошла по дороге, пока не увидела вдали, на противоположном берегу, строения города Басры. И вдруг внимание мое было привлечено змейкой-медянкой, которая с удивительной быстротой бежала ко мне, а вслед за нею показался огромный змей, который нагонял ее. Бедная медянка была уже в изнеможении от быстрого движения, и у нее высунулся язык и висел из ее пасти. Я пожалела ее, схватила большой камень, бросила его в голову змея и убила его на месте. В ту же минуту медянка развернула два крыла и, поднявшись в воздухе, исчезла из моих глаз. И я была вне себя от изумления.

Я прилегла на этом же месте и спала целый час. А когда я проснулась, я увидела у моих ног хорошенькую негритянку, которая растирала мне ступни и ласкала меня. Мною овладело смущение и я поспешила отнять у не мои ноги, потому что не понимала, чего хочет от меня эта хорошенькая девушка.

– Кто ты и чего ты желаешь от меня?

А она отвечала мне:

– Ты оказала мне неоценимую услугу, убив моего врага, и я спешила вернуться к тебе. Знай, что я та самая медянка, которую ты спасла от змея, и что этот змей – джин, а я джина. Он был мой непримиримый враг и хотел изнасиловать меня, а потом убить. И ты одна спасла меня. Но как только я избавилась от него, я поспешила настичь корабль, с которого сбросили тебя в море твои сестры. Я околдовала обоих и обратила их в черных собак, которых я привела к тебе.

И я действительно увидела двух собак, привязанных к дереву за моей спиной. А джина продолжала:

– Я перенесла в твой дом, находящийся в Багдаде, все богатства, бывшие на корабле, а корабль потопила. Что касается твоего юноши, то он утонул. А я бессильна против смерти. Один бог всемогущ!

При этих словах она взяла меня на руки, отвязала собак, моих сестер, и, взвалив нас себе на спину, полетела с нами. И мы прибыли целы и невредимы в Багдад, на террасу этого самого дома!

Я нашла здесь сложенными в величайшем порядке все богатства, бывшие на корабле. Ни одна вещь не была испорчена, и ничего не пропало.

Потом джина сказала мне:

– Повелеваю тебе святой надписью на печати Соломона отсчитывать каждый день этим двум собакам по триста ударов кнута. И если ты хоть раз забудешь исполнить это приказание, я прилечу сюда и превращу тебя в такую же собаку.

И я вынуждена была ответить ей:

– Слушаю и повинуюсь!

И с того дня, о повелитель праведных, я должна была сечь их. Но вслед за тем мною овладевала жалость, и я принималась ласкать их.

Такова моя история.

Выслушав этот рассказ, калиф Гарун-аль-Рашид был вне себя от изумления. Он обратился к юной Амине, отворившей ему двери предшествовавшей ночью, и спросил ее:

– Теперь расскажи нам ты, о красавица, почему у тебя все тело покрыто следами от ударов плетью?

При этих словах калифа юная Амина выступила вперед и сказала:

– О, эмир правоверных! Знай, что когда умер наш отец, я и младшая из нас пятерых – Фаима – поселились отдельно от других с нашей матерью, тогда как сестра моя Зобейда и две других сестры поселились с их матерью.

Вскоре после этого мать моя выдала меня замуж за старика, который был самый богатый человек своего города и своего времени. Через год после женитьбы он умер и оставил мне восемьдесят тысяч динариев, составлявших по нашим законам мою часть.

Я поспешила заказать себе десять великолепных платьев, по тысяче динариев за каждое, и ни в чем не отказывала себе.

И вот однажды, когда я сидела у себя, ко мне пришла в гости старуха, которую я никогда раньше не видела и сказала:

– О, госпожа, соединяющая в себе все прелести и совершенства! У меня живет бедная сиротка, и эта ночь будет ее свадебной ночью. И вот я пришла просить тебя – и бог вознаградит тебя за твою доброту – оказать нам честь присутствовать на свадьбе этой бедной девушки.

Я, не подозревая обмана, почувствовала к ней жалость и сказала ей:

– Слушаю и повинуюсь!

Я выбрала самое красивое из своих новых платьев, надела мое лучшее ожерелье из крупного жемчуга, мои браслеты и запястья, и все мои драгоценности; потом я закуталась в мою голубую, затканную золотом, вуаль, подтушевав глаза сажей. Когда вернулась старуха, мы вышли с нею и остановились перед величественным порталом из мрамора с алебастровой сводчатой крышей, а за ним, в глубине двора мы увидели высокий дворец, который поднимался почти до самых облаков. Мы вошли через портал в коридор, обитый коврами и обоями, и освещенный цветными лампами, подвешенными к потолку, и светильниками, горевшими на всем протяжении. На стенах висели разные предметы из золота и серебра, разные драгоценности и оружие из драгоценных металлов. Посредине залы, обтянутой шелковыми материями, стояло алебастровое ложе, украшенное жемчугом и драгоценными камнями, и над ним спускался атласный полог.

С этого ложа приподнялась молодая девушка, прекрасная, как луна, и сказала мне:

– О, сестра моя! Ты оказала нам величайшую честь!

Потом она произнесла следующие стихи поэта, обращаясь ко мне:

О, если б камни этого жилища
Проведали о госте дорогом,
Они друг другу это рассказали б
И радостью исполнились бы светлой,
Любуясь на след его шагов!
И на своем наречье закричали:
«Привет, привет сердечный и радушный
Великодушным дорогим гостям!»

Потом она присела и сказала мне:

– О, сестра моя, я должна сказать тебе, что у меня есть брат, который видел тебя на одной свадьбе. Это очень красивый юноша, гораздо красивее меня. С той самой ночи он полюбил тебя нежным и пылким сердцем. И это он дал денег старухе, чтобы она пошла к тебе и привела тебя при помощи хитрости, которую она придумала. Он прибегнул к этому, чтобы встретиться с тобою у меня, ибо у него только одно желание – жениться на тебе в этом году, благословенном богом и его пророком.

Она захлопала в ладоши. Отворилась дверь, и в комнату вошел юноша, прекрасный, как месяц:

Достиг такой он дивной красоты,
Что стал Творца творением достойным,
Сокровищем на славу ювелира,
Создавшего такую красоту!

Он в красоте дошел до совершенства,
До цельности! Не должно удивляться,
Что всех с ума он сводит от любви.
Его краса нам взоры ослепляет,
Она в его написана чертах,
И я клянусь, что нет в подлунном мире
Другой, ему подобной, красоты!

Сердце мое склонилось к нему. Он подошел и сел рядом со своей сестрой, и вслед за тем вошел кади и четыре свидетеля. Кади написал наш брачный договор, свидетели подкрепили его своими печатями, и после этого все удалились.

Молодой человек обвил мою шею руками, и я почувствовала, что любовь его проникает в мое тело до самой глубины моего сердца.

Рабы тотчас же накрыли стол, и мы ели и пили до насыщения. Потом, когда наступила ночь, он лег вместе со мною на ложе, и мы провели всю ночь, сжимая друг друга в объятиях до самого утра.

Мы провели таким образом целый месяц в блаженстве и радости. В конце месяца я попросила у своего мужа позволения пойти на базар и купить несколько материй, и он позволил мне это. Я оделась, взяла с собой старуху, которая оставалась в доме с того времени, и вышла на базар. Я подошла к лавке молодого торговца шелковыми материями, которого мне очень хвалила старуха за доброкачественность его материй, и которого, по ее словам, она знала уже очень давно.

Когда мы отобрали некоторые материи, мы предложили торговцу плату за них. Но он отказался принять деньги и сказал:

— Сегодня я не приму от вас денег. Пусть это будет подарок за то удовольствие и честь, которые вы мне сделали, зайдя в мою лавку!

Я сказал старухе:

— Если он не желает принимать денег, отдай ему обратно его материи!

А он вскричал:

— Бог свидетель! Я не приму их от вас обратно! Я подарил их тебе! А взамен их подари мне, о, прекрасная девушка, один поцелуй, один только поцелуй! Для меня твой поцелуй стоит гораздо больше, чем все товары, находящиеся в моей лавке!

Старуха со смехом сказала ему:

— О, прекрасный молодой человек! Ты, вероятно, сошел с ума, считая поцелуй чем-то неопределимым!

Потом она сказала мне:

— О, дочь моя, слышишь, что говорит этот молодой торговец! Ты можешь быть спокойна, с тобою не случится ничего дурного из-за одного

маленького поцелуя, которого он у тебя просит. Позволь поцеловать себя, но сама не говори ни слова и не делай никаких движений: таким образом, тебе не в чем будет упрекнуть себя.

Старуха продолжала всячески оправдывать такой поступок, и я, наконец, согласилась вложить свою голову в мешок и принести ему эту жертву. Я закрыла глаза и приподняла края своего покрывала, чтобы не могли ничего заметить прохожие. И вот молодой человек просунул свою голову под мое покрывало, приблизил свои губы к моей щеке и поцеловал меня. Но при этом он укусил меня, и так сильно, что щека была прокушена до крови! Я от боли и от волнения лишилась чувств.

Когда я очнулась, я нашла себя на коленях у старухи, которая сказала мне: — Теперь нам надо вернуться домой. Ты притворись, что больна, а я принесу тебе лекарство, которое ты приложишь к укушенной щеке, и она тотчас же исцелится.

Вся охваченная мыслями и страхом за последствия, я направилась к своему дому, и возвратившись домой, притворилась больнойю.

Ко мне вошел мой муж, весьма озабоченный, и сказал мне:

— О, госпожа моя, что за несчастье случилось с тобою в то время, когда ты уходила из дому?

И я отвечала ему:

— Ничего не случилось. Я совершенно здорова.

Тогда он внимательно посмотрел на меня и сказал:

— Но что за причина раны на твоей щеке, на самом нежном и тонком месте?

И я сказала ему:

— Когда, с твоего разрешения, я вышла сегодня из дому, чтобы купить эти материи, верблюдов, навьюченных дровами, прижал меня в загроможденной улице, разорвал у меня покрывало, и ранил у меня щеку, как ты сам видишь. О, эти узкие улицы Багдада!

Он очень рассердился и сказал:

— Завтра же пойду к правителю города и пожалуюсь на погонщиков верблюдов и дровосеков, и правитель прикажет повесить их всех до последнего!

Я, охваченная состраданием, сказала:

— Ради бога, не бери на себя прегрешений других. Это произошло по моей вине, и только по моей, потому что я села на осла, который начал подомной брыкаться и прыгать. Я упала на землю, и по случайности на этом месте оказался кусок дерева, который и повредил мне лицо и ранил щеку!

Тогда он вскричал:

— Завтра же пойду к Джафару-аль-Бармаки и расскажу ему эту историю, и он убьет всех ослов в городе!

Тогда я вскричала:

— Не желаешь ли ты убить весь мир ради меня? Знай, что все это случилось по воле бога и по его предопределению

Услышав эти слова, мой муж не мог больше сдержатъ своей ярости и закричал:

— О, вероломная! Довольно лжи! Ты должна понести наказание за свою вину.

На его зов открылись двери, и в комнату вошло семь ужасных негров, которые схватили меня с моего ложа и бросили на середину двора того дома. Муж мой приказал одному негру держать меня и сесть на меня; а другому негру приказал сесть на мои колени и держать мои ноги. Третий негр, у которого был в руке меч, вышел вперед и сказал:

— О, господин мой! Я ударю ее мечом и рассеку на две части!

А другой негр прибавил:

— И каждый из нас отрежет у нее по большому куску тела и бросит его на съедение рыбам в реку Тигр! Ибо таково должно быть наказание каждому, кто изменяет клятве и дружбе!

А чтобы подкрепит свои слова, негр произнес стихи:

Когда б я видел, что в мою любовь
Вмешался третий, в миг бы возмутилась
Моя душа и вырвала б навек
Она любовь погибельную эту!
И я б сказал душе моей тогда:
«Моя душа, для нас с тобою лучше,
Коль в благородстве вместе мы умрем,
В любви с врагом ведь не бывает счастья!»

Тогда мой муж сказал:

— Говори громким голосом свою исповедь, потому что пришел конец твоей жизни!

А я сказала ему:

— О, служитель Всеблагого! Дай только мне время исповедаться и делать свое завещание!

Я подняла свои взоры к небу, и потом обратила их на самое себя и начала думать и размышлять о том жалком и унижительном положении, в котором я находилась. У меня потекли слезы, я заплакала и произнесла следующие строфы:

В моей груди разжег ты пламя страсти,
Но сам остался холоден ко мне!
Мои глаза ты бодрствовать заставил
В течение долгих сладостных ночей,

А сам теперь спокойно засыпаешь!
Но я!.. Ведь место я тебе дала
Меж глаз моих и сердца! Как же может
Оно теперь забыть тебя, и как
Могу не плакать больше о тебе я?...
Ты мне клялся в безмерном постоянстве,
Но чуть лишь сердце покорил мое,
Как тотчас взял свое обратно сердце,
Теперь тебе не жаль его совсем.
Моей ты грусти сострадать не можешь!
Неужто вправду и родился ты,
Лишь на мое, да юности несчастье?
Друзья мои! Я богом вас молю,
Когда умру я, на моей могиле
Вы напишите: «Здесь лежит преступник
Ужаснейший на свете: он любил!»
Тогда, быть может, путник огорченный,
Что сам познал страдания любви,
Слезу уронит жалости невольной
И на останки бранные мои!

Когда я кончила эти стихи, я опять залилась слезами. Услышав мои слова и увидя мои слезы, мой муж пришел еще в большую ярость, и произнес мне в свою очередь такие стансы:

Нет, не от скуки, не от пресыщенья
Покинул я того, кого любил!
Он совершил такое преступленье,
Что я его покинуть должен был!
Он пожелал, чтоб в нашу страсть вмешался
Еще и третий! Вся ж моя душа,
Мои все чувства и весь разум мой
Никто из них на то не соглашался!

Когда он окончил эти стихи, он подозвал негра и сказал ему:
— Разруби ее на две половины! Она уже нам больше не нужна!

Негр обратился ко мне, я уже была уверена в своей смерти, и думала, что мне не остается ничего больше, как только вверить свою судьбу всевышнему богу. Но в этот миг я увидела старушку, которая вошла и бросилась к ногам молодого человека. Она обняла их, и сказала ему:

— О, дитя мое! Я умоляю тебя, я, твоя кормилица, во имя тех попечений, которыми я окружала тебя, помилуй эту девушку, так как она не со-

вершила поступка, заслуживающего такой кары! Ты еще так молод, и я боюсь, чтобы на тебя не пало ее проклятие!

Старушка заплакала, и до тех пор продолжала преследовать его своими мольбами, пока он не сказал ей:

— Ну, хорошо, ради тебя я пощажу ее! Но за все это я хочу положить на нее клеймо, которое не сходило бы с нее в продолжение всей остальной ее жизни!

С этими словами он отдал приказание неграм, которые тотчас же сорвали с меня все одежды, и выставили меня совершенно обнаженную. Он приказал одному из них принести гибкий прут айвы, бросился на меня и начал сечь все мое тело, а сильнее всего мою спину, мою грудь и мои бока. Он бил меня так жестоко и так сильно, что я лишилась сознания, потеряв всякую надежду остаться в живых после таких побоев. Наконец, он перестал меня бить и ушел.

Когда я пришла в себя, я не могла сделать ни малейшего движения. Потом я прибегла к помощи различных лекарств и мало-помалу исцелилась, но следы ударов и рубцы остались на моих членах и на моем теле. И вы сами видели их.

Когда, в конце четвертого месяца, я совершенно поправилась, я желала бросить взгляд на дворец, в котором я перенесла такое истязание. Но он был разрушен до основания, и он и вся улица, на которой он стоял, от одного конца и до другого.

На месте всех этих чудес не оставалось ничего более, кроме груды отбросов, собранных со всего города. И, несмотря на все мои поиски, я не могла ничего узнать о моем муже.

Тогда я вернулась к моей младшей сестре Фаиме, которая оставалась девицей, и обе мы отправились к нашей старшей сестре по отцу, Зобейде, той самой, которая рассказала тебе свою историю и историю сестер, обращенных в собак.

Таким образом мы прожили в полном счастье, вдали от мужчин, до того дня, когда сестра наша Фаима привела нам носильщика, нагруженного множеством вещей, и мы пригласили его отдохнуть в нашем доме. Вслед за тем пришли три салука, после них вы трое, переодетые купцами. И ты знаешь, что случилось, и каким образом мы были отданы в твои руки, о, повелитель верующих!

Калиф крайне изумился и ...

Но, дойдя до этого места в своем рассказе, Шахразада заметила приближение утра и скромно умолкла. Ей опять не отрубили голову в ожидании конца рассказа.

А когда наступила восемнадцатая ночь, она сказала:

– О, счастливый царь! Когда калиф Гарун-аль-Рашид выслушал рассказы двух молодых девушек Зобейды и Амины, которые стояли перед ним рядом с младшей сестрой Фаимой и двумя черными собаками и тремя салуками, он приказал писцам канцелярии записать самым изысканным почерком оба эти рассказа, а также рассказы трех салуков и хранить их в царских архивах. Потом он сказал старшей из молодых девушек Зобейде:

– А теперь скажи, о, госпожа, исполненная благородства, не знаешь ли ты, где эта джина, околдовавшая твоих двух сестер, придав им вид собак?

И Зобейда отвечала:

– О, эмир правоверных! Я имею возможность узнать это, так как она дала мне прядь своих волос и сказала:

– Когда тебе понадобится моя помощь, сожги один из этих волосков, и я тот же час явлюсь, где бы я ни была, хотя бы даже за Кавказской горой!

Тогда калиф сказал молодой девушке:

– Дай мне эту прядь волос!

Он взял из нее один волос и сжег его. И вот только послышался запах горелых волос, весь дворец затрясся, как от подземного удара, и вслед за тем появилась джина в образе роскошно одетой молодой девушки. Она была мусульманской веры и не преминула сказать калифу:

– Мир с тобой, о, викарий божий!

Калиф ответил ей:

– Да снизойдет и на тебя мир и да будет с тобой милосердие божие и его благословение!

Она сказала ему:

– Знай. О повелитель правоверных, что эта молодая девушка, которая вызвала меня сюда по твоему желанию, оказала мне великую услугу и посеяла в душе моей семена, которые пустили ростки. И потому, что бы я ни сделала для нее, я никогда не в состоянии буду вознаградить ее за то добро, которое она оказала мне. Что касается до ее сестер, то я не убила их только потому, чтобы не причинить их сестре слишком большого огорчения. Но если ты, о, повелитель правоверных, желаешь их освобождения, то я могу возратить их прежний образ – в угоду тебе и их благородной сестре! Я никогда не забываю, что я – добрая мусульманка!

Тогда он сказал ей:

– Разумеется, я желаю, чтобы ты освободила их!

Джина взяла чашку с водой, произнесла над ней какие-то заклинания, окропила этой водой обоих собак и сказала им:

– Примите сейчас же ваш прежний человеческий облик!

И в то же мгновение обе собаки превратились в молодых девушек, красота которых служила во славу творцу, создавшему их!

Вслед за тем джина повернулась к калифу и сказала ему:

– Знай, что человек, истязавший юную Амину, – твой собственный сын Эль-Амин!

Гарун-аль-Рашид был чрезвычайно изумлен и сказал:

– Хвала богу, дозволившему освободить этих двух молодых девушек при моем посредничестве!

Потом он призвал своего сына Эль-Амина и тот сознался ему во всем. Калиф велел привести нескольких кади и свидетелей и вторично женил своего сына на юной Амине. Юную Зобейду он выдал замуж за первого салука, сына царя, а двух других молодых девушек за второго и третьего салука, сыновей царей. Потом он приказал написать свой собственный брачный договор с молодой девушкой, ходившей за покупками, с очаровательной, кроткой девицей Фаимой.

Он повелел выстроить отдельный дворец каждой паре и осыпал всех богатствами, чтобы могли жить в счастье и довольстве. А сам с наступлением вечера поспешил в объятия юной Фаимы, с которой провел восхитительную ночь.

– Но, – продолжала Шахразада, обращаясь к царю Шахрияру, – не думай, о счастливый царь, что в этом рассказе больше чудес, чем в том, который я сей час расскажу тебе!

И она начала «Рассказ о зарезанной женщине, о трех яблоках и о негре Ригане»...

Глава V

КОГДА И ГДЕ ВОЗНИК СБОРНИК СКАЗОК «ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ»

Да не посетует на меня читатель за эту длинную, хотя и значительно сокращенную, но все же вполне сохранившую колорит подлинника выписку из «Тысячи и одной ночи». Обойтись без разбора этого знаменитого произведения мне было невозможно в моем исследовании древней и средневековой умственной культуры человечества.

Писать об этом сборнике как о чем-то уже хорошо известном читателю не имело никакого смысла, так как я заранее знаю, что из тысячи моих читателей девятьсот девяносто знают «Тысячу и одну ночь» только по имени, а если и читали когда-то, то вслед за тем забыли ее содержание. А между тем для убедительности того, что я буду говорить далее, мне необходимо создать о ней у читателя свежее впечатление.

Разберем, прежде всего конструкцию рассказа. Это не суставчатое повествование, вроде Одиссеи и евангелий, где как членики у сороконожки, соединены искусственными переходными мостиками отдельные легенды, имеющие сюжетом разнородные приключения, или поступки одного и того же героя. И это не позвоночный роман, вроде разобранного нами Наля и Дамаянти, где события от самого начала ведут двумя или несколькими переплетающимися друг с другом нитями событий к заранее придуманной развязке.

Если суставчатые средневековые рассказы мы имели право по их конструкции сравнить с многосуставчатыми животными, а скелетные рассказы с позвоночными, то рассказы этого типа находят себе аналогию с классом лучистых животных, в терминологии Кювье, вроде морских звезд или морских лилий, с лучистым расположением одинаковых частей тела. Действительно, рассмотрим структуру данного рассказа.

Начинается он приготовлением к пиру в доме трех сестер, к которому присоединяется носильщик продуктов. Затем стучатся трое пугников, окажывающихся потом принцами, и легендарный калиф Гарун-аль-Рашид, но все дают обязательство не спрашивать хозяек о том, что они видят. Однако поведение сестер с двумя собаками так странно, что гости нарушают обещание не спрашивать ничего и взамен этого принуждены сами рассказать им свои приключения. И вот, как три луча из одного ствола

вырастают из этого пролога три рассказа салуков, совершенно независимые друг от друга, и могущие без всяких изменений фигурировать совсем отдельно. Тут можно было бы и закончить рассказ, но автор заставляет Гарун-аль-Рашида после его возвращения домой с этой вечеринки еще раз собрать всех участников пиршества в своем дворце, и по его требованию опять, как два луча из того же стебля вырастают совершенно независимые от всего предшествовавшего между собою рассказы двух старших сестер, выслушав которые Гарун-аль-Рашид устраивает всеобщее бракосочетание присутствующих, замыкая все лучи в одном эпилоге.

Такой лучистый тип рассказов, где пролог сменяется несколькими независимыми рассказами присутствующих, каждого о себе, и затем заканчивается общим для них эпилогом, является после суставчатого типа второй ступенью эволюции беллетристического творчества, как бы подготовкой к позвоночному типу новейших романов. И этот тип был довольно распространенным в начале эпохи Возрождения. Он характеризуется фантастичностью отдельных рассказов. Герои их очень часто говорят совершенно неестественно, вставляя в свои реплики, как здесь, целые стихотворения, которые им, конечно, не было времени сочинять, и рядом с сентиментальностью речей и с изысканным эпитетизмом поступков часто фигурирует крайняя жестокость нравов.

В эпилоге рассказа автор часто забывает ту характеристику, какую он дал действующим лицам в прологе. Так, например здесь девицы, раздевавшиеся перед зашедшим к ним молодым носильщиком догола, бросавшиеся к нему на шею и на колени, и сажавшие его самого обнаженного на колени к себе, оказались в конце чрезвычайно целомудренными, а одна из них Амина была даже дважды замужняя: сначала за одним богатым и скоро умершим стариком, а затем за истязавшим ее из несправедливой ревности сыном самого Гарун-аль-Рашида, которому ее снова возвратили. А что сделал бы этот сын, если б увидел ее вдобавок еще голою на коленях у голого же молодого носильщика в прологе к этому рассказу?

Такого рода сборные фантастические произведения, из каких составлен сборник «Тысяча и одна ночь», как раз характерны для средневековой европейской литературы, а потому естественно возникает вопрос: где же он составлен?

Нам говорят:

Зерном этого огромного сборника сказок было затерянное неизвестно где и как собрание персидских сказаний под названием «Хезар Эфсан», т.е. «Тысяча сказок», откуда, будто бы заимствована и уловка Шехерезады, избавиться от грозящей ей каждое утро казни.

«В эти удобные рамки, – говорят нам, – вошло помимо основных персидских рассказов множество вставных анекдотов, и все это в разное время изменялось, дополнялось разными рассказчиками. Ни о какой хронологии не может быть и речи. Гарун-аль-Рашид, очень часто фигурирующий здесь, умер по исторической традиции в 809 году, а потому и древнейшие из этих сказок были не ранее IX века нашей эры, но по ряду других указаний его составление относят к XV веку, дата, которая вошла и в энциклопедические словари».

Но точно ли это было даже не позднее?

Впервые читающая публика всего нашего земного шара ознакомилась с этим замечательным произведением лишь в Париже в 1707–1717 году, когда некто Галлан (*Galland*) выпустил в свет 12 маленьких томиков, содержащих только 282 ночи современного нам деления¹, да и то не в таком виде, как теперь. Они были написаны типичным французским слогом XVIII века с всею его утонченностью и манерностью. Сначала не без оснований утверждали, что это плод фантазии самого Галлана, хотя он говорил издателю, что записал их со слов одного христианина из Алеппо, «который, вероятно, узнал их из каких-нибудь неизвестных Галлану сборников». На предложение показать арабскую рукопись, с которой он сделал перевод, Галлан ответил, что она затерялась, а на указание множества анахронизмов, и особенно географических и бытовых ошибок, неуместных в рассказах перса или араба магометанского периода, часть которых, например, и я указал и здесь, ответил еще более наивной отговоркой. Он свалил на издателя-книгопродавца (может, не без его согласия) несколько явно неподходящих повестей. Они были будто бы внесены в сборник издателем без ведома самого Галлана. Особенно относилось это к восьмому тому (из двенадцати вышедших), в котором Шехерезада рассказывает уже типические сказки очень позднего времени.

Но как же книгопродавец, не будучи сам писателем, мог ввести в перевод Галлана посторонние произведения, когда выпуск книги не мог обойтись, как и всегда, без авторской корректуры? Теперь весь этот так называемый «вольный перевод Галлана» считается искажением арабских подлинников, открытых европейцами уже потом, но «заслуга Галлана, – говорят нам, – заключается в том, что он первый ознакомил XVIII век с совершенно новой и неведомой литературой, возбудил интерес к Востоку и сделал это тогда, когда слово «восточный рассказ» применялось лишь как удобная маска, под которой можно было развивать различные свободные идеи, осмеивать великих сего мира, когда восточный костюм был толь-

¹ Les 1001 nuits traduits par Galland 1707–1717.

ко удобным переодеванием для сатиры на самые жгучие современные темы, о которых конечно никогда и не снилось ни арабам, ни персам».

Так говорят нам сами библиографы², а мы прибавим к этому только еще один поразительный факт.

Мы только что видели, что двенадцать томиков Галланова перевода «1001 ночи» появились в свет в промежуток от 1707 до 1717 года включительно. Но ослепительный успех первых же двух его книжек вызвал подражание. В параллель к «1001 ночи», переводимой Галланом якобы с арабского, Пети де ля Круа (*Petis de la Croix*) начал выпускать «1001 день», переводимый им якобы с персидского. Отпечатав первый томик через три года после первого Галланова, он закончил свой последний (пятый) на пять лет ранее последнего томика Галлана.

И вот в промежуток между 1710 и 1712 годами мы видим курьезное и единственное в своем роде соревнование двух парижских писателей востоковедов. На каждый томик Галлановой «1001 ночи» Пети де ля Круа выпускает один или два томика «1001 дня»³, и эти персидские «дни», хотя впоследствии и не сделались так популярны, как арабские «ночи», в свое время составили немаловажную конкуренцию Галлану, и потом переиздавались и переводились на разные языки даже и в конце XIX века.

Вот как А. Крымский⁴ характеризует всю эту историю.

В предисловии к 1 выпуску «Тысячи и одного дня» издатель (не сам ли Пети де ля Круа) говорит, что он представляет собою перевод персидского сборника сказок и повестей, озаглавленного по-персидски «Хазар о йакъруз» и написанного в ранней молодости знаменитым испаганским шейхом Мохлисом, с которым Пети де ля Круа хорошо познакомился в 1675 году, когда Мохлис (*le célèbre dervis Mocles*) был уже почтенным «старцем» испаганских суфиев, ходил в сопровождении двенадцати послушников, одетых в белые длинные шерстяные рясы и пользовался глубоким уважением народа, вельмож и самого шаха Персии – Солеймана. Давно у него хранившийся, от молодых лет, сборник «Хазар о йакъруз» он позволил переписать Пети де ля Круа и объяснил, что это собрание сказок и повестей было переделано им по-персидски из сюжетов индийских комедий; такие индийские комедии, только не в повествовательной, а

² См., например, предисловие к I тому «Тысячи и одной ночи» в русском переводе. Изд. 1902 г. С. 9.

³ *Les miller et un jour. Contes persans traduits en françois par Pétis de la Croix, docteur des secretaries interprètes du roy, lecteur et professeur au college royal Paris 1710–1712.*

⁴ Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским Институтом Восточных языков. Выпуск VIII.

в драматической форме, переведены – по словам предисловия – на все восточные языки, между прочим и на турецкий, под заглавием «Радость после победы». Рукопись турецкого перевода с этим заглавием – говорит предисловие – находится à la biblio thèque du roi (т.е. в книгохранилище персидского шаха? или в библиотеке короля Людовика XIV? – спрашивает А. Крымский). В виду сходства общего плана и характера персидского «1001 дня» с арабской «1001 ночью», которую тогда же перевел Галлан, надо заключить – продолжает предисловие к «1001 дню» – что один из этих сборников есть подражание другому, и «так как мы не знаем в точности, когда составлены арабские сказки, то нельзя сказать, составлены ли они ранее или позднее персидских».

Все в этом предисловии ярко подозрительно. От Пети де ля Круа остался его дневник, где он о дервише Мохлисе говорит достаточно, но нигде в этом дневнике не сказано, чтобы Мохлис составил когда-либо «1001 день». О существовании такого персидского сборника дневник не упоминает, да и вообще до наших дней нигде не был отыскан какой-нибудь персидский сборник с таким заглавием или содержанием. Восточных беллетристических сборников под заглавием «Радость после победы» существует несколько⁵, но ни один не подходит к тому «турецкому переводу индийских комедий», который – по словам издателя «1001 дня» будто бы был сделан когда-то, раньше дервиша Мохлиса. С полной уверенностью можно думать, что все предисловие к этим книжкам есть мистификация издателя, рассчитанная на более успешную конкуренцию с «1001 ночью» Галлана. Никакого персидского сборника «Хазар о йакъруз» не существовало, и «1001 день» составлены самим Пети де ля Круа, только неизвестно по каким источникам. Чрезвычайно возможно, что многое он сам присочинил из своей головы; однако считать весь сборник сплошь за его личное произведение нельзя, потому что ко всем почти его рассказам имеются параллельные или в «1001 ночи» или в других сочинениях на том или другом восточных языков⁶. Вероятно, Пети де ля Круа делал свои заимствования и из арабского сказочного репертуара, и из персидского, и из турецкого.

В первой четверти XIX века «1001 день» был сильно пополнен Лесажем (в издании *Rapilly*) другими восточными сказочными элементами: из Галлана, Шависа и Казотта, Кардонна и др. Из числа этих элементов

⁵ Перечень их у Шовена в *Bibliographie arabe*, IV. С. 126.

⁶ Оглавление сказок «1001 дня» можно найти у Шовена в *Bibliographie arabe*, т. IV, стр. 219–221, а краткое изложение каждой сказки, с богатейшим указанием восточных литературных и фольклорных параллелей – в V–VII томах под теми номерами, которые в IV томе на стр. 219–221 поставлены слева при заглавии каждой сказки.

сказки, переведенные в XVIII веке с арабского языка Кардонном, и рисковавшие сделаться забытыми (на своей родине), приобрели под фирмой «1001 дня» большую популярность, хотя большая часть читателей не знает их позднего происхождения. Одному из переводов Кардонна, живой и остроумной сказке про истопганные пантофли старого скупца, от которых он не может избавиться и которые его доводят до разорения, — особенно посчастливилось в малорусской литературе: в прекрасной, талантливой стихотворной обработке И. Франка, который сумел, сохраняя восточный колорит, приурочить ее к малорусским нравам, эта сказка под заглавием «Абу-Касимови капци», вышла во Львове в 1885 году и с того времени выдержала еще два издания; одно из них — в Черкассах, 1900 г.

Таковы собственные слова А. Крымского.

Итак, первое издание «1001 дня» есть ни что иное, как мистификация, в которой не отличишь, что сочинил Пети де ля Круа у себя в Париже от имени арабов, и что он, может быть, действительно заимствовал случайно из восточных сюжетов, но разукрасил их павлиньими перьями своей французской фантазии XVIII века. Да и последующие сильно дополненные и развитые издания этого произведения не больше имеют ручательств за достоверность.

Но не то ли же и с «1001 ночью»? Ведь открытие «подлинников» после того, как прославился псевдоперевод почти неизбежно: это очень выгодная афера. Стоит только перевести апокрифическое произведение на приписываемый ему первоначальный язык и, предоставив его богатому любителю тлт учреждению, получить большие деньги.

Вот почему и при разборе «1001 ночи» надо задаться вопросом: а может быть, ни арабам, ни персам не снилась даже и сама «1001 ночь», раньше, чем они узнали о ней от европейцев?

Ведь со времени Галланова изложения в 1707–1717 годах прошло ровно столетие до того времени, как стали открываться в XIX веке различными искателями арабские оригиналы «1001 ночи». А до того времени они уже прославились в Европе. В 1789–1793 году появились они на французском языке в Женеве под названием «Кабинет фей» (*Cabinet des fees*) в 41 томике, из которых последние четыре содержали новый ряд рассказов, написанных тоже в стиле Галлана, и ими зачитывались в Европе. Затем в 1806 году Кассэн

⁷ Она в обыкновенном прозаическом переводе известна и на русском языке: «Старые бабуши Абу-Кассема» — Сын отечества, 1850. Т. 3. Кн. 5. С. 44–48. Генезис этой сказки см. у В. Шовена в *Bibliographie arabe* (Т. VI, № 283. С. 129). По-арабски, кроме отмеченного Шовеном Йон-Хьжже, она есть и в северносирийском сборнике начала XVIII века: изд. В Бейруте, 1877, где герой назван Абу-Солейманом Татарским.

де Персеваль издал «пересказ Галлана» с дополнениями новых рассказов, а вслед за ним Готье (*Gautier*) в своем издании добавил еще более.

Сказки Шехерезады гремели, таким образом, в переводах в начале XIX века по всей Европе, а арабских подлинников все еще нигде не обнаруживалось...

Надо же было, наконец, прекратить это безобразие! Необходимо было во что бы то ни стало найти арабский текст повсюду прославленной в Европе, но неизвестной у себя на родине «Тысячи и одной ночи». Начались усердные поиски. Авантюристы, как охотники за тетеревами, устремились вслед за учеными-ориенталистами на Восток, в Персию, в Индию. И вот в первой четверти XIX века начали появляться и «подлинники». Одна за другой были открыты семь арабских рукописей.

Одна из них, покороче, была найдена на берегах Средиземного моря, в портовом сирийском городе Бейруте отцами-иезуитами и отпечатана в 4 томах. Другая, уже более полная, оказалась заброшенной в западную Индию в портовый же город Бомбей на берегу Индийского океана, и отпечатана англичанами там тоже в 4 томах. Третья рукопись, но содержащая лишь первую половину без конца, была обнаружена попавшею в восточную Индию и Калькутту на берега Брампутры и отпечатана там же в двух томах между 1814 и 1818 годами. Четвертая и много более полная была откуда-то доставлена в Германию и издана в Бреславле Габихтом в 12 томах (1825–1843 гг.). Пятая рукопись обнаружилась опять в Индии в Калькутте и издана там же *Macnaghtene* в 4 томах (1830–1842). Шестая появилась на берегах Нила в Каире и издана там в 2 томах (1835 г), а вслед за ней в Каире же нашли и еще рукопись, которую издал *Ezbékieh*.

Только в самом Багдаде, где жил главный герой рассказа Гарун-аль-Рашид, и особенно часто сосредотачивается действие, да в Басре, куда тоже часто приплывают герои этих сказок и в других, нередко упоминаемых месопотамских и персидских городах не открыли, — увы! — несмотря на все старания, ни одной рукописи «Тысячи и одной ночи»! Да и все семь найденных в таких отдаленных друг от друга странах показывают признаки переписки большинства мест с одной и той же рукописи.

Вот каким окружным путем познакомились, наконец персы, турки, арабы, индусы и египтяне со своим великим произведением, уже сто лет гремевшим по отдаленной от них Европе в псевдо-переводах на все ее главнейшие языки.

Понятно, что при переходе на арабский язык и на магометанскую почву, многое в первичном изложении Галлана и в изложении его европейских дополнителей оказалось совершенно неприемлемым в бытовом отношении, а потому поднялся вопрос и о необходимости нового исправленного, т.е. подведенного под арабские условия жизни перевода «Тыся-

чи и одной ночи» по только что открытым рукописям. И вот, в 1839–1840 годах появился в Штутгарте немецкий перевод Вейля, сделанный по Бреславскому и Булакскому изданиям и проверенной по появившейся (я не мог узнать откуда) в Готтской библиотеке новой арабской рукописи. Одновременно с ним в Лондоне в 1839–1840 годах появился первый английский перевод Лена⁸ в трех томах с многочисленными учеными примечаниями, где были только лучшие рассказы Булакского издания, а затем явились и другие английские переводы.

И вот уже в конце XIX века наступила, наконец, пора и ученых изданий, снабженных многочисленными примечаниями. Как и всегда бывает с азиатскими открытиями сенсационных рукописей – сделано ли это немецким доктором Шпренгером или итальянскими «отцами иезуитами» – после находки первой рукописи или, в случае ее великой сенсационности, нескольких ее копий в различных отдаленных друг от друга и обыкновенно не подходящих для сюжета местностях, дальнейшие находки данного произведения совершенно прекращаются. В противоположность остаткам давно исчезнувших животных, радующих геологов с каждым десятилетием обнаружением где-нибудь нового своего зуба или даже целой челюсти и скелета (несмотря на неспособность даже и костей сохраняться на непокрытой ничем поверхности земли, благодаря разрушающему действию микробов, которыми она усыпана), самые сенсационные чудеса азиатской письменности после их напечатания уже более не обнаруживают себя филологам...

Перестала обнаруживать себя в арабских рукописях и «Тысяча и одна ночь» после первого порыва (в начале XIX века) выйти наружу в арабских подлинниках, хотя бы и далеко от центрального места, в котором сходились ее герои – волшебного города Багдада.

Сэр Ричард Бертон, посвятивший изучению этого предмета целых 33 года, не нашел в 1836 году лучшего экземпляра чем Калькуттский текст *Macnaghtene*, отпечатанный в Индии между 1830 и 1842 годами, для выпуска в свет своего ученого труда – книги «Тысяча и одна ночь»⁹, в которую из шестнадцати томов шесть отведены для дополнений.

Это же можно сказать и об ученом немецком переводе Макса Геннинга, вышедшем в 1890 году в 24 томиках, и о самом многосказочном из всех, французском переводе д-ра Мурдруса, вышедшем в 1901 году в 16 томах, где он руководился Булакским изданием, несмотря на то, что со времени открытия его рукописи прошло уже 60 лет, дополнив его лишь

⁸ Lane: New translation of the tales of a thousand and one night.

⁹ Sir R. Burton. The book of the thousand nights and one night.

подробностями из остальных упомянутых мною семи рукописей первой половины XIX века и несколькими вновь подысканными сказками.

«Этот перевод представляет собою, – говорят нам, – весьма удачную попытку собрать весь, доселе приведенный в известность, повествовательный материал «!Тысячи и одной ночи»¹⁰ .

Так в 1901 году закончилась «научно» псевдоарабская библиотека фантастических рассказов «Тысячи и одной ночи» в том же Париже, в котором она была «наивно» начата Галланом почти двести лет назад – в 1704 году.

Мы видим здесь ясно всю ее историю.

К концу XVII века печатный станок сделал в западной Европе книги уже многочисленными и общедоступными. Приучив грамотных людей из обеспеченных материально классов общества к беглому чтению всевозможных былин, стихотворений, фантастических и реальных путешествий со всякими необыкновенными приключениями, он заставил разыграться их собственную фантазию и вызвал с молодых лет стремление писать самим. Молодые люди, склонные к наукам, после чтения чужих стали писать и свои собственные научные сочинения и видя, что никто не придает им значения, когда они заявляли, что придумали все это сами, они стали выдавать их, придя в средний возраст, за произведения древних знаменитостей, найденные ими в шкафу отца, чем и достигали впечатления. А молодые люди, склонные к легкому чтению, каких несомненно было во сто раз более, стали писать чисто фантастические рассказы, приписывая их по той же причине «волшебным странам древнего Востока».

Любопытный образчик этого творчества я в детстве нашел в библиотеке моего отца, а теперь имею его снова перед глазами. Это шесть книг, названных частями и напечатанных последовательно между 1792 и 1796 годами.

Первые две книжки были напечатаны на средства самого автора, под названием: *«АРФАКСАД. Халдейская повесть. Издание Козловского одноворца Петра Захарьина. Изданием издателя. Москва. В Университетской типографии, 1792 г.»*

Назвавшись здесь простым издателем, автор Петр Захарьин пишет в своем «предуведомлении», что рассказ этот был написан по-халдейски на 400 медных дощечках, хранившихся в древней Александрийской библиотеке. При ее сожжении «сарацинами» их спас один юноша Абдул-Омир, а перевел их содержание с халдейского языка на арабский один святой пустынный. Кем это произведение было переведено потом с арабского на татарский язык – Петру Захарьину неизвестно, но этот перевод хранился бережно у его отца, который был татарского происхождения и перевел эту

¹⁰ Предисловие к русскому переводу 1902 г., сделанному по переводу Маррус.

рукопись для сына на русский язык, но очень неправильным слогом. Потом в отсутствие Захарьина имение отца было разорено и «в наследство ему остался дубовый ящик, заключающий в своих недрах разные ни к чему не удобные и без разбору написанные бумаги».

«Жалоба матери моей на гнездящихся в стенах жилища насекомых, беспокоящих всех, была виною, что я принужден был заглянуть в сию мою наследственную архиву, дабы из оной для облепления стен почерпнуть несколько твердых листов. Между разными пустыми контрактами, сделками, обязательствами и прочим я нашел книгу нарочитой (т.е. большой) величины, в тетрадах, на которой в заглавии собственного моего родителя рукою было написано: Арфаксад, халдейская повесть. Обрадовавшись сей находке, я ее многократно читал, однакож слог показался мне крайне темным, и я все то переложил хотя не красноречивым, но внятнм слогом, чем надеялся ученым мужам к лучшему ее исправлению открыть дорогу...»

«Может быть, некоторые спросят у меня о татарском подлиннике, с которого перелагал мой родитель, но к несчастью сим не могу я услужить их любопытству. Мыши и моль, ненавистники роскоши и учености, все оное так истребили, что кроме кучи пыли, яко остатков от их трапезы, ничего не оставили».

Читатель видит, что происхождение первоисточника указано здесь так подробно, что остается только поехать в древнюю Халдею и отыскать утраченный подлинник древнего романа «Арфаксад».

Однако, раньше, чем отправиться так далеко, прочтем сначала хоть первые строки его перевода.

«Когда еще приятная независимость царствовала во вселенной, — начинает переводчик свою книгу, — когда безвинные утехи непорочных нравов цвели как розы при благорастворенном воздухе и в объятиях тишины, когда не знал род человеческий имени собственности, и не был осведомлен о ворвавшихся потом мучителях: зависти, ненависти, гордости, властолюбии и о других извергах, превративших сие сладостное спокойствие в горестное смятение и развращенность, а сей златый век в жестокий железный, тогда старейшие в семействе были владыками оного. Они были наставники, судьи, миротворители, толкователи тайн природы и учителя богослужения, особу их считали все священной и божественною».

«Таков был и владетель горнего местоположения великого Евфрата. Мирные кущи его единоплеменников, предавшихся произвольно его правительству, защищены были от северных ветров гордыми хребтами Азийского Атланта. Гремящие потоки Евфрата и Тира уголяли их жажду и охлаждали воздух от зноя полуденного».

Я не продолжаю далее этого бесконечного фантастического повествования, где фигурируют и Тигр, и Евфрат, и какой-то Азийский Атлант (который при ученом исследовании конечно оказался бы Эльбрусом), и ряд халдейских героев, среди которых как солнце сияет Арфаксад, причем все его многочисленные приключения, конечно, кончатся женитьбою и семейным счастьем на троне отца. Мне нужно было это начало, чтоб показать, что слог тут как будто очень похож на Галлановский псевдо-перевод «Тысячи и одной ночи».

И если вы еще не читались ни индийских «Вед» и «Магабгарат», ни персидских «Шах-Наме» с убеждением их глубокой древности и неподдельности, то уже один такой слог, похожий на Фукидидовский, навел бы на вас мысль, что этот халдейский роман сочинил самостоятельно или путем плагиатов с французских произведений XVIII века сам Петр Захарьин и выдал его за перевод с халдейского лишь потому, что не надеялся на его хорошее распространение под собственным именем.

И ваше предположение в данном случае тотчас же подтвердилось бы, и причина мистификации обнаружилась бы сама собой.

Предвзятое впечатление о «чудесах Востока» было в конце XVIII века настолько велико не только во Франции, но и в России, что первые книжки «Арфаксада», отпечатанного им притом же в типографии Московского университета, несомненно были приняты публикой за действительный перевод древней «восточной рукописи» и, быстро раскупившись, вызвали стремление добыть хотя бы ничтожные клочки такой драгоценной рукописи, во что бы то ни стало. Возможно, что в это дело вмешалась и сама императрица Екатерина II (1761–1796), потребовавшая для только что устроенного ею Эрмитажа хотя бы первоначальный перевод его отца, в результате чего автору и пришлось сослаться, что это его российское сочинение и напечатать его в последних книжках своего произведения.

Огромный успех первых апокрифических книжек Арфаксада произвел то, что для последних книжек, заканчивающих этот роман, нашелся, несмотря на обнаружение его «русского происхождения» даже и коммерческий издатель. Вот, например, том VI и последний, в заголовке которого стоит уже: *«АРФАКСАД. Халдейская повесть. Российское сочинение П. З. Изданием Г. Полежаева. Москва. В вольной типографии А. Решетникова. 1796 г.»*

Итак, все эти 18 книжек Арфаксада, соединенные в шести томах, оказались вовсе не переводом с татарского, а «русским сочинением П. З.», т. е. того же самого Петра Захарьина, который раньше называл себя только издателем, лишь исправившим слог своего отца с татарской рукописи, которую съели в его сундуке «ненавистники роскоши и учености,

мышь и моль так, что после их трапезы от татарской рукописи ничего не осталось, кроме кучи щели».

Но веди читатель, точно такой же способ расправы с подлинными рукописями, как я не раз уже показывал в прежних томах этого моего историологического исследования, общая судьба почти всех великих произведений классической древности, а относительно «восточной литературы» и сами открыватели ее чудес не решаются приписывать своим манускриптам двух или трех столетий древности.

Халдейская повесть Петра Захарьина, выданная сначала за перевод его отца, очевидно только потому, что он сам не знал татарского языка, важна для нас тем, что она показывает условия изящного литературного творчества на его заре в данной стране. Эта заря началась у нас как раз в конце XVIII века, предвестницею восхода Пушкина, Лермонтова, Гоголя, благодаря тому, что и к нам пришел с Запада печатный станок и появилась общедоступная книга, а с нею и беглое чтение книг и этот самый роман, может быть прочитанный ими в детстве, и дал стимул к их самостоятельному творчеству. А на европейском Западе, особенно во Франции, апокрифическая заря литературы началась столетием или даже двумя ранее, и XVIII веку России там соответствовал XVII век.

И вот, мы видим, что условия чисто литературного творчества были везде аналогичны. Оно проявлялось сначала в виде необузданного фантазерства, с пренебрежением всякой реальностью, для чего необходимо было относить и место действия в такие страны, которых никто из читателей не мог посетить, или в такие времена, которые уже всеми забыты. Ведь, посудите сами, если б какой-нибудь русский фантазер издал в Москве книгу, где действующие лица живут в настоящее время во дворцах с золотыми дверями, в которых появляются выходящие на улицу феи, а царь выезжает из Кремля на белом слоне, то москвичи, купив такой роман, только схватились бы за бока от смеха, и все объявили бы автора нахальным врагом. Но в таком же положении находились и парижские фантазеры эпохи Возрождения. Для того, чтобы такие рассказы, как только что приведенный мною из «Тысячи и одной ночи» (а на них только и были способны авторы на рассвете литературного творчества в данной стране), им необходимо было бы относить и сцены действия своих героев в такие отдаленные места, куда не достигало их зрение и воображение, и которые благодаря этим рассказам стали представляться чем-то волшебным.

Не будем забывать, что тогда господствовало представление о бывшем когда-то на земле золотом веке, образчик чего мы только что видели в первых строках Арфаксада и что оно поддерживалось всем тогдашним клерикальным мировоззрением, рисовавшим в человеческой истории вмес-

то эволюции декаданс, так, что в каждом поколении становилось все меньше и меньше счастья и чудес. Это невольно заставляло относить все фантастические рассказы не только в отдаленные страны с их воображаемыми чудесами, но и в более или менее отдаленное прошлое и потому выходило, что все фантастическое совершалось за тридевять земель в тридцатом царстве и притом давным-давно.

Все эти типические черты фантастических произведений мы видим даже у Шекспира: все чудесное у него совершается не в его собственной стране, Англии, а где-нибудь далеко от нее и в чужом народе, тогда как произведения реального характера локализуются всегда у себя на родине.

Отсюда ясно, что и те фантастические сцены, которые мы только что видели в нашем примерном отрывке из «Тысячи и одной ночи», не могли быть написаны там, где объявляется место их действия, т.е. ни в Багдаде, ни в Басре, ни в Каире, а где-то за тридевять земель от них, в тридцатом царстве, и как мы видим, не иначе как в Париже и никем иным как Галланом, слог которого был совершенно аналогичен слогу только что цитированного мною автора Арфаксада, Козловскому однодворцу Петру Захарьину.

Только судьба произведения у обоих была иная.

По неожиданной перемене университетской типографии, печатавшей первые томы его рассказа, на другую частную, и по сопровождающему эту перемену неожиданному заявлению на обложке последних томов, что Арфаксад халдейская повесть есть «русское сочинение П. З.» (которым мог быть только Петр Захарьин), мы можем и без архивных справок восстановить всю интимную историю данного произведения. Нашумев своим сенсационным апокрифом, автор привлек к себе внимание слишком высокой персоны и притом любительницы чтения. Ему опасно стало поддерживать далее свою уловку и в результате он должен был сделать к прежнему заголовку только что приведенную нами приписку. Но университет, после раскрытия мистификации, счел неудобным продолжать печатание такой «халдейской повести русского сочинителя», а прославившийся автор нашел частного издателя. Отмечу, что последний из шести томов «Арфаксада» вышел как раз в год смерти Екатерины II (1796 г.).

А с Галланом вышло совсем другое. В его время только что воцарился во Франции малолетний Людовик XV под регентством герцога Орлеанского и разысканьем подлинных рукописей занимались только частные лица. Если даже они и приходили к заключению, что какая-нибудь «халдейская» или другая отпечатанная частным издателем книга во французском переводе, есть не перевод, а собственное произведение псевдо-переводчика, то не имели власти заставить его сознаться в этом печатно, тем более, что со времени крестовых походов все верили, что удивительные

рассказы такого рода действительно существуют на Востоке. Господствовало страстное желание раздобывать в особенности арабские произведения и гут произошло то же, что мы уже видели на примере Платона¹¹, латинский псевдоперевод которого (а на деле ряд недавних латинских произведений) был скомпилирован около 1481 года флорентийцем Марчелино Фичино, или на примере псевдо-Птолемея Альмагеста, псевдолатинский перевод которого, а на самом деле оригинал, был скомпилирован в первые годы XVI века Георгием Трапезундским¹², или на примере летописей Тацита, латинский псевдоперевод которых, а на деле подлинник был написан Поджио Браччиолини¹³ около 1427 года, или на примере псевдолатинского перевода, а на самом деле подлинника книг Иосифа Флавия, написанных Самуилом Шеллалом около 1506 года¹⁴.

И всегда и везде вслед за появлением таких лжепереводов, сейчас же начиналось странное искание их подлинников, с обещанием нашедшему славы и хорошего вознаграждения, и всегда находились ловкие спекулянты, которые переведя, нередко с грубыми ошибками, такие псевдопереводы на их предполагаемый родной язык, выдавали их за подлинники, и этим удовлетворяли спросу, оставив уликой своего подлога не только обстоятельства, делающие невозможную проверку, но и то, что представляемая ими рукопись почти всегда оказывалась уникалом.

Понятно, что и поиски арабских подлинников так прославленной «Тысячи и одной ночи» должны были привести к тому, что псевдоперевод, а на деле подлинник Галлана (составленный им может быть не только из одного его собственного воображения, но и из разрозненных сказок начала XVI века, которые он мог слышать не только в Париже, но и в Севилье, и в Гренаде, и даже в Царьграде) был переведен на язык Корана каким-нибудь ловким предпринимателем, причем благодаря элементарности семитического языка конструкция фраз упростилась и некоторые детали поведения героев, типичные для христианской Франции того времени, но неуместные для магометанского Востока были сокращены и все было пополнено прибавкой многих сказок, действительно ходивших на Востоке, вследствие чего их содержание и настроение оказываются очень разнообразными: одни идеалистичны, другие юмористичны, одни поучительны, другие циничны, и в прозу влетел ряд стихотворений, а характеристической чертой их является то, что все места, где совершаются описанные события – не реальны. Здесьний Багдад – чисто волшебный Багдад,

¹¹ Христос. Кн. I. Ч. 1. Гл. 1; кн. III. пролог, конец гл. IV.

¹² Христос. Кн. IV. Ч. 1. Гл. 4.

¹³ Христос. Кн. V. Т. IV. Гл. 1.

¹⁴ Христос. Кн. I. Ч. 1. Гл. 1.

Каир – чисто волшебный Каир, а манеры героев и героинь и их поведение часто боле приличны французским кавалерам и дамам XVIII века, чем мусульманам и мусульманкам, хотя в уста их и влагаются такие фразы, которые по представлению европейцев должны бы характеризовать мусульман и мусульманок Ирана и Ирака.

Самые имена действующих здесь лиц – Юнан, Руян, Синдбад, Гуль, Зобейда, Амина, Нур-Элдин, Бадр-Элдин, принцесса Будур-Зумурур – благозвучны как раз для французского уха. За исключением сравнительно немногих второстепенных сказок, которые следует приписать позднейшим вставкам, собранным действительно на Востоке, в «Тысяче и одной ночи» почти нет непривычных для французов звуков ДЖ, Ч, КХ, так частых в восточных языках, и кроме того, большинство собственных имен не имеют даже смысла ни на арабском, ни на персидском языках, они являются в них простой комбинацией мелодичных звуков.

А ведь это очень важный признак подлога и по нему можно даже определить, какой язык был родным для автора. Наберите, например, как попало, но побольше чисто русских имен: Вера, Надежда, Любовь, Владимир, Святополк и т.д., определите в них процентное содержание каждой буквы, и вы получите почти те же проценты, которые я вывел в III томе Христа в главе Сингвистические Спектры. Возьмите подряд побольше французских имен вроде: Aimée, Amande, Blanche, Célestin, Claire, Espérance, Félicité, Honoré, Louis, Maxime, Pierre, Rose и т.д., и сделав то же, вы найдете новое процентное соотношение звуков типическое для французского языка. Сделайте то же самое для действительно персидских и арабских имен, и вы получите два новые соотношения звуков, сравнив которые со взаимными числовыми отношениями звуков собственных имен, заключающихся в «Тысяче и одной ночи», вы увидите, что они как будто более похожи на соотношение звуков во французской речи.

И вот, возникнув, как мы видели, на французской почве в XVIII веке и сильно трансформировавшись и разросшись в семи своих главных вольных переводах на язык Корана в начале XIX века, «Тысяча и одна ночь» снова стала переводиться в наше время на все литературные европейские языки, как оригинальное произведение арабской литературы XV века.

Я, конечно, не отвергаю, что в это сборник внесены были потом многие сказки действительно из восточного эпоса, – некоторые из них даже типичны для него, – но и они подобраны на дорогах и базарах Индии, Египта и Юго-Западной Азии и внесены в этот сборник европейскими искателями восточной литературы уже в XVIII или XIX столетиях.

Никакой «Тысячи и одной ночи» в национальной арабской или персидской литературе никогда не существовало. Этот сборник создали

французы, сначала (как Галлан) из своих собственных и далеко не бесталанных фантастических измышлений. Потом его усердно стали пополнять и другие западноевропейцы отчасти таким же способом, а отчасти вводя в него записываемые ими при путешествиях действительно арабские сказки, по той же Галлановой схеме; особенно зияющее несоответствие с магометанскими житейскими условностями, понятиями и представлениями оказавшиеся в первоначальной Галлановой композиции, стали исключаться в переводах на арабский язык или изменяться и смягчаться. И вот в начале XIX века появился первый их полный перевод на арабский язык, выданный переводчиком за давно везде разыскиваемый подлинник... Его успех вызвал еще несколько подражаний, состоявших из новой переписки того же уже разошедшегося Бейрутского издания, но с некоторыми изменениями и пополнениями. И возникла целая критическая литература о «Тысяче и одной ночи»... И все это в Западной Европе, а не у арабов.

А как относятся к ней на ее предполагаемой родине, достаточно видеть из следующих строк А. Крымского¹⁵.

«На Востоке к «1001 ночи» относятся пренебрежительно и книжники и литераторы и вообще (если можно так выразиться) «восточные интеллигенты». Специалист-библиограф X века (т.е. относимый к X веку) Надим, рассматривавший несколько раз «Тысячу ночей», с полнейшим презрением заявляет, что она написана «жидко и нудно» и до настоящего времени мнение таких ученых не изменилось¹⁶.

А Крымский объясняет это не тем, что Галлан и другие ее европейские авторы, угодив вкусам своих соотечественников, не угодили вкусу восточных людей, а тем, что у интеллигенции там «вычурный язык» (значит не тот, что у «1001 ночи»). А восточные религиозники настолько не удовлетворены европейским поведением изображаемых в ней действующих лиц, что «стараются поддержать суеверие, будто прочитавший «1001 ночь» должен умереть или подвергнуться несчастью в течении года, а детям, рассказывающим эти сказки грозит опаршивение».

«Еще более предосудительной книгой считают “1001 ночь” восточные христиане, и я, — прибавляет А. Крымский, — никак не могу забыть того долгого укоризненного качания головой и изумленного взгляда, с которым смотрел на меня в Бейруте отец Думаний, священник церкви Мар-Н’уля, когда застал меня за чтением этой книги...»

«Я считаю также небезинтересным сообщить в виде курьеза, что патриарх европейской ориенталистики де-Саси был о «1001 ночи» очень

¹⁵ Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским институтом восточных языков. Выпуск VII. С. VIII.

¹⁶ Artin Pacha: Contes populaires de la vallée du Nil 15, 16 (Chauris Bibliographic arabe, IV. С. 9.

невысокого мнения, и это впрочем вполне будет для нас объяснимо, когда мы вспомним, что де-Сас по своим литературным вкусам был чистейший арабский ученый шейх. Но если бы привести все восторженные отзывы европейцев о «1001 ночи», то составила бы огромнейшая книга. Количество ее переводных изданий, которое ежегодно появляется во всех странах, рельефнее и лучше всего говорит об отношении Европы к этому сборнику, и герои «1001 ночи» (Гарун-аль-Рашид, Синдбад-мореход, Халиф на час, Аладдин и пр. и пр.) у нас гораздо популярнее, чем герои гениальнейших трагедий Шекспира».

Итак, читатель, знаменитая «1001 ночь» чрезвычайно популярная у нас, настолько не подходит для жителей Востока, что читающий ее там должен умереть в том же году, а его дети опаршивать.

Угодив европейскому вкусу, авторы совсем не угодили азиатскому. Правда, А. Крымский говорит, что мелкие сказки (большею частью грубо цинического характера и отсутствующие в Галлановом издании), которые вошли в издания XIX века, рассказываются и теперь специально рассказчиками в кофейнях и других местах развлечения на Востоке, но ведь это показывает лишь то, что одни эти рассказы и являются написанными на месте и вставленными в ту или иную «ночь» по выбору компилятора. Но от них могут опаршить только европейские дети, а постоянно слышащие их азиатские, вероятно, уже получили иммунитет, подобно тому, как и бывшие русские крестьяне сделались нечувствительными к похабщине от ее повсеместного употребления, как и у восточных народов.

А наиболее богатые по фантазии рассказы часто прямо обнаруживают свое европейское происхождение. «Во время путешествий Синдбада-морехода, — говорит А. Крымский¹⁷, — с ним и его спутниками повторяются приключения Одиссея с Полифемом, а также и с волшебницей Киркой». . . «Многие общие темы «Путешествий Синдбада» и западно-европейских баснословных средневековых путешествий XII века, создавшихся не по арабским сказкам, а по ходячим народным представлениям, — отметил де-Гуо в своем докладе на VIII международном съезде ориенталистов в Стокгольме в 1889 году».

И можно предсказать, что если мы серьезно копнем в западноевропейских «народных сказаниях», балладах и новеллах, то найдем в них немало первоисточников для лучших сказок «1001 ночи».

А тот «восточный колорит», которым так восхищаются европейские читатели «Тысячи и одной ночи» и есть воображаемый колорит, не имеющий с действительностью Востока ничего общего и потому подобно

¹⁷ Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским институтом восточных языков. Выпуск VIII, стр. XXXV, примечание второе.

всем апокрифическим картинам жизни отодвигается авторами в далекое-далекое прошлое.

Я очень хорошо знаю со слов знакомых, бывших в Персии, Бухаре и т.д., что там существуют профессиональные рассказчики множества коротеньких сказок, выступающие в кофейнях, обыкновенно по два, причем один ведет главный рассказ, а другой для оживления перебивает его наподобие клоунов в наших цирках разными юмористическими репликами, но еще ни разу не слышал, чтоб эти рассказы назывались «Сказками 1001 ночи» или «1001 дня», или представляли собою какую-нибудь из приведенных в издании Галлана лучших сказок. Многие из них даже и неуместны в кофейнях, по причине своей длины, вроде только что приведенных «Трех сестер», требующей нескольких часов непрерывного внимания, немыслимого среди то проходящих, то уходящих посетителей кофейен и общий или рынков.

Значит, и этот первоисточник не годится для признания за лучшими сказками 1001 ночи действительно азиатского происхождения, как это показывает и общий их колорит.

Ведь из всякого, даже самого фантастического рассказа, мелкие локальные бытовые черты торчат как иголки из мешка. Торчат они и здесь, но только не арабские, а парижские. Вот, например, одна из иллюстраций известного художника Альберта Лечфорда к сказкам из 1001 ночи.

Представьте, что Галлан вместо того, чтобы назвать свои сказки переводом с арабского, объявил бы их переводом с русского, выдав их за произведение из времен Рюрика, обрисовывающих тогдашний русский княжеский быт, и народную литературу?

Я думаю, вы только рассмеялись бы. А вот арабские и персидские интеллигенты даже рассердились на «Тысячу и одну ночь».

И не напрасно.

Даже и без иллюстраций ясно, что чуть не все первоначальные сказки «1001 ночи» носят парижский колорит начало XVIII века. «Галлан, пропел — говорит А. Крымский¹⁸, — предназначал свою книгу для придворных Людовика XIV и потому, приспособляясь к их литературным вкусам, дал не перевод, а вольную вычурную перделку (а с нашей точки зрения перделку делал тот, кто переводил «1001 ночь» с французского на арабский язык и видел ясно, что ему не удастся выдать свой персвод за подлинник, если он не выбросит или не приспособит к восточным вкусам чуть не половину Галланова текста)».

¹⁸ Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским институтом восточных языков. Выпуск VIII.

«Казот и Шавис, – говорит далее А. Крымский, – подражали примеру Галлана (выпуская между 1788 и 1792 гг. «продолжение 1001 ночи»¹⁹). Так что те сказки «1001 ночи», которых нет у Галлана, были тоже вольно переделаны и дополнены цветами их собственной фантазии».

А в дополнение я прибавлю, что Казотт (*Cazotte*), известный своим романом «*Le diable amoureux*» еще мистифицировал публику, выпустив от имени Вольтера седьмую песню его поэмы «*La guette de Genève*»...

Вот эти «цветы» и являются теми «локальными чертами» Парижа XVIII века, которые торчат как иголки из мешка во всех изданиях «1001 ночи» вплоть до XIX века. Надо было или признать все это произведение за Парижское изделие, в котором место действия перенесено на «далекий, волшебный арабский Восток» только для того, чтобы дать невероятному более вероятный для европейца вид, или наоборот, чтобы вытрясти из мешка все торчащие из него парижские иголки, объявив их прибавками Галлана, Казотта и Шависа и заменить их действительными «восточными особенностями нравов и быта».

Ориенталисты XIX века предпочли идти по последнему пути.

«Когда в XIX веке, – продолжает А. Крымский, – пробудился к «1001 ночи» научный интерес, Галланов и Казоттов пересказы (вернее – тексты) оказались непригодными. При новых изданиях (например Коссен де Персеваля, Хаммера и др.) делались к Галланову тексту поправки и дополнения, а потом он совсем был вытеснен из научного употребления точными (?) переводами: немецким Вейля и еще более английскими: Лана Бертон и др., а во Франции переводом Мардрюса (*J. B. Mardrus*) с булакского текста, где переводчик, не стесняясь никакими европейскими понятиями о приличиях, переводит с булакского текста (наиболее приспособленного к восточным нравам) все без исключений».

Так французское изделие, перебросившись в вольных переводах на Восток, стало ассимилироваться там с действительно восточной продукцией. Взяв из нее ряд деталей, и в таком виде снова возвратилось в Европу.

Рустем и Зораб

(Образчик поддельных рассказов из царственной книги Шах-аме)

Рассмотрим теперь немного и персидскую классическую литературу. Ее произведениями не придают пока такой глубокой древности, как только что исследованным нами индусским произведениям. Нам говорят, что знаменитый персидский поэт Абдул Казем, с тем же именем, как и автор Корана, но прозванный Фирдуси (ум. 1020 г.), то есть... написал «Цар-

¹⁹ “La suite de 1001 nuits” – в Женевской сказочной коллекции “Le cabinet des fees” (1788–1789).

ственную книгу» (Шах-Наме по-персидски), живя под покровительством Магомета Газнийского в городе Газни в Афганистане.

В этом большом сборном произведении оказывается около 60 тысяч стихотворных двустрочий, воспевающих деяния иракских и иранских (т.е. персидских) царей и героев домагометанской древности. Считая магометанство установившимся в этих странах в VII веке, их относят обычно к первым векам нашей эры. А с нашей точки зрения, признающей автором Корана чуть ли не самого Фирдуси (так как Коран стал достоверно известен только со времени его покровителя Магомета-Газни), время действия можно отнести на начало XI века, или даже позже, так как все приписываемое Фирдуси, принадлежит необязательно ему. Не будем забывать, что первая книга сборника «Шах-Наме» вышла по-персидски с французским переводом лишь в 1878 году в издании Моля, выпустившего в промежуток 1838–1878 годов семь томов, причем повесть-поэма Рустем и Зораб была «открыта» одною из первых.

В лингвистическом отношении здесь заслуживает особенного внимания то, что все собственные имена ее героев и героинь благозвучны для европейского уха и что ни при одном из них нет обычных семантических приставок – Бен или Бени, Абу или Абул. Но ведь это то же самое, как если б в романе из русской жизни вы не смогли найти ни одной фамилии, кончающейся на ОВ или на ИН. Выходит, как будто эти имена придумывал француз или вообще западный европеец, писавший в том же вкусе, как это делалось и в других подражаниях воображаемому арабскому стилю, так частых во времена крестовых походов. А города и местности здесь все фантастические.

Рассмотрим же структуру и содержание этого произведения по переводному изложению Жуковского, как наиболее известному у нас. Оно совершенно достаточно, чтобы судить о структуре рассказа, которая одна лишь и нужна для нас.

Вот его начало:

Заря едва на небе занялася,
Когда Рустем, Ирана богатырь,
Проснулся. Встав с постели, он сказал:
–Мы на царя Афразиаба
Опять идем войною;
Мои Сабульские дружины
Готовы; завтра поведу
Их в Истахар, где силы все Ирана
Шах Кейкавус для грозного набега
Соединил. Но чем же я сегодня
Себя займу? Моя рука, мой меч,

Могучий конь мой Гром
Без дела: мне ж безделье нестерпимо.

И на охоту собрался Рустем.
Себя стянул широким кушаком,
Колчан с калеными стрелами
Закинул за спину, взял лук огромный,
Кинжал засунул за кушак,
И Грома, сильного коня,
Из стойла вывел. Конь, наскучив
Покоем, бешено от радости заржал.
Рустем сел на коня и, не простившись дома
Ни с кем, ни с матерью, ни с братом,
Поехал в путь, оборотив
Глаза, как лев, почуявший добычу,
В ту сторону, где за горами
Лежал Туран (т.е. Турция).
И, за горы перескакав, увидел
Он множество гуляющих онагрей,
От радости его зарделись щеки,
И начал он
Стрелами, дротиком, арканом
С зверями дикими войну;
И повалив их боле десяти,
Сложил из хвороста костер,
Зажег его, потом, когда
Он в жаркий уголь превратился,
Переломал большую ель, и насадил
Огромнейшего из онагрей
На этот вертел,
Который был в его руке,
Как легкая лоза, и над огнем
Стал поворачивать его тихонько,
.....
Насытившись, он лег и скоро,
При говоре струистых вод,
Под ветвями густого
Широкотенного чинара
Глубоким сном заснул.
А конь его, могучий Гром,
Тем временем, гуляя

По бархатному полю,
Травой медвяною питался.

Но вот, покуда спал
Глубоким сном Рустем,
А Гром по бархатному полю
Гулял, травой медвяною питаюсь, —
Увидя, что такой могучий конь
На пажити заповедной Турана
Без седока по воле бродит,
Толпой сбежались турки,
Замысля овладеть конем.
И метко был аркан ему на шею
Издалека накинута, и его
Опутали, и был он пересилен.
Но хищники, страшась, что в их руках
Он не останется, немедленно вогнали
Его в табун туранских кобылиц,
И разом был припущен Гром
К двенадцати отборным кобылицам,
Но лишь одна из них
Плод от него желанный понесла.

Рустем, проснувшись, сразу о своем
Конце подумал. Смотрит, но коня
Нигде не видит. Никогда
Он от него не убежал
В такую даль. Он свистнул, но на свист
Могучий не примчался конь
И не заржал издалека.
Рустем, как бешеный, вскочил.
Весь луг, широкий, вдоль и поперек,
Он обежал. — Напрасно! Нет коня!
И в горе возопил Рустем:
— Мой верный конь, мой славный Гром,
Что без тебя начну я делать?
Скакать, летать привыкши на тебе,
Пойду ль пешком, тащась под грузом лат
Как черепаха? Что же скажут турки,
Не на седле, а под седлом меня увидя?
Не может быть, чтоб ты, мой Гром, меня
Покинул волею: тебя украли!

Конечно, хищники здесь целым войском
Напали на тебя. Никто один
С тобой не совладал бы. Но не время охать.
Русем! Иди пешком, когда успел проспать
Коня. И, конскую с досадой сбрую
С доспехами своими на плеча
Взваливши, он пошел, и скоро
Напал на свежий след, и этот след
Его привел перед закатом солнца
Ко граду Семенгаму,
Который вдруг явился вдалеке
Среди равнины пышной,
Сияющий в лучах зари вечерней.

Мы видим здесь опять хотя и элементарное изложение, но слишком разработанный стиль для XI века нашей эры. И кроме того, здесь оказываются совсем не мусульманские подробности. В мифическом Семенгаме его приветствуют и царь, и царедворцы. Они уверяют, что конь его найдется и начинают пир с запрещенным Кораном вином:

«Роскошно-лакомой едою
В серебряных богатых блюдах
Был стол уставлен,
В сосудах золотых
Вино сверкало золотое,
И были ханские кувшины
Питьем благоуханным полны.
При звуках струн, при сладком пенье,
Младые девы
С очами нежными газелей
Напитки гостю подносили —
И он в вине душистом
Души веселье пил,
И было светлого лица его сиянье
Сияньем радости для всех, пред ним стоявших.
За кубком кубок он проворно осушал».

Но как же мог Фирдуси, если он читал когда-нибудь Коран, воспевать с таким удовольствием попойку? Каким образом могли на ней присутствовать, убежав из гаремов, молодые девы? А дальше еще хуже:

«Когда ж едою и питьем
Он вдоволь наслаждался,

Его в покой, благоухавший муском
И розовой водой опрысканный, ввели,
И на подушках пуховых
Под тонкой шелковой тканью
В глубокий сон он погрузился
Рустем, врагов гроза и трепет.

Нов тихий полуночный час,
При легком шорохе шагов,
Послышался речей приятный шепот,
По имени Рустема кто-то назвал.
Без шума отворилась дверь,
И факелов душистых
Сияньем спальня озарилась.
Рустем открыл глаза:

Темина, дочь царя, владыки Семенгама
Блистая золотом и жемчугами,
Стояла перед ним,
Прекрасная, как дева рая.
За ней, держа в руках
Светильники, стояли
Ее рабыни молодые,
Краса живая легкой Пери
С краснеющей стыдливостию девы
Сливалась на ее лице,
Где лилий белизну
Животворил прекрасный пурпур розы.
Но было на ее застенчиво опущенные очи
Опущено (вместо чадры!) ресниц густое покрывало,
И за рубиновым замком
Ее цветущих уст
Скрывалась девственная тайна
Рустем вскочил, неожиданным изумленный
Виденьем.

— Кто ты? — он спросил,
— За чем ко мне пришла ночной порою?
— Я дочь царя, меня зовут Темина, —
Пришелица ночная отвечала. —
Легка я на бегу. Ни лань, ни антилопа,
Меня догнать не могут.
Но догнала меня тоска, мучительница сердца;

Она меня во тьме глубокой ночи
Перед тебя, мой витязь, привела.
Как чудное преданье старины,
Всегда, везде, от всех я слышу повесть
О храбрости твоей великой, —
О том, как не страшишься ты
Ни льва, ни тигра, ни слона,
Ни крокодила²⁰. Как всего
Ирана ты надежная твердыня,
Как весь Туран дрожит перед тобою,
Как на Туранскую²¹ ты землю
Ночной порою выезжаешь
На боевом своем коне.
И, обскакав ее и вдоль и поперек,
Без страха спишь один, и как никто
Не смеет сон глубокий твой нарушить.
Такую повесть о тебе
Всечасно слыша, я давно
Томилася тоской тебя увидеть.
Здесь в целомудрии, в девичьей простоте
Я расцвела, и только в этот миг
Сказала первую любви глубокой тайну.
Возьми, возьми меня, Рустем...»

Рустем, конечно, посылает к ее отцу послов, отец с радостью соглашается.

«Но брак их совершен был тайно:
Страшился царь, чтобы воюя
С Ираном, в злобе на Рустема,
Афразиаб не сокрушил
Его столицы Семенгама.
Ночь краткая блаженства миновалась
Настало утро. Из объятий
Младой супруги вырвался Рустем.
Он снял с руки повязку золотую,
И, дав ее Темине,
Сказал: теперь нам должно разлучиться.
Меня в Сабуле ждут

²⁰ Отметим, что ни одного из этих зверей, кроме тигра, не водится в Персии.

²¹ Желая устранить анахронизм, сторонники древности этой поэмы стараются отождествить Туран «Царственной книги Шах-Наме» с Туркестаном, а это на деле должна быть просто Турция.

Готовые в поход мои дружины....
Но если небо даст нам сына,
Пусть носит он, как я носил,
Мою повязку на руке.
Когда ж он возмужает, пришли его ко мне в Сабулистан.
Но ведай наперед, что он
Не иначе явиться может
Мне на глаза, как уж прославясь,
Великим делом богатырства.

Затем, после нескольких других малоинтересных для нас подробностей, он подошел к отысканному для него коню Грому и уехал.

Начинается вторая нить рассказа, по образцу всех европейских романов. Авто оставляет Рустема и переходит к оставленной им жене.

«Пора пришла – и у Темины
Родился сын, прекрасный
Как месяц. Радостно и горестно его
Прижала к сердцу мать, и со слезами
Им любовалась. Он был вылитый Рустем.
Она его Зорабом назвала,
Его сама кормила грудью.
О нем и день и ночь она пеклась.
И дивное создание был Зораб.
Он родился с улыбкой на устах,
Ни от чего и никогда не плакал. Рос так чудно,
Что в первый месяц уж казался годовым,
Трех лет скакал отважно на коне,
Шести лет был могуч, как лев.
Когда ж ему двенадцать лет свершилось,
Никто не мог с ним сладить....»

Все это в духе рыцарских романов эпохи Возрождения, а потому не будем тут искать правдоподобности. Не будем рассуждать и о неправдоподобности того, что он ничего не знал о своем отце и спросил о нем мать лишь после двенадцатилетнего возраста. Это не шокировало бы ни мусульманского, ни христианского читателя средних веков. В ответ на вопрос, мать рассказала ему все, дала Рустемову повязку и сказала:

«Носи ее и береги,
Как свет своих очей. Ее мне дал
Отец твой на прощанье.
Когда к нему дойдет молва, что ты достоин быть им признан,

Он позовет тебя в Иран,
И по своей повязке там узнает.
Но ведай наперед, Зораб,
Что на глаза ему явиться
Не иначе ты можешь, как прославясь
Великим делом богатырства....»

И вот Зораб, желая угодить отцу, воспылил воинским пылом и объявил, что сейчас же идет войною на Иран. (т.е. как раз на страну своего отца!) Он стал искать себе подходящего коня и один рыцарь предложил ему удивительного жеребца, который родился от Рустемова Грома, когда его на сутки захватили туранцы. Ни в чем не уступал он своему отцу – Грому. Описываются подробно военные снаряжения к походу. Туранский царь Афрозиаб, подозревая, что Зораб сын Рустема, и желая избавиться от обоих богатырей, подзадорил еще более Зораба, и вот вспыхнула жестокая война.

«На самом рубеже Ирана
Стояла крепость Белый Замок.
Она Иран хранила от набегов
Соседнего врага,
И ею два повелевали
Вождя. Один из тех вождей
Был старый Гездехем,
Правитель опытно-разумный,
Другой Хеджир, наездник молодой,
Рачитель дела боевого.
И с Гездехемом находилась в замке
Его младая дочь,
По имени Гурдаферид.
Прекрасная, как девственная Пери,
Она была сильна, как богатырь.
Хеджир напрасно
Ей рыцарством понравиться хотел:
Она ему ристаньем на коне,
И меткою стрельбой из лука,
И ловкостью владеть мечом
Была равна, а мужественным делом
Против врага пред нею отличиться
Не мог он – не было врага....»

Описывается, как увидев полчища Зораба, Хеджир пожелал отличиться перед предметом своей любви и, вскочив на коня, выехал из замка и

вызвал Зораба на поединок. Тот, конечно, при первой же стычке сбросил его с седла и взял в плен.

«Туранский стан был полон ликованья,
А в Белом Замке вопли раздавались:
Одна Гурдаферид безмолвно
Стояла на стене высокой.
Она с прискорбием смотрела
На место, где Иранский витязь
Был осрамлен копьем Турана.
— О стыд! — Воскликнула она,
— Хеджир, ты мнил быть твердым мужем,
И первый встречный сбил тебя с седлаю
Но вытерпеть я не могу,
Чтоб враг смеялся над тобою.
Не допущу хвалиться Турку,
Что был им с одного удара
Наш первый витязь опрокинут.
За женщин он сочтет мужчин Ирана —
Пускай же в женщине теперь узнает мужа!..

И со стены Гурдаферид
Сошла поспешным шагом,
И выбрала в отцовой оружейной
Доспехи: локоны густые
Покрыла крепким шлемом,
Индийское забрало на лицо
Надвинула, свой стройный стан
Перетянула кушаком,
И, с головы до ног
Вооруженная, вскочила
На легкого коня,
И, не простясь с отцом,
Из замка в поле поскакала.

С копьем в руке наездница младая,
Перед туранский стан примчавшись,
Воскликнула:
— Пришельцы, кто вы?
Кто вождь ваш? Я хочу отмстить
За обесславленного друга.
Я в бой зову того, кто в плен увел Хеджира.

А если он робеет, пусть выходят
Другие за него. Туран, не думай,
Что, одолев случайно одного,
Уж всех он одолел в Иране.
Сюда, обидчик нашей чести,
Своею кровью обагринить
Ты должен бледный стыд Хеджира!
Я жду тебя.....»

Все туранские витязи желают принять ее вызов, но Зораб не допускает их и мчится против девушки сам.

«Гудаферид, его вблизи увидя,
Подумала: мой враг опасен,
Он сильного Хеджира одолел.
И на своем коне летучем
Она кружить проворно начала,
Соперника маня и раздражая,
Она пред ним, как ласточка, летала,
Была и тут, и там, и всюду, и нигде;
А той порою с тетивы
Ее тугого лука
Стрела слетала за стрелюю,
И ими был весь твердый панцирь
Зорабов исцарапан.
И много их в щите его торчало.
С усмешкой он их стряхивал на землю,
Но, мнилось, был неистошим
Колчан наездницы. Как частый дождик,
Ее лилися стрелы.
И наконец, Зораб, терпенье потеряв,
Воскликнул:
– Скоро ль детскую игрушку
Оставишь ты? Пора приняться нам
За мужеское дело.
Я вижу, что своим досугом
Умели вы воспользоваться, персы²².
Остро свои вы стрелы наточили –

²² Отмечу, что слово персы не употребляется в Персии как название народа, подобно тому, как слово немцы не употребляется в немецких землях для обозначения своего народа. Персия у себя дома называется Иран, а персы – иранцами. Только европейский автор мог употребить в поэме это слово.

Но о туранский крепкий панцирь
Ломается их острие.
Оставь же, друг, напрасную заботу,
Из своего улья довольно
Ты пчелок выслав на меня.
Но меду здесь они не соберут,
Убить своей стрелой ты можешь
Лесную пташку, много – цаплю,
Но грифа сильного тебе не застрелить.
Итак, уймись, и если ты
Не женщина, то подъезжай
И бейся мужески со мною...»

Она поскакала на Зораба, но он увернулся от ее копья, и желая ее сорвать, зацепил крюком своего копья за пояс. Она перерубила копье мечом и, почувствовав, что он ей не по силам, поскакала в замок. Он помчался за ней и уже стал нагонять.

«Уж слышала Гурдаферид
Вблизи коня железный топот,
Уж обдавало ей плечо
Его горячее дыханье;
Тут вдруг она оборотилась,
И сбросила с прекрасной головы
Железный шлем,
В надежде победить вернее
Не силой мужеска меча,
А девственным волшебством красоты.
И на лице ее волнами
Густые полилися кудри.
Зораб остолбенел, узнав в ней деву замка;
И он воскликнул:
– Трудно ж будет нам
Одoleвать мужей Ирана,
Когда иранские так мужественны девы!
Зачем, красавица, ты выехала в поле?
Со мною ль биться, за Хеджира ль
Мне отомстить хотела?
И что тебя, любовь, иль жажда славы,
Из замка выйти побудило?
Прекрасною звездой небес
Издаleка ты мне явилась.

Теперь тебя увидел я вблизи,
И знаю, что краса
Небесных звезд ничто перед твоею.
Но я тебя не выпущу из рук!
Ни одному ловцу еще такая
Добыча в сети не давалась:
Ты от меня не убежишь!
При этом слове бросил он
Аркан, и вмиг была Гурдаферид
Опутана могучею петлей.
Увидев, что к спасению
Ей средства нет, красавица прибегла
К коварству женскому. Чтоб самого
Пленителя пленить, она
Приподняла свои густые кудри,
И месяц светлого лица
От черной их освободила тучи.
Оборотясь с улыбкой на Зораба,
Она сказала голосом волшебным:
— Ты, витязь смелый, столь же сильный
Между людьми, как лев между зверями.
Не жажда славы,
И не любовь к Хеджиру (что Хеджир
Перед тобой!) меня из замка
К тебе навстречу погнала....»

И она сказала ему, что ей просто хотелось посмотреть на него поближе: так как он понравился ей издали!

«Так сладостным напитком льстивой речи
Коварная хотела упоить
Зораба. Он, почти уж охмеленный,
Спросил:
— Но что же будет,
Красавица, поручкой за тебя?
Когда тебе отдам свою свободу?....

— Я обещаю, если сам
Того желаешь ты, и если
Согласен будет мой отец,
(А он согласен будет верно),
Тебе отдать и замок, и себя.

Ступай же на гору за мною;
Ключ от ворот я вынести не замедлю!

.....

И с этим словом на Зораба
Она так нежно, сладко поглядела,
Что в этом взгляде мигом на него
С нее перелетела петля...»

Затем описывается, как они подскакали к замку, где ждал ее встревоженный отец, проскакала в него, как молния, и заперла за собой ворота.

«Зораб остался перед замком
В сиянье вечера багряном.
Напрасно! Вдруг она явилась на ограде,
И, наклонясь к нему, сказала так:
Чего ты ждешь, мой храбрый победитель?
Уж поздно; возвратись в Туранский стан.
Сегодня твой набег на Белый замок
Не удался, — будь терпелив,
Удастся завтра. Доброй ночи...»

Огорченному таким поведением своей героини, Зорабу ничего не оставалось делать, как повернуть коня назад. Описываются его гневный чувства, он приказывает своим «туркам» все кругом предать огню. Но, ведь это же, читатель, целиком взято из французских рыцарских романов XVIII века! Ведь ни одному действительно персидскому поэту и в голову не пришло бы описывать такую героиню! И неужели грамотные персы поверили, и верят до сих пор, что такую героиню романа описал не гяур, а правоверный мусульманин?

Но проследим и дальше. Владетель замка видит опустошенные разгневанным Зорабом окрестности, посылает за помощью к турецкому царю Кейкавусу и взяв все сокровища, тайно уходит из замка подземным ходом, взяв с собою и дочь.

«Но шла она, казалось, поневоле.
Была задумчива, как будто ей
Какой-то голос тайно
Шептал: не уходи!
Как будто с кем, ей милым,
Навек она прощалась...
И все ушли... И замок опустел».

А ничего не подозревающий Зораб готовится к его штурму, решившись во что бы то ни стало взять коварную девицу силою. Он начал при-

ступ, и вдруг, там никого нет! Художественно описывается меланхолическое состояние Зораба на вершине опустелых стен.

Его воспитатель Баруман уговаривает его укрепить замок и ждать тут прихода полчищ иранского царя, говоря, что разбив его, он получит обратно и девицу.

Затем прерывается и эта вторая нить рассказа, и сцена действия переносится в столицу Ирана Истахар, мифический город, не имеющий никакого реального образа. Встревоженный вестями о Зорабе иранский царь собирает военный совет, и все решают, что только один Рустем может одолеть юного туранского героя. Приводится целиком письмо царя к Рустему, запечатанное пестрым воском.

Задумывается Рустем, ему вспоминается приключение с Теминою, и в голову приходит мысль: не его ли это сын?

Он говорит себе:

«Я думаю о днях давно прошедших,
Все, бывшее давно, воспоминаю,
Как настоящее, опять
Оно передо мною ныне
Свершается... Невероятно,
Чтоб этот чудный воин был
Мой сын, и если подлинно имею
Я в Семенгаме сына, он
Еще теперь дитя, еще его
Игрушки забавляют...»

Отбросив от себя всякое подозрение, он, уверенный в своей победе над турецким смельчаком, зовет посла на пир, и вновь появляется запрещенное Кораном вино.

Он говорит послу:

«...Забудем, милый зять,
За пенной чашею на время
Военные тревоги! Расскажи
Поболе мне теперь
О дочери и внучатах моих,
И жизни дерево зеленое со мной
Полей вином животворящим....
Хочу с тобой и с нашим Гефом,
Упитья сладостным вином
До полного забвенья
О скоротечности земного счастья».

И вот на сцену опять являются девицы, не имеющие представления о гаремах и о необходимости надеть для приличия чадры:

«Младые девы сладкопеньем
И сладкой пищей угощали, —
Одне лишь пламенные щеки,
Одне лишь свежие уста
Являлися очам гостей, а не потоки
Лиющейс в сраженьях крови,
А пурпур благовонный
Вина сверкал пред ними в драгоценных,
Лилейною рукой младых
Невольниц подносимых чашах.
В веселье шумном день и вечер,
Вином запитые, исчезли.
Заискрилась звездами ночи
Глубокая пучина неба,
Заискрились кипучей пеной
Вина последнего фиалы,
И наконец могучий хмель
На мягком ложе сладкой силе
Сна миротворного их предал...»

Так исполнены были правоверными героями обе заповеди Корана: «Не пей вина!» для мужчин, и «Не показывай своего лица посторонним!» — для молодых женщин²³. А пока они спят, мы предадимся некоторым размышлениям.

Я говорил уже не раз, что нас не должны смущать в романах XVIII века и даже в современных нам фантастических сказках неправдоподобные рассказы о приключениях героев и героинь и о вмешательстве в их дела сверхестественных существ. Это обычная манера подобных писаний, но есть одна граница, которую и самый фантастический рассказ не может переступить: это неправдоподобность общепринятой в данной стране условности.

Что сказали б вы, если б в одной из самых неправдоподобных былин об Илье Муромце вы прочли, что на пиру у Владимира Святого угощали его и всех гостей кониной? Вы, конечно, ответили бы, что, хотя вся фабула былины неправдоподобна, но эта неправдоподобность не могла быть напи-

²³ Ведь если даже допустить, что так называемый Абдул Казем Фирдуси описывал тут домагометанские времена, то такие восхваления «сладкого опьянения» и «дев без чадры» совершенно противоречит даже и современному строю жизни правоверных в Азии.

сана в России, а только в Татарии, где конину действительно любят. Но ведь и здесь описание попойки у Рустема, где прекрасные невольницы разносят гостям бокалы с вином до их полного опьянения, настолько же неуместны под пером магометанского фантазера, как и конина на пиру Владимира Святого в устах русского баяна. А потому вы смело можете сказать, что весь этот пир, так же как и прежний, когда к спящему Рустему пришла дочь хозяина – Темина – и сделал ему брачное предложение, могли быть написаны только европейским писателем, да и то с перенесением места действия в далекие неведомые публике страны, где все кажется возможным. Значит, эта поэма написана далеко от Персии.

Точно так же, что сказали бы вы, если бы в какой-нибудь французской былине вы прочли, что Готфрид Бульонский перед отправкою в свой крестовый поход прогуливался по улицам Парижа без штанов? Вы, конечно, ответили бы, что хотя и вся остальные подробности этого сказания неправдоподобны, но такая подробность достаточно показывает, что весь рассказ написан не иначе, как в Шотландии, где герои действительно ходят вместо штанов в коротеньких юбочках. Но ведь и красавица, ходящая по улицам без чадры, то же самое для магометанского читателя, как и герой без штанов для современного француза, хотя бы роман его и был фантастического характера.

А соединив обе подробности – пьянствующего с приятелями героя с разносящими вино девицами без вуалей, и с приходящей к нему ночью принцессой, – мы прямо можем сказать, что роман о Рустеме и Зорабе написан не иначе, как европейцем, или окончательно объевропеившимся азиатом. Допустить, что такое сложное повествование с лирическими описаниями природы, как переходными мостиками от одной нити рассказа к другой, пересекающейся с первою, нити было написано еще в древние домагометанские времена – абсолютно невозможно по эволюционным соображениям. А допустить, что оно написано в позднейший магометанский период нельзя, благодаря уже отмечаемым нами неоднократно восплаемым попойкам и открытым личикам у молодых женщин при гостях.

Остается только один наш вывод: «Царственная книга» (Шах-Наме), в которую входит «Рустем и Зораб», есть апокриф, в котором лучшие рассказы заимствованы из европейской рыцарской и европейской же фантастической литературы. Европейское происхождение этого рассказа подтверждается и той деталью, что, как я уже говорил, все имена действующих лиц – Гудерс, Кешвад, Шехедем, Тус, Рохам, Тераз, Гургин, Милат, Ферхаб, Бехрем, Ферабор и т.д. – благозвучны для западноевропейского уха и лишены всех чуждых французскому языку звуков, вроде «дж», «ч», «кх» и т.д., неизбежных в действительно восточной номенклатуре,

даже и домагометанского периода, так что дальнейшее содержание я привожу лишь для цельности моей рецензии и для полного выяснения структуры рассказа.

Рустем приезжает к шаху Ирана Кекавусу, но тот, узнав, что он выехал к нему не сразу, а лишь через день, впадает в бешенство и сидя на троне, раздражается гневной речью и приказывает тотчас повесить Рустема.

«...Но Рустем,
Не замечая ничего,
Смотрел горящими глазами,
Как лев, увидевший змею,
На шаха. Он, казалось, вдруг
Стал целой головою выше,
Стал вдвое шире грудью и плечами.
И он сказал:

– А ты кто, чтоб меня
Так дерзостно позорить?
Ты шах, но шах по милости моей.

.....
Я князь Сабулистана вольный.
Иль ты не знаешь, что когда
Я топаю ногою – подо мной
Дрожит земля, когда мой скачет конь,
От топота его шумит все небо,
И, быстроте его чудеса,
Поток бежать перестает?
Иль ты забыл, что я Рустем,
Что мой престол – седло,
Что шлем – моя корона?
И кто же ты, чтоб петлей мне грозить?»

Его речь льется как поток, затем он выходит гордо из тронного зала, садится на своего Грома и уезжает домой. А тем временем вельможи, перепугавшись за судьбу царства, всеми силами успокаивают шаха. Его старшему советнику Гудерсу удается, наконец, перепутать его неизбежной гибелью от Зораба, и он посылает новое посольство в погоню за Рустемом.

«И все они отправились в путь,
И ехали весь день, всю ночь,
И той гостиницы достигли,
Где выбрал свой ночлег Рустем».

Они просят его извинить шаха и не забывать, что в нем нуждается весь Иран. Рустем сначала гордо отказывается, но старший посланец действует на его самолюбие, говоря:

«Не скажут ли: Рустем,
Состаревшийся лев, бежит
От львенка молодого,
Не смеет он лететь на высоту:
Там носится другой орел.
Его моложе и отважней...»

Не в силах выносить одной такой мысли, Рустем вскакивает на коня, возвращается к шаху и примиряется с ним. Вставляется игривая песенка о том, как «Веселая Молва» по случаю проезда Рустема встречается с «Печальным Слухом» о его ссоре с царем, и как они обе подрались друг с другом на улице.

«Печальный Слух был неуклюж,
Веселая Молва проворна.
И мигом был Печальный Слух,
Из города далеко выгнан,
И снова начала Веселая Молва
По улицам летать...»

И где ни пролетала,
Воздушную летунью
Старик и молодой,
Здоровый и недужный,
И бедный и богатый,
Ласкали, миловали,
Кому на сон грядущий
Услышать удавалось
Ее живое слово,
Тот сладко засыпал,
Обвеянный толпою
Веселых сновидений».

Описывается подробно, как на следующий день, на рассвете, вышли войска из столицы вместе с Рустемом к замку, занятому Зорабом, и наконец подошли к нему. И тут автор опять поступает по общей схеме новейших европейских романистов. Оставив на самом критическом месте эту нить рассказа, он подхватывает первую нить и сцена переносится в Белый Замок. Начинается пятая книга поэмы.

Зораб видит со стены подошедшее войско шаха. Он спрашивает, кого бы из него вызвать на поединок? А коварный советник Баруман, подо-

сланный туранским царем Афразиадом, знавшим, что Зораб сын Рустема и желавшим погубить обоих во взаимном бое одобряет его желание и обещает показать, с кем ему надо будет сразиться.

Обрадованный приходом врага Зораб заказывает пир, а Рустем в войске шаха переодевается турком и безоружный прокрадывается в замок. А тут опять кипит неподходящая для магометан попойка.

«Там двор широкий весь был озарен
Огнями. Он шумел
От говора пирующих, от звона
Вином кипящих чаш,
От пенья, от бряцанья струн,
От бешено-веселой пляски...
На пиршестве беспечно
При факелах зажженных
Зораб сидел с гостями.
На нем не шлем железный,
А праздничный из свежих
Цветов сиял венок.
И сам он, яркий блеск,
Был окружен
Блистаньем, был прекрасен,
Как цветок благоуханный».

Сами звезды с восторгом смотрели на него, и говорили о нем друг с другом. Но они знали, что ему недолго жить и одна из них

«Своим сестрам небесным
Печальная сказала:
— Как жаль, что этот цвет
Так скоро, скоро должен
Увянуть... О как мил он!
Пошлем в сияньи наших
Очей, им веселимых,
Видение туда,
Где мать о нем тоскует,
Теперь уже к ней он
Не возвратится вечно.
Пускай его она
Хотя во сне увидит».

И они послали сон его матери. И она увидала его таким, каким он был в тот миг на пиру.

А тем временем Рустем, сидя в темном углу замка, следил за пирующими. Его увидел витязь Синд, приставленный матерью к Зорабу, чтоб тотчас показать ему отца, как только они встретятся. Он подошел к Рустему и схватил его как соглядатая. Но Рустем так его ударил кулаком по голове, что Синд моментально умер, а Рустем ускользнул из замка. Описывается, как потом нашли убитого Синда, как пир сменился печалью, и Зораб поклялся убить его убийцу.

И вот в VI главе рассказывается, как на следующий день Зораб вышел на стену замка и увидел в равнине шатры всех предводителей. Он призвал плененного им Хеджира и попросил рассказать, кому принадлежит какой шатер. Описывается ярко расположение войска, и как Хеджир назвал ему всех предводителей, а Рустема коварно утаил, сказав, что его шатер принадлежит какому-то незнакомому для него приезжему витязю. Он уже знал, что Зораб сын Рустема, и ему хотелось, чтоб отец убил сына, и этим отметились собственное его поражение и пленение. Подозревая коварство, Зораб требует, чтоб Хеджир показал ему палатку его отца, а тот отвечает, что ее тут нет. Зораб и верит и не верит. Он сторяча вскакивает на лошадь, мчит к вражескому стану и вызывает на поединок сильнейшего из его витязей.

Все в лагере испугались его вида. Бегут за Рустемом, быстро надевают на него доспехи, и тот скачет в бой, описанию которого посвящена седьмая книга, а первые части мы только что вкратце резюмировали здесь.

Рустему жаль молодого богатыря, он уговаривает заключить мир, но тот и слушать не хочет. Он требует боя.

Я не буду описывать всех его перипетий. Все они имеются в разных европейских рыцарских романах XVIII века. Из обоих борцов, как говорится, только пух летел, пока солнце не склонилось к западу, и они подобно рыцарям на турнире, наговорив друг другу комплиментов, разъехались, обещая друг другу встретиться в следующее утро.

Начинается глава восьмая – описание второго боя. И вот

«Когда павлин рассвета распустил
Широко хвост свой разноцветный,
И голову под черное крыло
Угрюмый ворон ночи спрягал,
Рустем проснулся, опоясал
Губительный свой меч,
И, боем дышащий, вскочил
На огнедышащего Грома.
И бурею на избранное место
Помчался он...»

А Зораб в то время был еще дома. Он видел сон, что лежит в объятиях своего противника, как отца.

Он говорит об этом коварному баруману, но тот, послушный приказанию своего царя, еще более подзадоривает его против Рустема, говоря, что это вовсе не Рустем, а соглядатай, убивший Синда, за которого Зораб обещался отомстить.

«Он поглядеть в лицо не смел Зорабу,
И бледен был, как полотно.
Но все сомненья он разрушил
В душе Зораба. Мщеньем закипев,
Поспешно витязь молодой
Вооружился, на коня
Лихого прынул,
И полетел на битву роковую».

Начинаются опять комплименты друг другу встретившихся героев по образу рыцарей Белой и Алой Розы, в присутствии обоих войск.

«К сопернику приблизившись, Зораб
Его спросил, приветно улыбнувшись:
— Покойно ль спал ты эту ночь,
И весело ль проснулся? Рано, рано
Ты поднялся, мой старец многосильный!
Прекрасен этот день — таков ли будет
Прекрасен вечер, мы не знаем.
Но посмотри, как утро молодое
Вершины гор озолотило.
Цветы все утренним вином
Напоены, и утренняя свежесть
На паству манит пастухов.
Невидимо под ветряки деревьев,
Но видимо в лазури чистой неба
Поют проснувшиеся птицы.
Ручьи, сияя, льются,
Под солнцем блещут берега.
Трава росой сверкает...
Приличен ли такой всемирный праздник
Кровавому убийству? День такой
Не лучше ль милой жизни
Еще нам уступить? Послушай, друг,
Сойди с дракона своего
На этот свежий дерн и заключим
В виду обоих наших ратей
Здесь перемирие, забудем

На этот день и мщение, и злобу:
Пусть будет поле крови
Для нас палатой пировою.
Я знак подам — и перед нами
Вино заблещет в кубках,
И пир устроится роскошный,
И звонко заиграют струны,
И дружно мы отпразднуем с тобою
День возрождения прекрасной,
Всеоживляющей весны.
Железный шлем ты снимешь с головы,
А я венком живых цветов украшу
Твои мне милые седины.
И, сидя за вином, мы будем
Беседовать радушно о войне.
О бранных подвигах, и всем, что знаю,
Я поделюсь с тобой от сердца.
А ты свою откроешь мне породу,
И славное свое мне скажешь имя.
О! Не упорствуй, друг! Скажи,
Скажи его! Мы не должны
Так чужды быть друг другу. Нас
С тобой вчера побратовала битва...
— Дитя мое, — сказал Рустем, — Не для того
Сюда пришли мы, чтоб роскошно
На луговом ковре покоясь,
Беседовать. На смертный бой
Пришли мы. Если ты
Еще годами отрок,
То я уж не дитя. Ты видишь,
Что для борьбы кушак стянул я туго
И здесь давно я жду, чтоб боевую
С тобой начать работу, чтоб нарвать
С тобой тех роз, какие только в нашем саду родятся.
Свежесть утра
Для ратного благоприятна дела.
Она моим состаревшимся членам
Живую крепость придаст.
Итак, пока не наступил
Палящий зной, начнем

Свой мужественный спор. Я не слышал
Чтоб для одних рассказов о боях
Соперники на месте боя
Вооруженные, сходились.
Я бьюся делом, не словами,
По имени ж себя не прежде назову,
Как положив тебя в крови на землю.
Тогда узнаешь, чья рука тебя убила. . .»

Начинается описание второго боя. В конце его Зораб одолел Рустема и, повалив его на землю, уже занес над ним свой кинжал, — опять по образцу французских рыцарей после крестовых походов.

«Рустем увидя над собою
Железо, возопил: — Остановись,
Что хочешь делать? Если ты
Породой знаменит, не осрамляй
Ни самого себя, ни предков
Постыдным делом: меж суровых
Родяся турков, ты не знаешь
Обычаев Ирана! Знай же,
Что здесь никто, кому в борьбе
Соперника удастся одолеть,
Его не умерщвляет, но ему
Дает с собою испытать
В другой раз силу. Если ж и тогда
Он победит, то властен он
И умертвить врага, и дать ему пощаду.
Таков святой иранский наш обычай,
И стыд тому, кем будет он нарушен!
Так говорил Рустем, прибегнув
(Чтоб от себя погибель отвратить)
К обману. . . .»

Зораб тотчас же ему поверил и отпустил.

Так оканчивается второй бой отца с сыном. Начинается девятая глава и третий бой, но уже не просто, а с волшебством. Когда-то, в этих же местах Рустем, силы которого не сносила даже земля, отдал половину ее на сохранение до обратного востребования здешнему горному духу. Описывается, как горный дух отговаривает его, предупреждая, что это будет ему на горе, но Рустем настаивает на своем. И, получив обратно сохраненную духом часть своей силы, спешит на место боя, когда уже наступают

ет вечер, и с самого утра ждет его Зораб. Зораб предлагает отложить единоборство, но Рустем, уверенный теперь в себе, отказывается от этого, и в первой же схватке повергает Зораба на месте и вонзает ему в грудь кинжал.

«Зораб, смертельно пораженный,
Сказал: — О ты, неверный оболъститель!
Такая ль от тебя награда
За то, что был ты мною пощажен? Но будь
Ты птицей в воздухе иль рыбою в воде,
Не избежишь, хотя и в гробе
Лежать я буду, мщенья от Рустема,
Когда раздастся всюду слух,
Что здесь предательски зарезан
Тобою сын — Рустема и Темины.
От этих слов затрепетал
Рустем, как будто вдруг ударом грома
Пронзенный, с головы до ног.
— Что говоришь ты, сын моей беды? —
Воскликнул он. — Скорее отвечай:
Кто твой отец?
— Я сын Рустема и Темины.—
С блеснувшей гордостью на бледном
Лице, сказал Зораб.
— Отец мой, страж Ирана многославный,
А мать моя краса и гордость Семенгама,
И ею был сюда я послан
Отыскивать отца, столь много лет
С ней разлученного, чтоб мог
Меня Рустем признать за сына,
Я должен был ему повязку, на прощанье
Им данную темине, показать.
И чтоб сберчь ее верней,
Не на руке, а на груди
Всегда носил я ту повязку;
Открой мне грудь — увидишь сам.
Так говорил он. От страданья
Душа рвалась из Рустема.
Дрожа, как лист, одежду он раскрыл.
И там (увидел он) сидел,
Как жаба черная на белых розах,
В груди кинжал, до рукоятки

В нее вонзенный, как в ножны.
Его Рустем из раны вынул,
И быстро побежала с жизнью
Струя горячей крови.
И ярким пурпуром ее
Рустемова повязка облилася.
Он побледнел, ее увидев,
И глухо прошептал,
Как будто задушенный:
— Зораб, ты сын мой... я Рустем!»

Начинается самое патетическое место. Описываются душевные муки отца, убившего своего сына и кротость умирающего сына. Описывается недоуменье обоих войск, не понимающих в спустившемся сумраке, что случилось, и наконец, последние слова Зораба.

«Отец, пока еще во мне
Есть жизнь, пока еще отсюда
Никто не подошел, к моим словам
Склони свой слух. О! Лучшее из них,
Мое сладчайшее, мой в первый раз
Произносимое на свете слово:
Отец! Произношу
В последний жизни час. Им горечь смерти
Услаждена! За гордое желанье
По славе подвигов достойным
Рустемовым назваться сыном,
И за надежду некогда с ним вместе
Над всею властвовать землею,
Которой сам теперь я стал подвластен,
Недорого я заплатил. О чем же,
Рустем, кручиниться? Не плачь!
Когда молва о гибели моей
До милой матери достигнет,
Заплачет жалобно о сыне
Без жалоб на отца она.
Ты ей пошли мои доспехи,
И возврати повязку роковую,
Напрасно данную тобой ей,
А сию мне. Позволь, чтоб Баруман
Назад отвел мои дружины с миром.
Они сюда пришли за мною,

И без меня в сражение не пойдут.
Не мсти Хеджиру за упорство,
С каким он, вопреки
Моим всем просьбам и угрозам,
Тебя назвать отрекся... Ах! О том
Я умолял напрасно и тебя.
Пускай вполне останутся Гудерсу
Его все восемьдесят сыновей,
Тогда как твой единственный лежать
Здесь будет мертвый. Пусть владеет
Хеджир и Белым замком.
Пускай и дева красоты,
Представшая очам моим, как сон,
Гурдаферид, себя отдаст Хеджиру,
Но слово данное исполнит:
Оплатит мой безвременный конец.

.....
Так навсегда с землею я прощаюсь....
Пришел, как молния, ушел – как ветер...
А ты, Рустем, в последний раз теперь
На отходящее дитя взгляни
И прежде, чем оно утратит силу слушать,
Промолви вслух: Зораб, ты сын Рустема».

Судорога сжала горло Рустемаю Он слышал, как громко заликовали все вдаль в его стане, узнав. Что он победитель. Вспомнив. Что у шаха есть эликсир, три капли которого возвращают жизнь смертельно раненым, он велит бежать к нему.

«Но шах ответствен на это,
Не торопясь:
– Благодаренье богу!
Рустем спасен, а враг лежит убитый.
Ему покойно. Я тревожить
Его не стану. Всем моим бальзамом
Пожертвовать готов я для Рустема,
Но капли дать не соглашусь для турка.
И рану и одной уж силы
Рустемовой довольно через меру.
Когда же с ним такой могучий
Соединится сын, обоих их
Не выдержать Ирану...»

Но прежде, чем посланец прибежал с отказом, Зорабу уже не нужен был эликсир. Он умер.

Автор живо описывает сетованье Рустема над мертвым телом сына. Потом отец посылает повязку Зораба по его завещанию матери, но посланный возвращается, говоря, что Темина накануне умерла. Рустем не отходит от тела Зораба.

«Так девять суток он провел
Без сна, без пищи,
Неуголимой преданный печали.
В одни из этих суток – был уж близко
Рассвет зари... как неподвижный
Железный истукан, сидел
Рустем во глубине шатра
Над сыном, сонный и несонный. Полы
Шатра широко были
Раздернуты. Холодным полусветом
Едва начавшегося утра
Чуть озаренное пустое небо
Меж ними было видно... Вдруг
На этой бледной пустоте
Явился бледный облик. От него
Он отделился, и бесшумно,
Как будто веющий, проник
В шатер... То был прекрасный образ девы.
Увидя мертвого, она
У ног его простерлася на землю,
И не вставала долго.
И слышалось в молчанье ночи
Ее рыдание, как лепег тихий
Ручья. С земли поднявшись,
Она приблизилась к телу,
И, сняв с лица покров,
Смотрела долго
На бледное лицо,
Которым безответно
На все земное обладала смерть.
Зажаты были очи, немы
Уста, и холодно, как мрамор,
Чело. Она его в чело, уста и очи
Поцеловала. На голову свежий

Венок из роз и лавров положила,
Потом, лицо опять одев
Покровом, тихо удалилась
И в воздухе ночном,
Как будто с ним слиянная, пропала...»

Это была, само собой понятно, его бывшая соперница в бою, красавица Гурдаферид.

«И стало пусто
опять в шагре, лишь на востоке
багряней сделалось небо,
и одиноко там горела
денницы тихая звезда.
Рустем не знал, что виделось ему.
В бессонном забытии сидел он,
И думал смутно: это сон.
Когда ж при восхожденье солнца
Он снял с умершего покров,
Чтоб утренний привет свой
Ему сказать – на голове его
Увидел он венок из роз и лавров...»

К Рустему приходят друзья звать его домой, но он отказывается и говорит:

«В пустыне самого себя
Хочу размыкать я. И змея –
Грызущего мне душу – горе
Убить. То будет мой последний,
Мой самый трудный подвиг. Змей
Свиреп, он дышит пламенем и ядом.
Идите ж! Добрый путь вам, будьте все
Счастливы и не сокрушайтесь...
Так должно быть!
Когда же о Рустеме
Вам станут говорить и спросят:
Куда пошел Рустем?
Ответствуйте: не знаем!»

Читатель видит сам, что эта поэма настолько проработана, что о древнем ее происхождении – как я уже говорил – не может быть и речи. А для позднейшей магометанской эпохи она не подходит по многим сценам. Итак она – новейший апокриф, а с нею и вся «Царственная Книга».

Я цитирую и резюмирую здесь так обстоятельно образчики старинной литературы не только для того, чтоб показать читателю, занятому други-

ми предметами, их стиль и структуру. Моя цель совсем другая. Я хочу показать, что то, что мы называем теперь «всеобщими историями» и «историями разных народов» совсем еще не наука, а только материал для действительной науки, которую можно бы назвать «историологией» и в которую входит как часть «история истории».

В разнообразнейших кажущейся случайности последовательных исторических фактов, предлагаемых современными историческими общими курсами, мы должны искать общих эволюционных законов, и пока они не найдены, «история» не будет наукой, а ни на что не нужным сумбуром, вроде того, как если бы кто-нибудь подробно записывал много лет изо дня в день фигуры и пуги всех проходящих над его головою облаков, не подводя это ни под какие метеорологические явления.

Моя цель показать, что общие законы эволюции существуют даже и в области умственного человеческого творчества. Никто не мог бегло и много писать, не привыкнув с юности бегло и много читать, а это стало возможно только со времени изобретения печатного станка, т.е. в Германии не ранее 1480 года, в Италии с 1465, во Франции с 1479, в Испании с 1474, в Англии с 1476 и в России с 1498 (в Чернигове).

Мы видим, как это великое изобретение подобно молнии осветило в XV веке Европу, всюду пробуждая мысль и возбуждая литературное творчество в многочисленных головах. Оно сначала собрало, распространив во множестве экземпляров наивысшие продукты тогдашнего религиозного творчества, гимны и пророчества, мифы и полемику сектантских вожakov и наивные исторические сказания, таившиеся в монастырионах и дворцах царей. А затем печатный станок принялся закреплять и распространять сказки нянек и песни народных баянов, причем собиратели составляли из них длинные произведения многосуставчатого типа, вроде Одиссеи и Илиады. Вот почему такого рода суставчатые произведения и должны быть отнесены не ранее как к первому веку появления печатного станка в данном лингвистическом бассейне.

Вслед за тем стали проявляться и переводы на новые языки с тех языков, на которых ранее началось книгопечатание, внушая этим впервые менее культурным народам, что пограничные с ними более культурные иностранцы не пышут только злобой и ненавистью, а такие же люди, как и они.

Фантазия, разыгравшаяся на чтении религиозных книг с их чудесами, или на чтении героических баллад с необыкновенными подвигами и приключениями героев, устремилась неизбежно к собственному творчеству. Но первые авторы, стыдясь, чтоб их не осмеяли, выдавали сначала свои собственные произведения, за сочинения уже известных и любимых авторов. Уже по этому одному почти все литературные произведения на заре

любой национальной литературы должны быть апокрифичны и потому дошли до нас, как произведения более далекой древности, затемнив таким образом эволюционный характер развития человеческой литературы. Для обнаружения его в хаосе имеющихся у нас сведений и для создания из этого материала серьезной исторической науки, нам нужно прежде всего устранить это недоразумение.

Кроме того, нам нужно принять к сведению и еще одно обстоятельство. Также самая развивавшаяся на беглом чтении фантастических книг фантазия, естественно, не могла выдавать творимые ею явные небылицы за происшествия, происходящие в той самой среде, где живет автор и сами его читатели, а потому пошла по двум путям. Она стала относить описываемое или в недоступное для проверки отдаленное время, или в недоступные для проверки отдаленные местности, народы которых не приходили в близкие сношения с народом автора. Благодаря этому в следующем же поколении стало составляться представление, что и прошлое время и далекие страны полны чудес.

Появилось стремление к путешествиям в отдаленные местности и к отысканию древних документов. Поездки в отдаленные страны, после первых хвастливых сообщений авантюристов, вызвали серьезные научные путешествия, создавшие нам географию и обнаружили, что ничего сверхъестественного в них теперь не происходит. А в глубине времен и до сих пор еще никто не мог побывать лично, почему все чудеса и сбежали туда как из самой Европы, так и из отдаленных стран, хотя и теперь еще не прекратились фантазеры, вроде современных теософов, верящих в тибетских мудрецов, и готовые рассказывать о них небылицы.

Но этот взрыв фантазии достиг грандиозных размеров только в Европе. Печатный станок не мог сделать чтение беглым в китайской литературе, благодаря отсутствию там фонетической азбуки, и отупляющему действию на молодые еще не опытные умы долгого бессмысленного изучения рисуночного письма, а потому там и фантазия еще не разыгралась даже и в XIX веке, и мы имеем в китайской литературе лишь наивные сказания первичного типа, да театральные драмы, вроде европейских средневековых, и, кроме них, лишь бесконечные подобию сухих летописей, первоисточники которых, по-видимому, находятся даже вне Китая.

В Индии, Персии и бывшей Оттоманской империи, куда Коран и романские миссионеры уже несколько столетий назад принесли фонетическую азбуку, появление печатного станка в применении к местной национальной литературе очень запоздало по каким-то еще не выясненным причинам. Печатный станок там применился к национальной литературе только в недавнее время, чуть ли не в конце XVIII века, если не позже, а пото-

му теперь эти страны и переживают такой же момент, как и Западная Европа пережила в XVII, а Россия в XVIII века, в период Сумарокова (1718–1777 гг.) и Державина (1743–1816 гг.).

В национальной литературе этих стран, как и везде, фантазия еще направлена на апокрифы и на длинные произведения суставчатого типа, которые современные европейские искатели время от времени и вывозят в Европу большею частью, как это и следует быть в одиночных авторских рукописях, т.е. еще не получивших распространения у себя на родине, но выданных за знаменитые произведения глубокой древности.

Только в Индии Рабиндранат Тагор стал теперь на высоту современного не апокрифированного национального романа. И несомненно, что за ним, как у нас за Пушкиным, последуют и другие в Индии. Восточная литература должна повторить все фазы развития европейских, а китайская еще будет некоторое время ждать введения в своей стране фонетической азбуки.

Глава VI

ПЕСНЬ О РАМЕ (РАМАЯНА)

Действительно ли всякая банка с кильками, на которой написано «Made in England», сделана в Англии, а не в Риге? Или всякая тетрадь, о которой говорят, что она найдена в Персии, действительно из Испагани, а не из Испании?

Возьмите любую из средневековых повестушек, перенесите место действия их из Севильи в Багдад, переведите имена героев и героинь по их значению на язык Корана; вместо слова бог напишите Аллах, а слово вуаль, под которым героиня идет по улице Мадрида на свидание с возлюбленным, замените равнозначным с ним восточным словом чадра, и вы получите зеркальное отражение восточных рассказов, которым приписывают азиатское происхождение. Как же показать, что они сделаны не в Париже?

Прежде всего, это можно бы установить, найдя в них такие подробные и точные описания местностей, какие не были еще сделаны европейскими путешественниками и географами. Но именно таких деталей мы и не встречаем в восточной беллетристике. Все местности восточных поэм и повестей чисто фантастические, все их знаменитые города – Дели, Лагор, Багдад, Басра и даже Кипр – не имеют ни одной улицы, ни одного дворца, ни одной площади, похожей на те, какие имеются там в реальности. А ведь это прямо говорит за их возникновение где-то далеко-далеко от сцены рассказываемых событий!

За метское происхождение могла бы, кроме географических деталей, свидетельствовать многочисленность рукописей, находимых в данной стране. Это было бы даже совершенно неизбежно, если б таким произведением там интересовались, но и в этом отношении мы терпим полную неудачу. Обыкновенно европейским ученым-искателям и спешащим вслед за ними охотниками-авантюристами удается «щ великими трудами» отыскать какой-нибудь один и в самых сенсационных случаях несколько экземпляров, очень похожих на обратные переводы с уже славившихся в Европе «переводов с неведомых рукописей».

Но ведь отсутствие многих сотен копий есть явное доказательство, что данным произведением совсем не интересуются у себя на родине! Пусть так отвечают нам, но зато им интересовались там в «глубокой» древности и оно тогда, конечно, ходило в тысячах списков, которые потом истребили

«ненавистники всякой роскоши и учености мыши и моль, от трапезы которых остались только кучи пыли».

Но и это лишь отговорка, потому что во всех находимых таким образом «униках» обнаруживаются анахронизмы, которые показывают, что эти рукописи обрабатывались незадолго до времени их нахождения.

Вот что говорится, например, в предисловии к русскому переводу Ю.А. Роменского (изд. 1902 г.):

«Рамаяна» или «Песнь о Раме» – великая индийская эпопея. Ее содержание, по мнению историков, относится к XIII–XIV столетию до Р.Х., героическому периоду распространения арийских владений на южный полуостров Декан. Создание ее предание приписывает поэту Вальмики. В своем полном объеме «Рамаяна» состоит из семи книг и включает в себе множество позднейших вставок и искажений первоначального текста. Георг Вебер по этому поводу говорит:

«Древнейшие части Махабхараты и Рамаяны принадлежат, хотя и не в нынешнем своем виде, очень древнему времени, быть может X и XI столетиям до Р.Х., но свою нынешнюю форму эти поэмы получили не ранее последних двух, трех столетий до нашей эры. В них собран весь материал индийского эпоса. Они обе основаны без сомнения (sic!) на древних песнях времен переселения и завоеваний, на преманиях о последних нашествиях и войнах арийских племен в святой области Сарасвати и Ямуни и о пешвом их расширении на юг. Но *каждое новое поколение делало новые прибавки*, перерабатывало полученные от предков поэтические рассказы дополнениями и изменениями в духе своего времени, своего культурного развития, своих религиозных понятий. Таким образом индийские эпопеи разрослись до громадных размеров. Вставками множества эпизодов и прибавок, деланными в течение веков, они превратились в огромные компиляции, лишенные художественного единства. *Все переделано* в древних частях их состава, и язык, и форма рассказа, и характер его, так что *прежний смысл совершенно искажен переработкою в духе религиозных понятий позднейших времен...* Распознать в этой перделке первоначальные контуры индийского эпоса очень трудно» (Т. I. С. 238).

После такой отчаянной характеристики, как будто не оставалось ничего мругого делать, как признать весь этот «индийский эпос» лишенным всякого исторического значения, признать его за современный, хотя и постепенно выработавшийся фольклор, но... в таком случае, что осталось бы от древней истории Индии? Необходимо было выделить что-нибудь и за «полторы тысячи лет» до пресловутого Рождества Христова.

«И, вот, на долю европейских санскритологов и поэтов-переводчиков выпал поистине неопреодолимый труд разработки санскритского текста

с тем, чтобы «выделить из него позднейшие браманские вставки, исправить искажения и таким образом по возможности восстановить эпопею в ее первоначальном виде». И дело началось. В 1829 году профессор санскрита в Бонне Артур Шлегель издал обработанный им санскритский текст двух первых книг Рамаяны и это издание послужило Адольфу Гольцману оригиналом для его перевода Рамаяны на немецкий язык. Но в своем предисловии к 3-му изданию немецкого перевода Рамаяны и Магабгараты, вышедшему в свет в 1854 году он сам между прочим говорит:

«Вся первая книга санскритского текста Шлегеля поддельная. Я даю только содержание второй книги, хотя явились и остальные пять книг этой поэмы в издании Горрезии, но Горрезии избрал такую редакцию текста, которая для меня не годится».

Итак, первая книга Рамаяны – апокриф новейшего времени... Но почему же не апокрифы и следующие книги, тоже никому не известные в Индии до их открытия европейцами с таким трудом, в одном экземпляре? Но, впрочем, не в одном... потом нашлись и другие, пополненные уники, что было даже неизбежно, при таком большом запросе на них даже и после напечатания первого «открытия».

После Шлегелевского издания «поддельной Рамаяны» с ее латинским переводом 1838 года эту поэму нужно было во что бы то ни стало найти еще раз в Индии, и она была, как и следовало ожидать, найдена в расширенных рукописях, сначала в Восточной Индии и издана в 1859 году в Калькутте, а потом и в Западной Индии и издана Горрезии в Бомбее и в Париже в 1870 году с итальянским переводом. Это и было то самое издание, которое так не понравилось Адольфу Гольцману (1810–1870), что он даже и рассматривать его не захотел.

Но все же Рамаяна стала все более и более распространяться по Европе, где вслед за тем вышел в 1860 году французский перевод Фоша (Fauche) и английский Грифита в 5 томах в 1874 году, да и индусские интеллигенты ознакомились, наконец, с нею по изданиям европейцев.

Каковы же признаки ее глубоко древнего происхождения? Оказывается, никаких.

«Не философия и мораль, – говорит Ю.А. Роменский в своем предисловии, – могут служить вообще образцом человеческой мудрости и добродетели без всякого отношения ко времени и особенностям расы, среди которой они получили свое развитие.

Отличительной чертой Рамаяны служит естественность положений и событий. В ней нет тех преувеличений и того сплетения мифологических черт и образов, которые свойственны индийскому эпосу и которые для читателей, не знакомых с вероучением индусов, были бы непонятны. Рас-

сказ Рамаяны прост, натурален, исполнен глубокого драматизма и понятен каждому от начал до конца. «Индийски эпос, – говорит Вебер, – не уступает греческому ни по высокой нравственности и глубине мыслей, ни по художественному совершенству и нежности чувства».

А русский переводчик, сам не понимая убийственного значения своих собственных слов, продолжает:

«Сопоставление индийской морали, существовавшей три тысячи (!) лет тому назад, с современной европейской моралью, прошедшей через горнило христианства и через обширную лабораторию новейших гуманитарных и философских наук, может навести на многие назидательные размышления».

И это совершенная правда. Сопоставление индийской литературы и философии с европейской прямо наводит на вывод, что индийская литература и философия представляют собою только отпрыск европейских, и притом очень недавнего времени.

Возьмем хоть имена. Хдесь Рама есть латинское Roma, т.е. Рим, Дазарат – латинское Desiratus – желанный, Аноция от греческого <...> Аникий.

А вот и отрывки содержания, показывающие метод изложения и фабулу.

В Айоции¹, в своем дворце,
На троне Дазарат² сидел.
В ралату царскую вошли
Князя и сели по местам,
Согласно званию своему,
И, взоры обратя к царю,
Безмолвно ожидали. Их
Поклоном государь почтил
И низким голосом, как бой
Торжественный литавр, как гром,
Рокочущий из туч, сказал
Им мудрые слова:
«Князя!
Вам всем известно хорошо,

¹ Айоция считается за теперешнюю Оиде, лежащую на северо-западе от Венареса, но это имя много более созвучно с несколькими классическими именами. Так азианами назывались крайние сирийские ариане, относимые к IV веку нашей эры. С этим сходны имена Аякс, Аэций и т.д. Есть и калмыцкое мужское имя Аюка того же корня.

² Считается, что Дазарат от каждой из своих трех жен имеет по одному сыну: от Кавзалии – Раму, от Кейкеи – Фарату и от Сумитры – Лакшану. При начале рассказа второй сын, Фарата, находится у родителей своей матери в стране Кейкайи. Рама женат на Сите, дочери царя страны Бидехи - Джанаки.

Как правили страной мои
Предместники и как о ней
Всегда отечески пеклись.
Я следовал по их пути;
Без отдыха, по мере сил,
О благе царства я радел,
Но ныне в тягостных трудах,
Под желтым зонтом³ я ослаб
Душою, телом изнемог.
Мне в тягость почести и власть,
И не по силам долг царя:
Добро и правду охранять.
Мне нужен отдых, я стремлюсь
К покою. Пусть же за меня
Заботу примет старший сын
О благе подданных. Я вас
У трона своего собрал,
Чтоб ваше мнение узнать
И выслушать от вас совет.
Я Раме назначаю трон.
Он добродетелью своей
Глубоко радует меня.
Как Индра⁴ духом он могуч,
В нем сочетался светлый ум
С телесной силой, красотой
И добронравием. Ему,
Как лучшему из всех мужей,
Который в силах может быть
Тремя мирами⁵ управлять,
За благо почитаю я
Заботы и труды свои
С высоким саном передать.
Мы этим выбором дадим
Стране порядок и покой,
А я избавлюсь от трумов,
Тяжелых в возрасте моем.
Скажите, по душе ли вам

³ Желтый зонт – знак царского достоинства, имеет значение скипетра.

⁴ Индра – царь богов.

⁵ Т.е. не иначе, как Европой, Азией и Африкой.

Царевич? Кажется ль он вам
Вождем достойным? Ждете ль вы
В грядущем блага от него?
Подобно мне, и вы теперь,
Обдумав, мнение свое
Должны открыто объявить.
И если не согласны вы
С моею волей, я готов
Желанья ваши примирить
Ко благу общему».
Так царь
Собранию с трона говорил.
Как туча дождевая в зной
Павлинов стаю веселит,
И криком радостным ее
Они встречают, так слова
Царя восхитили князей.
И стены царского дворца
От громких кликов потряслись:
«На царство Раму посвети!
Пусть царствует над нами он!»

Вот таковы, читатель, были цари в Индии, когда в Европе жили еще пещерные люди! За исключением «желтого зонга», который притом же тут вставлен как-будто не к стати (так как дело происходит не в Китае), все это описание слово за словом могло бы быть отнесено и к восхождению Ромула на Римский трон в устах поэта XVIII века нашей эры в Европе.

И далее все идет в том же роде. Царь Дазарат посылает за сыном. Глава II и глава III посвящены целиком описанию того, как хорош и добр был Рама, и как он был объявлен царем. Но у царя была вторая жена Кейкея и у нее тоже сын. Началась обычная и в древней Европе интрига за престолонаследие:

Случайно Мантара⁶, раба
Кейкеи, поднялась на кров
Блестящий царского дворца.
Отсюда ей открылся вид
На всю Айоцию. Она
Увидела, что город был
Необычайно оживлен;

⁶ Не правда ли, как созвучно со словом *menteur* – лжец?

Что были улицы водой
Политы (!); украшали их
Знамена, флаги и венки;
Что пышный триумфальный свод
Вздыхался по пути к дворцу;
В одежде праздничной стоял
И двигался везде народ;
Сияли храмы серебром (!);
Играла музыка. Дивясь
Смотрела Мантара-раба
На это зрелище. Внизу,
В одежде белой из холста
Стояла с радостным лицом
Кормилка Рамы. И ее
Спросила Мантара:
«Скажи,
Должно быть, в радости большой
Кавзалья? Скупостью своей
Она прославилась, меж тем
Велела деньги раздавать
Народу! И народ чему
Безмерно радуется так?
Не возвестил ли государь
О пышном празднике?»
И ей
Ответила кормилка:
«Царь
Поутру завтра посвятит
На царство первенца».
Едва
Рабыня услышала весть,
Как к спящей госпоже своей
Сошла в покой и стала ей
Со злобой говорить:
«Проснись,
Беспечная! Как можешь ты
Спокойно предаваться сну,
Когда погибелью грозят
Тебе враги? От козней их
Ты чуть не сгинула. Твой муж

Тебя жестоко обманул.
Не ты ли ласками его
Гордилась и из царских жен
Любимейшей женой слыла?
Но ныне милости царя
К тебе иссякли, как родник
Под знойным солнцем».
Эта речь
Встревожила царицу:
«Что
Случилось, Мангара, скажи?»
И Мангара, которой взор
Безмерной яростью пылал,
Ответила:
«О горе! Царь
Намерен завтра посвятить
На царство Раму. Как огонь
Пожара, роковая весть
Меня застигла. И сюда
Я поспешила, чтоб спасти
Тебя, царица. Твой удел
Считаю я своим в беде
И в счастья. Из царских жен,
По роду своему, должна
Ты первою женою быть;
Меж тем, не явно ли, что царь
Кавзалью предпочел тебе?
Сама правдивая, ты лжи
В других не видишь. Дазарат
С тобою ласков на словах,
На деле ж милости свои
Кавзалье расточает он...»

Сладшая царица сначала возражает ей, говорит, что это справедливо, но потом, подзадоренная служанкой и огорчаясь за своего сына Фарата, она наконец восклицает:

«Да будет так! Согласна я
из царства Раму удались,
А сына посадить на трон.
Но ты подумай и скажи,
Как это сделать?»

И раба
Ответила:
«Благой совет,
Царица, преподам тебе.
Забывла ты, или, может быть,
Притворствуешь и от меня
Желаешь слышать, что сама
Доверила однажды мне.
О хитрая! Из уст моих
Ты, верно, хочешь услышать
Свои же мысли. Хорошо,
Тебе угодно – я скажу.
Но только к сердцу ты прими
Слова мои. Когда была
С Азурами⁷ война богов,
Могучий властелин небес
Призвал супруга твоего
К себе на помощь и на юг
Пошел сразиться со врагом.
И там, под знаменем своим
С изображением кита⁸
Средь леса Дандаки⁹ стоял
В столице Вайджаянте царь
Азуров Самбара. Бойцы,
Кровавой битвой утомясь,
Однажды отдыхали. Вдруг
Напали Ракшезы¹⁰ на них.
Во мраке ночи. Поднялась
Тревога страшная. Супруг
Твой Дазарат без чувств упал,
Пронзенный стрелами. Но ты
Из смертоносной свалки прочь
Успела увезти его
И сохранила жизнь ему

⁷ Азуры – титаны индийской мифологии, враждующие с богами. Боги, ведя с ними продолжительные войны, должны были часто прибегать за помощью к земным царям. Но это опять не индусское имя. Это – библейские Ашурь – Ассурь.

⁸ Но какие же киты в Индии

⁹ Такого нет в Индии.

¹⁰ Ракшез – великаны и злые духи, препятствующие жертвоприношениям и преследующие людей.

Заботливым уходом. Царь
В ту пору добровольно дал
Обет исполнить два твои
Желанья... Время подошло
Их государю объявить:
Пусть Фарате уступит трон,
А Раму и Дандаку на срок
Четырнадцать лет сошлет».
И с радостью царица злой

Совет рабыни приняла.....

И вот, когда пришел к ней царь, она закатила ему страшную истерику, наполняющую всю четвертую главу, и потребовала у царя исполнения его обещания удовлетворить два ее желания: первым она выставила сослать Раму, а вторым воцарить Фарата.

Затем в главе V описывается ужасное психическое состояние царя, попавшегося на своем слове, а за стеною клики собравшихся приветствовать Раму граждан:

И говорил народ:

«О, князь,
Иди по доброму пути
Отца и предков! Будь для нас
Опорой! Доблестной рукой
Владенья наши ограждай
И благоденствие умножь
Правленьем мудрым! Этот день
Почтем счастливейшим, узрев
Как в царском одеянье ты
На троне будешь восседать!»
И было много по пути,
На кровлях, у окон домов,
Нарядных женщин, и они
Перед царевичем цветы
Бросали, говоря:
«О, князь!
Как должен радовать твой вид
Кавзалью¹¹! Как она тобой
Гордится, видя в этот час
В торжественном пути тебя!

¹¹ Мать Рамы.

Но женщины на свете нет
Счастливей Ситы¹². Твой почет
Она достойна разделить.
Блажен и прочен ваш союз»

.....
Так ехал Рама; так прибыл
К палатам царским. Миновав
На колеснице три двора
Телохранителей, он два
Преддверия пешком прошел;
В последнем страже повелел
Остановиться и один
В покои женские вступил.
Отца с Кейкеей он застал
И в ноги поклонился им.
Сраженный горем, государь
Вскричал: «О Рама!» и не мог
Ни слова более сказать

.....
взамен его выступает младшая жена и рассказывает о данном ей слове и о своем требовании. Но вместо гнева и негодования Рама отвечает ей:

«О знай, царица, не к земным
Я приобретеньям стремлюсь,
Но соревную мудрецам,
Что жили в древности (!); их путь
Благочестивый я избрал
Себе примером с юных лет....
Нет долга выше и святей,
Как послушанием своим
Родителям. По праву ты
Сама могла мне приказать,
И я бы в Дандаку на срок
Положенный тобой, ушел.
Прибегнув с просьбою к царю,
Наверно сомневалась ты
В повиновении моем.
Пошли за Фаратой. А я,
С женой и матерью простясь,

¹² Жена Рамы.

Уйду в пустыню. Пусть мой брат
Здесь царствует. Но ты должна
Принять заботу, чтоб он был
Отцу послушен».
Дазарат,
Услыша это, зарыдал.
Почтительно коснулся ног
Царя и злой его жены,
Царевич вышел из дворца...

А там ничего не подозревающий народ его встречает новым ликованием, и сама мать его говорит ему:

...«Много лет
Живи, мой сын! Преуспевай
В добре и истине и будь
Повсюду славе и могуч,
Как рода нашего царя
С времен древнейших до сих пор!
Потомок Рага¹³, в этот день
Ты примешь царство от отца!»
Помедлив, Рама отвечал:
«О мать! Не знаешь ты еще
Печальной участи моей.
Я должен огорчить тебя
Известьем скорбным: государь
Ссылает в Дандаку меня
На пять и девять лет, а трон
Второму сыну отдает».
Услыша это, как сосна,
Подрубленная топором,
Кавзалия, лишившись сил,
Упала на пол. И ее
Царевич поднял, скорбь ее
Старался ласками смягчить.
И, муку в сердце подавив,
Царица молвила:
«О, сын,
Могу ль поверить, чтобы ты,
Наветам хитрым подчинясь

¹³ Опять латинское слово regna, сокращенное rex – царь.

Соперницы моей, ушел
В изгнание? Чтоб покинул ты
Меня в беде? Не нарушай
Святого долга, ты во всем
Доныне соблюдал его.
Чти мать свою, как чтишь отца»

.....

все уговаривают Раму сопротивляться, и непобедимый брат его Лакшман предлагает ему свое оружие. Но Рама тверд. Он всех убеждает в необходимости его ухода, чтоб не разрушать спокойствия в царстве, и сама мать, наконец, ему говорит:

«Иди, мой сын! Я не могу
Потомку Рага запретить.
Да охранит тебя твой долг,
Который твердою душой
Так верно соблюдаешь ты!
Пусть боги, чтимые тобой,
И их святые оградят
От зол и недугов тебя!
Хранимый правдой и добром,
Сокрытыми в душе твоей,
О благородный, много лет
Живи! Пусть горы и моря,
И Варуна – властитель вод,
Земля и небо, и ветры,
И предводители планет,
И все созвездия небес,
И то, что движется, и то,
Что неподвижно, – защитят
Тебя в скитаниях твоих!
И не должны тебя, мой сын,
Ни великаны устрашать,
Ни духи страшные лесов!
От скорпионов, обезьян,
От мошек, мух, жуков и змей,
И гадин всяких твой приют
Да будет, сын мой, огражден!
Клыки медведя, тигра, льва,
И буйвола опасный рог,
И бивни страшные слона

Тебе, мой сын, да не вредят!
Благословляю выход твой
И радостный приход. Во всем,
Что ты предпримешь, успевай!
И да сопутствует тебе
Повсюду счастье!»

В главе VIII описывается такая же сцена с нго молодой женой Ситой. Он уговаривает ее быть благоразумной и спокойно(ждать его возвращения через четырнадцать лет, но она отвечает, что повсюду последует за ним.

«Когда в неведомую глушь
Лесов направишь ты стопы,
Я буду путь твой очищать
От терний и колючих трав.
Приятней роскоши дворцов,
Блаженней неба для жены
То место, где ложится след
Ноги супруга. С юных лет
Я от родителей своих
Познала это, и меня
Иному не научишь ты.
Как в доме своего отца,
Я буду счастлива с тобой
В лесу дремучем. Будет мне
Усладою исполнить долг,
Который выше и святей
Всех радостей земных. Ты всех,
О храбрый, защитити готов,
Меня же более других.
Не отвергай меня, возьми
С собой: йез страха, без тревог
Я в лем неведомый вступлю;
Я буду с радостью внимать
Журчанью родников его
И шуму листьев. Будто день
Промчатся годы. Без тебя
Я в небе не могла бы жить!»
Царевич возразил жене:
«О благородная, внемли
совету доброму: покинь
Желанье следовать за мной!

Не радость обещает лес,
Но много горестей и бед.
Там водопада грозный шум
Сливается с рыканьем льва.
Ужасен лес! Болота там
И реки преграждают путь;
В них обитает крокодил,
На берегах – свирепый слон.
Среди терновника и трав
Там нет проторенных дорог.
Там пища – дикие плоды.
Постель для отдыха и сна –
Сухие листья. Там язвят
Фаланги, осы, скорпион
И рои мошек. Там в траве
Ползут ехидны. У ручья
Гадюки вьются. Страшен лес!
О Сита, тяжело там жить!
Тебе ли это перенести?»

Но Сита непреклонна. Рама и она идут прощаться с царем-отцом. Вся IX глава полна трогательных сцен, затем описывается переход через священную реку Ганг.

Реку святую переплыв,
На берег странники сошли
И продолжали путь. Сказал
Царевич Лакшману:
«Иди
Вперед, чтоб Ситу охранять,
А я за ней пойду, и вас
Обоих буду защищать.
Доныне не постигло нас
Несчастье; но в этот день
Узнает Сита, сколько бед
Нас ждет в лесу. Вступаем мы
В безлюдные места. Здесь нет
Возделанных полей, садов
Цветущих; дебри леса, рвы
Да кручи преграждают путь».
И скоро странники вошли
В шумящий бездорожный лем.

И Сита с бодростью идя,
О каждом незнакомом ей
Растеньи, дереве, цветке
У Рамы спрашивала; ей
Растенья эти называл
Царевич. Углубляясь в лес,
Они к смоковнице пришли;
В тени ее густых ветвей
Родник прозрачный вытекал.
Напившись, странники зажгли
Костер и жарили на нем
Добычу Рамовой стрелы —
Вепренка. Пищей подкрепясь,
Под сенью дерева они
Расположились на ночлег
И отдыхали, сторожа
По очереди. Много дней
Они все двигались вперед;
И много проходили рек.
И много видели в пути
Деревьев, незнакомых им,
И множество лесных зверей
Убили. Наконец, они
Пришли к подножию горы
Чудесной Читракуте. Князь,
Восхитясь сердцем, говорит:

.....

«О, ненаглядная, смотри,
Как чудно сочетались там,
Подобно звездам и цветам,
Сиянье многоцветных скал
И отблеск хрусталей! Здесь сайг
Пасутся мирно табуны,
И бродят, людям не вредя,
Гиены, барсы и медведь;
Здесь птицы стаями живут;
Здесь тень прохладная, плоды
И запах благовонных трав
Пленяют чувство. Посмотри,
Густою сенью, как шатром,

Смоковница покрыла нас.
Мы амры свежие плоды
Едим, и джамбы сочный плод
Чудесно освежает нас.
С одних деревьев каплет мед,
С других прозрачною струей
Сочится масло. На скале
Попарно карлики сидят
С смышленным видом; на лугу
Резвятся нимфы. Посмотри,
Как низвергается, дробясь
О камни и кипя, ручей!
Прохладный ветер из долин
Несет нам запахи цветов,
О, ненаглядная, кого
Все это не пленит! Всю жизнь
С тобой и братом я готов
В лесу чудесном провести».

.....

И в этом лесу они втроем – Рама, Сита и его непобедимый брат – построили себе хижину и стали мирно жить.

Тут обрывается первая нить поэмы. Оставив в лесной хижине своего главного героя, автор по примеру беллетристов нашего времени возвращается назад, к оставленным Рамою царю Дазарату и его матери Кавзалье.

Однажды, зарыдав, царю
Кавзалья стала говорить:
«О царь! Ты кроток, милосерд,
Со всеми ласков и за то
Тремя мирами восхвален.
Скажи мне, лучший из царей,
Неужто сыновья твои
И Сита смогут перенести
Опасности глухих лесов?
О ненаглядная моя,
О Сита нежная! В дому
Своих родителей росла
Ты беззаботно, а теперь
Должна в изгнании испытать
И зной, и стужу. Дома ты
Вкушала лучшие из блюд,

А ныне дикие плоды
И дикий рис должна ты есть.
Ты прежде услаждала слух
Игрой и пеньем, а теперь
Должна свирепым голосам
Голодных хищников внимать.
Где Рама? Где теперь сидит
Мой сын, на руку опершись?

.....

дивлюсь, что мердце у меня
не разорвалось до сих пор
на тысячу частей. Скажи,
о царь, за что ты погубил
возлюбленных моих детей?»

Удрученный горестными lamentациями своей жены и не зная, что ему делать, и за что обрушилось на него такое тяжелое испытание, царь вспоминает грех своей молодости. И вот, по трафарету почти всех западноевропейских романов XVII века между двумя основными нитями рассказа вплетается дополнительная, третья нить в виде пояснительного, самостоятельного рассказа одного их действующих лиц. Царь начинает так:

«Я юношею был, а ты
Девицей. Чудная пора
Дождей обильных. Вместе с тем –
Забав и радостей моих
Настала. Солнце отошло
К стране, где царством мертвецов
Владеет Яма¹⁴. Летний зной,
Берущий влагу от земли,
Остыл. Явились облака.
Лягушка, чатака¹⁵, павлин
Резвились всюду. Стаи птиц,
Омытых влагою небес,
Качались, сидя на ветвях,
Во влажном воздухе. Гора
От ливня, павшего из туч,
Блистала, как морская зыбь;
И воды из ущелий гор,

¹⁴ Яма – бог смерти, алпститель юга, созвездие Скорпиона.

¹⁵ Чатака (cuculus melaneleucus) – птица.

Сметая по пути траву
И листья, наподобье змей,
Стекали согнями ручьев
В долину. Чудная пора.
И вот тогда-то, захватив
Свой лук и стрелы, я пошел
Для упражненья юных сил
Вдоль Сараю-реки. В лесу
Надеялся и подстеречь
Слона или буйвола, когда
В ночное время подойдут
Они к реке на водопой
И я услышал в темноте,
Куда мой взор не проникал,
Какой-то шум; я натянул
Тетиву и уверен был,
Что меткая стрела пронзит
Лесного зверя. Но едва
Стрела с тетивы сорвалась,
Раздался крик:
«О горе, кто
Пустил в подвижника стрелу?
Кого обидел я? За что
Мне рану нанесли? К реке
Пришел я зачерпнуть воды;
Я безоружен, нет на мне
Доспехов; дикие плоды
Мне служат пищей. Почему
С оружием стерегут меня?
Кому понадобилась смерть
Подвижника?.....»

Затем описывается подробно, как пустынный умир, сказавши Дазарату, что теперь погибнут его престарелые родители, для которых он шел зачерпнуть воду. Дазарат пошел их напоить. Описывается новая сентиментально-драматическая сцена в духе западноевропейских романов XVIII и начала XIX веков, в конце которой старец пустынный говорит Дазарату, что и ему придется испытать такое же горе, чтоб искупить свой невольный грех.

На этом вставной рассказ кончается и действие опять подходит к первой основной нити.

Так тосковал и плакал царь
И с дрожью в теле продолжал:
«Кавзалья, руку мне подай,
Не вижу более тебя.
О если б Рама здесь стоял,
Счастливый, молодым царем,
И руку подал мне, тогда
Мне захотелось бы продлить
Остаток дней моих. За что
Страданью я обрек его?
Случалось, изгонял отец
Дурного сына, но ведь сын
За это проклинал отца;
А Рама даже не роптал.
Мне гложет сердце эта мысль.
Кавзалия, глаза мои
Уже не видят ничего.....
О Рама! Дорогой мой сын,
Смиритель горя моего,
Где ты?.. Сумитра, подойди
Ко мне, ты добрая жена...
Кейкея, прочь! Ты – злой мой враг!
Ты – гибель дома моего!»
Так в тяжких муках вопиял
И умер старый государь.....

К дальнейшему рассказу, как и у беллитристов XIX века, проведен узорный мостик из описания природы, которым начинается XII глава.

И ночь прошла, сменился мрак
Сияньем утренних лучей.
И возвестили новый день
Глашатаи и хор певцов.
Проснулись птицы; щебет их
Наполнил воздух. И к царю
Вошли прислужницы, неся
Питье обычное, сандал
И воды в чашах золотых
Для омовенья. Над землей
Взошло уж солнце; между тем
Не пробуждался государь.
Служанки ближе подошли,

Но царь не двигаясь лежал,
И охватила их боязнь,
Что умер Дазарат. Как вихрь
Кольшет слабую траву,
Так эта мысль их потрясла,
И громкие стенанья их
Подали роковую весть
Живущим во дворце. Пришли
Две младшие жены царя
И с вошлями:
«О государь,
Наш повелитель, властелин!»
Упали на пол. Этот шум
От сна Кавзалью пробудил.
Недвижно перед ней супруг —
Очаг остывший, океан
Без влаги, солнце без лучей —
На ложе смерти почивал.
Коснувшись головы его,
Она, к Кейкее обратясь,
Воскликнула:
«Теперь живи
И царством наслаждайся: царь,
Жестокосердая, тебе
Не станет более мешать!
В(изгнанье сын мой, в небе муж;
Нет в жизни больше мне утех;
Я беззащитна. Жизнь меня
Не может больше привлекать.
И с прахом мужа своего
Найду конец свой на костре!»

Окончив этим трагическим финалом начальную часть своего рассказа, автор начинает вплетать в ее конец новую нить, переносясь в далекий от Айюции город Раджа-гриху, где, йудто бы, живет у дяди, ничего не подозревая, сын Кейкеи Фарата, ради которого произошла вся эта трагедия, и видит ужасный сон, который пересказывает приближенным:

«Я видел в эту ночь отца,
Без царских знаков и оджд,
Он на крутой горе стоял,
И были волосы его

Всклокочены. С вершины он
В болото мутное упал.
И в масло превратилась вдруг
Вода. Отец со смехом стал
Из горсти пить его, потом
Он погрузился в глубину.
И вновь увидел я отца:
В одежде красной и венке
На колеснице он стоял;
Ослы везли его на юг,
И усмехаясь перед ним
Шла великанша. Я боюсь,
Чтоб не постигла смерть царя.
Кому приснится человек
Ослom везомый, вскоре тот
Увидит дым его костра.
Меня тревожит этот сон,
И я сегодня не могу
Ни шуток ваших, ни игры
Достойно оценить. Уста
Мои смыкает скорбь, и грудь
Предчувствий тягостных полна».....

И вот в этот самый миг приходят к нему послы его матери звать его назад. Они и сами еще не знают печального конца и говорят ему, что все благополучно, но им запрещено сообщать ему, что он уже назначен там царем.

Он спешит что есть сил, приезжает на шестой день и поражен печальным видом города. Он спешит к матери, узнает от нее самой, что она сделала для него и в негодовании проклинает ее и убегает от нее. Начинается новая патетическая сцена.

В то время собрались в дворце
Советники. От их лица
Сумантра Фарате сказал:
«Был царь дороже нам отца,
Он в мире праведных почил;
В изгнание первенец царя.
Наследник трона ныне – ты.
О князь, владычество прими,
Чтоб государство без главы
Не рушилось от тяжких смут.

и автор врывается сюда монолог совсем в духе знаменитого французского ультра-роялистического романиста виконта Шагобриана (1769–1848) или нашего историографа Карамзина (1766–1826). Вот эта замечательная речь почти целиком.

В стране, где государя нет,
Властитель тучи громой
Сухие нивы не поит
Небесною росой. Там сын
Не подчиняется отцу,
Жена – супругу своему.
В стране, где государя нет,
Бесплодны нивы; нет людей,
Чтоб строить храмы, начаждать
Сады и рощи; нет жрецов
Для приношенья жертв. Там нет
Веселых праздников и игр;
Не собирается толпа
У стихотворца; мудрецы
Для поучения людей
По рощам не ведут бесед.
В стране, где государя нет,
Не ходят девушки в сады
Для развлечений и забав
В нарядах дорогих; мужья
Не возят в колесницах жен;

.....

В стране, где государя нет,
Пастух, богатый селянин
Не могут дома при дверях
Открытых мирно отдыхать.
Не может развозить купец
Своих товаров дорогих
По безопасному пути

.....

В стране, где государя нет,
Не упражняются стрелки
Для битв, не слышен свист их стрел,
Нет храбрых войск, чтоб охранять
Границы царства. Как стада
Не могут быть без пастухов,

Так государства – без царей!
В стране, где государя нет,
Не может собственности быть;
Там пожирал бы брата брат,
Как рыба рыбу. Власть царя
Страшит злодея; перед ней
Склоняется покорно он.
Как глаз за телом, государь –
Блюститель правды и добра –
Следит за царством. Был бы мир
В вражду и смуту погружен,
Когда б властители-цари
Порядка не хранили в нем.

Ну, подумайте только, читатель, какое монархическое настроение было у индийских поэтов более трех тысяч лет тому назад! И как опоздали наш Карамзин и французский Шатобриан совершенно с такой же идеологией в начале XIX века! Поистине, человечество вопреки всему органическому и даже неорганическому миру не совершенствовалось за последние три тысячи лет, а только впадало в декаданс! И как не досмотрел этого Дарвин, производя человека от обезьяны!

Мне кажется, что тут я и мог бы закончить с торжеством мои доказательства, что Рамаяна писана не ранее как в век Шатобрикана, и может быть под его влиянием, если она открыта при его жизни и во французских колониях Индии, но для цельности моей критики прослежу рассказ до конца.

Рыцарски настроенный принц не внемлет этим убеждениям и твердо отвечает:

«Отцовской воле вопреки,
Я царства не могу принять.
Коварной матери моей
Я дерзких замыслов не знал.
В изгнанье братьев дорогих
И Ситы не виновен я.
Презрен, кто в сердце не хранит
Учения священных книг,
Не повинуется богам,
Не чтит родителей. Презрен,
Кто портит книгу мудреца,
Прилежно писанную им;
Презрен беспечный государь,
Который подданных своих

Не защищает, хоть берет
С доходов их шестую часть;
И подданный, который злом
За благо воздаст царю.....
Издревле первенец у нас
В роду наследовал престол,
И было б недостойно вас
На царство избирать меня.
Сберите войско; поспешим
За Рамой в лес. Вернем его
Домой, как пламя на очаг.
Немедля вы должны скопать
Неровности, засыпать рвы,
И приготовить торный путь,
Чтоб Рама, царственный герой,
Торжественно по нем пошел!»
И радостный народ вскричал:
«Благословение тебе,
Царевич доблестный, что ты
По справедливости престол
Желаеть Раме уступить!»
.....

Благородный царевич Фарата и его подданные идут передать царство Раме, но благородный Рама, чтобы исполнить волю своего государя-отца, говорит им:

«Не царь ли подданным пример
В добре и худе? Добрый нрав
И верность слову своему
Должны присущи быть царям.
Весь мир на верности стоит;
На ней достоинство и власть
Царей покоится; она
Единый вечный государь
Вселенной; только от нее
Исходит к людям благодать.
Воистину, разумен тот,
Кто чтит ее превыше благ
Земных и жизни: от богов
И предков он получит мзду.

Обету моего отца
Останусь верен я; с пути,
Ведущего в небесный мир
К отцу, вовеки не сойду.
И ты достойным сыном будь,
Кейкеи строго не суди;
Заботы нежных матерей,
Их бескорыстная любовь
К дитяти слабому ничем
Не награждаются. Отбыв
Положенный изгнания срок,
Я снова в город возвращусь
И царство от тебя приму.
Исполним наш сыновий долг!....»

Его уговаривает даже сам пришедший к нему брамин, но он и его не слушает. И как старший сын и естественный наследник назначает Фарату царем на 15 лет, а сам остается со своею женой Ситою в пустыне, чтобы исполнить слово, сказанное государем своим отцом. Так оканчивается знаменитая песнь о Раме. Но ведь это же, читатель, форменная апология монархической власти, уместная лишь тогда, когда в ее божественном происхождении начались сомнения! Это – поэма контрреволюционного периода, возможная только после французской революции, а не за три тысячи лет до нее! На то же самое указывает и ее плавный, выработанный слог и типичная для первой четверти XIX века конституция скелетного романа со вставным повествованием от лица одного из ее героев. Как могли критики и сами переводчики не досмотреть этого? Не в детство же они впали? Нам говорят, что эта поэма-роман написана в Индии... Пусть будет так. Мы прибавим от себя только, что это было не в древней, а уже во французско-британской Индии, и притом обьиндившимся европейцем или объевропеившемся индусом, накануне того, как знаменитый индийский санскритолог, князь Раджендралал Митра (1824–1891), получив европейское образование, начал со страстью коллекционировать индусские сказания и современные ему рукописи на санскритском языке, что, вероятно, дало начало огромному количеству подлогов, в которых теперь необходимо разобраться, проследив условия каждого открытия. А на только что разработанном нами Рамаяне мы прямо можем поставить как на коробке с консервами штампель: «MADE IN FRENCH INDIA».

Глава VII

НАЛЬ И ДАМАЯНТИ

(образчик скелетного романа европейского типа, попавший в Индусскую Мага-Барату)

Лишь в первой половине XIX века немецкий ориенталист Христиан Лассен (1800–1876 г.) положил основание филологическому изучению существовавшей в его время индусской литературы, сразу же отнеся ее в глубокую древность¹. А до него о ней ходили в Европе лишь «восточные сказки» в духе «1001 ночи», да обрушилась сразу, как гора на голову, индийская национальная эпопея Мага-Барата в 220.000 стихов в 18 книгах, нашедшая себе провозвестителя в лице датчанина Jören Sörnsen в Копенгагене, выпустившего о нем обширный труд в 1843 году, а полное издание ее оригинала появилось лишь в 1861 году, и уже из Европы распространилось по Индии, оставив за собою как тень немецкий перевод Риккерта.

Ее основное содержание – борьба двух династий Куру и Пуру и поражение последних. А из вставных эпизодов, которые носят характер уже европейского влияния и конструкции, особенно прославилась среди европейцев поэма «Наль и Дамаянти».

Рассмотрим сначала ее.

«По вычислению ученых видно, – говорит В.Н. Маракуев в предисловии к своей «Народной библиотеке», допущенной в 1893 году министром народного просвещения в библиотеки средних учебных заведений, – что рассказ Наль и Дамаянти написан, по крайней мере три тысячи лет назад».

Я беру это нарочно по изданию, допущенному в библиотеки учебных заведений, из которых получают наши первые сведения, когда мы не имеем еще возможности относиться к ним критически и воспринимаем всякое сообщение на веру. На веру, конечно, было принято здесь всеми учащимися и то, что о времени этой книги произведены какие-то

¹ Его главное филологическое исследование *Jūstitutiones linguae practicae* вышло на латинском языке в 1837 году (хотя по языку своему и должно бы быть отнесено ко времени Юлия Цезаря, если приложить и к нему собственный его метод). А главное сочинение его по индусской литературе *Jūdische Altertumskunde* выходило в свет лишь от 1844 по 1864 год.

«ученые вычисления», вроде моих астрономических, которые и установили точно ее время.

А между тем в ней нет никакой опоры не только для астрономических, но даже и для каких-либо схематических вычислений, вроде теории вероятностей, и с точки зрения эволюции человеческо-художественной литературы надлежащее время ее написания решительно не может быть отнесено даже и в средние века, а скорее всего к тому периоду, когда и в Индию проник уже вместе с европейцами печатный станок. Это прежде всего фантастический роман, позвоночного типа с двумя переплетающимися нитями рассказа, роман более сложный, чем отдельные сказки, составляющие сборник «Тысяча и одна ночь», относимый к XII–XV веку нашей эры.

Написанные на языке Корана сказки «Тысячи и одной ночи» связаны между собой только тем, что их рассказывает одну за другой та же самая фантазерка-Шехерезада.

А роман «Наль и Дамаянги» уже совсем скелетного типа и вложенный в уста Шехерезады был бы самым лучшим, даже исключительным во всем сборнике, а потому и время его не ранее начала XVIII века, если не позже.

Посудите сами. Вот, например, его первая глава, которую я предпочитаю дать не в стихотворном переводе Жуковского, где гекзаметр с перерывами, по-моему ослабляет впечатление, а как раз в прозаическом изложении Маракуевского издания, одобренного бывшим министром народного просвещения для библиотек средних учебных заведений бывшей Русской империи.

Золотой Гусь

(из главы I)

«Давно-давно в Индии жил-был могущественный царь, по имени Бима. Всего у него было вдоволь; одного только у него не хватало: не было детей. Тогда он произнес перед богами великий обет и они даровали ему трех прекрасных сыновей и дочь. Дочь, названная Дамаянги, умом и красотой была много лучше своих братьев. Красивее ее нельзя было тогда найти нигде, и слава о ней разнеслась по всей земле. Среди красавиц-девушек, своих подруг, она была похожа на лучезарное небесное светило дня, которое победоносно сияет среди темных туч.

В это самое время в другом государстве Индии жил молодой князь Наль. Он славился всеми добродетелями, которые украшают благородного юношу. Как Дамаянги среди девушек, так и Наль среди молодых людей и мужчин отличался своим умом и красотой, и слава о нем гремела и близко, и далеко. Случилось так, что они оба слышали друг про друга, удивлялись друг другу и в сердцах обоих зародилась, наконец, искренняя любовь, несмотря на то, что они оба не видались еще ни разу.

Однажды Налъ, думая о Дамаянти, прогуливался по роще. Вдруг он заметил под цветущим миртовым кустом стадо чудных гусей: туловище, грудь и шея их блестели, как золото. Тихо подкрался к ним князь и поймал одного за золотое крыло. Но гусь взмолился человеческим голосом:

– Не убивай меня, князь, я тебе за это сослужу службу, я замолвлю за тебя у Дамаянти словечко, и она тогда будет думать только о тебе одном!

Налъ, услышав такие слова, очень обрадовался и тотчас отпустил золотого гуся. Гусь быстро полетел, оглашая воздух своими громкими криками, и скоро догнал свое стадо, и все они полетели в царство Видарбу сказать обещанное прекрасной Дамаянти.

В это время вместе с подругами гуляла по зеленому лугу. Все они плели венки, забавлялись разными играми, когда стая гусей пронеслась по воздуху. Девушки были поражены, видя таких чудных птиц. И удивление их еще более увеличилось, когда прелестные птицы спустились на луг недалеко от них и разбежались по лугу по разным направлениям. Подруги царевны побежали за ними. Дамаянти тоже побежала за одной птицей, которая завлекла ее далеко от подруг. Наконец, птица остановилась и сказала ей:

– Дамаянти, теперь мы одни, и я могу сообщить тебе, что у меня на душе. Слышала ли ты про молодого князя Наля, который царствует в Нишадском царстве? На всей земле нет другого такого красавца. Как далеко распространяет солнце свое сияние, так сияет слава о нем. Он умен, мудр и силен, все дурное он умеет укрощать: и дурных людей в своем государстве, и дурные страсти у себя в груди. Народ смотрит на него с благоговением, враги произносят его имя со страхом. Все военные искусства ему знакомы. Никто не умеет так хорошо обращаться с мечом, стрелами и копьем, как он. Верь мне, нам многое приходилось видеть и на земли, и в раю, но нигде мы не нашли мужа, которого можно было бы сравнить с ним. Прелестная Дамаянти, как ты – жемчужина дев, так Налъ – венец мужчин. У тебя не будет ни в чем недостатка, и ты испытаешь неземное счастье, если он будет твоим мужем!

Вся побледнев от любви, Дамаянти отвечала:

– Скажи то же и Налю обо мне!

– Это будет исполнено, – сказал гусь, и быстро полетел, а за ним полетели и остальные гуси.

Задумчивая возвратилась Дамаянти во дворец, не сказавши ни слова никому из подруг о том, что она слышала от золотого гуся.»

Смотрите сами, читатель, как рассказ здесь дважды перебрасывается из одного государства в другое, от Наля к Дамаянти по схеме современных нам фантастических романов?

А вот и третья нить, влетающая в эту литературную конструкцию, чтобы сразу переплестись с обоими первыми при встрече Наля с Дамаянти.

Наль, вестник богов

(из главы II)

«Как прежде Дамаянти была весела, так теперь она стала грустна. Постоянно думая о божественном юноше, она отреклась от всего, что некогда радовало ее сердце. Подруги ее были очень огорчены, когда заметили, что румянец исчез с ее щек, и они решились обратить внимание царя на эту перемену. Долго раздумывал царь, чтобы как-нибудь развеселить дочь. Наконец, он придумал созвать князей на пир из всех соседних государств. Ему казалось, что такой праздник, может быть, хоть немного развеселит его дочь. Он думал даже на этом пиру предложить Дамаянти выбрать себе в супруги одного из князей. Он разослал по разным царствам гонцов, которые так должны были сказать князьям:

– Идите, герои, на выбор вас в женихи Дамаянти! Тот, кого она добровольно выберет себе в мужья, поверьте, получит наипрекраснейшую!

Отовсюду понаехало множество царей и царевичей, каждый с желанием и надеждою в сердце сделаться супругом Дамаянти.

Одни ехали на конях с золотую сбрую, другие на отборных слонах. Что за украшения виднелись там и сям на царях, князьях и их свите! Бима, отец Дамаянти, всех принимал гостеприимно и день ото дня устраивал им различные пиры.

Именно в это самое время, когда на земле были приглашены князья, на небе в сад небожителей вошел благочестивый пророк Нарада. Индра, бог света, принял его милостиво и сказал пророку:

– Сын мой, возвести мне, что теперь творится на земле? Должно быть, что-нибудь неладно, так как вот уже целые неужели никто из павших в бою воинов не вошел в мои чертоги.

– Причину этого я сейчас тебе разьясню, – сказал благочестивый Нарада. – Теперь забыты блестящие оружия, так как Бима пригласил всех князей земли на смотрины, и нет ни одного, который не желал бы овладеть Дамаянти, жемчужиной света!

Когда благочестивый Нарада сказал это богу воздуха, подошли к нему три другие божества: Агни, Варуна и Яма. Они вместе с Индрою управляли миром. Агни был владыка пылающего огня, Варуна повелевал водами, а Яма поддерживал основание земли (отмечу, что для индуса было бы не нужно это разьяснение).

После того, как Нарада еще более расхвалил им Дамаянти, чегьре небожителя решили спуститься на землю и принять личное участие в смотринах при дворе Бимы. Они тотчас пустились в дорогу на колесницах, в

которые были запряжены быстрые кони. Огромная свита окружала их. С быстротою молнии помчались они по воздуху. Близ города, в который они направлялись, они увидели Наль, шедшего по дороге. Его красота пленила богов. Они спустились к нему. Благочестивый трепет объял Наль, он скрестил на груди руки и потупил взоры.

Тогда небожители обратились к нему с такой речью:

– Герой Наль, хочешь ли ты оказать нам услугу? Иди от нас послом!

Приподняв свои взоры, Наль отвечал:

– Да, небожители, я готов все исполнить. Но поведайте мне, кто вы такие, и кому я должен передать о вас!

Тогда Индра сказал:

– Знай, мы бессмертные боги. Мы сошли на землю затем, чтобы принять участие в смотринах Дамаянти, потому что нам сказали, что она жемчужина дев на земле. Я – Индра, властитель над воздухом, вот – Агни, владыка огня, этот – Варуна, повелитель над водами, а тот – Яма, господин земли (опять ненужное для индуса разъяснение). Будь нашим послом, отправляйся к девушке и скажи:

«Боги стихий, властители мира: Индра, Агни, Варуна и Ям пришли смотреть себе невесту, поэтому оставь смертных и выбери себе одного из богов».

Ужас овладел Налем, когда он услышал такие слова, и, весь побледнев, он сказал:

– Боги, ужели вы не избавите меня от такого трудного поручения? Я сам собирался идти туда и выбрать себе Дамаянти в невесты. Молю вас, избавьте! Сжальтесь надо мною!

– Нет, – возразили боги, – ты должен идти! Разве ты не с радостью сказал: «исполню»? Поди же и сделай то, что обещал!

На это Наль сказал:

– Как я могу пойти к царевне, чтобы возвестить ей ваши слова?

– Мы так сделаем, что тебя никто не задержит, – отвечал Индра. – Завтра же утром ты должен вернуться сюда и дать им ответ.

С этими словами боги снова поднялись на небо, а Наль с сокрушенным сердцем отправился в город».

И вот все три нити рассказа переплелись. Наль и все боги идут свататься к Дамаянти.

Наль и Дамаянти

(из главы III)

«Когда Наль пришел ко дворцу Дамаянти, боги сделали так, что он внезапно очутился посреди залы, в которой была Дамаянти со своими подругами. Сначала здесь его никто не заметил, и он беспрепятственно

мог рассмотреть Дамаянти. Еще красивее показалась она ему теперь, и ему еще более захотелось сделаться ее мужем.

Но он вспомнил обещание, данное богам и дал себе слово сдержатъ его. И в это самое время девицы его увидали. Они повскакали во свих мест. От удивления и изумления они не могли даже вымолвить слова. Они его приняли за одного из богов: так красив он был. Восхваляя его в своих сердцах, они сначала обступили его кругом; потом выступила Дамаянти и с улыбкой на устах сказала:

— Кто ты, красавец? Как ты мог пройти в нашу обитель, никем не замеченный? Как ты проник сюда, когда все двери заперты? Наверное, ты один из богов, когда ты смог сделать это. Это доказывает и твой божественный вид.

Наль возразил на это:

— Не бог я, прекрасная, но вестник богов, которые послали меня к тебе сватом. Индра, Агни, Варуна и Яма желают владеть тобою. Выбирай себе одного из них в супруги. Это они дали мне возможность пройти сюда, так что меня никто не заметил. Решайся, прекрасная! Делай, что находишь для себя подходящим!

Дамаянти, со смиренным сердцем, сначала вознесла молитвы к богам, потом, покрасневши, сказала:

— Между всеми князьями неба и земли ты, Наль, мне более всех нравишься! О тебе я думала всегда, и наяву, и во сне. Проси у меня, чего хочешь. Все мое имущество пусть будет твоим. Сердце подсказывает мне эти слова. И горе мне, если после этого признания ты оставишь меня в пренебрежении. Тогда смерть пусть будет моим жребием, так как женщина не может перенести, если ее оттолкнет любимый человек, которому она сама первая сделала признание в любви.

На это ей отвечал Наль:

— Подумай, прекрасная Дамаянти, что ты делаешь! Тебя желают боги, а ты предпочитаешь смертного себе в супруги. Высокие создатели мира, по поручению которых я пришел, — такие высокие властители, что я не стою пыли с их ног. Погибель грозит тому, кто идет против них. Подумай об этом, Дамаянти! Ты спасешь и меня, если выберешь одного из бессмертных. Как прекрасно будет тебе там, в небесных садах! Какие драгоценности, какие одеяния будут тебя там украшать! Не отклоняй счастья от себя, которое не удавалось еще ни одной смертной! Подумай, Дамаянти, Агни — владыка, простерший на огромное пространство небесный свод, посреди которого носится земля; он дает жизнь и свет всем существам без исключения. Яма — владыка, пред посохом которого все чтут правду. Индра — великий бог-владыка; он с жемчужными кудрями покоится на висящих в воздухе волнах; Варуна дает каждому созданию его место и соби-

рает людские души на суд. Вот такие четыре божества сватаются за тебя! Какая смертная стала бы тут медлить своим выбором?

Тут глаза Дамаянти покрылись слезами, и она сквозь слезы сказала:

– Ах, я готова чтить их, молиться им, высоким святым богам. Тебя же, о Наль, я хочу любить. Тебя я хочу здесь, на земле избрать своим супругом!

Как задрепетало сердце у благородного князя, когда он услышал такие слова! Сердце подстрекало его обнять Дамаянти и назвать ее перед целым светом своею. Но, помня о своем обещании богам, он удержался и растроганным голосом сказал:

– Как посмел бы я, пришедший посланцем от богов, говорить в свою пользу? Я стою здесь, исполняя святое поручение. Когда наступит мой час действовать, тогда, поверь, красавица, я сумею действовать за себя!

Тогда очи прекрасной Дамаянти, омраченные слезами, снова прояснились и она стыдливо сказала:

– Благороднейший из князей, я обдумала, что я должна сделать, чтобы боги не прогневались на тебя. Они, как и ты, прекрасный, должны будут вместе с другими князьями явиться ко мне на смотрины! Тогда я в присутствии всех и выберу тебя своим супругом!

Когда Дамаянти это сказала, Наль протиснулся с ней и, незамеченный, вышел из дворца и пришел в назначенное ему богами место и рассказал им, что случилось».

Выбор супруга

(из главы VI)

И в этой главе все три нити рассказа остаются переплетенными друг с другом.

«Наконец настал день, назначенный царем Бимою для выбора супруга. Князья, разукрашенные драгоценными камнями, храбрые как львы, съезжались отовсюду: величественно проходя через длинную залу, украшенную колоннами, они отправлялись в самую большую залу дворца и размещались там на драгоценных подушках, расположенных вокруг всей залы.

– Где можно найти подобное собрание! – сказал с сияющим от радости лицом Бима. – Приведите же теперь Дамаянти, чтобы она избрала себе супруга по желанию.

Немного спустя распахнулись настежь золотые двери и вошла скромная дева, вся покрытая жемчугами и другими драгоценными камнями, в прекрасном одеянии, но красотой своею она затмевала все. С ее приходом, казалось, словно вся зала стала светлее. Все были так пленены Дамаянти, что не могли оторвать глаз от нее. Теперь всякий князь еще более хотел получить ее руку, многие даже только при одном взгляде на нее лишались рассудка.

Когда вестник вызвал князей, Дамаянти увидела пять совершенно одинаковых лиц. Все они были, до капли воды, похожи на Наля. Что ей было делать? Страх напал на нее. Кто из них был князь Наль? Тут она вспомнила, что ей говорили священники еще в детстве, и тщательно осмотревши подошедших к ней, заметила на них божественные признаки. Не зная, как тут поступить, она, скрестивши на груди руки, смиренно взмолилась в богам:

– Вам, небожители, известно, что возвестил мне тогда золотой гусь о князе Нале. Я еще тогда избрала его себе в супруги и поклялась быть ему всегда верной. Вам известно, что сознательно я никогда не переступала ваших заповедей. Вам известно также, что я вошла сюда в залу с клятвою на устах только его избрать себе в супруги. Сотворите же так, о всеильные боги, чтобы я могла его узнать для того, чтобы исполнилось и мое желание, и мое обещание!

Когда боги узнали о такой преданности, верности и душевной чистоте, они решились исполнить ее сердечное желание. Они вдруг приняли свой вид, и она заметила их, возносящимися на небо. Небесное сияние окружало богов, от них не падало никакой тени, и неувядаемые венки украшали их главы. Теперь она увидела и Наля в числе прочих женихов. Покрасневши, подошла она к нему и, дотронувшись, по обычаю той страны, до полы его одеяния, возложила на его плечи венок из свежих цветов.

Заиграла музыка.

– Слава! – воскликнули священники и боги.

Наль, взявши за руки всю дрожавшую от блаженства деву, сказал:

– Так как ты сама избрала меня, смертного, в присутствии богов, то знай, что пока душа моя не покинет меня, я буду всегда с тобою, всегда буду любить тебя. Твое и мое счастье теперь уже нераздельны.

Тут, в присутствии всех Наль обнял Дамаянти, как свою невесту. Воздевши очи к небу, она заметила там богов и, опустившись на колени, помолилась им.

Свадьба счастливых была отпразднована как нельзя лучше. Все князья одарили новобрачных, боги же подарили им прекраснейшие дары. Наль получил четыре небесных милостыни: от бога воздуха – способность проходить везде свободно; от бога огня – способность видеть скрытые огни и по одному своему желанию зажигать во всякое время огонь; от бога земли – силу твердой поступи и искусство готовить кушанья, наконец, от морского бога – власть над водой.

Пир кончился. Боги отправились в свое жилище, князья оставили город и поехали в свои государства, чтобы снова там править.

Немного дней оставались новобрачные в отечестве Дамаянти. Скоро Наль уехал со своей возлюбленной в свое государство. Счастливо прожили они свои блаженные дни, составляя счастье своего народа».

Прежний наивный автор и кончил бы этим свой рассказ. Три первоначальные нити романа соединились к общему удовольствию. Влюбленная Дамаянти предпочла своего возлюбленного богам. Но для нового автора это значило бы слишком скоро закончить роман. И вот он, как и всякий творец скелетного романа, был несомненно единоличным писателем, а не собирателем суставчатой эпопеи из отдельных сказаний, — вплетает еще новую нить в свое как бы законченное повествование: рассказ о злом духе — индийском Сатане — Кали, который встретив отвергнутых невестою Наля богов, обиделся за бессмертных и решил отомстить ей за это.

И эта новая нить вплетается в рассказ сначала как бы самостоятельно. Автор как бы забывает на время счастливых супругов, дает им время вырастить даже прелестных детей. Он занимается исключительно попытками злого духа соблазнить его сводного брата Пушкару вызвать Наля на игру в кости, в которой обещает ему в нескольких снах непрекращающийся выигрыш вплоть до получения всего царства Наля. Наконец он преуспевает в этом, и опять переплетаются три нити рассказа: нить о Нале, нить о Дамаянти, нить о Пушкаре. Дамаянти со страхом следит за азартной игрой, где счастье неизменно преследует Наля.

«Он проигрывал уже все свои деньги, имущество, одеяния, оружие, лошадей, дворцы, но чем более счастье от него отвращалось, тем больше разгоралась в нем страсть. На жену, умолявшую его взглядами и ласковыми словами, он не обращал никакого внимания. Он делал все большие и большие ставки, надеясь как-нибудь одним счастливым метанием вернуть весь проигрыш! Пушкара выигрывал все более и более.

Слух о его неудачной игре быстро распространился по городу, и советники в испуге пришли к воротам дворца, прося, чтобы их любимый князь вышел к ним.

Слуги доложили Дамаянти:

— Советники города и многие горожане стоят у ворот и требуют аудиенции у князя, о горе которого они сокрушаются сердцем. Дамаянти пошла к Налу и возвестила ему это.

— Прими советников, — просила она его. — Их привела сюда любовь и привязанность к тебе!

Наль ничего не отвечал ей и продолжал играть. После долгих часов ожидания советники опять удалились.

— Горе нам! — сказали они с сокрушенным сердцем. — Он уже более не князь нам!

Так прошел весь день в игре. Наль старался от возбуждения найти себе успокоение на соей постели, но не мог его найти, потому что Кали постоянно нашептывал ему:

— Позор тебе, если ты не отыграешь завтра того, что ты вчера проиграл своему сводному брату! Пока ты не отыграешься, не слушайся ни голоса своей жены, ни голоса своего народа».

Следующий день прошел так же, как и предшествовавший ему. Пушкара постоянно выигрывал. Так шла игра в продолжении нескольких недель.

«Когда Дамаянти увидала, что ее супруг стоял на краю пропасти, она созвала всех советников и ввела их к играющему Налю. С грустным лицом, с скрещенными на груди руками и опущенными головами, стояли они, когда Дамаянти подошла к мужу и доложила о приходе советников. Наль даже не посмотрел ни на супругу, ни на советников, но продолжал играть. Маститые сановники со страхом и ужасом оставили его дом. Когда Дамаянти узнала, что супруг ее обречен безвозвратно погибели, она сказала про себя:

— Я делила с ним счастье, поэтому я хочу делить также и несчастье, которое вскоре обрушится на него. Только детей нужно спасти!

Слезы лились из глаз ее, когда она сказала своей кормилице:

— Ступай, Вритазена, позови мне Налева кучера!

Варшня, искусный кучер, тотчас явился и Дамаянти сквозь слезы сказала ему:

— Ты, который до сих пор был всегда верен нашему дому, окажи нам теперь последнюю услугу! Ты видишь, князь проиграл почти все свое государство, осталась только я с детьми, да ты, его кучер, с упряжью и колесницею. Так как, наверное, мой супруг одержим теперь злым духом, то спаси наших детей ради него и ради меня. Возьми их в колесницу и поезжай, что есть духу, вместе с ними к моим родителям. Ты и сам можешь остаться там, или, если тебе не понравится жить у них, переходи к другому господину.

Кучер спросил об этом у царских советников:

— Что мне делать?

Они отвечали ему:

— Делай, что велит тебе царица.

Тогда кучер велел своим подначальным запретить лошадей в колесницу. Дамаянти прижала детей к своей груди и сквозь слезы сказала:

— Милые, помните всегда о богах и исполняйте их заповеди!

Кучер посадил плачущих детей в колесницу и умчался с ними.

Едва возница скрылся из виду за ближайшими горами, Наль в последний раз бросил кости и проиграл сводному брату все свое государство.

Тогда Пушкара сказал ему с колкой усмешкой:

— Если тебе еще охота играть, скажи, что ты поставишь на кости. Ты теперь все проиграл мне, только Дамаянти осталась у тебя. Ставь и ее.

Эти слова, словно молния, поразили Наля.

Содрогнувшись от ужаса, он простоял с минуту неподвижно, как столб. Он почувствовал, что как будто сердце его разорвалось надвое. Он передал все свои украшения брату. Надел простое платье и, глубоко пораженный горем, вышел из царского дворца, сопровождаемый одною Дамаянтию.

Трогательно рассказывается, как они удалились от города и стали искать ягоды и рыть коренья. Снова вилетается для освежения интереса фантастический эпизод. Наль увидал вдруг двух золотистых птичек, которые сидели на земле и, казалось, спали.

– Вот если бы мне удалось поймать вас, – сказал он про себя.

Он снял с себя одеяние и поспешно накинул его на них. Но птички, к его удивлению, вырвались оттуда и закричали ему:

– Мы кости, безумец, которые до тех пор не могли успокоиться, пока ты не потерял последнего своего имущества!

С этими словами они полетели прочь и исчезли за ближайшими деревьями.

Тогда Наль сказал своей супруге:

– Дамаянти! Видишь тех, которые лишили меня моего государства, которые устроили так, что никто не давал нам пристанища, они опять прилетели сюда, чтобы отнять у меня последнее мое имущество. Выслушай от меня одно слово! Ты, великодушная, одна последовала за мною, когда я обнищал. Вот тут две дороги. Эта дорога налево ведет к рощам святых отшельников, а эта, направо, ведет в твое отечество. Там ты когда-то жила в счастье и довольстве, да и теперь, если ты вернешься туда, твои родители примут тебя с радостью. Так расстанемся здесь, чтобы твое горе, приключившееся по моей вине, наконец, могло бы окончиться!

Побледневши, отвечала на это Дамаянти со слезами:

– Сердце мое готово надорваться, когда я только подумаю о том, что ты говоришь. Ты хочешь отстранить от себя свою жену! Ты все потерял, тебя терзают всякого рода несчастья, – и я вдруг расстанусь с тобою! Ты еще не знаешь, несчастный, что в горе и нужде никто не сможет облегчить так сердце, как верная жена!

– Знаю, моя милая, моя великодушная, знаю, – возразил Наль. – Я не хотел тебя покидать, нет, я хотел только предложить тебе идти туда, где бы тебе жилось лучше, чем у меня. С тобою расстаться! Нет, я скорее готов буду расстаться с жизнью!

– Так зачем же ты указал мне дорогу в мое отечество, если ты не хотел расстаться со мною?

Обнявши его, она воскликнула:

– Свет моей жизни! Не покидай меня! Не отвергай от себя ту, которая тебя любит больше, чем самое себя. Ты, клянусь тебе, стал бы себя не-

навидеть, если бы расстался со мною! Если я делила с тобою все радости, я хочу также делить с тобою и горе. Если ты мне указываешь на мое отечество, то сопровождай меня туда. Мой отец с радостью примет тебя и будет тебе другом и спасителем!

— Я вполне уверен, милая, —, возразил Наль, — что твой отец разделит со мною свои владения. Но, Несмотря на это, я, как человек нищий и бесприютный, туда не пойду. Вспомни о том, как я явился туда на смотрины и в каком виде я должен теперь идти туда. Легче уж погибнуть мне в моем несчастье. Лучше будем скитаться по горам и по долинам и будем питаться тем, что пошлют нам боги.

Добрая, непорочная Дамаянти прикрыла супруга половиной своего одеяния, и так они оба продолжали свой путь.

Само собой понятно, что на этом месте автору было уже невозможно окончить рассказ и он придумывает следующий выход, посвятив ему VIII главу.

Хижина в лесу (из главы VIII)

К вечеру Наль и Дамаянти достигли хижины, стоявшей в уединении в густой чаще леса, и здесь они расположились отдохнуть и заснули. Но Наль скоро проснулся: он вспомнил, в каком он теперь несчастье; он вспомнил, что лишился царства по своей вине, что ему пришлось навсегда расстаться со своими друзьями и что его супруга по его вине стала такой же, как он, несчастной. Ум его помутился, и он подумал, что гораздо лучше будет покончить с собою, чем влачить долее такую жалкую жизнь. Он взглянул на свою супругу, и жаль ему стало ее.

«Пока ты будешь со мною, — подумал он, — несчастье тебя не оставит, а разлучившись со мною, ты еще можешь быть счастливою».

Чем более он размышлял, тем более им овладевала мысль покинуть свою жену.

«Она, божественно-прекрасная, пройдет безопасно чрез несчастья и никакая вражья рука не осмелится коснуться ее непорочности! Везде, во всем белом свете, ей будет много лучше, чем со мною!»

«Решивши расстаться, он отправился было в дорогу, но тут он вспомнил, что на нем нет одежды, и он хотел взять половину платья Дамаянти. Как ему сделать это, чтобы не разбудить жены? Ища, чем бы отрезать половину ее платья, он вдруг увидел возле себя в хижине ржавый меч. Он поднял его, отрезал половину ее платья, кое-как покрылся им и, обезумев от горя, побежал прочь. Потом скоро вернулся и, ломая себе руки, говорил сквозь слезы:

— Вот та, которой не трогали ни солнце, ни ветер, краса молодая, услада моей жизни. Она лежит теперь здесь на жесткой земле, полунагая,

покинутая своим мужем. Что она должна будет почувствовать, когда проснется и увидит, что она одна, или когда будет проходить лесом, в котором так много всяких диких зверей! Милосердные боги, во власти которых находятся все! Защитите ее неповинную и сотворите, чтобы она безопасно достигла обитаемой страны!

Ослепленный злым Кали, Наль опять оставил Дамаянти. Но несколько раз он возвращался в нерешительности к ней. Наконец, совсем обезумев, убежал он в пустыню, и там, изнеможенный, упал без чувств».

На этом критическом месте автор по примеру всех романистов XIX века сразу расплетает общую нить рассказа о Нале и Дамаянти на две частные нити и как бы забыв о Нале, переходит к Дамаянти. Мы видим, что роман тут из фантастически-авантюристического, какими были все романы даже и в средние века, вплоть до Дон-Кихота, написанного Сервантесом уже в конце XV века в испанской темнице, перешел в психологический, того сентиментального типа, каким писали в конце XVIII века в Европе.

«На рассвете, — говорит автор, — Дамаянти проснулась. Робко озираясь кругом, она искала своего мужа, но его нигде не было. Она звала его по имени, но не последовало никакого ответа. Полная беспокойства, встала она и вдруг заметила, что у ней не хватает половины платья. Мысль, что он ее покинул, так на нее подействовала, что в продолжении нескольких минут она, бледная, как смерть, стояла на месте неподвижно, как мраморная статуя. Потом надежда снова проникла к ней в сердце и шептала ей:

«Он здесь, недалеко, ты скоро увидишь его!»

Она снова стала звать его, уходя то в ту, то в другую сторону:

— Где ты, Наль, где ты? Я умру, если ты меня оставил, если ты мне изменил! Милый, если ты еще здесь, в лесу, и слышишь мое моление, сжался надо мною, вернись назад! Неужели ты забыл, что ты мне обещал на смотринах? Неужели вечные боги не слышали твоей клятвы, боги, пред которыми не скрыто ни одно дело? Супруг мой, возлюбленный мой! Если какая вражья сила причинила тебе зло, не заставь хоть меня, неповинную, страдать за это! Но может быть, ты только шутишь? Ты, может быть, спрятался здесь поблизости, чтобы пошутить со мною? Выйди, мой милый!... Неужели тебя соблазнил изменить жене какой-нибудь злой дух! Но тогда мне придется скорбеть не о себе, я буду скорбеть и жалеть тебя, мой милый! Как проживешь ты один без меня! Как ужаснешься ты, когда вернутся к тебе память и рассудок!

Так говорила Дамаянти, горько плача и блуждая все далее и далее в густом лесу. Не раз она падала без чувств и приходила в себя, снова начинала плакать и звать своего супруга».

Но автор все же не реалист, и не может обойтись без чудесного. Главной литературой, на которой он был воспитан, все же были фантастические сказки, господствовавшие вплоть до XIX века даже и в Европе.

«Вдруг на нее, — говорит он, — из чащи леса накинута огромная змея, которая, быстро обвившись кругом ее тела, притянула ее к дереву.

— Наль, дорогой, спаси меня! Спаси свою жену! Не дай мне погибнуть, иначе ты лишишься той, которая тебя любит более всех на свете!

Ее голос услышал охотник, проходивший случайно через лес. Он кинулся спасать ее, и меткой стрелой сразу умертвил змею. Дамаянти встала и в трогательных словах поблагодарила его за спасение своей жизни. Он же, заметив ее красоту, возымел мысль взять ее себе в жены, и сказал:

— Прекрасная, пойдем в мой дом и будь в нем у меня госпожою.

— Это не может быть: я замужем. У меня есть муж, и другого я иметь не желаю! За спасение моей жизни да благословят тебя боги!

С этими словами Дамаянти повернулась и пошла от него в сторону. Охотник же, полный желанием овладеть этою красивою женщиной, закричал:

— Если ты добровольно не последуешь за мною, я уведу тебя насильно!

И он бросился за ней. Дамаянти, увидав, что он преследует ее, опустилась на колени и, воздев руки к небу, стала молить всех богов о защите, и охотник, словно пораженный молнией, упал замертво на землю, а Дамаянти побежала в чащу леса».

Мы видим, как роман из психологического здесь снова перешел в фантастический, но и теперь не без примеси аллегии, как в сказках Андерсена, приспособленных более для взрослых, чем для детей.

После долгих блужданий по пустынному лесу Дамаянти дошла, наконец, до горы, вершина которой поднималась чуть ли не до облаков, откуда, между прочим видно, что автор писал в холмистой равнине и никогда не видал гор вроде Гималаев, уходящих за облака. Он очевидно даже и не слышал о таких, а если и слышал, то не верил в их существование, иначе он и свою гору приподнял бы до заоблачных высот.

«— Приветствую тебя! — говорила ей Дамаянти. — Ты, достигающая вершиной самого неба, можешь видеть кругом на далекое пространство. Скажи, не видала ли ты моего супруга? Если бы я стояла на твоей вершине, я увидала бы его, как бы далеко он ни был! Но если ты его и не видишь, ты знаешь дорогу, по которой он идет, пещеру, которая его укрывает. Сжалось надо мною, скажи, где могу я найти его, лучшего из людей, которого ослепил злой дух!

Бедная Дамаянти осталась без ответа. Со слезами на глазах стояла и смотрела она на гору, вершина которой была озарена золотыми лучами солнца. Тут, невзначай, она взглянула в сторону, — перед ней стоял страш-

ный тигр. Зверь остановился, глаза его блестели от кровожадности каким-то страшным блеском.

Дамаянти бросилась перед ним на колени и, простерши к нему руки, сказала:

– Сердце этой горы – холодный камень. Может быть, в тебе, о владыка лесов, живет сострадание! Я – Дамаянти, ищущая своего супруга. Если ты его видел, скажи, где я могу его найти. Но если и в тебе нет жалости, убей меня и прекрати таким образом мои страдания! О, сжался надо мною!

Но и тигр, сжалившийся над ее глубоким горем, и не зная, что ей ответить, исчез. Дамаянти снова осталась одна».

Продолжая рассказ далее, автор показывает, что он не чужд уже и поэтического описания красот природы: опять черта совершенно еще чуждая действительно старинным сказаниям, не умевшим еще ставить свои описания человеческих поступков на фон окружающей их природы.

«Дамаянти пошла далее. Во многих местах лес был так част, что она только с великим трудом могла пробираться вперед. На третий день она увидела сквозь чащу деревьев открытое поле и, выйдя на него, недалеко заметила рощу. Подойдя к ней ближе, она увидела множество прекраснейших деревьев. Одни из них были в цвету, другие были отягчены плодами. Повсюду слышалось громкое пение птиц. Дамаянти вошла в рощу и заметила там тенистые дорожки. Тут возле светлого, журчащего ручейка паслись антилопы, там, под тенистыми ветвями дерев, прыгали легкие серны и прекрасными глазами смотрели с изумлением на приближающуюся Дамаянти».

Наконец, она заметила благочестивых отшельников, стекшихся сюда из разных земель.

Они встретили Дамаянти, по гекзаметрическому переводу Жуковского, такими словами:

«– Кто ты, краса неземная? Чего желаешь ты? Нас светлый Образ твой всех изумил. Успокойся у нас и открой нам Кто ты? Богиня лесов или полей, иль потоков? На то им Тихо вздохнув, Дамаянти сказала в ответ: не богиня Я ни лесов, ни полей, а смертная я Дамаянти».

Она рассказывает им свои приключения, и они ее утешают, предсказывая, что она еще увидит Наля, а потом все кругом нее исчезает, как мираж. Она идет далее по прежнему лесу и находит в нем волшебное дерево Туруслан и просит его казать ей Наля, а когда дерево ничего ей не ответило, поручает ему по крайней мере приютить его в своих ветвях, если он сюда придет. Потом она встретила караван купцов на лошадях и слонах и последовала за ними. На караван нападают ночью дикие слоны,

они с ревом истаптывают большую часть людей и животных, и убегают, а оставшиеся заподозревают, что это навлекла на них под видом Дамаянти злая эльфа и хотят ее убить. Она прячется от них, и издали крадучись за караваном, достигает Города Шедди, где ее увидела с балкона тамошняя царица и, сразу почувствовав к ней симпатию, сделала ее подругой своей дочери Суланды.

Здесь автор, опять руководясь основным приемом новейших европейских романистов, прерывает нить своего рассказа о приключениях Дамаянти и, возвращаясь назад, подбирает брошенную им нить рассказа о Нале. Вот как начинается она по Жуковскому:

«Наль, столь жестоко покинув свою Дамаянти, прискорбен
Сумрачно шел по пустыне и сам, как пустыня, с собою
В горе расстаться желал. И когда раскаленное солнце
Зноем пронзало его, он ему говорил: не за то ли
Солнце, так жжешь ты меня, что оставил свою Дамаянти?
Раз подошел он к ручью, но в воде увидавши свой образ,
С ужасом кинулся прочь. Если б только я мог разлучиться
С этим лицом, чтобы быть и себе и другим незнакомым! —
Так он воскликнул и в лес побежал и внезапно увидел
Пламя... не пламя в лесу, а средь пламени лес и оттуда
Жалобный голос к нему вопиял: «О, придешь ли, придешь ли
С мукой твоею, к моей, ты, о Наль Благодатный
Будь мой спаситель и будешь ты мною спасенным!»
Наль вопрошает: «Откуда исходит твой голос? Чего ты
Хочешь, и где ты, и кто ты?» — «Я здесь, я в огне, благородный
Наль! Будь настолько бесстрашен, чтоб твердой ногою
В пламя вступить и дойти до меня!» — «Ничего не страшусь я
Кроме себя самого, как покинул свою Дамаянти!»

Отвечает ему Наль и прямо идет в огненный лес. Пламя подымалось вокруг него со всех сторон. Оно лилось из глубоких трещин земли, выростало в виде всевозможных ветвистых деревьев, с густо сплетенными огненными сучьями. Вся земля была покрыта, как травой, бесчисленными маленькими огоньками.

В самом пылу огненного леса Наль вдруг увидел змея, который лежал на огромном камне. Пламя выходило из его рта, и его пестрые щиты пылали яркими огнями. И змей сказал:

— Князь Наль, ты видишь перед собой змеиноного царя, которому подвластны все змеи на свете. На мне лежит проклятие благочестивого отшельника Нерады, почему я и нахожусь в страшном мучении. Как было дело, я

тебе сейчас расскажу, а ты пока потерпи очищающий огонь, который больше причинит муки поселившемуся в тебе демону Кали, чем тебе самому!»

И вот здесь автор, желая усложнить свой роман, поступает совершенно так же, как и все беллетристы эпохи Возрождения и даже романисты начала XIX века.

Он вставляет, как орнамент в стену дома, совершенно самостоятельный рассказ горящего царя змей о его приключениях, добавляя этим еще прибавочную нить в сплетение двух основных нитей – нити о Нале и нити о Дамаянти, проходящих сквозь весь роман. Вот эта орнаментивная вставка, составляющая целую главу.

«Благочестивый отшельник Нерада развел прекрасный сад. Там были прохладные гроты, ручейки, деревья, кустарники, цветы и разные безвредные звери. Поэтому из всей породы змей туда допускались только такие, которые питались росой и ягодами.

Раз случилось, что одна змейка, подстрекаемая любопытством, влезла на дерево. Оттуда она перелезла на другое дерево, и тут случайно ей попало на глаза маленькое птичье гнездышко; змейка приподняла головку и увидела в гнездышке маленькое голубенькое яичко. Приняв яичко за каплю росы, змейка хотела слизать ее. Но едва она дотронулась до него, скорлупка треснула и яичко разлилось. Змейка в испуге хотела было бежать, но в эту самую минуту прилетела хозяйка гнезда. Увидавши, что случилось, несчастная птичка подняла жалостные крики. Она полетела прямо к Нераде и пожаловалась ему на свое горе. Нерада тотчас же отправился для того, чтобы убить змейку, но ей удалось убежать оттуда и прийти под мою защиту. Отшельник пришел ко мне и стал требовать, чтобы я выдала ему змейку. Я охотно бы отказал ему совсем, но не посмел сделать этого, и сказал:

– Если мой подчиненный провинился, то я и сам могу наказать его.

На это Нерада возразил:

– Хорошо! Накажи преступницу. Завтра, на страх всем прожорливым змеям, желаю я ее видеть повешенною на самом видном месте, в саду на заборе. А через три дня она должна быть снята и брошена в огонь.

Затем благочестивый отшельник оставил меня. Я страшно был огорчен и раздосадован, что должен буду убить мою любимую змейку. Она была очень смышленная, проворная и ловкая. Она прежде всех других змеек успевала мне приносить известия. Когда она жалобно взглянула, мне пришла благая мысль, и я сказал:

– Тебе остается только выйти из своей шкурки, иначе ничего нельзя сделать.

Змейка не заставила повторять себе этого во второй раз, в один миг вылезла из своей шкурки и уползла. Я позвал двух больших змей и сказал:

– Возьмите эту шкурку и повесьте на самом видном месте на заборе!

Змеи мне возразили:

— Не заметит ли Нерада наш обман?

А я сказал:

— Сделайте, что вам приказываю: через три дня он подумает, что солнце и ветер иссушили тело змейки.

Змеи взяли и повесили шкурку, как им было приказано. Я же в душе радовался, что мне удалось обмануть отшельника. Это так бы и прошло, если бы злая птичка, с которой случилось это несчастье, не прилетела отомстить змейке за свое горе. Она хотела выклевать у нее глаза, и когда она заметила обман, тотчас полетела к отшельнику и пропела ему:

— Змеиный царь надул тебя! Он повесил только ее шкурку!

В это время я лежал, греясь на солнце на этом же самом месте, где ты видишь меня теперь. Никого из стражи на этот раз не было, и меня никто не предупредил о приходе Нерады. Вдруг я слышу, что кто-то меня зовет, посмотрел и увидел пред собой самое Нераду. Он был страшно разгневан и сила его взора лишила меня всякой возможности двигаться. Нерада сказал мне:

— За твой обман ты сам прими наказание вместо змейки. Лежи и мучайся здесь в жутком огне. Ты будешь сбрасывать шкуру за шкурой, и муки твои прекратятся только тогда, когда явится кто-нибудь, угнетенный горем, который пожелает переменить внешний вид своего тела, и осмелится на твой призыв проникнуть в пламя, которое тебя окружает. Но он также должен терпеть жар огня, пока ты ему будешь рассказывать о твоём несчастье. Когда все это случится, тогда прекратятся твои мучения, а он, которому ты обязан будешь своим спасением, через год после этого освободится от своей печали. Но для того, чтобы ты знал, кто может тебя спасти, я скажу, как зовут этого человека. Его зовут Налем».

Превращение

(из главы XVII)

«— Когда Нерада проговорил это, — сказал змеиный царь, — он ушел; я же, приколдованный к этому месту, остался на нем лежать. Из земли начали выходить с треском огненные язычки; они поднимались все выше и выше и превращались одни в огненные кустарники, другие в огненные деревья. Описывать ли тебе мои мучения? Ты сам ведь чувствуешь их теперь. От боли я свертывался, но жар опять растягивал меня. Ты только недавно стоишь в огне, и то едва выносишь его. Подумай же, сколько пришлось перенести мне, который пролежал на этом камне четырнадцать лет! Я измерял время, выкликая ежечасно твое имя. Все время я знал все до мельчайших подробностей, что с тобой делалось. Мои подданные каж-

дый день отправляли ко мне по одному вестнику, который приносил мне весть о тебе, и затем умирали от жара и огня. Вот видишь, это все – шкурки вестников, которые охотно жертвовали своею жизнью для меня, как своего царя. Наконец, я узнал о твоём скитании по лесу. Ну, теперь ты здесь! Благословляю, Наль, и тебя, и твой приход! Вы неси меня из этого огненного моря на твоём пальце!

Наль протянул указательный палец правой руки и змей, вспрыгнув, повис на нём, как кольцо. Наль поспешил выйти с ним из огненного леса, который тотчас же исчез, не оставив после себя ни малейшего следа.

Теперь змеинный царь стал развёртываться с пальца Наля, становясь все длиннее и длиннее. Наконец, он лежал на земле во весь рост, длинный и тонкий.

– Последуй за мной! – сказал змей, и быстро направился к ручью, который ещё недавно служил для Наля зеркалом. В один миг выпил змей всю воду и сделался теперь так длинен и толст, как Наль никогда ещё не видал ни одной змеи.

– Теперь, Наль, тебе осталось сделать мне последнее одолжение, – сказал змей. – Пересчитай мне зубы: мне хочется знать, не сломался ли у меня какой-нибудь или не выпал ли, когда я, будучи в огне, от боли сжимал челюсти.

Наль приблизился и начал считать. Когда он насчитал до восьмого зуба, змей Каркатака укусил его и крикнул:

– Взгляни на блестящий щит на моей шее!

Но лишь только Наль увидал в его блестящем щите своё изображение, как он заметил, что стал принимать новый вид. Достаточно было пяти минут, чтобы Наль преобразился в совсем другого, безобразного человека.

Тогда змеинный царь сказал:

– Теперь твоё желание исполнено: тебя никто не узнает. Ступай к царю Ритуперну, который превосходит всех на свете в искусстве считать и метать кости, и скажи ему: «Я, Вагука, правитель коней». Если спросит он, много ли ты можешь проехать, скажи: «Сто миль в один день». Тогда он станет нанимать тебя, чтобы научиться у тебя искусству править колесницами. Научи его этому искусству, но только с тем условием, если он согласится научить тебя искусству счета и метанья костей. Знай ты прежде это искусство, ты не проиграл бы своего царства своему сводному брату. Если ты переймешь это искусство от Ритуперна, то горе твоё исчезнет, как ночь перед утром. Когда же в конце концов ты будешь иметь возможность обнять свою жену и детей, то взгляни на мой щит!

С этими словами он дал Налью блестящий щит со своей шеи и исчез.

Расставшись со змеем, Наль отправился к царю Ритуперну, чтобы наняться у него в кучера. Здесь он нашел также Варшнею, который в про-

должении многих лет был его кучером и которому Дамаянти поручила отвезти своих детей. Варшнея даже и не подозревал, что новый конюший, которого звали Вагукой, был его прежний господин.

По вечерам Наль, убравши лошадей, садился в уединенном месте и пел там все одну и ту же печальную песнь:

«Где светлоокая
Ты одинокая,
Странствуешь ныне?
Зноем и холодом,
Жаждой и голодом
В дикой пустыне
Ты изнуренная,
Ты обнаженная,
Вдовствуя бродишь.
Где утешение,
В чем утоление
Скорби находишь?»

Так он пел. Раз Варшнея спросил его:

– Что это за песня?

Вагука отвечал:

– Я знал одного человека, которому жилось очень хорошо, но он скоро стал сумасбродом. Он проиграл свое царство, покинул свою супругу, лучше и красивее которой не было никого на свете. Долго он скитался по земле, мучимый страшным несчастьем. Он часто певал эту песню, и вот я от него-то и перенял ее».

Здесь автор снова, не хуже Дюма-отец или Дюма-сына, обрывает нить своего повествования о Нале и поднимает для продолжения брошенную перед этим нить повествования о Дамаянти.

«Когда до царя Бимы дошла весть, что Наль проиграл свое царство и отправился вместе с Дамаянти скитаться по лесам, он созвал браминов и сказал:

– Отыщите мне Дамаянти и Наля. Кто приведет мне обоих, тому обещаю тысячу отборных быков и большой участок земли. Кто если и не приведет, но только узнает, где они находятся, тот получит тысячу быков.

Тотчас брамины отправились по всем направлениям разыскивать Наля и Дамаянти.

Долгое время все их поиски оставались тщетными. Но случайно один из браминов, Судева, попал в город Шедди. Там в это время справлялся какой-то праздник. Рядом с царской дочерью он заметил высокую, стройную женщину, облаченную в траурное платье. Присматриваясь, он при-

знал в ней дочь своего царя, но она ему показалась подобной солнцу без сияния. В сердечной радости он сказал про себя:

– О, потускневший драгоценный камень! Я питаю надежду, что ты снова засияешь своим прежним блеском, как некогда в день смотрин.

Он подошел к ней, печальный от сильного горя, и начал говорить:

–Здравствуй, роза Видарбы! Я – Судева, брамин отсюда. По повелению твоего отца Бимы я пошел тебя искать. Твои все живут благополучно. Но горе по тебе всех их сокрушило, поэтому сотни браминов посланы твоим отцом во все страны света, чтобы найти тебя. Мне удалось тебя найти, и я хочу принести богам за это благодарственные жертвы!

Когда Дамаянти услышала о своих родных – об отце, матери, детях и братьях – она залилась слезами и стала расспрашивать о них брамина. Сунанда, услышав о чем говорила Дамаянти с брамином, побежала к своей матери и рассказала ей все, что она слышала и видела. Царица же, выслушав свою дочь, сказала:

– Если все это так, как ты рассказываешь, то выходит, значит, что мы приняли к себе очень близкую родственницу, дочь моей сестры. Она отправилась туда, где разговаривала Дамаянти с брамином и, обратившись к последнему, стала расспрашивать:

–Расскажи мне о ней, что знаешь! Кто она и какого рода? Чья дочь? Чья жена? Какая судьба разлучила ее со своими? По чему ты узнал ее?

Усевшись рядом с царицей, брамин рассказал по порядку всю историю Наля и Дамаянти до их побега, потом он рассказал, как печальная весть дошла до царя Бимы, который разослал сотни браминов для того, чтобы разыскать Наля и Дамаянти, и так окончил свой рассказ:

– И мен пришлось тоже немало пространствовать до тех пор, когда к своему счастью я достиг этого города. Здесь я увидел прекрасную Дамаянти, и с первого взгляда узнал ее: нигде на свете нет другой, столь прекрасной душой и телом, да к тому же у нее есть примета: под густыми кудрями на лбу у нее скрыта звезда, которая заметна только для нас, служителей Брамь.

Тогда Сунанда, подошедши к Дамаянти, сдернула с нее покрывало и ярко, как тучу пронзивший месяц, блеснула отсюда звезда благодати. Увидав это, Сунанда припала к Дамаянти, и обе они, плача вместе, и от радости, и от горя, лежали друг у друга в объятиях. Со слезами на глазах приблизилась к ним царица-мать и обняла Дамаянти. Они все трое стояли рыдая, не будучи в силах вымолвить слова. Наконец, царица сказала:

– Привет тебе, прекрасная Дамаянти, ты дочь моей родно сестры. Наш отец был могучий владыка Судамана. Твоя мать отдана была замуж за Биму, меня же взял себе в супруги Виравагу. Я видела тебя еще когда ты

была ребенком, и мы с твоей матерью гостили в Дазаре. Оставайся у меня, я буду любить тебя, как свою дочь!

Дамаянти возразила:

– До сих пор я жила у тебя без нужды, не встречая никакого горя, но мне будет веселее в Видарбе с родным отцом и с родною матерью. Поэтому, доверши свои благодеяния, дай мне средство возвратиться в Видарбу, мне ужасно хочется видеть своих милых детей!

Желание Дамаянти было исполнено и через несколько дней она уже была на пути к своей родине.

Счастливо доехала Дамаянти в Видарбу. Отец так был счастлив и рад приезду дочери, что, принеся благодарность богам и одаривши всех браминов, сказал Судеве:

– Тысячу отборных быков и большой участок земля обещал я тому, кто найдет мне Дамаянти и ее супруга. Хотя ты вернул мне только одну Дамаянти, но ты все-таки получишь весь подарок.

На другой день Дамаянти сказала магери:

– Если ты хочешь сохранить мне жизнь, поспеши возвратить мне моего прекрасного Наля.

Со слезами на глазах рассказала царица своему супругу, что Дамаянти тоскует по своему супругу.

Царь Бима опять вызывает браминов и говорит им:

– Кто отыщет мне Наля, тот получит такой же дар, какой получил Судева. Брамины, тотчас приготовившись в дорогу, пришли все к Дамаянти, чтобы услышать ее повеления, и она сказала:

– Где бы вы ни были, куда бы вы ни пришли, везде повторяйте эти слова:

«Где ты, игрок? И куда убежал ты в украденном платье,
В лесе покинув жену? А она, почерневши от зноя,
В скудной одежде, тобою обрезанной, ждет, чтобы обратно
К ней ты пришел. По тебе лишь тоскует она и ни разу
Сна не вкусила с тех пор, как себе на погибель заснула
В темном лесу, где ее ты безжалостно бросил!».

Говоря эти слова, внимательно смотрите на лица тех, перед кем вы будете говорить. Кто узнает тогда Наля по изменению его лица, пусть, не говоря ему ни слова об этом, придет и возвестит мне.

И вот брамины отправились в путь искать Наля.

Через несколько месяцев один из них по имени Парнада, вернулся в Видарбу и пришел к Дамаянти:

– Повсюду проискав Наля безуспешно, я пришел, наконец, в Айоду к царю Ригуперну. В его присутствии и в присутствии придворных я произнес заповеданные тобой слова. Но никто ничем не отозвался на них. Ког-

да же я выходил из царских покоев, мне попался навстречу царский конюх Вагука. Он небольшого роста, у него короткие руки. Он может в один день проехать сто миль. Вздыхая, осмотрелся он кругом и когда увидел, что никого поблизости не было, заливаясь горькими слезами, сказал:

– Это Дамаянти вспоминает своего супруга, как он был лишен последнего платья и как он переносит тяжкое горе. Она никогда не станет сердиться!

Сказав это, конюх удалился, а я, расспросив слуг, кто он был, тотчас отправился в обратный путь.

Вся в слезах, Дамаянти бросилась к матери и сказала:

– Матушка, мне выпало счастье, я узнала, где Наль. Сжалась над своей дочерью и помоги увидеться с ним.

Мать призвала Судеву и так заговорила с ним:

– Судева, ты привел мне мою дочь и я избираю тебя привести к Дамаянти ее супруга Наля. Он, видишь ли, теперь находится у царя Ритуперна кучером. Отправляйся туда и скажи в разговоре между прочим, что царь Бима справляет завтра вторично для своей дочери смотрины, на которые съезжаются всякие князья и царевичи. Если царь спросит, на какой день назначено празднование смотрин, разыграй из себя удивленного и скажи:

– Как, разве тебе ничего не известно? Смотрины будут праздноваться завтра. Если ты хочешь, царь Ритуперн, поспеть туда, тебе нужен будет кучер, который смог бы проехать сто миль в один день. Если царь спросит тебя, откуда тебе это известно, скажи, что сама Дамаянти тебе это сказала.

Когда Судева приехал к царю Ритуперну, он стал рассказывать ему всякие новости и между прочим, как бы невзначай, упомянул и о назначаемых на завтра вторичных смотринах Дамаянти. Как только услышал это царь Ритуперн, он тотчас вскочил со своего места и стал громко звать кучера Вагуку и ласково сказал ему:

Вагука, теперь настала для тебя пора доказать свое искусство. Если ты сможешь, так отвези меня сегодня в Видарбу: завтра там вторичные смотрины Дамаянти.

Когда Наль услышал эти слова, ему показалось, что сердце у него как будто разорвалось надвое. Но он с почтением преклонился перед Ритуперном и сказал:

– Хорошо, государь, исполнена будет твоя воля и нынче ты будешь в Видарбе».

Затем рассказывается, как Наль запряг четверню лошадей в коляску, т они поехали. Кони, покрытые пеною, летели как молния.

«Через несколько минут царь сказал:

– Вот видишь ли там вдали дерево? Я скажу тебе сейчас, сколько на нем листьев и плодов. На нем осталось пять миллионов листьев и 2.093 плода, а на землю упало 103 плода и 202 листа.

Наль остановил колесницу, говоря:

– Ты уж извини меня, царь Ритуперн, а я остановлюсь и перечту: то, что ты говоришь, для меня непонятно. Варшняя подержит пока коней.

Ритуперн испугался и сказал:

– Что ты делаешь, Вагука? Ведь мы опоздаем!

– Подожди немного! – возразил Наль, – если тебе нельзя остановиться, так пусть Варшняя едет с тобою вместо меня далее.

Царь, не желая на нынешний день доверяться никому другому, льстя Вагуке, сказал:

– Кто правит лучше тебя! Ты один можешь сделать так, что сегодня еще до захода солнца мы будем в Видарбе.

– Мы и будем там, только сначала дай мне закончить счет, – возразил Наль.

Тогда царь сказал:

– Ну, так сочти по крайней мере только плоды на одной ветке. Их семь ветвей и на каждой по одинаковому числу плодов.

Наль сосчитал плоды на семи ветках и получил в точности число, названное царем. Пораженный удивлением, он сказал:

– Так, государь! Но позволь мне счесть теперь и листья.

Царь в испуге сказал:

– Довольно с тебя одного примера. Ужели ты сомневаешься в моих словах?

– Что же это за искусство? – спросил Наль.

Чтобы поскорее разделаться с этим разговором, царь сказал:

– Я владею, видишь ли, искусством счета и метанья костей.

– Если ты владеешь таким искусством, я могу обменяться с тобою своим искусством езды.

Царю ничего более не оставалось, как посвятить Няля в свое искусство, после чего он сказал:

– Теперь поспеши! Искусство езды ты можешь сообщить мне после путешествия.

И вот, в ту минуту, как Наль научился искусству счета, злой дух, причинивший ему столько несчастья, покинул его. Он бросился от него в ближайшее дерево, листья которого тотчас пожелтели.

С радостным сердцем сел теперь Наль в колесницу, и кони помчались еще быстрее прежнего.

Когда Наль въехал во двор дворца, шум колесницы раздавался так сильно, что слоны и павлины подумали, будто начинается гроза. Слоны подняли свои хоботы, а павлины распустили хвосты.

Шум достиг ушей Дамаянти. Вскочивши с места, она сказала:

– Это Наль, это мой супруг! О, если я сегодня не увижу его, я умру. Если я не буду в твоих объятиях сегодня, я буду в объятиях огня. Я поза-

была горе, которое мне пришлось пережить через тебя, я помню одни твои добрые качества, которыми ты всегда меня радовал.

Дамаянти вышла на балкон, чтобы посмотреть на приехавших. Кезина, ее горничная, последовала за ней. Лишь только колесница остановилась, Дамаянти увидела троих, но между ними не заметила Наля.

Варшнея и Наль слезли с колесницы и стали откладывать лошадей, а царь Ритуперн, не оставляя своего места, с удивлением смотрел кругом: нигде не было видно и следов приготовляющегося праздника, а на дворе — ни чужих колесниц, ни чужой прислуги.

Царь Бима вышел приветствовать гостя. Ритуперн, увидав, что царя не сопровождают ни князя, ни брамины, решил, что приглашение, должно быть, было ложное, и поэтому боялся заговорить о нем.

Бима между тем подошел к колеснице, подал ему руку, просил сойти с нее и стал было спрашивать о поводе к этому посещению

Ритуперн отвечал, что он желал только осведомиться о его здоровье и благосостоянии. Бима повел гостя к себе в дом и оказал ему должные почести. Наль между тем отвел лошадей в конюшню, вернулся назад и сел на колесницу.

Тогда Дамаянти сказала своей прислужнице:

— Слушай, Кезина, сходи и проведай, кто там сидит в колеснице в горестном раздумье. Хотя он очень некрасив с виду, но в нем все-таки есть что-то такое, что напоминает мне моего Наля. Говоря с ним, повтори, как будто невзначай, те слова, которые я велела повторять браминам всюду.

Кезина сошла во двор, подошла к колеснице и, поклонившись Налю, сказала:

— Моя госпожа Дамаянти очень желала бы знать, зачем ты приехал сюда с своим государем?

Наль отвечал:

— Господину моему стало известно, что завтра назначены смотрины.

— Скажи мне, — продолжала Кезина, — кто твой товарищ и кто ты сам?

— Его зовут Варшнеей. Когда-то он служил в кучерах у князя Наля, которого потом постигло несчастье, а теперь он служит у царя Ритуперна, к которому и я поступил на службу возницею.

Кезина сказала:

— Не рассказывал ли тебе что-нибудь Вершнея о Нале?

— Нет, отвечал тот.

Прислужница же продолжала:

— Брамины ищут его, разнося повсюду эти слова:

«Где ты, игрок? И куда убежал ты в украденном платье,

В лесе покинув жену? А она, почерневши от зноя,

В скудной одежде, тобою обрезанной, ждет, чтобы обратно

К ней ты пришел. По тебе лишь тоскует она и ни разу
Сна не вкусила с тех пор, как себе на погибель заснула
В темном лесу, где ее ты безжалостно бросил».

С этими словами все терзания с новою силою пробудились в Налевом сердце. Слезы лились из его глаз, и он опустил от горя и голову, и руки.

Кезина поспешила уйти, чтобы обо всем известить свою госпожу».

Остановимся, читатель, здесь немного. Если б автор Наля и Дамаянти не поддался влиянию усвоенной им с детства сказочной литературы, он не ввел бы сюда, конечно, некоторых подробностей, вроде звезды во лбу своей героини или необыкновенных способностей героя, начиная от чудесной езды и кончая рассказанной далее его сказочной способностью наполнять водою пустые сосуды, что уподобляет его, хотя и в слабой степени, евангельскому Христу. Но мы не должны забывать, что беллетристы — не ученые естествоиспытатели, и что вера в чудеса существует и теперь, благодаря фокусам. С этой точки зрения мы и должны рассматривать следующий эпизод.

«Выслушав Кезину, Дамаянти сказала:

— По словам и делам это мой Наль, но по виду не он. Поди, Кезина, разведай дело получше. Притаись где-нибудь вблизи и смотри, что он станет делать. Следи, не откроется ли в том, что заметишь, особенной, таинственной силы. Теперь скоро он будет готовить ужин царю Ритуперну. Не давай ему ни воды, ни огня для этого.

Кезина пошла и, исполнив волю царицы, скоро явилась к ней с своим донесением:

— Никогда еще мне не случалось видеть человека, который творил бы такие чудеса. К низким дверям подойдет, головы не наклонит, двери сами поднимаются кверху. Он только взглянул на пустые сосуды и они вдруг наполнились водою. Когда же ему не дали огня, он взял небольшой пук соломы, помял его в руках, подул и тотчас запылало яркое пламя. Но последнее чудо изумило меня более всего: он поднял совсем засохший цветок, лежавший в пыли без листьев, взглянул на него, и он стал живой вместо поблекшего.

Дамаянти сказала:

— Это Наль! Все эти дары он получил от богов при бракосочетании.

Дамаянти поспешила к своей матери и сказала:

— Матушка! Вели теперь Вагуке прийти ко мне, я хочу порасспросить его о своем супруге.

Царица исполнила желание своей дочери и Наль был приведен в покои Дамаянти. Когда он увидел свою супругу, он чуть было не лишился чувств. Пред ним молча стояла Дамаянти, одетая в граурное платье. Преле-

стная даже в скорби, она была ему несказанным упреком. Устремивши на Наля пронзительный взор, она, наконец, сквозь слезы сказала:

– Скажи мне, Вагука, есть ли кроме Наля еще человек, который был бы способен покинуть свою верную жену, последовавшую за ним в изгнание? Ведь выбор был сделан по обоюдному согласию. Я выбрала его себе в мужа, пренебрегши даже богами: боги слышали наши клятвы в неизменной любви. Пред алтарем говорил он: «тебя я отныне буду чтить и любить, защищать и питать, с тобою делить и горе, и радость, богатство и бедность, и все неизменно». Но он все-таки покинул меня, меня, мать его детей! Скажи, Вагука, как мог он это сделать!

От слез Дамаянти не могла говорить дальше.

Тогда Наль отвечал:

– Не твой супруг покинул тебя, не твой супруг проиграл свое царство, все это сделал злой дух Кали. Теперь отвечай и ты, Дамаянти! Сохранила ли ты прежнюю любовь? Сохранила ли верность? Послы от твоего отца странствуют по всему свету и всюду разносят известия, что ты хочешь справлять вторые смотрины.

Услыхав это, Дамаянти, смиренно сложив руки, сказала:

– Наль, мой князь! И ты мог этому поверить? Брамины искали тебя по всей земле. Случайно один из них, Парнад, нашел тебя у Ритуперна в кучерах. Он возвратился, я же послала другого, который должен был рассказать Ритуперну о моих вторых смотринах. Обман этот был употреблен затем, чтобы заманить тебя сюда. Касаясь твоей руки, клянусь тебе: я всегда была верна тебе! Если моя клятв не верна, пусть ветер, свидетель всех человеческих слов и дел, уничтожит во мне жизнь. Пусть солнце, парящее над водами, сделает это. Пусть месяц, верный свидетель ночи, знающий все тайны земные, лишит тогда меня жизни. Пусть и небесные силы, которыми держатся небо и земля, пусть они разлучат мое тело душою, если я не сохранила верности и любви к тебе во всей чистоте!

Едва проговорила это Дамаянти, из воздуха послышался голос, говоривший так:

– Ни делом, ни в мыслях не изменила тебе твоя супруга. Мы боги, от которых ничего не скрыто, мы возвещаем тебе это.

Когда эти слова были сказаны, с неба при звуке воздушных тимпанов упали цветы благовонным дождем.

Радостный трепет объял Наля и, вспомня о змеином царе, он посмотрелся в его зеркальный щиток, и тотчас стал прежним Налем. Дамаянти вскрикнула от счастья и бросилась к немую Наль крепко прижал ее к своей груди.

– Да, сегодня мои вторые смотрины! – воскликнула она. – Тебя, тебя снова избирает твоя Дамаянти! Она и плакала, и смеялась. Счастье и радость обоих были так же велики, как и прежде, в день их бракосочетания.

И двор, и город торжественно справили новый праздник. Все были очень рады, что Наль и Дамаянти снова соединились».

Так все отдельные нити этой хорошо обдуманной романической интриги соединились теперь вместе к общему благополучию. Чтоб завершить роман, оставалось только возвратить счастливой парочке и ее трон. И автор переходит к этому окончательному акту, к которому явно готовил все с самого начала.

«Спустя месяц Наль сказал своему тестю:

– Теперь я хочу попытать счастья, не удастся ли мне вернуть назад свое царство.

Придя к своему сводному брату Пушкарне, он сказал:

– Я приобрел новое имущество и пришел к тебе продолжать игру. Мы покончим одним разом. Знай при этом, что хотя у меня нет царства, я все же ставлю более, чем ты: я ставлю свою супругу Дамаянти. Затем вот еще другое условие: побежденный в костях может вызвать победителя на поединок.

Пушкарна со смехом отвечал:

– Я давно уже предвидел это. Я давно ждал, что ты поставишь на кости свою Дамаянти. Давай хоть сейчас начнем: мне ужасно хочется обладать твоей супругой. Только ее одной недостает для полноты моего счастья.

Наль, разгневанный его дерзким ответом, чуть было не пронзил Пушкару мечом. Но он превозмог себя и сказал, принужденно смеясь:

– Словами ты ничего не возьмешь, вели-ка лучше принести кости.

Кости принесли, метнули и Пушкара проиграл все.

– Теперь пройдемся на мечах, – вскричал Наль.

Вступили в бой. Недолго бились; через несколько минут Наль вышиб меч из рук Пушкары.

Пушкара пал на колени и, сложивши руки на груди, умоляя, сказал:

– Прости меня! Царство принадлежит тебе, и жизнь моя в твоих руках.

А Наль ему ответил:

– Встань, Пушкара! Я не сержусь. Не ты лишил меня царства и подверг меня нужде. Это был злой дух, который лишил нас обоих разума. Пусть остаега за тобой и жизнь, и город, который я прежде дал тебе. Иди и живи счастливо!»

Таков финал романа: совсем во вкусе французских рыцарских романов.

Ну, посудите же сами, читатель! Могло ли все это быть написано чуть ли не пещерным человеком? Где был литературный вкус, где были глаза,

где были уши, где было знакомство с новейшей и средневековой литературой у тех, которые отнесли такой роман за 3000 лет до нашего времени?

Вот, говорят, евангелия писаны под диктовку святого духа... А ведь роман «Наль и Дамаянти» во всех отношениях написан неизмеримо и несравнимо талантливее, чем смог сделать святой дух! В евангелиях еще суставчатое строение, в котором все главы, кроме первой да последней, можно и перетасовать, как колоду карт, ничего не меняя в достоинстве целого рассказа, А здесь уже с самого начала предвиден конец и ни одной главы нельзя переставить на другое место, не попортив всего целого.

«Эта поэма, – говорит А.В. Шлегель, профессор санскрита в Боннском университете, – не уступает никакой из древних или новых в поэтической красоте, в увлекательности изложения страстей, в возвышенной нежности чувств и мыслей. Прелесть ее доступна всякому читателю, молодому и старому, знающему искусства и необразованному человеку, руководящемуся одним естественным чувством».

Но для Шлегеля, умершего еще в 1845 году, когда все мировоззрение филологов держалось еще, как и геология при Кювье, теории земных катастроф, и новых творческих актов божественного промысла, было бы простительно отнести в допотопную эпоху даже и сочинения Маркса, Энгельса и Ленина. Но допустимо ли это для образованного человека XX века, уже усвоившего эволюционные законы развития всего сложного и высоко совершенного из простого зародыша, существовавшего вначале?

И я опять повторяю: если отдельные рассказы, находящиеся в сборнике «Тысяча и одна ночь» относятся, как говорят сами филологи, к XIV веку нашей эры, то роман «Наль и Дамаянти» не может быть написан ранее, чем в XVIII веке, да и то автором, начитавшимся западно-европейской литературы того времени.

Глава VIII

БИБЛЕЙСКИЙ СПОР О БОГЕ

Библейская книга Иов,

как образчик средневековых представлений о боге

Как-то раз, в последние годы заточения в Шлиссельбургской крепости, когда нам было разрешено выходить на прогулку по двое вместе, один из моих товарищей (насколько помню, Сергей Иванов) спросил меня:

– В чем сущность дифференциального и интегрального исчисления? Объясни мне в немногих словах так, чтобы я только понял, в чем дело. Что такое бесконечно малые величины, и для чего они служат?

Я подумал и ответил:

– Возьмем, например, минуту времени! Она состоит из бесчисленных мгновений. Если каждое мгновение мы назовем дифференциалом минуты, то каждая минута, как сумма этих своих мгновений, будет их определенный интеграл. Переход от измеримого нами времени к его неизмеримому для нас мгновению есть дифференцирование времени, а переход от неизмеримого для нас мгновения к измеримому для нас времени будет его интегрирование из мгновений. Точно также и все другие измеряемые нами величины, например, линии, поверхности, объемы, скорости и так далее, можно рассматривать как сумму своих неизмеримо малых для нас точечных зародышей, т.е. дифференцировать их, а потом получать их обратно путем их суммирования, называемого интегрированием. Да и сами эти точечные зародыши или компоненты приходится рассматривать не как абсолютные нули, т.е. отсутствия всякого присутствия, из суммы которых ничего не получишь, а как лишь относительно ничтожные, пренебрежимые при данных нам вычислениях величины того же наименования, которые в свою очередь могут рассматриваться как суммы бесконечного количества других пренебрежимых в сравнении с ними их зародышей, т.е. дифференциалов второго порядка, а эти последние зародыши могут в случае нужды предполагаться состоящими еще из дифференциалов третьего порядка и т.д. А потом из них могут получаться измеримые для нас величины посредством соответствующего числа повторных интегрирований.

– Но к чему же может служить вся эта головоломка? Почему из нее выросли целые курсы высшей математики? Почему говорят, что этим спо-

собом можно делать такие вычисления, о каких нельзя даже и мечтать помимо них?

И вот, как я ни думал, но я ничего другого не мог ответить, как сказать ему:

— Для того, чтобы понять, каким образом эта кажущаяся с первого взгляда, действительно, ни на что негодная головоломка послужила к легкому решению таких вопросов естествознания и геометрии, к каким нельзя даже и подступить без нее, нет другого средства, как изучить самому курсы дифференциального и интегрального исчисления в их чистом и прикладном виде. Всякое объяснение на словах даст тут только призрачное представление.

Мне очень хорошо запомнился этот разговор, потому что после возвращения в мою одиночную камеру он послужил для меня причиной общих размышлений:

— Возможно ли, — думалось мне, составить вообще какое-нибудь представление о любой науке, которую человек не изучил серьезно от начала до конца, а знает только понаслышке или из популярных книжек?

И я пришел к заключению, что всякое такое знание действительно чисто призрачно, а на деле простой самообман, и что таких самообманов в нас много больше, чем думаем мы сами.

Возьмем, например, хоть «Курс всеобщей литературы». Не будем уже вспоминать о том, что там говорится о древности, а подумаем о более к нам близком новом времени. Там мы читаем о Вальтер-Скоте, о Диккенсе, и о Теккерее в Англии, о Мольере и Викторе Гюго во Франции, о Шиллере и Гете — в Германии и т.д. Талантливый и прекрасно владеющий речью автор дает «блестящие характеристики» их творчества, и кажется, что это все так ясно, что даже нет никакой нужды прочитать характеризующие им книги.

Но вот вам попадают в руки подлинные сочинения любого из знакомых вам лишь по курсу литературы авторов, и вы сейчас же обнаруживаете, что ваше знание их литературного творчества, приобретенное косвенным свособом, было призрачное знание, и что несколько типических отрывков, приведенных из их сочинений в хрестоматии, дали бы вам лучше представление, чем самые блестящие характеристики, всегда характеризующие главным образом самого характеризующего, а не характеризуемого им.

Вот почему и в этой моей работе, говоря о древней и средневековой литературе, я нарочно избегаю всяких громких фраз общего характера, обычно пустозвонных, как удар палкой по пустому бочонку, и взамен этого всегда привожу типические отрывки из подлинников. Нет ничего ошибочнее, как думать, что ваш читатель прочитал все то, что прочитали вы

сами, и потому с ним можно говорить о любом предмете так, как говорят об общих знакомых.

Так и теперь, приступая к историко-критическому разбору древней беллетристики, я не ограничиваюсь собственными своими выводами, а иллюстрирую их достаточными извлечениями из оригиналов.

Вот книга «Спорщик» (в русской библии – Иов).

Миллионы людей в тех обширных областях земного шара, где распространилось христианство, слышали от священников об «Иове Многострадальном», но если не читали этого произведения в подлиннике, то составили о нем совершенно призрачное представление. Большинство совершенно убеждено в том, что тут описывается история богатого и знатного человека, который потерял все свое состояние, впал в нищету и болезни, но не пал духом, а только все время говорил: «бог дал, бог взял!», и будто бы за такую его покорность бог возвратил ему все...

А между тем та фраза была сказана лишь раз, а вся книга наполнена именно жалобами на бога. Да и вообще эта большая по средневековому масштабу книга, состоящая из 42 глав, занимающая в издании Бритинского библейского общества (1882) целых 36 страниц еврейского текста, совсем не биография, а длинные скучные монологи обнищавшего и пораженного проказою человека, и к ним присоединены такие же монологи четырех его друзей, пришедших утешать его. Почти вся книга состоит из их длинных реплик друг другу, подражающих иногда слово(в слово жалобным псалмопением или псалмоподобным восхвалениям бога, причем восхваляют бога как раз собеседники, а Иов, наоборот, жалуется на него. И если бы компилятор не соединил все эти монологи в отдельную книгу, приписав один из них преследуемому богом, а другие его друзьям, а прямо поместил бы их в число псалмов, то никто не нашел бы никакого различия их с остальными.

Но этим монологам предшествует в главах 1 и 2 фантастический рассказ о том, как Сатана, придя в приемный день на небо предсавиться богу-Громовержцу (по-еврейски Йевс, по-латыни Иовис и(по-гречески Зевс¹), вместе с богами-сыновьями² предложил богу испытать одного особенно благочестивого человека не заслуженными им бедствиями, и бог охотно согласился на это предложение сатаны.

Затем, все главы от третьей до тридцать седьмой включительно наполнены уже указанными мною псалмопевными полилогами «Спорщика» и его друзей, а на промежутке от тридцать восьмой главы до сорок первой держит свое защитительное слово сам бог-громовержец, налетевший в

¹ Припомним, что звательный падеж от имени Юпитер – Jovis!

² По-еврейски <...> (БНИ-Е-АЛЕИМ) – боги сыновья.

вихре на собеседников. Он восхваляет сам свое могущество, а потом дает «Спорщику» новых детей вместо уморенных и новое богатство.

Не трудно видеть и конструкцию, и возникновение этого рассказа. В распоряжении компилятора было несколько не вошедших в Библию псалмопений, и он соединил их в реплики собеседников. Затем он приделал в виде пролога рассказ о таком печальном для преследуемого дружеском свидании сатаны с богом-отцом в присутствии богов-детей на небе, а в виде эпилога прибавил тоже напоминающее псалом восхваление богом самого себя, и только несколько строк о возмещении им «преследуемому» сторицею всего отнятого у него. Здесь ясно вырисовывается, что библейский «творец мира» имел не одну жену и сына, как в евангелиях, а очень много, как и классический Зевс-Юпитер. И в этом отношении рассказ характеричен для истории эволюции идеи о боге.

Вот краткие извлечения всего существенного из этого спора.

Переводить всю книгу бесполезно ввиду ее бесконечных повторений на разные лады одного и того же. Но сущность небезынтересна.

Пролог

Был человек на земле Совещаний по имени «Спорщик». Он был непорочен, справедлив, богобоязнен и чужд всего худого. У него родились семь сыновей и три дочери. А скота у него было семь тысяч мелкого, три тысячи верблюдов, пятьсот пар волов и пятьсот пар ослиц, да и прислуги очень много. Он был знатнее всех сынов Востока.

В один день, когда пришли боги-сыновья предстать перед Богом-Отцом, пришел и сатана между ними. Господь сказал сатане:

– Откуда ты пришел?

– Я обходил землю.

– Обратил ли ты внимание на моего Иова? Ведь нет такого, как он, на земле.

– Разве даром Иов боится Бога? – спросил сатана. – Не ты ли оградил его дом, и все, что у него? Но ты коснись всего, что у него, и наверно он отречется от тебя.

Господь сказал сатане:

– Все, что у него, в твоей руке, только не простирай руки на него самого.

И вот, в один день приходит вестник к Иову и говорит:

– Напали Савеяне³ и взяли твоих волов и ослиц, а сторожей поразили мечом, и спасся только я один, чтобы известить тебя.

³ Т.е. жители Савойи <...> между Францией, Италией и Швейцарией, они же Сабияне латинских классиков. С них же списаны и воображаемые азиатские мифические сабии.

Еще не кончил этот, как приходит другой и рассказывает:

— Огонь божий пал с неба. Спалил он овец твоих, а из сторожей спасся только я один, чтобы известить тебя.

Еще этот говорил, как приходит третий и рассказывает:

— Халдеи расположились тремя отрядами и взяли твоих верблюдов, а сторожей поразили мечом; спасся только я один, чтобы известить тебя.

Пока этот голворил, приходит еще четвертый и говорит:

— Сыновья твои и дочери твои обедали и пили вино в доме твоего первородного брата. И вот, поднялся ветер великий со стороны пустыни, обхватил четыре угла дома, он упал на отроков и они умерли.

Встал Иов, разодрал свою верхнюю одежду, остриг голову, пал на землю, поклонился и сказал:

— Наг я вышел из чрева матери моей и наг возвращусь туда. Господь дал и господь взял; да будет имя господне благословенно.

И вот, снова в один день, когда пришли боги сыновья предстать перед богом-отцом, пришел и сатана между ними представиться ему. Бог сказал сатане:

— Откуда ты пришел?

— Я обходил землю, — снова ответил он.

— Обратил ли ты внимание свое на раба моего Иова? Ведь нет такого, как он, на земле. Он и доселе тверд в непорочности своей, а ты возбуждал меня против него, чтобы погубить безвинно.

Сатана отвечал господу:

— За жизнь свою человек отдаст все, что есть у него. Но прости руку твою и коснись плоти его, тогда наверно и Иов отречется от тебя.

И снова сказал бог сатане:

— Вот, он в руке твоей, только жизнь его береги.

И отошел сатана от лица божия и поразил Иова лютою проказою от подошвы ноги его по самое темя.

Взял Иов черепицу, чтобы скоблить себя ею, сидя в пепле. И говорила ему жена его:

— Ты все еще тверд в непорочности твоей? Отрекись от бога и умри.

Но он сказал ей:

— Ты говоришь, как какая-нибудь из безрассудных. Разве одно доброе будем мы принимать от бога, а злого не будем принимать?

И не согрешил Иов устами своими.

Так оканчивается вступление, в котором читатель видит поистине патриархальную семейную картину. Дети библейского бога-отца, боги-сыновья приходят в праздник представиться своему отцу, и с ними является и сатана вроде племянника, чтобы подстрекать бога на несправедливость,

и бог ему поддается. Скажите сами, читатель: чем отличается библейский бог в этой книге от греческого Зевса и латинского Юпитера, с которыми он сверх того еще и одноименен⁴. Вот что значит изучать предмет по первоисточникам, а не с чужих слов!

До сих пор Иов, по словам автора, не жалуется на бога, но вслед за тем автор впадает в противоречие: Иов начал упрекать бога в несправедливости. Три друга его: Елифаз-Феманитянин, Виллад-Савхейнин и Софар-Наамитянин пошли утешать его. Они не узнали его, – зарыдали, разодрали свою верхнюю одежду, сидели с ним на земле семь дней и семь ночей. Никто не говорил ему ни слова, потому что видели, как велико его страдание. Лишь после семи дней молчания отверзли они уста свои и начинается такой разговор, по видимому, приготовленный для представления на богословском театре. Представьте только себе сцену: лежащего прокаженного и стоящих около него друзей и такой разговор. Я привожу его в извлечении, так как из него прекрасно вырисовывается библейское мировоззрение:

Иов:

– Погибни тот день, в который я родился и та ночь, которая сказала: зачался человек. Да усвоят этот день себе тьма и тень смертная, да обложит его туча, да соделают его ужасным затмением солнца. А ночь, когда меня зачали, да будет неплодною. Да померкнут звезды на рассвете, и да не узрит она ресниц зари. Для чего не умер я в утробе матери, зачем из чрева вышел и не скончался? Тогда бы покойно мне в могиле с царями и советниками земли, строящими себе пирамиды. Там беззаконные перестают буйствовать и отдыхают истощившиеся в силах. Узники не слышат голоса угнетателя и раб свободен от господина своего. На что бог дает страдальцам свет и жизнь огорченным душою? Они ждут смерти и нет ее. Нет мне покоя, и нет мне отрады. Настало смущение.

Эли-фаз-Темани:

– Если сказать тебе слово, не тяжело ли будет тебе? Но удержаться от слов кто может? Вот ты наставлял многих и укреплял ослабевшие руки, а теперь, когда дошло до тебя, ты смутился. Не в благочестии ли твоя надежда? Вспомни, погиб ли кто невинный, и где праведные были искореняемы? Рев льва умолк, и зубы скимнов сокрушены. Раз, когда напал на меня глубокий сон, ужас меня объял и трепет потряс все кости мои. Стали дыбом волосы на теле моем. И один дух стоял обликом пред глазами мои-

⁴ По-еврейски Йеве, по-латыни в звательном падеже тоже Йеве (и лишь в именительном Ю-питер, как совращение <...>), по-гречески Зевс (первично Йевс), как я не раз уже говорил.

ми, но я не мог распознать вида его. Тихое веяние и голос только слышу: Человек, — праведнее ли бога? Вот слугам своим бог не доверяет, и в ангелах своих усматривает недостатки. Тем более он видит все внутри людей, обитающих в бранных домах, истребляет их легче моли. От утра до вечера они распадаются, гибнут навеки, и никто не обращает на них внимания.

Иов:

— Не буду удирать уст моих, стану жаловаться в горести души моей. Разке я море, разве я чудовище морское, что бог поставил надо мною стражу? Когда я подумаю, что утешит меня моя постель, тогда страшишь ты меня снами, пугаешь видениями. Доколе ты не отвратишь от меня взора, не отпустишь меня на столько, чтобы я мог проглотить свою слюну? Что же я сделал тебе, страж людей? Зачем ты поставил меня целью для нападения? Если бы теперь лежал я в прахе, то поискал бы ты меня и не нашел бы.

Вилдадсуни:

— Доколе будешь ты говорить так? Ведь слова уст твоих только ветер. Неужели бог извращает суд(и вщедержитель извращает правду)? Если чист и прав ты, то он нын же будет над тобою бодрствовать и сохранит благополучно твое праведное жилище. Поднимется ли тростник без влаги? Растет ли ситник без воды? А он еще в свежести своей срезывается, и прежде всякой травы засыхает. Таковы пути всех забывающих(бога, и надежда нечестивца погибнет, как дом паука. Обопрется он о дом свой и дом не устоит. Ухватится за него и не удержится. Но бог не отвергает непорочного и не поддерживает руки злодеев. Еще наполнит он смехом уста твои и губы твои радостным восклицанием. Ненавидящие тебя облекутся в стыд, и шатра нечестивых не станет.

Иов:

— Знаю, что так. Как может человек препираться с богом. Кто дерзнул стать против него и цел остался? Бог движет горы, бог сотрясает землю так, что столпы ее дрожат. Скажет солнцу и не всходит, и звезды закрываются. Он преклоняет небеса и ходит по высотам моря. Бог сотворил Медведицу, Ориона и Плеяды, и внутренние чертоги Юга, создал великое неисследимое и чудесное без числа. Он пройдет надо мною, и не вижу его, пронесется и не замечу его, он схватит — и кто возбранит ему? Кто скажет ему? Что ты делаешь? Под ним согнутся помощники Рахаба. Могу ли я отвечать ему, подпирать слова свои в состязании с ним? Хотя я и был бы прав, я не возражал бы, а только умолял бы судию моего. Хотя бы я позвал его и он ответил бы мне, то я не поверил бы, что он услышал мой голос. Поэтому и говорю я все одно: непорочного и невинного он губит, смеется при попытке невинных, отдал землю в руку нечестивого, закрывает

лицо ее судей. А если не он, то кто же? Дни мои несутся, как камышовые ладьи, как орел, летящий на корм. Знаю, что ты не объявишь меня невинным. Я окажусь виновным, для чего же я напрасно томлюсь? Когда бы я омылся водою снежною и щелоком очистил руки мои, то и тогда бы в ров погрузил бы меня и возгнушались бы мною одежды мои. Ты не человек, как я, чтоб я мог отвечать тебе и идти с тобою на суд. Нет между нами посредника, который положил бы руку свою на нас обоих. Твои руки образовали меня, а не ты ли вылил меня как молоко и сгустил меня как творог? Кожею и плотию одел ты меня, сплел меня из костей и жил. И зачем ты вывел меня из чрева? Пусть бы я был как небывший, от утробы перенесся бы ко гробу. Отступи от меня, чтобы мне ободриться, пока не отойду в землю тьмы и сени смертной. В землю, которой свет, как мрак, где тень смертная и неустройство, где светло, как во мраке.

Цафар Намти:

— Пустословие твое заставит ли меня молчать, чтобы ты глумился, и не было посрамляющего тебя. О, если бы бог открыл тебе тайны премудрости, то ты увидел бы, что в ней прозорливости вдвое более, чем у тебя. Неужели постигнешь ты сущность божества, неужели доищешься до совершенства Всемогущего? Мера его длиннее земли и шире моря. Он знает людей порочных и видит беззаконие, которого не замечают. Это должен разуместь даже человек, родившийся диким ослом.

Иов:

— Конечно, только вы люди и с вами умрет мудрость. Но и у меня есть сердце, как у вас; не ниже я вас. Но стал я посмешищем — праведный, непорочный. Спокойны шатры грабителей и безопасны раздражающие бога. Спроси у скотов и у птицы небесной, и они возвестят тебе это. Побеседуй с землею, и она наставит тебя, и скажут тебе это рыбы морские. *(Затем, забыв свои укоризны богу, автор продолжает от имени того же Иова совсем обратное):* — У бога премудрость и сила, совет и разум. Что он разрушит, то не построятся, кого он свяжет, тот не высвободится. Он остановит воды и они высохнут, пустит их и изроют землю; обливает стыдом знаменитых и ослабляет пояс могучих; размножает народы и губит их. Отнимет ум у глав народа земли и оставляет их блуждать в пустыне безродной. Ощупью ходят они во тьме, а не в свете, и шатаются подобно пьяному. Все это видело око мое, слышало ухо мое и заметило для себя. Сколько знаете вы, знаю и я; не ниже я вас. О, если бы вы только молчали! Это было бы вменено вам в премудрость. Надлежало ли вам говорить неправду ради богов? Надлежало ли вам быть лицеприятными к нему? Хотите ли обмануть его? Память о вас подобна праху. А я буду говорить богу, что бы ни постигло меня. Покажи грех мой? Для чего счи-

таешь меня врагом тебе? Сухую ли соломинку ты преследуешь? О, если бы ты в преисподней сокрыл меня, пока прошел бы гнев твой, а потом вспомнил бы обо мне! Когда умрет человек, то оживет ли?

Эли-фаз:

— Может ли мудрый выражать мнения ветренные и наполнять восточным ветром свое чрево? Обвиняют тебя уста твои, а не я, и твои губы свидетельствуют против тебя. Разве ты первым человеком родился и прежде холмов создан? Что знаешь ты, чего не знали бы мы? Что такое человек, чтоб быть ему чистым и чтоб быть праведным рожденному женщиною? Вот, он святым своим не доверяет, и небеса не чисты в очах его: тем больше гнусный и растленный человек, пьющий, как воду, беззаконие.

Иов:

— Скучные утешители все вы. Мог ли бы я так же говорить вам, как вы, если бы вы были на месте моем? Я принес бы вам веселье. Подкреплял бы вас устами моими. А теперь, если я буду говорить, не утолится скорбь моя; а если и перестану, то что отойдет от меня? Бог разрушил всю семью мою. Гнев его враждует против меня; бог скрежещет на меня зубами своими, как неприятель мой, остриг он на меня взоры свои. Все сговорились против меня. Гробу говорю: ты мой отец, а улитке — ты мать моя и сестра моя.

Билдад:

— Доколе вы все будете гоняться за словами? Зачем считать вас за животных и унижать в собственных глазах наших? О ты, терзающий душу свою в гнев своем! Неужели для тебя опустеть земле и сдвинуться скале с места своего?

Иов:

— Доколе будете вы мучить меня речами? Вот, я кричу: обида! И никто не отвечает мне; вопию, и нет суда. О, если бы были записаны в книге слова мои, вырезаны резцом железным с оловом на скале на вечное время! Но я знаю, искупитель мой жив, и явится он наконец над моим прахом, и отрешившись от плоти моей, узрю бога. Я сам узрю его, мои глаза увидят его, но глаза другого; истаивает сердце мое от ожидания в груди моей. Если вы будете еще говорить, что корень зла находится в нем, то убойтесь меча, потому что яростно наказание меча, чтобы вы знали, что есть суд.

Цафар:

— Упрек обидный для меня выслушал я, и дух ума моего будет отвечать за меня. Знаешь ли ты, что с того времени, когда поставлен человек на земле, веселие беззаконных было кратковременно, и радость злодея мгновенна? Навеки пропадает он как кал его, видевшие его скажут: где он? Умертвит его язык ехидны, не видеть ему ручьев, рек, потоков меда и густого молока, потому что он угнетал бедных, грабил дом, а не строил его.

Иов:

– Выслушайте речь мою и да будет это вместо утешений ваших. Терпите меня, пока я поговорю, а после того, как поговорю, насмехайтесь. Разве на человека жалоба моя? Как же мне не быть малодушным? За что незаконные живут, состареваются и силами крепки? Дети их устроены перед лицом их, и потомки их пред глазами их. Дома их в благополучии без страха, и нет жезла божия на них. Зачинает телица их и не выкидывает. Выпускают они малотой своих как стадо овец и дети их прыгают и радуются под звуки тимпана и цитры и веселятся они при голосе свирели. Проводят они в счастья дни свои, и однакож говорят богу: отойди от нас; мы не хотим знать путей твоих. Что такое вседержитель, чтоб нам служить ему? Спросите у путешественников, и свидетельства их не чуждайтесь. В день гибели пощажен бывает злодей. И провожают его к гробу, когда умрет, и на могиле ставят стражу. Сладки для него глыбы земли, и все человечесвто влечется за ним. Как же вы хотите утешить меня пустым? В ответах ваших одна неверность!

Эпифаз:

– Вот бог на высоте небес, взгляни на звезды, как они высоко! А ты говоришь: сквозь мрак ли судить ему? Облака завеса его, он ничего не видит, а только ходит по небесному кругу. Неужели ты держишься пути древнего века, по которому шли люди незаконные, говорившие богу: отойди от нас, и думавшие, что ничего не сделает им вседержитель? Если ты обратишься к вседержителю, то будешь устроен. Если удалишь незаконие от шатра твоего, то будешь считать за прах металл блестящий, и за камни золото Офирское.

Иов:

– О, если бы я знал, как придти к престолу его! Я изложил бы пред ним мое судебное дело, и уста мои наполнил бы доказательствами. Для чего уводят осла у сирот, берут в залог вола вдовицы? Для чего нагие ночуют без одеяния на стуже, и не имея прибежища обнимают скалу? Отчего отторгают от сосцов сироту и наводят гибель на бедного? Стоны людей слышны из города и вопиет душа убиваемых; а бог не смотрит на беспорядок. Око прелюбодея ждет сумерков, говоря: пусть не увидит меня ничей глаз. Не так ли? Кто обличит меня во лжи и в ничто обратит речь мою?

Вилдад:

– Как быть правым человеком перед богом, и как явиться чистым рожденному женщиною? Вот, даже луна и та не светла, и звезды не чисты пред очами его; тем не менее человек, червь, а сын человеческий моль.

Иов:

– Как ты помог бссильному поддержать мышцу немощного! Кому ты предлагал слова и чей дух исходил из тебя? Перед богом рефаимы трепе-

шут из-под воды. Обнажена преисподняя пред ним и нет покрывала Аваддону. Он распростер север на пустыне и свесил землю ни на чем. Он связует воды в облаках своих, и не расседается облако под ним. Черту провел он на поверхности воды до границ света с тьмою. Столпы небес трясутся и ужасаются от грозы его. Силою своею волнует он моря и умом своим сражает крокодила. Таковы края путей его, а гром могущества его кто себе представит? У серебра есть место, где его находят. Железо получается из праха и камень переливается в медь. А мудрость откуда? Где место разума? Не знает человек цены ее и она не обретається на земле живых. Бездна говорит: не во мне она; и море говорит: не у меня. Нельзя дать самого лучшего золота за нее и не отвешивают серебра в уплату за нее. Откуда же приходит мудрость? И где место разума? Сокрыта она от очей всего живущего и от птиц небесных утаена. Аваддон и смерть говорят: ушами нашими слышали мы слух о ней. Но бог знает путь ее, и он ведает место ее. Если я поднимал руку мою на сироту, то пусть плечо мое отпадет от спицы и кисть руки отломится от локтя. Полагал ли я в золоте мою надежду? Радовался ли я погибели врага моего, и восхищался ли, когда постигало его несчастье? Скрывал ли я, как человек, мои пороки?

Эл-иева Вузи (после того, как три старшие друга не знали, что ответить):

— Молод я летами, а вы старцы и я боялся высказать мое мнение. Но дух, живущий в человеке, дает ему смысл. Не многолетние бывают умны, и не старики понимают правое дело. Вот, я ждал ваших слов, выжидал благоразумных суждений. Но никто не опроверг Иова. Не говорите же: мы постигли мудрость. Не ко мне Иов обращал свою речь, и я не вашими словами отвечал бы ему. Но не стало более у вас речей. Поэтому выскажу мнение свое и я. Вся внутренность моя рвется, как новый мех от неоткупоренного вина. Открою же уста мои и буду отвечать. Дух божий создал меня и дыхание вседержителево оживляет меня. Если можешь, отвечай мне, Иов. Ты говорил: чист я и без греха, нет вины во мне, а бог считает меня врагом себе. Бог поставил в колоду ноги мои, подстерегает все стези мои. Но в этом ты неправ, потому что бог выше человека. Зачем ты с ним препираешься? Из-за того, что он во всех делах своих не дает отчета? Ведь бог говорит с нами в ночном видении и во время дремоты на постели. Он открывает тогда ухо человека, чтобы отвести его от какого-либо дела, предохранить его душу от погибели. Люди умные, послушайте меня. Далека бог от неправды и вседержитель от неправосудия. Он платит человеку по делам его и не извращает правду. Кто вверил ему землю, и кто возложил на него всю вселенную? Если бы он обратил только на себя свое сердце и взял к себе свое дыхание, то умерла бы всякая плоть. Может ли

ненавидящий правду управлять? И можешь ли ты всеправедного обвинять? Он не взирает на лица князей и не предпочитает богатого бедному, потому что все они — дело его рук. Когда он даст покой, то кто может произвести возмущение? Когда он сокроет лицо, то кто может узреть его. Гремит бог гласом своим: совершает великое неведомое нам. Он говорит снегу: пади на землю. На руку всякого человека налагает печать для врачумления всех людей, сотворенных им. Из внутреннего покоя юга приходит буря и с севера холод. От дыхания божия происходит лед и пространство вод делается слитком. Обильною водою обременяет он тучи, и облако рассыпает молнию его. Слушай это, Иов. Стой и созерцай чудеса божии. Можешь ли ты подняться к нему на небеса, твердые, как зеркало литое? Не могут люди глядеть на солнце, которое ярко сияет в небесах. Великий в силе и множестве правды, бог никого не угнетает и не взирает ни на кого из высокоумных.

Бог (Иову, вылетев из вихря):

— Кто ты, помрачающий промысел речами без смысла? Теперь я буду спрашивать тебя, а ты отвечай мне: где ты был, когда я основывал землю? Скажи, если обладаешь ведением! Кто назначил пределы ее? Кто протянул по ней измерительную вервь? Во что водружены основания ее, и кто положил ее краеугольный камень при общем ликовании утренних звезд, когда радостно восклицали все сыновья божии? Кто заградил вратами море, когда оно исторглось из матернего чрева земли, когда я облака сделал одеждою его и мглу пеленами его, назначил ему предел и сказал: доселе ходи, а не далее. Повелевал ли ты когда-нибудь утру, и указывал ли ты заре место ее, чтобы она обхватывала края земли, чтобы стряхнулись с нее незаконные? Дошел ли ты до источников моря, и ходил ли по дну морскому? Обозрел ли ты широту земли? Где дорога к жилищу света? Где место мрака, заметил ли ты стези к дому его? Доходил ли ты до хранилищ снега, которые я берегу на опасное время войны? Есть ли у дождя отец? И кто родил капли росы? Из чьего чрева вышел лед и иней небесный, — кто родил его? Сожешь ли ты связать узел Плеяд и разрешить узы Ориона? Можешь ли ты вывести зодиакальные созвездия в свое время, и Медведицу с детьми ее водить? Знаешь ли ты законы неба и можешь ли установить порядок его на земле? Можешь ли посылать молнии, и скажут ли они тебе: вот мы? Кто положил внутрь (человека) мудрость, и кто дал сердцу разум? Кто исчисляет облака мудростию, и мехи небесные проливает в то время, когда земля смерзается в слитки, и глыбы слипаются друг с другом? Ты ли хочешь ниспровергнуть мой суд, обвинять меня, чтобы самому оправдаться? Если мышцы у тебя как у бога, и ты можешь возгрезеть голосом, как он, то укрась себя славою и величием. Вот

бегемот, которого я создал вместе с тобою; его сила в чреслах его и крепость в мышцах чрева его. Он изгибает хвост свой, подобный кедру; жилы в ляшках его переплелись. Кости его — трубы медные. Это первое из творений божиих. Творец его дал ему меч (?) его. Под лотосовыми деревьями он лежит, под кровом тростника и в болоте; окружают его ивы, растущие при ручьях. Бушует ли река, он не трепещет. Он стоит смело, хотя бы Иордан (у берегов которого нет никаких бегемотов) вливался в уста его. Возьмет ли кто его, и проколет ли ему нос с тенетами? Можешь ли ты вытащить левиафана удочкою? Проденешь ли тростник через нос его, и проколешь ли иглою щеки его? Станет ли он делать договор с тобою, и возьмешь ли ты его в рабы вечные? Станешь ли играть с ним, как с птичкою, и свяжешь ли его для девочек твоих? Кто подойдет к его двойным челюстям? Вокруг зубов его ужас. Покров его кожи щиты, скрепленные твердою печатью, и воздух не пройдет между ними. Чихание его озаряет тебя светом, и глаза его, как ресницы зари. Из пасти его исходит пламя, вырываются огненные искры. Из ноздрей его выходит дым, как из кипящего котла, и пламя выходит из его пасти. От лица его бегут звери. Сердце его твердо, как камень и жестко, как нижний жернов. Когда он поднимается, силачи теряются от ужаса. Касающийся его меч не устоит. Он считает железо за солому, медь за гнилое дерево. Не прогонит его сын лука, он смеется свисту дротика. Внизу у него острые черепицы, он лежит на грязи, как зубчатый каток. Море превращает в кипящую кастрюлю. За ним светится стезя, бездна кажется сединой. Нет на земле подобного ему, он сотворен бесстрашным.

Иов (богу):

— Знаю, что ты все можешь, и ничто не способно воспрепятствовать исполнению твоего намерения. Я говорил о том, чего не понимал. По слуху только я слышал о тебе, а теперь око мое увидело тебя. Поэтому я отрицаюсь от слов своих и раскаиваюсь на прахе и пепле.

Бог(Элифазу):

— Теперь загорелся гнев мой на тебя и на двух друзей твоих за то, что вы не говорили предо мною так справедливо, как раб мой Иов. И так, возьмите у себя семь тельцов и семь овнов, подойдите к Иову и принесите всесожжение за себя. А Иов помолится за вс, потому что только на его лице я буду смотреть, чтобы не наложить на вас наказания за то, что вы не говорили предо мною так справедливо, как раб мой Иов.

Эпilog

И пошли Елифаз-Феманитянин и Виллад-Савхейянин, и Софар-Наамитянин, и сделали так, как изрек им господь. И возвратил бог благосостояние Иову, когда он помолился за друзей своих, и умножил все, что было у

Иова, вдвое. И пришли к нему все его братья и сестры и все прежние знакомые его, и ели с ним хлеб в его доме, и утешали его за все бедствия, какие навел на него бог, и дал ему каждый по одной кесе и каждый по одному кольцу золотому. И благословил бог последние дни Иова более, чем первые: и было у него четырнадцать тысяч мелкого скота и шесть тысяч верблюдов, и тысяча пар волов, и тысяча ослиц. И родилось у него семь сыновей и три дочери. И нарек он имя одной – Емим, имя второй – Коциа, и имя третьей – Керенгапхух. И не находилось женщин столь прекрасных, как дочери Иова, на всей земле. Он жил после этого сто сорок лет и видел своих внуков до четвертого поколения.

Такова библейская книга Иов, в сокращенном переводе. В полном виде она выходит много скучнее. Но даже и в этом изложении читатель видит, что собеседники толкуются на одном и том же месте, варьируя те же самые мысли на всякие лады, а в полном виде, кроме таких вариаций, мы видим еще и повторения и несуразные вставки, объясняемые мною тем, что раньше, чем это произведение было закреплено в настоящем своем виде печатным станком Гуттенберга около 1450 года нашей эры, оно не раз поправлялось грамотеями-переписчиками.

Но для серьезного исследователя здесь важны не мелкие детали, а общий характер произведения, который вполне вырисовывается в моем сокращенном переводе.

Читатель сам видит, что это произведение того же типа, а следовательно и того же времени, как многочисленные философские трактаты Эпохи Возрождения, написанные в виде разговора или спора двух, а иногда и более собеседников.

Уже известный моим читателям гебраист Борис Исаович Топоровский спрашивал даже меня, не представляет ли это произведение театральной пьесы!

Но если оно и написано для этой цели, то едва ли выдержало много представлений, так как в нем не достает самого нужного для сцены – ДЕЙСТВИЯ. Наблюдать часа два или три на сцене пятерку сидящих друг против друга и разглагольствующих приятелей было бы настолько скучно, что если б публика и не разошлась до окончания представления, то уж не пошла бы на него второй раз, особенно в местах, где плохо понимался еврейский язык, или плохо слышалась речь на более отдаленных седалищах театра.

Но для объяснения разговорной формы изложения нет никакой необходимости прибегать к театральному приспособлению этого произведения, виду уже указанной мною наличности в Эпоху Возрождения многих философских трактатов, написанных в виде собеседования двух или нескольких лиц.

Тут можно только сказать, что если б это произведение принадлежало не только древности, но даже и началу средних веков, то оно оказалось бы совершенно одиноким по своей форме, не говоря уже об идеологии. А как только мы отнесем его, например, к XII или XIII веку, то оно сразу попадает в эволюционном отношении на свое надлежащее место, а потому и должно быть приписано тому времени.

А относительно того, где и на каком языке оно было первоначально составлено, можно лишь сказать, что это было в такой стране, в которой замерзание воды не представляло уже редкости. «Доходил ли ты до хранилища снега и льда, которые я берегу на опасное время войны?» – спрашивает бог (XXVIII,23).

А в другом месте говорится о том, что «вода делается слитком от дыхания божия» (гл. 37,10). Это не может объясниться одним присутствием снега на вершинах гор, а только действительным прочным замерзанием воды в бассейнах и озерах или реках. Из описания бегемота, водящегося только в центральной и южной Африке, еще нельзя вывести, что книга эта написана в Верхнем Египте. Рассказы об этом животном в средние века ходили по Европе.

В 26 главе земля считается здесь уже «повешенной ни на чем» (26,7).

В третьей главе (ст. 14) говорится о пирамидах, которые называются тут <...>, но и это еще не указывает на Египет, как родину данного произведения; пирамиды были известны со средних веков тоже всей грамотной Европе. Скорее всего, это уже испанско-мавританское произведение, и никак не ранее XIV века нашей эры. Эта библейская книга совсем не цитируется в евангелиях, а в книге Бытие назван другой Иов (46,13), и в Иезекииле (14,4) это, вероятно, позднейшая вставка. Лишь в «Послании Иакова» (5,11) этот Иов упомянут несомненно, так как там спрашивается: «Вы слышали о терпении Иова?»

А между тем рассмотренное нами произведение – такая философская книга, что упоминания о ней в новом Завете были бы многочисленны, если б она была тогда известна.

И вот является вопрос: если эта книга написана в эпоху крестовых походов, то значит, и тогда кроме бога отца признавались евреями и многочисленные сыновья, не говоря уже о том, что творец миров считался не только по внешности, но и по психике совершенно антропоморфным.

А написана она (или переписаны с обыкновенной бумаги) на высушенных, как для гербария больших платановых (?) листьях, которые по одной своей хрупкости могли бы существовать и нескольких десятков лет, если употреблялись время от времени для чтения. А бережно хранить их как гербарий, не читая сотни лет, в предчувствии приезда европейцев, которые их купят у потомков, – какому иудейскому патриарху пришло бы в голову?

Глава IX

БЫЛИНЫ СУНДАС И УПАСУНДАС

Образчик действительно национальных сказаний в индусской Мага-Барате

Мы видели сейчас в большой корзине рассказов, собранных европейскими коллекционерами в Индии и названной ими Мага-Баратой целый роман европейского скелетного типа «Наль и Дамаянти», как нечто вставное в остальное содержание корзины. А теперь посмотрим хоть один образчик и остального содержания, и мы увидим огромную разницу в их стиле и конструкции. Беру наудачу хоть следующий

Сундас и Упасундас¹

Ты послушай со вниманием
Эту повесть, что скажу тебе.

.....

В роде доблесных асурасов²

Был один – Асур по имени.

Он между вождями Дайтиев³

Своей силой и отвагою

Так блистал, как солнце яркое,

И два сына родились у него –

Такие же богатыри крепкие,

Сунд и Упасунд, по имени.

Груб и жесток был нрав их,

Сердца их были железные.

Но думою одной сопряженные,

Всегда заодно друг с другом действуя,

Два эти суровые Дайтия,

На единый миг не расставались.

¹ По переводу Коссовича. Москвитянин 1844 г. Февраль.

² Титанов, могучих великанов, будто бы живших сначала на земле.

³ Дайтья (по Коссовичу <...>) значит просто – создание. Эти Дайтья считаются добрыми творениями Ормузды (Агуры-Мазды – творцы света), не испорченными врагом чистоты Ариманом (Аиро-Майньем) – сатаной. Но это плохо соответствует и поведению в рассказе о Сундасе и Упасундасе, как увидим далее.

Радость и горе были у них общие,
Друг без друга и не ели они,
Друг без друга не ходили никуда,
Лишь угодное друг другу делали
И говорили друг другу – угодное.
Мысля заодно, поступая заодно,
Оба сделавшись существом одним,
Они выросли, великие богатыри,
И единою думою дело задумали:
Все три мира завоевать захотели они,
Землю, и воздух, и небо самое.
А чтобы власть получить для этого,
Они к горе Виндгях пошли
И свершили там покаянья страшные.
Лишь воздух да ветер служили им пищею,
И на кончиках пальцев, как камни недвижимые,
Стояли они, подняв руки вверх,
Не вращая глаз, много времени...
Их жар бесконечный горел до того
Что гора Виндгях накалилась им
И проникнул огонь ей в каменные кости,
И дым покатился столбом к небесам,
И страшно и чудно зарделась гора⁴.
И Праотец мира к асурам великим
На гору Виндгях низошел
Почтил их вопросом: «чего вы хотите?»
А Сунд с Упасундом, суровые братья,
Предстали пред богом сложив свои руки,
И так говорили великому богу:
– Если нашим покаяньем
Бл отец миров доволен
То пред нами да не будет
Сокровенных тайн волшебства,
И оружие врагов всех
Об наш щит да сокрушится....
Пусть все твари нас страшатся,
Мы же кроме себя только
Никого не убоимся.
– Что желали, что сказали,

⁴ Значит, автору известны были вулканы.

То даю, – ответил Брама⁵.
Лишь по вашему ж желанью,
Не иначе, вы умрете.
Благодать принявши Брамы
Вожди дайтев, братья оба,
Возвратилися в дом отчий.
И весь город славных дайтев
Утопал в увеселеньях.
В наслаждениях бессменных
В упоении год целый
Был не год, а день единый.

2

Как исполнилася мера
Ликованьям, цари дайтев
Властолюбием пылая
Принялись за покоренье
Трех миров. Созвали войско.
И – несметные дружины
Поднялися по наказу
Воевод своих, двух дайтев,
И простившися с друзьями,
Со старейшинами, с думой,
При напутствиях веселых
Дайтев двинулися ночью
При мерцаньи звезд небесных.
В поле выступили, братья.
Они вышли с сильной ратью,
И у каждого из воинов,
Была палица железная,
Или стрелы закаленные,
Иль копье в деснице острое,
Или млат, дробящий вдребезги.
И вся рать – закон свой ведала,
А числу всей рати – счету нет.
А чираны⁶ вдохновенные

⁵ Т.е. бог-Слово, откуда видно, что автору было уже известно средневековое ромейско-византийское учение о Логосе, выраженное впервые в Евангелии Иоанна (I,1): «В начале было Слово (Логос), и слово было у бога, и слово было – бог».

⁶ По Коссовичу «род воздушных гениев».

Песни дайтъям пели чудные,
Прославляли их могущество
И победу предвещали им.
И – при чудных звуках песней тех
Дайтъя шли, восторга полные.
И на воздух поднялись они,
Как им любо, подвигались там,
И взлетели оба дайтъя
До пределов, где богов жилье.
К обиталищу их светлому,
Преисполнясь жара бранного
И охоты богатырския
Поборотся там с бессмертными.
И узнавши о прибытьи их
И о власти, им дарованной
Боги бромии жилья свои
В область Брамьы воспарили все.
Водворившись таким образом
В областях Индрьы могучего,
Оба брата с того начали,
Что Яктасы и Ракшасы все
И все существа воздушные,
Их стрелами пораженные
Всюду землю позасыпали,
Да и воды запрудили все.
Так с ужасною жестокостью,
В областях Индрьы могучего,
Два асураса великие
Истребляли все живущее.
И внутри земли ходящих
Покоривши змей, герои
Всех приморских иноземцев
Покорили за единый раз.
А потом жестоконравные,
Приступив к завоеванию,
Что ни есть, земли всей твердыя
Они созвали дружины все,
И такую речь суровую
Ополчениям своим молвили:
– Все цари – дарами щедрыми

А брамины – совершением
Жертв своих преумножают здесь
Крепость, блеск богов и счастье их.
Их молитвами смиренными
Расцветает слава божия.
А асуры всем враги они,
Значит нам единодушно всем
За работу взяться надобно,
Умерщвлять их всюду надо нам,
Где лишь только мы ни встретим их.

3

Так на восточном берегу моря великого
Два богатыря говорили своим войскам
Слова эти страшные,
И жестокосердных помыслов преисполненные
Они разошлись на все стороны, по всей
Что ни есть, твердой земле.
И везде дваждырожденных⁷
И богам творящих жертвы,
Умерщвив насильственной смертью,
Подвигались все дальше.
По обителям отшельников,
Просветленных созерцанием,
Рати дайтиев надменные,
Сам огонь жертвопылающий
Побросали в воду с яростью.
Еслиж кто с душой высокою
Из богатых благочестием,
Воспылав негодованием,
Изрекал дайтьям проклятия, –
То проклятия те не брали их.
А как не брало их проклятие
Что стрела в гранит ударившись,
То – браманы все смиренные
Разбежались, кто куда лишь мог.
Все святые, совершенные,
Покаяньем озаренные,

⁷ Дважды рожденные (движдами) назывались две высшие касты: Брагманов и Кшатриев.

Что земное бремя свергнули,
Безмятежность воспринявшие, разбежались всюду с робостью,

Как бегут змеи ползучие
Перед клювом Вайнатейным⁸.
Опрокидывали дайки священные обители,
И сосуды священные разбивали вдребезги.
Мертвая пустота повсюду водворилась от них.
Будто бог – времени единым мгновением
Умертвил все жто.
Когда же не стало пред взорами дайтиев
Ни царей, исповедующих мудрость,
Ни мудрецов созерцателей, –
Верные своему делу, грозные асурасы,
Не переставали продолжать убийств своих
Жаждою истребления обуюнные
Словно слоны с растрескавшимися щеками⁹,
На недоступные места умели взойти они
И там безмятежно покоющихся
Низводить – в область спокойствия Ямаса¹⁰,
В образе львов и тигров,
И лишая себя всякого образа,
Невидимкой умели налетать они
На мудрецов, перед ними укрывающихся.
Где ни отыскивали их они разными ухищрениями,
Везде умерщвляли безжалостно.
Не стало жертвоприноешний на земле,
И чтения Вед не стало.
Когда правители людей и жрецы
Были повсюду убиты,
Празднества торжественные замолкли.
Лишь воплями и стонами оглашалась земля,
Продажа и обмен прекратились на земле,
Обряды божественные исчезли.
И целомудренное супружество было брошено.
Ни пахарей, ни пастырей не существовало более.
Города человеческие и хижины рушились,

⁸ Вайнатей – птица мифическая, враждебная змеям.

⁹ Признак раздраженного сластолюбия у слонов в известную пору.

¹⁰ Ямас – смерть от корня ЯМ – яму, беру. Отсюда, конечно, русское слово – яма.

Костями и остовами наполненная земля
Представляла зрелище ужасное.
Образ вселенной страшен был тогда.
И созерцать его не могло бы никакое око.
Луна и солнце,
Планеты, звезды
И небожители
Все онемело от исступления,
Видя, что сделали Сундас и Упасундас...
Покорив все области вселенной
Своими жестокосердыми подвигами,
Они в дом свой в Курукше, воротилися.

4

Все божественно-премудрые,
Все святители просветленные
Бесконечную скорбью были проникнуты
Глядя на такие перевероты ужасные.
Смиривши порывы гнева в себе
И желания души и чувства смиривши,
Горько горюя о вселенной страждущей,
Отправились они к обиталищу Прародителя.
И узрели они отца великого
Восседающим вместе с богами светлыми.
Святители и Брамо-мудрые
Окружали его со всех сторон,
Великий Бог Магадева был там
И Агнис – Огонь с Ветром-Ваюлом
И Луна и Солнце были там
И высочайшие гении премудрости.
Анахореты небесные были там
И херувимы птичками порхающие,
И гении лесов
И лучей обладатели,
Духи нерожденные и духи восторженные,
Духи блеска, цветения и силы душевной, -
Все это премудрое собралось к Прародителю.
Представши перед Брамою, в унынии
Эти мудрецы божественные
Рассказали все деяния,
Что соделаны были Сундом и Упасундом;

И каким образом делали они что,
И какого рода дела делали,
Все это с совершенной подробностью,
Изложили они Прародителю.
И тогда богов сонмы все,
И мудрецы возвышенные,
Домогались решения его настоятельно.
И услыша эти речи их сонма, Великий Брама
На мгновение погружен был
В думу о том, какой оборот дать делу
Решению его подлежащему,
И – смерть обоим братьям определил он.
Подозвал к себе Праотец Всетворящего¹¹
И повелительное слово молвил ему:
– Да сотворена будет женщина
Прелестью всех увлекающая,
И – угодная мне благочестием.
И тогда Всеобразующий
Склонил главу свою перед Праотцем,
Отрешился от самого себя.
Он творил в уме своем женщину дивную,
Взвешивал и обдумывал свое творение.
Во едино он свел тогда
Все, что есть в трех мирах превосходного,
В существах неподвижных и движущихся
Здесь и там повсеместно разбросанных.
Неземной красотой пламенящую
И алмазно-жемчужным убраством сияющую
Сотворил он красавицу
По приказанию Праотца.
И творение свое совершенно
Он рядами бриллиантов¹² украсил еще,
Словно чисто небо созвездиями.
Никакая женщина во всех трех мирах
Не могла идти с ней в сравнение.
На что ни обрати ты внимание

¹¹ Висва-карман, все-творящий, или небесный художник, служащий при Брагме и соответствующий греческому Гефесту.

¹² Откуда мог знать автор о бриллиантах? Ведь не граненый алмаз простой, неэффективный камень.

Все было в ней совершенством проникнуто.
И это совершенство было столь великое,
Что приковывало даже небожителей.
Не было атома в целом существе ее
Где бы взор их не утопал в наслаждении
Чарующая, стовно вторая Венера-Лактмия
Им влекущая к себе любовью, и красотою ненаглядною
Приковала она к себе очи и сердца
Всех существ разумеющих.
Сколько зерен золотистых
В колосочке проса стройном
Столько камней самоцветных
Собралось в ее уборе.
Посему и Тилетгамой
Самым лучшим колосочком¹³
Ее назвал тотчас Брама.
Поклонившись Прародителю
И перед ним сложивши руки,
Речь такую она молвила:
– Царь существ, какое дело
Совершить мне подобает?
Для чего здесь создана я?
– Ты пойдя к Сунд-Упасундам,
К Асурасам, Тилетгама,
И красою вожделенной
Зароди в обоих страсть к себе:
Чтоб от взгляда на тебя, красавица,
От совершенства красоты твоей
Между ними произошел разлад
И – друг другу, чтоб помехою
Они стали. Это сделай ты.
– Да свершится твоя воля, –
Так сказала Тилетгама.
Поклонившись Прародителю
Всех премудрых небожителей
Обошла она с приветствием.
На востоке сидел Богован,
К стороне юга сидел Мага-Сар¹⁴,

¹³ «Самый лучший колосочек» – вставлено здесь, как перевод Санскритского слова Тилетгама.

¹⁴ Великий царь – Вишну, т.е. Вышний, Всевышний.

А другие боги к северу сидели,
Мудрецы ж были по всем сторонам.
Совершая круговой свой привет
Обращалась к ним она стороною правою.
Индра и непоколебимый Банаван,
Всем существом своим стремились к ней.
У Багавана-Сивы от желания на нее глядеть
Как на южную сторону повернула она
Обходя с приветом небожителей,
Возникло вдруг второе лицо – южное.
Когда же позади него кружилась она,
На нем появилось лицо западное,
А когда на север пошла она –
Возникло у него – лицо северное.
И на Индре, на могучем,
В это же время появились
Позади, с боков и спереди
Всюду тысячи глядящих глаз¹⁵.
Каждый глаз его горел тогда
Словно вырваться хотел он к ней,
Словно к ней хотел он улететь.
От всего то непреклонный Мага-дев¹⁶
Лиц четыре в это время получил
А бог Индра свои тысячи глаз.
И у собранных богов
И у мудрецов великих,
Как ходила Тилеттама,
Обращались к ней все лица.
Кроме Праотца миров.
А как с глаз их отошла она,
То совершенством красоты ее
Упоены были все боги
И говорили про себя:
– Как опустело все теперь, увы!
Когда ж сошла на землю Тилеттама,
Творец миров всех отпустил богов и мудрых по домам.

¹⁵ Это прямо из Апокалипсиса.

¹⁶ Великий Бог.

Победивши всех два дайтья,
Ни врагов, ни нападающих
Не встречая больше в трех мирах
Уничтожив весь порядок в них, -
Все, что сделать могли, сделали.
У богов, царей и ракшасов
Все сокровища исхитивши
Беспредельным наслаждениям
Предавались. И как не кому
Было вновь поднять оружие, -
Без закона долго будучи,
Они жили, как бессмертные.
Прелесть женскую с цветами,
Благовония, обилие
Яств и лакомств утонченных,
И питья разнообразье,
Наслаждений всяких чашу
Испивали оба дайтья.
Вся любовь их, все их счастье
В этой чаше утонуло.
И дворцы их золоченые,
И роскошные их рощи,
И убранная цветами
Гор покатоги, — места все,
На которых лишь хотелось
Проводить свое им время,
Оглашались пированьем.
Раз на склоне Виндгияха,
Под шатром ветвей Саляса¹⁷
Учредили они пир свой.
Принесены туда были престолы божественные
Всем удобствам неги отвечающие,
Превосходные, лелеющие, -
И на этих престолах, с красавицами
Восседая, пировали они.
И другие красавицы,
Гармонию сладкозвучного Вадишра¹⁸

¹⁷ Дерево, отличающееся цветами удивительной красоты и чудного запаха.

¹⁸ Музыкальное орудие.

С гармонией своей чудной пляски сливаючи,
Приближались к ним со своими песнями.

А в то время Тилеттама,
Проходя в лесу дремучем,
Рвет цветы. Наряд прельщения
Покрывает ее члены,
Словно радуга, спустившись,
Эти члены обхватила,
Словно всю ее одело
Легкое зари сияние,
За которым видно солнце.
Она рвет цветы идя вдоль
По потоку, незаметно
За цветочками следит все.
И пришла она в то место
Где сидели асурасы.

А они, упоенные питьем благородным,
Вдруг увидели эту женщину с чудной поступью, -
Запылали страстью к ней очи богатырские
И сердца их стеснились тоской несказанною.
Воспрянувши с мест и оставив свои престолы,
Оба побежали туда, где стояла дивная,
Оба к ней любовью загорелись неистовой,
Оба обладать ею желали одинаково.
Ее правую руку схватил тогда Сундас,
Упасундас ухватил за левую руку.

И своим могуществом собственным упоенные,
В чаду от богатства, от камней дорогих,
В чаду от пияга разжигающего,
Друг на друга они брови наморщили.

– Мне невеста, тебе – невестка! – говорит Сундас.
– Мне невеста, тебе – невестка! – говорит Упасундас.
– Не твоя!
– Нет, моя!

Ярость дикая
Вдруг вошла в них, и овладела ими.
От упоенных красотой ее
Удалилась дружба и приязнь.
И тот и другой схватили по палице страшной,
И любовью к ней помраченные

Палицами сраженные на землю оба упали они
С членами, обогренными кровию,
Словно с неба упали солнца два.
После этого, все их красавицы
Разбежались, а дружины дайгиев
Все под землю в тартарары пошли,
Пораженные иступлением и ужасом.
А Великий Отец, после этого,
Вместе с богами и с премудрыми
Вниз сошел, с душой пресветлою
Чтобы возвеличить достойно Тилетгаму.
И спросил ее Всевозвышенный:
– Какой благодати желаешь ты?
И выбрала она в благодать себе –
Миры, озаренные светом могущественным,
Непогасающие чистотой и красотой своей.
И благодать ту отдавая ей,
Сказал ласково Праотец так:
– По мирам, по которым солнце расхаживает,
Ты расхаживать будешь, возвышенная,
И не быть тому во всех мирах,
Кто на тебя, сияньем огражденную
В любое время смотреть бы мог.
И эту благодать отдавши ей
Праотец великий всех миров
Возвратил над ними Индры власть

И улетел Всевозвышенный снова в царство Брамь-Слова.

Еще и раньше меня было отмечено, что этот индусский миф напоминает греческое классическое сказание о восстании титанов, т.е. шести гигантских сыновей Неба и Земли (по-гречески Урана и Геи), против бога Отца (Зевса).

А так как слово титан первоначально значило Светило¹⁹, то и рассказ о восстании титанов, бросавших как мячики горы, но низверженных отцом миров в тартарары, мог быть навеян землетрясением при соединении с Солнцем шести планет (время чего трудно определить астрономически вследствие неизвестности созвездия, где сошлись тогда планеты).

¹⁹ От греческого тито (τιτῶν) – день, причем по латыни титонидой (tithonis) называлась утренняя заря, Титанией (Titania) – луна, и Титаном (Titanus) – Солнце.

Возможно, что и эта тема проникла в Индию из Европы, на что намекает и описание вулкана, на котором совершали братья свою подготовку. Но мы видим, что здесь первоначальная астральная символика почти ступшевалась, и только последние строки, сближающие красавицу Тилеттаму с планетой Венерой, придают сказанию снова астральный оттенок. Сундас и Упасундас могут здесь, конечно, олицетворять даже и грозные тучи... Их имена по Санскритски значат <...>. А обращаясь к определению времени, когда было средактировано сказание о Сундасе и Урасундасе в том виде, как мы его тут имеем, мы можем сказать лишь одно: это было в то время, к которому относится и материал, на котором она впервые найдена.

Оглавление

Эволюция стилей мышления (С.И. Валянский).....	5
Пролог. О погружении старинных построек и их развалин в землю, о их хронической деформации как средстве удостоверения их возраста.....	35

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I. Основные законы умственной эволюции человечества.....	51
Глава II. Несколько слов о семитских языках и о их письменности.....	59
Глава III. Первые впечатления от открытия клинописной азбуки.....	67
Глава IV. Еще несколько слов о солнечном – юлианском, о лунном – агарянском, и о солнечно-лунном – мессианском календарях.....	86
Глава VI. Два месопотамские гороскопические камня, изображенные в книге Иеремiasа.....	93
Глава VII. Солнечные и лунные затмения в месопотамских клинописях.....	104
Глава VIII. Массивные памятники «старинного» времени. О любви и влюбленности в современной исторической науке. Первые впечатления от находки «Кодекса Амона» – учителя (Аму-Раби) современника Авраамова в Месопотамии.....	117
Глава IX. Общая и частная характеристика свода законов Аму-Раби, современника Авраамова, и поразительно высокий государственный и гражданский строй, существовавший в то время на земном шаре.....	135
Глава X. АММОН-РАВИН списан с библейского АРОНА (или Моисея), библейские АРОН и МОИСЕЙ с Росейских АРИЯ и ДИОКЛЕТИАНА, и все старо- Вавилонское царство Амму-Раби (Сумеро- Агадийская династия) с ромейских императоров от Диоклетиана до Гонория.....	151
Глава XI. Арамейские (т.е. древне-сирийские) документы одной арианской колонии, найденные на острове Гезирет Ассуан, считающиеся за древнюю Элефантину.....	170

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава I. Следы библейского Арианства в Месопотамии до перехода её к Магометанству. Волшебная сказка о великом Вавилоне.....	183
Глава II. Волшебная сказка о великой Вавилони и о Суммерийском (Самарийском) и Эламитском (элоимитском, т.е. библейском) влиянии в Месопотамии в глубокой древности. Клинописные религиозные представления.....	204
Глава III. Филологические, географические и чисто логические несообразности наших представлений о древней истории Ирана и Ирака. Волшебная сказка о древне-персидском (-538, -330 гг.) царстве безбрачников (ахеменидов по-гречески) и лингвистические следы из него в средневековую Европу.....	216
Глава IV. Агарянское искусство в Месопотамии.....	231
Глава V. «Ассирийское царство» между псевдо-минус 2000 и псевдо-минус 606 годом в сравнении с готским владычеством в Италии во времена Одоакра и Теодориховых готов.....	233
Глава VI. Первая попытка выбраться из топкого Месопотамского болота европейских средневековых историков. Страшный повсеместный перепуг от чрезвычайно эффектного появления кометы Галлея весной 837 года и распадение Римской империи Карла Великого на три части от Каролингов к Ахеменидам.....	247
Глава VII. Наглядное изображение теории вероятности. Вторая попытка выбраться из топкого болота историков. Сравнительный ономатический разбор династии Сирийских Селевкидов-Антиохов и французских Капетингов-Клубучников.....	260
Глава VIII. Третья попытка выбраться из месопотамского болота. Ономатическое сравнение первого периода династии Арсакидов-Портенидов (псевдо -250, -542) Северного Ирана с династией ахеменидов-Безбрачников псевдо-древне-Персидского царства (псевдо -559, -338) и с первым периодом династии Сассанидов-ставленников средне-персидского царства (псевдо +226, +432). Отожествление их всех с Велико-ромейскими автократами от Константина I до Аркадия (+307, +408).....	269

- Глава IX.** Размышления по поводу предшествовавшей главы. Новые доказательства огромного значения Велико-Ромейского императора Юлиана Философа в развитии средневековой теократии и мистической литературы. Отголоски двух метеоритных катастроф в Библии.....281
- Глава X.** Ономагическое сравнение первого периода Парфянских Арсакидов с их вторым периодом. Параллелизм в обоих. Странная ономастика последнего отдела партенидов (Вологецы), хронологические параллелизмы второго периода Сассанидов со вторым периодом Велико-Ромейских царей. Хоз-Рой справедливый – азиатское отражение Юстиниана. Омайяды и Меровинги, Аббасиды и Каролинги. Гарун-аль-Рашид – азиатское отражение Карла Великого. Все старинные сведения об арабских государствах в Азии – испанского происхождения.....294

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Чудеса псевдо-азиатской беллетристики

- Глава I.** Основной закон эволюции человеческой литературы.....317
- Глава II.** Еще немного об арабах. Приключения сына смоковницы. Арабская культура – ромейско-египетская культура. Египетские биографии – романы на надгробиях.....323
- Глава III.** Звезда-царица. Библейский миф о разжаловании звездочки «Метки» Овна из цариц весеннего равноденствия. Книга «Эсфирь», комета Галлея 837 года.....342
- Глава IV.** Носильщик и три сестры. Образчик французских галантных сказок XVIII века в псевдо-арабском сборнике «Тысяча и одна ночь».....371
- Глава V.** Когда и где возник сборник сказок «Тысяча и одна ночь».....423
- Глава VI.** Песнь о Раме (Рамаяна).....473
- Глава VII.** Наль и Дамаянти (образчик скелетного романа европейского типа, попавший в Индусскую Мага-Барату).....499
- Глава VIII.** Библейский спор о Боге. Библейская книга Иов, как образчик средневековых представлений о боге.....528
- Глава IX.** Былины Сундас и Упасундас. Образчик действительно национальных сказаний в индусской Мага-Барате.....543

Вниманию оптовиков!

Издательско-книготорговая фирма

предлагает всегда

широкий ассортимент (более 5 тыс. наименований) книг по

**ИСТОРИИ, ФИЛОСОФИИ, ПСИХОЛОГИИ,
ВОСТОКОВЕДЕНИЮ, НОВОЙ ХРОНОЛОГИИ,
СОЦИОЛОГИИ, КУЛЬТУРЕ**

а также

**альбомы, иллюстрированные издания,
словари, энциклопедии,
учебно-познавательную литературу,
прозу и поэзию**

издательств:

**Республика, Аграф, Аспект-пресс, Логос,
Муравей, Голос, Сибирский хронограф,
Знание, Радуга и многих других**

129343, г. Москва, проезд Серебрякова. 14, «Крафт+»

тел. 186-93-78, 363-68-73

в С.-Петербурге: 141-23-37

E-mail: kraft@podlipki.ru,

www.podlipki.ru/~kraft

МОРОЗОВ Н.А.

**Миражи исторических пустынь между
Тигром и Ефратом. Клинописи**

Отв. за выпуск А.А. Румынский

ИД № 00173 от 27 сентября 1999 г.

Сдано в набор 01.05.00. Подписано в печать 20.11.01. Формат 60x90/16.
Гарнитура «Times». Бумага офсетная. Печать офсетная.

Объем 35 п.л. Тираж 2000 экз. Зак. 352

ООО Издательство «Крафт+»

129343, г. Москва, проезд Серебрякова, 14

Тел. 186-93-78, 363-68-73

Отпечатано с готового оригинал-макета

в типографии ГУП «Облиздат»,

248640, Калуга, пл. Старый Торг, 5.

Тел. (0842) 57-40-70

Общество мироведения

Николай Александрович Морозов Русский ученый-энциклопедист (1854-1946)

Настоящий том - самый поздний из всех 10 томов. Работа над ним началась лишь в 1931 году. Пролог в нем не совсем связан с основным содержанием. В его основу положена книга Б. Николаева "Физические начала архитектурных форм". Полагаем, если бы издание продолжилось, эта работа могла бы стать основой самостоятельного тома. Работа в архиве Н.А. Морозова, когда он будет доступен, возможно, позволит найти какие-нибудь указания на подготовку такого тома.

В книге рассматривается хронология истории Месопотамии, Ирана, обращено значительное внимание на предания "древних" народов, легших затем в основу их эпоса.

